ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Медицинской типографіи

1817 года.

Печатано

по *ВЫСОЧАЙШЕМУ* повелѣнію.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1238 — 1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть; но сей Князь хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстные знаки опустошенія не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить

Бодрость Ярослава.

оное. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ (1). Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ,
Г. 1239. перевезенный изъ Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ
Свойства Георгія. Татаръ до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для защиты Государства; но онъ имѣлъ добродѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ — и граждане благословили его память.

Ко славѣ Государя попечительнаго о благѣ народномъ Великій Князь присоединилъ и славу счастливаго воинскаго подвига. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Яро-

Освобожденіе Смоленска.

славъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ престолѣ Всеволода Мстиславича, Романова внука, княжившаго прежде въ Новѣгородѣ [9].

Междоусобія.

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніилъ воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подъѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: „Граждане! доколѣ „вамъ терпѣть державу Князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый?“ Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: „ты, ты нашъ „отецъ, Богомъ данный! иди: мы твои!“ Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умилительнаго: граждане, по выраженію Лѣтописца, *стремились къ Даніилу какъ пчелы къ маткѣ, или какъ*

жаждущіе къ источнику водному, поздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніилъ принесъ благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевны, Белиной дочери; а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего Князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: „исправтесь!" и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ (3). Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для того, чтобы овладѣть землею Половцевъ. Знаменитѣйшій изъ ихъ Хановъ, Котянъ, тесть храбраго Мстислава Галицкаго, былъ еще живъ, и мужественно противился Татарамъ; наконецъ, разбитый въ степяхъ Астраханскихъ, искалъ убѣжища въ Венгріи, гдѣ Король, принявъ его въ подданство съ 40.000 единоплеменниковъ, далъ имъ земли для селенія (4). Покоривъ окрестности Дона и Волги, толпы Батыевы вторично явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, принадлежавшій Владимірскому Храму Богоматери. Тогда жители Великаго Княженія снова обезпамятѣли

отъ ужаса; оставляя домы свои, бѣгали изъ мѣста въ мѣсто, и не знали, гдѣ найти безопасность. Но Батый шелъ громить южные предѣлы нашего отечества. Взявъ Переяславль, Татары опустошили его совершенно. Церковь Св. Михаила, великолѣпно украшенная серебромъ и золотомъ, заслужила ихъ особенное вниманіе: они сравняли ее съ землею, убивъ Епископа Симеона и большую часть жителей. Другое войско Батыево осадило Черниговъ, славный мужествомъ гражданъ во времена нашихъ междоусобій. Сіи добрые Россіяне не измѣнили своей прежней славѣ и дали отпоръ сильный. Князь Мстиславъ Глѣбовичь, двоюродный братъ Михаиловъ, предводительствовалъ ими. Бились отчаянно въ полѣ и на стѣнахъ. Граждане съ высокаго вала разили непріятелей огромными камнями. Одержавъ наконецъ побѣду, долго сомнительную, Татары сожгли Черниговъ; но хотѣли отдыха, и черезъ Глуховъ отступивъ къ Дону, дали свободу плѣненному ими Епископу Порфирію. Симъ знакомъ отличнаго милосердія они хотѣли, кажется, обезоружить наше Духовенство, ревностно возбуждавшее народъ къ сопротивленію. — Князь Мстиславъ Глѣбовичь спасъ жизнь свою и бѣжалъ въ Венгрію [5].

Батый опустошаетъ южную Россію.

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ Днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской Имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдален-

ныхъ странахъ восточныхъ: ибо Арабскіе Историки и Географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ (6). Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ:
г. 1240. увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра, и по словамъ Лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки,
Красота Кіева. блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ, — высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ Византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, — пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ, свидѣтельствовали грозную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣйшими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили Пословъ Мангу-Хана и
Великодушіе гражданъ. кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя: Михаилъ Всеволодовичь, предвидя

мести Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ (7). Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичь, хотѣлъ овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ Королю Венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ Вождя искуснаго и мужественнаго: Князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную Боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телегъ, ревъ вельблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію Лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ (8). — Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми Воеводами Могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть Гаюкъ (сынъ Великаго Хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы) Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей Китайскихъ, и Бастырь, завоеватель Казанской Болгаріи и Княженія Суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батые-

Осада и взятіе Кіева.

вой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣны. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Ляшскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали „и ломались;“ мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины Россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожь не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и Вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное, и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устилали путь своими труца-

ми; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: „дарую тебѣ жизнь!“ Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать градовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины (9); въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго (10). — Лавра Печерская имѣла туже участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣ-

ста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими (11). Если вѣрить Лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый — узнавъ, что Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ (12), и не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо Татары не знали правилъ чести, и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, Татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичъ, и множество иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ, и сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оста-

вить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть непріятель опасный и готовить рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на Моголовъ. Батый уважилъ совѣтъ Димитріевъ, и вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать последнюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: „Батый „какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, „терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе Князья „Россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались „въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ

Состояніе Россіи.

„между иновѣрными и не находили; славились „прежде богатствомъ, и всего лишились. Ма„тери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами „растоптанныхъ конями Татарскими, а дѣ„вы о своей невинности: сколь многія изъ „нихъ, желая спасти оную, бросались на ос„трый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены Бояр„скія, не знавшія трудовъ, всегда украшен„ныя златыми монистами и одеждою шелко„вою [13], всегда окруженныя толпою слугъ, „сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для „ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки „свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу не„вѣрнымъ... Живые завидовали спокойствію „мертвыхъ." Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Имперіею отъ временъ Ѳеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области [14]. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успѣховъ. Напрасно новые Историки говорятъ о превосходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ [16]: древніе Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя или съ иноплеменниками или съ единоземцами, не уступали какъ въ мужествѣ, так и въ искусствѣ истреблять людей, ни одному изъ тогдашнихъ Европейскихъ народовъ. Но дружины Князей и города не хотѣли соединиться, дѣйствовали особенно, и весьма естественнымъ образомъ не могли устоять

Причина успѣховъ Батыевыхъ.

противъ полумилiона Батыева (16): ибо сей завоеватель безпрестанно умножалъ рать свою, присоединяя къ ней побѣжденныхъ. Еще Европа не вѣдала искусства огнестрѣльнаго, и неравенство въ числѣ воиновъ было тѣмъ рѣшительнѣе. Батый предводительствовалъ цѣлымъ вооруженнымъ народомъ: въ Россiи жители сельскiе совсѣмъ не участвовали въ войнѣ, ибо плодами ихъ мирнаго трудолюбiя питалось Государство и казна обогащалась. Земледѣльцы, не имѣя оружiя, гибли отъ мечей Татарскихъ какъ беззащитныя жертвы: малочисленные же ратники наши могли искать въ битвахъ одной славы и смерти, а не побѣды. Впрочемъ Моголы славились и храбростiю, вселенною въ нихъ умомъ Чингисхана и сороколѣтними побѣдами (17). Не получая никакого жалованья, любили войну для добычи; перевозили на волахъ свои кибитки и семейства, женъ, дѣтей, и вездѣ находили отечество, гдѣ могло пастися ихъ стадо (18). Въ свободное отъ человѣкоубiйствъ время занимались звѣриною ловлею: видя же непрiятеля, безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна за другою, чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его, и пускали тучу стрѣлъ, но удалялись отъ ручной схватки, жалѣя своихъ людей, и стараясь убивать противниковъ издали. Ханы и главные начальники не вступали въ бой: стоя назади, разными маяками давали повелѣнiя, и не стыдились иногда общаго бѣгства; но смертiю наказывали того, кто бѣжалъ одинъ и

Свойство и оружiе Моголовъ.

ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики, сабли длинныя, копья съ крюками, щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ (19).

Происшествія въ западной Россіи.

Въ то время, какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи, ея Князья находились въ Польшѣ. Король Венгерскій, видя Михаила изгнанникомъ, не хотѣлъ выдать дочери за его сына, и велѣлъ имъ удалиться. Даніилъ, готовый тогда ѣхать къ Белѣ IV, еще имѣлъ случай оказать свое великодушіе: убѣдилъ Великаго Князя, Ярослава, освободить жену Михаилову, еще до нашествія Батыева плѣненную имъ въ Каменцѣ; возвратилъ ее супругу, и забывъ вражду, обѣщалъ навсегда уступить ему Кіевъ, если благость Всевышняго избавитъ Россію отъ иноплеменниковъ; а Ростиславу отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности дѣйствовать согласнѣе съ Белою, Даніилъ, прибывъ въ Венгрію, изъявилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе; думая, что Батый не дерзнетъ итти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастіе для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенно взаимною завистію Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ го-

Спесь Короля Венгерскаго.

родовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастися отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада въѣхать ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Даніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имъ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ *Римскими* стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо ста-

рался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызвать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше Государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хотя и называли Даніила своимъ Государемъ, однакожъ самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ Княжескимъ *Оружникамъ*, и тайно сносились съ Михаиловымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ земли въ землю, Михаилъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ, и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодѣяній шурина, и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ Печатникомъ, но занялъ Галичь и Перемышль. Столь мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, въ забвеніи всѣхъ правилъ нравственности споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михаилова сына; не смотря на изнуреніе сво-

его Княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго Татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей; изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облаготворенныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчанія, что сіи Князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для Татаръ пшеницу и просо. — Въ то же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды Моголовъ не выходили изъ Россіи, доверщая завоеваніе восточныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Татарами [20].

Слава Александра Невскаго.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и счастіе своего юнаго Князя, Александра Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ [21]. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новго-

родскую область отъ внезапныхъ нападеній Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были непріятелями Новагорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишася Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолюбіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть Святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единоземцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ быть защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами Сарацыновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденомъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантіи чернымъ крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистеръ говорилъ всякому новому сочлену: „Если вступаешь къ намъ въ обще-

„ство съ надеждою весши жизнь покойную „и пріяшную, шо удалися, несчасшный! ибо „мы шребуемъ, чшобы шы ошрекся ошъ всѣхъ „мірскихъ удовольсшвій, ошъ родсшвенниковъ, „друзей и собсшвенной воли: чшожъ въ замѣ„ну обѣщаемъ шебѣ? хлѣбъ, воду и смирен„ную одежду. Но когда придушъ для насъ вре„мена лучшія, шогда Орденъ сдѣлаешъ шебя „учасшникомъ всѣхъ своихъ выгодъ.“ Сіи лучшія времена насшали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже сшоль знамениshъ, чшо Великій Магисшеръ его, Германъ Зальца, могъ судишь Папу, Гонорія III, съ Императоромъ Фридерикомъ II (22); завоевалъ Пруссію — ревносшно обращая ея жишелей въ Христіансшво, шо есшь, огнемъ и мечемъ — принялъ Ливонскихъ Рыцарей подъ свою защишу, далъ имъ Магисшра, одежду, правила Ордена Нѣмецкаго, и наконецъ слово, чшо ни Лишовцы, ни Дашчане, ни Россіяне уже не будушъ для нихъ опасны.

Въ сіе время былъ Магисшромъ Ливонскимъ нѣкшо Андрей Вельвенъ, мужъ опышный и добрый, сподвижникъ Германа Зальцы (23). Желая, можешъ бышь, прекрашишь взаимныя неудовольсшвія Ливонскихъ Рыцарей и Новогородцевъ, онъ имѣлъ свиданіе съ юнымъ Александромъ: удивился его красошѣ, разуму, благородсшву, и возврашясь въ Ригу, говорилъ, по словамъ нашего Лѣшописца: „я прошелъ „многія сшраны, знаю свѣшъ, людей и Госу„дарей, но видѣлъ и слушалъ Александра Но„вогородскаго съ изумленіемъ.“ Сей юный

Князь скоро имѣлъ случай важнымъ подвигомъ возвеличить свою добрую славу.

Король Шведскій, досадуя на Россіянъ за частыя опустошенія Финляндіи, послалъ зятя своего, Биргера, на ладіяхъ въ Неву, къ устью Ижеры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ, Финновъ (24). Сей Вождь опытный, дотолѣ счастливый, думалъ завоевать Ладогу, самый Новгородъ, и велѣлъ надменно сказать Александру: „ратоборствуй со мною, если „смѣешь; я стою уже въ землѣ твоей.“ Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но спѣшилъ собрать войско; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона, отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго, и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ: „насъ „не много, а врагъ силенъ; но Богъ не въ си„лѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ Княземъ!“ Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава, отца своего; самые Новогородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приближился къ стану Шведскому. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ, Пелгуй, начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ разсказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новогородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ; но Пелгуй былъ Христіанинъ, и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на бе-

регу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ, и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря; вдругъ раздался шумъ: Пелгуй содрогнулся, и видитъ на морѣ легкую ладію, гребцевъ *одѣянныхъ мглою* и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленныхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба, какъ они изображались на иконахъ, и Пелгуй слышалъ голосъ старшаго изъ нихъ: „поможемъ „родственнику нашему Александру!“ По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ [25]; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичъ, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи; упалъ съ конемъ въ воду, вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятеля; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ, предводительствуя горстію смѣлыхъ, ударилъ на цѣлый полкъ, и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра, который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратміръ, вѣрный слуга Князя, не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій, ослабѣлъ отъ

ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столпъ; шатеръ упалъ, и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагрузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ, зарыли прочихъ въ яму, и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и Епископъ, по разсказамъ плѣнниковъ, находились въ числѣ убитыхъ. Уронъ съ нашей стороны былъ едва замѣтенъ, и сія достопамятная битва, обрадовавъ тогда все наше горестное отечество, дала Александру славное прозваніе *Невскаго.* Обстоятельства ея тѣмъ для насъ любопытнѣе, что Лѣтописецъ, служа сему Князю, слышалъ ихъ отъ него самого и другихъ очевидцевъ [26].

Рыцари Ливонскіе не помогали Шведамъ, однакожъ старались вредить Новугороду. Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, въ 1233 году [27] сосланный въ область Суздальскую, получилъ свободу, жилъ тогда у Нѣмцевъ въ Эстоніи и питалъ ихъ ненависть къ Россіянамъ. Во Псковѣ были также нѣкоторые измѣнники — чиновникъ Твердило и другіе — склонявшіе Рыцарей овладѣть симъ городомъ. Обнадеженные ими въ вѣрномъ успѣхѣ, Нѣмцы собрали войско въ Оденпѣ, Дерптѣ, Феллинѣ [28], и съ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ взяли Изборскъ. Псковитяне сразились съ ними; но претерпѣвъ великій уронъ и желая спасти городъ, зажженный непрія-

шелемъ, должны были согласиться на миръ постыдный. Рыцари хотѣли аманатовъ: знатнѣйшіе люди представили имъ своихъ дѣтей, и гнусный измѣнникъ, Твердило, началъ господствовать во Псковѣ, дѣляся властію съ Нѣмцами, и грабя села Новогородскія. Многіе добрые Псковитяне ушли съ семействами къ Александру и требовали его защиты. Къ несчастію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, и досадуя на ихъ неблагодарность, уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій, съ матерію, супругою и всѣмъ Дворомъ [29].

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новогородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ, и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новагорода, гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ, видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича, и призналъ втораго сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь, опустошали берега Луги, уводили скотъ, лошадей, и земледѣльцы не могли обработывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому: Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру, убѣждалъ, молилъ Князя, и склонилъ его забыть вину Новагорода.

Г. 1241. Александръ прибылъ, и все перемѣнилось. Немедленно собралось войско: Новогородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены (30).

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Александръ завоевалъ Псковъ, возвратилъ ему независимость, и при-
Г. 1242. слалъ въ Новгородъ скованныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ Ливонскій сказываетъ, что 70 мужественныхъ Рыцарей положили тамъ свои головы, и что Князь Новогородскій, плѣнивъ 6 чиновниковъ, велѣлъ умертвить ихъ (31). Побѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда воины наши разсѣялись для собранія съѣстныхъ припасовъ, непріятель разбилъ малочисленный передовый отрядъ Новогородскій. Тутъ Александръ оказалъ искусство благоразумнаго Военачальника: зная силу Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ выгоднаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ. Еще зима продолжалась тогда
Апрѣля 5. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и войско могло безопасно дѣйствовать на твердомъ льду. Нѣмцы шли острою колонною, и въ быстромъ стремленіи разсѣкли наши ряды; но мужественный Князь, ударивъ на непріятелей съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреблялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго темнаго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ мечей; пятьдесятъ

были взяты въ плѣнъ, и въ томъ числѣ одинъ, который въ надменности своей хотѣлъ плѣнить самого Александра [32]; тѣла Чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ, Магистеръ Ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги, и спѣшилъ отправить посольство въ Данію, моля Короля спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ*, жестокихъ Россіянъ; но храбрый Князь, довольный ужасомъ Нѣмцевъ, вложилъ мечь въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники, потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками [33]. Духовенство встрѣтило Героя со крестами и съ пѣснями священными, славя Бога и Александра; народъ стремился къ нему толпами, именуя его отцемъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общею, сей добрый Князь пролилъ слезы, и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ: ,,О Псковитяне! если забу- ,,дете Александра; если самые отдаленные по- ,,томки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго при- ,,станища въ злополучіи: то вы будете при- ,,мѣромъ неблагодарности!" — Новогородцы радовались не менѣе Псковитянъ, и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ, размѣнялись плѣнными, и возвратили Псковскихъ аманатовъ, отказавшись не только отъ Луги и Водской области, но уступивъ Александру и знатную часть Летгалліи [34].

Въ сіе время Литовцы разбили Ярослава *Владиміровича*, который, оставивъ Нѣмцевъ, г. 1243—1245.

съ позволенія Александрова начальствовалъ въ Торжкѣ (35). Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣпостію; но Герой Невскій присиѣлъ, и взявъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ, и въ томъ числѣ 8 Князьковъ Литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, и благополучно возвратился въ Новгородъ: — Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣсколько дней, семь разъ побѣдилъ Литовцевъ; воины его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Россія въ подданствѣ Моголовъ.

Сіи частные успѣхи не могли премѣнить общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе Моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Россіею, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всѣми отъ устья рѣки Дона до самаго Дуная (36). Никто не дерзалъ ему противиться: народы, Государи старались смягчить его смиренными посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблаго-

разумѣемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изнуренной, безлюдной, полной развалинъ и гробовъ: презирая собственную личную опасность, Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ Великому Хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ, угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда, по сказанію Историка Татарскаго, міръ не видалъ праздника столь роскошнаго; ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ (37), отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ: Владиміръ Константиновичь, юный Борисъ Васильковичь, Василій Всеволодовичь (внукъ Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батыю, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а Великій Князь, вторично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ: сквозь сте-

ти и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника,
Г. 1246. оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути. (38). Такимъ образомъ сей Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго отечества. Вѣрные Бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ, дала ему ядъ, который въ седмый день прекратилъ его жизнь, и ясно обнаружился пятнами на тѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской области казаться страшнымъ Монарху, повелѣвавшему народами отъ Амура до устья Дунайскаго?

Сентября 30. Кончина и свойства Ярослава.

Ярославъ, въ юности жестокій и непримиримый отъ честолюбія, украшался и важными достоинствами, какъ мы видѣли: благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ возобновителемъ разрушеннаго Великаго Княженія; гибкостію и превосходствомъ ума своего снискалъ почтеніе варваровъ, Батыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревностной* похвалы нашихъ

Лѣтописцевъ, ибо не раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ, отличаясь, можетъ быть, Вѣрою просвѣщенною, а не суесвятствомъ. — Супруга его, именемъ Ѳеодосія, оставленная имъ въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244 году; за малое время до смерти постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоронена въономъ подлѣ ея сына, Ѳеодора (39).

Убіеніе Михаила.

Россія, огорченная смертію Ярослава, почти въ то же время свѣдала ужасныя обстоятельства кончины Михаиловой (40). Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, принятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что Бела IV, въ исполненіе прежняго обязательства, наконецъ выдалъ за него дочь свою, Михаилъ вторичнo поѣхалъ туда совѣтоваться съ Королемъ о средствахъ избавить себя отъ ига Татарскаго; но Бела изъявилъ къ нему столь мало уваженія, и самъ Ростиславъ такъ холодно встрѣтилъ отца, что сей Князь съ величайшимъ неудовольствіемъ возвратился въ Черниговъ, гдѣ сановники Ханскіе переписывали тогда бѣдный остатокъ народа и налагали на всѣхъ людей дань поголовную, отъ земледѣльца до Боярина (41). Они велѣли Михаилу ѣхать въ Орду. Надлежало покориться необходимости. Принявъ отъ Духовника благословеніе и запасные Святые Дары, — ободренный, утѣшенный его Христіанскими наставленіями, онъ съ Вельможею Ѳеодоромъ и съ юнымъ внукомъ, Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ, прибылъ въ станъ къ Моголамъ, и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ

Батыевъ; но волхвы или жрецы сихъ язычниковъ, блюстители древнихъ суевѣрныхъ обрядовъ, требовали, чтобы онъ шелъ сквозь разложенный передъ ставкою священный огнь, и поклонился ихъ кумирамъ. „Нѣтъ!“ сказалъ Михаилъ: „я могу поклониться Царю „вашему, ибо Небо вручило ему судьбу Госу„дарствъ земныхъ; но Христіанинъ не слу„житъ ни огню, ни глухимъ идоламъ.“ Услышавъ о томъ, свирѣпый Батый объявилъ ему чрезъ своего Вельможу, именемъ Эльдега (42), что должно повиноваться или умереть. „Да будетъ!“ отвѣтствовалъ Князь; вынувъ Запасные Дары, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ, Ѳеодоромъ, причастился Святыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святые Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. „Для васъ не погублю души,“ говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантію Княжескую (43), примолвилъ: „возмите славу міра; хочу небесной.“ По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами, и Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ покойно, и съ веселымъ лицемъ ободрялъ терзаемаго Князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная без-

конечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михаилово страданіе, какой-то отступникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишутъ, что самъ Батый удивлялся твердости сего несчастнаго Князя и назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Ѳеодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемѣрилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благость Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженные на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала Святыми и великодушнаго Князя и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть Моголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали по крайней мѣрѣ чудесную силу Христіанства. — Юный Борисъ Васильковичь, оплакавъ жребій дѣда, долженъ былъ ѣхать къ Сартаку, Батыеву сыну, кочевавшему на границахъ Россіи, и получилъ дозволеніе возвратиться въ свой Удѣлъ; о Князьяхъ же Черниговскихъ съ того времени почти совсѣмъ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ: знаемъ единственно, что тамъ около 1261 года властвовалъ Андрей Всеволодовичь, зять Даніилова брата, Василька (44). Сыновья Михаиловы, по кончинѣ отца, княжили въ Удѣлахъ: Романъ въ Брянскѣ, Мстиславъ въ Карачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торуссѣ; а старшій ихъ братъ, Ростиславъ, зять Короля Белы, остался въ Вен-

гріи, и получивъ въ Удѣлъ отъ своего тестя Банатъ Маховскій (въ Сервіи), назывался Государемъ сей области, Герцогомъ Болгаріи и повелителемъ Славоніи (Rex de Madschau, Dux et Imperator Bulgariæ et Banus totius Sclavoniæ). Отъ сыновей его, Белы и Михаила, пошли Герцоги Маховскіе и Боснійскіе; а сестра ихъ была супругою Лешка Чернаго, Герцога Польскаго.

Счастливѣе Князя Черниговскаго былъ Даніилъ въ своихъ первыхъ сношеніяхъ съ Ордою. Послы за Послами являлись у него отъ имени Ханскаго, требуя, чтобы онъ искалъ милости Батыевой раболѣпствомъ или отказался отъ земли Галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. „Ты долго не хотѣлъ меня видѣть (сказалъ Батый), но теперь загладилъ „вину повиновеніемъ." Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюденіе Татарскихъ обычаевъ; однакожь велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: „вы не привыкли „къ нашему молоку." Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ,

Даніилъ чествимъ въ Ордѣ.

выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, лаская Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ Государи сосѣдственные, устрашенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичь, зять Королевскій, предводительствуя Венграми, осаждалъ Ярославль; съ обѣихъ сторонъ изъявляли остервененіе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ Россіяне умертвили славнаго гордостію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Узнавъ о свиданіи Даніила съ Ханомъ, и боясь, чтобы Моголы, какъ покровители ихъ данника, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ тѣсный союзъ нашему Князю, и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына, Льва: чему способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ Князьямъ за искренность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніилъ жилъ согласно и съ Поляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельз-

скаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту (45).

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ.

Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Татарію къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи: ибо Татары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечь свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая удалить бурю мирными сношеніями съ грознымъ Ханомъ, отправилъ къ нему Монаховъ съ дружелюбными письмами (46). Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усильно домогаясь подчинить насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

„Въ Мазовіи“ — пишетъ Карпинъ —„встрѣ-„тили мы Князя Россійскаго, Василька“ (бра-

та Даніилова, ходившаго тогда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ) „который разсказалъ „намъ весьма много любопытнаго о Тата-„рахъ. Послы его находились тогда въ Ордѣ. „Узнавъ, что не должно ѣхать туда съ пус-„тыми руками, мы купили нѣсколько бобро-„выхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, Герцогъ „Краковскій, Епископъ и Бароны Польскіе „снабдили насъ также всякими мѣхами, про-„ся Князя Василька быть нашимъ покрови-„телемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали мы въ его „столицу (Владиміръ Волынскій), гдѣ, отдох-„нувъ, желали бесѣдовать съ Россійскими Епи-„скопами, и предложили имъ письма отъ Па-„пы, который убѣждалъ ихъ присоединиться „къ Латинской Церкви; но Епископы и Ва-„силько отвѣтствовали, что они не могутъ „ничего сказать намъ безъ Князя Даніила, „брата Василькова, бывшаго тогда въ Ордѣ. „Послѣ чего Василько отправилъ насъ съ во-„жатымъ въ Кіевъ, куда мы и прибыли бла-„гополучно, не смотря на глубокій снѣгъ, „холодъ и многія опасности (47): ибо Литов-„цы безпрестанными набѣгами тревожатъ сію „часть Россіи. Жителей вездѣ мало: они ис-„треблены Моголами, или отведены ими въ „плѣнъ. Въ Кіевѣ наняли мы Татарскихъ ло-„шадей, а своихъ оставили: ибо онѣ могли „бы умереть съ голода въ дорогѣ, гдѣ нѣтъ „ни сѣна, ни соломы; а Татарскія, разбивая „копытами снѣгъ, питаются одною мерзлою „травою.

„Первое мѣсто, въ коемъ живутъ Моголы „(близъ Кіева), называется *Хановымъ*. Они со „всѣхъ сторонъ окружили насъ, спрашивая, „за чѣмъ и куда ѣдемъ? Я отвѣчалъ, что мы „Послы отца и владыки всѣхъ Христіанъ, „который, ничѣмъ не оскорбивъ Государей „Татарскихъ, съ крайнимъ изумленіемъ свѣ- „далъ о разореніи Венгріи и Польши, гдѣ жи- „вутъ *его подданные;* что онъ, желая мира, „въ письмахъ своихъ убѣждаетъ Хановъ при- „нять Вѣру Христіанскую, безъ коей нѣтъ „спасенія. Моголы удовольствовались нѣкото- „рыми подарками и дали намъ вожатыхъ до „Орды главнаго ихъ начальника. Онъ назы- „вается Куремсою, предводительствуетъ ше- „стидесятью тысячами воиновъ и хранитъ за- „падные предѣлы Могольскихъ владѣній. — Ку- „ремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйше- „му изъ Хановъ послѣ Великаго.

„Мы проѣхали всю землю Половецкую, об- „ширную равнину, гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ, „Донъ, Волга, Якъ, и гдѣ лѣтомъ кочуютъ „Татары, повинуясь разнымъ Воеводамъ (48), а „зимою приближаются къ морю *Греческому* „(или Черному). Самъ Батый живетъ на бе- „регу Волги, имѣя пышный, великолѣпный „Дворъ, и 600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ „и 450,000 иноплеменниковъ, Христіанъ и „другихъ подданныхъ. Въ Пятницу Страстныя „недѣли провели насъ въ ставку его между „двумя огнями, для того, какъ говорили Та- „тары, что огонь есть чистилище для вся- „кихъ злыхъ умысловъ, отнимая даже силу у

,,скрываемаго яда. Мы должны были нѣсколько ,,разъ кланяться и вступить въ шатеръ, не ,,касаясь порога. Батый сидѣлъ на тронѣ съ ,,одною изъ женъ своихъ; его братья, дѣти и ,,Вельможи на скамьяхъ; другіе на землѣ, муж- ,,чины на правой, а женщины на лѣвой сто- ,,ронѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ тонкаго ,,полотна, принадлежалъ Королю Венгерско- ,,му: никто не смѣетъ входить туда безъ ,,особеннаго дозволенія, кромѣ семейства Хан- ,,скаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторо- ,,нѣ, и Батый съ великимъ вниманіемъ чи- ,,талъ письма Иннокентіевы, переведенныя ,,на языки Славянскій, Арабскій и Татарскій. ,,Между тѣмъ онъ и Вельможи его пили изъ ,,золотыхъ или серебряныхъ сосудовъ: при- ,,чемъ всегда гремѣла музыка съ пѣснями. Ба- ,,тый имѣетъ лице красноватое (49); ласковъ ,,въ обхожденіи съ своими, но грозенъ для ,,всѣхъ; на войнѣ жестокъ, хитръ, и славит- ,,ся опытностію. — Онъ велѣлъ намъ ѣхать ,,къ Великому Хану.

,,Хотя мы были весьма слабы, ибо пита- ,,лись во весь постъ однимъ просомъ и пили ,,только снѣжную воду, однакожь ѣхали ско- ,,ро, пять или шесть разъ въ день мѣняя ло- ,,шадей, гдѣ находили ихъ. Земля Половецкая ,,во многихъ мѣстахъ есть дикая степь: жи- ,,тели истреблены Татарами, или бѣжали; ,,другіе признали себя ихъ подданными. Она ,,граничитъ къ Сѣверу съ Россіею, Мордвою, ,,Болгаріею, Башкиріею (pays des Bastarques), ,,отечествомъ Венгровъ, и съ Самоѣдами

„(Samogedes), обитающими на пустынных „берегахъ Океана (50); къ Югу съ Аланами (Оссе-„тинцами), Черкесами, Козарами и Греціею. „За Половцами начинается страна Канги-„товъ (Канглей или Хвалисовъ), совершенно „безводная, и мало населенная. Въ сей печаль-„ной степи (нынѣ Киргизской) умерли отъ „жажды Бояре Ярослава, Князя Россійскаго, „посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ „кости. Вся земля опустошена Моголами; „жители, не имѣя домовъ, обитаютъ въ шат-„рахъ, и такъ же, какъ Половцы, не знаютъ „хлѣбопашества, а кормятся однимъ ското-„водствомъ.

„Около Вознесенія Христова въѣхали мы „въ страну Бесерменовъ" (Харазовъ или Хи-винцевъ) „говорящихъ языкомъ Половцевъ, „но исповѣдующихъ Вѣру Сарацинскую (51). „Тамъ представилось намъ множество селъ „и городовъ опустошенныхъ. Владѣтель ихъ „назывался Великимъ Султаномъ, и со всѣмъ „родомъ погибъ отъ меча Татарскаго. Сія „земля имѣетъ большія горы и сопредѣльна „къ Сѣверу (Востоку) съ Черными Китана-„ми (въ Малой Бухаріи), гдѣ живетъ Сибанъ, „братъ Батыевъ, и гдѣ находится дворецъ „Ханскій (52). Далѣе мы увидѣли обширное озе-„ро (Байкалъ), оставили его на лѣвой сторо-„нѣ, и чрезъ землю кочующихъ Наймановъ въ „исходѣ Іюня прибыли въ отечество Моіо-„ловъ, которые суть истинные Татары.

„Уже нѣсколько лѣтъ они готовились къ „избранію Великаго Хана; но Гаюкъ еще не

,,былъ торжественно возглашенъ Октаевымъ ,,преемникомъ: онъ велѣлъ намъ ждать сего ,,времени, и послалъ къ матери, вдовствующей супругѣ Октаевой, именемъ Туракинѣ, ,,у коей собирались всѣ чиновники и старѣйшины: ибо она была тогда правительницею. ,,Ея ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣстить болѣе 2000 человѣкъ. Воеводы сидѣли на коняхъ, богато украшенныхъ серебромъ, и совѣтовались между собою [53]. Одежда ихъ въ первый день была *пурпуровая бѣлая,* на другой день красная, на третій синеватая, а на четвертый алая. Народъ толпился внѣ ограды. У воротъ стояли воины ,,съ обнаженными мечами; въ другія ворота, ,,хотя оставленныя безъ стражи, никто не ,,смѣлъ входить кромѣ Гаюка. Вельможи безпрестанно пили кумысъ и хотѣли насъ также поить; но мы отказались. Они вездѣ давали первое мѣсто намъ и Россійскому Князю Ярославу; тутъ же находились два сына ,,Грузинскаго Царя, Посолъ Калифа Багдадскаго и многіе другіе Послы Сарацинскіе, ,,числомъ до четырехъ тысячь: одни съ дарами, иные съ данію.

,,Такимъ образомъ мы жили цѣлый мѣсяцъ ,,въ семъ шумномъ станѣ, называемомъ Сыра ,,Орда, и часто видѣли Гаюка. Когда онъ выходилъ изъ шатра своего, пѣвцы обыкновенно шли впереди и громко пѣли его славу. ,,Наконецъ Дворъ переѣхалъ въ другое мѣсто, ,,и расположился на берегу ручья, орошающаго прекрасную долину, гдѣ стоялъ велико-

„лѣпный шатеръ, называемый *Златая Орда.* „Столпы сего шатра, внутри и снаружи „украшеннаго богатыми тканями, были ко-„ваны золотомъ. Тамъ надлежало Гаюку тор-„жественно возсѣсть на престолъ въ день „Успенія Богоматери. Но ужасная непогода, „градъ и снѣгъ препятствовали совершенію „обряда до 24 Августа. Въ сей день собра-„лись Вельможи, и смотря на Югъ, долго мо-„лились Всевышнему: послѣ чего возвели Гаю-„ка на златый тронъ, и преклонили колѣна; „народъ также. Князья и Вельможи говори-„ли Императору: *мы хотимъ и требуемъ,* „*чтобы ты повелѣвалъ нами.* Гаюкъ спросилъ: „*желая имѣть меня Государемъ, готовы ли* „*вы исполнять мою волю; являться, когда* „*позову васъ; итти, куда велю, и предать* „*смерти всякаго, кого наименую?* Всѣ отвѣт-„ствовали: *готовы!... И такъ* (сказалъ Гаюкъ) „*слово мое да будетъ отнынѣ мечемъ!* Вель-„можи взяли его за руку, свели съ трона и „посадили на войлокъ, говоря Императору: „*Надъ тобою Небо и Всевышній; подъ тобою* „*земля и войлокъ. Если будешь любить наше* „*благо, милость и правду, уважая Князей и* „*Вельможъ по ихъ достоинству, то царство* „*Гаюково прославится въ мірѣ, земля тебѣ* „*покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія* „*твоего сердца. Но если обманешь надежду* „*подданныхъ, то будешь презрителенъ, и* „*столь бѣденъ, что самый войлокъ, на кото-* „*ромъ сидишь, у тебя отнимется.* Тогда Вель-„можи, поднявъ Гаюка на рукахъ, возгласили

,,его Императоромъ, и принесли къ нему мно-
,,жество серебра, золота, камней драгоцѣн-
,,ныхъ и всю казну умершаго Хана; а Гаюкъ
,,часть сего богатства роздалъ чиновникамъ
,,въ знакъ ласки и щедрости. Между тѣмъ
,,готовился пиръ для Князей и народа; пили
,,до самой ночи, и развозили въ телегахъ мя-
,,со, вареное безъ соли.

,,Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ,
,,росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ
,,и столь важенъ, что никогда не смѣется.
,,Христіане, служащіе ему, увѣряли насъ, что
,,онъ думаетъ принять Вѣру Спасителеву,
,,ибо держитъ у себя Христіанскихъ Священ-
,,никовъ и дозволяетъ имъ всенародно передъ
,,своимъ шатромъ отправлять Божествен-
,,ную службу по обрядамъ Греческой Церкви.
,,Сей Императоръ говоритъ съ иностранца-
,,ми только черезъ переводчиковъ, и всякой,
,,кто подходитъ къ нему, долженъ стать
,,на колѣна. У него есть гражданскіе чинов-
,,ники и Секретари, но нѣтъ стряпчихъ:
,,ибо Моголы не терпятъ ябеды, и слово
,,Ханское рѣшитъ тяжбу. Что скажетъ Го-
,,сударь, то и сдѣлано; никто не смѣетъ воз-
,,ражать или просить его дважды объ одномъ
,,дѣлѣ. Душа Гаюкова пылаетъ славолюбіемъ
,,и готова цѣлый міръ обратить въ пепелъ.
,,Смерть Октаева удержала Моголовъ въ ихъ
,,стремленіи сокрушить Европу: нынѣ, имѣя
,,новаго Хана, они ревностно желаютъ кро-
,,вопролитія, и Гаюкъ, едва избранный, въ
,,первомъ совѣтѣ съ Князьями своими и чи-

,,повниками положилъ объявить войну Церкви нашей, Имперіи Римской, всѣмъ Государямъ Христіанскимъ и народамъ Западнымъ, ,,если Св. отецъ — чего Боже избави — не исполнитъ его требованій, то есть, не покорится ему со всѣми Государями Европейскими: ибо Моголы, слѣдуя завѣщанію Чингисханову, непремѣнно хотятъ овладѣть ,,вселенною.

,,Гаюкъ чрезъ нѣсколько дней принялъ насъ, ,,равно какъ и другихъ Пословъ. Секретарь ,,его сказывалъ ему имя каждаго; однакожъ ,,не многіе изъ нихъ были впущены въ ставку Императорскую. Дары, поднесенные ими ,,Хану, состояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣхахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ и ,,лошакахъ, богато украшенныхъ. Между сими безчисленными дарами мы замѣтили одинъ ,,зонтикъ, весь осыпанный драгоцѣнными каменьями. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло болѣе пяти сотъ телегъ, ,,наполненныхъ золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами: что все было отдано Хану, Князьямъ и Вельможамъ, которые послѣ ,,дарили тѣмъ своихъ чиновниковъ. Одни мы ,,не поднесли ничего, ибо ничего не имѣли.

,,Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не ,,хотѣлъ вступить съ нами въ переговоры, ,,и мы около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ ,,и недостаткѣ, получая отъ Моголовъ на ,,пять дней не болѣе того, что надлежало ,,издержать въ одинъ день; а купить было ,,нечего. Къ счастію, добрый Россіянинъ, зо-

,,лотарь, именемъ Комъ, любимецъ Гаюковъ,
,,надѣлялъ насъ всѣмъ нужнымъ. Онъ сдѣлалъ
,,печать для Хана и тронъ изъ слоновой ко-
,,сти, украшенный золотомъ и камнями дра-
,,гоцѣнными съ разными изображеніями, и съ
,,удовольствіемъ показывалъ намъ свою рабо-
,,ту. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ насъ, спро-
,,силъ, есть ли у Папы люди знающіе языкъ
,,Татарскій, Русскій или Арабскій? Нѣтъ, от-
,,вѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся нѣ-
,,которые Арабы, но далеко отъ того мѣ-
,,ста, гдѣ живетъ Папа. Впрочемъ мы бра-
,,лись сами перевести на Латинскій языкъ,
,,что будетъ угодно Хану написать къ Св.
,,Отцу. Въ слѣдствіе того пришелъ къ намъ
,,Кадакъ, государственный Министръ, съ тре-
,,мя Ханскими Секретарями для сочиненія
,,грамоты, которую мы, слушая ихъ, писали
,,на Латинскомъ языкѣ, и толковали имъ
,,каждое слово: ибо они боялись ошибки въ
,,переводѣ, и спрашивали, ясно ли разу-
,,мѣемъ, что пишемъ? Приставы наши гово-
,,рили, что Ханъ отправитъ съ нами соб-
,,ственныхъ Пословъ въ Европу, если будемъ
,,о томъ просить его; но сего мы не хотѣ-
,,ли: во-первыхъ для того, что они увидѣли
,,бы несогласіе и междоусобіе Государей Хри-
,,стіанскихъ, столь благопріятное для невѣр-
,,ныхъ; во-вторыхъ, ежели бы съ Послами
,,Гаюка сдѣлалось какое несчастіе въ Евро-
,,пѣ, то онъ еще болѣе остервенился бы про-
,,тивъ Христіанъ. Къ тому же Ханъ не упол-
,,номочилъ бы сихъ Пословъ для заключенія

„надежнаго мира, а велѣлъ бы намъ единствен-
„но вручить письма Св. Отцу такого же
„содержанія, какъ и данныя намъ за его печа-
„тію (54).

„Откланявшись Гаюку и матери его, ко-
„торая дала намъ по шубѣ лисьей и по кра-
„сному кафтану, мы отправились въ обрат-
„ный путь, 14 Ноября, чрезъ необозримыя
„пустыни; не видали ни селеній, ни лѣсовъ;
„ночевали въ степяхъ, на снѣгу, и пріѣхали
„къ Вознесенію въ станъ Батыевъ, чтобы
„взять у него письма къ Папѣ. Но Батый
„сказалъ, что онъ не можетъ ничего при-
„бавить къ отвѣту Хана, и далъ намъ про-
„пускъ, съ коимъ мы благополучно доѣхали
„до Кіева, гдѣ считали насъ уже мертвыми,
„равно какъ и въ Польшѣ. Князь Россійскій
„Даніилъ и братъ его, Василько, оказали
„намъ много ласки въ своемъ владѣніи, и со-
„бравъ Епископовъ, Игуменовъ, знатныхъ лю-
„дей, съ общаго согласія объявили, что они
„*намѣрены признать Св. Отца Главою ихъ*
„*Церкви, подтверждая все сказанное ими о*
„*томъ прежде чрезъ особеннаго Посла, бывша-*
„*го у Папы.*"

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамота-
ми Иннокентія IV, съ лѣтописями Польски-
ми и нашими собственными. Занимаясь вели-
кимъ намѣреніемъ свергнуть иго Батыево,
Даніилъ съ горестію видѣлъ слабость Россіи,
Политика Даніилова. уныніе Князей и народа; не могъ надѣяться
на ихъ содѣйствіе, и долженствовалъ искать
способовъ внѣ отечества. Единовѣрная Гре-

ція, стѣсненная Аравитянами, Турками, Крестоносцами, едва существовала: Даніилъ обратилъ глаза на Западъ, гдѣ Римъ былъ душею и средоточіемъ всѣхъ государственныхъ движеній. Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать Иннокентію, что желаетъ соединить Церковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея знаменами итти противъ Моголовъ. Началось дружелюбное сношеніе съ Римомъ (55). Папа, называя Даніила Королемъ и любезнѣйшимъ сыномъ, велѣлъ Архіепископу Прусскому ѣхать въ Галицію, и выбрать тамъ Святителей изъ ученыхъ Монаховъ Католическихъ; объявилъ снисходительно, что всѣ обряды Греческой Вѣры, не противные Латинской, могутъ и впредь быть у насъ соблюдаемы невозбранно (какъ-то служеніе на квасныхъ просфирахъ), и въ знакъ особенной благосклонности утвердилъ супружество Князя Василька, женатаго на родственницѣ *въ третьемъ* и *четвертомъ колѣнѣ* (такъ сказано въ письмѣ Иннокентіевомъ, гдѣ сія дочь Георгія Суздальскаго именована *Добравою*); наконецъ, чтобы обольстить Даніилово честолюбіе, предложилъ ему вѣнецъ Королевскій. Разумный Князь отвѣтствовалъ: „требую войска, а не вѣнца, украшенія суетна„го, пока варвары господствуютъ надъ на„ми (56).“ Иннокентій обѣщалъ и войско: но Даніилъ въ ожиданіи того медлилъ объявить себя Католикомъ; оба хитрили, досадовали, и въ 1249 году Легатъ Папскій съ неудовольствіемъ выѣхалъ изъ Галиціи. Посредничество

Короля Венгерскаго утушило сію явную ссору: въ залогъ милости Иннокентій (въ 1253 или 1254 году) прислалъ къ Даніилу вѣнецъ съ другими Царскими украшеніями. Достойно замѣчанія, что Князь Галицкій, нечаянно встрѣтивъ Пословъ Римскихъ въ Краковѣ, не хотѣлъ видѣть ихъ, сказавъ: „мнѣ, какъ Го„сударю, непристойно бесѣдовать съ вами въ „землѣ чуждой.“ Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу *своимъ отцемъ* и Намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ*; а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ (57); но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что „онъ забылъ ду-

Даніилъ Король Галицкій.

,,*ховныя* и *временныя* благодѣянія Церкви,
,,вѣнчавшей и помазавшей его на царство;
,,не исполнилъ своихъ обѣтовъ, и погибнетъ,
,,если съ новымъ раскаяніемъ не обратится
,,на путь истины; что клятва церковная и
,,булатъ мірскій готовы наказать неблаго-
,,дарнаго [58]." Въ надеждѣ смирять Моголовъ посольствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію [59].

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

,,Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отлич-
,,ны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя ще-
,,ки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣт-
,,ные, ноги маленькія; большею частію ро-
,,стомъ не высоки и худы [60]; лицемъ смуглы
,,и рябы. Они бреютъ волосы за ушами и
,,спереди на лбу, отпуская усы, бороду и
,,длинныя косы назади; выстригаютъ себѣ
,,также гуменцо, подобно нашимъ Священни-
,,камъ. Мужчины и женщины носятъ кафта-
,,ны парчевые, шелковые и клеенотные, или
,,шубы на выворотъ (получая ткани изъ Пер-

,,сіи, а иѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли Мор-
,,довской, Башкиріи) и какія-то странныя
,,высокія шапки (61). Живутъ въ шатрахъ,
,,сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ
,,войлоками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ
,,которое входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ:
,,ибо у нихъ всегда пылаетъ огонь въ став-
,,кѣ. Стада и табуны Могольскіе безчислен-
,,ны: въ цѣлой Европѣ нѣтъ такого множе-
,,ства лошадей, вельблюдовъ, овецъ, козъ и
,,рогатой скотины. Мясо и жидкая просяная
,,каша есть главная пища сихъ дикарей, до-
,,вольныхъ малымъ ея количествомъ. Они не
,,знаютъ хлѣба; ѣдятъ все нечистыми рука-
,,ми, обтирая ихъ объ сапоги или траву; не
,,моютъ ни котловъ, ни самой одежды своей:
,,любятъ кумысъ и пьянство до крайности,
,,а медъ, пиво и вино получаютъ иногда изъ
,,другихъ земель. Мужчины не занимаются ни-
,,какими работами: иногда присматриваютъ
,,только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы.
,,Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся
,,на лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ,
,,и многія стрѣляютъ изъ лука не хуже вои-
,,новъ; въ хозяйствѣ же удивительно трудо-
,,любивы: стряпаютъ, шьютъ платье, сапо-
,,ги; чинятъ телеги, навючиваютъ вельблю-
,,довъ, и проч. Вельможи и богатые люди
,,имѣютъ до ста женъ; двоюродные совокуп-
,,ляются бракомъ, пасынокъ съ мачихою, не-
,,вѣстки съ деверемъ. Женихъ обыкновенно
,,покупаетъ невѣсту у родителей, и весьма
,,дорогою цѣною. Не только прелюбодѣяніе,

,,но и блудъ наказывается смертію, равно ,,какъ и воровство, столь необыкновенное, ,,что Татары не употребляютъ замковъ; бо-,,ятся, уважаютъ чиновниковъ, и въ самомъ ,,пьянствѣ не ссорятся или по крайней мѣ-,,рѣ не дерутся между собою; скромны въ об-,,хожденіи съ женщинами и ненавидятъ сра-,,мословіе; терпѣливо сносятъ зной, морозъ, ,,голодъ, и съ пустымъ желудкомъ поютъ ве-,,селыя пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы, и лю-,,бятъ помогать другъ другу; но за то всѣхъ ,,иноплеменныхъ презираютъ, какъ мы видѣ-,,ли собственными глазами: на примѣръ, Яро-,,славъ, Великій Князь Россійскій, и сынъ Ца-,,ря Грузинскаго, будучи въ Ордѣ, не смѣли ,,иногда сѣсть выше своихъ приставовъ. Та-,,таринъ не обманываетъ Татарина; но об-,,мануть иностранца считается похвальною ,,хитростію.

,,Что касается до ихъ Закона, то они ,,вѣруютъ въ Бога, Творца вселенныя, нграж-,,дающаго людей по ихъ достоинству; но при-,,носятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ вой-,,лока или шелковой ткани, считая ихъ по-,,кровителями скота; обожаютъ солнце, ,,огонь, луну, называя оную великою цари-,,цею, и преклоняютъ колѣна, обращаясь ли-,,цемъ къ Югу; славятся терпимостію и не ,,проповѣдуютъ Вѣры своей; однакожь при-,,нуждаютъ иногда Христіанъ слѣдовать обы-,,чаямъ Могольскимъ: въ доказательство чего ,,разскажемъ случай, которому мы были сви-,,дѣтелями. Батый велѣлъ умертвить одного

„Князя Россійскаго, именемъ Андрея (62), будто бы за то, что онъ, вопреки Ханскому запрещенію, выписывалъ для себя лошадей изъ Татаріи и продавалъ чужеземцамъ. Братъ и жена убитаго Князя, пріѣхавъ къ Батыю, молили его не отнимать у нихъ Княженія: онъ согласился, но принудилъ деверя къ брачному совокупленію съ невѣсткою, по обычаю Моголовъ (63).

„Не вѣдая правилъ истинной добродѣтели, они вмѣсто законовъ имѣютъ какія-то преданія, и считаютъ за грѣхъ бросить въ огонь ножикъ, опереться на хлыстъ, умертвить птенца, вылить молоко на землю, выплюнуть изо-рта пищу, и многія подобныя глупости; но убивать людей и разорять Государства кажется имъ дозволенною забавою. „О жизни вѣчной не умѣютъ сказать ничего яснаго, а думаютъ, что они и тамъ будутъ ѣсть, пить, заниматься скотоводствомъ и проч. Жрецы ихъ суть такъ называемые волхвы, гадатели будущаго, коихъ совѣтъ уважается ими во всякомъ дѣлѣ. (Глава ихъ, или Патріархъ, живетъ обыкновенно близъ шатра Ханскаго (64). Имѣя астрономическія свѣдѣнія, они предсказываютъ народу солнечныя и лунныя затмѣнія).

„Когда занеможетъ Татаринъ, родные ставятъ передъ шатромъ копье, обвитое чернымъ войлокомъ: сей знакъ удаляетъ отъ больнаго всѣхъ постороннихъ. Умирающаго оставляютъ и родные. Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не можетъ видѣть ни

„Хана, ни Князей до новой луны. Знатныхъ „людей погребаютъ тайно, съ пищею, съ „осѣдланнымъ конемъ, серебромъ и золотомъ; „телега и ставка умершаго должны быть „сожжены, и никто не смѣетъ произнести „его имени до третьяго поколѣнія. — Кладбище Хановъ, Князей, Вельможъ, неприступно: гдѣ бы они ни скончали жизнь свою, „Моголы отвозятъ ихъ тѣла въ сіе мѣсто; „тамъ погребены многіе, убитые въ Венгріи. „Стражи едва было не застрѣлили насъ, когда мы нечаянно приблизились къ гробамъ.

„Таковъ сей народъ, ненасытимый въ кровопролитіи. Побѣжденные обязаны давать „Моголамъ десятую часть всего имѣнія, рабовъ, войско, и служатъ орудіемъ для истребленія другихъ народовъ. Въ наше время „Гаюкъ и Батый прислали въ Россію Вельможу своего, съ тѣмъ, чтобы онъ бралъ вездѣ „отъ двухъ сыновей третьяго; но сей человѣкъ нахваталъ множество людей безъ всякаго разбора, и переписалъ всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ каждаго изъ „нихъ шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, куницы, „хорька (65), и черною лисьею; а не платящіе должны быть рабами Моголовъ. Сіи жестокіе завоеватели особенно стараются „искоренять Князей и Вельможъ; требуютъ „отъ нихъ дѣтей въ аманаты, и никогда уже „не позволяютъ имъ выѣхать изъ Орды. Такъ „*сынъ Ярославовъ* и Князь Ясскій живутъ въ „неволѣ у Хана. Начальники Могольскіе въ „земляхъ завоеванныхъ именуются Баскаками,

„и при малѣйшемъ неудовольствіи льютъ кровь „людей безоружныхъ: такъ истребили они *ве-„ликое число Россіянъ, обитавшихъ въ землѣ „Половецкой* (66).

„Однимъ словомъ, Татары хотятъ испол-„нить завѣщаніе Чингисханово и покорить „всю землю: для того Гаюкъ именуетъ себя „въ письмахъ *Государемъ міра*, прибавляя: „*Богъ на небесихъ, я на землѣ.* Онъ готовит-„ся послать въ Мартѣ 1247 году одну рать „въ Венгрію, а другую въ Польшу; черезъ три „года перейти за Донъ и 18 лѣтъ воевать „Европу. Моголы и прежде, побѣдивъ Коро-„ля Венгерскаго, думали итти безпрестанно „далѣе и далѣе; но внезапная смерть Хана, „*отравленнаго ядомъ*, остановила тогда ихъ „стремленіе (67). Гаюкъ намѣренъ еще завое-„вать Ливонію и Пруссію. Государи Европей-„скіе должны соединенными силами предупре-„дить замыслы Хана, или будутъ его рабами."

Провидѣніе спасло Европу: ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его, Мангу, озабочен-ный внутренними безпорядками въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ, не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое вре-мя страшился Востока, и Святый Людовикъ, находясь въ Кипрѣ, въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Татарію съ друже-любными письмами, услышавъ, что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣ-ли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ, позволяли имъ спорить съ идолопоклонника-

ми и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готѳами подъ властію [68] Моголовъ), чрезъ нынѣшнюю землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую, Пензенскую и Симбирскую Губернію, гдѣ въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами [69]. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ тамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига Татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію къ странамъ южнымъ [70]. Въ станѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто разсказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ Государей. Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправлялся въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской [71]; но Ман-

гу равнодушно отвѣтствовалъ: „Моголы зна„ютъ, что есть Богъ, и любятъ Его всею ду„шею. Сколько у тебя на рукѣ пальцевъ, столь„ко или болѣе можно найти путей ко спа„сенію. Богъ далъ вамъ Библію, а намъ вол„хвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а „мы слушаемся своихъ наставниковъ, и ни „съ кѣмъ не споримъ... Хочешь ли золота? „Взявъ его изъ казны моей, иди, куда тебѣ „угодно." Посолъ Людовиковъ нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архитектора и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ великомъ изобиліи (72). Сей Гильйомъ сдѣлалъ для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые служили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ, пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый Ангелъ и трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ пить. Моголы вообще любили художниковъ, обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ мудрому правленію безсмертнаго Иличутсая, о коемъ мы выше упоминали, и который, бывъ долгое время Министромъ Чингисхана и преемника его, ревностно старался образовать ихъ подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ Китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ Математиками Арабскими и Персидскими сочинилъ Календарь для Мого-

ловъ, самъ переводилъ книги, чертилъ географическія карты, покровительствовалъ художникамъ; и когда умеръ, то завистники сего великаго мужа, къ стыду своему, нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокровищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ править Государствомъ, объ Астрономіи, Исторіи, Медицинѣ и земледѣліи (73).

Великій Ханъ, отпуская Людовикова Посла, далъ ему гордое письмо къ Королю Французскому, заключивъ оное сими словами: „Именемъ Бога Вседержителя повелѣваю тебѣ, „Королю Людовику, быть мнѣ послушнымъ, и „торжественно объявить, чего желаешь: мира „или войны? Когда воля Небесъ исполнится „и весь міръ признаетъ насъ своимъ Властителемъ, тогда воцарится на землѣ блаженное спокойствіе, и счастливые народы увидятъ, что мы для нихъ сдѣлаемъ! Но если „дерзнешь отвергнуть повелѣніе Божественное, и скажешь, что земля твоя отдалена, „горы твои неприступны, моря глубоки, и „что насъ не боишься: то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажетъ тебѣ, что можемъ сдѣлать!" Такова была надменность Моголовъ!

Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы (74). Не далеко оттуда, на среднемъ протокѣ Волги, находился и древнѣйшій городъ Сумеркентъ, въ коемъ обитали Ясы и *Сарацины* (75). Татары осаждали

его восемь лѣтъ и едва могли взять, по словамъ нашего путешественника. — Имѣвъ случай видѣть Россіянъ, сей Посолъ Людовиковъ сказываетъ, что жены ихъ, украшая голову подобно Француженкамъ, опушиваютъ низъ своего платья бѣлками и горностаями, а мужчины носятъ *епанчи Нѣмецкія* и поярковыя шапки, остроконечныя и высокія. Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета Россійская состоитъ изъ кожаныхъ, пестрыхъ лоскутковъ (76). Черезъ Дербентъ, Шибранъ (гдѣ находилось великое число Жидовъ) Шамаху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ Могольскій Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію и благополучно достигъ Кипра (77).

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЬ и АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1247 — 1263.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новогородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даніилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ.

Узнавъ о кончинѣ отца, Александръ спѣшилъ въ Владиміръ, чтобы оплакать оную вмѣстѣ съ родными и взять нужныя мѣры для Г. 1247. государственнаго порядка. Слѣдуя обыкновенію, дядя Невскаго, Святославъ, наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій, утвердивъ сыновей Ярославовыхъ на ихъ частныхъ Княженіяхъ (78).

Доселѣ Александръ не преклонялъ выи въ Ордѣ, и Россіяне еще съ гордостію именовали его своимъ независимымъ Княземъ: даже стращали имъ Моголовъ (79). Батый слышалъ о знаменитыхъ его достоинствахъ и велѣлъ сказать ему: „Князь Новогородскій! извѣстно „ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество „народовъ? Ты ли одинъ будешь независимымъ?

„Но если хочешь властвовать спокойно, то „явись немедленно въ шатрѣ моемъ, да познаешь славу и величіе Моголовъ." Александръ любилъ отечество болѣе своей Княжеской чести: не хотѣлъ гордымъ отказомъ подвергнуть оное новымъ бѣдствіямъ, и презирая личную опасность не менѣе тщеславія, въ слѣдъ за братомъ Андреемъ поѣхалъ въ станъ Могольскій, гдѣ Батый, принявъ ихъ съ ласкою, объявилъ Вельможамъ, что слава не увеличила достоинствъ Александровыхъ, и что сей Князь дѣйствительно есть человѣкъ необыкновенный: такое сильное впечатлѣніе сдѣлали въ немъ мужественный видъ Невскаго и разумныя слова его, одушевленныя любовію къ народу Россійскому и благородствомъ сердца! — Но Александръ и братъ его долженствовали, подобно *Ярославу*, ѣхать въ Татарію къ Великому Хану [80]. Сіи путешествія были ужасны: надлежало проститься съ отечествомъ на долгое время, терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или на землѣ раскаленной лучами солнца; вездѣ голая печальная степь, лишенная убранства и тѣни лѣсовъ, усѣянная костями несчастныхъ странниковъ; вмѣсто городовъ и селеній представлялись взору одни кладбища народовъ кочующихъ [81]. Можетъ быть, въ самой глубокой древности ходили тамъ караваны купеческіе: Скиѳы и Греки сражались съ опасностію, нуждою и скукою, по крайней мѣрѣ въ надеждѣ обогатиться золотомъ; но что ожидало Князей Россійскихъ въ Татаріи? уничиженіе и го

Александръ въ Ордѣ.

ресть. Рабство, тягостное для народа, еще несноснѣе для Государей, рожденныхъ съ правомъ властвовать. Сыновья Ярославовы, скитаясь въ сихъ мертвыхъ пустыняхъ, воспоминали плачевный конецъ отца своего, и думали, что они также, можетъ быть, навѣки простились съ любезнымъ отечествомъ.

Въ отсутствіе Александра меньшій братъ его, Михаилъ Московскій, прозваніемъ *Храбрый*, изгналъ — какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ — *дядю* ихъ, Святослава, изъ Владиміра, но въ туже зиму, воюя съ Литвою, положилъ свою голову въ битвѣ. Тѣло его осталось на берегу Протвы (82): Епископъ Суздальскій, Кириллъ, ревностный блюститель Княжеской чести, велѣлъ привезти оное въ Владиміръ и положилъ въ стѣнѣ храма Соборнаго; а братья Михаиловы отмстили Литовцамъ, разбивъ ихъ близъ Зубцева. Г. 1248. Князь Московскій убитъ Литвою.

Наконецъ Александръ и братъ его благополучно возвратились отъ Великаго Хана, который столь былъ доволенъ ими, что поручилъ Невскому всю южную Россію и Кіевъ, гдѣ господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ; а дядя ихъ, Святославъ, безъ успѣха ѣздивъ жаловаться на то въ Орду, чрезъ два года скончался въ Юрьевѣ Польскомъ (83). Удѣльные Князья Владимірскіе зависѣли тогда въ особенности отъ Сартака, и часто бывали въ его станѣ — какъ то Борисъ Ростовкій и Глѣбъ Васильковичь Бѣлозерскій — ибо дряхлый Батый, отецъ Сартаковъ, хотя жилъ Г. 1249. Г. 1250. Дряхлость Батыева.

еще нѣсколько лѣтъ, но уже мало занимался дѣлами покоренной Россіи (84).

Въ сіе время Герой Невскій, коего имя сдѣлалось извѣстно въ Европѣ, обратилъ на себя вниманіе Рима, и получилъ отъ Папы, Иннокентія IV, письмо, врученное ему, какъ сказано въ нашихъ лѣтописяхъ, двумя хитрыми Кардиналами, Гальдомъ и Гемонтомъ (85). Иннокентій увѣрялъ Александра, что Ярославъ, отецъ его, находясь въ Татаріи у Великаго Хана, съ вѣдома или по совѣту какого-то Боярина далъ слово Монаху Карпину принять Вѣру Латинскую, и безъ сомнѣнія исполнилъ бы свое обѣщаніе, если бы не скончался внезапно, уже присоединенный къ истинному стаду Христову; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца, если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность, не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника; что Князь и народъ Россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныя Церкви; что Александръ долженъ, какъ вѣрный стражъ Христіанъ, немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена, если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то, что онъ не призналъ надъ собою власти Хана: ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ, призвавъ мудрыхъ людей, совѣтовался съ ними, и написалъ къ Папѣ: „мы знаемъ истинное „ученіе Церкви, а вашего не пріемлемъ и знать

Посольство изъ Рима.

„не хотимъ." Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его: самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію: также и Митрополита Кирилла, который прибылъ изъ Владиміра, и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа, Далмата (86). Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣбѣ, пожарами и весьма опасною болѣзнію Князя Александра, въ коей все Государство принимало участіе, возлагая на него единственнную свою надежду: ибо онъ, умѣвъ заслужить почтеніе Моголовъ, разными средствами благотворилъ несчастнымъ согражданамъ и посылалъ въ Орду множество золота для искупленія Россіянъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искреннюю молитву народа, Бояръ и Духовенства: Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить безопасностію сѣверную область Новогородскую, отправилъ Посольство къ Норвежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ, предлагая ему, чтобы онъ запретилъ Финмаркскимъ своимъ подданнымъ грабить нашу Лопь и Корелію (87). Посламъ Россійскимъ велѣно было также узнать лично Гаконову дочь, именемъ Христину, на коей Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Король Норвежскій, согласный на то и другое, послалъ въ Новгородъ собственныхъ Вельможъ, которые заключили миръ и возвратились къ

Г. 1251.

Г. 1251—1252. Болѣзнь Александрова.

Посольство въ Норвегію.

Гакону съ богатыми дарами; но съ обѣихъ сторонъ желаемый бракъ не могъ тогда совершиться, ибо Александръ, свѣдавъ о новыхъ несчастіяхъ Владимірскаго Княженія, отложилъ семейственное дѣло до инаго, благопріятнѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду, чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его, Андрей, зять Даніила Галицкаго, хотя имѣлъ душу благородную, но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго (88): княжа въ Владимірѣ, занимался болѣе звѣриною ловлею, нежели правленіемъ; слушался юныхъ совѣтниковъ, и видя безпорядокъ, обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей, винилъ въ томъ не самого себя, не любимцевъ своихъ, а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига: по крайней мѣрѣ, слѣдуя примѣру отца и брата, могъ бы дѣятельнымъ, мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ: въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій, гордый, положилъ, что лучше отказаться отъ престола, нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй, Олабуга, прозваніемъ *Храбрый*, и Котья, Воеводы Татарскіе, уже шли въ сіе время наказать его за какое-то ослушаніе: настигнувъ Андрея у Переславля, разбили Княжескую дружину, и едва не схватили самого Князя.

Бѣгство Андреево.

Г. 1252, Іюля 24.

Обрадованные случаемъ мстить Россіянамъ какъ мятежникамъ, толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ; брали скотъ, людей; убили въ Переславлѣ Воеводу (89), супругу юнаго Ярослава Ярославича, плѣнили его дѣтей, и съ добычею удалились. — Несчастный Андрей искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, но жители не хотѣли принять его. Онъ дождался своей Княгини во Псковѣ; оставилъ ее въ Колыванѣ или Ревелѣ у Датчанъ, и моремъ отправился въ Швецію, куда чрезъ нѣкоторое время пріѣхала къ нему и супруга. Но добродушная ласка Шведовъ не могла утѣшить его въ семъ произвольномъ изгнаніи: отечество и престолъ не замѣняются дружелюбіемъ иноземцевъ.

Благоразуміе Александра.

Александръ благоразумными представленіями смирилъ гнѣвъ Сартака на Россіянъ, и признанный въ Ордѣ *Великимъ Княземъ*, съ торжествомъ въѣхалъ въ Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, Игумены, Священники встрѣтили его у Золотыхъ воротъ, также всѣ граждане и Бояре подъ начальствомъ Тысячскаго столицы, Романа Михайловича. Радость была общая. Александръ спѣшилъ оправдать ее неусыпнымъ попеченіемъ о народномъ благѣ, и скоро воцарилось спокойствіе въ Великомъ Княженіи: люди, испуганные нашествіемъ Неврюя, возвратились въ домы, земледѣльцы къ плугу и Священники къ олтарямъ. — Въ сіе время Татары отпустили отъ себя Рязанскаго Князя, Олега Ингварича, который, долгое время страдавъ въ неволѣ, чрезъ

6 лѣтъ умеръ въ отчизнѣ Монахомъ и Схимникомъ (90). Сынъ его, Романъ, наслѣдовалъ престолъ Рязанскій.

Выѣхавъ изъ Новагорода, Александръ оставилъ тамъ сына своего, Василія, который
г. 1253. счастливо отразилъ Литовцевъ. Псковъ, внезапно осажденный Ливонскими Рыцарями, защищался мужественно. Непріятель отступилъ, свѣдавъ, что идутъ Новогородцы; а Россіяне и Корела, опустошивъ часть Ливоніи, въ окрестностяхъ Наровы разбили Нѣмцевъ, такимъ образомъ наказанныхъ за нарушеніе мира и принужденныхъ согласиться на всѣ требованія побѣдителей (91).

Между тѣмъ, какъ Великій Князь радовался успѣхамъ оружія Новогородскаго, онъ былъ
г. 1255. изумленъ нечаяннымъ извѣстіемъ, что сынъ его, Василій, съ безчестіемъ изгнанъ оттуда и пріѣхалъ въ Торжекъ. За годъ до сего времени, братъ Невскаго, Ярославъ, княживъ въ Твери, по какимъ-то неудовольствіямъ выѣхалъ оттуда съ Боярами, сдѣлался Княземъ Псковскимъ, и разными хитростями преклонилъ къ себѣ Новогородцевъ. Они стали жаловаться на Василія, хотѣли послать Архіепископа съ челобитьемъ къ Александру, и вдругъ, забывъ благодѣянія Невскаго Героя, объявили Ярослава своимъ Правителемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, кля-

Вѣтреность Новогородцевъ.

лися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ; они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: „онъ измѣнникъ! убьемъ злодѣя!" Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посолъ Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріятелемъ [92]. Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. „Новгородъ любитъ тебя и не „хочетъ противиться своему законному Князю," говорили ему сіи Послы: „иди къ намъ „съ Богомъ, но безъ гнѣва, и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ананія есть добрый гражданинъ." Александръ, отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденія, требовалъ головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ Новогородцы стыдились казаться малодушными. „Нѣтъ," говорилъ

народъ: „если Князь вѣритъ Новогородскимъ „клятвопреступникамъ болѣе, нежели Нову„городу, то Богъ и Святая Софія не остав„вятъ насъ. Не винимъ Александра, но бу„демъ тверды." Они три дни стояли вооруженные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить имъ, что онъ удовольствуется смѣною Посадника. Тогда Ананія съ радостію отказался отъ своего верховнаго сана, а коварный Михалко принялъ начальство. Александръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились на берегахъ Наровы, и заложили тамъ городъ (93).
г. 1256. Встревоженные Новогородцы послали гонцевъ къ Александру и въ свои области для собранія людей ратныхъ. Хотя опасность миновалась — ибо Шведы ушли, не достроивъ крѣпости — но Великій Князь, немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ изготовиться къ важному предпріятію, не сказывая ничего болѣе. Только у Копорья, гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благословеніе на путь, свѣдали воины, что они идутъ въ Финляндію: устрашенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новогородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкото-

рые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василію, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна (94). Батый умеръ: сынъ его — вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣстнику Улавчію. Сей Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно: въ слѣдъ за ними пріѣхали чиновники Татарскіе въ область Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, — сочли жителей, и поставили надъ ними Десятниковъ, Сотниковъ, Темниковъ, для собранія налоговъ, увольняя отъ сей общей дани только церковниковъ и Монаховъ. Хитрость достойная замѣчанія. Моголы, вступивъ въ наше отечество, съ равною свирѣпостію лили кровь и мірянъ и Духовныхъ, ибо не думали жить близъ его предѣловъ, и стращась оставить

Смерть Батыева.

Г. 1257.

Исчисленіе жителей въ Россіи.

за собою многочисленныхъ враговъ, хотѣли мимоходомъ истребить всѣхъ людей; но обстоятельства перемѣнились. Орда Батыева расположилась навсегда кочевать въ привольныхъ окрестностяхъ Волги и Дона: Ханъ ея для своихъ выгодъ долженъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ щадить подданную ему Россію, богатую естественными и для самыхъ варваровъ нужными произведеніями; узнавъ же власть Духовенства надъ совѣстію людей, вообще усердныхъ къ Вѣрѣ, Моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало Россіянъ противоборствовать игу Татарскому, и чтобы Ханъ тѣмъ спокойнѣе могъ повелѣвать нами. Изъявляя уваженіе къ Духовенству, сіи завоеватели хотѣли доказать, что они не суть враги Бога Русскаго, какъ думалъ народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичь: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву [95]. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь
Г. 1257—1258. вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань

ноголовную (96): Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новогородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ Татарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе безполезно: народъ отвѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожъ свободными отъ ига рабскаго.

Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но со- Казнь Бояръ.

временники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца [97]: столь власть родительская казалась священною!

Александръ остался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами,
г. 1259. ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ ложная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности [98]. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы; но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ домы. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирался вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ [99]. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновника-

ми, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ поколебался: Бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудныхъ, а не богатыхъ людей, будучи для всѣхъ равная; бѣдствіе же войны отчаянной страшило послѣднихъ гораздо болѣе, нежели первыхъ. — И такъ народъ покорился, съ условіемъ, кажется, не имѣть дѣла съ Баскаками и доставлять опредѣленное количество серебра прямо въ Орду или чрезъ Великихъ Князей. — Моголы ѣздили изъ улицы въ улицу, переписывая домы; безмолвіе и скорбь царствовали въ городѣ. Бояре еще могли утѣшаться своею знатностію и роскошнымъ избыткомъ: добрые, простые граждане, утративъ народную честь, лишились своего лучшаго достоянія. — Вельможи Татарскіе, распорядивъ налоги, удалились. Александръ поручилъ Новгородъ сыну Димитрію и возвратился въ Великое Княженіе через Ростовъ, гдѣ вдовствующая супруга Василькова, Марія, Князь Борисъ и Глѣбъ угостили его съ любовію (100); но сей Государь великодушный могъ ли быть счастливъ и веселъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи?

Отечество наше рабствовало отъ Днѣстра до Ильменя. Даніилъ Галицкій, будучи смѣлѣе

Покушеніе Даніилово свергнуть иго.

Александра, тщетно думалъ по смерти Батыя избавиться отъ власти Моголовъ. Дѣятельностію ума необыкновеннаго возстановивъ свое Княженіе и загладивъ въ немъ слѣды Татарскаго опустошенія, онъ бралъ участіе въ дѣлахъ Европы, и два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго (101), (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою.) Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридирековой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ, и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслію, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ

землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга, осажденнаго Богемскимъ Принцемъ въ Юденбургѣ (такъ что Романъ, оставивъ беременную жену, принужденъ былъ уйти къ отцу): но Даніилъ остался другомъ Венгровъ.— Счастливыя войны съ Ятвягами и съ Литвою болѣе и болѣе прославляли мужество сего Князя [102]. Первые, не находя безопасности и за своими лѣсистыми болотами, согласились платить ему дань черными куницами и серебромъ. Въ Литвѣ господствовалъ тогда славный Миндовгъ, баснословно производимый нѣкоторыми Лѣтописцами отъ племени древнихъ Римлянъ, а другими отъ нашихъ Князей Полоцкихъ [03]. Онъ жилъ въ Керновѣ, повелѣвалъ всѣми иными Князьками Литовскими, и грабя сосѣдственныя земли Христіанскія, искалъ пріязни одного Даніила, который женился вторымъ бракомъ на его племянницѣ. Нѣсколько времени бывъ друзьями, они сдѣлались непріятелями. Миндовгъ, опасаясь честолюбивыхъ братьевъ Даніиловой супруги, Товтивила и Эдивида, велѣлъ имъ воевать Смоленскую область, но въ то же время замышлялъ ихъ убить. Племянники свѣдали и бѣжали въ Владиміръ Волынскій. Обрадованный случаемъ унизить гордость Миндовга, Даніилъ представилъ Ляхамъ и Рижскимъ Нѣмцамъ, что междоусобіе Князей Литовскихъ есть счастіе для Христіанъ, и что надобно онымъ воспользоваться. Нѣмцы дѣйствительно вооружились: Россіяне также; самые Ятвяги и Жмудь, въ

угодность имъ, возстали на Литву. Даніилъ завоевалъ Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшаго ему санъ Королевскій (104). Чрезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогродокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новогородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами, и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичь, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, отвѣтствовалъ: „Даніилъ „страшенъ!“ Вся южная Россія съ безпокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ

хотѣлъ даже освободить и Кіевъ, но возвратился съ пути, чтобы защитить Луцкую область, разоряемую Литовцами, мнимыми его союзниками. Уже Даніилъ веселился мыслію о совершенной независимости, когда новыя безчисленныя толпы Моголовъ, ведомыя свирѣпымъ Бурондаемъ, преемникомъ слабаго Куремсы, явились на границахъ Литвы и Россіи. „Желаю знать, другъ ли ты Хану или врагъ?“ сказали Королю Галицкому Послы Бурондаевы: „если другъ, то иди съ нами воевать Литву.“ Даніилъ колебался, видѣлъ превосходство силъ Татарскихъ, медлилъ, и наконецъ послалъ Василька къ Бурондаю, съ дружиною и съ ласковыми словами, которыя сперва имѣли счастливое дѣйствіе. Сонмы Моголовъ устремились на Литву, дотолѣ имъ неизвѣстную; одни дремучіе лѣса и вязкія болота могли спасти жителей; города и веси исчезли. Ятвяги испытали то же бѣдствіе. Хваля мужество, оказанное братомъ Даніиловымъ въ разныхъ сшибкахъ, Бурондай отпустилъ его въ Владиміръ. Прошло два года въ тишинѣ и спокойствіи для юго-западной Россіи. Даніилъ, именуя себя другомъ Ханскимъ, строилъ, укрѣплялъ города, и не преставалъ надѣяться, что Державы сосѣдственныя рано или поздно увидятъ необходимость дѣйствовать общими силами противъ варваровъ; но Бурондай открылъ глаза, и вступивъ въ область Галицкую, далъ знать ея Королю, чтобы онъ явился въ его станѣ какъ смиренный данникъ, или ждалъ казни. Даніилъ послалъ

къ нему брата, сына, Холмскаго Епископа Іоанна и дары. „Хотите ли увѣрить насъ въ „искренней покорности?“ говорилъ Темникъ Хановъ: „разберите или предайте огню стѣ„ны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ око„пы съ землею.“ Василько и Левъ не смѣли ослушаться: города Даниловъ, Стожекъ, Кременецъ, Луцкъ, Львовъ, не задолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Даніилова, обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Татарамъ. Бурондай веселился, смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія; хвалилъ повиновеніе Василька, и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пировавъ въ его дворцѣ, пошелъ къ Холму, откуда горестный Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который, будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ) чтобы склонить жителей къ сдачѣ, взялъ въ руку камень, и сказавъ: „не велю вамъ обороняться,“ кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя, и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: „удалися; ты врагъ Госу„даря нашего.“ Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись, имѣя лучшихъ ратниковъ, укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ; а Татары, не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу, гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ

ѣія Князья уговорили Сендомирскаго начальника сдаться, обѣщая ему и гражданамъ безопасность; но съ горестію должны были видѣть, что Моголы, въ противность условію, рѣзали и топили народъ въ Вислѣ. Наконецъ Бурондай возвратился къ берегамъ Днѣпра, съ угрозою, что области Волынская и Галицкая снова будутъ пепломъ, если ихъ Князья не захотятъ мирно рабствовать и платить дани Хану.

Слѣдственно важныя усилія и хитрости Даніиловы остались безполезными. Онъ не нашелъ помощи ни въ Краковѣ, ни въ Венгріи, къ единственному утѣшенію своему свѣдавъ на пути, что Василько побѣдилъ Миндовга, слабаго противъ Моголовъ, но ужаснаго для сосѣдственныхъ образованныхъ Государствъ. Какъ скоро Бурондай удалился, хищные Литовцы опустошили Мазовію, убили ея Князя Самовита и впали въ наше владѣніе близъ Камена, предводимые какимъ-то измѣнникомъ, Бояриномъ Рязанскимъ, Евстафіемъ. Василько, разбивъ ихъ на берегахъ озера Невельскаго, послалъ къ брату множество трофеевъ, коней осѣдланныхъ, щитовъ, шлемовъ и копій Литовскихъ.

Мы описали здѣсь случаи нѣсколькихъ лѣтъ относительно къ юго-западной Россіи, которая со временъ Батыева нашествія отдѣлилась отъ сѣверной, имѣя особенную систему государственную, связанную съ дѣлами Венгріи, Польши и Нѣмецкаго Ордена гораздо болѣе, нежели съ Суздальскими или Новго-

родскими. Послѣднія для насъ важнѣе: ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій, по возвращеніи своемъ въ Владиміръ, терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости, которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесерменскимъ, Харазскимъ или Хивинскимъ, издревлѣ опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія: сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали неумѣренные росты съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплатежа объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра, Суздаля, Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали, при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ, на сихъ злыхъ лихоимцевъ (106): нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха, который, принявъ Вѣру Магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Кублая, и ругался надъ святынею Христіанства; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гражданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои

Откупщики Бесерменскіе.

Г. 1262.

обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь *соколиною* охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою* (106).

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Димитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ многихъ Новогородцевъ, съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій; Константинъ, зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Литовскій Товтивилъ;

племянникъ Миндовговъ, который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивилъ имѣлъ славу добраго Князя (107). Съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди, и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ, въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе, такъ, что Митрополитъ Кириллъ (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской*, съ коею соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля (108). Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ войска, но продержалъ Невскаго въ Ордѣ всю
г. 1263. зиму и лѣто. Осенью Александръ, уже слабый здоровьемъ, возвратился въ Нижній Новгородъ, и пріѣхавъ оттуда въ Городецъ, занемогъ тяжкою болѣзнію, которая пресѣкла его жизнь 14 Ноября. Истощивъ силы душевныя и тѣлесныя въ ревностномъ служеніи отечеству, предъ концемъ своимъ онъ думалъ уже единственно о Богѣ (109): постригся, принялъ

Схиму, и слыша горестный плачь вокругъ себя, тихимъ голосомъ, но еще съ изъявленіемъ нѣжной чувствительности сказалъ добрымъ слугамъ: „удалитесь и не сокрушайте „души моей жалостію!“ Они всѣ готовы были лечь съ нимъ въ гробъ, любивъ его всегда — по собственному выраженію одного изъ нихъ — гораздо болѣе, нежели отца роднаго. Митрополитъ Кириллъ жилъ тогда въ Владимірѣ: свѣдавъ о кончинѣ Великаго Князя, онъ въ собраніи Духовенства воскликнулъ: „солнце „отечества закатилось!“ Никто не понялъ сей рѣчи. Митрополитъ долго безмолвствовалъ, залился слезами, и сказалъ: „зашло „Александра!“ Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса: ибо Невскій казался необходимымъ для Государства, и по лѣтамъ своимъ могъ бы жить еще долгое время. Духовенство, Бояре, народъ, въ глубокой скорби повторяли одно слово: „погибаемъ!“... Тѣло Великаго Князя уже везли въ столицу: не смотря на жестокій зимній холодъ, Митрополитъ, Князья, всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова; не было человѣка, который бы не плакалъ и не рыдалъ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему, какъ живому, чего Россія въ немъ лишилась. Что можетъ прибавить судъ Историка, въ похвалу Александра, къ сему простому описанію народной горести, основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей, и въ теченіе вѣковъ приписывали ему,

Кончина и добродѣтели Александровы.

какъ новому небесному заступнику отечества, разные благопріятные для Россіи случаи: столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя! Имя *Святаго*, ему данное, гораздо выразительнѣе *Великаго*: ибо *Великими* называютъ обыкновенно *счастливыхъ*: Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства. Самые легкомысленные Новогородцы, неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности, единодушно молили Бога за усопшаго Князя, говоря, что „онъ много потрудился „за Новгородъ и за всю землю Русскую.“ Тѣло Александрово было погребено въ монастырѣ Рождества Богоматери (именуемомъ
Ноября 23. иногда *Великою Архимандритіею*), гдѣ и покоилось до самаго XVIII вѣка, когда Государь Петръ I вздумалъ перенести сіи остатки безсмертнаго Князя на берега Невы, какъ бы посвящая ему новую свою столицу и желая тѣмъ утвердить ея знаменитое бытіе.

По кончинѣ первыя супруги, именемъ *Александры*, дочери Полоцкаго Князя Брячислава, Невскій сочетался вторымъ бракомъ съ неизвѣстною для насъ Княжною *Вассою*, коей тѣло лежитъ въ Успенскомъ монастырѣ Владимірскомъ, въ церкви Рождества Христова, гдѣ погребена и дочь его, Евдокія (110).

Слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ *Родословныхъ Книгъ*, привлекла къ нему изъ чужихъ земель — особенно изъ Германіи и Пруссіи [111] — многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ.

Выходцы изъ чужихъ земель.

Въ княженіе Невскаго начались въ Волжской или Капчакской Ордѣ несогласія, бывшія предвѣстіемъ ея паденія. Ногай, одинъ изъ главныхъ Воеводъ Татарскихъ, надменный могуществомъ, не захотѣлъ повиноваться Хану, сдѣлался въ окрестностяхъ Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника [112]. Отъ имени Ногая произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія [113].

Мятежи въ Ордѣ.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новогородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Ѳеодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даніила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичь долженъ былъ наслѣдовать престолъ Владимірскій; но какъ онъ умеръ
Г. 1264. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новогородцы также признали его своимъ Государемъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій (114). Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысячскаго Кондрата и всего Новагорода, отъ *старѣйшихъ* и *меньшихъ*. Тамъ сказано: „Князь Ярославъ! требуемъ, „чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ и родителю, утвердилъ креснымъ цѣлованіемъ „священный обѣтъ править Новымгородомъ „по древнему обыкновенію, брать одни *дары* „съ нашихъ областей, поручать оныя только Новогородскимъ, а не Княжескимъ чинов-

Древнѣйшая грамота Новогородская.

,,никамъ, не избирать ихъ безъ согласія По-
,,садника, и безъ вины не смѣнять тѣхъ, ко-
,,торые опредѣлены братомъ твоимъ Але-
,,ксандромъ, сыномъ его Димитріемъ и Ново-
,,городцами. Въ Торжкѣ и Волокѣ будутъ Кня-
,,жескіе и наши Тіуны (или судіи): первые въ
,,твоей части, вторые въ Новогородской [115];
,,а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни Княгинѣ, ни
,,Боярамъ, ни Дворянамъ твоимъ селъ не имѣть,
,,не покупать и не принимать въ даръ, рав-
,,но какъ и въ другихъ владѣніяхъ Новагоро-
,,да: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; также въ
,,Вологдѣ, Заволочьѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ,
,,Югрѣ. Въ Русу можешь ты, Князь, ѣздить
,,осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай сво-
,,го рыбника и медовара по грамотѣ отца
,,твоего, Ярослава. Димитрій и Новогородцы
,,дали Бѣжичанамъ и Обонежцамъ на три го-
,,да право судиться собственнымъ ихъ судомъ:
,,не нарушай сего временнаго устава, и не
,,посылай къ нимъ судей. Не выводи народа
,,въ свою землю изъ областей нашихъ, ни при-
,,нужденно, ни волею. Княгиня, Бояре и Дво-
,,ряне твои не должны брать людей въ залогъ
,,по долгамъ, ни купцевъ, ни земледѣльцевъ. От-
,,ведемъ сѣнные покосы для тебя и Бояръ
,,твоихъ; но не требуй отнятыхъ у насъ
,,Княземъ Александромъ, и вообще не подра-
,,жай ему въ дѣйствіяхъ самовластія. Тіунамъ
,,и Дворянамъ Княжескимъ, объѣзжающимъ во-
,,лости [116], даются прогоны, какъ издревле
,,установлено, и только одни ратные гон-
,,цы могутъ въ селахъ требовать лошадей

„отъ купцевъ. Что касается до пошлинъ, „то купцы наши въ твоей и во всей землѣ „Суздальской обязаны платить по двѣ векши „съ лодки, съ возу и съ короба льну или хмѣ„ля. Такъ бывало, Князь, при отцахъ и дѣ„дахъ твоихъ и нашихъ. Цѣлуй же святый „крестъ во увѣреніе, что исполнишь сіи усло„вія, не чрезъ посредниковъ, но самъ, и въ „присутствіи Пословъ Новогородскихъ. А за „тѣмъ мы кланяемся тебѣ, Господину Кня„зю." — Сія любопытная грамота свидѣтельствуетъ, что собственный доходъ Князей Новогородскихъ состоялъ въ *дарахъ*, а дань шла въ казну общественную; что избраніе областныхъ начальниковъ хотя и зависѣло отъ Князя, но требовало согласія Посадникова; что нѣкоторыя волости откупали право имѣть собственныхъ судей; что Новогородцы не дозволяли единоземцамъ своимъ переселяться въ другія Княженія; что купцы ихъ въ областяхъ сосѣдственныхъ торговали по большей части хмѣлемъ и льномъ; что Ладожане давали медъ и рыбу для стола Княжескаго, преимущественно изобилуя оными. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о городѣ Вологдѣ, которая, по тамошнимъ церковнымъ запискамъ, около 1147 году была торговымъ мѣстечкомъ, окруженнымъ лѣсами, а въ слѣдующія времена городомъ знаменитымъ, обнесеннымъ каменною стѣною; развалины ея башенъ и воротъ донынѣ примѣтны (117).

Ярославъ, клятвенно утвердивъ договоръ, пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ, будучи вдовъ, же-

нился на Ксеніи, дочери какого-то Юрія Михайловича (118). Тамъ свѣдалъ онъ о важныхъ происшествіяхъ въ Литвѣ. Не стало Миндовга, Короля Литовскаго, злодѣйски убитаго ближними родственниками. Они умертвили и Товтивила Полоцкаго, коварно заманивъ его въ сѣти, и дали Полочанамъ своего Князя; а сынъ Товтивиловъ, спасаясь отъ сихъ убійцъ, пріѣхалъ въ Новгородъ (119). Россіяне съ горестію видѣли идолопоклонника на тронѣ православнаго, нѣкогда столь знаменитаго Княженія; но утѣшались междоусобіемъ и бѣдствіями Литовцевъ. Миндовгъ имѣлъ сына, именемъ Воишелга, который господствовалъ въ Новгродкѣ, изгнавъ оттуда Романа Даніиловича, и славился тиранствомъ, ежедневно плавая въ крови жертвъ невинныхъ. Къ радости бѣдныхъ подданныхъ, онъ еще при жизни отца сдѣлался Христіаниномъ, и смягченный Вѣрою Спасителя, возненавидѣлъ самую власть мірскую: уѣхалъ къ Даніилу Галицкому; крестилъ сына Львова, Юрія; отказался отъ свѣта; жилъ долго въ Обители Полонинскаго Игумена, Григорія, извѣстнаго благочестіемъ; хотѣлъ видѣть Іерусалимъ и гору Аѳонскую; возвратился съ пути, и на берегу Нѣмена основавъ монастырь, трудился въ оном нѣсколько лѣтъ, ревностно исполняя всѣ обязанности Инока. Миндовгъ ни ласками, ни угрозами не могъ поколебать его усердія къ Христіанству; но вѣсть о несчастной смерти отца произвела въ Воишелгѣ дѣйствіе чрезвычайное: онъ затрепеталъ отъ

Г. 1265. Бракъ Ярославовъ.

Мятежи въ Литвѣ.

гнѣва, схватилъ мечь, и свергнувъ съ себя монашескую одежду, далъ Богу обѣтъ чрезъ три года снова надѣть ее, когда отмститъ врагамъ Миндовга [120]. Сія месть была ужасна: собравъ полки, Воишелгъ явился въ Литвѣ какъ звѣрь свирѣпый, и признанный тамъ единодушно Государемъ, истребилъ множество людей, называя ихъ предателями. Триста семействъ Литовскихъ искали убѣжища во Псковѣ, крестились и нашли великодушнаго заступника въ Ярославѣ: ибо Новогородцы хотѣли-было умертвить сихъ несчастныхъ.

Въ то же время одинъ изъ родственниковъ Миндовговыхъ, именемъ Довмонтъ, выѣхалъ изъ отечества, и, къ удовольствію Псковитянъ, принявъ у нихъ Вѣру Христіанскую,
Г. 1266. снискалъ столь великую довѣренность между ими, что они безъ согласія Ярославова объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы [121]. Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Дви-
Іюня 18. нѣ, и самъ Гердень едва ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе (122); но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: „другу ли Святой Софіи быть непріятелемъ Пскова?“ — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новагорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ пристани, нагруженныя товаромъ: Волховъ, по словамъ Лѣтописца, казался пылающимъ. Богатые граждане въ нѣсколько часовъ обѣдняли, а бѣдные разбогатѣли, въ общемъ смятеніи захвативъ чужія драгоцѣнныя вещи (123). Г. 1267. Маія 23.

Сіе бѣдствіе не мѣшало Новогородцамъ заниматься дѣлами ратными: войско ихъ ходило съ Довмонтомъ и Псковитянами на Литву, сдѣлало много вреда непріятелю, и возвратилось безъ урона; другое осаждало Везенбергъ или Раковоръ въ Эстоніи, подвластной Датчанамъ, но не могло взять его. Желая загладить сію неудачу, Новогородцы сыскали искусныхъ мастеровъ, и велѣли имъ на дворѣ Архіепископскомъ строить большія стѣнобитныя орудія (124); призвали Димитрія Александровича изъ Переславля съ войскомъ, Довмонта Псковскаго, и ждали самого Великаго Князя: но Ярославъ, вмѣсто себя, прислалъ

Война въ Ливоніи.

къ нимъ двухъ сыновей, Михаила и Свяпосла-ва [125]. Въ по время, какъ войско попповилось выступипь, лазупчики Нѣмецкаго Ордена, называясь Послами отъ Риги, Феллина и Дерппа, явились въ Новѣгородѣ, говоря нашимъ Князьямъ, что Рыцарспво Ливонское желаепъ оспаться въ дружбѣ съ ними, не думаепъ помогать Датчанамъ и не вмѣшиваепся въ ихъ дѣла съ Россіянами. Нѣмцы дали клятву въ истинѣ своихъ увѣреній; и Новогородскій Бояринъ, отправленный къ Епископамъ и къ чиновникамъ *Дворянъ Божіихъ* — пакъ у насъ именовали Рыцарей Ливонскихъ — заспавилъ ихъ присягнуть въ томъ же [126]. Считая Нѣмцевъ друзьями, Россіяне надѣялись легко упра-
Г. 1268. Генв. 23. виться съ Датчанами, шли къ Везенбергу пре-мя путями, разоряли селенія, и зная, что многіе жители скрываются въ одной неприступной пещерѣ съ своимъ имѣніемъ, посредствомъ какой-то искусственной машины пустили туда воду: бѣдные Эстонцы выскочили и безъ милости были изрублены въ куски; а добычу, найденную въ пещерѣ, Новогородцы отдали всю Князю Димитрію. Уже войско наше, приближаясь къ Раковору, стояло на берегахъ Кеголи и вдругъ, къ изумленію своему, увидѣло сильные полки Нѣмецкіе, коими предводительствовалъ самъ Магистеръ Ордена, именемъ Отто Фонъ-Роденштейнъ, и Епископъ Дерптскій Александръ, въ противность данной клятвѣ взявшіе сторону Датчанъ [127]. Видя, что надобно раздѣлаться съ ними мечемъ, Новогородцы немедленно перешли за рѣ-

ку и спали противъ *Желѣзнаго* Нѣмецкаго *полку;* сынъ Ярославовъ, Михаилъ, на лѣвомъ крылѣ; Довмонтъ Псковскій, Димитрій и Святославъ на правомъ. Ударили смѣло и мужественно съ обѣихъ сторонъ. „Ни отцы, ни „дѣды наши"— говоритъ Лѣтописецъ —„не „видали такой жестокой сѣчи." Новогородцы, имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою, падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичь обратилъ тылъ. Псковитяне, Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новогородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города; но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій, который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ,* то есть, на мѣстѣ сраженія, въ знакъ побѣды, и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ, не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи, они принесли съ собою трупы убіенныхъ, знаменитыхъ Бояръ, и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его слав-

Февраля 18.

пую кончину. Избрали новаго Посадника, именемъ Павшу; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно, ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кондратовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и 1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянъ, Магистеръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ
Г. 1269. Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не задолго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ.
Апрѣля 23. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечь свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечь), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магистра. Между тѣмъ Новогородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей отступить за рѣку Великую; во-

шли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы (128).

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ, и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить, или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно, что они не согласны на первое, но молили его у нихъ остаться, ибо миръ, заключенный съ Нѣмцами, казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же, что Великій Князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа, который наконецъ уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили, однакожъ, въ угодность Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человѣка, именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собралися въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Татаринъ Амраганъ (129). Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ итти къ Ревелю; но Датчане и Нѣмцы, ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава. Баскакъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Ко-

рельскую, чтобы утвердить ея жителей въ послушаніи: Новогородцы просили его не тревожить сихъ бѣдныхъ людей, и Князь отпустилъ войско, не предвидя для себя опасности. Увѣренный въ преданности нѣкоторыхъ чиновниковъ, а можетъ быть и въ покровительствѣ Татаръ, онъ худо исполнялъ заключенный имъ договоръ съ Новогородцами: дѣйствовалъ иногда какъ Государь самовластный;
г. 1270. слышалъ ропотъ и не уважалъ его. Общее неудовольствіе возрастало. Вдругъ, къ изумленію Князя, ударили въ Вѣчевый колоколъ: настаалъ грозный часъ народнаго суда, и люди со всѣхъ сторонъ бѣжали толпами къ Св. Софіи рѣшить судьбу отечества, какъ они думали. Первымъ опредѣленіемъ сего шумнаго Вѣча было изгнать Ярослава и наказать любимцевъ Княжескихъ: главнаго изъ нихъ умертвили; другіе ушли въ церковь Св. Николая и на Городище, къ Ярославу, оставивъ домы свои въ жертву народу, разломавшему оные до послѣдняго бревна (130). Именемъ Новагорода вручили Князю грамоту обвинительную.
Упреки Великому Князю. „Для чего" — писали къ нему граждане — „завладѣлъ ты дворомъ Морткинича? для чего „взялъ серебро съ Бояръ Никифора, Романа „и Варѳоломея? Для чего выводишь отсюда „иноземцевъ, мирно живущихъ съ нами? для „чего птицеловы твои отнимаютъ у насъ „рѣку Волховъ, а звѣроловы поля? Да будетъ „нынѣ конецъ твоему насилію! Иди, куда хочешь; а мы найдемъ себѣ Князя." Ярославъ послалъ сына и Тысячскаго своего на Вѣче,

съ увѣреніемъ, что онъ сдѣлаетъ все угодное народу. „Нѣтъ!" отвѣтствовали ему граждане: „мы не хотимъ тебя. Удались, или бу-„дешь немедленно изгнанъ." Великій Князь уѣхалъ; а Новогородцы отправили посольство къ Димитрію Александровичу, думая, что онъ съ радостію согласится княжить у нихъ; но Димитрій отрекся, и велѣлъ имъ сказать: „не хочу престола, съ коего вы согнали мо-„его дядю."

Сей отказъ весьма огорчилъ Новогородцевъ. Въ то же время они получили извѣстіе отъ Василія, меньшаго Ярославова брата, что Великій Князь, пылая гнѣвомъ, готовится итти на нихъ съ полками Моголовъ, съ Димитріемъ Переславскимъ и съ Глѣбомъ Смоленскимъ (сыномъ Ростислава [131] Мстиславича). „Но будьте спокойны," писалъ къ нимъ Василій: „Святая Софія есть моя отчина; я „готовъ служить ей и вамъ." Онъ поѣхалъ въ Орду, гдѣ любимецъ Великаго Князя, Ратиборъ, Тысячскій Новагорода, вооружилъ Хана противъ своихъ единоземцевъ, говоря ему: „Новогородцы враги твои; изгна-„ли Ярослава съ безчестіемъ, разграбили „наши домы и хотѣли насъ умертвить един-„ственно за то, что мы требовали съ нихъ „для тебя дани." Обманутый Ханъ послалъ войско, чтобы смирить ослушниковъ; но Василій Ярославичь вывелъ его изъ заблужденія, объяснивъ ему, что Новогородцы ни чѣмъ не оскорбили Моголовъ, и что неудовольствія ихъ на Великаго Князя справедливы. Тогда

Ханъ велѣлъ полкамъ своимъ возвратиться; а Василій, оказавъ столь важную услугу Новогородцамъ, надѣялся быть ихъ Княземъ. Готовые умереть за права вольности, они укрѣпили столицу съ обѣихъ сторонъ высокимъ тыномъ, сносили имѣніе въ средину города и ждали непріятелей.

Ярославъ приближился къ самому Городищу; но видя тамъ всѣхъ жителей вооруженныхъ, конныхъ и пѣшихъ, обратился къ Русѣ, и занявъ оную своимъ войскомъ, прислалъ оттуда Боярина, именемъ Творимира, съ дружелюбными предложеніями въ Новгородъ. „Забываю“ —говорилъ онъ—„сдѣланныя мнѣ вами обиды, „и всѣ Князья Россійскіе будутъ моими по„руками въ вѣрномъ исполненіи нашихъ усло„вій.“ Новогородцы отвѣтствовали ему чрезъ Посла: „Князь! ты объявилъ себя врагомъ „Святыя Софіи: оставь же насъ въ покоѣ, „или мы умремъ за отечество. Не имѣемъ „Князя; но за насъ Богъ, правда и Святая „Софія; а тебя не хотимъ.“ Вь слѣдъ за Посломъ двинулось къ Русѣ ихъ войско многочисленное, въ коемъ находились Ладожане, Корелы, Ижерцы, Вожане и Псковитяне. Станъ ихъ былъ на одной сторонѣ рѣки, Ярославовъ на другой: прошла недѣля въ бездѣйствіи. Тогда Новогородцы получили грамоту отъ Митрополита Кирилла (132). Сей достойный Пастырь Церкви именемъ отечества и Вѣры заклиналъ ихъ не проливать крови: ручался за Ярослава и бралъ на себя грѣхъ, если они, въ изступленіи злобы, дали Богу клятву

не мириться съ Великимъ Княземъ. Слова мудраго старца, знаменитаго саномъ и добродѣтелію, тронули Новогородцевъ, и Послы Ярославовы, прибывъ къ нимъ въ станъ, довершили благое дѣло мира. Написали договоръ: Великій Князь утвердилъ оный цѣлованіемъ креста. Сія грамота также хранится въ нашемъ Архивѣ и содержаніемъ подобна первой; означимъ только нѣкоторыя прибавленія. Въ ней сказано отъ имени Новагорода: „Князь Ярославъ! забудь гнѣвъ на Владыку, Посадника и всѣхъ мужей Новогородскихъ; не мсти имъ ни судомъ, ни словомъ, „ни дѣломъ. Не вѣрь клеветникамъ; не принимай доносовъ отъ раба на господина. Пословъ и купцевъ нашихъ, остановленныхъ „въ Костромѣ и въ другихъ городахъ Низовскихъ, выпусти съ ихъ имѣніемъ; освободи „также военоплѣнныхъ и всѣхъ должниковъ „Новогородскихъ, задержанныхъ въ Торжкѣ „Княземъ Юріемъ Андреевичемъ, или твоихъ „собственныхъ, или Княгининыхъ, или Боярскихъ (купецъ да идетъ въ свою Сотню [133], „а селянинъ въ свой погостъ). Не раздавай „никому государственныхъ даней. Возврати „грамоту отца твоего, которую ты у насъ „отнялъ; и вмѣсто новыхъ, данныхъ тобою, „да имѣютъ силу прежнія, Ярославовы и Александровы грамоты. На Дворѣ Нѣмецкомъ „торгуй единственно черезъ нашихъ купцевъ; „а Двора не затворяй, и не посылай туда „приставовъ. Село Святой Софіи остается „ея неотъемлемою собственностію. Новогородцевъ

Миръ Новогородцевъ съ Ярославомъ.

,,родцы не должны быть судимы въ землѣ Суз-,,дальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней ,,свободно по грамотѣ Ханской (134); бери ,,тамъ уставленныя пошлины, но въ обла-,,стяхъ Новогородскихъ не заводи таможни. ,,Судьи начинаютъ свои объѣзды съ Петрова ,,дни," и проч. На бѣлой сторонѣ сей хар-тіи, къ коей привязана свинцовая печать, написано, что Послы Хана Татарскаго, Чев-гу и Баши, прибыли съ его грамотою въ Новгородъ, возвести *Ярослава* на престолъ. Столь велика была зависимость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Новѣгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ Псковитянамъ инаго Князя — но только на малое время — какого-то Айгуста (135), и зимою уѣхалъ въ Владиміръ, поручивъ Волховскую столицу Намѣстнику, Андрею Вратиславичу. Великое Княженіе Суздальское было спокойно, то есть, рабствовало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за облегченіе своей доли, которое состояло въ томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки, братъ его, именемъ Менгу-Тимуръ, освободилъ Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ. Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Тимура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о

Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изувѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по составамъ, и содравъ кожу съ головы его, взоткнули оную на копіе (136). Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую Вѣру.

Татары принимаютъ Магометову Вѣру.

Іюля 19.

Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался всѣми способами угождать Хану, и подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Василіемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ (137). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего Князя: ви-

Г. 1272. Кончина Ярослава.

димъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченною властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новагорода.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Василій Всеволодовичь, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтную дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ *Чернымъ*, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска (138). Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль, наслѣдіе супруги его, и княжилъ тамъ вмѣстѣ съ тещею. Къ сему извѣстію новѣйшіе Лѣтописцы прибавляютъ слѣдующую повѣсть: „Ѳеодоръ, бывъ въ Ордѣ, мужественною красотою и разумомъ столь плѣнилъ „Царицу Могольскую, что она желала выдать за него дочь свою. Въ то самое время Марія скончалась въ Ярославлѣ, и народъ, объявивъ ея сына, Михаила, Владѣтельнымъ Княземъ, уже не хотѣлъ повиноваться „Ѳеодору, который, лишась супруги и пре-

Перемѣны въ Удѣлахъ.

„стола, согласился быть зятемъ Хана или „Царя Капчакскаго. Всѣ препятствія исчезли: Ханъ позволилъ дочери креститься, и „Константинопольскій Патріархъ торжественною грамотою утвердилъ ея благословенное супружество; а тесть построилъ для „Θеодора великолѣпныя палаты въ Сараѣ и „далъ ему множество городовъ: Черниговъ, „Херсонъ, Болгары, Казань; по смерти же юнаго Михаила Θеодоровича, возвелъ сего любимаго зятя на престолъ Ярославскій, наказавъ „его враговъ. Супруга Θеодорова, названная „въ крещеніи Анною, построила въ Ярославлѣ храмъ Архистратига Михаила и заслужила имя добродѣтельной Христіанки“ (139). Ежели сія повѣсть справедлива, то вѣроятно, что Θеодоръ былъ зятемъ не Менгу-Тимура, а Ногая, женатаго на Христіанкѣ и не хотѣвшаго принять Вѣры Магометанской.

Князь Θеодоръ зять Ханов.

Димитрій Святославичь, Князь Юрьева Польскаго, двоюродный братъ Ярослава, умеръ въ 1269 году (140); и съ того времени 70 лѣтъ не упоминается въ нашей Исторіи о Владѣтеляхъ Юрьевскихъ. Сей набожный Князь принялъ Схиму отъ Епископа Ростовскаго, и закрывая глаза навѣки, сказалъ ему: „Святый „Владыко! ты совершилъ трудъ свой и приготовилъ меня къ пути дальнему, какъ доблаго воина Христова. Тамъ, въ жизни вѣчной, царствуетъ Богъ милосердія: иду служить Ему съ вѣрою и надеждою.“ Сіи послѣднія слова Димитріевы казались Лѣтопис-

цамъ достопамятнѣе дѣлъ его, совершенно для насъ неизвѣстныхъ.

Смерть и добродѣтели Короля Даніила.

Лѣтъ за шесть до Ярославовой смерти преставился (и погребенъ въ Холмѣ) знаменитый Даніилъ, Король Галицкій (141), славный воинскими и государственными достоинствами, а еще болѣе отмѣннымъ милосердіемъ, отъ коего не могли отвратить его ни измѣны, ни самая гнусная неблагодарность Бояръ мятежныхъ: добродѣтель рѣдкая во времена жестокія и столь бурныя. Милостивый къ подданнымъ, онъ и въ другихъ отношеніяхъ исполнялъ уставы нравственности: въ юности чтилъ Князей старшихъ; изъявлялъ нѣжную любовь къ матери и къ брату, получившему отъ него въ Удѣлъ область Владимірскую; помнилъ благодѣянія, ему оказанныя; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ, побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики, не изумился, не утратилъ бодрости духа: хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства, но закрылъ глаза съ надеждою, что его потомки будутъ счастливѣе, слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ, иногда обольщать варваровъ золотомъ и смиреніемъ, иногда устрашать силою, въ ожиданіи, что они, какъ Гунны Аттилины, какъ Обры, исчезнутъ, сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиліемъ Государей Европейскихъ. Сія надежда не совсѣмъ обману-

да Даніила: его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ, уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ.

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ [142]. Василько остался Княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышльскимъ; Романъ Даніиловичь умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ — кажется, любезнѣйшій отцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Не смотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даніиломъ, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить Польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ того требовала. Происшествія въ Западной Россіи.

Хотя Княжество Даніилово раздѣлилось на части, однакожъ его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что Князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшаго брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для

спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней Удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произнесенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даніиловымъ, составитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на месть подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владиміръ, и спалъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Даніилова, Нѣмца Маркольта, гдѣ Князья по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, приска-

жалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ, и съ честію погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ, что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый, будучи Властителемъ, сверхъ одежды богатой носилъ *черную мантію* и потому заслужилъ названіе *волка въ кожѣ агнца* (143). Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христіанской и любви къ нимъ, чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію, столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ, и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ, Вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ, сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько, о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ, особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутинымъ (144). Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и труженикомъ: повѣствуютъ, что онъ жилъ нѣсколь-

ко времени въ дикой, заросшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и рашной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую; а Левъ Шварнову, то есть, Галичь, Холмъ и Дрогичинъ, утвердивъ престолъ свой въ новомъ городѣ Львовѣ, основанномъ еще при Даніилѣ.

Основаніе Кафы.

Ко временамъ, нами описываемымъ, Историки относятъ возобновленіе древней Ѳеодосіи или основаніе нынѣшней Кафы [145]. Можетъ быть, Генуэзцы уже и ранѣе купечествовали въ Тавридѣ вмѣстѣ съ Венеціянами; но въ царствованіе Императора Михаила Палеолога они старались исключительно пользоваться сею торговлею, и съ дозволенія Моголовъ завели тамъ гостиный дворъ, анбары и лавки: сперва, выпросивъ не большую частицу земли, обвели ее рвомъ и валомъ, а послѣ начали строить высокіе домы, присвоили себѣ гораздо болѣе отданнаго имъ мѣста и сдѣлали каменную стѣну, назвавъ сей укрѣпленный, прекрасный городъ Кафою: овладѣли Судакомъ, Балаклавою, нынѣшнимъ Азовомъ или Танаисомъ, выгнали оттуда своихъ опасныхъ совмѣстниковъ, Венеціянъ, и стѣснили древній Херсонъ, гдѣ (въ 1333 году) находился уже *Латинскій* Епископъ, и гдѣ въ XVI вѣкѣ представлялись глазамъ путешественниковъ однѣ великолѣпныя развалины. Имѣя иногда ссоры и даже войну съ Могола-

ми (въ 1343 году), Генуэзцы господствовали тамъ до паденія Греческой Имперіи, и были наконецъ истреблены Турками. Но еще и нынѣ видимъ въ Тавридѣ памятники сихъ образованныхъ Италіянцевъ, остатки ихъ зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ, жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія (146). — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ (коего именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня (147). Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети, въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

Городъ Крымъ.

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1272 — 1276.

Споръ о Новогородскомъ Княженіи. Моголы идутъ на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ. Кончина Василія. Соборъ.

Меньшій братъ Ярославовъ, Василій Костромскій, наслѣдовалъ престолъ Великаго Княженія, и немедленно отправилъ Пословъ въ Новгородъ, куда, вмѣстѣ съ ними, прибыли и Димитріевы. Тѣ и другіе остановились на *Дворѣ Ярослава*; тѣ и другіе ходатайствовали за своего Князя: ибо и Василій и Димитрій Александровичь желали присвоить себѣ Новгородъ, избыточный, сильный, и менѣе другихъ областей угнетенный игомъ Татарскимъ. Димитрій надѣялся на славу мужества, изъявленнаго имъ въ битвѣ Раковорской, и еще болѣе на память отца, Героя Невскаго; а Василій на услугу, недавно оказанную имъ въ Ордѣ Новугороду (148). Посадникъ Павша взялъ сторону перваго, и сынъ Александровъ, признанный Княземъ Новогородскимъ, спѣшилъ въ сію столицу. Василій, свѣдавъ о томъ, послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы схватить его на пути; а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку, и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичь, помогая дядѣ, опу-

Г. 1272. Споръ о Новогородскомъ Княженіи.

Октября 9.

спошалъ между нѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнушь къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хошѣли употребишь оба средсшва, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укрошишь его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъ Пословъ съ отмѣнною чесшію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками высшупилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлалась перемѣна: „Дружба Великаго „Князя для насъ необходима," думали многіе Новогородцы: „купцевъ нашихъ грабятъ те-„перь въ землѣ Суздальской; мы лишены под-„возовъ, и шерпимъ нужду въ хлѣбѣ. Не луч-„ше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить „желаніе Василіево, согласное съ народною „пользою?" Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разсталъся съ Новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь достигъ цѣли; пріѣхалъ въ Новгородъ, и въ знакъ миролюбія забывъ недоброжелательство Боярина Павши, согласился, чтобы народъ возвратилъ ему санъ Посадника. Сей чиновникъ ушелъ-было изъ Торжка къ Димитрію; но боясь на старости лѣтъ остаться изгнанникомъ, прибѣгнулъ къ Василіеву великодушію и до кончины своей пользовался любовію сограждань.

Чрезъ два года, спокойные для Россіи, Великій Князь отправился къ Хану. Въ сіе время Моголы ходили на Литву, приглашенные къ тому Львомъ Галицкимъ. Преемникъ Шварновъ, свирѣпый Тройденъ, нѣсколько лѣтъ бывъ союзникомъ Даніиловыхъ сыновей, нечаянно взялъ Дрогичинъ и безжалостно умертвилъ большую часть жителей. Левъ, озлобленный его вѣроломствомъ, обратился къ Хану Мангу-Тимуру, желая истреблять враговъ врагами (149). Глѣбъ Смоленскій и Романъ Михайловичъ Брянскій, тесть сына Василькова, Іоанна-Владиміра, соединились съ Татарами, долго терпѣвъ набѣги Литовцевъ, которые опустошили за Днѣпромъ самыя отдаленныя мѣста Черниговскаго Княжества. Но сей походъ имѣлъ для Россіи болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели благопріятныхъ: ибо Князья поссорились между собою, и взявъ одно предмѣстіе Новогродка, не захотѣли итти далѣе въ Литву; а Моголы на возвратномъ пути разорили множество нашихъ селъ, подъ именемъ друзей отнимая у земледѣльцевъ скотъ, имѣніе, одежду (150). „Дружба съ не„вѣрными" — говоритъ Лѣтописецъ — „не „лучше брани; и сей случай да будетъ при„мѣромъ для потомства!"

Г. 1275.

Моголы идутъ на Литву.

Оставленные союзниками, Князья Галицкіе взяли въ Литвѣ два города, Турійскъ на берегу Нѣмена и Слонимъ (гдѣ жили Пруссы, которые искали тамъ убѣжища отъ притѣсненій Нѣмецкаго Ордена: Тройденъ населилъ ими и Гродно). Хотя Левъ и Владиміръ, сынъ

Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.

Васильковъ, заключили было миръ съ Тройденомъ; но гордый Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ Могольскаго оружія въ Литовской землѣ, прислалъ новую рать въ Галицію и велѣлъ имъ итти съ нею противъ Литвы. Они повиновались. Моголы осаждали Новогродокъ, Россіяне Гродно; но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, поперявъ много людей. Гродненскіе Пруссы въ особенности бились мужественно и въ нечаянномъ нападеніи плѣнили лучшихъ Бояръ Галицкихъ; однакожъ должны были освободить ихъ, когда Россіяне, овладѣвъ главною башнею крѣпости, предложили честный миръ жителямъ (151).

Великій Князь по возвращеніи изъ Орды преставился въ Костромѣ на сороковомъ году отъ рожденія, къ горести Князей и народа, чтившихъ въ немъ Государя умнаго и добродушнаго (152). — Въ его время чиновники Могольскіе сдѣлали вторично общую перепись людямъ во всѣхъ Россійскихъ областяхъ для платежа дани, и народъ, уже начиная привыкать къ рабству, сносилъ терпѣливо свое уничиженіе. Г. 1276. Кончина Василія.

Къ главнымъ достопамятностямъ Василіева княженія принадлежитъ Соборъ бывшій въ 1274 году, когда Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ изъ Кіева въ Владиміръ, съ Архимандритомъ Печерской Лавры, Серапіономъ, чтобы посвятить его тамъ въ Епископы (153). Кириллъ, знаменитый миротворецъ Князей и другъ отечества, свѣдавъ о многихъ безпо-

рядкахъ въ дѣлахъ церковныхъ, ревностно желалъ исправить ихъ, и созвалъ для того Епи-
Соборъ. скоповъ въ Владиміръ: Далмата Новогородскаго, Игнатія Ростовскаго, Ѳеогноста Переяславскаго или Сарскаго, Симеона Полоцкаго, и разсуждавъ съ ними, издалъ Церковныя правила, коихъ почти современный харатейный списокъ находится въ Синодальной библіотекѣ (154). „Донынѣ" — пишетъ Митрополитъ — „уставы церковные *были омрачены облакомъ Еллинской мудрости;* нынѣ „же предлагаются ясно, и невѣдѣніе да не „будетъ извиненіемъ. Уклоняяся отъ истинныхъ правилъ Христіанства, какое мы видѣли слѣдствіе? Не разсѣялъ ли насъ Богъ „по лицу земли? не взяты ли грады наши? „не истреблены ли Князи остріемъ меча? „не отведены ли въ плѣнъ семейства? не „опустошены ли церкви? не томимся ли ежедневно отъ ига безбожныхъ и нечестивыхъ „враговъ? Се казнь за нарушеніе уставовъ „Церкви!" Увѣренный, что нравственность міранъ во многомъ зависитъ отъ нравовъ Духовенства, Кириллъ повелѣваетъ давать священный санъ единственно людямъ непорочнымъ, коихъ жизнь и дѣла извѣстны *отъ самаго дѣтства;* сосѣды и знакомые должны засвидѣтельствовать ихъ честность, трезвость, добрыя склонности. Житель иной области (слѣдственно неизвѣстный въ той Епархіи), рабъ неосвобожденный, гражданинъ не платящій дани, господинъ жестокій, *ротникъ* или многоклянущійся, лжесвидѣтель, убій-

да хотя и припужденный, мздоимецъ, безграмотный, незаконно женатый, отчуждаются отъ сего сана. Іерею надлежитъ имѣть 30 лѣтъ отъ рожденія, Діакону 29. Епископамъ строго запрещается брать съ нихъ деньги за поставленіе, кромѣ опредѣленныхъ Митрополитомъ *семи гривенъ* для крилошанъ. Всякая мзда, такъ называемая *посошная* и другія, отмѣнены. Далѣе сказано: „Мы свѣдали, „что нѣкоторые Іереи въ странахъ Ново„городскихъ отъ Пасхи до недѣли Всѣхъ Свя„тыхъ празднуютъ только и веселятся, не „крестятъ никого и не отправляютъ служ„бы Божественной: такіе да исправятся или „да будутъ извержены! Единъ достойный Па„стырь лучше тысящи беззаконныхъ. Из„вѣстно намъ также, что многіе люди, дер„жася древнихъ языческихъ обыкновеній, схо„дятся въ святые праздники на какія-то бѣ„совскія игрища, крикомъ и свистомъ сзыва„ютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и бьются дре„кольемъ до самыя смерти, снимая съ уби„тыхъ одежду: отнынѣ кто не престанетъ „тѣшить Діавола такими гнусными забавами, „да будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; „да не пріемлютъ отъ него никакихъ прино„шеній, то есть, ни просфоръ, ни кутьи, „ни свѣчь; когда же умретъ, да не отправ„ляютъ по немъ Божественныя службы, и „тѣло его да лежитъ далеко отъ святыхъ „храмовъ!“ Въ числѣ многихъ обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ, Кириллъ осуждаетъ *обливаніе* при крещеніи, говоря,

что оно беззаконно, и что крестимый долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудѣ особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая государственныя бѣдствія разврату народа и заблужденіямъ Духовенства, сей Митрополитъ хотѣлъ искоренить оныя мѣрами согласными съ образомъ мыслей своего вѣка.

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1276 — 1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье. Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области. Независимость Тверскаго Княженія. Опустошеніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами. Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева.

Г. 1276. Состояніе Россіи. После страшной грозы Батыевой отечество наше какъ бы отдохнуло въ теченіе лѣтъ тридцати, будучи обязано внутреннимъ устройствомъ и тишиною умному правленію Ярослава Всеволодовича и Св. Александра. Нѣкоторые частные грабежи Моголовъ, нѣкоторые маловажныя распри Князей, и самая утрата государственной независимости уже казались легкимъ зломъ въ сравне-

ніи съ общими бѣдствіями минувшихъ лѣтъ, еще свѣжими въ памяти народа. Войны внѣшнія были довольно счастливы: побѣда Невская и Раковорская свидѣтельствовали, что Россіяне еще умѣютъ владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими (155), доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичь восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новогородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новагорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской (156), и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Ѳеодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ — повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиліемъ противоборствовали ихъ оружію (157). Князья наши завоевали Ясскій городъ Дедяковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ,

Г. 1277.

Россіяне въ Дагестанѣ.

и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе Хана, изъявившаго имъ оное не только великою хвалою, но и богатыми дарами. Ѳеодоръ Ярославскій и зять его, Михаилъ, сынъ Глѣбовъ, ходили и въ слѣдующій годъ помогать Татарамъ, или единственно исполняя волю Хана, или желая добычи, коею Моголы охотно дѣлились съ Россіянами, пользуясь ихъ мужествомъ (158). Татары воевали
г. 1278. тогда въ Болгаріи съ однимъ славнымъ бродягою, свинопасомъ, извѣстнымъ въ Греческихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Лахана: сей человѣкъ приманилъ къ себѣ многихъ людей, увѣривъ ихъ, что Богъ послалъ его освободить отечество отъ ига Могольскаго; имѣлъ сперва удачу, и женился на вдовствующей супругѣ Царя Болгарскаго, имъ злодѣйски умерщвленнаго; но былъ наконецъ разбитъ Татарами и лишенъ жизни въ станѣ Ногаевомъ.

Между тѣмъ Великій Князь Димитрій наказалъ данниковъ Новагорода, Кореловъ, *взявъ* ихъ землю на *щитъ*, то есть, разоривъ оную и плѣнивъ многихъ жителей, за ослушаніе или явный бунтъ: въ надеждѣ, можетъ быть, на помощь Магистра Ливонскаго или Короля Шведскаго, они хотѣли свергнуть иго, возложенное Новымгородомъ на ихъ предковъ.
г. 1280. Чтобы Нѣмцы и Шведы не могли свободно приставать къ нашимъ берегамъ Финскаго залива, Димитрій заложилъ каменную крѣпость
Копорье. въ Копорьѣ, гдѣ прежде находилась деревянная, въ его же время срубленная. Сія крѣпость сдѣлала раздоръ между Княземъ и народомъ:

первый хотѣлъ присвоить оную лично себѣ и занять своею дружиною; а граждане не позволяли Князю владѣть чѣмъ нибудь въ области Новогородской, особенно же мѣстомъ укрѣпленнымъ — и Димитрій, съ досадою уѣхавъ въ Владиміръ, началъ готовиться къ войнѣ. Тщетно Посолъ, Архіепископъ Климентъ, преемникъ Далматовъ, уговаривалъ его оставить гнѣвъ на людей обыкшихъ соблюдать древнія права свои: Великій Князь пошелъ съ войскомъ въ область Новогородскую, началъ непріятельскія дѣйствія разореніемъ многихъ селеній и сталъ на Шелонѣ. Тамъ Архіепископъ Климентъ вторичнымъ моленіемъ и дарами склонилъ его къ миру: Новогородцы согласились поручить Копорье дружинѣ Княжеской, но съ того времени не взлюбили Димитрія, ожидая случая отмстить ему за сіе насиліе, который скоро и представился (159).

Димитрій, оставивъ своего чиновника въ Новѣгородѣ, возвратился въ Владиміръ, быть посредникомъ въ ссорѣ Князей Ростовскихъ. Борисъ Васильковичь еще въ 1277 году скончался въ Ордѣ, гдѣ была съ нимъ и супруга его, Марія (160). Глѣбъ Бѣлозерскій, наслѣдовавъ Ростовъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Сей меньшій Васильковъ сынъ отъ юности своей пользовался отмѣнною милостію Хановъ, и служилъ имъ на войнахъ усердно, чтобы тѣмъ лучше служить отечеству: ибо угнетаемые Моголами Россіяне всегда находили заступника и спасителя въ великодушномъ Глѣбѣ, вообще благотворительномъ, щедромъ, Г. 1281. Ссора Князей Ростовскихъ.

отцѣ сирыхъ и бѣдныхъ. По его кончинѣ сыновья Борисовы, Димитрій и Константинъ, господствуя въ Ростовѣ, отняли у Глѣбова сына, Михаила, наслѣдственную Бѣлозерскую область, и скоро поссорились между собою, такъ, что Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ Великому Князю, а Димитрій Борисовичъ началъ собирать полки; но Великій Князь отвратилъ ненавистное кровопролитіе: самъ ѣздилъ въ Ростовъ и посредствомъ тамошняго Епископа, Игнатія, уговорилъ братьевъ жить согласно.

Междоусобіе въ Вел. Княженіи.

Въ то самое время собственный его меньшій братъ, Андрей Александровичъ, Князь Городца Волжскаго, дѣйствуя по совѣту злодѣя, Семена Тонилѣевича, и другихъ недостойныхъ Бояръ, вздумалъ овладѣть Великимъ Княженіемъ, вопреки государственному уставу или древнему обыкновенію, по коему старшій въ родѣ заступалъ мѣсто отца. Лестію и дарами задобривъ Хана, Андрей получилъ отъ него грамоту и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Ѳеодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичъ Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрье-

ва, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими (161): они жгли и грабили домы, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичь бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новогородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. „Стой, Князь!“ г. 1282. говорили они: „мы помнимъ твои обиды. Иди, „куда хочешь.“ Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя (162). Доброхотствуя

шестію, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новогородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новогородцы призвали его и возвели на престолъ Св. Софіи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новогородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и боясь, чтобы Димитрій не занялъ хлѣбнаго Торжка, ввѣрили защиту сего для нихъ важнаго мѣста надежному Боярину, Семену Михайловичу; велѣли ему доставить оттуда весь излишній хлѣбъ водою въ Новгородъ, и соединились съ друзьями Андреевыми, меньшимъ его братомъ, Даніиломъ Московскимъ, и Святославомъ Тверскимъ (163). Они хотѣли изгнать Великаго Князя; встрѣтивъ же его готоваго къ битвѣ, въ пяти верстахъ отъ Дмитрова, остановились, и заключили миръ *на всей волѣ своей:* то есть, Димитрій отказался отъ Новагорода и далъ слово никогда не мстить его жителямъ. Но Андрей нашелъ гораздо усерднѣйшихъ помощниковъ въ Моголахъ: сіи вар-

вары, всегда алчные къ злодѣйствамъ и добычѣ, не отказались и вторично услужить ему разореніемъ Великаго Княженія; напали со всѣхъ сторонъ на Суздальскія области, и устремились къ Переславлю, означая свой путь кровію и пожарами. Димитрій не могъ противиться: онъ бѣжалъ къ сильному Ногаю, который, бывъ прежде Воеводою Ханскимъ, тогда уже самовластно господствовалъ отъ степей Слободской Украинской и Екатеринославской Губерніи до береговъ Чернаго моря и Дуная.

Такимъ образомъ Князья Россійскіе въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитить себя отъ оныхъ, и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго, личнаго властолюбія. Димитрій не обманулся въ надеждѣ: убѣжденный его справедливостію, или желая единственно доказать свое могущество, Ногай Г. 1283. возвратилъ ему престолъ и власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Тудань-Мангу [164], боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тониглієвичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ

жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: „Я ничего не знаю. „Братья ссорятся, братья мирятся; а мое дѣ„ло вѣрно служить Государю.“ Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: „и такъ Великій Князь не „боится вѣроломства? клялся быть другомъ „Андреевымъ и грозитъ казнію его Боярамъ!“ Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человѣка жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи не могли бы такъ часто успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ.

Г. 1283—1284. Андрей молчалъ, и не смѣя ни въ чемъ спорить съ Димитріемъ, уступилъ ему Новгородъ, хотя, будучи въ Торжкѣ, не за долго до сего времени далъ клятву Новогородскимъ чиновникамъ жить или умереть съ ними [165]. Онъ ходилъ даже вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и съ Татарами смирять Новогородцевъ, не хотѣвшихъ повиноваться его брату. Чтобы не раздражить Моголовъ и спасти свою область отъ разоренія, они согласились наконецъ зависѣть отъ Димитрія, уступивъ ему Волокъ.

Увидимъ, что Андрей, стараясь доказывать Великому Князю свое раскаяніе и миролюбіе, дѣйствовалъ какъ лицемѣръ; но прежде описанія его новыхъ злодѣйствъ изобразимъ пог-

Бѣдствіе Курской области.

данныя бѣдствія области Курской, гдѣ господствовали Олегъ и Святославъ, потомки древнихъ Владѣтелей Черниговскихъ [166]: первый въ Рыльскѣ и Ворголѣ, а второй въ Липецкѣ. Баскакомъ сего Княженія былъ Ахматъ Хивинецъ: взявъ на откупъ дань Татарскую, онъ угнеталъ народъ, не исключая ни Бояръ, ни Князей, и завелъ близъ Рыльска двѣ слободы, куда стекались негодяи всякаго рода, чтобы, снискавъ его покровительство, грабить окрестныя селенія. Олегъ съ согласія Святослава пожаловался на то Хану Телебугѣ, который, давъ ему отрядъ Моголовъ, велѣлъ разорить слободы Ахматовы: Князья же, исполняя въ точности приказъ его, вывели оттуда своихъ бѣглыхъ людей, а другихъ оковали цѣпями. Ахматъ находился тогда у Ногая, и слыша, что сдѣлалось въ области Курской, описалъ ему Олега и Святослава разбойниками, тайными его непріятелями. Сіе обвиненіе имѣло нѣкоторую тѣнь истины: ибо легкомысленный Святославъ, еще прежде Олегова возвращенія изъ Орды, тревожилъ Баскаковы селенія ночными нападеніями, похожими на разбой. „Чтобы увѣриться въ справедли-„вости моихъ словъ" — говорилъ Ахматъ Ногаю — „пошли сокольниковъ въ Олегову зем-„лю ловить лебедей, и вели ему къ тебѣ пріѣхать [167]: увидишь, что онъ не послушается." Олегъ не считалъ себя виновнымъ, ибо исполнилъ только волю Хана; но боясь клеветы Ахматовой, не захотѣлъ ѣхать къ Ногаю, который, будучи раздраженъ его ослу-

шаніемъ, послалъ войско наказать мнимаго непріятеля. Могъ ли Князь двухъ или трехъ ничтожныхъ городковъ думать о сопротивленіи? Олегъ бѣжалъ къ Хану Телебугѣ, Святославъ въ лѣса Воронежскіе, а Моголы, разоривъ Курское владѣніе, схватили 13 Бояръ, также нѣсколько странниковъ-нищихъ, и предали ихъ скованныхъ въ жертву злобному Баскаку. Онъ злодѣйски умертвилъ первыхъ, освободилъ странниковъ, и подаривъ имъ окровавленныя одежды казненныхъ Бояръ, сказалъ: „ходите изъ земли въ землю, и громогласно „объявляйте: *такъ будетъ всякому, кто дер„знетъ оскорбить Баскака!*" Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не кого было стращать сими знаками его ужасной мести. Однакожъ Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько человѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собрать, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь по-

гребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревахъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно обьявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: „Мы были „правы, а теперь стали виновны. Дѣло твое „есть вторичный разбой, всего болѣе ненавистный Татарамъ и въ самомъ нашемъ отечествѣ нетерпимый. Надлежало требовать „суда и ждать его отъ Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй. Моя совѣсть чиста. „Иди, оправдайся предъ Царемъ.“ Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: „я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и „правъ.“ Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ, и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что Лѣтописцы сего времени ни мало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитаго: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечь въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской.... Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ,

оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были иногда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Димитрія: увидимъ его и защитникомъ Андрея.
г. 1285. Сей Князь Городецкій, живъ два года спокойно, призвалъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ [168]. Великій Князь предупредилъ ихъ: соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію: Ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Татаръ, привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хо-
г. 1289. тѣвшихъ быть во всемъ господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичь, сватъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Татаръ: чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Ханскую: наконецъ умертвилъ Телебугу, и возвелъ на
г. 1291. престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій Князь, обязанный всѣмъ покровительству Ногая, могъ быть еще спокойнѣе прежняго, видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе угодить ему, онъ послалъ въ Орду сына, юнаго Александра (который тамъ и скончался). Но Андрей хитрыми происками успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Удѣльныхъ Князей, въ особенности же Θеодора Ярославскаго, любимца и — какъ вѣроятно — зятя Ногаева, представляя имъ Димитрія опаснымъ и готовымъ стѣснить ихъ права, хотя Великій Князь совсѣмъ не думалъ о самовластіи [169]. За нѣсколько лѣтъ до того времени оскорбленный Тверскимъ Владѣтелемъ, Михаиломъ Ярославичемъ, юношею гордымъ, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Новогородцами воевать его области, но долженъ былъ заключить съ нимъ миръ у Кашина, не смѣвъ рѣшиться на битву и какъ бы признавъ независимость Тверскаго Княженія. Андрей и Θеодоръ, вступивъ въ тѣсную связь, очернили Димитрія въ глазахъ Ногая, весьма равнодушнаго къ справедливости и довольнаго случаемъ обогатить своихъ Моголовъ новымъ впаденіемъ въ Россію, гдѣ они били людей какъ птицъ, и брали добычу, не подвергаясь ни малѣйшей опасности. Ногай сказалъ слово, и многочисленные полки Моголовъ устремились на разрушеніе. Дюдень, братъ Хана Тохты, предводительствовалъ ими; а Князья, Андрей и Θеодоръ, указывали ему путь въ сердце отечества. Димитрій находился въ Переславлѣ: не имѣя отважно-

Г. 1292.

Независимость Тверскаго Княженія.

Г. 1293.

ети встрѣтить Дюденя ни съ оружіемъ, ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности, онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ, къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе, и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія: ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ, Суздаль, Владиміръ, Юрьевъ, Переславль, Угличь, Коломна, Москва, Дмитровъ, Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе, люди плѣнены, жены и дѣвицы обруганы. Духовенство, свободное отъ дани Ханской, не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія: обнажая церкви, Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго, называемый *чудеснымъ* въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человѣка: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичь Московскій, братъ и союзникъ Андреевъ, дружелюбно впустивъ Татаръ въ свой городъ, не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе, коими сія часть Россіи тогда изобиловала, служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Опустошеніе Россіи.

Дюденъ вступилъ въ Тверскую область и думалъ взять столицу, тѣмъ удобнѣе, что Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость, и съ обрядами священными давъ

клятву другъ другу обороняться до послѣдняго человѣка, составили войско, довольно сильное числомъ: ибо многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гражданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, любимый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ-было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу безопасную. Духовенство встрѣтило Князя со крестами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые малодушные ободрились и казались себѣ Героями. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же легко сообщается, какъ и робость. — Недостойный Князь Андрей, бывъ свидѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюденя къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Новогородской области, ибо искали въ Россіи не славы побѣдъ, а только одной безопасно добываемой корысти (170). Разореніемъ Волока заключилась трагедія: приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новогородцы объявили тамъ Андрею, что они всегда желали имѣть его своимъ Княземъ, и что ему нѣтъ нужды итти къ нимъ съ Татарами. Дюдень отступилъ, и вышелъ изъ Россіи. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ; союзникъ г. 1294.

же его, Θеодоръ Ростиславичь, взялъ себѣ Переславль Залѣскій. Сей Князь, по смерти братьевъ, Глѣба и Михаила Ростиславичей, господствовалъ и въ Смоленскѣ, но скоро долженъ былъ уступить оный племяннику, Александру Глѣбовичу, воину мужественному, который (въ 1285 году) счастливо отразилъ отъ столицы своей Князя Брянскаго, Романа Михайловича (171).

Великій Князь ждалъ только отбытія полковъ Дюденевыхъ и хотѣлъ немедленно возвратиться въ свою наслѣдственную Переславскую область, зная, что усердный къ нему народъ возметъ его сторону. Андрей съ дружиною Новогородскою перехватилъ брата на пути, близъ Торжка. Великій Князь, оставивъ казну свою въ рукахъ Андреевыхъ, ушелъ въ Тверь, гдѣ юный Михаилъ принялъ его со всею должною честію, и вызвался быть миротворцемъ между ими, чтобы избавить отечество отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Епископъ Тверскій и Святославъ, братъ Михаиловъ, поѣхали въ Торжекъ, убѣждали, молили Андрея, и наконецъ успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ. Великій Князь отказался отъ старѣйшинства и престола Владимірскаго, довольный наслѣдственнымъ Переславскимъ Удѣломъ; а Новогородцы получили обратно Волокъ. Согласно съ главнымъ условіемъ мира, Θеодору Ростиславичу надлежало оставить Переславль: онъ не могъ противиться волѣ Андреевой, но выѣзжая изъ сего города, обратилъ его въ пепелъ. Димитрій свѣдалъ о томъ

уже въ послѣдніе часы своей жизни: занемогъ, постригся и близъ Волока умеръ на пути (172): Государь памятный одними несчастіями, претерпѣнными Россіею въ его княженіе отъ Андреева безумнаго властолюбія! Лѣтописцы прибавляютъ, что въ сіи горестныя времена были страшныя небесныя знаменія, громы, вихри и смертоносныя болѣзни.

Кончина Димитріева.

Новогородцы при Димитріи также не пользовались ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ миромъ. Въ 1287 году смѣненный Посадникъ, Симеонъ Михайловичь, несправедливо обвиняемый во злоупотребленіяхъ власти, былъ осажденъ въ домѣ своемъ шумными вооруженными толпами и едва могъ спасти жизнь: Архіепископъ самъ проводилъ его въ Софійскую церковь, священную и для злодѣевъ; никто не дерзнулъ вломиться въ оную. На другой день всѣ признали невинность Посадника; но Симеонъ умеръ съ горести, видѣвъ легковѣріе и жестокость согражданъ. *Конецъ* возставалъ на *Конецъ*, улица на улицу: такъ называемая Прусская была вся выжжена за Боярина Самуила Ратьшинича, убитаго ея жителями на Дворѣ Архіепископскомъ. Въ 1291 году мятежники ограбили богатыя лавки купеческія: граждане, судивъ сихъ злодѣевъ на Вѣчѣ, утопили двухъ главныхъ виновниковъ. — Нѣмцы часто тревожили Новогородцевъ, разбивали ихъ суда на Ладожскомъ озерѣ и хотѣли обложить данію Корелу: мужественный Посадникъ Симеонъ, въ устьѣ Невы побѣдивъ Нѣмецкаго Воеводу Трунду, истребилъ боль-

Неустройства въ Новѣгородѣ.

Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.

щую часть его *шнекъ* и *лойвъ* или судовъ. Шведы, раздраженные нападеніемъ отряда Новогородскаго на Финляндію, приходили разорять землю Ижерскую и Корельскую. Ихъ было 800 человѣкъ: ни одинъ не спасся; жители сихъ областей сами собою управились съ ними. Но въ слѣдующій годъ (1293) Шведы заложили крѣпость на границахъ Кореліи, нынѣшній Выборгъ, и Новогородцы, приступивъ къ ней съ малыми силами, возвратились безъ успѣха и съ урономъ. Король Шведскій, Биргеръ, желалъ утвердиться въ Кореліи для того, чтобы обуздать ея свирѣпыхъ жителей, непрестанно безпокоившихъ его сѣверовосточныя владѣнія и грабившихъ суда купеческія на Финскомъ заливѣ; хотѣлъ также укоренить въ ней Латинскую Вѣру и присвоить себѣ господство надъ торговлею Нѣмцевъ съ Новымгородомъ: чему свидѣтельствомъ служитъ грамота, данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ, въ коей онъ, обѣщая имъ покровительство, строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію (173).

Набѣги Литвы.

Набѣги Литовцевъ продолжались, особенно на области Тверскую и Новогородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева, Ржева, Твери, но и Москвитяне съ Дмитровцами долженствовали вооружиться (въ 1285 году), и соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ, убили ихъ Князя, именемъ Домонта (174).

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ Историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава, умершаго бездѣтнымъ, Левъ думалъ быть его наслѣдникомъ и Государемъ всей Польши; не могъ преклонить къ тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка, Болеславова племянника) и желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ, самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю требовать отъ него вспоможенія (175). Однакожъ, не смотря на многочисленныя толпы Моголовъ, данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду, взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ, и положивъ на мѣстѣ 8000 человѣкъ. Князья благоразумные, Владиміръ-Іоаннъ и Мстиславъ Даніиловичь, весьма неохотно участвовали въ семъ походѣ, осуждая призваніе Моголовъ, которымъ слѣпое властолюбіе Льва указывало путь къ дальнѣйшимъ опустошеніямъ странъ Христіанскихъ. Но Провидѣніе охраняло Западъ. Такъ сильные Вожди Ханскіе, Ногай и Телебуга, въ 1285 году предпріявъ совершенно разрушить Венгерскую Державу, и взявъ съ собою Князей Галицкихъ, наполнили стремнины Карпатскія трупами своихъ воиновъ. Россіяне были для нихъ худыми путеводителями: гдѣ надлежало итти три дни, тамъ Моголы скитались мѣсяцъ; сдѣлался голодъ, моръ, и Телебуга возвратился *пѣшъ съ одною женою* и *кобылою,* по словамъ Лѣтописца. Около сита ты-

Дѣла съ Польшею.

сячь варваровъ погибло въ горахъ и пустыняхъ. Не смотря на то, Ногай и Телебуга въ 1287 году съ новыми силами явились на берегахъ Вислы: Герцогъ Лешко бѣжалъ изъ Кракова; никто не мыслилъ обороняться въ Польшѣ: но, къ ея спасенію, Вожди Татарскіе боялись и ненавидѣли другъ друга; не захотѣли дѣйствовать совокупно, и безъ битвы плѣнивъ множество людей, удалились. Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галиціи, требуя гостепріимства отъ ея Князей, вмѣстѣ съ нимъ неволею ходившихъ за Вислу; а въ благодарность за оное Моголы грабили, убивали Россіянъ и сообщили имъ язву, отъ коей умерло въ однѣхъ Львовыхъ областяхъ 12,500 человѣкъ, и которая, если вѣрить сказанію Длугоша, произошла отъ того, что Моголы испортили воды въ Галиціи ядомъ, будто бы извлеченнымъ ими изъ мертвыхъ тѣлъ (176). Сіе бѣдствіе увѣрило Льва Даніиловича, что должно не призывать, а всячески отводить Моголовъ отъ покушеній на Западъ: ибо Галичъ и Волынія, служа имъ перепутьемъ, страдали въ такомъ случаѣ не менѣе тѣхъ земель, куда стремились сіи варвары.

Кончина К. Владиміра Волынскаго.

Здѣсь подробныя сказанія Волынскаго Лѣтописца о происшествіяхъ его отчизны заключаются извѣстіемъ о болѣзни и кончинѣ Владиміра-Іоанна Васильковича, любителя правды, кроткаго, милостиваго, трезваго, и за особенную ученость по тогдашнему времени названнаго *Философомъ*. Сей добрый Князь Владимірскій четыре года страдалъ какъ Іовъ.

Нижняя губа его начала гнить; лѣкарства не помогали: но снося терпѣливо боль, онъ занимался дѣлами и ѣздилъ на конѣ. Недугъ усилился: вся мясная часть бороды отпала; нижніе зубы и челюсть выгнили. Предвидя смерть, Владиміръ собралъ всѣ драгоцѣнности, золотые и серебряные поясы отцевскіе и собственные, монисты бабкины, материны, большія серебряныя блюда, золотые кубки; слилъ ихъ въ гривны и роздалъ бѣднымъ вмѣстѣ съ Княжескими стадами. Не имѣя дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжкой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. „А что братъ нашъ Левъ далъ въ память родителя моего?" сказалъ Владиміръ: „господствуя въ трехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и „Брестъ; но не обманетъ меня." Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручивъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную Княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и преставился въ

Любомлѣ (въ 1289 году,) а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богоматери, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуетъ Евреевъ, сказывая далѣе, что сей Князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицемъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію; что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Льснѣ (гдѣ всѣ мѣста по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію (177). Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не безпокоили Западной Россіи, и были довольны, получая отъ ея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куницъ, и да-

же серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову, и заключивъ тѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и знаменитость своихъ Государей. Еще родъ Святополка-Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичь, *добрый* и *правдивый* (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые въ лѣтописи Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатыя волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ (178); а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Литовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго ставилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кириллъ (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ;

тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего Митрополита (179). Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давноумершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробѣ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кириллъ, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: „Игнатій! оплакивай во всю жизнь „свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца „прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ „и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, „бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ и пилъ за „столомъ Княжескимъ, и въ благодарность „за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во „глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое со„грѣшеніе!“ — Кириллъ посылалъ Епископа Сарскаго, Ѳеогноста, къ Патріарху Константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Цер-

Добродѣтели Кирилла Митрополита.

ковъ Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д' Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казнь многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви (180), громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѳемѣ уставы Латинской Церкви. — Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ (181); но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кромѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Ѳеогностъ ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ

Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ Дюденево войско злодѣйствовало въ Россіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми (182). Кажется, что въ сіе время уже разные Воеводы Могольскіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (около 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ народъ и возвратился съ богатою корыстію въ свои Улусы.

Смерть Ногаева.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1294 — 1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Россіянъ. Смерть Даніила Московскаго. Междоусобія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливонскимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Миръ съ Даніею. Смерть Андреева. Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ. Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота.

Г. 1294.

Наконецъ властолюбивый Андрей уже могъ назваться законнымъ Великимъ Княземъ Россіи; никто не спорилъ съ нимъ о семъ достоинствѣ. Константинъ Борисовичь, по кончинѣ старшаго брата, сѣлъ на престолѣ Ростовскомъ, отдавъ Угличь своему сыну, Александру. Великій Князь и Михаилъ Тверскій женились на дочеряхъ умершаго Дими-

Браки.

трія Борисовича, и два года протекли въ тишинѣ (183).

Но могъ ли Андрей, разоритель отечества, требовать любви отъ народа и почтенія отъ Князей? Онъ не имѣлъ и тѣхъ свойствъ, коими злодѣи человѣчества закрашиваютъ иногда черноту свою: ни ревностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ въ глаза опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права называться побѣдителемъ! Свойства Андреевы.

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Ѳеодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милость Тохты (184). Посолъ Ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе): Ѳеодоръ Черный и Константинъ Борисовичъ стояли за Ан- Г. 1295. Г. 1296—1297. Судъ Князей.

дрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ Князья и Вельможи взялись-было за мечи. Епископы, Владимірскій Симеонъ и Сарскій Исмаилъ, ставъ посреди шумнаго сонма, не дали братьямъ рѣзаться между собою [185]. Судъ кончился миромъ, или, лучше сказать, ничѣмъ. Посолъ Хановъ взялъ дары, а Великій Князь, давъ слово оставить братьевъ и племянника въ покоѣ, въ тоже время началъ собирать войско, чтобы смирить ихъ какъ мятежниковъ. Желая воспользоваться отсутствіемъ Іоанна, онъ хотѣлъ завладѣть Переславлемъ, но встрѣтилъ подъ Юрьевымъ сильную рать Тверскую и Московскую: ибо Іоаннъ, отправляясь къ Хану, поручилъ свою область защитѣ Михаила Ярославича. Вторично вступили въ переговоры и вторично заключили миръ, кото-
г. 1295—1304. рый, сверхъ чаянія, не былъ нарушенъ до самой кончины Андреевой. Князья иногда ссорились, однакожъ не прибѣгали къ мечу, и находили способъ мириться безъ кровопролитія.

Сеймы Княжеские. Древніе Сеймы Княжескіе, учрежденные Мономахомъ при Святополкѣ II, тогда возобновились, въ обстоятельствахъ подобныхъ, и съ тѣмъ же добрымъ намѣреніемъ: ибо ни Святополкъ, ни Андрей не могъ силою обуздывать частныхъ Владѣтелей, и словесныя убѣжденія, за недостаткомъ иныхъ средствъ, казались нужными. Въ сихъ торжественныхъ собраніяхъ присутствовали и знаменитыя Ду-

ховныя особы, какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Θеодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ [186], гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чемъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ-было на свою сторону и Новогородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по коему они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ Великаго Князя и самого Хана: Новгородъ обѣщалъ правосудіе всѣмъ Тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ закабаленныхъ ему должниковъ Новогородскихъ, и проч. [187]. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль [188]. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, выгналъ оттуда Бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе меньшаго брата, поѣхалъ съ жалобою къ Хану. Область Переславская вмѣстѣ съ Дмитровымъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ Великомъ Княженіи, какъ числомъ жителей, Бояръ, людей военныхъ,

Москва усиливается.

такъ и крѣпостію столичнаго ея города, обведеннаго глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою двѣнадцати башенъ. Сіе важное пріобрѣтеніе еще болѣе утверждало независимость Московскаго Владѣтеля: Даніилъ же, за два года передъ тѣмъ, побѣдилъ и взялъ въ плѣнъ Рязанскаго Князя, Константина Романовича, *убивъ* въ сраженіи и *многихъ Татаръ*: смѣлость удивительная, и не имѣвшая никакихъ слѣдствій. Такимъ образомъ Россіяне начинали ободряться, и пользуясь дремотою Хановъ, издалека острили мечи свои на конечное сокрушеніе тиранства.

Смѣлость Россіянъ.

Между тѣмъ, какъ Андрей искалъ суда въ Ордѣ, Даніилъ внезапно скончался, однакожъ успѣвъ принять Схиму, по тогдашнему обыкновенію людей набожныхъ. Онъ первый возвеличилъ достоинство Владѣтелей Московскихъ, и первый изъ нихъ былъ погребенъ въ семъ городѣ, въ *церкви Св. Михаила* (189), оставивъ по себѣ долговременную память Князя добраго, справедливаго, благоразумнаго, и приготовивъ Москву заступить мѣсто Владиміра.

Смерть Даніила Московскаго.

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой, Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія, у нихъ бывшаго, и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій, успокоивъ народъ, и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безпечности Хана, не только безъ

страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго Князя, Святослава Глѣбовича, Өеодорова племянника (190).

Наконецъ Великій Князь, бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславлѣ на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ, въ присутствіи Митрополита Максима, читали ярлыки или грамоты Ханскіе, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю, да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ. Андрей, Михаилъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь, хваляся впрочемъ милостію Тохты, не достигнулъ своей цѣли (191).

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе, ни Смоленскіе, ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и послѣднія связи между разными частями нашего отечества: Великій Князь, не удержавъ господства надъ собственными Удѣлами Владимірскими, могъ ли вмѣшиваться въ дѣла иныхъ областей и быть — ежели бы и хотѣлъ — душею общаго согласія, порядка, справедливости? Какъ въ Великомъ, такъ и въ частныхъ Княженіяхъ единокровные возста-

Междоу-собія въ Княженіяхъ.

вали другъ на друга, Александръ Глѣбовичь, отразивъ (въ 1298 году) дядю своего, Ѳеодора Чернаго, отъ Смоленска [192], хотѣлъ (чрезъ два года) взять Дорогобужъ, городъ Смоленской области, ему непослушный; отнялъ у жителей воду, но разбитый ими съ помощію Князя *Вяземскаго*, Андрея, его родственника, отступилъ, исходя кровію отъ тяжелой раны. Романъ Глѣбовичь, братъ Александровъ, также былъ уязвленъ стрѣлою; а юный сынъ послѣдняго палъ мертвый на мѣстѣ сраженія.

Война съ Орденомъ Ливонскимъ.

Мужество Россіянъ гораздо счастливѣе ознаменовалось тогда въ битвахъ съ врагами иноплеменными . . . Ливонскіе Рыцари (въ 1299 году) неожидаемо осадили Псковъ, и разграбивъ монастыри въ его предмѣстіи, убивали безоружныхъ Монаховъ, женщинъ, младенцевъ [193]. Князь Довмонтъ, уже старецъ лѣтами, но еще воинъ пылкій, немедленно вывелъ свою дружину малочисленную, сразился съ Нѣмцами на берегу Великой, смялъ ихъ въ рѣку, и взявъ въ добычу множество оружія, брошеннаго ими въ бѣгствѣ, отправилъ плѣнниковъ, гражданъ Эстонскаго Феллина, къ Великому Князю. Коммандоръ Ордена, предводитель Нѣмцевъ, былъ раненъ въ семъ несчастномъ для нихъ сраженіи, о коемъ Ливонскіе Историки не упоминаютъ, и которое было послѣднимъ знаменитымъ дѣломъ храбраго Довмонта. Онъ преставился чрезъ

Кончина и слава Довмонтова.

нѣсколько мѣсяцевъ отъ какой-то заразительной болѣзни, смертоносной тогда для многихъ Псковитянъ, и кончина его была дол-

тое время оплакиваема народомъ, самыми женами и дѣтьми. Довмонтъ, названный въ крещеніи Тимоѳеемъ, хотя родился и провелъ юность въ землѣ варварской, ненавистной нашимъ предкамъ, но принявъ Вѣру Спасителеву, вышелъ изъ купѣли усерднымъ Христіаниномъ и вѣрнымъ другомъ Россіянъ; тридцать - три года служилъ Богу истинному и второму своему отечеству добрыми дѣлами и мечемъ: удостоенный сана Княжескаго, не только прославлялъ имя Русское въ битвахъ, но и судилъ народъ право, не давалъ слабыхъ въ обиду, любилъ помогать бѣднымъ. Женатый на Маріи, дочери Великаго Князя Димитрія, не оставлялъ сего изгнанника въ несчастіи, и готовъ былъ положить за него свою голову; по смерти же Димитрія свято наблюдалъ обязанности Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: „добрые „мужи Псковичи! кто изъ васъ старъ, тотъ „мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ братъ (194)! „Помните отечество и Церковь Божію!“ Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но

въ 1307 году Литовцы *купили* оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой-то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Витязь Сигге [195]. Новогородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изо сто-одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ, предводительствовалъ онымъ, и началъ строить новый городъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга, при устьѣ Охты, употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ, и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вѣнцемъ земли*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новѣгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско, удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне, имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ, хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ, велѣлъ оградить истокъ Невы поплавными сваями; что Новогородцы, видя неуда-

Ландскрона.

чу, выпили изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ опступили; что знаменитый Маѳей Кетпильмундсонъ, бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками, громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова (196). Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно, чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣдительно звали къ себѣ Великаго Князя Андрея, который, долго медливъ, наконецъ весною 1301 году пришелъ съ полками Низовскими. Осадили Ландскрону. Изнуренные голодомъ и болѣзнями, Шведы все еще бились мужественно, подъ начальствомъ славнаго Витязя, Стена, храбраго, но безпечнаго или слишкомъ надменнаго: ибо онъ не хотѣлъ заблаговременно требовать вспоможенія отъ Правителя Швеціи, хладнокровно отвѣтствуя другому благоразумнѣйшему витязю, именемъ Амундсону: „начто безпокоить Великаго Маршала?" Россіяне огнемъ и пращами въ нѣсколько дней истребили большую часть внѣшнихъ укрѣпленій, и не слушая никакихъ предложеній Стеновыхъ, готовились къ рѣшительному приступу. Тогда Амундсонъ напомнилъ своему начальнику слова его: „начто „безпокоить Великаго Маршала?" и вмѣстѣ съ нимъ былъ изрубленъ побѣдителями. Новогородцы взяли крѣпость и сравняли ее съ зем-

лею, плѣнивъ горсть Шведовъ, которые долго оборонялись въ погребѣ [197]. Сей успѣхъ остался въ лѣтописяхъ единственнымъ достохвальнымъ дѣломъ Андреевымъ: по крайней мѣрѣ онъ участвовалъ въ ономъ, имѣя въ предметѣ безопасность отечества. Михаилъ Ярославичь также хотѣлъ итти къ берегамъ Невы; но узналъ на пути, что страшная Ландскрона уже не существуетъ.

Миръ съ Даніею.

Успокоенные со стороны Шведовъ, Новогородцы отправили за море Пословъ и заключили миръ (въ 1302 году) съ Королемъ Датскимъ Эрикомъ VI, чтобы прекратить свои частыя войны съ Эстоніею, его областію. Впрочемъ не надѣясь пользоваться долговременною тишиною, опасаясь и внѣшнихъ враговъ и Князей Россійскихъ, они въ тотъ же годъ заложили у себя большую *каменную* крѣпость: ибо вольность ихъ ограждалась дотолѣ однимъ бреннымъ *деревомъ* [198]. Умноженіе опасностей требовало защиты твердѣйшей; умноженіе частныхъ и казенныхъ прибытковъ доставляло Правительству способъ воздвигнуть оную, безъ излишней тягости для гражданъ.

Іюля 27. Смерть Андреева.

Великій Князь Андрей скончалъ жизнь свою Схимникомъ въ 1304 году, заслуживъ ненависть современниковъ и презрѣніе потомства [199]. Никто изъ Князей Мономахова роду не сдѣлалъ столько зла отечеству, какъ сей недостойный сынъ Невскаго, погребенный въ Волжскомъ Городцѣ, далеко отъ священнаго праха родительскаго.

Ужасы естественные и всякія несчастія ознаменовали десятилѣтнее время его княженія, такъ же, какъ и Димитріево. Къ числу тогдашнихъ явленій, воздушныхъ и небесныхъ, обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года, описанная Китайскими Астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоцѣнностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ, едва могъ спастися съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій гостиный дворъ (200). Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ, грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство, о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ. Разныя бѣдствія.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою несноснаго тиранства Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ (201); даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его, Александра Невскаго, Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ Св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ, неизвѣстно (въ лѣ- Митрополиты въ Владимірѣ.

тописяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даніиловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ. Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышности (202). Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображеніе креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будтобы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылосскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ (203). Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются *особенные Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ*: а Кипріанъ пасъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даніиловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Даніилу именовался *Королемъ Россійскимъ*, Rex Russiae, какъ изображено на печати сего Князя, сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ

Кончина Льва Галицкаго.

Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена (204).

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистеръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того, кто своевольно оскорбитъ Новогородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ (205).

Двинская грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ, Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья (206). Тамъ сказано, что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымгородомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море, подъ начальствомъ *Атамана* Крушицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новогородскіе, согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ, не должны въ Заволочьѣ ходить на *Терскую* сторону, и проч. Такимъ образомъ Великіе Князья, участвуя въ народныхъ промыслахъ, старались умножать свои доходы.

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1304 — 1309.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новогородскія. Узбеки. Мужество Новогородцевъ. Георгій зять হановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михаилова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.

Г. 1304—1305. Споръ о Вел. Княженіи.

Какъ жизнь, такъ и кончина Андреева была несчастіемъ для Россіи. Два Князя объявили себя его наслѣдниками: Михаилъ Тверскій и Георгій Даніиловичь Московскій; но первый съ большимъ правомъ, будучи внукомъ Ярослава Всеволодовича и дядею Георгіевымъ, слѣдственно старѣйшимъ въ родѣ. Сіе право казалось вообще неоспоримымъ, и Бояре Великаго Княженія, предавъ землѣ тѣло Андреево, спѣшили въ Тверь поздравить Михаила Государемъ Владимірскимъ. Новогородцы также признали его своимъ Главою, въ увѣреніи, что Ханъ утвердитъ за нимъ Великое Княженіе. Михаилъ обязался, подобно отцу, блюсти ихъ уставы, возстановить древнія границы между Новымгородомъ и землею Суздальскою (207); не требовать бывшихъ волостей Димитріевыхъ и Андреевыхъ: купленныя же имъ самимъ, Княгинею или Боярами его въ землѣ Новогородской, отдать на выкупъ или прежнимъ Владѣльцамъ или Правительству; не поз-

волять *самосуда* ни себѣ, ни Княжескимъ судіямъ, но рѣшить тяжбы единственно по законамъ; отправлять людей своихъ за Волокъ только изъ Новагорода, въ двухъ ладіяхъ, и проч.

Добрый Митрополитъ Максимъ тщетно уговаривалъ Георгія не искать Великаго Княженія, обѣщая ему именемъ Ксеніи, матери Михаиловой, и своимъ собственнымъ любые города въ прибавокъ къ его Московской области (208). Дядя и племянникъ поѣхали судиться къ Хану, оставивъ Россію въ несогласіи и въ мятежѣ. Одни города стояли за Князя Тверскаго, иные за Московскаго. Георгій едва могъ спастися отъ друзей Михаиловыхъ, которые не хотѣли пустить его въ Орду и думали задержать на пути въ области Суздальской; а Бориса Даніиловича, пріѣхавшаго въ Кострому, схватили и послали въ Тверь. Но вторый Георгіевъ братъ, Іоаннъ разбилъ Тверитянъ, хотѣвшихъ взять Переславль, и Воевода ихъ, Акинѳъ, остался на мѣстѣ сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михаиловы хотѣли въѣхать въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: „мы избрали Михаила съ *условіемъ*, да явитъ грамоту Ханскую, и будетъ тогда Княземъ нашимъ, „но не прежде!“ — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали (209); а чернь Нижняго Новаго-

рода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ возвелъ его на престолъ Великаго Княженія (210). Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ
Г. 1305—1308. Москвѣ, однакожь безъ успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ. Современные Лѣтописцы винятъ одного Князя Московскаго, который въ противность древнему обыкновенію спорилъ съ дядею о старѣйшинствѣ.
Злодѣйство Князя Московскаго. Сверхъ того Георгій по качествамъ черной души своей заслуживалъ всеобщую ненависть, и едва утвердясь на престолѣ наслѣдственномъ, гнуснымъ дѣломъ изъявилъ презрѣніе къ святѣйшимъ законамъ человѣчества. Мы говорили о несчастной судьбѣ Рязанскаго Владѣтеля, Константина, плѣненнаго Даніиломъ: онъ шесть лѣтъ томился въ неволѣ; Княженіе его, лишенное Главы, зависѣло нѣкоторымъ образомъ отъ Московскаго (211). Георгій велѣлъ умертвить Константина, счи-

тая сіе злодѣйство нужнымъ для безпрекословнаго господства надъ Рязанью, и весьма ошибся: ибо сынъ убіеннаго, Ярославъ, подъ защитою Хана спокойно наслѣдовалъ престолъ отеческій какъ Владѣтель независимый, оставивъ въ добычу Георгію изъ городовъ своихъ одну Коломну. — Самые меньшіе братья Георгіевы, дотолѣ служивъ ему вѣрно, не могли съ нимъ ужиться въ согласіи. Двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ Даніиловичи, уѣхали въ Тверь, безъ сомнѣнія недовольные его жестокостію.

Михаилъ нѣсколько лѣтъ властвовалъ спокойно, и жилъ большею частію въ Твери (212). Его Намѣстники правили Великимъ Княженіемъ и Новымгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Ѳеодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новогородскія; второй, утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало (213). Новогородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ правителей, взносили деньги за села, купленныя въ ихъ областяхъ сими Боярами, и предоставляли себѣ усло-

Дѣла Новогородскія.

виться изустно съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго
г. 1310. Кексгольма, ходили на судахъ въ Финляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ
г. 1311. Ванай, осаждали Шведовъ въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній (214). У бѣдныхъ жителей, по словамъ Лѣтописца, не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россіяне истребили тамъ все, чего не могли увезти съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новогородцы начали ссориться съ Княземъ, жалуясь, что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный Михаилъ, занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать
г. 1312. къ нимъ хлѣба, народъ встревожился, и не смотря на весеннюю распутицу, отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чтобы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ (215): Новгородъ, опустошенный въ сіе время пожаромъ, имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ, и лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михаилъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился, славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магометовой, возстановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ

владѣніяхъ (216): ибо Тохта былъ, кажется, язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ, что многіе Татары, въ знакъ особенной любви къ сему Царю, назвалися его именемъ, или *Узбеками*, донынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ. Узбеки.

Взявъ съ Новогородцевъ 1500 гривенъ серебра (217), Михаилъ возвратилъ имъ своихъ Намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долговременное отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: Корелы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ Россіянъ (218). Хотя Новогородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михаилова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у ногъ Хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Ѳеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михаиловыхъ, и такъ обольстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, обьявили даже войну Великому Князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новогородцы, на другомъ сынъ Михаиловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопроли-

Г. 1313.

Г. 1314.

ніе, и Новогородцы согласились на миръ; а Князь Московскій, обвщая имъ благоденствіе
г. 1315. и вольность, сѣлъ на престолѣ Святыя Софіи.

Скоро позвали Георгія къ Хану, дать отвѣтъ на справедливыя жалобы Михайловы (219). Онъ поручилъ Новгородъ брату своему Аѳанасію, и взявъ съ собою богатые дары, надѣялся быть правымъ въ такомъ судилищѣ, гдѣ предсѣдательствовало алчное корыстолюбіе. Но Михаилъ уже несъ обнаженный мечь и грамоту Узбекову (220). Сильные полки Моголовъ окружали его и вступили въ Россію съ Воеводою Тайтемеремъ. Сія грозная вѣсть поколебала, однакожь не смирила Новогородцевъ. Исчисляя въ мысляхъ всѣ одержанныя ими побѣды со временъ Рюрика до настоящаго, и вспомнивъ, что самъ Михаилъ великодушною рѣшимостію спасъ Тверь отъ нашествія Моголовъ, они вооружились и ждали непріятеля близъ Торжка. Прошло шесть недѣль. Наконецъ явилась сильная рать Михаилова, Владимірская, Тверская и Могольская. Переговоровъ не было: вступили въ бой, жестокій, хотя и неравный. Никогда Новогородцы не изъявляли болѣе мужества; чиновники и Бояре находились впереди; купцы сражались какъ Герои. Множество ихъ легло на мѣстѣ; остатокъ заключился въ Торжкѣ, и Михаилъ, какъ побѣдитель, велѣлъ объявить, чтобы Новогородцы выдали ему Князей Аѳанасія и Ѳеодора Ржевскаго, если хотятъ мира. Слабые числомъ, обагренные кровію, своею и чуждою, они единодушно отвѣтство-

г. 1316, февр. 10. Мужество Новогородцевъ.

вали: „умремъ за Святую Софію и за Аѳанасія; „честь всего дороже.“ Михаилъ требовалъ по крайней мѣрѣ одного Ѳеодора Ржевскаго: многіе и того не хотѣли; наконецъ уступили необходимости, и еще обязались заплатить Великому Князю знатное количество серебра. Нѣкоторые изъ Бояръ Новогородскихъ вмѣстѣ съ Княземъ Аѳанасіемъ остались аманатами въ рукахъ побѣдителя; другіе отдали ему все, что имѣли: коней, оружіе, деньги. Написали слѣдующую грамоту (221): „Великій „Князь Михаилъ условился съ Владыкою и „съ Новымгородомъ не воспоминать прошед-„шаго. Что съ обѣихъ сторонъ захвачено въ „междоусобіе, того не отыскивать. Плѣн-„ники свободны безъ окупа. Прежняя Твер-„ская Ѳеоктистова грамота должна имѣть „всю силу свою. Новгородъ платитъ Кня-„зю въ разные сроки, отъ второй недѣли Вели-„каго поста до Вербной, 12,000 гривенъ се-„ребра (222), зачитая въ сей платежъ взятое „въ Торжкѣ у Бояръ Новогородскихъ имѣ-„ніе. Князь, принявъ сполна вышеозначенную „сумму, долженъ освободить аманатовъ, из-„рѣзать сію грамоту и править нами соглас-„но съ древнимъ уставомъ.“

Сей миръ, вынужденный крайностію, не могъ быть истиннымъ, и Великій Князь. свѣдавъ, что Послы Новогородскіе тайно ѣдутъ въ Орду съ жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ (223). Новогородцы укрѣпили столицу,

призвали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Корелов, Ижерцев, Вожан, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ и безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, итти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Кони, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

Г. 1317. Тогда Новогородцы прислали въ Тверь Архіепископа Давида (224), безъ всякой надменности моля Великаго Князя освободить ихъ аманатовъ; предлагали ему серебро, миръ и дружбу. „Дѣло сдѣлано,“ говорили они: „желаемъ спокойствія и тишины.“ Михаилъ отвергнулъ сіе предложеніе; стыдился мира *безчестнаго*; хотѣлъ побѣдить и даровать его.

Между тѣмъ Георгій жилъ въ Ордѣ, три года кланялся, дарилъ и пріобрѣлъ наконецъ столь великую милость, что юный Узбекъ, давъ ему старѣйшинство между Князьями Россійскими, женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, названной въ крещеніи Агаѳіею (225): дѣло не весьма согласное съ ревностію сего Хана къ Вѣрѣ Магометовой! Провождаемый Моголами и Воеводою ихъ, Кавгадыемъ, Георгій возвратился въ Россію, и пылая нетерпѣніемъ сокрушить врага, хотѣлъ немедленно завоевать Тверь. Михаилъ отправилъ къ нему Пословъ. „Будь Великимъ Княземъ, если такъ угодно Царю," сказали они Георгію именемъ своего Государя: „только „оставь Михаила спокойно княжить въ его „наслѣдіи; иди въ Владиміръ, и распусти войско." Отвѣтомъ Князя Московскаго было опустошеніе Тверскихъ селъ и городовъ до самыхъ береговъ Волги (226). Тогда Михаилъ призвалъ на совѣтъ Княжескій Епископа и Бояръ. „Судите меня съ племянникомъ," говорилъ онъ: „не самъ ли Ханъ утвердилъ меня на Великомъ Княженіи? не заплатилъ ли „я ему *выхода* или Царской пошлины? Теперь отказываюсь отъ сего достоинства, „и не могу укротить злобы Георгія. Онъ „ищетъ головы моей; жжетъ, терзаетъ мою „наслѣдственную область. Совѣсть меня не „упрекаетъ; но можетъ быть ошибаюсь. Скажите ваше мнѣніе: виновенъ ли я предъ Георгіемъ?" Епископъ и Бояре, умиленные горестію и добросердечіемъ Князя, единоглас-

Г. 1318. Георгій зять Хановъ.

Умѣренность и добродушіе Михаила.

но отвѣчали ему: „Ты правъ, Государь, „предъ лицемъ Всевышняго, и когда смиреніе „твое не могло тронуть ожесточеннаго вра„га, то возьми праведный мечь въ десницу; „иди: съ тобою Богъ и вѣрные слуги, гото„вые умереть за добраго Князя.“ — „Не за „меня одного (сказалъ Михаилъ), но за мно„жество людей невинныхъ, лишаемыхъ крова „отеческаго, свободы и жизни. Вспомните „рѣчь Евангельскую: *кто положитъ душу свою* „*за друга, той великъ наречется.* Да будетъ „намъ слово Господне во спасеніе!“ Великій Князь, предводительствуя войскомъ мужественнымъ, встрѣтилъ полки Георгіевы, соединенные съ Татарами и Мордвою, въ 40 верстахъ отъ Твери, гдѣ нынѣ селеніе Бортново. Началась битва. Казалось, что Михаилъ искалъ смерти: шлемъ и латы его были всѣ изстрѣлены, обсѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Татарами: смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами, и видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками [227]. Великій Князь запретилъ воинамъ убивать Татаръ, и ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ Хану. Сей лицемѣръ

Декабря 22. Побѣда надъ Татарами.

клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новогородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили Шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або [228]). Узнавъ торжество Михаилово, Новогородцы вступились за Георгія: собрали полки и приближились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ вторичной жестокой битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. „Ханъ разсудитъ насъ" — говорилъ Михаилъ — „и воля его будетъ мнѣ закономъ. Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ Новогородскимъ аманатамъ." На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новогородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно [229]. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михаиловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету; по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить сво-

его великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провождаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцати-лѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть, и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у Епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умиленіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную мысль, сказалъ: „Можетъ „быть, въ послѣдній разъ открываю тебѣ „внутренность души моей. Я всегда любилъ „отечество, но не могъ прекратить нашихъ „злобныхъ междоусобій: по крайней мѣрѣ бу„ду доволенъ, если хотя смерть моя успоко„итъ его“ (230). Михаилъ, скрывая сіе горестное предчувствіе отъ нѣжной супруги, велѣлъ ей возвратиться. Посолъ Ханскій, именемъ Ахмылъ, объявилъ ему въ Владимірѣ гнѣвъ Узбековъ. „Спѣши къ Царю,“ говорилъ онъ: „или полки его чрезъ мѣсяцъ вступятъ въ „твою область. Кавгадый увѣряетъ, что ты „не будешь повиноваться.“ Устрашенные симъ извѣстіемъ, Бояре совѣтовали Великому Князю остановиться. Добрые сыновья Михаиловы, Димитрій и Александръ, также закли-

пали отца не ѣздить въ Орду, и послать туда кого нибудь изъ нихъ, чтобы умилостивить Хана. „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Михаилъ: „Царь „требуетъ меня, а не васъ: подвергну ли отечество новому несчастію? Можемъ ли бороться со всею силою невѣрныхъ? За мое „ослушаніе падетъ множество головъ Христіанскихъ; бѣдныхъ Россіянъ толпами поведутъ въ плѣнъ. Мнѣ надобно будетъ умереть и тогда (231): не лучше ли же нынѣ, „когда могу еще своею погибелію спасти другихъ?“ Онъ написалъ завѣщаніе, распорядилъ сыновьямъ Удѣлы, далъ имъ отеческое наставленіе, какъ жить добродѣтельно, и простился съ ними навѣки.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ Дона (232); вручилъ дары Хану, Царицѣ, Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спокойно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ наказанія. Начался судъ. Вельможи собрались въ особенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призвали Михаила и велѣли ему отвѣчать на письменные доносы многихъ Баскаковъ, обвинявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ Хану всей опредѣленной дани. Великій Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй Кавгадый, главный доноситель, былъ и судіею! Во второе

Сентября 6.

Судъ въ Ордѣ.

засѣданіе привели Михаила уже связаннаго, и грозно объявили ему двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ дерзнулъ обнажить мечь на Посла Царева и ядомъ отравилъ жену Георгіеву. Великій Князь отвѣчалъ: „Въ битвѣ не „узнаютъ Пословъ; но я спасъ Кавгадыя, и „съ честію отпустилъ его. Второе обвиненіе „есть гнусная клевета: какъ Христіанинъ „свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и на „мысли не было такого злодѣянія.“ Судіи не слушали его, отдали подъ стражу, велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не отходили отъ своего злосчастнаго Государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоцѣнныя одежды Княжескія.

Пышная забава Ханская.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяцъ или два, и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячь людей было въ движеніи (233); каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердо-

стію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ веселымъ лицемъ говорилъ (234): „Друзья! вы долго видѣ„ли меня въ чести и славѣ: будемъ ли небла„годарны? Вознегодуемъ ли на Бога за уничи„женіе кратковременное? Выя моя скоро осво„бодится отъ сего древа, гнетущаго оную.“ Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и въ пѣніи утѣшительныхъ Псалмовъ Давидовыхъ; Отрокъ Княжескій держалъ передъ нимъ книгу и перевертывалъ листы: ибо стражи всякую ночь связывали руки Михаилу. Желая мучить свою жертву, злобный Кавгадый въ одинъ день вывелъ его на торговую площадь, усыпанную людьми; поставилъ на колѣна, ругался надъ нимъ, и вдругъ, какъ бы тронутый сожалѣніемъ, сказалъ ему: „не унывай! Царь посту„паетъ такъ и съ родными въ случаѣ гнѣва; но „завтра, или скоро, объявятъ тебѣ милость, „и снова будешь въ чести.“ Торжествующій злодѣй удалился. Князь, изнуренный, слабый, сѣлъ на площади, и любопытные окружили его, разсказывая другъ другу, что сей узникъ былъ великимъ Государемъ въ землѣ своей. Глаза Михаиловы наполнились слезами: онъ всталъ и пошелъ въ вежу или шатеръ, читая тихимъ голосомъ изъ Псалма: *вси видяще мя покиваху главами своими... Уповию на Господа!* — Нѣсколько разъ вѣрные слуги пред-

Велико-душная кончина Михаилова.

лагали ему тайно уйти, сказывая, что кони и проводники готовы. „Я никогда не зналъ „постыднаго бѣгства,“ отвѣчалъ Михаилъ: „оно можетъ только спасти меня, а не оте„чество. Воля Господня да будетъ!“

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Ясскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный. Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и
Ноября 22. братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъявляли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ (235). Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя.* Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: „Государь! въ семъ же Псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: *воз„верзи на Господа печаль твою.*“ Великій

Князь продолжалъ: *кто дасть ми крилѣ яко голубинѣ? и полещу, и почію....* Умиленный симъ живымъ образомъ свободы, онъ закрылъ книгу, и въ то самое мгновеніе вбѣжалъ въ ставку одинъ изъ его Отроковъ съ лицемъ блѣднымъ, сказывая дрожащимъ голосомъ, что Князь Георгій Даніиловичь, Кавгадый и множество народа приближаются къ шатру. „Вѣ„даю, для чего," отвѣтствовалъ Михаилъ [236], и немедленно послалъ юнаго сына своего къ Царицѣ, именемъ Баялыни, будучи увѣренъ въ ея жалости. Георгій и Кавгадый остановились близъ шатра, на площади, и сошли съ коней, отрядивъ убійцъ совершить беззаконіе. Всѣхъ людей Княжескихъ разогнали: Михаилъ стоялъ одинъ и молился. Злодѣи повергли его на землю, мучили, били пятами. Одинъ изъ нихъ, именемъ *Романецъ* (слѣдственно Христіанской Вѣры) вонзилъ ему ножъ въ ребра и вырѣзалъ сердце. Народъ вломился въ ставку для грабежа, позволеннаго у Моголовъ въ такомъ случаѣ. — Георгій и Кавгадый, узнавъ о смерти Святаго Мученика — ибо таковымъ справедливо признаетъ его наша Церковь — сѣли на коней и подъѣхали къ шатру. Тѣло Михаилово лежало нагое. Кавгадый, свирѣпо взглянувъ на Георгія, сказалъ ему: „онъ твой дя„дя: оставишь ли трупъ его на поруганіе?" Слуга Георгіевъ закрылъ оный своею одеждою [237].

Михаилъ не обманулся въ надеждѣ на добродушіе супруги Узбековой: она съ чувствительностію приняла и старалась утѣшить

юнаго Константина; защитила и Бояръ его, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство: другіе же, схваченные злобными врагами ихъ Государя, были истерзаны и заключены въ оковы. — Георгій послалъ тѣло Велико-

Городъ Маджары. каго Князя въ Маджары, городъ торговый (на рѣкѣ Кумѣ, въ Кавказской Губерніи), гдѣ, какъ вѣроятно, обитали нѣкогда Угры, изгнанные Печенѣгами изъ Лебедіи [238]. Тамъ многіе купцы, знавъ лично Михаила, желали прикрыть оное драгоцѣнными плащеницами и внести въ *церковь*; но Бояре Георгіевы не пустили ихъ къ окровавленному трупу, и поставили его въ хлѣвѣ. Въ Ясскомъ городѣ *Бездежъ* они также не хотѣли остановиться у *церкви Христіанской;* днемъ и ночью стерегли тѣ-

г. 1319. ло; наконецъ привезли въ Москву и погребли въ монастырѣ Спасскомъ (въ Кремлѣ, гдѣ стоитъ еще древняя церковь Преображенія).

Злодѣй Кавгадый чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ кончилъ жизнь свою внезапно; увидимъ, что Провидѣніе наказало и жестокаго Георгія; а память Михаилова была священна для современниковъ и потомства: ибо сей Князь, столь великодушный въ бѣдствіи, заслужилъ славное имя *отечестволюбца* [239]. Кромѣ однихъ Новогородцевъ, считавшихъ его опаснымъ врагомъ народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества —

Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею (240).

При семъ Великомъ Князѣ Ростовъ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными (241). Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убилъ въ Костромѣ 120 человѣкъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ (242): изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на усердіе жителей, спѣшилъ отразить ихъ; но граждане измѣнили ему: бросили знамена и побѣжали. Онъ не хотѣлъ уступить, и легъ на мѣстѣ битвы со всею дружиною Княжескою, оказавъ рѣдкое, но безполезное мужество. Побѣдители расхитили городъ. Разбои Моголовъ.

Въ Брянскѣ находился тогда новый Митрополитъ, преемникъ Максимовъ (243): онъ едва могъ, ушедши въ церковь, спастися отъ лю-

тости Татаръ. По кончинѣ Максима (въ 1305 году) какой-то Игуменъ Геронтій вздумалъ было своевольно занять его мѣсто, присвоивъ себѣ утварь Святительскую и жезлъ Пастыря; но Патріархъ Аѳанасій въ угодность Князю Галицкому, отвергнувъ Геронтія, (въ 1308 году) посвятилъ въ Митрополиты *для всей Россіи* Петра, Волынскаго Игумена, мужа столь ревностнаго въ исполненіи своихъ Пастырскихъ обязанностей, что Духовенство сѣверной Россіи единогласно благословило его высокую добродѣтель. Одинъ Тверскій Епископъ, сынъ Князя Литовскаго Герденя, легкомысленный и гордый, дерзнулъ злословить сего Митрополита; но былъ торжественно обличенъ въ клеветѣ на Соборѣ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ присутствовали Епископъ Ростовскій, Игумены, Священники, Князья, Вельможи и Посолъ Цареградскаго Патріарха. Истиною и любовію заградивъ уста клеветнику, Петръ, вмѣсто укоризнъ, сказалъ ему: *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь!..* Въ другихъ случаяхъ сей кроткій Архипастырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго, безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеита, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи, но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской, Петръ склонялъ Князей къ миролюбію,

Петръ Митрополитъ.

заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Василіемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ (244); не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопасностію церкви святыя и домы ея служителей; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ называемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣйшіе, достопамятные содержаніемъ и слогомъ. Ярлык Ханскій
Ханъ пишетъ (245): „Вышняго и безсмертна-„го Бога волею и силою, величествомъ и ми-„лостію. Узбеково слово ко всѣмъ Князьямъ „великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воеводамъ, „книжникамъ, Баскакамъ, писцамъ, мимоѣздя-„щимъ Посламъ, сокольникамъ, пардусникамъ „во всѣхъ Улусахъ и странахъ, гдѣ Бога без-„смертнаго силою наша власть *держитъ* и „слово наше *владѣетъ*. Да никто не обидитъ „въ Руси церковь Соборную, Петра Митро-„полита и людей его, Архимандритовъ, Игу-„меновъ, Поповъ, и проч. Ихъ грады, волости, „села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, вино-„грады, сады, мельницы, хуторы, свободны отъ „всякія дани и пошлины: ибо все то есть „Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блю-„дутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ. „Да будутъ они подсудны единому Митро-„политу, согласно съ древнимъ закономъ ихъ

,,и грамотами прежнихъ Царей Ординскихъ. ,,Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и ,,кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ ,,печали молитъ Бога за насъ и дѣтей на-,,шихъ. Кто возметъ что нибудь у Духов-,,ныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ по-,,рицать Вѣру Русскую, кто обидитъ церковь, ,,монастырь, часовню, да умретъ! и проч. ,,Писано Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣ-,,сяца, четвертаго *Ветха* на поляхъ.“ Въ числѣ даней, собираемыхъ въ Россіи, Узбекъ именуетъ *поплужную*, или съ каждой сохи, мостовую, береговую; увольняетъ церковниковъ отъ воинской службы, подводъ и всякой работы. Въ такомъ порабощеніи находились Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды (246).

Разныя бѣдствія.

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ (247). Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ домы и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для воз-

становленія тишины и казнить пятьдесят главныхъ мятежниковъ. *Зобница* ржи стоила тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ГЕОРГІЙ ДАНІИЛОВИЧЪ, ДИМИТРІЙ и АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319 — 1328.

Горесть Твертитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣствованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимина.

Утвержденный Ханомъ на Великомъ Княженіи, и взявъ съ собою юнаго Константина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ господствовать въ Владиміръ, а брата своего, Аѳанасія, послалъ Намѣстникомъ въ Новгородъ. Услышавъ о томъ, нѣжная супруга Михаилова, сыновья, Епископъ и Вельможи изумились: они еще не знали происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ Великаго Кня- Г. 1319

зя. Гонцы возвратились съ подробнымъ извѣстіемъ о всѣхъ ужасныхъ обстоятельствахъ Михаиловой кончины. Горесть была общая: Церковь и народъ дѣлили оную съ Княжескимъ семействомъ. Чрезъ нѣсколько дней, посвященныхъ слезамъ и молитвѣ, Димитрій, какъ старшій сынъ, наслѣдовавъ власть родителя, отправилъ Посольство въ Владиміръ. Меньшій братъ его, Александръ, и Бояре Тверскіе предстали Георгію въ одеждѣ печальной; не хотѣли укорять его: молили только отдать имъ драгоцѣнные остатки Князя, равно любезнаго супругѣ, дѣтямъ и народу. Георгій согласился, съ условіемъ, чтобы они прислали ему на обмѣнъ тѣло жены его, Кончаки, сестры Узбековой (248). Вдовствующая Великая Княгиня Анна и Димитрій Михайловичь съ братьями выѣхали по Волгѣ въ ладіяхъ на встрѣчу ко гробу Михаилову: Епископъ, Духовенство, граждане ожидали его на берегу. Зрѣлище было умилительно. Народъ вопилъ, стремился къ тѣлу и громогласно звалъ Михаила, какъ бы надѣясь воскресить его. Знаменитые чиновники несли медленно раку, и поставили передъ монастыремъ Архангельскимъ, гдѣ безчисленное множество людей тѣснилось лобызать оную. Снявъ крышку, съ несказанною радостію увидѣли цѣлость мощей, не поврежденныхъ ни дальнимъ путемъ отъ береговъ моря Каспійскаго, ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ, но

Горесть Тверитянъ.

торжествомъ Михаиловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею; а Димитрій и Александръ, отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ къ Рязани, и заставивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія (249), готовился къ нападенію на Тверскую область, увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михаиловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михаиловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ: послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Переславль и заключилъ миръ, давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ* (250): они были не что иное, какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ, коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ: ибо Шведы старались овладѣть Кореліею и Кексгольмомъ. Георгій приступилъ къ Выборгу, и хотя имѣлъ съ собою шесть большихъ стѣнобитныхъ орудій, но осаждалъ сію крѣпость безъ успѣха отъ 12 Августа до 9 Сентября (251). Злобясь на Шведовъ, Россіяне вѣшали плѣнниковъ.

Г. 1320.

Г. 1321.

Рубли.

Г. 1322.

Война съ Шведами.

По возвращеніи въ Новгородъ Георгій оплакалъ кончину вѣрнаго брата, Аѳанасія, и свѣдалъ, что Князь Іоаннъ Даніиловичь, бывъ въ Ордѣ, пріѣхалъ оттуда съ Посломъ Узбековымъ, Ахмыдомъ, который, объявивъ намѣреніе учредить благоустройство въ областяхъ Великаго Княженія, лилъ кровь людей, взялъ Ярославль какъ непріятельскій городъ, и съ торжествомъ отправился назадъ къ Хану, дать ему отчетъ въ своемъ успѣшномъ посольствѣ (252). Вторая вѣсть была для Георгія еще горестнѣе: Димитрій Михайловичь нарушилъ данное ему слово, выходилъ для себя въ Ордѣ достоинство Великаго Князя, и Царь Узбекъ прислалъ съ грамотою Вельможу Севенчь-Буга возвести его на престолъ Владимірскій. Тщетно Георгій молилъ Новогородцевъ итти вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру; онъ долженъ былъ ѣхать туда одинъ, и на пути едва не попался въ руки къ Александру Михайловичу Тверскому, отнявшему у него обозъ и казну. Георгій бѣжалъ во Псковъ, гдѣ чиновники и народъ, помня завѣщаніе Александра Невскаго (253), приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чуд-
г. 1323. скомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонію до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячь плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни

Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими.

церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литовскій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу [264]. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь) нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время пришелъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою съ полками осажденныхъ, разбилъ Нѣмцевъ на голову, взялъ въ добычу станъ ихъ и всѣ снаряды. Слѣдствіемъ побѣды былъ выгодный для Псковитянъ, осьмнадцати-лѣтній миръ съ Орденомъ.

Свѣдавъ, что Димитрій Михайловичь, сверхъ покровительства Узбекова, имѣетъ сильное войско въ Великомъ Княженіи, и что народъ, любивъ отца его, изъявляетъ усердіе и къ сыну, Георгій рѣшился на нѣкоторое время остаться въ Новѣгородѣ: ибо могъ отсутствіемъ утратить и сей важный престолъ. Новогородцы ходили съ нимъ къ берегамъ Невы, и тамъ, гдѣ она вытекаетъ изъ Ладожскаго озера, на острову *Орѣховомъ*, за-

ложили крѣпость Орѣховскую или нынѣшній Шлиссельбургъ, чтобы Шведы не могли свободно входить въ сіе озеро. Услышавъ о томъ, и желая прекратить войну столь часто бѣдственную для Шведской Кореліи и Финляндіи, юный Король Магнусъ прислалъ Вельможъ въ станъ Георгіевъ съ дружелюбнымъ предложеніемъ, соотвѣтственнымъ обоюдной пользѣ. Оно было принято.

Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Россіяне, заключивъ договоръ съ Послами, въ своей новой крѣпости торжествовали миръ, коего главное условіе состояло въ возстановленіи древнихъ предѣловъ между обѣими Державами въ Кореліи и въ Финляндіи (255).

Новогородцы должны были въ сіе время управиться съ Устюжанами, грабившими ихъ купцевъ на пути въ Югорскую землю, и съ Литовцами, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Ловоти. Разбивъ послѣднихъ, они взяли Устюгъ; но довольные сдѣланнымъ

Г. 1324. Князья Устюжскія. тамъ опустошеніемъ, на берегахъ Двины заключили миръ съ *Князьями Устюжскими*, Намѣстниками Ростовскаго (256). Тогда Георгій, заслуживъ искреннюю признательность Новогородцевъ, и обнадеженный въ ихъ вѣрности, дружески простился съ ними: онъ поѣхалъ къ Хану, чтобы вторично снискать его милость, лишить ее Димитрія и вновь утвердить за собою Великое Княженіе. Сіе путешествіе достойно замѣчанія тѣмъ, что Георгій ѣхалъ отъ береговъ Двины чрезъ область Пермскую; сѣлъ тамъ на ладію, и рѣ-

кою Камою плылъ до нынѣшней Казанской Губерніи.

Въ слѣдующій годъ отправился къ Хану и Димитрій. Тамъ они увидѣли другъ друга, и нѣжный сынъ, живо представивъ себѣ окровавленную тѣнь Михаилову, — затрепетавъ отъ ужаса, отъ гнѣва, — вонзилъ мечь въ убійцу. Георгій испустилъ духъ; а Димитрій, совершивъ месть, по его чувству справедливую и законную, спокойно ожидалъ слѣдствій.... Такъ одно злодѣяніе раждаетъ въ мірѣ другое, и виновникъ перваго отвѣтствуетъ за оба, по крайней мѣрѣ въ судилищѣ Вышняго! Тѣло Георгіево привезли въ Москву, гдѣ княжилъ братъ его, Іоаннъ Даніиловичь, и погребли въ церкви Архангела Михаила. Митрополитъ Петръ съ четырмя Епископами совершилъ сей обрядъ печальный (257). Князь Іоаннъ и самый народъ проливалъ искреннія слезы, умиленный столь бѣдственною кончиною Государя хотя и не добродѣтельнаго, однакожь знаменитаго умомъ и славными предками. Новогородцы сожалѣли объ немъ: Тверитяне хвалили дѣло своего Князя, съ безпокойствомъ ожидая суда Узбекова. Г. 1325. Ноября 21. Убіеніе Георгія и Димитрія. Г. 1326.

Ханъ долго молчалъ. Друзья Князя Московскаго безъ сомнѣнія представляли ему (258), что убійство столь наглое, совершенное предъ его глазами, требуетъ наказанія, или будетъ пятномъ для чести Царской, знакомъ слабости и поводомъ къ новымъ опаснымъ своевольствамъ Князей Россійскихъ; что Ханъ, сверхъ того, долженъ вступиться за

Георгія, какъ за своего зятя. Прошло десять мѣсяцевъ. Братъ Димитріевъ, Александръ, спокойно возвратился изъ Орды съ Ханскими пошлинниками, надѣясь, что дѣло уже кончилось, и что Узбекъ не думаетъ о мести. Но вдругъ вышло грозное повелѣніе, и несча-
Сентя-бря 15. стнаго Димитрія убили въ Ордѣ (вмѣстѣ съ Княземъ Новосильскимъ, потомкомъ Михаила Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъто преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Тверитянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичь, прозваніемъ *Грозныя очи* (259), смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичь въ до-
г. 1327. говорной грамотѣ, коею Новогородцы, не имѣя тогда Главы, и теряя отъ внутреннихъ неустройствъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю (260). Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михаиловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новогородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленныя, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать

вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и верность Новогородцевъ скоро изменились.

Въ конце лета явился въ Твери Ханскій Посолъ, Шевкалъ [261], сынъ Дюденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бедный народъ, уже привыкнувъ терпеть насилія Татарскія, искалъ облегченія въ однехъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель Алкорана, намеренъ обратить Россіянъ въ Магометанскую Веру, убить Князя Александра съ братьями, сесть на его престоле, и все города наши раздать своимъ Вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ Христіанъ, и что Моголы умертвятъ ихъ всехъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ: ибо Шевкалъ не имелъ достаточнаго войска для произведенія въ действо намеренія столь важнаго и столь несогласнаго съ Политикою Хановъ, хотевшихъ всегда быть покровителями Духовенства и Церкви въ набожной Россіи. Но люди угнетенные обыкновенно считаютъ своихъ тирановъ способными ко всякому злодейству; самая грубая клевета кажется имъ доказанною истиною. Бояре, воины, граждане, готовые на все для спасенія Веры и православныхъ Государей, окружили Князя, юнаго и легкомысленнаго. Забывъ примеръ отца, великодушно умершаго для спокойствія под-

данныхъ, Александръ съ жаромъ представлялъ Тверитянамъ, что жизнь его въ опасности; что Моголы, убивъ Михаила и Димитрія, хотятъ истребить и весь родъ Княжескій; что время справедливой мести настало; что не онъ, а Шевкалъ замыслилъ кровопролитіе, и что Богъ есть надежда правыхъ. Граждане, усердные, пылкіе, единодушно требовали оружія: Князь на разсвѣтѣ, 15 Августа, повелъ ихъ ко дворцу Михаилову, гдѣ жилъ братъ Узбековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили Татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ. Сѣча была ужасна: Отъ восхода солнечнаго до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервененіемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, Моголы заключились во Дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остаткомъ Ханской дружины. Къ свѣту не было уже ни одного Татарина живаго. Граждане умертвили и купцевъ Ординскихъ [262].

Истребленіе Моголовъ въ Твери.

Сіе дѣло, внушенное отчаяніемъ, изумило Орду. Моголы думали, что вся Россія готова возстать и сокрушить свои цѣпи; но Россія только трепетала, боясь, чтобы мщеніе Хана, заслуженное Тверитянами, не коснулось и другихъ ея предѣловъ. Узбекъ, пылая гнѣвомъ, клялся истребить гнѣздо мятежниковъ; однакожъ, дѣйствуя осторожно, призвалъ Іоанна Даніиловича Московскаго, обѣщалъ сдѣлать его Великимъ Княземъ, и давъ

ему въ помощь 50.000 воиновъ, предводимыхъ пятью Ханскими Темниками, велѣлъ итти на Александра, чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ, Александромъ Васильевичемъ, внукомъ Андрея Ярославича (263). Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно, или въ славной битвѣ, или предавъ себя одного въ руки Моголовъ, чтобы спасти подданныхъ; но сынъ Михаиловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу, онъ пекся единственно о собственной безопасности, и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже Намѣстники Московскіе: граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій, вѣрные слуги Узбековой мести, приближались ко Твери, не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ, оставивъ свой добрый, несчастный народъ, ушелъ во Псковъ; а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу. Началось бѣдствіе. Тверь, Кашинъ, Торжекъ, были взяты, опустошены со всѣми пригородами; жители истреблены огнемъ и мечемъ, другіе отведены въ неволю. Самые Новогородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ, давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ. Мщеніе Ханское

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ

Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ тоже время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича [264], онъ посадилъ его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Московскаго, далъ ему самую милостивую грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ.

Казнь Рязан. Князя.

Г. 1328.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новогородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболѣе любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, платившій нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и Нѣмцевъ дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ изъ темныхъ лѣсовъ на ѳеатръ міра и быстрыми завоеваніями основалъ Державу именитую [265]. Говоримъ о Литвѣ, уже сильной при Миндовгѣ и Тройденѣ, но еще гораздо сильнѣйшей при Гедиминѣ. Сей человѣкъ, разума и мужества необыкновеннаго, былъ Конюшимъ Литовскаго Князя Витена или, вѣроятно, Буйвида [266]: злодѣйски умертвивъ Государя

Литовцы завоеватели.

своего, онъ присвоилъ себѣ господство надъ всею землею Литовскою. Нѣмцы, Россіяне, Ляхи, скоро увидѣли его властолюбіе. Гедиминъ искалъ уже не добычи, но завоеваній — и древнее Пинское Княженіе, гдѣ долго властвовали потомки Святополка-Михаила, было силою оружія присоединено къ Литвѣ (267). Союзы брачные служили ему также способомъ пріобрѣтать земли. Выдавая дочерей за Князей Россійскихъ съ однимъ благословеніемъ, онъ требовалъ богатаго вѣна отъ сватовъ: дозволилъ сыновьямъ, Ольгерду и Любарту, креститься; женилъ перваго на Княжнѣ Витебской, а втораго на Владимірской: Ольгердъ наслѣдовалъ по смерти тестя всю его землю; а Любартъ получилъ Удѣлъ въ Волыніи. Юрій Даніиловичь, Галицкій и Волынскій, скончался около 1316 года: ибо въ сіе время уже господствовали тамъ Андрей и Левъ, вѣроятно сыновья его, коихъ имена извѣстны намъ единственно по ихъ сношеніямъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и которые въ грамотахъ своихъ назывались *Князьями всей Русской земли, Галицкой и Владимірской* (268). Одинъ изъ сихъ Князей, какъ надобно думать, былъ и тестемъ Любартовымъ: Историкъ же Литовскій именуетъ его *Владиміромъ*, разсказывая слѣдующія обстоятельства:

Сомнительное повѣствованіе Стрийковскаго.

„Опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Гедимина, Князья Россійскіе, Владиміръ и Левъ, „хотѣли предупредить ихъ, и въ то время, „какъ онъ воевалъ съ Нѣмцами, напали на

,,Литву. Владимiръ опустошилъ берега Вилiи:
,,Левъ взялъ *Брестъ и Дрогичинъ, бывшiе тог-*
,,*да уже во власти Гедиминовой.* Сей муже-
,,ственный витязь, въ 1319 году побѣдою
,,окончивъ войну съ Орденомъ, немедленно
,,устремился на Владимiръ (гдѣ княжилъ тесть
,,Любартовъ). Подъ стѣнами онаго началася
,,битва, въ коей Татары стояли за Россiй-
,,скаго Князя противъ Россiянъ (269): ибо Ге-
,,диминъ имѣлъ Полочанъ въ своемъ войскѣ,
,,а Князь Владимiрскiй наемную Ханскую кон-
,,ницу. Густыя толпы Литовцевъ рѣдѣли,
,,осыпаемыя стрѣлами Татарскими; но Геди-
,,минъ, поставивъ въ ряды пѣхоту, воору-
,,женную пращами и копьями, обратилъ Мо-
,,головъ въ бѣгство. Россiяне замѣшались.
,,Тщетно жены и старцы, зрители битвы,
,,съ городскихъ стѣнъ кричали имъ, что она
,,рѣшитъ судьбу отечества: Князь Владимiръ,
,,оказавъ мужество достойное Героя, палъ въ
,,сраженiи, и войско, лишенное бодрости,
,,разсѣялось. Городъ сдался. Гедиминъ, пору-
,,чивъ его своимъ Намѣстникамъ, спѣшилъ къ
,,Луцку, откуда Левъ, устрашенный несча-
,,стiемъ Владимiра, бѣжалъ къ Брянскому Кня-
,,зю, Роману, своему зятю (270): граждане не
,,оборонялись, и побѣдитель, изъявляя благо-
,,разумную кротость, увѣрилъ всѣхъ Росси-
,,янъ въ безопасности и защитѣ. Утружден-
,,ное войско его отдыхало цѣлую зиму. На-
,,градивъ щедро Полководцевъ, онъ жилъ въ
,,Брестѣ, и готовился къ дальнѣйшимъ по-
,,двигамъ.

„Какъ скоро весна наступила и земля по„крылась травою, Гедиминъ съ новою бодро„стію выступилъ въ поле, взялъ Овручь, Жи„томиръ, города Кіевскіе, и шелъ къ Днѣ„пру. Въ Кіевѣ властвовалъ Станиславъ, одинъ „изъ потомковъ Св. Владиміра (271): онъ имѣлъ „время призвать Моголовъ, соединился съ „Олегомъ Переяславскимъ, съ изгнаннымъ Кня„земъ Луцкимъ Львомъ, и съ Романомъ Брян„скимъ; верстахъ въ 25 отъ столицы, на бе„регу Ирпени, встрѣтилъ непріятеля и дол„го спорилъ о побѣдѣ; но отборная дружина „Литовская, ударивъ съ боку на Россіянъ, „смяла ихъ. Олегъ положилъ голову на мѣстѣ „битвы: Левъ также. Станиславъ и Романъ „ушли въ Рязань; а Гедиминъ, отдавъ всю „добычу воинамъ, осадилъ Кіевъ. Еще жите„ли не теряли надежды и мужественно от„разили нѣсколько приступовъ; наконецъ, не „видя помощи ни отъ Князя Станислава, ни „отъ Татаръ, и зная, что Гедиминъ щадитъ „побѣжденныхъ, отворили ворота (272). Духо„венство вышло со крестами, и вмѣстѣ съ „народомъ пресягнуло быть вѣрнымъ Госуда„рю Литовскому, который, избавивъ Кіевъ „отъ ига Моголовъ, оставилъ тамъ Намѣст„никомъ племянника своего, Миндова, Князя „Голшанскаго, Вѣрою Христіанина, и скоро „завоевалъ всю южную Россію до Путивля и „Брянска.“

Сіе повѣствованіе Историка не весьма основательнаго едва ли утверждено на какихъ нибудь современныхъ или достовѣрныхъ сви-

дѣйствахъ (273). Оно тѣмъ сомнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго 1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ господствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь Россійскій (274). Не зная, когда именно Литовцы овладѣли странами Днѣпровскими, знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ образомъ наше отечество утратило, и на-долго, свою древнюю столицу, мѣста славныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ величіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало Бога истиннаго посредствомъ Св. Владиміра, пріяло законы отъ Ярослава Великаго и художества отъ Грековъ!.... Что касается до Княженія Владиміро-Волынскаго, то оно, въ противность ложному сказанію Литовскаго Историка, вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ, преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Польскій, Владиславъ Локетекъ, говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII (275): „Извѣщаю Ваше Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ, бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости Татаръ. Сіи жестокіе враги Христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею, смежною съ нашими землями, и мы будемъ въ величайшей опасности.“ Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника, именемъ Георгія, праправнука Даніилова. Въ

Судьба южной и западной Россіи.

дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго, скрѣпленныхъ печатями Епископа, Княжескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго, Перемышльскаго, Львовскаго, Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи,* обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ (276). Бояре, въ малолѣтство его управляя Княжествомъ, не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія, довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собственныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Послѣдній Князь Галицкій.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ никогда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ* и *Россійскимъ* (277); жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благоразумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ

Характеръ Гедимина.

церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и безполезную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: „Одолѣвая Христіанъ „въ битвахъ, я не хочу истреблять Вѣры „ихъ, и только защищаюсь отъ враговъ, по„добно всѣмъ другимъ Государямъ. Монахи До„миникапскіе и Францисканскіе окружають „меня: даю имъ волю учить и крестить лю„дей въ моемъ Государствѣ; самъ вѣрю Свя„той Троицѣ, желаю повиноваться тебѣ, Гла„вѣ Церкви и Пастырю Царей; ручаюсь и за „моихъ Вельможъ: только усмири злобу Нѣм„цевъ (278)," и проч. Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алетскаго, Вароѳоломея, и Бернарда, Игумена Пюйскаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный непріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ Прусскаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли, встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма немилостиво, и сказалъ имъ: „я не знаю вашего Папы и „знать не желаю. Исповѣдую Вѣру моихъ пред„ковъ, и не измѣню ей до гроба." Потупивъ глаза въ землю, они должны были удалиться; и съ того времени Гединанъ слылъ въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ Исторія отдаетъ справедливость многимъ его достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ старался образовать народъ свой; дозволялъ Ганзейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ

всякой пошлины; призывалъ людей ремесленныхъ, серебренниковъ, каменщиковъ, механиковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ новыхъ поселенцовъ отъ дани, ручаясь имъ за безопасность личную и цѣлость собственности, кою они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ; давалъ имъ гражданское Право Риги и всѣ возможныя выгоды; построилъ для Христіанъ церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя Монаховъ, подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ и не мѣшалъ имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію (279).

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская, или нынѣшняя Бѣлороссія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимина; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Ѳеодоръ Святославичь, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава (280).

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНІИЛОВИЧЬ, ПРОЗВАНІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новогородскія. Закамское серебро. Политика Новагорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота. Судьба Галича.

Г. 1328.

Сѣверная Россія отдыхаетъ.

Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ *истомы* и насилій долговременныхъ (281) — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе, занятые дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкалъ былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы

могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славятъ Бога за оное.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Димитрій Александровичь жилъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичь въ Твери; слѣдуя той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даніиловичь не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находилась уже и каѳедра Митрополіи (282): ибо Святый Петръ, имѣвъ нѣсколько разъ случай быть въ семъ городѣ, полюбилъ его красивое мѣстоположеніе и добраго Князя, оставилъ знаменитую столицу Андрея Боголюбскаго, правимую тогда уже одними Намѣстниками Княжескими, и переселился къ Іоанну. „Если ты“ — говорилъ онъ Князю въ духѣ пророчества, какъ пишетъ Митрополитъ Кипріанъ въ житіи Св. Петра — „если ты

Москва глава Россіи.

„успокоишь мою старость, и воздвигнешь „здѣсь храмъ достойный Богоматери, то бу„дешь славнѣе всѣхъ иныхъ Князей, и родъ „твой возвеличится; кости мои останутся „въ семъ градѣ; Святители захотятъ оби„тать въономъ, *и руки его взыдутъ на пле„ща враговъ нашихъ*“ (283). Іоаннъ исполнилъ желаніе старца, и въ 1326 году, 4 Августа, заложилъ въ Москвѣ *на площади первую* церковь *каменную* во имя Успенія Богоматери при великомъ стеченіи народа. Святый Митрополитъ, собственными руками построивъ себѣ каменный гробъ въ ея стѣнѣ, зимою преставился; надъ прахомъ его въ слѣдующемъ году освятилъ сію церковь Епископъ Ростовскій, и новый Митрополитъ, именемъ Ѳеогностъ, родомъ Грекъ, основалъ свою каѳедру также въ Москвѣ, къ неудовольствію другихъ Князей: ибо они предвидѣли, что наслѣдники Іоанновы, имѣя у себя Главу Духовенства, захотятъ исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городкѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монар-

Предсказаніе Митрополита.

хіп, Кіевъ купѣлію Христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новогородскими (284). Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новогородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ укротить его гнѣвъ, страшный для всѣхъ Россіянъ. „И такъ вмѣсто защиты“ — отвѣтствовалъ Князь Тверскій — „я нахожу въ „васъ гонителей! Христіане помогаютъ невѣрнымъ, служатъ имъ и предаютъ своихъ „братьевъ! Жизнь суетная и горестная не „прельщаетъ меня: я готовъ жертвовать собою для общаго спокойствія“ (285). Но добрые Псковитяне, умиленные его несчастнымъ состояніемъ, сказали ему единодушно: „Останься съ нами: клянемся, что тебя не выдадимъ; по крайней мѣрѣ умремъ съ тобою“. Они велѣли Посламъ удалиться, и вооружились. Такъ народъ дѣйствуетъ иногда по внушенію чувствительности, забывая свою пользу; и стремится на опасность, плѣненный

Милость Хана къ Іоанну.

Великодушіе Псковитянъ.

славою великодушія. Чѣмъ рѣже бываютъ сіи случаи, тѣмъ они достопамятнѣе въ лѣтописяхъ. Раздѣляя съ Новымгородомъ выгоды Нѣмецкой торговли, Псковитяне славились въ сіе время и богатствомъ и воинственнымъ духомъ. Подъ защитою высокихъ стѣнъ они готовились къ мужественной оборонѣ, и построили еще новую каменную крѣпость въ Изборскѣ, на горѣ Жеравѣ (286).

Іоаннъ, боясь казаться Хану ослушникомъ
г. 1329. или нерадивымъ исполнителемъ его воли, пріѣхалъ въ Новгородъ съ Митрополитомъ и многими Князьями Россійскими, въ числѣ коихъ находились и братья Александровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичь. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки (287); но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: онъ склонилъ Митрополита наложить проклятіе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, устрашила народъ. Однакожъ граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михаилова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. „Да не будетъ проклятія на моихъ „друзьяхъ и братьяхъ ради меня!“ сказалъ онъ

имъ со слезами: „иду изъ вашего града, освобождая васъ отъ данной мнѣ клятвы.“ Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горесть была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Сологa, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удалился. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва; но добрые Россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ (288), гналъ своего родственника и заставилъ Ѳеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ Христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи. — Новогородцы также не охотно участвовали въ семъ походѣ, и спѣшили домой, чтобы смирить Нѣмцевъ и Князей Устюжскихъ: первые убили въ Дерптѣ ихъ Посла, а вторые купцевъ и промышленниковъ на пути въ землю Югорскую (289). Лѣтописцы не говорятъ, какимъ образомъ Новогородское Правительство отмстило за то и другое оскорбленіе.

Страхъ, наведенный Іоанномъ на Псковъ, не имѣлъ желаемаго дѣйствія: ибо Александръ, принятый дружелюбно Гедиминомъ Литовскимъ, обнадеженный имъ въ защитѣ и влекомый сердцемъ къ добрымъ Псковитянамъ, чрезъ 18 мѣсяцевъ возвратился (290). Они приняли его съ радостію и назвали своимъ Княземъ; тѣмъ, отложились отъ Новагорода, и выбравъ даже особеннаго для себя Епископа, именемъ

Г. 1330—1332.

Особенный Епископъ во Псковѣ.

Арсенія, послали его ставиться къ Митрополиту, бывшему тогда въ Волыніи. Александръ Михайловичь и самъ Гедиминъ убѣждали Ѳеогноста исполнить волю Псковитянъ; однакожь Митрополитъ съ твердостію отказалъ имъ, и въ то же время — съ Епископами Полоцкимъ, Владимірскимъ, Галицкимъ, Перемышльскимъ, Хелмскимъ — посвятилъ Архіепископа Василія, избраннаго Новогородцами, коего Епархія, согласно съ древнимъ обыкновеніемъ, долженствовала заключать въ себѣ и Псковскую область. Гедиминъ стерпѣлъ сіе непослушаніе отъ Митрополита, уважая въ немъ Главу Духовенства, но хотѣлъ перехватить Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ на ихъ возвратномъ пути изъ Волыніи, такъ, что они едва могли спастися, избравъ иную дорогу, и принуждены были откупиться отъ Кіевскаго неизвѣстнаго намъ Князя Ѳеодора, который гнался за ними до Чернигова съ Татарскимъ Баскакомъ.

Происшествія Новогородскія. Между тѣмъ какъ Іоаннъ, частыми путешествіями въ Орду доказывая свою преданность Хану, утверждалъ спокойствіе въ областяхъ Великаго Княженія, Новгородъ былъ въ непрестанномъ движеніи отъ внутреннихъ раздоровъ, или отъ внѣшнихъ непріятелей, или ссорясь и мирясь съ Великимъ Княземъ (291).

Закамское серебро. Зная, что Новогородцы, торгуя на границахъ Сибири, доставали много серебра изъ-за Камы, Іоаннъ требовалъ онаго для себя, и получивъ отказъ, вооружился; собралъ всѣхъ Кня-

г. 1333. зей Низовскихъ, Рязанскихъ; занялъ Бѣжецкъ,

Торжекъ, и разорялъ окрестности. Тщетно Новогородцы звали его къ себѣ, чтобы дружелюбно прекратить взаимное неудовольствіе: онъ не хотѣлъ слушать Пословъ, и самъ Архіепископъ Василій, ѣздивъ къ нему въ Переславль, не могъ его умилостивить. Новогородцы давали Великому Князю 500 рублей серебра, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ села и деревни, беззаконно имъ пріобрѣтенныя въ ихъ области; но Іоаннъ не согласился, и въ гнѣвѣ уѣхалъ тогда къ Хану.

Сія опасность заставила Новогородцевъ примириться съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ. Уже семь лѣтъ Псковитяне не видали у себя Архипастыря: Святитель Василій, забывъ ихъ строптивость, пріѣхалъ къ нимъ съ своимъ Клиросомъ, благословилъ народъ, чиновниковъ, и крестилъ сына у Князя. Желая имѣть еще надежнѣйшую опору, Новогородцы подружились съ Гедиминомъ, не смотря на то, что онъ въ сіе же время вступилъ въ родственный союзъ съ Іоанномъ Даніиловичемъ, выдавъ за его сына, юнаго Симеона (292), дочь или внуку свою Августу (названную въ крещеніи Анастасіею). Еще въ 1331 году (какъ разсказываетъ одинъ Лѣтописецъ), Гединимъ, остановивъ Архіепископа Василія и Бояръ Новогородскихъ, ѣхавшихъ въ Волынію, принудилъ ихъ дать ему слово, что они уступятъ Нариманту, его сыну, Ладогу съ другими мѣстами въ вѣчное и потомственное владѣніе (293). Обстоятельство весьма сомнительное: въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ

нѣть онаго; и могло ли обѣщаніе, вынужденное насиліемъ, быть дѣйствительнымъ обязательствомъ? Гораздо вѣроятнѣе, что Гедиминъ единственно изъявилъ Новогородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ Удѣльнымъ Княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столь же, какъ и внѣшнихъ враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новогородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ Новогородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ *поклониться Святой Софіи*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину* и *въ дѣдину*, съ правомъ наслѣдственнымъ для его сыновей и внуковъ (294). Сіе право состояло въ судебной и воинской власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Политика Новагорода.

г. 1334. Однакожъ Новогородцы все еще старались утишить гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Ѳеогноста, съ коимъ дѣятельный Архіепископъ Василій имѣлъ свиданіе въ

Владимірѣ [295]. Іоаннъ, возвратясь изъ Орды въ Москву, выслушалъ милостиво ихъ Пословъ, и самъ пріѣхалъ въ Новгородъ. Всѣ неудовольствія были преданы забвенію. Въ знакъ благоволенія за оказанную ему почесть и привѣтливость жителей, умѣвшихъ иногда ласкать Князя, Іоаннъ позвалъ въ Москву Архіепископа и главныхъ ихъ чиновниковъ, чтобы за роскошное угощеніе отплатить имъ тѣмъ же. Въ сихъ взаимныхъ изъявленіяхъ доброжелательства онъ согласился съ Новогородцами вторично изгнать Александра Михайловича изъ Россіи и смирить Псковитянъ, исполняя волю Татаръ или слѣдуя движенію личной на него злобы. Условились въ мѣрахъ, но отложили походъ до инаго времени. Г. 1335.

Спокойные съ одной стороны, Новогородцы искали враговъ въ стѣнахъ своихъ. Еще и прежде, смѣняя Посадника, народъ ограбилъ домы и села нѣкоторыхъ Бояръ [296]: въ семъ году рѣка Волховъ была какъ бы границею между двумя непріятельскими станами. Несогласіе въ дѣлахъ внутренняго правленія, основаннаго на опредѣленіяхъ Вѣча или на общей волѣ гражданъ, естественнымъ образомъ раждало сіи частые мятежи, бывающіе главнымъ зломъ свободы, всегда безпокойной и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоихъ берегахъ Волхова. Къ счастію, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Прими-

ренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялися на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на-долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новогородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ Архимандритъ, запертый и
г. 1337. стрегомый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область (297). Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новогородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченные сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе непріятельское дѣйствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними, приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ ка-

зенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Θеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя, что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный перемѣною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. „Если умру въ „изгнаніи" — говорилъ онъ друзьямъ — „то и „дѣти мои останутся безъ наслѣдія (298)." Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонятъ его или оставятъ тамъ изъ милости своимъ Намѣстникомъ. Покровительство Гедимина не могло возвратить ему Тверскаго престола: ибо сей Литовскій Князь избѣгалъ войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ Великому Князю (299); но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилостивить грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Θеодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Рос-

сію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы, что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополита Ѳеогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. „Царь верховный!" сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія; „я заслужилъ гнѣвъ „твой, и вручаю тебѣ мою судьбу. Дѣйствуй „по внушенію Неба и собственнаго сердца. „Милуй или казни: въ первомъ случаѣ прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли „головы моей? она предъ тобою (300)." Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что „Князь Александръ смиренною мудростію избавляетъ себя отъ казни." Узбекъ осыпалъ его знаками благоволенія и возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго.

Ханъ прощаетъ Александра.

Г. 1338. Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собралися, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія (301), охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и же-

далъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михаиловы. Александръ призвалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастія подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, который, будучи внукомъ старшаго сына Ярославова, имѣлъ законное право на достоинство Великокняжеское, и хотя уступилъ оное Іоанну, однакожь, господствуя въ своей частной области, управлялъ и Владиміромъ (302): такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ, сказывая, что сей Князь перевезъ-было оттуда и древній Вѣчевый колоколъ Успенской Соборной церкви въ Суздаль, но возвратилъ оный, устрашенный его глухимъ звукомъ. Когдажь Александръ (въ 1333 году) преставился бездѣтнымъ, Іоаннъ не далъ Владиміра его меньшему брату, Константину Васильевичу, и пользуясь благосклонностію Хана, началъ смѣлѣе повелѣвать Князьями; выдалъ дочь свою за Василія Давидовича Ярославскаго, другую за Константина Ва- Іоаннъ повелѣваетъ Князьями.

сильевича Ростовскаго, и дѣйствуя какъ Глава Россіи, предписывалъ имъ законы въ собственныхъ ихъ областяхъ. Такъ Московскій Бояринъ или Воевода, именемъ Василій Кочева, уполномоченный Іоанномъ, жилъ въ Ростовѣ и казался истиннымъ Государемъ: свергнулъ тамошняго Градоначальника, старѣйшаго Боярина Аверкія; вмѣшивался въ суды, въ расправу; отнималъ и давалъ имѣніе (303). Народъ жаловался, говоря, что слава Ростова исчезла; что Князья его лишились власти, и что Москва тиранствуетъ! Самые Владѣтели Рязанскіе долженствовали слѣдовать за Іоанномъ въ походахъ; а Тверь, сѣтуя въ развалинахъ и сиротствуя безъ Александра Михайловича, уже не смѣла помышлять о независимости. Но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро сей Князь возвратился, бодрый, дѣятельный, честолюбивый. Бывъ нѣкогда самъ на престолѣ Великокняжескомъ, могъ ли онъ спокойно видѣть на ономъ врага своего? могъ ли не думать о мести, снова увѣренный въ милости Ханской? Владѣтели Удѣльные хотя и повиновались Іоанну, но съ неудовольствіемъ, и рады были взять сторону Тверскаго Князя, чтобы ослабить страшное для нихъ могущество перваго: такъ и поступилъ Василій Ярославскій, начавъ изъявлять недоброжелательство тестю и заключивъ союзъ съ Александромъ. Боясь утратить первенство, лестное и для властолюбія и нужное для спокойствія Го-

сударства. Іоаннъ рѣшился низвергнуть опаснаго совмѣстника.

Въ сіе время многіе Бояре Тверскіе, недовольные своимъ Государемъ, переѣхали въ Москву съ семействами и слугами; что было тогда не безчестною измѣною, но дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Произвольно вступая въ службу Князя Великаго или Удѣльнаго, Бояринъ всегда могъ оставить оную, возвративъ ему земли и села, отъ него полученныя (304). Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые Вельможи завидовали: на примѣръ, мы знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался первостепеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не старались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новогородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ Г. 1339.
величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искусным образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершен-

но овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково [306]. Царь, устрашенный опасностію, послалъ звать въ Орду Александра, Василія Ярославскаго и другихъ Князей Удѣльныхъ, коварно обѣщая каждому изъ нихъ, и въ особенности первому, отмѣнные знаки милости. Іоаннъ же, чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, немедленно возвратился въ Москву ожидать слѣдствій.

Несчастіе Александра.

Хотя Посолъ Татарскій всячески увѣрялъ Александра въ благосклонномъ къ нему расположеніи Узбековомъ, однакожъ сей Князь, опасаясь злыхъ внушеній Іоанновыхъ въ Ордѣ, послалъ туда напередъ сына своего, Ѳеодора, чтобы узнать мысли Хана; но получивъ вторичный зовъ, долженъ былъ немедленно повиноваться [306]. Мать, братья, Вельможи, граждане трепетали, воспоминая участь Михаилову и Димитріеву. Казалось, что самая Природа остерегала несчастнаго Князя: въ то время, какъ онъ сѣлъ въ ладію, зашумѣлъ противный вѣтеръ, и гребцы едва могли одолѣть стремленіе волнъ, которыя несли оную назадъ къ берегу. Сей случай казался народу бѣдственнымъ предзнаменованіемъ. Василій Михайловичь проводилъ брата за нѣсколько верстъ отъ города; а Константинъ лежалъ

тогда въ тяжкой болѣзни, и чувствительный Александръ всего болѣе жалѣлъ о томъ, что не могъ дождаться его выздоровленія.— Вмѣстѣ съ Тверскимъ Княземъ поѣхали въ Орду Романъ Михайловичь Бѣлозерскій (307) и двоюродный его братъ, Василій Давидовичь Ярославскій. Ненавидя послѣдняго, и зная, что онъ будетъ защищать Александра передъ Ханомъ, Великій Князь тайно отправилъ 500 воиновъ схватить его на пути; но Василій отразилъ ихъ, и ѣхалъ въ Орду съ намѣреніемъ жаловаться Узбеку на Іоанна, своего тестя.

Юный Θеодоръ Александровичь встрѣтилъ родителя въ Улусахъ, и проливая слезы, объявилъ о гнѣвѣ Хана. „Да будетъ воля „Божія!" сказалъ Александръ, и понесъ богатые дары Узбеку и всему его Двору. Ихъ приняли съ мрачнымъ безмолвіемъ. Прошелъ мѣсяцъ: Александръ молился Богу и ждалъ суда. Нѣкоторые Вельможи Татарскіе и Царица вступались за сего Князя; но прибытіе въ Орду сыновей Іоанновыхъ рѣшило дѣло: Узбекъ, подвигнутый ими или друзьями хитраго ихъ отца, безъ всякихъ изслѣдованій объявилъ, что мятежный, неблагодарный Князь Тверскій долженъ умереть. Еще Александръ надѣялся: ждалъ вѣстей отъ Царицы, и сѣвъ на коня, спѣшилъ видѣть своихъ доброжелателей; узнавъ же, что казнь его неминуема, возвратился домой, вмѣстѣ съ сыномъ причастился Святыхъ Таинъ, обнялъ вѣрныхъ слугъ Октя-
и бодро вышелъ на встрѣчу къ убійцамъ, ко- бря 28.

торые, отрубивъ голову ему и юному Θеодору, *розняли ихъ по составамъ* (308)! Сіи истерзанные остатки несчастныхъ Князей были привезены въ Россію, отпѣты въ Владимірѣ Митрополитомъ Θеогностомъ и преданы землѣ въ Тверской Соборной церкви, подлѣ Михаила и Димитрія: четыре жертвы Узбекова тиранства, оплаканныя современниками и отмщенныя потомствомъ! Никто изъ Хановъ не умертвилъ столько Россійскихъ Владѣтелей, какъ сей: въ 1330 году онъ казнилъ еще Князя Стародубскаго, Θеодора Михайловича, думая, что сіи страшныя дѣйствія гнѣва Царскаго утвердятъ господство Моголовъ надъ Россіею. Оказалось слѣдствіе противное, и не Ханъ, но Великій Князь воспользовался бѣдственною кончиною Александра, присвоивъ себѣ верховную власть надъ Тверскимъ Княженіемъ: ибо Константинъ и Василій Михайловичи уже не дерзали ни въ чемъ ослушаться Іоанна, и какъ бы въ знакъ своей зависимости должны были отослать въ Москву вещь по тогдашнему времени важную: Соборный колоколъ отмѣнной величины, коимъ славились Тверитяне (309). Узбекъ не зналъ, что слабость нашего отечества происходила отъ раздѣленія силъ онаго, и что способствуя Единовластію Князя Московскаго, онъ готовитъ свободу Россіи и паденіе Царства Капчакскаго.

Новогородцы, столь безжалостно отвергнувъ Александра въ несчастіи, и способствовавъ его изгнанію тужили о погибели

сего Князя: ибо предвидѣли, что Іоаннъ, не имѣя опаснаго соперника, будетъ менѣе уважать ихъ вольность. Между тѣмъ они старались обезпечить себя со стороны внѣшнихъ непріятелей. Миръ, въ 1323 году заключенный со Шведами, продолжался около пятнадцати лѣтъ. Король Магнусъ, владѣя тогда Норвегіею, распространилъ его и на сію землю, не рѣдко тревожимую Новогородцами, которые издавна господствовали въ восточной Лапландіи. Такъ они, по лѣтописямъ Норвежскимъ, въ 1316 и 1323 году опустошили предѣлы Дронтгеймской области, и Папа, Іоаннъ XXII, уступилъ Магнусу часть церковныхъ доходовъ, чтобы онъ могъ взять дѣйствительнѣйшія мѣры для защиты своихъ границъ сѣверныхъ отъ Россіянъ (310). Вельможа сего Короля, именемъ Гаквинъ, въ 1326 году, Іюня 3, подписалъ въ Новѣгородѣ особенный мирный договоръ, по коему Россіяне и Норвежцы на десять лѣтъ обѣщались не безпокоить другъ друга набѣгами, возстановить древній рубежъ между обоюдными владѣніями, забыть прежнія обиды и взаимно покровительствовать людей торговыхъ (311). Но въ 1337 году Шведы нарушили миръ: дали убѣжище въ Выборгѣ мятежнымъ Россійскимъ Кореламъ; помогли имъ умертвить купцевъ Ладожскихъ, Новогородскихъ и многихъ Христіанъ Греческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Новогородцы увидѣли худое къ

Миръ съ Норвегіею.

Непріязнь Шведовъ.

нимъ усердіе Нариманта и безполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣченъ и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію (312). Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожъ доказывали, что дружба Гедимина съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новогородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, потребовали Нариманта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новогородскаго Посадника Ѳеодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать Новогородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали

Разбои Литовскіе.

имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико (313). „Корелы" — сказалъ онъ — „бываютъ обыкновенно виною раздо„ровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія „мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните „безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ „казнить вашихъ, чтобы они своими злобными „навѣтами не мѣшали намъ жить въ согласіи."

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новогородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Іоанну; но Великій Князь, недовольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека (314). Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. „Чего не бывало отъ начала міра, то„го и не будетъ," отвѣтствовалъ народъ Посламъ Московскимъ: „Князь цѣловалъ свя„тый крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ, „и долженъ исполнить клятву." Прошло нѣсколько времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды. Когда же Ханъ отпустилъ его сыновей съ честію, и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ повелѣніемъ слушаться Московскаго: тогда Іоаннъ объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда своихъ Намѣстниковъ, думая, подобно Андрею Боголюбскому, что время унизитъ гордость сего величаваго народа и рѣшитъ вѣчную прю его вольности со властію Княжескою. Къ счастію Новогородцевъ,

Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ.

онъ долженъ былъ обратить силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ, чтобы Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду и платили ей дань: но сему причиною то, что повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣяній, живъ въ другихъ областяхъ, вообще рѣдко упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ. Возможно ли, чтобы Княженіе, столь малосильное, одно въ Россіи спаслося отъ ига, когда и Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ повиноваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичь, внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брянскій, въ 1334 году имѣлъ войну [315]. Татары помогали Димитрію; однакожь ни въ чемъ не успѣли, и Князья, проливъ много крови, заключили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему служила за деньги одна вольница Татарская; но Іоаннъ Александровичь ободрился счастливымъ опытомъ своего мужества, и вступивъ въ союзъ съ Гедиминомъ, захотѣлъ, кажется, совершенной независимости [316]. По крайней мѣрѣ Узбекъ объявилъ его мятежникомъ, отрядилъ въ Россію Могольскаго Воеводу, именемъ Товлубія, и далъ повелѣніе всѣмъ нашимъ Князьямъ итти на Смоленскъ. Владѣтель Рязанскій, Коротополъ,
г. 1340. Походъ къ Смоленску. выступилъ съ одной стороны, а съ другой сильная рать Великокняжеская. Подъ знаменами Московскими шли Константинъ Ва-

сильевичъ Суздальскій, Константинъ Ростовскій, Іоаннъ Ярославичъ Юрьевскій, Князь Іоаннъ Друцкій, выѣхавшій изъ Витебской области, и Ѳеодоръ Ѳоминскій, Князь Смоленскаго Удѣла (317). Не имѣя особенной склонности къ воинскимъ дѣйствіямъ, Іоаннъ Даніиловичъ остался въ столицѣ, и ввѣрилъ начальство двумъ своимъ Воеводамъ. Казалось, что соединенные полки Моголовъ и Князей Россійскихъ должны были однимъ ударомъ сокрушить Державу Смоленскую; но подступивъ къ городу, они только взглянули на стѣны, и не сдѣлавъ ничего, удалились! Вѣроятно, что Россіяне не имѣли большаго усердія истреблять своихъ братьевъ, и что Воевода Узбековъ, смягченный дарами Смолянъ, взялся умилостивить Хана.

Симъ заключилось достопамятное правленіе Іоанна Даніиловича: остановленный въ важныхъ его намѣреніяхъ внезапнымъ недугомъ, онъ промѣнялъ Княжескую одежду на мантію Схимника и кончилъ жизнь въ лѣтахъ зрѣлаго мужества, указавъ наслѣдникамъ путь къ Единовластію и къ величію (318). Но справедливо хваля Іоанна за сіе государственное благодѣяніе, простимъ ли ему смерть Александра Тверскаго, хотя она и могла утвердить власть Великокняжескую? Правила нравственности и добродѣтели святѣе всѣхъ иныхъ, и служатъ основаніемъ истинной Политики. Судъ Исторіи, единственный для Государей — кромѣ суда Небеснаго — не извиняетъ и самаго счастливаго злодѣйства: ибо отъ чело-

Марта 31. Кончина и достоинства Іоанновы.

вѣка зависитъ только дѣло, а слѣдствіе отъ Бога.

Не смотря на коварство, употребленное Іоанномъ къ погибели опаснаго совмѣстника, Москвитяне славили его благость, и прощаясь съ нимъ во гробѣ, орошаемомъ слезами народными, единогласно дали ему имя *Собрателя земли Русской* и Государя-отца: ибо сей Князь не любилъ проливать крови ихъ въ войнахъ безполезныхъ, освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личную, строго казнилъ татей и былъ вообще правосуденъ (319). Жители другихъ областей Россійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичь, умертвилъ дядю роднаго, Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополъ, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ даніею, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Ѳеогноста (320).

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою* (321). Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣствичника (на площади Кремлевской) и Св. Преображенія, древнѣйшая изъ существующихъ нынѣ, и бывшая тогда Архимандритіею, которую основалъ еще отецъ Іоанновъ на берегу Москвы-рѣки при созданной имъ деревянной церкви Св. Даніила: Іоаннъ же перевелъ сію Обитель къ своему дворцу, любилъ болѣе всѣхъ иныхъ, обогатилъ доходами; кормилъ, одѣвалъ тамъ нищихъ, и въ ней постригся предъ кончиною. — Украшая столицу каменными храмами, онъ окружилъ ее (въ 1339 году) дубовыми стѣнами, и возобновилъ сгорѣвшій въ его время *Кремникъ* или нынѣшній Кремль, бывшій внутреннею крѣпостію или, по старинному именованію, *Дѣтинцемъ* (322). Въ княженіе Іоанна два раза горѣла Москва; были и другія несчастія: ужасное наводненіе отъ сильнаго дождя и голодъ, названный въ лѣтописяхъ *рослою рожью*. Но подданные, облагодѣтельствованные дѣятельнымъ, отеческимъ правленіемъ Калиты, не смѣли жаловаться на бѣдствія случайныя и славили его счастливое время.

Прозваніе Калиты.

Кремникъ.

Тишина Іоаннова княженія способствовала обогащенію Россіи сѣверной. Новгородъ, союзникъ Ганзы, отправлялъ въ Москву и въ другія области работу Нѣмецкихъ фабрикъ. Востокъ, Греція, Италія (чрезъ Кафу и нынѣшній Азовъ) присылали намъ свои товары. Уже купцы не боялись въ окрестностяхъ Владиміра или Ярославля встрѣтиться съ шайками Татарскихъ разбойниковъ: милостивыя грамоты Узбековы, данныя Великому Князю, служили щитомъ для путешественниковъ и жителей. Открылись новые способы мѣны, новыя торжища въ Россіи: такъ въ Ярославской области, на устьѣ Мологи, гдѣ существовалъ *Холопій городокъ*, съѣзжались купцы Нѣмецкіе, Греческіе, Италіянскіе, Персидскіе, и Казна въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ собирала множество пошлиннаго серебра, какъ увѣряетъ одинъ Писатель XVII вѣка [323]: безчисленныя суда покрывали Волгу, а шатры прекрасный, необозримый лугъ Моложскій, и народъ веселился въ семидесяти питейныхъ домахъ. Сія ярмонка слыла первою въ Россіи до самаго XVI столѣтія.

Торгъ на Мологѣ.

Добрая слава Калиты привлекла къ нему людей знаменитыхъ: изъ Орды выѣхалъ въ Москву Татарскій Мурза Четъ, названный въ крещеніи Захаріею, отъ коего произошелъ Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ; а изъ Кіева Вельможа Родіонъ Несторовичь, предокъ Квашниныхъ, который былъ вызванъ Іоанномъ еще во время Михаила Тверскаго и привелъ съ собою 1700 Отроковъ или Дѣтей

Мурза Четъ.

Боярскихъ (324). Лѣтописецъ разсказываетъ, что сей Родіонъ, возведенный Московскимъ Княземъ на первую степень Боярства, возбудилъ зависть во всѣхъ другихъ Вельможахъ; что одинъ изъ нихъ, Акинѳъ Гавриловичь, не хотѣвъ уступить ему старѣйшинства, бѣжалъ къ Михаилу Тверскому, съ сыновьями своими, оставивъ въ *челяднѣ*, или въ людской избѣ, новорожденнаго внука Михаила, прозваннаго *Челяднею;* что усердный Родіонъ спасъ Іоанна Даніиловича въ битвѣ съ Тверитянами подъ городомъ Переславлемъ, въ 1304 году, зашедши имъ въ тылъ, и собственною рукою отрубивъ голову Акинѳу, привезъ оную на копьѣ къ Князю; что Іоаннъ наградилъ его половиною Волока; а Родіонъ отнялъ другую у Новогородцевъ, выгнавъ ихъ Намѣстника, и получилъ за то отъ Великаго Князя еще иную волость въ окрестностяхъ рѣки Восходни. Сіи обстоятельства прописаны также въ челобитной Квашнина, поданной Царю Іоанну Василіевичу на Бутурлиныхъ, потомковъ Боярина Акинѳа, во время несчастныхъ споровъ о Боярскомъ старѣйшинствѣ.

Древняя Русская пословица: *близъ Царя, близъ смерти*, родилась, думаю, тогда, какъ наше отечество носило цѣпи Моголовъ. Князья ѣздили въ Орду какъ на Страшный судъ: счастливъ, кто могъ возвратиться съ милостію Царскою или по крайней мѣрѣ съ головою! Такъ Іоаннъ Даніиловичь, въ началѣ своего Великокняженія отправляясь къ Узбеку, написалъ завѣщаніе и распорядилъ наслѣ-

діе между тремя сыновьями и супругою, именемъ Еленою, которая преставилась Монахинею въ 1332 году (325). Сія древнѣйшая изъ подлинныхъ духовныхъ грамотъ Княжескихъ, намъ извѣстныхъ, свидѣтельствуетъ, какіе города принадлежали тогда къ Московской области, и какъ велико было достояніе Князей. Послѣ обыкновенныхъ словъ: „Во имя „Отца и Сына и Святаго Духа," Іоаннъ говоритъ: „Не зная, что Всевышній готовитъ „мнѣ въ Ордѣ, куда ѣду, оставляю сію *душев*-„*ную* грамоту, написанную мною доброволь-„но, въ цѣломъ умѣ и совершенномъ здравіи. „Приказываю, въ случаѣ смерти, сыновьямъ „моимъ городъ Москву: отдаю Симеону Мо-„жайскъ, Коломну съ волостями, Ивану Зве-„нигородъ и Рузу; Андрею Лопасню, Серпу-„ховъ, Перемышль; Княгинѣ моей съ меньши-„ми дѣтьми села, бывшія въ ея владѣніи" (слѣдуютъ имена ихъ)... „также оброкъ *го*-„*родскихъ волостей*; а купеческія пошлины, „въ оныхъ собираемыя, остаются доходомъ „нашихъ сыновей. Ежели Татары отнимутъ „волость или село у кого изъ васъ, любез-„ныя дѣти, то вы обязаны снова уравнять „свои части или Удѣлы. Люди *численые*" — то есть, вольные, окладные, платившіе дань государственную — „должны быть подъ об-„щимъ вашимъ вѣдѣніемъ; а въ раздѣлъ идутъ „единственно купленные мною. Еще при „жизни далъ я сыну Симеону изъ золота че-„тыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ „жемчугомъ, и два ковша, а серебромъ три

Завѣщаніе Вел. Князя.

„блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два „пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, шрепій „сердоликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, „а серебромъ три блюда; Андрею изъ золота „четыре цѣпи, поясъ Фряжскій жемчужный, „другой съ крюкомъ на червленомъ шелку, „шрепій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а „серебромъ три блюда. Золото Княгинино „отдалъ я дочери Федиткѣ: четырнадцать „колецъ, новый сдѣланный мною складень, „ожерелье матери ея, *чело* и гривну; а мое „собственное золото и коробочку золотую „отказываю Княгинѣ своей съ меньшими дѣть„ми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону „шубу червленую съ жемчугомъ и шапку зо„лотую, Ивану желтую объяринную шубу съ „жемчугомъ и мантію съ бармами, Андрею „шубу соболью съ наплечками низанными жем„чугомъ и порттище алое съ шитыми бар„мами; а двѣ новыя шубы, низанныя жемчу„гомъ, меньшимъ дѣтямъ, *Марьѣ* и Ѳедосьѣ. „Серебряные поясы и другія одежды мои раз„дать Священникамъ, а 100 рублей, остав„ленныхъ мною у Казначея, по церквамъ. „Большое серебряное блюдо о четырехъ коль„цахъ отослать въ Храмъ Владимірскія Бо„гоматери. Прочее серебро и Княжескія сша„да — кромѣ двухъ, отданныхъ мною Симео„ну и Ивану — раздѣлить моей супругѣ и дѣ„тямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старшему, при„казываю меньшихъ братьевъ и Княгиню съ „дочерями: будь имъ по Богѣ главнымъ защит„никомъ. — Грамоту писалъ Дьякъ Великокня-

„жескій Кострома, при духовныхъ отцахъ „моихъ, Священникахъ Ефремѣ, Ѳеодосіи и „Давидѣ; кто нарушитъ оную, тому Богъ „судія." — Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Спасителя и Св. Іоанна Предтечи, и съ надписью: *печать Великаго Князя Ивана;* а другая свинцовая (326). — Въ семъ завѣщаніи не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ, бывшихъ достояніемъ Великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависѣло отъ Хана.

Исчисляя свои села, Великій Князь упоминаетъ о купленныхъ или вымѣненныхъ имъ въ Новѣгородѣ, Владимірѣ, Костромѣ и Ростовѣ: такимъ образомъ онъ старался пріобрѣтать наслѣдственную собственность и внѣ Московской области, къ неудовольствію другихъ Князей и вопреки условію заключенному съ Новогородцами. Но еще несравненно важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ были города Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ, купленные Іоанномъ Даніиловичемъ (327): первые два у потомковъ Константина I, а третій у наслѣдниковъ Константина Ярославича Галицкаго, какъ сказано въ одной изъ грамотъ Димитрія Донскаго: чему надлежало случиться не задолго до преставленія Калиты. Однакожь сіи Удѣлы до временъ Донскаго считались Великокняжескими, а не Московскими: пото-

му не упоминается объ нихъ въ завѣщаніяхъ сыновей Калитиныхъ.

Мы имѣемъ еще иную достопамятную грамоту временъ Іоанновыхъ, данную Василіемъ Давидовичемъ Ярославскимъ Архимандриту Спасской Обители (328). Сей Князь пишетъ, что онъ, слѣдуя примѣру дѣда, Ѳеодора Чернаго, опредѣляетъ жалованье монастырскимъ людямъ, въ годъ по два рубля; освобождаетъ ихъ отъ всѣхъ налоговъ, также отъ *яма* или подводъ, отъ постоя и стражи; далѣе говоритъ: ,,Судіи мои, Намѣстники и Тіуны, да ,,не шлютъ *Дворянъ* своихъ за людьми Св. ,,Спаса безъ вѣдома Игумена, который одинъ ,,судитъ ихъ, или вмѣстѣ съ моимъ судіею, ,,буде истецъ или отвѣтчикъ не есть человѣкъ монастырскій; въ послѣднемъ случаѣ ,,часть денежной пени, налагаемой на винов- ,,наго, идетъ въ казну Св. Спаса, а другая ,,въ Княжескую. Жители *иныхъ* областей, ,,перезванные Игуменомъ въ его вѣдомство, ,,считаются людьми монастырскими; но ра- ,,ботники ихъ, приписанные къ моимъ селе- ,,ніямъ, остаются подъ судомъ Княжескимъ. ,,Чернорizцы и Крылошане Спасскіе, торгуя ,,въ пользу святой Обители, увольняются ,,отъ пошлинъ: что однакожъ не уничто- ,,жаетъ древняго устава о перевозахъ и бо- ,,бровыхъ рѣкахъ.“ Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуетъ, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ пред-

Ярославская грамота.

козь къ иноческому сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Судьба Галича.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію: но жители, по сказанію одного современнаго Историка (329), тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того

угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, свойкъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичъ, Любачевъ, Санокъ, Теребовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатыя одежды, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частію животворящаго древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами — были отвезены изо Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кейстутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ, какъ бы законное наслѣдство его супруги. Такъ рушилось совершенно знаменитое Княженіе или Королевство Даніилово, и древнее достояніе Россіи, пріобрѣтенное оружіемъ Св. Владиміра, долго называемое *городами Червенскими*, а послѣ *Галичемъ*, было раздѣлено между иноплеменниками.

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ ГОРДЫЙ.

Г. 1340 — 1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гордаго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и Новогородскія. Постыдное дѣло Новогородцевъ. Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода. Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ миротворецъ. Черная Смерть. Земный рай. Бѣлый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь *всея Руси*. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Алексій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Мурома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи.

Г. 1340. Смерть Іоаннова была важнымъ происшествіемъ для Князей Россійскихъ: они спѣшили къ Хану. Два Константина, Тверскій и Суздальскій, могли искать Великаго Княженія: другіе желали имъ успѣха, боясь исключительнаго первенства Московскихъ Владѣтелей. Но Симеонъ Іоанновичъ (во время кончины родителя бывъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ)
Маія 29. также поѣхалъ съ братьями въ Орду; представилъ Узбеку долговременную вѣрность отца своего, обѣщалъ заслужить милость Царскую, и былъ объявленъ Великимъ Княземъ: прочіе долженствовали ему повиноваться какъ Главѣ или старѣйшему (330). Безъ сомнѣнія не красноречіе юнаго Симеона и не дружба Ханова къ его родителю произвела сіе дѣйствіе, но другая сильнѣйшая для варваровъ причина: ко-

рысть и подкупъ. Моголы, нѣкогда ужасные своею дикостію въ снѣжныхъ степяхъ Татаріи, измѣнились характеромъ на берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнавъ наслажденія роскоши, доставляемыя имъ торговлею образованной Европы и Азіи; уже менѣе любили опасности битвъ и тѣмъ болѣе удовольствіе нѣги, соединенной съ грубою пышностію. Въ такомъ расположеніи серебро долженствовало быть ихъ главнымъ или единственнымъ идоломъ. Любимцы прежнихъ Хановъ искали завоеваній: любимцы Узбековы требовали взятокъ и продавали его милости; а Князья Московскіе, умноживъ свои доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и новыми торговыми сборами, находили ревностныхъ друзей въ Ордѣ, ибо могли удовлетворять алчному корыстолюбію ея Вельможъ, и называясь смиреннымъ именемъ слугъ Ханскихъ, сдѣлались могущественными Государями.

Корыстолюбіе Моголовъ.

Симеонъ, въ бодрой юности достигнувъ Великокняжескаго сана, умѣлъ пользоваться властію, не уступалъ въ благоразуміи отцу и слѣдовалъ его правиламъ: ласкалъ Хановъ до униженія, но строго повелѣвалъ Князьями Россійскими и заслужилъ имя *Гордаго*. Торжественно возсѣвъ на престолъ въ Соборномъ храмѣ Владимірскомъ, онъ при гробѣ отца клялся братьямъ жить съ ними душа въ душу, имѣть всегда однихъ друзей и враговъ [331]; взялъ съ нихъ такую же клятву, и скоро имѣлъ случай доказать твердость своего правленія. Считая себя законнымъ Государемъ Новагорода,

Твердость Симеона Гордаго. Октября 1.

онъ послалъ Намѣстниковъ въ Торжекъ для собранія дани. Недовольные симъ дѣйствіемъ самовластія, тамошніе Бояре призвали Новогородцевъ, которые, заключивъ Намѣстниковъ Княжескихъ въ цѣпи, объявили Симеону, что онъ только Государь Московскій; что Новгородъ *избираетъ* своихъ Князей и не терпитъ насилія. Симеонъ, не споря съ ними о правахъ, готовилъ войско. Новогородцы также вооружались; но чернь требовала мира, а жители Торжка взбунтовались: выгнали отъ себя Новогородскихъ чиновниковъ и Бояръ своихъ, убивъ одного знатнѣйшаго и разломавъ домы прочихъ; освободили Намѣстниковъ Симеоновыхъ, и съ усердными восклицаніями приняли Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими (332). Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли Его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Митрополитъ Ѳеогностъ. Встревоженные Новогородцы велѣли областнымъ жителямъ итти въ столицу для ея защиты, и пославъ Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ, требовали мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновенію, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ
г. 1341. народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Витебскій, осадилъ Можайскъ,

съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы (333). Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, вторый сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолюбіемъ; велъ жизнь трезвую, дѣятельную; не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меду; не терпѣлъ шумныхъ пиршествъ, и когда другіе тратили время въ суетныхъ забавахъ, онъ совѣтовался съ Вельможами или съ самимъ собою о способахъ распространить власть свою. Свойства Ольгердовы.

Въ томъ же годъ умеръ и знаменитый Ханъ Капчакскій Узбекъ, памятный въ нашей Исторіи разореніемъ Твери и бѣдствіями Михайлова рода, союзникъ и пріятель Папы Бенедикта XII, который надѣялся склонить его къ Христіанству, и коему онъ дозволялъ утверждать Вѣру Латинскую въ странахъ Черноморскихъ, особенно въ землѣ Ясовъ, обращенныхъ Монахомъ Римскимъ Іоною Валентомъ; жена Ханова и сынъ присылали дары Бенедикту, и Генуэзцы, жители Кафы, ѣздили къ нему въ качествѣ Пословъ Татарскихъ (334). Но Узбекъ не думалъ измѣнить Алкорану, терпя Христіанъ единственно какъ Политикъ благоразумный. Сынъ его, Чанибекъ, подобно отцу ревностный служитель Магометовой Вѣры, открылъ себѣ путь къ престолу убіеніемъ двухъ братьевъ, и Князья Россійскіе вмѣ- Сношенія Папы съ Ордою. Г. 1342.

сшѣ съ Мишрополишомъ долженсшвовали немедленно ѣхашь въ Орду, чшобы смиренно насшь предъ окровавленнымъ ея шрономъ. Съ чесшію и милосшію ошпусшивъ Симеона, Ханъ долго держалъ Мишрополиша, шребуя, чшобы онъ, богашый доходами, серебромъ и золошомъ, ежегодно плашилъ церковную дань Ташарамъ; но Ѳеогносшъ ссылался на льгошныя грамошы Хановъ, и Чанибекъ удовольсшвовался наконецъ шесшью сшами рублей, даромъ единовременнымъ: ибо — чшо досшойно замѣчанія — не дерзнулъ самовольно ошмѣнишь усшава своихъ предковъ; а Ѳеогносшъ, за его швердосшь, былъ прославленъ нашимъ Духовенсшвомъ. Все осшалось, какъ было при Узбекѣ; одинъ Князь Пронскій, Ярославъ, сынъ убіеннаго Александра, милосшію новаго Хана распросшранилъ свое владѣніе. Гнусный убійца, Іоаннъ Коропюполъ, лишился пресшола и жизни. Провождаемый Киндякомъ, Вельможею Чанибека, Ярославъ осадилъ Іоанна въ сшолицѣ: сей злодѣй ночью бѣжалъ, однакожь не избавился ошъ казни; его умершвили чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (335). Къ сожалѣнію, Ташары, будучи орудіями справедливой месши, не могли дѣйсшвовашь безкорысшно: они хошѣли добычи, и плѣнили многихъ жишелей Переславля Рязанскаго. Ярославъ княжилъ съ шого времени въ Росшиславлѣ (нынѣ селѣ на берегу Оки) и чрезъ два года умеръ; а наслѣдники его — кажешся, добровольно — усшупили послѣ сіе пріобрѣшеніе сыну Коропюпола, Олегу.

Убіеніе Коропюпола.

Въ отсутствіе Симеона Псковитяне воевали съ Ливонскими Нѣмцами, которые убили въ Летгалліи Пословъ ихъ. Во Псковѣ начальствовалъ Князь Александръ Всеволодовичь, коего родъ намъ неизвѣстенъ: отмстивъ Нѣмцамъ разореніемъ селъ въ юго-восточной Ливоніи, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, и Псковитяне тщетно убѣждали его возвратиться, представляя ему свою опасность; тщетно молили и Новогородское Правительство дать имъ Намѣстника и войско (336). Такъ говоритъ ихъ собственный Лѣтописецъ, прибавляя, что Нѣмцы заложили крѣпость Нейгаузенъ въ границахъ Россіи на берегу рѣки Пижвы; что Псковитяне, взявъ предмѣстіе Ругодива или Нарвы (города основаннаго Датчанами въ 1223 году), и слыша о сильныхъ вооруженіяхъ Ордена, отправили въ Витебскъ Пословъ, которые сказали Ольгерду: „братья наши, Новогородцы, въ злобѣ своей не помогаютъ намъ: „Государь! вступись за утѣсненныхъ." Но Лѣтописецъ Новогородскій обвиняетъ Псковитянъ въ вѣроломствѣ; они сами, по его извѣстію, выслали Князя Александра Всеволодовича, и встрѣтивъ Новогородцевъ, шедшихъ защитить ихъ отъ Рыцарей, совѣтовали имъ возвратиться, увѣряя, что опасность миновалась, и что Нѣмцы строятъ крѣпость на своей землѣ. Сіе было въ началѣ весны: 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію; но Рыцари, истребивъ ихъ передовый отрядъ, вдругъ

Дѣла Псковскія и Новогородскія.

осадили Изборскъ, и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя, Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ, и жители, не имѣя ни капли воды, долженствовали бы сдаться, если бы Нѣмцы не отступили отъ города, испуганные, какъ вѣроятно, слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ, однакожъ молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую, имъ отверженную, и княжить въ ихъ области, надѣясь, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. Вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына, именемъ Андрея, и позволилъ ему креститься; но какъ сей юный Князь, оставивъ у нихъ Намѣстника, въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву, то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа, ни мостъ, ни богатыя церкви: Софійская, Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ (337). Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ города, на полѣ, и даже въ лодкахъ, непрестанно ожидая новыхъ пожаровъ, такъ, что Архіепископъ едва успокоилъ ихъ церковными ходами и молебнами. Другаго рода несчастіе состояло въ дерзости и междо-

усобій гражданъ. Въ началѣ Симеонова княженія толпа ихъ удальцевъ опустошила Устюжну и волости Бѣлозерскія, которыя зависѣли отъ Великаго Князя. Одинъ изъ знатныхъ Бояръ Новогородскихъ построилъ крѣпость близъ границъ Эстонскихъ и хотѣлъ тамъ властвовать независимо: оскорбленное Правительство велѣло срыть оную и сжечь его село. Примѣръ должнаго наказанія еще не могъ обуздать своевольныхъ: сынъ умершаго Посадника Варѳоломея, именемъ Лука, набралъ шайку бродягъ, и разоривъ множество деревень въ Заволочьѣ, по Двинѣ и Вагѣ, основалъ для своей безопасности городокъ Орлецъ на рѣкѣ Емцѣ. Его умертвили жители какъ разбойника; но чернь Новогородская, преданная ему, думала, что онъ убитъ слугами Посадника Ѳеодора и требовала мести. Граждане раздѣлились на два Вѣча: одно было у Св. Софіи за Луку, другое на Дворѣ Ярослава за Посадника. Архіепископъ и Намѣстникъ Княжескій едва отвратили кровопролитіе.

Однакожь Новогородцы были готовы стоять всѣми силами за Псковитянъ, которые, въ надеждѣ на ихъ дружбу, рѣшились смѣлѣе воевать Ливонію, предводимые какимъ-то Княземъ Іоанномъ и Евстафіемъ Изборскимъ (338). Г. 1343.
Они пять дней не сходили съ коней, опустошая села вокругъ Оденпе. Магистеръ Бурхардъ гнался за ними до границы, и съ жаромъ началъ битву, въ коей Россіяне, утомленные и гораздо слабѣйшіе числомъ, купили побѣду кровію нѣкоторыхъ лучшихъ Бояръ

своихъ, а Нѣмцы лишились славнѣйшаго изъ ихъ витязей, Іоанна Левенвольда. Между тѣмъ въ Изборскѣ и Псковѣ народъ былъ въ ужасѣ: одинъ Священникъ, прибѣжавъ съ мѣста битвы, объявилъ, что Нѣмцы умертвили всѣхъ Россіянъ; но отправленные гонцы Псковскіе нашли рать свою уже подъ стѣнами Изборска, гдѣ Князья и воины отдыхали, среди плѣнниковъ и трофеевъ. Орденъ заключилъ миръ съ городомъ Псковомъ, ибо имѣлъ опасныхъ непріятелей внутри собственныхъ владѣній. Историкъ Ливоніи говоритъ, что сія земля могла тогда справедливо назваться „небомъ Дворянъ, раемъ Духовенства, золотымъ „рудникомъ иностранцевъ и адомъ утѣсненныхъ земледѣльцевъ [339]". Въ 1343 году открылось всеобщее возмущеніе въ Эстоніи: народъ умертвилъ множество Датчанъ и Нѣмцевъ, осадилъ Ревель и взялъ крѣпость Эзельскую. Около двухъ лѣтъ продолжалась война кровопролитная: мечь и голодъ истребили большую часть бѣдныхъ жителей, и Король Датскій за 19,000 марокъ серебра уступилъ Нѣмецкому Ордену всѣ права свои на Эстонію.

Въ Литвѣ сдѣлалась перемѣна. Сынъ Гедиминовъ, Евнутій, княжилъ въ Вильнѣ, Нариманть въ Пинскѣ, Кестутій въ Трокахъ. Послѣдній вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ольгердомъ: будучи оба властолюбивы, они условились соединить раздробленное отечество,
г. 1345. и неожидаемо взяли Вильну съ другими городами. Евнутій ушелъ въ Смоленскъ, Наримантъ къ Хану Татарскому [340]: Ольгердъ

же, присвоивъ себѣ господство надъ прочими братьями, сдѣлался Владыкою единодержавнымъ. Устроивъ порядокъ внутри Государства, сей Князь обратилъ глаза на Россію: онъ слышалъ, что Новогородцы явно поносятъ честь его; сверхъ того изгнанникъ Евнутій прибѣгнулъ къ Великому Князю Симеону, крестился въ Москвѣ, названный Христіанскимъ именемъ Іоанна, и хвалился дружбою Россіянъ. Ольгердъ вступилъ въ область Шелонскую; завоевалъ Опоку и берега Луги, взялъ 300 рублей дани съ Порхова, и велѣлъ сказать Новогородцамъ, что ихъ Посадникъ Ев- Г. 1346.
стафій осмѣлился всенародно назвать его псомъ, и что обида столь наглая требуетъ мести. Они вооружились, чтобы сразиться съ Литвою. Но Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольство- Постыд-
вать раздраженнаго Ольгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести и законамъ государственнымъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новогородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, могущихъ уменшить его гнусность. Ольгердъ былъ доволенъ уничиженіемъ гордѣйшаго изъ народовъ Россійскихъ, и согласился на миръ, чтобы воевать съ Нѣмецкимъ Орденомъ, коего Великій Магистеръ

ное дѣло Новогородцевъ.

*

г. 1347. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ одержалъ надъ Литвою блестящую побѣду, горестную для Витебска, Полоцка и Смоленска: ибо жители сихъ городовъ сражались подъ знаменами Ольгерда (341).

Гораздо лучше и великодушнѣе поступили Новогородцы въ дѣлахъ съ Швецiею. Король Магнусъ, легкомысленный и надменный, вздумалъ загладить грѣхи своего нескромнаго сластолюбiя, услужить Папѣ и прославиться подвигомъ благочестивымъ; собралъ въ Штокгольмѣ Совѣтъ Государственный и предложилъ ему силою обратить Россiянъ въ Латинскую Вѣру, требуя людей и денегъ. Сiе намѣренiе казалось Совѣту достохвальнымъ; но Швецiя, истощенная корыстолюбiемъ Духовенства, могла только дать людей Магнусу. Король дерзнулъ прикоснуться къ церковнымъ сокровищамъ или *доходамъ Св. Петра;* презрѣлъ неудовольствiе Епископовъ, и нанялъ многихъ Нѣмецкихъ воиновъ. Въ сiе время славилась тамъ пророчествами и святостiю вдовствующая супруга Вельможи Гудмарсона, дочь Биргерова, именемъ Бригитта (342): она, какъ вдохновенная Пиѳiя, заклинала Магнуса не брать съ собою развратныхъ иноземцевъ, но итти на Россiю съ одними набожными Шведами и Готами, достойными воевать для успѣховъ истины: въ противномъ случаѣ грозила ему бѣдствiемъ. Король смѣялся надъ ея предсказанiемъ, и съ войскомъ многочисленнымъ приплывъ къ острову Березовому или Бiорку, послалъ объявить

Война съ Магнусомъ.

г. 1348.

Новогородцамъ, чтобы они избрали Русскихъ *Философовъ* для пренія со Шведскими о Вѣрѣ, и приняли Латинскую, если она будетъ найдена лучшею, или готовились воевать съ нимъ. Архіепископъ Василій, Посадникъ, всѣ чиновники и граждане, изумленные такимъ предложеніемъ, благоразумно отвѣтствовали: „Ежели Король хочетъ знать, какая Вѣра „лучше, Греческая или Римская, то можетъ „для состязанія отправить людей ученыхъ „къ Патріарху Цареградскому: ибо мы при„няли Законъ отъ Грековъ, и не намѣрены „входить въ суетные споры. Когда же Нов„городъ чѣмъ нибудь оскорбилъ Шведовъ, то „Магнусъ да объявитъ свои неудовольствія „нашимъ Посламъ." Бояринъ Козма Твердиславичь поѣхалъ для свиданія съ Королемъ; но Магнусъ сказалъ ему, что онъ, не имѣя никакихъ причинъ къ неудовольствію, желаетъ только обратить Россіянъ на путь душевнаго спасенія, добровольно или оружіемъ. Война началася. Шведы приступили къ Орѣхову, предлагая окрестнымъ жителямъ на выборъ смерть или Папу. Сіе безумное насиліе воспалило гнѣвъ и мужество въ Новогородцахъ. Воины стекались къ нимъ изъ областей, и спѣшили защитить Ладогу. Хотя Орѣховъ (гдѣ былъ еще Намѣстникъ сына Гедиминова, Наримантa) сдался Магнусу; но потерявъ 500 человѣкъ въ битвѣ на берегахъ Ижеры, имѣя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, видя множество больныхъ въ своемъ войскѣ, и зная, что Россіяне идутъ со всѣхъ сторонъ окру-

жишь его флошъ на рѣкѣ Невѣ, сей легкомысленный Король увѣрился въ исшинѣ Бригиншина предсказанія, осшавилъ нѣсколько полковъ въ Невской крѣпосши, и возврашился въ ошечесшво съ однимъ сшыдомъ и съ десяшью плѣнниками, въ числѣ коихъ были Аврамъ Тысячкій и Козма Твердиславичь, взяшые въ Орѣховѣ. Шведскіе Лѣшописцы говоряшъ, чшо Магнусъ, овладѣвъ симъ городкомъ, и неволею кресшивъ жишелей по обрядамъ Римской Церкви, *великодушно* освободилъ ихъ; чшо они дали ему кляшву склонишь всѣхъ своихъ единоземцевъ къ пріняшію Лашинской Вѣры, но *коварно* обманули его, и дѣйсшвовали послѣ какъ самые злѣйшіе непріяшели Шведовъ и Папы (343).

Великій Князь по видимому мало забошился о Новогородцахъ, и шолько однажды (въ 1347 году) жилъ у нихъ шри недѣли, призванный ими чрезъ Архіепископа. Слыша о нападеніи Шведовъ, онъ долго медлилъ; наконецъ высшупилъ съ войскомъ, но возврашился, чшобы приняшь въ Москвѣ Пословъ Ханскихъ, и вмѣсшо себя велѣлъ ишши въ Новгородъ брашу своему Іоанну съ Консшаншиномъ Росшовскимъ (344); а сіи Князья — свѣдавъ, чшо Орѣховъ завоеванъ Магнусомъ — немедленно ушли назадъ, *не пріявъ*, какъ говоришъ Лѣшописецъ, *Архіепископскаго благословенія, ни челобишья Новогородскаго*. Вѣрояшно, чшо не робосшь, но хишрыя намѣренія полишическія были шому причиною: Симеонъ хошѣлъ, кажешся, довесши сей величавый на-

родъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ онымъ. — „Князь оставляетъ насъ,“ говорили Новогородцы: „возложимъ упованіе на Бога и на „Святую Софію.“ Вспомогательная дружина Псковская была въ ихъ станѣ подъ Ладогою: они хотѣли доказать свою благодарность за сіе усердіе, и торжественно объявили, что знаменитый городъ Псковъ долженъ впредь называться *младшимъ братомъ Новагорода.* „Одна любовь и Вѣра да утвердятъ искрен-„ній, вѣчный союзъ между нами!“ сказали Новогородцы Псковитянамъ: „не будемъ давать „вамъ Посадниковъ; не будемъ требовать „васъ на судъ къ Св. Софіи; правьте и ря-„дите сами; а для суда Церковнаго Архіе-„пископъ изберетъ Намѣстника изъ вашихъ „согражданъ (345).“ Такимъ образомъ отчизна Св. Ольги пріобрѣла гражданскую независимость, и къ сожалѣнію запятнала себя чернымъ дѣломъ неблагодарности. Когда Новогородцы въ Августѣ мѣсяцѣ приступили къ Орѣхову, и видя упорство Шведовъ, рѣшились зимовать въ станѣ: Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть ненастья и холода, объявили, что идутъ обратно въ землю свою, разоряемую Нѣмцами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно, нарушивъ тогда миръ, выжгли села на границѣ въ области Изборской, Островской, и самое предмѣстіе Пскова: слѣдственно обстоятельства извиняли Псковитянъ, и Новогородцы, согласные на ихъ отступленіе, желали единственно,

Псковъ братъ Новагорода.

чтобы оно было ночью, и чтобы непріятель не видалъ его; но чиновники Псковскіе, въ досаду великодушнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою изъ стана въ самый полдень, затрубили въ трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадовали Шведовъ, которые, стоя на валу, громко смѣялись (346). Оставленные Великимъ Княземъ и союзниками, Новогородцы не уныли, сдѣлали приметъ къ стѣнамъ крѣ-
г. 1349—1350. постии, взяли оную 24 Февраля, убивъ или плѣнивъ 800 непріятелей, и торжествовали сей успѣхъ какъ славное происшествіе для отечества и Вѣры. Они положили употребить отнятое ими у Шведовъ серебро на украшеніе церкви Бориса и Глѣба, отправили плѣнниковъ въ Москву къ Симеону, и не смотря на худую вѣрность Псковитянъ, сдержали данное имъ слово, считая ихъ съ того времени уже не подданными, а совершенно вольными въ избраніи гражданскихъ Правителей (347). — Чтобы озаботить Магнуса съ другой стороны его владѣній, Новогородцы изъ Двинской земли ходили воевать Норвегію; разбили также Шведовъ подъ Выборгомъ; наконецъ, заключивъ съ ними миръ въ Дерптѣ, размѣнялись плѣнниками, съ условіемъ, чтобы область Яскиская, Эгранская и часть Саволакса принадлежали Россіи: Систербекъ остался границею. Договоръ былъ подписанъ Королемъ, Графомъ Генрикомъ Голштейнскимъ, Вельможами Турсономъ, Геннингомъ, Священникомъ Вамундомъ и двумя Готландскими купцами; также Новогородскимъ

Посадникомъ Юріемъ, Тысячскимъ Авраамомъ и другими Боярами (348). Хотя Король въ 1351 году замышлялъ новую войну противъ Россіянъ, и Папа въ угодность ему дозволилъ его витязямъ ознаменоваться святымъ крестомъ; но внутренніе раздоры и несчастія Швеціи не допустили сего вѣтренаго Монарха вторично безумствовать для мнимаго душевнаго спасенія.

Между тѣмъ Великій Князь былъ занятъ иными дѣлами. Узнавъ, что Ольгердъ, тѣснимый Нѣмцами, прислалъ къ Хану брата своего, Коріяда, требовать помощи, Симеонъ внушилъ Чанибеку, что сей коварный язычникъ есть врагъ Россіи подвластной Татарамъ, слѣдственно и самихъ Татаръ; а Ханъ, убѣжденный представленіями Московскихъ Бояръ, выдалъ имъ Коріяда съ другими Послами Литовскими (349). Столь беззаконное дѣйствіе могло справедливо раздражить Ольгерда; но, вмѣсто злобы, онъ изъявилъ Симеону желаніе быть его другомъ: ибо тогдашнія обстоятельства Литвы не позволяли ему искать новыхъ непріятелей. Мы упоминали о мирномъ договорѣ Казимира Польскаго съ Литвою, отдавшаго Любарту и Кестутію всю западную Волынію съ городомъ Брестомъ: перемѣнивъ мысли, Казимиръ въ 1349 году отнялъ у нихъ сіе владѣніе, изъ милости давъ Любарту одинъ Луцкъ, а нѣкоторыхъ частныхъ Князей Россійскихъ, потомковъ Св. Владиміра, оставивъ господствовать въ ихъ Удѣлахъ какъ своихъ присяжниковъ (350). Сіе происшествіе застав-

Хитрость Ольгердова.

видо Ольгерда и братьевъ его искать дружбы Симеоновой, тѣмъ естественнѣе, что Король Польскій, ободренный успѣхами, вздумалъ быть гонителемъ Церкви Греческой, тѣснилъ Духовенство въ Волыніи, и православныя церкви обращалъ въ Латинскія. Граждане степали: утративъ государственную независимость, они еще умѣли крѣпко стоять за Вѣру отцевъ, и гнушаясь насиліемъ Папистовъ, славили терпимость Литовскаго Правленія; а гласъ народа единокровнаго громко отзывался въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Митрополитъ ревностно ходатайствовалъ за Князей Литовскихъ — которые не мѣшали ему повелѣвать Духовенствомъ въ Волыніи — особенно же за Любарта, усерднаго сына нашей Церкви (351). И такъ Великій Князь, согласно съ общимъ желаніемъ, не только освободилъ Коріяда, взявъ за него окупъ, но вступилъ и въ тѣсную связь съ сыновьями Гедимина, утвержденную свойствомъ: Любартъ женился на Ростовской Княжнѣ, племянницѣ Симеона; язычникъ Ольгердъ на его свояченѣ Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго. Сіе второе бракосочетаніе затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ оное, въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, чтобы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ. Изгнанникъ Евнутій, покровительствуемый Россіею, могъ безопасно возвратиться въ оте-

Браки.

чество: братья дали ему Удѣлъ въ Минской области.

Въ то время, когда Государь Польскій веселился и торжествовалъ свои успѣхи въ Краковѣ, Литовскіе Князья въ тишинѣ собирали войско, имѣли тайныя сношенія съ жителями Волыніи, и желая еще болѣе усыпить Казимира, обѣщали ему принять Римскую Вѣру, такъ, что Папа, Климентъ VI, уже готовился послать имъ знаки Королевскаго сана [352]. Но хитрость обнаружилась: увѣренные въ дружбѣ Московскаго Князя и пользуясь его содѣйствіемъ для умноженія своихъ ревностныхъ доброжелателей въ юго-западной Россіи, Ольгердъ, Кестутій и Любартъ ударили на Поляковъ и выгнали ихъ изъ Волыніи. — Съ сего времени *четыре* народа спорили о древнемъ достояніи нашего отечества: о Галиціи, Подоліи и землѣ Волынской. *Моголы*, по сказанію Флорентійскаго современнаго Историка [353], изгнанные изъ своихъ жилищъ голодомъ, около 1351 года ворвались въ землю Браславскую, гдѣ властвовалъ одинъ изъ Россійскихъ Князей. Людовикъ, Король Венгерскій, его покровитель, старался вытѣснить ихъ оттуда: въ 1354 году, вмѣстѣ съ Казимиромъ Великимъ, перешелъ за Бугъ и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Татарскаго. Однакожь Моголы еще нѣсколько лѣтъ держались въ окрестностяхъ Днѣстра [354]. *Венгрія* хотѣла присвоить себѣ Галицію, и наконецъ долженствовала уступить оную *Польшѣ;* а Князья *Литовскіе* удерживали въ своемъ

Раздѣлъ западной Россіи.

подданствѣ большую часть другихъ западныхъ областей Россійскихъ, до самаго XVI вѣка, когда Литва и Польша составили одно Государство.

Ссора Псковитянъ съ Литвою.

Не смотря на союзъ Гедиминовыхъ сыновей съ Великимъ Княземъ, Псковитяне сдѣлались непріятелями Литвы. Намѣстникомъ Андрея Ольгердовича былъ у нихъ Вельможа Княжескаго рода, именемъ Юрій Витовтовичь, въ 1349 году убитый Нѣмцами, въ нечаянномъ набѣгѣ, подъ стѣнами Изборска (355): мужъ храбрый и благочестивый Христіанинъ, оплаканный народомъ и погребенный въ Соборной церкви. Его кончина прервала связь гражданъ Псковскихъ съ Литвою. Взявъ крѣпость, заложенную Нѣмцами на берегу Наровы, и гордясь сею удачею, они велѣли сказать Князю Андрею: „ты не хотѣлъ самъ „управлять нами; мы же не хотимъ теперь ни „твоихъ Намѣстниковъ, ни тебя.“ Въ слѣдствіе чего Ольгердъ задержалъ купцевъ Псковскихъ, отнявъ у нихъ товары; а сынъ его, Андрей, княжившій тогда въ Полоцкѣ, опустошилъ нѣсколько селъ на рѣкѣ Великой.

Ольгердъ миротворецъ. Г. 1352.

Но хитрый Ольгердъ пользовался дружбою Симеона. Свѣдавъ, что Великій Князь, недовольный Смоленскимъ Владѣтелемъ, союзникомъ Литвы, намѣренъ объявить ему войну, Ольгердъ желалъ быть ихъ миротворцемъ (356). Послы Литовскіе нашли Симеона, провождаемаго братьями и другими Князьями, въ Вышегородѣ на берегу Протвы, и вручили ему богатые дары вмѣстѣ съ дружескимъ письмомъ

отъ своего Государя. Великій Князь уважилъ его ходатайство, но шелъ далѣе къ рѣкѣ Угрѣ: тамъ, встрѣтивъ Пословъ Смоленскихъ, онъ заключилъ миръ и возвратился въ Москву, быть свидѣтелемъ и, какъ вѣроятно, жертвою ужаснаго гнѣва Небеснаго.

Черная смерть.

Еще въ 1346 году былъ моръ въ странахъ Каспійскихъ, Черноморскихъ, въ Арменіи, въ землѣ Абазинской, Ясской и Черкесской, въ Орнѣ при устьѣ Дона, въ Бездежѣ, въ Астрахани и въ Сараѣ (357). Пишутъ, что сія жестокая язва, извѣстная въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Черной смерти*, началась въ Китаѣ, истребила тамъ около тринадцати милліоновъ людей, и достигла Греціи, Сиріи, Египта. Генуэзскіе корабли привезли оную въ Италію, гдѣ, равно какъ и во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, цѣлые города опустѣли. Въ Лондонѣ на одномъ кладбищѣ было схоронено 50,000 человѣкъ. Въ Парижѣ отчаянный народъ требовалъ казни всѣхъ Жидовъ, думая, что они сыплютъ ядъ въ колодези. Въ 1349 году началась зараза и въ Скандинавіи; оттуда, или изъ Нѣмецкой земли, перешла она во Псковъ и Новгородъ: въ первомъ открылась весною 1352 года и свирѣпствовала до зимы съ такою силою, что едва осталась треть жителей. Болѣзнь обнаруживалась желѣзами въ мягкихъ впадинахъ тѣла; человѣкъ харкалъ кровію, и на другой или на третій день издыхалъ. Не льзя, говорятъ Лѣтописцы, вообразить зрѣлища столь ужаснаго: юноши и старцы, супруги, дѣти, лежали въ гробахъ другъ

подлѣ друга; въ одинъ день исчезали семейства многочисленныя. Каждый Іерей по утру находилъ въ своей церкви 30 усопшихъ и болѣе; отпѣвали всѣхъ вмѣстѣ, и на кладбищахъ уже не было мѣста для новыхъ могилъ: погребали за городомъ, въ лѣсахъ. Сперва люди корыстолюбивые охотно служили умирающимъ, въ надеждѣ пользоваться ихъ наслѣдствомъ; когда же увидѣли, что язва сообщается прикосновеніемъ, и что въ самомъ имуществѣ зараженныхъ таится жало смерти, тогда и богачи напрасно искали помощи: сынъ убѣгалъ отца, братъ брата. Напротивъ того нѣкоторые изъявляли великодушіе: не только своихъ, но и чужихъ мертвецовъ носили въ церковь; служили Панихиды и съ усердіемъ молились среди гробовъ. Другіе спѣшили оставить міръ и заключались въ монастыряхъ, или отказывали церквамъ свое богатство, села, рыбныя ловли; питали, одѣвали нищихъ, и благодѣяніями готовились къ вѣчной жизни. Однимъ словомъ, думали, что всѣмъ умереть должно. — Въ сихъ обстоятельствахъ несчастные Псковитяне звали къ себѣ Архіепископа Василія, благословить ихъ и вмѣстѣ съ ними принести жертву моленія Всевышнему: какъ достойный Пастырь Церкви онъ спѣшилъ ихъ утѣшить, презирая опасность (353). Встрѣченный народомъ со изъявленіями живѣйшей благодарности, Василій облачился въ ризы Святительскія; взялъ крестъ, и провождаемый Духовенствомъ, всѣми гражданами, самыми младенцами, обошелъ вокругъ города. Іереи пѣли

Божественныя пѣсни; Иноки несли мощи; народъ молился громогласно, и не было такого каменнаго сердца, по словамъ лѣтописи, которое не изливалось бы въ слезахъ предъ Всевидящимъ Окомъ. Еще смерть не насытилась жертвами; но Архіепископъ успокоилъ души, и Псковитяне, вкусивъ сладость Христіанскаго умиленія, терпѣливѣе ожидали конца своему бѣдствію: оно прекратилось въ началѣ зимы.

Василій, безъ сомнѣнія зараженный язвою, на возвратномъ пути скончался, къ великому сожалѣнію Новогородцевъ и примиренныхъ съ нимъ Псковитянъ. Сей Архіепископъ былъ отмѣнно любимъ первыми: бралъ всегда ревностное участіе въ дѣлахъ правленія; строилъ не только храмы, но и мосты, нужные для удобнаго сообщенія людей, и собственными руками заложилъ новую городскую стѣну на другой сторонѣ Волхова; украсилъ Софійскую церковь мѣдными, вызолоченными вратами и живописью Греческою; славился также разумомъ: былъ учителемъ крестнаго сына своего, Михаила Александровича Тверскаго (359), и въ образецъ тогдашнихъ богословскихъ понятій оставилъ намъ письмо къ Епископу Тверскому Ѳеодору, доказывая въ онoмъ, что „рай и адъ дѣйствительно существуютъ на землѣ, вопреки мнѣнію новыхъ еретиковъ, которые признаютъ ихъ *мысленными* или духовными.“ Уважая гражданскія и пастырскія достоинства Василія, великодушно умершаго для облегченія страждущихъ Псковитянъ, осу- Земный рай.

димъ ли сего знаменитаго мужа за то, что онъ искалъ рая на Бѣломъ морѣ, и вѣрилъ, что нѣкоторые путешественники Новогородскіе видѣли оный издали? — Василій первый изъ Архіепископовъ получилъ отъ Митрополита *крещатыя ризы* въ знакъ отличія и *бѣлый клобукъ*, какъ пишутъ, отъ Патріарха Цареградскаго, донынѣ хранимый въ Новогородской Софійской ризницѣ и прежде носимый въ Греціи тѣми Святителями, которые бывали поставляемы изъ Бѣлаго Духовенства (360).

Бѣлый Клобукъ.

Скоро язва посѣтила и Новгородъ, гдѣ отъ 15 Августа до Пасхи умерло множество людей. То же было и въ другихъ областяхъ Россійскихъ: въ Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Суздалѣ. Въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного жителя. Такимъ образомъ отъ Пекина до береговъ Евфрата и Ладоги нѣдра земныя наполнились милліонами труповъ, и Государства опустѣли. Иностранные Историки сего бѣдствія сообщаютъ намъ два примѣчанія: 1) вездѣ гибло болѣе молодыхъ людей, нежели старыхъ; 2) вездѣ, когда зараза миновалась, родъ человѣческій необыкновенно размножался (361): столь чудесна Природа, всегда готовая замѣнять убыль въ ея царствахъ новою дѣятельностію плодотворной силы!

Лѣтописцы наши сказываютъ, что *вся Россія* испытала тогда гнѣвъ Небесный: слѣдственно и Москва, хотя они не упоминаютъ объ ней въ особенности. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ короткое время скончались тамъ Митрополитъ Ѳеогностъ, Великій Князь, два

сына его и братъ Андрей Іоанновичъ (362). Симеонъ имѣлъ не болѣе тридцати-шести лѣтъ отъ рожденія. Сей Государь, хитрый, благоразумный, пять разъ ѣздилъ въ Орду, чтобы соблюсти тишину въ Государствѣ; пользуясь отмѣнною благосклонностію Хана, исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго Княженія свободу не платить дани Моголамъ, и первый, кажется, именовалъ себя Великимъ Княземъ *всея Руси*, какъ то вырѣзано на его печати (363). Видя внезапную смерть предъ собою, онъ постригся (названный именемъ Созонта) и духовнымъ завѣщаніемъ распорядилъ свое достояніе. По кончинѣ первой супруги въ 1345 году, Симеонъ сочетался бракомъ съ Евпраксіею, дочерію одного изъ Смоленскихъ Князей, Θеодора Святославича, управлявшаго Волокомъ въ санѣ Намѣстника; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу, будто бы для того, что „она на „свадьбѣ была испорчена и всякую ночь ка„залась супругу мертвецомъ (364).“ Къ общему неудовольствію и соблазну правовѣрныхъ, Евпраксія вышла за Князя Θоминскаго, Θеодора Краснаго; а Симеонъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ, прижилъ съ нею четырехъ сыновей, умершихъ въ дѣтствѣ, и въ знакъ любви отказалъ ей наслѣдственныя и купленныя имъ волости, Можайскъ, Коломну, всѣ сокровища, золото, жемчугъ, и *пятьдесятъ верховыхъ* коней (365). „Кто изъ Бояръ“ — пишетъ Великій Князь—„захочетъ служить моей Кня-

Г. 1353. Кончина Симеонова.

Великій Князь всея Руси.

Привидѣніе.

Завѣщаніе. ,,гинѣ, тотъ, владѣя нашими селами, обязанъ ,,давать ей половину дохода. Всѣмъ людямъ ,,купленнымъ или за вину взятымъ мною въ ,,рабство: сельскимъ Тіунамъ (приказчикамъ), ,,старостамъ, ключникамъ, или женатымъ на ,,ихъ дочерахъ (356), объявляю вѣчную свобо- ,,ду. — Вамъ, любезные братья" (ибо Андрей жилъ еще около шести недѣль) ,,поручаю су- ,,пругу и Бояръ моихъ, и приказываю то же, ,,что намъ отецъ приказывалъ: живите со- ,,гласно, не перемѣняйте уставленнаго мною ,,въ дѣлахъ государственныхъ или судныхъ; не ,,внимайте клеветникамъ и ссорщикамъ; ,,слушайтесь добрыхъ, старыхъ Бояръ и на- ,,шего Владыки *Алексія.*" Сей знаменитый

Св. Алексій. Святитель былъ крестникъ Іоанна Даніиловича, сынъ Черниговскаго Боярина, Θеодора Бяконта, служившаго еще отцу его, и назывался мірскимъ именемъ Елевθерія (357): въ самой цвѣтущей юности возненавидѣвъ свѣтъ, къ огорченію родителей онъ постригся въ Московской Обители Св. Богоявленія, за добродѣтель свою получилъ санъ Митрополитова Намѣстника, и жилъ въ одномъ домѣ съ Θеогностомъ, 12 лѣтъ управляя всѣми дѣлами церковными, между тѣмъ, какъ Митрополитъ ѣздилъ въ Царьградъ, въ Орду и въ отдаленныя Епархіи Россійскія. Сіи путешествія иногда не дѣлали чести Θеогносту: Епископы обязывались щедро дарить его, сверхъ угощенія, весьма для нихъ тягостнаго. Но Алексій не думалъ о мздѣ и съ неутомимою дѣятельностію занимался только об-

щимъ церковнымъ благоустройствомъ. Поставленный Епископомъ Владиміру, онъ гласомъ народа и Двора Княжескаго былъ назначенъ заступить мѣсто Θеогноста, который, готовясь къ смерти, писалъ о томъ къ Патріарху, а Симеонъ къ Императору, Іоанну Кантакузину. Митрополитъ отправилъ Послами въ Царьградъ Артемія Коробьина и Михаила Грека, Симеонъ Дементія Давидовича и Юрія Воробьина: они возвратились уже по кончинѣ Великаго Князя, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, чтобы Алексій ѣхалъ въ столицу Имперіи для поставленія. Еще при жизни Θеогноста Терновскій Патріархъ самовольно объявилъ Митрополитомъ Россіи какого-то Инока Θеодорита, и прислалъ его въ Кіевъ съ грамотою; но тамошнее Духовенство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ симъ новымъ Патріархомъ, и единодушно отвергнуло Θеодорита, какъ самозванца (368).

Хотя Симеонъ умѣлъ быть дѣйствительно Главою Князей Удѣльныхъ, однакожъ власть его не могла отвратить нѣкоторыхъ раздоровъ между ими. Константинъ Тверскій ссорился съ невѣсткою Анастасіею, вдовствующею супругою Александра Михайловича, и сыномъ ея, Всеволодомъ Холмскимъ, насильственно захватывая ихъ Бояръ и доходы. Огорченный Всеволодъ поѣхалъ съ жалобами къ Великому Князю и въ Орду, въ слѣдъ за дядею, который тамъ и скончался. Ханъ — согласно, можетъ быть, съ волею Симеона — отдалъ Всеволоду Тверское Княженіе, а Василій Ми-

Ссоры Удѣльныхъ Князей.

хайловичъ Кашинскій, братъ Константиновъ, взявъ дань съ Холма, спѣшилъ къ Моголамъ съ богатыми дарами. Дядя и племянникъ встрѣтились въ городѣ Бездежѣ какъ непріятели: вторый ограбилъ перваго, и зная, что никто съ пустыми руками не бываетъ правъ въ Ордѣ, покойно сѣлъ на престолѣ Тверскаго Княженія; но тамошній Епископъ Ѳеодоръ убѣдилъ его примириться съ дядею, уступить ему Тверь и довольствоваться Холмомъ. Тишина возстановилась: Симеонъ равно покровительствовалъ того и другаго Князя, будучи зятемъ Всеволода и тестемъ Михаила, сына Василіева; однакожь Василій не могъ забыть своей обиды, изъявлялъ ненависть къ племяннику и тѣснилъ его владѣніе (369).

Обновленіе Мурома. Въ государствованіе Симеона Князь Юрій Ярославичь Муромскій обновилъ *древній* Муромъ, издавна запустѣвшій, какъ сказываютъ Лѣтописцы: то есть, онъ перенесъ сей городъ на его древнее мѣсто (въ 1351 году), построивъ тамъ дворецъ и многія церкви; Бояре, купцы начали селиться вокругъ дворца и народъ слѣдовалъ ихъ примѣру (370). Сей Юрій, по Святомъ Глѣбѣ, есть достопамятнѣйшій изъ Муромскихъ Князей, о коихъ наша Исторія говоритъ мало: ибо они жили тихо отъ недостатка въ силахъ, и со временъ Андрея Боголюбскаго зависѣли болѣе отъ Великихъ Князей Владимірскихъ, нежели отъ Рязанскихъ, хотя ихъ Удѣлъ издревле былъ областію Рязани.

Къ церковнымъ достопамятностямъ сего времени принадлежитъ начало Троицкой Лавры, столь знаменитой и по важнымъ государственнымъ дѣяніямъ, коихъ она была ѳеатромъ. Одинъ изъ Бояръ Ростовскихъ, Кириллъ, съ неудовольствіемъ видя уничиженіе своего Князя и самовольство Московскихъ чиновниковъ въ его землѣ при Калитѣ, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ онаго и переѣхалъ въ городокъ Радонежъ, Удѣлъ меньшаго брата Симеонова, Андрея. Тамъ охотно селились люди неизбыточные: ибо Намѣстникъ Княжескій давалъ имъ льготу и выгоды: Кириллъ же, нѣкогда богатый, отъ разныхъ несчастій оскудѣлъ. Двое изъ юныхъ сыновей его, Стефанъ и Варѳоломей (названный въ Монашествѣ Сергіемъ) искали убѣжища отъ мірскихъ печалей въ трудахъ святости: первый сдѣлался Игуменомъ Богоявленской Обители въ Москвѣ, а второй, живъ долго пустынникомъ въ лѣсахъ дремучихъ, среди безмолвнаго уединенія и дикихъ звѣрей, близъ деревянной церкви Св. Троицы, имъ созданной, основалъ нынѣшнюю Лавру: ибо слава о добродѣтели его привлекла къ нему многихъ Иноковъ (371). Строгая набожность и Христіанское смиреніе возвеличили Св. Сергія между современниками: Митрополитъ, Князья, Бояре изъявляли къ нему отмѣнное уваженіе, и мы увидимъ сего благочестиваго мужа исполнителемъ трудныхъ государственныхъ порученій.

Начало Троицкой Лавры.

Художества въ Россіи.

Чѣмъ рѣже находимъ въ лѣтописяхъ извѣстнія о состояніи художествъ въ древней Россіи, тѣмъ оныя любопытнѣе для Историка. Въ княженіе Симеоново были расписаны въ Москвѣ три церкви: Соборъ Успенскій, Архангельскій и храмъ Преображенія; первый Греческими живописцами Ѳеогноста Митрополита, второй *Россійскими придворными, Захаріею, Іосифомъ* и *Николаемъ* съ товарищами, а третій иностранцемъ *Гойтаномъ* (372). Въ сіе же время отличался въ литейномъ искусствѣ Россіянинъ Борисъ: онъ лилъ колокола въ Москвѣ и Новѣгородѣ для церквей Соборныхъ. Греція все еще имѣла тѣсную связь съ Россіею, присылая намъ не только Митрополитовъ, но и художниковъ, которые учили Русскихъ. Образованная Германія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи *бумагу*, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе (373). Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

Г. 1353 — 1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олегова. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слава юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Воложскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, Г. 1353—1355.
узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Новогородцы особенно послали туда Боярина своего Судокова, просить Хана, чтобы онъ удостоилъ сей чести Константина Суздальскаго, благоразумнаго и твердаго (376). Вопреки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоанновича Московскаго, тихаго, миролюбиваго и слабаго. Характеръ Велик. Князя.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно независимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіеніе въ Москвѣ предка его, Константина, и снова присоединить къ Рязани берега Лопасни, гдѣ уже давно и безспорно господствовали Калитины наслѣдники. Сей предлогъ войны могъ казаться отчасти справедливымъ; но юноша Олегъ, преждевременно зрѣлый въ порокахъ жестокаго сердца, дѣйствовалъ какъ будущій достойный союзникъ Мамаевъ: жегъ, грабилъ, Жестокость Олегова.

и плѣнивъ Лопасницкаго Намѣстника Іоаннова, не устыдился мучить его тѣлесно [375]; наконецъ далъ ему свободу, взявъ окупъ, и заслуживъ ненависть Москвитянъ, хвалился любовію Рязанцевъ, которые, примѣтивъ въ немъ смѣлость и рѣшительность, въ самомъ дѣлѣ ожидали отъ него геройскихъ подвиговъ.

Кроткій Іоаннъ уклонился отъ войны съ Олегомъ, довольный освобожденіемъ своего Намѣстника, и терпѣливо сносилъ ослушаніе Новогородцевъ, не хотѣвшихъ быть ему подчиненными, до самаго того времени, какъ Суздальскій Князь, Константинъ Васильевичь, ими любимый, скончался [376]: тогда, уже не видя достойнаго соперника для Великаго Князя, они приняли Намѣстниковъ Іоанновыхъ; а Чанибекъ утвердилъ Нижній, Городецъ и Суздаль за сыномъ Константиновымъ, Андреемъ: ибо самое ближайшее право наслѣдственное для Владѣтелей Россійскихъ не имѣло силы безъ Ханскаго согласія. Такъ Іоаннъ Ѳеодоровичь Стародубскій по кончинѣ старшаго брата, Димитрія, ждалъ цѣлый годъ грамоты Чанибековой, безъ коей онъ не могъ назваться Княземъ сего Удѣла.

Время Государей тихихъ рѣдко бываетъ спокойно: ибо мягкосердечіе ихъ имѣетъ видъ
Г. 1354—1359. слабости, благопріятной для внѣшнихъ враговъ и мятежниковъ внутреннихъ. Ольгердъ,
Властолюбіе Ольгердово. выдавъ дочь свою за Бориса Константиновича Суздальскаго, брата Андреева, и женивъ племянника, Димитрія Коріядовича, на дочери Великаго Князя, старался, не смотря на

што, болѣе и болѣе стѣснять Россію. Смоленскъ и Брянскъ уже давно зависѣли нѣкоторымъ образомъ отъ Литовскаго Княженія, какъ союзникъ слабый обыкновенно зависитъ отъ сильнаго: еще не довольный симъ правомъ, Ольгердъ хотѣлъ совершенно овладѣть ими, и взялъ въ плѣнъ юнаго Князя Іоанна Васильевича, коего отецъ получилъ тогда отъ Хана грамоту на Удѣлъ Брянскій (377). Василій скоро умеръ, и сей несчастный городъ, бывъ долгое время жертвою мятежнаго безначалія, наконецъ (въ 1356 году) поддался Литвѣ. Чтобы открыть себѣ путь къ Тверскому и Московскому Княженію, Ольгердъ занялъ-было своимъ войскомъ и городокъ Ржевъ; но Тверитяне и жители Можайска, встревоженные столь опаснымъ намѣреніемъ, спѣшили вооружиться и выгнали оттуда Литовцевъ. Съ другой стороны Андрей Ольгердовичь, Князь Полоцкій, все еще злобствовалъ на Псковитянъ, называя ихъ вѣроломными измѣнниками: они также мстили ему за разбой разбоями въ его областяхъ, предводимые мужественнымъ Евстафіемъ Изборскимъ.

Внутри Россіи Муромъ, Тверь и Новгородъ страдали отъ междоусобія. Мы упоминали о Князѣ Юріи Ярославичѣ Муромскомъ (378): родственникъ его, Ѳеодоръ Глѣбовичь, собравъ многочисленную толпу людей (въ 1355 году), изгналъ Юрія, обольстилъ Бояръ и вмѣстѣ съ знатнѣйшими изъ нихъ поѣхалъ искать милости Ханской. Князь Юрій чрезъ недѣлю возвратился въ Муромъ, взялъ остальныхъ Бояръ

Междо-усобія.

и также отправился къ Чанибеку. Въ Ордѣ былъ торжественный судъ между ими. Θеодоръ превозмогъ: Ханъ отдалъ ему не только Княженіе, но и самого Юрія, скоро умершаго въ несчастіи. Симъ первымъ и послѣднимъ раздоромъ Князей Муромскихъ заключилась ихъ краткая Исторія; родъ оныхъ исчезъ и столица, какъ увидимъ, присоединилась къ Великому Княженію.

Вражда между Василіемъ Михайловичемъ Тверскимъ и племянникомъ его, Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ, не могла быть прекращена ни Великимъ Княземъ, ни Митрополитомъ Алексіемъ, желавшимъ усовѣстить ихъ въ Владимірѣ, гдѣ они для того съѣзжались (въ 1357 году). Василій, особенно покровительствуемый Іоанномъ, угнеталъ Всеволода, къ огорченію добраго Тверскаго Епископа Θеодора, хотѣвшаго даже оставить свою Епархію, чтобы не быть свидѣтелемъ сей несправедливости (379). Дядя требовалъ суда въ Ордѣ, узнавъ, что племянникъ, остановленный на пути Великокняжескими Намѣстниками, проѣхалъ туда черезъ Литву — и Ханъ (въ 1358 году) безъ всякаго изслѣдованія выдалъ бѣднаго Всеволода Посламъ Василія, который уже обходился съ нимъ какъ съ невольникомъ, отнималъ имѣніе у Бояръ Холмскихъ и налагалъ тяжкія дани на чернь.

Въ Новѣгородѣ былъ великій мятежъ по случаю смѣны Посадника. Мы видѣли, что и Симеонъ мало входилъ въ дѣла тамошняго внутренняго правленія: Іоаннъ еще менѣе, и народъ

тѣмъ болѣе самовольствовалъ, не уважая Намѣстниковъ Княжескихъ. Граждане Конца Славянскаго, изъ всѣхъ пяти знаменитѣйшаго, вопреки общей волѣ отставили Посадника Андреяна; пришли въ доспѣхахъ на Дворъ Ярославовъ, разогнали другихъ гражданъ невооруженныхъ, даже умертвили нѣкоторыхъ Бояръ, и выбрали Сильвестра на мѣсто Андреяново (380). Софійская Сторона хотѣла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыко Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и беззаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то

Дѣйствіе духовной власти въ Новѣгородѣ.

есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра избрали новаго Посадника, и городъ успокоился.

Смертоубійство въ Москвѣ. Въ самой тихой Москвѣ, не знакомой съ бурями гражданскаго своевольства, открылось дерзкое злодѣяніе, и дремлющее Правительство оставило виновниковъ подъ завѣсою тайны. Тысячскій столицы, именемъ Алексій Петровичь, важнѣйшій изъ чиновниковъ и подобно Князю окруженный благородною, многочисленною дружиною, былъ въ часъ Заутрени найденъ мертвый среди городской площади со всѣми признаками убіеннаго — кѣмъ? неизвѣстно (381). Говорили явно, что онъ имѣлъ участь Андрея Боголюбскаго, и что ближніе Бояре, подобно Кучковичамъ, умертвили его въ слѣдствіе заговора. Народъ встревожился: угадывали злодѣевъ; именовали ихъ и требовали суда. Въ самое то время нѣкоторые изъ Московскихъ Вельможъ — опасаясь, какъ вѣроятно, торжественнаго обвиненія — уѣхали съ семействами въ Рязань къ Олегу, врагу ихъ Государя, и слабый Іоаннъ, давъ время умолкнуть общему негодованію, снова перезвалъ оныхъ къ себѣ въ службу.

Дѣла церковныя. Даже и Церковь Россійская въ Іоанново время представляла зрѣлище неустройства и соблазна для Христіанъ вѣрныхъ. Въ годъ Симеоновой кончины Архіепископъ Новогородскій Моисей, отправилъ Посольство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на без-

законное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оные учтивымъ именемъ даровъ (382). Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора, Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳей, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы* или Полиставріонъ.

Сія жалоба Новогородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Ѳеогноста — оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳей, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою (383): Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствію корысти, всего болѣе думалъ о своихъ доходахъ, и требовалъ серебра отъ Епископовъ. Св. Алексій —

не искавъ чести, по словамъ лѣтописи, *но отъ чести взысканный* — вторично отправился въ Константинополь съ жалобами на безпорядокъ дѣлъ церковныхъ, и Филоѳей, желая примирить совмѣстниковъ, объявилъ его Митрополитомъ Кіевскимъ и Владимірскимъ, а Романа Литовскимъ и Волынскимъ. Не смотря на то, сей послѣдній безъ дозволенія Алексіева жилъ нѣсколько времени въ Твери, и вмѣшивался въ дѣла Епархіи, призванный, кажется, Всеволодомъ Холмскимъ, который самъ ѣздилъ тогда въ Литву. Романъ заслужилъ его благодарность, убѣдивъ (въ 1360 году) Князя Василія Михайловича отдать племянникамъ третію часть Тверскаго Княженія; былъ осыпанъ почестями и дарами при Дворѣ, но не могъ склонить на свою сторону Епископа Ѳеодора, не хотѣвшаго имѣть съ нимъ никакого сношенія.

Добродѣтели Св. Алексія.

Алексій же, болѣе и болѣе славясь добродѣтелями, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству. Жена Чанибекова, Тайдула, страдая въ тяжкой болѣзни, требовала его помощи. Ханъ писалъ къ Великому Князю: „мы слышали, что Небо ни въ чемъ не от„казываетъ молитвѣ главнаго *Попа* вашего: „да испроситъ же онъ здравіе моей суп„ругѣ (334)!" Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъявить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей беззаконными налогами: милость

Царицы прекратила зло; но *добрый* Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебендою) и навьючивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоцѣнностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ расцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: „о Владыко! ты даро- Слова юнаго Димитрія.
„валъ намъ *житіе мирное:* чѣмъ изъявимъ тебѣ „свою признательность"? Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодѣяніямъ государственнымъ! —

Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія стараясь обновить церковное устройство и зданіе храмовъ.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичь Татарскій, Маматъ-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичь, уже славный злодѣяніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впустить Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Маматъ-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердебекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ возвратиться въ Орду, и заплатилъ тамъ жизнію за убіеніе какого-то любимца Царева [385].

г. 1359, Ноября 13. Смерть и завѣщаніе Велик. Князя.

Княживъ 6 лѣтъ, Іоаннъ скончался Монахомъ на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, оставивъ по себѣ имя *Кроткаго*, не всегда достохвальное для Государей, если оно не соединено съ иными правами на общее уваженіе. — Подобно отцу и брату, онъ написалъ духовную, въ коей приказываетъ Москву двумъ юнымъ сыновьямъ, Димитрію и Іоанну, уступая треть ея доходовъ шестилѣт-

нему племяннику, Владиміру Андреевичу, и веля имъ вообще блюсти, судить и радить земледѣльцевъ свободныхъ или *численыхъ* людей; отдаетъ супругѣ Александрѣ разныя волости и часть Московскихъ доходовъ, а Димитрію Можайскъ и Коломну съ селами, Іоанну Звенигородъ и Рузу; утверждаетъ за Владиміромъ Андреевичемъ Удѣлъ отца его, за вдовствующею Княгинею Симеона и Андреевою, именемъ Іуліаніею, данныя имъ отъ супруговъ волости, съ тѣмъ, чтобы послѣ Іуліаніи наслѣдовали сыновья Великаго Князя и Владиміръ Андреевичь, а послѣ Маріи одинъ Димитрій (386). Изъ драгоцѣнностей оставляетъ Димитрію икону Св. Александра, золотую шапку, бармы, жемчужную сергу, коробку сердоликовую, саблю и шишакъ золотые; Іоанну также саблю и шишакъ, жемчужную сергу, стаканъ Цареградскій, а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу; отказываетъ, вмѣсто *руги*, нѣкоторую долю Княжескихъ прибытковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ, Успенской и Архангельской въ Москвѣ; даетъ волю Казначеямъ своимъ, сельскимъ Тіунамъ, Дьякамъ, всѣмъ купленнымъ людямъ, и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ временъ, связаннымъ съ нашею Исторіею, было происхожденіе нынѣшней Молдавской области, гдѣ въ теченіе семи вѣковъ, отъ третьяго до десятаго, толпились полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую. Начало Княжества Молдавскаго и Воложскаго.

Несторъ говоритъ, что Славяне Россійскіе, Уличи и Тиверцы, издавна жили по Днѣстру до самаго моря и *Дуная*, имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи, гдѣ обитали тогда, подъ именемъ Волоховъ, остатки древнихъ Гетовъ, смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія, также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще, что въ Россійской Географіи XIV вѣка именованы Бѣлгородъ (или Акерманъ), Романовъ, Сучава, Серетъ, Хотинъ, въ числѣ *нашихъ старинныхъ* городовъ [387]. Паденіе Галицкаго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, устрашенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ [388], живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго

XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣтельствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей (389). Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Воложское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или въ XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоземцами, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зависѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ (390).

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Г. 1359 — 1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Пріобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ Великимъ Княземъ Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульна, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ (391). Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для

Г. 1359.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры.

Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Тути-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый Царь далъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому,
Г. 1360—1361. меньшему брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣ-
Наслѣдственное право. тописяхъ, не захотѣлъ сей чести (392). Современники удивились такой несправедливости, разсуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ: мнѣніе основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

Избранный Ханомъ Великій Князь въѣхалъ
22 Іюня. въ Владиміръ, и къ удовольствію жителей обѣщалъ снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и Митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба (393). — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на

всѣ предложенныя ему тамъ условія (394). — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменныя городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и безпокоилъ Тверскую область (395). Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя. Пріобрѣтенія Ольгердовы.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстилъ Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ (396). Еще Князья наши рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наслѣдственную область свою, а Димитрій Іоанновичь, внукъ Давида Галицкаго, на *Га-* Мятежи въ Ордѣ.

лись, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій долженствовали предъ Ханскимъ Посломъ судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князья, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмый открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвалъ Ханомъ какого-то Авдулла. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступить мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булактемирь овладѣлъ землею Болгарскою; а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голода. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ ѳеатра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Суд Князей съ Болгарами.

г. 1361.

Юный Димитрій Іоанновичь Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Алексан-

дра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклися о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Мурутъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтнаго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того, какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола. Г. 1362. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія.

Но какъ сей Ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля Залѣсскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Димитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича (397). Бывшій Великій Князь не ожи-

далъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль: а Димитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Отрокъ Димитрій. Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцатилѣтняго отрока взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоанновичь и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго, и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ, съ тою смѣлою рѣшительностію, коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

Конецъ IV тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

Къ IV тому

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) ,,И бысть радость велика Хрестьяномъ, ихъ же из-
,,бави Богъ; и поча Ярославъ ряды рядити, яко же Пророкъ гла-
,,голетъ: Боже! судъ Твой Цареви даждь и правду Твою сынови
,,Цареви судити людемъ твоимъ въ правду.“ Далѣе: ,,Гониша
,,по нихъ (Князьяхъ) Татарове и не обрѣтоша, яко же и Саулъ
,,гоняше Давида, но Богъ избави: тако и сихъ Вел. Князя Яро-
,,слава съ благородными сыны; бѣ же ихъ шесть“ (кромѣ убитаго въ Твери): ,,Олександръ, Андреи, Костянтинъ, Афанасій,
,,Данило, Михаило; а Святославъ съ сыномъ Дмитріемъ, Иванъ
,,Всеволодовичь, Васильковичи два Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичь
,,Василичь (внукъ Константиновъ, сынъ Всеволода Ярославскаго).

Въ Пушкин.: ,,посла Ярославъ по брата своего Георгія въ
,,Ростовъ... Изидоша изъ града противу ему Епископъ Кирилъ
,,и Діонисій Архимандритъ... и не бѣ слышати пѣнья въ плачи....
,,Бѣ Юрьи украшенъ добрыми нравы, ихъ же имена вмалѣ по-
,,вѣмъ. Потщася Божья заповѣди хранити и Божш страхъ...
,,Всякъ зломыслъ (зломысла) его прежъ безбожныя Татары
,,отпущаше одаренъ, бяхуть бо прежъ прислали послы своя злии
,,ти кровопіицы, рекуще: мирися съ нами! Онъ же того не
,,хотяше: брань бо славна луче есть мира студна... Милостивъ
,,же бяше паче мѣры — и не щадяше имѣнья своего, и церкви
,,украшая иконами и книгами, и грады многи постави (ка-
,,кіе же?), паче жъ Новгородъ вторый на Волзѣ усть Окы...
,,Чтяшеть же излиха Черневьскыи чинъ и Поповскый, подая
,,имъ еже на потребу... И посѣде на отца столѣ лѣтъ 24....
,,Положиша его въ гробъ каменъ въ Св. Богородицю, идѣ же ле-
,,жить Всеволодъ, отецъ его.“ — Въ Степен. Книгѣ: ,,всѣмъ
,,же зрящимъ видѣти есть чудо преславно, яко святая глава его
,,прилпе къ честному тѣлеси его, яко ни слѣда видѣти отсѣ-
,,ченія на выи его; еще же и рука его десная выспрь бяше воз-
,,дѣяна; сею же яко живъ показуя подвигъ своего совершенія,
,,и проч.

(2) ,,Иде Ярославъ Смоленьску на Литву, и Литву побѣди,
,,и Князя ихъ ялъ, а Смоляны урядивъ, посади у нихъ Князя Все-
,,волода Мстиславича на столѣ, внука Романова Ростиславича
,,(см. Пушкин. и Воскресенск. Лѣт.), шурина же брата
,,своего Константина Всеволодича (см. Никон. Лѣт.), а
,,самъ со множествомъ полона съ великою честью отыде въ
,,свояси.“ См. ниже, примѣч. 107. Сей Смоленскій Князь Всево-
лодъ Мстиславичь названъ въ Родослови. Книгахъ Андреемъ.

(3) Въ Волынск. Лѣт.: ,,Пріиде Ярославъ Суждалскый и
,,взя Кыевъ подъ Володимеромъ; не мога его дръжати, иде па-

,,кы къ Суждалю, и взя подъ нимъ Михаилъ, а Ростислава, сы-
,,на своего, остави въ Галичи.... Изыде Данилъ съ вои изъ
,,Холма, и бывшю ему въ третій день въ Галичи.... Еписко-
,,пужь Артемію и Дворскому Григорію възбраняющю ему (Да-
,,ніилу)... Узрѣвшима же, яко не можета удръжати града, изы-
,,доста слезныма очима и осклабленнымъ лицемъ, и лижюща
,,уста своя.... Ростиславъ же бѣжа въ Угры; путемъ, имъ же
,,идяше на Борьсуковъ Дѣлъ, пріиде къ бани, рекомѣй Родна, и
,,оттуда иде въ Угры.. Данилови же увѣдавшу уходъ ихъ, по-
,,сла на нѣ вое свое, и гнаша по нихъ до горы."

(4) См. Прая Annal. Reg. Hung. Кн. IV, стр. 251, и Dissert. стр. 113; также Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 103. Котянъ называется въ Венгерскихъ лѣтописяхъ Cothan и Cuthen. Онъ принялъ тогда Вѣру Христіанскую вмѣстѣ со многими изъ своихъ единоземцевъ.

Карпинъ (Voyage его стр. 47) пишетъ, что Моголы приступали тогда къ городу Орнѣ, построенному на берегахъ Дона близъ устья сей рѣки, славному торговлею и весьма богатому; что въ немъ жили Христіане: Козары, Алане или Яссы, Россіяне, и нѣкоторые Сарацины; что Батый, не имѣя надежды взять его силою, велѣлъ запрудить Донъ и потопилъ городъ. Сія Орна (по нашимъ лѣтописямъ Орначь) не есть ли Тана или нынѣшній Азовъ? или не Ахасъ ли? см. сей Исторіи Т. VII, въ концѣ, или Герберштн. R. M. Comment. 74.—Далѣе: ,,Тогожь ,,лѣта (1239) взяша Татарове Мордовскую землю и Муромъ ,,пожгоша, и по Клязмѣ воеваша; градъ Св. Богородицы Гороховець пожгоша, а сами идоша въ станы своя. Тогда же бѣ по-,,полохъ золъ по всей земли, и сами не вѣдяху, гдѣ кто бѣ-,,житъ."

(5) Въ Воскресен. Лѣт.: ,,Слышавъ же Мстиславъ Глѣ-,,бовичь, внукъ Святославль Олговичь, нападеніе иноплеменныхъ ,,на градъ, и пріиде нань съ вои своими, и бившимся имъ крѣп-,,ко, оже и тараны нань ставиша и меташа нань каменіемъ ,,полтора перестрѣла, а камень же яко можаху 4 мужи ,,сильни подъяти." Разумѣется, что сіи камни были метаемы не руками людей, а посредствомъ орудій. Перестрѣломъ называли разстояніе, чрезъ кое могла перелетѣть стрѣла.—Здѣсь несправедливо именованъ Мстиславъ внукомъ Святослава Ольговича; дѣдъ его, отецъ Глѣбовъ и Всеволода Чермнаго, былъ Святославъ Всеволодовичь, сынъ Всеволода II.

Въ Никон. Лѣт.: ,,едва убѣжа Князь Мстиславъ Глѣбовичь;" а въ Пушкин.: ,,взяша Татарове Черниговъ, а Князи ихъ (Черниговскіе) выѣхаша въ Угры."

(6) Нассиреддинъ называетъ Кіевъ Куява, а Олугбегъ Куяг: см. Баер. Geogr. Russ. ex Const Porph. въ Коммент. Акад. IX, 411. — Въ нашихъ лѣтописяхъ Мангу именуется Менгуханомъ. Объ немъ сказано: „ста на оной странѣ Днѣпра у града Песоч-„наго" (см. Больш. Чертежъ).

(7) См. выш, примѣч. 3. — Никонов. Лѣт. вымышляетъ, что Мангу звалъ къ себѣ Михаила съ намѣреніемъ казнить его.— Въ Родослов. Книгахъ сказано, что Даніилъ, поѣхавъ къ Королю Бѣлѣ, взялъ съ собою Ростислава Мстиславича, который и скончался въ Венгріи. — Бѣла въ письмѣ своемъ къ Папѣ, писанномъ въ 1238 г., говоритъ: nec honoris ambitio, nec divitiarum cupiditas, quae *nobis* divina gratia *largiente abundanter* sunt concessa, и проч. См. Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 249.

(8) Въ Воскресен. и Волынск.: „не бѣ бо слышати во „градѣ другъ ко другу глаголюща во скрипѣніи телегъ его и во „множествѣ ревения вельбудъ его и отъ рзанія стадъ конь его, „и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ (непріятелей); и яша „отъ нихъ Татарина, именемъ Таврула." Никонов. Лѣт. прибавилъ отъ себя гласъ трубъ и органовъ. — Далѣе: „Се „бяху братье Батыя, сильны Воеводы, Урьдю и Байдаръ, Бирю „и Каданъ, Бечакъ и Менгу и Кююкъ (Гаюкъ или Каюкъ), иже „взвратися вспять, увѣдавъ о смерти Кановѣ, и „бысть Каномъ; не отъ роду же его, но бѣ Воевода его первый „Себедяй Богатырь (Судай Багадуръ) и Бурундай, иже взя „Болгарскую землю и Суждальскую." И такъ Гаюкъ подъ Кіевомъ узналъ о смерти Хановой? Но Абульгази пишетъ, что Ханъ Угадай или Октай умеръ въ 642 году Эгиры, слѣдственно въ 1244 по нашему лѣтосчисленію: Дегинъ же ставитъ 1241 годъ, вѣря болѣе Китайскимъ Историкамъ. Гаюкъ не былъ ли тогда обманутъ ложнымъ слухомъ о кончинѣ отца? — Татарскій Воевода Урьдю или Орду, по сказанію Карпина (стр. 9), считался первымъ Воеводою Моголовъ.

Далѣе: „Постави же Батый пороки къ городу подлѣ вратъ „Лятскаа: ту бо бяху пришли деори." Никон. Лѣт. говоритъ, что Батый убѣждалъ Кіевлянъ сдаться, но что они не хотѣли о томъ слышать, отвѣтствуя ему бранью. — Далѣе: „Ту бѣ ви-„дѣти ломъ копейный и щитомъ скепаніе" (раздробленіе).... „Людемъ же возбѣгшимъ на комары церьковныя съ товары свои-„ми;" а Никон. Лѣт. прибавляетъ: „и отъ тягости повали-„шася стѣны церковныя." Такъ и въ Синопсисѣ. Кн. Щербатовъ ошибся, написавъ, что Кіевляне сдѣлали ограду вокругъ Софійской церкви. — Св. Владиміръ былъ погребенъ въ Десятинной церкви.

(9) Длугош. Hist. Polon. кн. II, стр. 154: Kiovia, et si per varios participes reparata sit, acceptae autem tunc ruinae posteris signa profert. Но Длугошъ ошибся, думая, что сіи знаки разрушенія напоминали месть Болеслава Храбраго: не Болеславъ, а Батый столь ужаснымъ образомъ разорилъ Кіевъ. Въ семъ городѣ находился тогда Монахъ Западной церкви, именемъ Іакинѳъ, который весьма живо описалъ Папѣ звѣрство Татаръ и разореніе Кіева (см. Бержеронъ. Traité des Tartares, стр. 27).

(10) См. сей Исторіи Т. I, примѣч. 473.

(11) См. Синопсисъ: тоже описано и въ другихъ историческихъ рукописяхъ XVII вѣка. — Никон. Лѣт. говоритъ, что Батый оставилъ въ Кіевѣ своего Намѣстника или Воеводу: въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(12) „Пріиде къ городу ко Лодяжну" (во многихъ спискахъ: Колодяжну, Коловяжну). Сей городокъ или мѣстечко, нынѣ именуемое Ладыжинъ, находится въ Подольской Губерніи, на Бугѣ. — Въ Русск. Временникѣ (I, 113) написано, что Батый тогда же подступалъ и къ Смоленску, гдѣ находился Св. Меркурій, благородный Римлянинъ Греческой Вѣры, слуга Князя Смоленскаго; что Меркурій, выѣхавъ одинъ ночью на долгій мостъ, умертвилъ множество непріятелей; что Моголы отрубили ему голову; что Батый ушелъ, а Меркурій, взявъ отсѣченную свою голову въ руки, возвратился въ Смоленскъ; что граждане погребли его въ храмѣ Богоматери, гдѣ донынѣ находится гробъ и виситъ оружіе сего Св. витязя, который велѣлъ жителямъ носить оное по городу въ случаѣ опасностей, и проч. Ни въ Прологѣ, ни въ Минеяхъ нѣтъ Меркуріева житія. Въ Слѣдованной Псалтири сказано, что онъ убитъ въ 1247 году: слѣдственно гораздо послѣ того, какъ Батый взялъ Кіевъ.

О вѣроломствѣ Моголовъ см. Карпина *Voyage* въ Бержеронѣ, стр. 55; объ Изяславѣ см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 347.

(13) Въ подлинникѣ: „свилянымии одеждами" — отъ слова свиль: такъ называется мѣсто дерева, гдѣ волокна излучисто переплетаются между собою. Симъ именемъ означались струистыя ткани, носимыя въ старину богатыми женщинами: то есть, родъ объяри. — Сіе изображеніе Россіи взято изъ Степен. Кн. I, 333, 334, и Русск. Врем. I, 121.

(14) См. Робертсон. *View of the State of Europe*, стр. 13, Вѣнск. изд. If a man (говоритъ онъ) were called to fix upon the period in the history of the world, during which the condition of the human race was most calamitous and afflicted, he would, without hesitation, name that, which elapsed from the death of Theodosius the Great, to the establishment of the Lombards in Italy.

(15) См. Исторію Кн. Щербатова: говоря о томъ, онъ забылъ, кажется, все читанное имъ въ нашихъ лѣтописяхъ о состояніи древней Россіи.

(16) По сказанію Лѣтописцевъ Венгерскихъ, Батый вступилъ въ ихъ землю съ 500,000 воиновъ. Сочинитель Житія Св. Михаила Черниговскаго пишетъ, что при осадѣ Кіева находилось 600,000 Татаръ (см. Минею, Сентября 20). Народы, побѣжденные Моголами, должны были обыкновенно давать имъ людей годныхъ для военной службы.

(17) См. Карпин. Voyage въ Берж. стр. 49 — 55, и Дегин. Histoire des Huns, Кн. XV, стр. 3—9.

(18) Пишутъ, что Моголы ѣли даже человѣческое мясо, крысъ и вшей (см. Дегин. Hist. des Huns, Кн. XV, стр. 4).

(19) Они сими крюками стаскивали непріятелей съ лошадей.

(20) Въ Пушкин. Лѣт.: „Того жъ лѣта (1239) Ярославъ „иде къ Каменцю; градъ взя Каменецъ, а Княгиню Михайлову со „множествомъ полона приведе въ свояси.“ Въ Волынск. Лѣт.: „Ярославъ же, слышавъ, яко бѣжалъ есть Михаилъ (въ 1240 „году) изъ Кыева въ Угры, и ѣхавъ, и я Княгиню его, и Бояры „его поима, и городъ Каменецъ взя. Слышавъ же се Данилъ, посла послы, река: пусти сестру (жену Михаилову) къ мнѣ, зане яко Михаилъ обѣма нама зло мыслитъ. И Ярославъ, услышавъ словеса Данилова, и бысть тако; и пріиде сестра къ „Данилу и Васильку, и държаста ю въ велицѣй чести.“ Удивительно, какъ могъ Великій Князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую Губернію! Мы упоминали въ 1229 году о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ Удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій Лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о Великомъ Князѣ Ярославѣ. Далѣе въ Волын. Лѣт.: „Король же (Венгерскій) на вдасть дѣвки своея Ростиславу и „погна и прочь. Идоста Михаилъ и Ростиславъ къ уеви своему „въ Ляхы и къ Кондратови. Присла Михаилъ послы къ Данилу „и Васильку, и рече: много кратъ съгрѣшиховѣ; что ти обѣщахъ, того не сътворихъ: невѣрніи Галичане не вдадяхуть „ми.... Данилъ же и Василько приведоста его изъ Ляховъ.... „Михаилъ же за страхъ Татарскый не смѣ ити къ Кыеву. Данилъ же и Василько вдаста ему ходити по земли своей и дали ему пшеници много, и меду и говядь и овець довольно. Михаилъ „же, увѣдѣвъ прітитіе Кыевское, бѣжалъ съ сыномъ въ Лахы къ „Кондратови... и ту не стерпѣ, иде въ землю Вротиславску, „и пріиде къ мѣсту Нѣмецкому, именемъ Среда (Сиради),

„Нѣмци избиша ему люди, и товара много отъяша, и внуку его „убиша... Уже бо бяху Татары пришли на бой къ Андриховичю" (сыну Генрика Вратиславскаго): „Михаилъ же вѣротися къ „Кондратови.—Ѣхалъ бѣ Данило Князь къ Королеви въ Угры... „и не бы любовь межи има и пріѣха въ Синеводскъ въ мона„стырь Св. Богородицы; наутріе же въставъ, видѣ множество „бѣжащихъ отъ Татаръ, и вѣротися назадъ въ Угры: не може „бо пройти Руск. земли, зане мало бѣ съ нимъ дружины, и „остави сына въ Угрѣхъ, и дасть и въ руцѣ Галичаномъ; вѣдяи „невѣрствія ихъ, про то его не поя съ собою. Иде изъ Угоръ „въ Ляхы на Бордуевъ, и пріиде въ Судомиръ, и слыша о братѣ „и о дѣтехъ и о Княгини своей... И обрѣте я на рѣцѣ реко„мѣй Полцѣ... Потомъ же Михаилъ иде на Володимеръ съ сы„номъ своимъ, и оттуда иде Пинску. Ростиславъ же Володи„меричь" (сынъ умершаго Владиміра Кіевскаго) „пріиде къ Да„нилу въ Холмъ.... Холмъ бо городъ сице бысть създанъ. Данилови „княжащу въ Володимери, създа градъ Угровескъ, и постави въ „немъ Епископа. Ѣздящю же ему по полю и ловы дѣюще, и видѣ „мѣсто красно и лѣсно на горѣ. обходящю округъ его полю, и „праша тузѣмецъ" (тамошнихъ жителей) „како именуется „мѣсто се. Они же рекоша: холмъ.... И сътвори ту градецъ „малъ.... И създа" (тутъ же послѣ) „градъ иный. его же Та„тарове. не возмогоша пріяти. Тогда же церковь Св. Троицы „зажжена бысть, и пакы създана ...И Кн. Данило нача призыва„ти прихожая Нѣмци и Русь и иноя язычникы и Ляхы... Бѣ„жаху изъ Татаръ сѣделници, и лучници, и тулници, и куз„нецы желѣзу и мѣди, и сребру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы „окресть града поле. Създа жь церковь Св. Ивана... комары 4, „съ каждо угла переводъ и стояніе ихъ на четырехъ головахъ „человѣческыхъ, изъваяно отъ нѣкоего хитреца: окна три укра„шена стъклы Римскыми. Входяще въ олтарь стояста два „столпа отъ цѣла камене, и на нею комара; выспрь же вѣрхъ „украшенъ звѣздами золотыми на лазури; вънутрьній же ей „помостъ бѣ сълитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блеща„шеся яко зерцало; двери же ея двоя украшены каменіемъ Галиц„кымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ тесанымъ, изрыты нѣ„кымъ хитрецемъ Авдеемъ; прилѣпы (корнизы) отъ всѣхъ ша„ровъ (красокъ) и злата; напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а „на полунощныхъ Іоаннъ Св.... Украси же иконы, еже принесе „изъ Кыева, каменіемъ драгымъ и бисеромъ и златомъ, и образъ „Спасовъ и Св. Богородицы, иже вда ему сестра Ѳеодора; „икону же принесе изо Вручего (Овруча) Устрѣтеніе... и коло„колы принесе изъ Кыева; другія ту солья... Вежа же среди

,,города высока, яко бити съ нея окрестъ града, подздана ка-
,,меніемъ, въ высоту 15 локоть, създана же древомъ тесанымъ
,,и убѣлена яко сыръ, свѣтящися на всѣ стороны; студенець,
,,рекомый кладязь, близъ ея, сажней имущь 35... Посади же садъ
,,красенъ, и създа церковь Свв. Безмездникома въ честь, имать
,,4 столпы отъ цѣла камене тесанаго, дръжаща връхъ; съ
,,тѣхъ же другіи въ олтарѣ Св. Димитрія; стоить же тисъ
,,предъ богочиными дверми красенъ и принесенъ издалече; сто-
,,ить же столпъ поприще отъ города каменъ, а на немъ орелъ
,,каменъ изваянъ; высота же камени 10 локоть, съ головами же
,,и съ подножкы 12 локоть.... Ростиславъ же (Михайловичъ?)
,,показа правду свою, яко не въ совѣтѣ съ Михаиломъ. Михаилъ
,,же не показа правды... Но пройде землю Данилову, и пославъ
,,посла, иде въ Кыевъ... Вшедшю же Лвови изъ Угровъ съ Бо-
,,яры Галицкыми, и пріѣха въ Оводаву къ отцу си.... Бояре
,,же Галицстіи сами всю землю дръжаху. Доброславъ же
,,въкняжилъ собе и Судичь, Поповъ внукъ, и грабяше землю, и
,,вшедъ въ Бакоту, все Понизье прія. Григорій же Васильевичь
,,себѣ горнюю страну Премышльскую мысляше одръжати. Да-
,,нилъ же посла Іакова Столника своего, глаголя къ нимъ: зем-
,,лю губите. Чернѣговскыхъ Бояръ не велѣхъ ти; Доброславе,
,,пріимати, но дати волости Галицкымъ; а Коломыйскую соль
,,отлучити на мя. Оному же рекшю: да будеть тако. Въ тотъ
,,же часъ пріидоста Лазарь Домажирець и Иворъ Молибожичь,
,,два безаконника отъ племени смръдья, и поклонистася ему до
,,земля. Якову же пращавшю вины. Доброславу же рекшю: дахъ
,,има Коломыю... И усмѣяся.... Времени минувшю, присла До-
,,брославъ на Григорія, рече: невѣренъ ти есть... Звадившася
,,сами и пріѣхаша съ великою гръдынею: Доброславу въ одиной
,,сърочици, гордящю, ни на землю смотрящю. Галичаномъ же
,,текущимъ у стремени его... Данилъ же повелѣ я изымати....
,,Ростиславъ (Михайловичь) събралъ (въ 1241 г.) Князи Болохов-
,,скые и остановъ Галичанъ и пріиде ко Бакотѣ. Кирилови же
,,сущю Печатнику тогда въ Бакотѣ, послану Даниломъ исписати
,,грабительства нечестивыхъ Бояръ и утѣшити землю... Бив-
,,шимся имъ у вратъ, отступилъ ся, хотяше премолвити его
,,словесы. Кирилъ же отвѣща: се ли твориши възмездіе уема
,,своима?.... Ростиславъ же изыде за Днѣпръ... Данилъ же
,,слышавъ приходъ Ростиславль съ Болоховскыми Князи на Ба-
,,коту, абіе устремися на ня и грады ихъ огневи предасть, и
,,гребля ихъ роскопа (Василько же осталъ бѣ стеречи земли отъ
,,Литвы) и пойма грады ихъ Деревичь (нынѣ Дуричи), Губинъ,
,,Кобудю, Кудинъ (нынѣ Коденъ) Божскый, Дядковъ" (сіи мѣста

существовали отъ Бреста на Югъ по рѣкѣ Бугу). „Пріиде Ки-„рилъ Печатникъ съ 3000 пѣшецъ и 300 конникъ и вдасть имъ „взяти Дядковъ, плѣнивъ землю Болоховскую... Князи же ихъ „изъя (Даніилъ) отъ руку Болеславлю, Князя Мазовьского, рекшу. „Болеславу: почто суть вошли во землю мою, яко не „вдахъ имъ? И не суть вои твои (Даниловы), но суть „особни Князи. И хотяще разграбити е. Они же обѣщася въ „работѣ быти. Онѣмъ же (Даніилу и Васильку) молящимся, зане „хотѣ (Болеславъ) съ ними брань створити. Василко же „убѣди и (Болеслава) и дасть ему дары многи на избавленіе ихъ. „Онѣмъ же (Болох. Князьямъ) не помнящимъ (сего прежняго) „добродѣянья..... Ростиславъ вои собравъ и Болодислава невѣр-„ного, и пойде на Галичь, и пришедъ ко Печерѣ до Мамира, и „прельсти е Володиславъ, и вдашася Ростиславу, и оттуда пой-„ма пойде къ Галичю, рекый, яко твой Галичь; а самъ пріи „Тысячю отъ него" (т. е. санъ Тысячскаго)... „Данилъ и Ва-„силько пойдоста на нихъ; онъ же выбѣже изъ Галича до Щеко-„това, и съ нимъ бѣжа Артемей Епископъ Галичьскый и иніи „Галичане. Данилови же и Васильку женущу по немь, вѣсть при-„де, яко Татарове вышли суть изъ землѣ Угорьское и йдуть въ „Галичькую; и тою вѣстію спасеся, и нѣколико отъ Бояръ его „яти быша. Данилъ же, хотя уставити землю, ѣха до Бакоты „и Каліуса (Kalusz) а Василько въ Володимеръ. Данилъ же Дворе-„ческого посла на Перемышль на Костянтина Рязаньского, по-„сланяаго отъ Ростислава къ Владыцѣ Перемышльскому, коро-„молующу ему съ нимъ; и слыша Костянтин. Андрея грядуща, „избѣже нощью. Андрей же не удоси его; но удоси Владыку, „и слугы его гордые разграби, и тулы ихъ бобровые раздра и „прилбицѣ ихъ волчья и борсуковые раздраны быша (яко) сло-„вутьвого пѣвца Митусу древле" (?). О войнѣ Данила съ Поляками см. ниже примѣч. 45. Въ Пушк. и въ другихъ: „Та-„тарове (въ 1241 г.) убиша Мстислава Рыльскаго." Чей онъ былъ сынъ, неизвѣстно. Въ 1185 году княжилъ въ Рыльскѣ Свято-славъ Ольговичь, внукъ Святослава же Ольговича Сѣверскаго.

(21) См. Воскресенск. Лѣт. II, 208. Далѣе: „Въ лѣто „6747 (1239) оженился Князь Олександръ въ Новѣгородѣ, поя въ „Полотьскѣ у Брячслава дчерь, и вѣнчася въ Торопчи; ту кашу „чини, а въ Новѣгородѣ другую. Того же лѣта Александръ съ „Новгородци сруби городци по Шелонѣ." Сей Полоцкій Князь Брячиславъ могъ быть сыномъ или внукомъ Василька Кривскаго.

(22) См. Дуэбурга Chronicon Prussiae, стр. 13 — 27, и Келха Liefländ. Gesch. 78 — 84.

(23) См. Арндт. Liefländ. Chr. II, 42, 45. Въ нашихъ лѣто-

писяхъ (см. Воскр. II, 207): „приде нѣкто силенъ отъ западныя страны, иже нарицаются слуги Божья, хотя видѣти „дивный взрастъ его, якожь древле Царица Ужская приходи къ „Соломону, хотящи слышати премудрость его; тако же и сей, „именемъ Андрея“ (такъ въ Пушкин.; въ другихъ Андреяшъ) „видѣвъ Князя Александра, возвратися къ своимъ, и рече: про„шедъ страны и языки, не видѣхъ таковаго ни въ Царехъ Царя, „ни въ Князехъ Князя.“

(24) Въ особенномъ описаніи Александровыхъ подвиговъ (см. ниже, примѣч. 26) сказано, что Король части Римскія, слыша о мужествѣ нашего Князя, желалъ побѣдить его или взять руками. Новогород. Лѣт. называетъ сего непріятеля Княземъ Шведскимъ, а сочинитель Родослов. Книги (описывая происхожденіе Морозовыхъ) Нѣмецкимъ Королемъ Варгушемъ. Въ Швеціи царствовалъ тогда Эрикъ Эрикcонъ, прозваніемъ Леспе (шепетливый): онъ былъ хромъ, и поручалъ всѣ дѣла воинскія славному Биргеру, особенно защиту Финляндіи (см. Далина Gesch. des R. Schw. II, 155). Въ мнимомъ завѣщаніи Шведскаго Короля Магнуса (о коемъ будетъ говорено послѣ, и кое вмѣщено въ наши современныя лѣтописи) именно сказано, что Александръ Невскій побѣдилъ Биргера: „первѣе сего подъялся Мас„теръ Бергеръ, и вшелъ въ Неву, и срѣте его В. Князь Алек„сандръ Ярославичь на Ижерѣ рѣцѣ, и самого прогна, а рать „его поби.“ — Папа всячески возбуждалъ Шведовъ распространить Христіанство оружіемъ въ Финляндіи и въ окрестностяхъ ея (см. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 157).

Въ лѣтописи: „Пріидоша Свѣи въ силѣ велицѣ, и Мурма„не (Норманы или Норвежцы) и Сумь и Емь“ См. сей Исторіи Т. I, примѣч. 78. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: „Король части Римскія отъ полуночныя страны, иже первѣе „Варяги и Готы, нынѣ Свіи именовахуся.“ Въ семъ походѣ не участвовали Ливонскіе Рыцари. Въ описаніи дѣлъ Александра по древнѣйшему списку Пушкинскому, не упоминается о Мастерахъ; только въ новѣйшихъ сказано: „собра силу велику Ме„стери и Бискупи.“

(25) О семъ чудѣ не упоминается въ Новогород. Лѣт., но сочинитель описанія Александровыхъ подвиговъ разсказываетъ оное.

Далѣе, въ описаніи битвы: „Видѣвъ Королевича мча „(мчимаго) подъ руку, и вѣѣха по досцѣ и до самаго кробля, по „ней же хожаху съ Королевичемъ,“ и проч. Король Эрикъ не имѣлъ дѣтей. Сей Королевичъ могъ быть сыномъ его сестры и Биргера. Въ Новогород. Лѣт.: „убіенъ бысть Воевода ихъ „именемъ Спиридонъ; а инiи творяху (сказывали), яко и Пис-

„купъ убьенъ бысть туже... Новгородцевъ же ту паде Костя-„тинъ Луготиницъ, Гюряша Пинещеничь, Намѣстъ Дрочило, Нез-„дѣловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ съ Ладожаны, или „мнѣ (менѣе), Богъ вѣсть." Въ описаніи Александровыхъ дѣлъ прибавлено, что „за рѣкою Ижерою, гдѣ совсѣмъ не было сраженія, нашлося множество мертвыхъ Шведовъ, убитыхъ безъ сомнѣнія Ангелами!"

Современники ли наименовали Александра Невскимъ? Въ описаніи дѣлъ его и въ Лѣт. Новогород. нѣтъ сего прозванія, которое находится въ Степенной Книгѣ.

(26) „Си же вся слышахъ отъ Господина своего, Великаго „Князя Александра, и отъ инѣхъ, иже въ то время обрѣтошася „въ той сѣчи." Выше говоритъ сочинитель: „азъ худый, грѣш-„ныи и недостойный начинаю писати житье Вел. Кн. Алексан-„дра, сына Ярославля, внука Всеволожа, понеже слышахъ отъ „отецъ своихъ и самовидецъ есмь взрасту его."

(27) Въ Степен. Книгѣ (I, 362): „Сій Ярославъ, сынъ Вла-„диміръ, внукъ Рюриковъ Кіевскаго:" нѣтъ, отъ былъ сынъ Владиміра Псковскаго (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 123 и 200).

(28) Жители Феллина именованы Вельядцами, ибо сей городъ назывался *Vellaio*, *Villinde*; по-Эстонски Wiljandi-lin. — Въ лѣтописи: „Выидоша Пльсковичи вси, и бишася съ ними, и побѣди-„ша я Нѣмци. Туже убиша Гаврила Гориславича Воеводу, а „Пльсковичь гоняче много побиша, а инѣхъ руками изъимаша, „и пригонивше подъ городъ, и зажгоша посадъ вѣсь, и погорѣша „церквы, и много селъ попустиша около Пльскова, и стояша „подъ городомъ недѣлю, но города не взяша, но дѣти поимаша „у добрыхъ мужъ въ тали.... И поча (Твердило) владѣти Пль-„сковомъ съ Нѣмци, воюя села Новгородскыя." Въ Псковской Архивск. прибавлено: „уже бяше Псковъ взятъ, и Тіуны (Нѣмец-„кіе) посажены у нихъ судити." — Арндтъ въ Liefländ. Chr. (II, 45) и Кельхъ въ своей Исторіи (стр. 35) пишутъ, что Великій Мастеръ Бальке вмѣстѣ съ Дерптскимъ Епископомъ Германомъ ходилъ на Псковъ, и положивъ на мѣстѣ 600 Россіянъ, оставилъ тамъ гарнизонъ, ибо Князь Псковскій, Ярополкъ, сдалъ ему городъ, а самъ удалился. Кто былъ сей Ярополкъ, неизвѣстно. Въ Псковской лѣтописи поставлено то же число убитыхъ Россіянъ: „избиша у Изборска Нѣмцы 600 мужей Плесковичь." — Кельхъ говоритъ, что Рыцари еще въ 1226 году побѣдивъ Россіянъ близъ Кокенгузена, убили ихъ 3000; но сіе сраженіе было, кажется, не съ Россіянами, а съ Липовцами и Курляндцами (см. Арндт. Chr. II, 19.).

(29) Причина ссоры неизвѣстна. Кн. Щербатовъ думалъ, что Александръ отнялъ тогда у Новогородцевъ сѣнные покосы, ибо они въ грамотѣ своей, писанной къ Тверскому Князю въ 1263 году, говорятъ: „а что былъ отъялъ братъ твой Александръ „пожнѣ, а то ти, Княже, не надобѣ." Но Александръ могъ это сдѣлать и гораздо послѣ. Здѣсь Левекъ отличается Французскимъ пустословіемъ. — Въ Никонов. Лѣт. сказано, что Александръ, пріѣхавъ къ отцу, княжилъ въ Переславлѣ.

Въ Новогород. Лѣт.: „Той же зимы (1240) придоша Нѣмци „на Водь съ Чудью, и повоеваша, и дань на нихъ взложиша, а „городъ учиниша въ Копорьи погостѣ; и не то бысть зло, но и „Тесовъ взяша, и за 30 верстъ до Новагорода ганяшася, гость „біюче, а сѣмо Лугу и до Сабля" (нынѣ село Собельское).

(30) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Александръ послѣ того уѣхалъ къ отцу, но узнавъ, что Нѣмцы взяли Псковъ, возвратился (см. Воскресен.) Сіе несправедливо: Нѣмцы овладѣли Псковомъ еще въ 1240 году, какъ мы описали, слѣдуя Новогородскому лѣтописцу, который не говоритъ объ Александровомъ отъѣздѣ по взятіи Копорья. — Въ Никонов. сказано, что сей Князь и въ Новѣгородѣ повѣсилъ бунтовщиковъ.

(31) См. Арндт. Liefl. Chr. II, 46. Въ Новогород. Лѣт.: „пойде Олександръ съ Новгородци на Чудьскую землю на Нѣмци „и зая вси пути и до Пльскова, и изгони Князь Пльсковъ, изыма „Нѣмци и Чудь, и сковавъ поточи въ Новгородъ... Поиде (Алек„сандръ) на Чудь, яко быша на земли, пусти полкъ весь въ „зажитія, а Домашъ Твердиславичь и Кербетъ быша въ роз„гонѣ, и усрѣтоша я Нѣмцы и Чудь у моста и бишася ту, и „убиша ту Домаша, брата Посаднича, мужа честна, и инѣхъ „съ нимъ избиша, а инѣхъ руками изымаша, а иніи къ Князю „прибѣгоша въ полкъ." Князь Щербатовъ, не вникнувъ въ смыслъ, пишетъ, что Александръ распустилъ войско по домамъ, не ожидая нападенія со стороны Нѣмцевъ зимою, и что Рыцари, вступивъ тогда въ Новогородскія области, убили Домаша, и проч. Нѣтъ: Александръ, будучи въ Чудской землѣ, распустилъ воиновъ „для собранія тамъ съѣстныхъ припасовъ," когда Нѣмцы вдругъ напали на отрядъ Домашевъ и Кербетовъ. — Никонов. Лѣт. вымышляетъ помощь Королевскую, и проч.

Далѣе: „Поставиша полкъ на Чудьскомъ озерѣ на Узмени „у Воронея камени, и наѣхаша на полкъ Нѣмци и Чудь, „и прошибошася свиньею" (острою колонною)...„ Нѣмци ту „падоша, а Чудь даша плеща, и биша на 7 верстъ по леду до „Суболичьскаго берега, и паде Чюди безъ числа, а Нѣмецъ „400" (въ другихъ спискахъ 500),„ а 50 руками яша, а бишася

,,Апр. въ 5, въ Субботу." Въ описаніи подвиговъ Александровыхъ прибавлено: ,,у Князя Александра бѣ множество храбрыхъ, яко,,же древле у Давида Царя; бяху бо сердца ихъ акы сердца львовъ, ,,и рѣша: о Княже нашъ честный! нынѣ прiспѣ время намъ по,,ложити главы своя за тя. Князь же воздѣвъ руцѣ на небо и ,,рече: суди ми Боже. . . и помози, яко же древле Моисею и пра,,дѣду нашему Ярославу на окаяннаго Святополка." (въ Никон. Лѣт.: ,,не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему дажь ,,славу. Азъ бо есмь червь, а не человѣкъ," и проч.),, Восходящу ,,солнцю, и съступишася обои, и бысть сѣча зла и трусъ отъ ,,ломленія копій и звукъ отъ сѣченія мечнаго, яко же и езеру ,,померзшю двигнутися, и не бѣ видѣти леду: покры бо ся кро,,вію. Се же слышахъ отъ самовидца, иже рече ми, яко видѣхъ ,,полкъ Божій на воздусѣ пришедшій на помощь Александрови, и ,,тако побѣди я. . . И сѣчахуть я гоняще аки по аэру, и не бѣ, ,,камо утещи."

(32) Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: ,,а иже рече: ,,имемъ Александра руками, сего дасть ему Богъ въ руцѣ его, и ,,не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда."

(33) См. Арндт. Liefland Chr. II, 46. Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: ,,и бяше множество полоненыхъ въ полку его, ,,и ведяхуть босы подлѣ коній, иже именують себе Божіи Ри,,тори" (Gottesritter.) Тамъ же и въ Псковской лѣтописи: ,,о не,,вѣгласи Псковичи! аще сего забудете, и до правнучатъ Алек,,сандровыхъ; аще отъ моихъ племенникъ прибѣжитъ кто въ пе,,чали или такъ пріѣдетъ къ вамъ пожити, а не прімете, ни ,,почьстете его, то будете окаянни и наречетеся вторыя Жи,,дове. . . . И нача имя слыти Вел. Кн. Александра по всѣмъ ,,странамъ отъ моря Варяжьскаго и до моря Понтьскаго и до ,,моря Хонужскаго и до страны Тиверейскія (Тавриса) и до ,,горъ Араратскыхъ, и обону страну моря Варяжскаго и до Ве,,ликаго Риму."

(34) Въ Новогород. Лѣт.: ,,того же лѣта Нѣмци при,,слаша съ поклономъ безъ Князя" — т. е. Александръ былъ тогда во Псковѣ или у отца, но не у Батыя, къ которому онъ поѣхалъ уже въ 1246 году.

(35) О семъ Ярославѣ см. выше, примѣч. 27. Въ Новогород. Лѣт.: ,,въ лѣто 6753 (1245) воеваша Литва около Торжку ,,и Бѣжици, и гнашася по нихъ Новоторжци съ Кн. Ярославомъ ,,Володимиричемъ, и бишася съ ними, и отъяша у Новоторжцевъ ,,кони, и самѣхъ биша, и поидоша съ полономъ проче. Погониша ,,по нихъ Явидъ и Ербетъ со Тферичи и Дмитровци и Ярославъ ,,съ Новоторжци, и биша я подъ Торопчемъ, и Княжици ихъ"

(а не Россійскіе, какъ въ Никон.) „вбѣгоша въ Торопечь. За-„утра прспѣ Александръ съ Новгородци, и отъяша полонъ весь, „а Княжицъ исѣче 8 или болѣ.... Князь (Александръ) погонися „по нихъ съ своимъ Дворомъ, и би я подъ Жижьчемъ, и не упу-„сти ихъ ни мужа... а самъ поима сына своего изъ Ви-„тебска, поѣха въ малѣ дружины, и срѣте иную рать у „Всвята (Усвята)... И тѣхъ изби, а самъ приде здравъ." Ка-жется, что юный сынъ Александровъ гостилъ тогда у своего дѣда, Брячислава Полоцкаго, коему могъ принадлежать Витебскъ. — Въ описаніи подвиговъ Невскаго: „ключися ему (Алек-„сандру) выѣхати, и побѣди семь ратіи (Литовскихъ) единѣмъ „выѣздомъ, и множество Князей ихъ изби, а овѣхъ рукама изы-„ма; слугы же его, ругающеся, вязахуть ихъ къ хвостомъ ко-„ней своихъ, и начаша (Литовцы) оттолѣ блюстися имени его."

(36) См. Voyage Рубруквиса въ Бержер. стр. 8.

(37) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 370. Ярославъ поѣхалъ къ Батыю, а сынъ его къ Великому Хану въ 1243 году. См. ниже, примѣч. 45. Въ Степен. I, 368: „и пріиде (Ярославъ) въ землю „свою честно, и многи пришельцы удѣчи, и множество людій „собра; сами прихождаху къ нему въ Суждальскую землю отъ „славныя рѣки Днѣпра и отъ всѣхъ странъ: Галичане Волын-„стіи, Черниговцы, Переяславцы и славніи Кіяне, Торопчане, „Меняне (жители Минска), Мещижане (изъ Мецовска.) Смоля-„не, Полочане, Рязанцы, и вси подражаху храбрости его." Пу-стословіе новѣйшихъ временъ! — О Князѣ Василіи Всеволодовичѣ см. выше, примѣч. 1. Никоновск. Лѣт. называетъ Владиміра Углицкимъ. Константинъ Ярославичь возвратился съ честію отъ Хана въ 1245 году: тогда же Великій Князь съ братьями и съ племянниками поѣхалъ опять къ Батыю.

(38) Въ Воскресен. II, 225: „много пострада отъ без-„божныхъ Татаръ за землю Русьскую, оважень бо бысть Царю „Феодоромъ Яруновичемъ, и много истомленія подъявъ, пойде „отъ Канович и преставися во иноплеменницѣхъ нужною смер-„тію (см. ниже) Сент. 30." См. Карпина Voyage, Гл. VII и XIII. Въ Степенной I, 323: „пойде же оттуда (изъ Орды) вельми „изнемогая, и воспомяну любезная своя чада, къ нимъ же, яко „ку сущимъ, глаголаше: о возлюбленніи мои! плодъ чрева моего, „храбрый и мудрый Александре, и поспѣшный Андрею, и „Константине удалый, и Ярославе, и милый Даниле, и до-„бротный Михаиле! будите благочестію истинныи побор-„ницы, и величеству Державы Руския застоятельницы... Не пре-„зрите двоихъ ми дщерій, Евдокіи и Ульяніи, иже бяше имъ „настоящее сіе время горчае желчи и пелыни." Тутъ же въ

Степен. Кн. въ исчисленіи побѣжденныхъ Татарами народовъ именуются Буртасы, о коихъ упоминаетъ и Карпинъ (стр. 58), называя ихъ Brutaches, и сказывая, что они были Іудейской Вѣры.

Тѣло Ярослава Всеволодовича погребено въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Соборѣ, въ придѣлѣ на правой сторонѣ.— Лѣтописцы говорятъ только, что Ярославъ положилъ душу свою за Россію, и былъ ко всѣмъ милостивъ (см. Воскр II, 225); но не хвалятъ его такъ плодовито, какъ Георгія II или Константина. Однакожъ по рукописнымъ Святцамъ онъ включенъ въ ликъ Угодниковъ Божіихъ. И въ Степен. Книгѣ сказано: „причте его „Богъ ко избранному своему стаду." — Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1239 году Ростов. Епископъ Кириллъ освятилъ въ Кидекшѣ Великимъ священіемъ церковь Бориса и Глѣба въ праздникъ сихъ Мучениковъ. Въ 1240 году родилась у Ярослава дочь Марія, а въ 1241 сынъ Василій. Въ семъ году, по какому то преданію, княжилъ въ Костромѣ К. Василій Георгіевичь, сынъ Георгія Ярославича, прозванный Квашнею, и въ двухъ верстахъ оттуда, близъ небольшаго озера, разбилъ Татаръ, шедшихъ отъ Ярославля съ добычею и плѣнниками: въ память чего это озеро именуется Святымъ, а побѣда приписывается Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, явившейся при семъ К. Василіи Георгіевичѣ, котораго не знаемъ: см. Словарь Географ. Рос. Государства, въ статьѣ Кострома. Въ Новогород. Лѣт.: „въ лѣто 6751 „(1243) преставися рабъ Божій Варламъ, а мірьскы Вячеславъ „Прокшиничь, на Хутинѣ у Св. Спаса, Маія въ 4, а погребенъ „бысть заутра въ 5, Архіеписк. Спиридономъ и Игуменомъ Сидоромъ при Кн. Александрѣ. Того же лѣта преставися Стефанъ „Посадникъ Новгородскый Твердиславичь, внукъ Михалковъ, въ „Недѣлю въ 1 часъ ночи, на память Павла и Ульяны, и положенъ „бысть въ притворѣ Св. Софьи, идѣже Аркадій и Мартирій „Архіепископа лежита, посадничавъ 13 лѣтъ безъ 3 мѣсяць."

(39) Дочь ли Мстислава Мстиславича Галицкаго, или Ярославъ женился послѣ на другой, не знаемъ. Она скончалась 4 Маія и была названа въ Инокиняхъ Евфросиніею. Никон. Лѣт. прибавляетъ: „понеже тогда даваху имена не съ перваго слова, но „въ который день пострижашася кто во Иноци, того дни имя „даваху, или потомъ въ той же день." Въ описаніи Княжескихъ гробовъ, сообщенномъ мнѣ отъ Г. Губернатора Владимірскаго, показано, что сія Великая Княгиня и сынъ Ярославовъ, Ѳеодоръ, лежатъ въ Владимірѣ, въ храмѣ Великомученика Георгія; а въ надгробной ея надписи, въ Новогородскомъ Георгіевскомъ мона-

стырѣ, вырѣзаны слѣдующія слова: „Лѣта 6749 (вмѣсто 6752), „Маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи о Господѣ чюдная и Великая Княгиня Ѳеодосія, честнѣйшая супружница Вел. Кн. Ярослава Всеволодича, съ нимъ же благоговѣйно и богоугодно поживе, отъ него жъ 9 сыновъ породи, Вел. Князя и въ чюдесѣхъ „словущаго Александра Невскаго и инѣхъ 8, и на конецъ житія „иноческій образъ воспріимши, и претворено бысть имя ей Евфросинія, и положена бысть въ пресловущей обители Св. Георгія объ едину страну сына своего, Князя Ѳеодора; послѣди же, „многимъ минувшимъ лѣтомъ, сынъ ея, Князь Ѳеодоръ, оттолѣ „изъ обители пренесенъ бысть въ Великій Новградъ въ Соборную церковь Премудрости Божія и положенъ въ паперти Іоанна Богослова съ Великими Князи.“

(40) Михаилъ убитъ въ томъ же 1246, Сент. 20.

(41) Въ Волынск. Лѣт.: „Ростислава (въ 1243 г.) розгнаша Татарове во Борку, и бѣжа въ Угры, и вдасть зань пакы „Король дочерь свою.“ (Прай думаетъ, что супругою Ростислава была Анна, пятая дочь Белина).... „Слышавъ же то Михаилъ „(въ 1245 г.), яко Король вда дочерь за сына его, бѣже въ Угры. „Король же Угорскый и сынъ его Ростиславъ чести ему не „створиста. Онъ же разгнѣвася на сына, возвратися Чернигову“.... Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Михаилъ поѣхалъ къ Батыю изъ Кіева. Въ Воскр. II, 219: „иже крыяхуся въ пещерахъ и въ горахъ и въ лѣсахъ, мало тѣхъ (Кіевлянъ) остася; „тѣхъ же не по колицѣхъ временехъ оставиша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати. Се же слышавъ Михаилъ, возвратися къ Кіеву, и вси людіе съ нимъ, еже „бѣху разбѣглися на чюжія земли, пріидоша на свою землю“... Въ Ростов. Лѣт.: „Татарове же начаша звати нужею къ Канови и Батыеви, глаголюще имъ: не подобаеть вамъ жити на „земли Батыевѣ и Кановѣ не поклонившеся има. Мнози же ѣхавше поклонишася ему.“ Далѣе: „Пріѣха (Михаилъ) ко отцю своему духовному, глаголя: хощу ѣхати предъ Царя Батыя. И отвѣща ему отецъ его, Іоаннъ: мнози ѣздивше сотвориша волю „поганаго: идоша сквозь огнь и поклонишася кусту и солнцу, и „погубиша души своя; а ты, Княже, не сотвори тако; не иди „сквозь огнь, ни поклонися идоломъ, ни брашна ихъ яжь, ни питія ихъ пій.... обычай бо имѣя Канъ и Батый, аще кто придетъ поклонитися има, не повелѣваеть предъ ся вести, но „приказано бяше влъхвомъ вести я сквозѣ огнь, и поклонитися „кусту и огневи и идоломъ; а иже что приношахуть дары Цареви, и отъ всего того взимающе влъсви и метахуть во огнь, „таже предъ Царя пущающе съ дары. Мнози же Князи съ Бояры

„своими идяху сквозѣ огнь и кланяхуся идоломъ славы ради свѣ-„та сего..... Великій же Князь Михайло и Бояринъ его Ѳеодоръ „глаголаста ему (Священнику Іоанну): молитвою твоею, отче, „якоже Богъ восхощеть, тако да будеть. Азъ быхъ того хо-„тѣлъ, что за Христа кровь свою прольяти... И благословиста-„ся у него, и дасть имъ причастіе на путь, рекше преждe-„священное." — К. Борисъ Васильковичь былъ сынъ Маріи, дочери Михаиловой.

(42) Такъ и Карпинъ называетъ сего Министра и Стольни-ка Батыева (стр. 6), сказывая, что Моголы заставляли Михаи-ла поклониться образу Чингисханову, и что Батый чрезъ сы-на Ярославова объявилъ ему смерть въ случаѣ неповиновенія. — Въ лѣтописи: „Бояре же Борисовы глаголаша: вся за тя, Кня-„же, опитемью примемъ со всею областію своею."

(43) Въ Воскресен. II, 223: „съимя съ себе кочь (въ дру-„гихъ: коць) свой и вряже къ нимъ." Поляки называютъ по-пону Кос. — Карпинъ (стр. 31) говоритъ: Baute (Батый) envoya un de ses gardes, qui lui donna tant de coups de pieds à l' estomac et au ventre, qu il en mourut bientot aprés. Наши Лѣтописцы: „убійцы тіи „оканніи скочиша съ конь и яша Вел. Князя Михаила, растѣ-„гоша за руцѣ и за нозѣ, и начаша его руками бити по серд-„цу, и повергоша его ницъ, и біяхуть его пятами.... „Отрѣза (Доманъ) ножемъ честную главу Князю Михаи-„лу, и отверже ю прочь отъ тѣла, еще слово глаголящу: „Христіанинъ есмь!" Въ Степ. Кн. приписано сіе дѣй-ствіе злобѣ Домановой. Въ Волынск. Лѣт. онъ названъ Пу-тивльцемъ. — Въ Никон. и въ другихъ: „Батый слышавъ та-„ковое мужество и крѣпость, умилися и рече: велій мужъ сей."

Во многихъ лѣтописяхъ сказано, что Батый обѣщалъ Ѳео-дору престолъ Черниговскій, если онъ поклонится идоламъ; но сіе обстоятельство кажется изобрѣтеніемъ. Карпинъ пишетъ также, что одинъ Вельможа Россійскій ободрялъ Михаила, и что имъ обоимъ отрубили головы.

(44) О сыновьяхъ Михаиловыхъ см. въ Родослови. Кни-гахъ. Объ Андреѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ упоминается въ Волынск. Лѣт. подъ годомъ 1261 по Ипатьевск. списку. Въ Родословн. Книг. названъ Всеволодомъ сынъ Юрья Михайло-вича; но вѣроятнѣе, что сей Андрей былъ внукомъ, а не пра-внукомъ Михаила Черниговскаго. См. о Ростиславѣ Гебгарди Gesch. des K. Hungarn, II, 118, Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, 310 — Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 774, и Наруш. Hist. Narodu Polsk. V, 96. Длугошъ называетъ дочь Ростиславову Грифиною, т. е. Агриппиною. Супруга его въ 1264 году была уже вдовою

(см. Энгел. Gesch. von Halitsch, стр. 569). Въ Родосл. Книг. несправедливо сказано, что Ростиславъ умеръ бездѣтенъ.

(45) Въ Волынск. Лѣт.: „Данилу же" (въ 1243 году по Ипатьев. списку) „будущу въ Холмѣ, прибѣже къ нему Половчинъ его Актай, рекый, яко Батый воротился есть изъ Угоръ „и отрядилъ на тя два Богатыря, Маньмана и Балаа. Данилъ „же затворивъ Холмъ, ѣха ко брату и поима съ собою Кирила „Митрополита (Кіевскаго), а Татарове воеваша до Володавы и „по озерамъ... Даниловi же (въ 1245 г.) заратившимся съ Болеславомъ Лядьскымъ, внидоста въ землю его четырми дорогами; „самъ Данило воева около Люблина, а Василько по Изволiи, по „Ладѣ, около Бѣлое; Дворьскый же Андрей по Сяну, а Вышата „Воевода Подгорье. Вземше полонъ, возвратишася... И пакы „повоеваста землю Любльньскую, даже и до рѣкы Вислы и Сяну, „и прiѣхаша подъ Завихвостъ, стрѣли Василько черезъ рѣку „Вислу, не могоша бо переѣхати рѣкы, понеже наводнилася, и „возвратистася съ полономъ. Малу же времени минувшу, Ляхове воеваша около Андреева. Данило же и Василько повелѣста строити праща и иные сосуды, и прiидоста на Люблинъ; „одиного дне быста подъ градомъ изъ Холма со всими вои и пращами... И Ляхове начаша просити милость получити. Данилъ же и Василько завѣтъ положивъ имъ: не помогайте Князю „своему. Они же обѣщася...

„Ростиславъ же, умоливъ Угоръ много, иде на Перемышль, „и вшедшу ему, собравше смерды многы пѣшьцѣ. Данилъ же и „Василько посласта Лва млада суща, и яко ни во бой ему внити, и сыновца своего, Всеволода, Андрея и Якова и иные „Бояре. Бившимся имъ на рѣкѣ Сѣчници, одолѣ Ростиславъ... „Всеволодъ не поможе Андрею и Якову... Данило же собравъ „вои и прогнаше и изъ земли, и иде въ Угры.

„Воеваша Литва (въ 1246 по Ипат.) около Пересопницѣ, „Лиtьвно Рушковичь. Данило же и Василько ѣхаша во Пинескъ „и предъвариста его. Онѣмъ же идущимъ по полю Пиньскому, „изидоста нанѣ изъ града и погнаша е... И падаху съ коній. „Василько же привезе первый сайгатъ (трофей)..., Воеваша „Литва, Лековнiи, около Мѣльницѣ (въ 1247 году по Ипат.) „...: Данило же и Василько гнаста по нихъ. Во Пиньскѣ бо Михаилъ далъ имъ (Литвѣ) вѣсть: онѣмъ же осѣкщимся въ лѣсѣ... „Но побѣгшимъ, и избиты быша; а самъ Лонъкогвеній боденъ „утече. Преже же войны Черниговское Даниловi сѣдящу въ Галичѣ, а Васильку въ Володимерѣ..... Воеваша Ятвязѣ (въ 1248 г. по Ипат.) около Охоже и Бусовна... „И еще бо Холму не поставлену бывшю Даниломъ"

(слѣдственно сія и Литовская война были не въ означенныхъ годахъ, но еще прежде вступленія Татаръ въ южную Россію: новое доказательство, что хронологія Ипатьев. списка весьма ненадежна)... „Василько же изъ Володимеря угони е, бывшю ему „въ третій день въ Дорогычинѣ, и бьющимся имъ у воротъ Дро-„гычинскыхъ, и приде Василько... И бысть на поганые сѣча лю-„та за много поприщь, и убито бысть Князей 40... Василько „бѣ възрастомъ середній, умомъ же великъ и дръзо-„стію, и многажды побѣжаше поганые... Бѣ Скомондъ пога-„ной влъхв и кобникъ нарочитъ, боржъ бѣ яко звѣрь; пѣшь бо „хода, повоева страну Пинскую и ины страны, и убіенъ бысть" (Дружиною Василька, вмѣстѣ съ Борутомъ) „и глава его взот-„кнена на колъ....

„Ростиславъ (въ 1249 г. по Ипат.) молися тьстеви сво-„ему, Королеви, да пошлеть ему вои на Данила и поемъ воя, „иде въ Лядскую землю, и молися Лестьковой (женѣ) и убѣди ю, „да пошлеть съ нимъ Ляхы... Иніи бо Ляхове избѣгли, хотяще „ити къ Данилови; хотящимъ же имъ получити милость у „Лестьковича и у матере его, идоша къ Ростиславу... И ятъ „бысть старѣйшій ихъ, Творіанъ, Даниломъ. Ростиславъ же „устремися на Ярославль... Видѣвъ же крѣпокъ, пойде къ Пере-„мышлю, и събралъ туземльцѣ" (тамошнихъ жителей) „и пакы „пойде къ Ярославлю, и за собою остави Перемышль... Стоящю „же у града и строящу порокы, гордящюся ему, и сътвори игру „предъ градомъ, и сразившюся ему съ Воршемъ, и падеся подъ „нимъ конь и выврази собѣ плече, и не на добро случися ему зна-„меніе... Данило же и Василько посласта къ Кондратови, яко „тебе дѣля изыдоша на наю Ляхове, яко помощника ти есвѣ. „Пославшю же ему помощь, и отъ Литвы отъ Миньдога по-„мощь" (о семъ Литовскомъ Князѣ упоминалось Т. III, стр. 566) „и не дотягшимъ обоимъ, Данило и Василько пойдоста; по-„сласта же Андрея, да укрѣпитъ градъ. Не дошедшимъ же воемъ „рѣкы Сяну, съсѣдшимъ на полѣ въоружится, бысть знаменіе „надъ полкомъ. Пришедшимъ орломъ и многымъ въроном, яко „оболоку велику, играющимъ же и орломъ клекощющимъ и пла-„вающимъ крилы своими, и въспромещающимъ же ся на возду-„сѣ... и се знаменіе на добро бысть... Броду же въ рѣцѣ Сяну „глубоку сущю, пріѣхаша Половци напередъ, и видѣша стада „ихъ, и не смѣша разграбити ихъ безъ повелѣнья Княжа. Онѣмъ „же убѣгшимъ съ стады въ станы своя... Данило же и Василько „пойдоста съ тихостію на брань. Львови же дѣтску сущю, по-„ручи его Васильковн храбру Боярину... Ростиславъ же иде про-„тиву; пѣшци же остави противу вратомъ града, и прейде

„дебрь глубокую, идуще против полку Данилову. Андрееви жъ „Дворскому тъсвящюся, да не сразится съ Даниломъ, ускоривъ „сразися съ полкомъ Ростиславлимъ.... Данилъ же посла 20 му„жей избранныхъ на помощь ему. Василій же Глѣбовичь и Всево„лодъ Олександровичъ и Мьстиславъ, не мога Андрееви" (не давъ помощи) „бѣжаста назадъ къ Сянови. Андрееви же крѣпко „борющуся... Видѣвъ же Данилъ Ляхы идущи на Василька, Ки„ріелейсонъ поющи, и брань Ростиславлю, и Филю въ зад„немъ полку съ хоруговью, рекущю, яко Русь тщиви суть на „брань; стерпимъ устремленія ихъ; не стерпими бо суть на „долго время на сѣчи... Богу же не услышавшю славы его, пріи„де нань Данило съ Яковомъ Марковичемъ и съ Шелвомъ; Шел„вови же сбодену бывшю, Данила же емшю, истръжеся изъ ру„ку его, и выѣха изъ полку, и видѣвъ Угрина грядущаго на по„мощь Фили, копіемъ съпиче его; оружію же бывшю въ немъ „уломлену, спадеся издъще" (упалъ и умеръ). „О того же „гордаго Филю Левъ младый изломи копіе. Пакы жъ Данило ско„ро пріиде нань, и разруши полкъ его, и хоруговь его раздра. „Видѣвъ же се, Ростиславъ побѣже... Васильковы же сразившю„ся съ Ляхы, и зрящимъ обоимъ на ся. Ляхомъ же лающимъ: по„женемъ на великыя бороды. Васильковы же рекшю: Богъ помощ„никъ нашъ, и толкну конь свой. Ляхове же побѣгоша. Данило„ви же женущю Угры, не вѣдый о братѣ. Узрѣвъ же хоруговь „его женущю по Ляхы, и бысть въ радости, и ставшю на мо„гилѣ противу городу, и пріѣха Василько. Данилови же хотящю „гнати по нихъ, Василько же възбраняше... Мнози же (Угры и „Ляхи) избіени и яти быша; и Филя гордыи ять бысть Ан„дреемъ Дворскымъ и приведенъ къ Данилу, и убіенъ бысть Да„ниломъ. Жирославъ же приведе Володислава, злаго мятежника „земли: и тъ убіенъ бысть; и иніи Угри избіени быша за гнѣвъ. „Данило же и Василько не идоста въ городъ, и Левъ ста на „мѣстѣ, воиномъ посреди труповъ являюще побѣду свою. Гоня„щимъ же и пріѣздящимъ нощи и въ полунощи ведущимъ ко„ристь многу.... Богъ дасть побѣду Данилу наканонь Фрола и „Лавра. Данилъ городъ зажже, еже Ростиславъ създалъ, и иде „въ Холмъ... а Ростиславъ бѣжа въ Ляхы, и поемъ жену свою, „иде въ Угры." Венгерскіе Лѣтописцы говорятъ, что въ сей жестокой битвѣ конь Ростиславовъ палъ мертвый и непріятели окружили сего Князя; но что Баронъ Венгерскій, именемъ Лаврентій, спасъ его, давъ ему собственнаго коня (см. Тимон. Imag. Nov. Hung. гл. XIII, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. IV, стр. 253). Самъ Бела въ грамотѣ своей описываетъ сраженіе подъ стѣнами Ярослава и подвиги Лаврентія, именуя Ростислава Княземъ

Галиціи, а Данила Королемъ (Rex) Россійскимъ, и сказываетъ, что Лаврентій плѣнилъ одного изъ нашихъ Бояръ, коему Ростиславъ отрубилъ послѣ голову.

,,Приславшю же (въ 1250 г. по Ипат.) Могучееви посолъ ,,свой къ Данилу и Васильку, будущю има въ Дороговску: дай ,,Галичь! Бысть въ печали велицѣ, зане не утвердилъ бѣ зем-,,лѣ своея городы, и дума съ братомъ, поѣха къ Батыеви, рече: ,,не дамъ полуотчины своея, но ѣду къ Батыеви самъ. Изыде ,,же на праздникъ Св. Дмитрія, помолився Богу, и пріиде къ ,,Кыеву, обьдержащю Кыевъ Ярославу Бояриномъ своимъ, Ейко-,,вичемъ Дмитромъ, и пришедъ въ домъ Архистратига Михаила, ,,рекомый Выдобичь, и съзва Калугеры, и рекъ, да сьцворятъ ,,молитву о немъ... Изыде изъ монастыря въ лодьи, и пріиде къ ,,Переяславлю, и срѣтоша его Татарове. Оттуда же ѣха къ Ку-,,ремси, и видѣ яко нѣсть у нихъ добра, оттуда жь больма нача ,,скрьбити, видя скверная ихъ кудешьская (волшебная), бляденья ,,и Чигызканова мечтанія, скверная его кръвипитія, приходяще ,,Цари и Князи и Вельможи солнцю и лунѣ, и земли и Діаволу, ,,и умръшимъ во Адѣ отцѣмъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, водяце ,,около куста, покланятися имъ... Оттуда же приде къ Батые-,,ви на Волгу. Пришедшю же Ярославлю человѣку Сънъгорови, ,,рекшю ему: братъ твой Ярославъ кланялся кусту; и тобѣ кла-,,нятися. И рече ему: Діаволъ глаголетъ изъ устъ твоихъ... И ,,въ ть часъ позванъ бысть Батыемъ; избавленъ Богомъ бысть.. ,,И поклонився по обычаю и вниде въ вежю его, рекшю ему: Да-,,нило! чему еси давно не пришелъ? а нынѣ иже еси пришелъ, а ,,то добро же. Піеши ли черное молоко, наше питіе, кобылѣй ,,кумузъ? Оному же рекшю: доселѣ есмь не пилъ, но же ты ве-,,лишь, пію. Онъ же рече: ты уже нашъ же Татаринъ; пій наше пи-,,тіе. Онъ же испивъ поклонися по обычаю ихъ, измолаа слова ,,своя, рече: иду поклонитися Великой Княгыни Баракчинови. Ре-,,че (Батый): иди. И шедъ поклонися ей, и присла (Батый) вина ,,чюмъ, и рече: не обыкли пити молока. О злѣе зла честь Та-,,тарская! Даниловн, бывшю Князю велику, нынѣ сѣдитъ на ко-,,лѣну, и холопомъ называютъ его, и дани хотятъ; живота ,,не чаетъ. . . . Злобѣ ихъ нѣсть конца. Ярослава Суждальскаго ,,зеліемъ уморишта... И иніи мнози Князи избіени быша. Бывшю ,,же Князю у нихъ 20 и 5 дней, отпущенъ бысть, и поручена ,,бысть ему земля его....

,,Тое же зимы Кондратъ присла посолъ по Василька, рече: ,,пойдемъ на Ятвязѣ. Падшю снѣгу и серену, не могоша ити, ,,и възвратишась на Нурѣ. Бысть же вѣдомо странамъ приходъ его ,,(Даніиловъ) всѣмъ изъ Татаръ, яко Богъ спаслъ его.

„Въ то жь лѣто присла Король Угорскый Вицькаго, река: „пойми дъщерь мою за сына своего Льва: боаше бо ся его, яко былъ „въ Татарѣхъ, и побѣдою побѣди Ростислава и Угры его. По„мысливъ же си съ братомъ, глаголу его не уя вѣры: древле бо „того измѣнилъ бѣ, обѣщавъ дати дъщерь свою. Кирилъ бо „Митрополитъ (Кіевскій) идаше, посланъ Даниломъ и Василь„комъ на поставленіе Митрополье Руское, бывшю ему у Короля, „убѣди его Король словы многыми и дары увѣщевая, яко про„веду тя въ Грекы съ великою честію, аще сътворитъ Данилъ „съ мною миръ. Онъ же рече: клятвою клени ми ся; аще не „премѣниши слова, азъ шедъ приведу его. Пришедъ же Митро„политъ и рече: пойми дъщерь его сыну си женѣ. Василькови „рекшю: иди къ нему, яко Крестьянинъ есть. Данилъ же пойде, „поемъ Льва и Митрополита къ Королеви въ Изволинъ, и поя „дъщерь его сынъ си женѣ, и отдасть ему яты Бояры, одо„лѣвшю ему у Ярославля, и сътвори миръ, и възратися.“ Симъ достовѣрнымъ извѣстіемъ нашего Лѣтописца рѣшится несогласіе чужеземныхъ Историковъ о бракѣ Венгерской Княжны, Констанціи: одни справедливо называли ее супругою Льва Даниловича, а другіе самого Даніила (см. Прая Ann. Red. Hund. Кн. IV.)

„Въ та жь лѣта“ (по Ипатьев. въ 1251, а по Длугош. въ 1247 г.) „умре Вел. Князь Лядскый Кондратъ, иже бѣ славенъ и „предобръ, и съжалиса по немъ Данило и Василько. Потомъ же „сынъ его умре Болеславъ, Мазовецкый Князь, въвдасть Мазо„вешь брату своему Самовитови, послушавъ Князя Данила: бѣ „бо братучада его за нимъ, дъщи Александрова, именемъ На„стасія, яже посяже потомъ за Боярина Угорскаго, именемъ „Дмитра.“

(46) Одни должны были ѣхать черезъ Россію, другіе черезъ Персію. См. Дегин. Кн. XV, стр. 103, и Бержерон. Voyages, Т. I; также Шпренгеля Gesch. der Entdeck. который, ссылаясь на Историка современнаго, пишетъ о тогдашнемъ ужасѣ Европы, и сказываетъ, что сей ужасъ въ 1238 году мѣшалъ даже и ловлѣ сельдей на берегахъ Англіи (стр. 270).

(47) Карпинъ упоминаетъ о городкѣ Даниловѣ на пути изъ Волыніи въ Кіевъ. — Мы предлагаемъ здѣсь Читателямъ не все, а только важнѣйшія для насъ подробности Карпинова сочиненія, которое находится въ Бержерон. собраніи путешествій.

(48) Карпинъ сказываетъ, что на берегахъ Днѣпра начальствовали Корренза и Монтій, который саномъ былъ еще выше перваго; на Дону Тирбонъ, женатый на сестрѣ Батыевой; на Волгѣ самъ Батый, а на Яикѣ другіе Воеводы.

(49) Сію черту взялъ я изъ Рубруквисова путешествія (см.

ниже). Рубруквисъ, также посолъ и Монахъ, сказываетъ намъ, что Батый былъ ростомъ съ покойнаго Господина Іоанна де-Бомона (Beaumont): жаль, что мы не имѣли чести знать Господина де-Бомона!

(50) Карпину сказывали, что Самоѣды имѣютъ собачьи головы!

(51) Объ нихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ Архангел. стр. 81 „Князь Ординскій понаймова рать, Бесер„мены, Армены, Черкасы, Ясы,“ и проч. Карпинъ называетъ Государя Бесерменовъ Altisoldan: такъ дѣйствительно назывался Харазскій или Хивинскій Султанъ Магометъ, побѣжденный Чингисханомъ (см. Т. III, стр. 225). Сей путешественникъ также ясно означаетъ предѣлы Харазской Имперіи, сказывая, что она граничила на Югъ съ Іерусалимомъ и Багдадомъ. Отъ имени Бесерменовъ, которые были Магометанской Вѣры, произошло испорченное Русское названіе Бусурмановъ или невѣрныхъ.

(52) См. сей Исторіи Т. III. примѣч. 285.

(53) Карпинъ цѣнитъ конскій приборъ каждаго въ 20 марокъ или 10 фунтовъ серебра. См. въ Дюканж. Gloss. med. et infim. Latin. о значеніи имени purpura alba.

(54) Мы не знаемъ содержанія Гаюкова письма; но въ то же время Воевода его, Байотной, покоривъ часть Персіи, отвѣтствовалъ Папѣ чрезъ Монаха Асцелина (см. въ Бержерон. собраніи Voyage d' Asselin. стр. 79) слѣдующимъ образомъ: „Со„гласно съ божественнымъ повелѣніемъ Великаго Хана пишетъ „Байотной. Знай, Папа, что послы твои у насъ были и вручили „намъ письмо. Они говорили странныя рѣчи: по твоему ли при„казанію или отъ себя? Въ письмѣ сказано, что мы истребляемъ „людей; но такъ вѣщаетъ Богъ: покорися всесильному, „да обитаешь мирно на своей землѣ и водѣ наслѣд„ственной, или да умретъ ослушникъ! Мы говоримъ те„бѣ сіи же слова: ежели хочешь обитать на своей землѣ и водѣ „наслѣдственной, то самолично явися къ намъ, или будетъ съ „тобою, Папою, что извѣстно Богу единому.“

(55) См. Райнальд. Ann. Eccles. T. XIII, стр. 617 — 630. Тамъ напечатаны письма Иннокентіевы къ Даніилу, къ Россіянамъ вообще, и къ Архіепископу Прусскому, писанныя въ 1246 и 1247 году. Иннокентій пишетъ къ Даніилу (Райнальд. Ann. Eccl. XIII, 630, No 29): petitiones tuas, quantum cum Deo possumus, libenter ad gratiam exauditionis admittimus... Episcopis et aliis presbyteris de Russia, ut liceat eis more suo ex fermentato conficere et alios eorum ritus, qui fidei catholicae, quam Ecclesia Romana tenet, non obviant, observare auctoritate praesentium indulgemus. — Василько, братъ Даніиловъ, именуется

здѣсь Королемъ Владимірскимъ (Wasilco, Rex Laudemeriae.) Яблоновскій въ своихъ родословныхъ (Tabulae Iablonovianae) называетъ Василькову супругу Княжною Заславскою. Иннокентій писалъ къ ней особенное письмо, и назначилъ какого-то Монаха Алексія съ товарищемъ его быть при Дворѣ Галицкаго Князя (Р йн. Annal Eccl XIII, 617); а Генрику, Архіепископу Прусскому, далъ власть принимать въ духовный санъ людей рожденныхъ отъ незаконнаго брака, только бы не отъ кровосмѣшенія и прелюбодѣянія (dummodo non sint de adulterino vel incestuoso coitu procreati).

(56) Въ Волынск. Лѣт.: „Тогда" (по Ипат. въ 1254 году) „въ Краковѣ бѣша послы Папины, носяще благословеніе отъ „Папы и вѣнецъ и санъ Королевьства, хотяще видѣти Князя „Данила" (который, ходивъ въ Шлезію съ Болеславомъ, на возвратномъ пути остановился въ Краковѣ: см. ниже, примѣч. 101). „Онъ же рече имъ: не подобаетъ ми видѣти ся съ вами въ чюжей земли.... Въ то жь время" (въ 1255 г. по Ипат.) „присла „Папа послы честныя, носяще вѣнецъ и скыпетръ и корону, „еже наречется Королевскый санъ, рекый: сыну! пріими отъ „насъ вѣнецъ Королевства. Древле (прежде) бо то прислалъ къ „нему Епископа Береньского и Каменецького, рече ему: пріими „вѣнецъ Королевства. Онъ же въ то время не пріялъ бѣ, рече: „рать Татарская не перестаетъ злѣ живущи съ нами: то како могу пріяти вѣнецъ безъ помощи твоея?... „Описа же" (у Длугоша Opiso, Legatus Apostolicus) „пріиде вѣнецъ „нося, обѣщеваяся, яко помощь имѣти отъ Папы. Оному же одинако не хотящю, убѣди его мати его и Болеславъ (Краковскій) „и Семовитъ (Мазовскій), и Бояре Лядстіи, рекуще, дабы пріялъ „вѣнецъ, а мы ему на помощь противъ поганымъ. Онъ же вѣнецъ отъ Бога прія, отъ Церкве Св. Апостолъ и отъ стола „Св. Петра и отца своего Папы Никентія, и отъ всѣхъ Епископовъ своихъ. Никентій бо клянеше тѣхъ, хулящимъ Вѣру „Греческую правовѣрную, и хотящю ему сборъ створити о „правовѣріи, о соединеніи Церкви. Данило же прія вѣнецъ въ городѣ Дорогичинѣ, идущю ему на войну Ятвяжску съ сыномъ „Львомъ и съ Сомовитомъ Княземъ Лядскымъ; братъ бо ему „вѣротпися, бѣ бо язва ему на нозѣ." Длугошь полагаетъ коронованіе Даніила въ 1246 году. Иннокентій въ грамотѣ 1247 года уже дѣйствительно называетъ его Королемъ; но въ лѣтописи Волынской именно означено, что Даніилъ принялъ вѣнецъ послѣ войны Богемской. слѣдственно въ 1253 или въ 1254 году (см. Длугош. Hist. Pol. кн. VII, 734, и Прая Ann. R. Hung. IV, 294). Вѣроятно, что Иннокентій, въ 1246 году назвавъ Даніила Королемъ,

предлагалъ ему діадиму, но что сей Князь, тогда отвергнувъ ее принялъ оную черезъ шесть или семь лѣтъ — Длугошъ говоритъ, что Духовенство Польское не одобряло сего коронованія, сомнѣваясь въ искренности Даніиловой.

Даніилъ нѣсколько разъ дружился и ссорился съ Папою. Въ 1249 году онъ выгналъ Епископа Альберта, коего Иннокентій прислалъ быть главою нашего Духовенства въ южной Россіи (см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1249, No 15). Въ 1252 году Король Венгерскій опять примирилъ Даніила съ Римомъ, такъ, что сей Князь отправилъ посольство къ Папѣ (см. Энгел. Gesch. von Habtsch, стр. 570).

(57) См. Райнальд. Annal. Eccles. XIII, 696. Сія грамота писана въ 1253 году.

(58) См. Райнальд. Annal. Eccl. XIV, годъ 1257, No 26, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 779. Александръ IV въ концѣ письма говоритъ: *Venerabilibus fratribus nostris Olomucensi et Wratislaviensi Episcopis literis praesentibus iniungimus, ut te ad id per censuram Ecclesiasticam, appellatione remota, compellant, invocato nihilominus contra te auxilio brachii secularis.*

(59) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 705, говоритъ о Даніилѣ: qui pro ea tempestate divitiis, terris, gentibus, factivitate et industria pollens.

(60) Но Рубруквисъ сказываетъ, что жены ихъ были весьма толсты.

(61) Такъ пишетъ Рубруквисъ, въ Бержерон. изд. стр. 14. Головной женскій уборъ назывался Бошта, состоялъ большею частію изъ коры древесной, покрываемой тафтою или иною богатою тканію, и походилъ на высокую пирамиду, украшенную вверху серебряными или золотыми прутиками и павлиными перьями. „Смотря издали на толпу Могольскихъ всадницъ" — говоритъ Рубруквисъ — „иностранецъ вообразитъ, что на голо„вахъ у нихъ шлемы, а въ рукахъ поднятыя вверхъ копья."

(62) Карпинъ пишетъ: *André, Duc de Sarvogle en Russie.* Имя города кажется испорченнымъ; но сей Андрей долженъ быть сыномъ Мстислава Кіевскаго, умерщвленнаго Татарами на Калкѣ: ибо въ одной Синодальной лѣтописи (No 52, л. 48) сказано: „въ „лѣто 6753 (1245) Царь Батый уби Князя Андрея Мьстиславича."

(63) Карпинъ пишетъ: Ce frère protesta qu' il aimoit mieux mourir que de faire rien contre sa loi; toutefois Bathy la lui fit prendre par force. et les firent coucher tous deux en un lit avec un enfant qui crioit et pleuroit, les forçant ainsi tous deux de se mêler ensemble

(64) См. Рубрукв. Voyage, стр. 122.

(65) Карпинъ пишетъ (стр. 56), что сей звѣрокъ, называе-

мый въ Россіи и Польшѣ Dochou (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 272), а въ Германіи Ilic, имѣетъ черноватую кожу и живетъ въ землѣ. Въ Нижней Саксоніи донынѣ называютъ хорька Илликъ (см. Учен. Москов. Вѣдомости, г. 1806, No 1), а въ другихъ Нѣмецкихъ земляхъ Istik.

(66) Сіи-то Россіяне, жившіе въ степяхъ Половецкихъ какъ дикари, назывались думаю, Бродниками, о коихъ со XII вѣка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ (см. нашеи Исторіи Т. II примѣч. 302). — Не знаемъ, которой изъ сыновей Ярославовыхъ жилъ въ Ордѣ.

(67) Абульгази сказываетъ только, что Октай умеръ внезапно; но повѣствованіе современнаго Карпина достойно уваженія. Одна изъ придворныхъ женщинъ была казнена, по доносу, что она дала ядъ сему Хану (Карп. Voyage, стр. 21.).

Здѣсь Монахъ Карпинъ учитъ Государей Европейскихъ, какъ надобно воевать съ Татарами, и наконецъ въ исходѣ своего повѣствованія ссылается на свидѣтельство Князей Россійскихъ, Даніила Галицкаго, Романа (вѣроятно, сына Михаилова, Князя Черниговскаго и Брянскаго по нашимъ Родословнымъ Книгамъ), встрѣтившагося ему на пути въ Орду — какого-то Іонелла и Аловы, также Кіевскаго градоначальника Монгрота, слугъ Ярославовыхъ, и на безъименнаго Суздальца, который переводилъ Хану слова Карпиновы, и проч.

(68) О сихъ Готѳахъ, обитавшихъ въ Тавридѣ съ III вѣка, см. въ нашей Исторіи Т. I, примѣч. 68. Слѣды ихъ сохранились тамъ до XVI вѣка. Бусбекъ (см. въ его Epist. стр. 321, письмо отъ 16 Дек. 1562 году) разговаривая съ послами Хана Крымскаго, замѣтилъ между ими человѣка съ голубыми глазами, бѣлокураго и совсѣмъ не похожаго на Татаръ. Сей человѣкъ сказывалъ, что онъ инаго народу, живущаго въ горахъ Тавриды, и хотя, вышедши оттуда весьма давно, забылъ языкъ свой, но помнитъ еще нѣкоторыя слова. Бусбекъ написалъ сіи слова: всѣ они древняго Готѳскаго языка, извѣстнаго намъ по Улфилову Готѳскому переводу Нов. Завѣта (см. Mémoire sur les Cimmériens par Fréret, г. 1746 — 1748 въ Mém. de l' Acad. des Inscr.)

(69) Мокшане, какъ извѣстно, составляютъ особенное племя Мордвы: Рубруквисъ называетъ первыхъ Moxel, а вторыхъ Merdas, сказывая, что послѣдніе были закона Могометанскаго.

(70) См. Рубрукв. Voyage, стр. 40. Сей путешественникъ нашелъ на берегу Волги новый, построенный Татарами домъ, гдѣ они жили вмѣстѣ съ Россіянами, перевозя черезъ рѣку пословъ, ѣдущихъ въ станъ Батыевъ.

(71) Рубруквисъ пишетъ, что Мангу-Ханъ, человѣкъ средня-

го росту и лѣтъ сорока-пяти, сидѣлъ на тронѣ въ богатой шубѣ, которая имѣла лоскъ тюленьей кожи; что у него былъ носъ приплюснутый, и проч.

(72) Рубр. Voyage, стр. 74, 99, 105, 119.

(73) См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 112.

(74) Рубруквисъ ѣхалъ изъ Татаріи до Волги около трехъ мѣсяцевъ, не видавъ ничего — ни города, ни селенія — кромѣ одной бѣдной деревни и кладбищъ.

Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитренной городокъ: см. Путешествіе Палласа, Ч. III, полов. II, стр. 143. Въ Никон. Лѣт. VII, 210: „Та большая Орда имъ (Іоанномъ III) „порушилась, и почали Цари Ординскіе жить въ Асторохани, а „большая Орда опустѣла, а мѣсто ея области близъ Астороха„ни, два днища по Волгѣ вверхъ, именуется: Сараи боль„шіе.“ Въ Больш. Чертежѣ, стр. 233: „А по рѣкѣ по Ахту„бѣ на 90 (старинныхъ) верстъ отъ Царицына Золотая Орда, „мечети каменные.“ Тамъ видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколько обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выкладены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ, прекрасныхъ плитъ съ муравлеными украшеніями; примѣтны также остатки готической штукатуры.

(75) Рубруквисъ пишетъ, что Сумеркентъ былъ на среднемъ протокѣ Волги, близъ Сарая. — Онъ называетъ Сарацинами вообще всѣхъ людей Магометанской Вѣры.

(76) Рубр. V. стр. 29 и 91. См. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 524.

(77) Рубруквисъ пишетъ Samaron, вмѣсто Шибранъ. — Отъ имени Баку, Могольскаго Воеводы, произошло названіе города Баку.

(78) Въ Никон.: „Князя Александра Ярославича, и Князя „Андрея, и Констянтина, и Аѳанасія, и Данила, и Михаила, и „Ярослава, и Василія.“ Но у Вел. Князя Ярослава Всеволодича въ 1239 году было только 6 сыновей (см. выше, примѣч. 1). Седмой сынъ Василій родился въ 1241 (см. выше, примѣч. 38). Аѳанасіемъ назывался, думаю, Ярославъ. Въ Родословныхъ сказано, что отецъ далъ Андрею Суздаль, Нижній Новгородъ и Городецъ. Констянтинъ княжилъ въ Галичѣ Костромскомъ, а Ярославъ въ Твери.

(79) Въ современномъ описаніи подвиговъ Невскаго: „Князь „же Александръ пріиде въ Володимерь по умертвіи отца своего „въ силѣ велицѣ, и бысть грозенъ пріѣздъ его, и промчеся „вѣсть его и до устья Волгы, и начаша жены Моавитьскыя „(Могольскія) полошати (стращать) дѣти своя, ркуще: Алек„сандръ ѣдетъ!“

(80) „Батый же почтивъ я и посла къ Каневичемъ.“

(81) См. Voyage de Rubruquis въ Бержерон. изданіи стр. 134. О караванахъ древнихъ см. нашей Исторіи Т. I, стр. 8.

(82) Сія рѣка истекаетъ въ Смоленской Губерніи. Въ Ростовск. Лѣт. и другихъ названъ здѣсь Михаилъ Московскимъ. Татищевъ пишетъ, что Александръ спорилъ съ Михаиломъ о Великомъ Княженіи, и ѣздилъ съ нимъ судиться въ Орду.

По Лѣт. Псков. около сего же времени (въ 1247 году, Іюля 3) Литовцы разбили Псковитянъ на Кудепи.

(83) Въ лѣтописи сказано, что Батый приказалъ Кіевъ и всю Русскую землю (т. е. южную) Александру.

„Тое же осени (въ 1250) поѣха Святославъ Всеволодичь и „съ сыномъ въ Татары. — Въ то жь лѣто (въ 1253, Февр. 3) „преставися К. Святославъ Всеволодичь.“ Онъ погребенъ въ Юрьевскомъ готическомъ Соборѣ; тамъ, въ придѣлѣ, лежатъ подъ спудомъ и мощи сына его, Димитрія. Сіи два Князя названы Святыми въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Святцахъ.

(84) „Поѣха (въ 1249 г.) Князь Глѣбъ Василковичь въ Та„тары къ Сартаку. Сартакъ же почтивъ его, отпусти въ свою „вотчину... Поѣха (въ 1250) Князь Борисъ къ Сартаку, и проч... „Того жь лѣта (1251) поѣха Глѣбъ на Бѣлоозеро въ свою отчину. „Тое же зимы бысть мирно.“ — Абульгази пишетъ, что у Батыя отнялись тогда ноги, и что онъ умеръ въ Волжской столицѣ своей Кокордѣ (Hist. des Tat. стр. 451) или въ Сараѣ, по лѣтосчисленію Дегинову въ 1255 году. Монахъ Рубруквисъ видѣлъ Батыя въ 1253 или 1254 году. Симъ опровергается сказка, внесенная въ нѣкоторыя изъ нашихъ лѣтописей, о мнимомъ убіеніи сего Хана въ Венгріи около 1247 года. Сочинитель баснословитъ такимъ образомъ: „Достиже Батый до Великаго града „Варадина (или Вардеина): той бо среди земли Угорьской ле„житъ, древесъ мало имущи, но много овощія и вина; градъ же „весь водами обведенъ; среди же града столпъ стоя зѣло превы„сокъ, елико удивлятись зрящимъ нань. Бѣ же тогда Самодръ„жецъ тоя земли Краль Власловъ, Угромъ же и Чехомъ и „Нѣмцемъ и всему Поморью даже и до Великаго моря. Бѣху же „Угри первое православни, крещеніе отъ Грековъ пріемше, но „не поспѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложити, Рим„ляномъ же близъ сущимъ, приложиша ихъ своей ереси. И Вла„словъ той Римской Церкви повинуяся, донде же пріиде къ „нему Св. Савва Сербьскій Архіепископъ, и сему паки товво„ряетъ приступити къ Вѣрѣ Гречестѣй. не явленно, но тай, „бояше бо ся востанія Угровъ. Пребысть же Савва мѣсяць 5,

,,отходить во своясн, единаго Священника оставивъ у него. ,,Окаянный же Царь Батый пришедъ въ землю, грады разрушая. ,,Той же Самодръжець Власловъ, его же Св. Савва именова ,,Владиславъ, видѣвъ Божій гнѣвъ, плакаше, не имы, что со-,,творить; на многы же дни пребысть ни хлѣба, ни воды вку-,,шая, но пребываше на предреченнѣмъ столпѣ. Сестра же его ,,бѣжащи къ нему во градъ: тыя же варвари достигше ю плѣ-,,ниша и къ Батыю отведоша... Краль же Владиславъ начатъ ,,Бога молити, слезамъ же текущимъ отъ очію его, и еже аще ,,падаху на мраморіе оно, проходяху насквозѣ, еже есть и до ,,сего дне знаменіе то видѣти на мраморіехъ, и отъ сего знаша ,,помощи Божіей быти. Ста же нѣкто предъ Кралемъ, и рече ,,ему: даетъ ти Господь побѣдити Царя злочести-,,ваго. Нача же смотрити лице глаголющаго, и не видѣша его. ,,Тому же (Королю) исшедшу изъ столпа, видѣша конь осѣдланъ ,,никимъ же дръжимъ, и сѣкира на сѣдлѣ. И тако Самодръжецъ ,,всѣдъ на коня и изыде на противныхъ; и абіе страхъ нападе ,,на нихъ, и на бѣжаніе стремишася. Онъ же во слѣдъ женуще, ,,множество варваръ погубише... Батыю же ко Угорьскимъ пла-,,нинамъ (горамъ) бѣжащу, злѣ житію конецъ пріемлетъ отъ ,,руки Владислава. Глаголютъ же тамо живущіи человѣци, яко ,,сестра Владислава, тогды бѣжащи съ Батыемъ, и бысть во-,,внѣгда сплестись Владиславу съ Батыемъ, тогда сестра его ,,помогаше Батыю, ихъ же Краль обою погуби.... Сотворенъ же ,,бысть мѣднымъ сліяніемъ Краль на кони сѣдя и сѣкиру въ руцѣ ,,дръжа, ею же Батыя уби, и водруженъ на томъ столпѣ въ ,,память и до сего дне." Сколько ошибокъ! въ Венгріи царство-валъ тогда не Владиславъ, а Бела IV. Сочинитель говоритъ здѣсь о Владиславѣ Святомъ, умершемъ въ концѣ XI вѣка; а Св. Савва жилъ гораздо послѣ (см. Раича Исторію Славянск. народовъ, Ч. II, стр. 339 и слѣд.). Батый взялъ Варадинъ въ 1241 году (см. Прая Annal. R. H. кн. IV, стр. 266), а Бела разбилъ Моголовъ въ 1260, когда уже Батыя не было на свѣтѣ. Лѣт. Никонов. говоритъ, что сей Ханъ въ 1247 году снова ра-зорилъ Венгрію и прислалъ къ Сартаку многихъ знатныхъ плѣн-никовъ; что Воевода его Бердебекъ положилъ тамъ свою голову, а въ слѣдующемъ году и самъ Батый.

(85) См. Райнальдъ. Annal Ecclec. T. XIII, стр. 651. Иннокен-тій писалъ къ Александру (Nobili viro Alexandro, Duci Susdaliensi) отъ 10 Февр. 1248 году изъ Ліона. — Въ современномъ описаніи житія или подвиговъ Александра: ,,нѣкогда же пріидоша къ ,,нему послы отъ Папы изъ Великого Рима, ркуще: Папа нашъ ,,тако глаголетъ: слышахомъ тя Князя честна и дивна, и зем-

,,ля твоя велика; сего ради прислахомъ къ тобѣ отъ двою на-
,,десять Кординалу два хытрѣйша, Галда (или Галдада) и Ге-
,,монита, да послушаеши ученія ихъ." — Папа говоритъ: Joanne
,,de Plano Carpino, ad gentem Tartaricam destinato, referente didicimus,
,,idem pater tuus novum hominem affectans induere, de consicientia cuius-
,,dam militis consiliarii sui, и проч. Здѣсь Папа дѣйствительно име-
нуетъ себя земнымъ Намѣстникомъ Бога: Deus, cuius vices licet
immeriti obtinemus in terris. — Въ житіи Александра: ,,Князь же
,,здумавъ съ мудреци своими, въписа къ нему и рече: отъ Адама
,,до потопа, отъ потопа до раздѣленія языкъ, начала Авраамля
,,и проитія Израиля сквозѣ море, до умертвія Давида Царя —
,,отъ начала царства Соломоня до Августа и до Христова Рожде-
,,ства, страсти, воскресенія, на небеса восшествія и царства
,,Констаитинова, — отъ начала онаго до перваго Збора (Собора)
,,и седмаго — си вся добрѣ вѣдаемь, а отъ васъ ученія не прі-
,,емлемь."

(86) Митрополитъ Кириллъ пріѣхалъ въ Владиміръ осенью въ 1250 году; а въ Никонов. Лѣт. прибавлено: ,,иде изъ Кіева ,,въ Черниговъ, таже въ Рязань, таже въ Суздальскую землю, ,,и срѣтоша его Князи и Бояре съ великою честію." Въ современныхъ лѣтописяхъ: ,,поѣха Митрополитъ въ Новгородъ Великый ко Александру съ Епископомъ Кирилломъ (Ростовскимъ), ,,и поставиша блаженнаго Далмата Епископомъ Маія въ 25." Татищевъ пишетъ, что Александръ хотѣлъ тогда ѣхать въ Кіевъ, но что Новогородцы, боясь Татаръ удержали его. — Въ Новгород. Лѣт: ,,Найдоша дъждеве (въ 1251 г.) и поимаша ,,вси рли (поля, пашню) и обилія и сѣна, и мостъ снесе вода на ,,Волховѣ великый, и на осень би морозъ обилье, но останокъ ,,избыйся.. . Погорѣ (въ 1252 г.) Славно отъ Св. Ильи до Нутной ,,улици." — Въ Степен. Кн. I, 356: ,,издавая (Александръ) на ,,плѣнникахъ много злата и сребра, посылая къ Царю Батыю ,,во Орду за плѣненныхъ Русскія люди, ихъ же избавляя отъ лю-,,тыя работы."

(87) См. Торфеев. Hist. Norveg. IV, 265. Норвежскіе и Русскіе Лапландцы тогда взаимно грабили другъ друга. Въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано: legati Regis Holmgardi, seu Russiae, Alexandri—то есть, послы Гольмгардскаго или Россійскаго Государя, Александра.

Далинъ пишетъ, что Гаконъ учтивымъ образомъ отказалъ Александру, не желая выдать дочери за данника Моголовъ; но въ лѣтописяхъ Норвежскихъ сказано, что набѣги Моголовъ на Россію помѣшали тогда заключенію брачнаго договора. Слова Торфеевы: caeterum ea tempestate Russi ab incursantibus Tartaris admodum infestabantur: id vero obstabat, quominus pacta illa de nuptiis con

venient. Сіе было въ 1252 году, когда Татары, озлобленные Андреемъ Суздальскимъ (см. ниже), вступили какъ непріятели въ Великое Княженіе. Вѣроятно, что Александръ зналъ о томъ поѣхавъ въ Орду: ибо онъ возвратился оттуда уже послѣ Андреева бѣгства, и съ именемъ Великаго Князя.

(88) „Тое же зимы (въ 1250 году) оженися Князь Ярославичь „Андрей Даниловнею Романовича и вѣнча его Митрополитъ въ „Володимерѣ у Св. Богородицы съ Епископомъ Кириломъ, и бысть „веселіе много.“ См. Степен. Кн. I, 367. Въ Пушкин. „Въ „то жь лѣто (1252) вздума Андрей Князь съ своими Бояры бѣ„гати, нежели Царемъ служити, и побѣже на невѣдому землю.“ Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: „Посемъ же разгнѣвася „Царь Батый на Андрея, и посла Воеводу своего, Неврюя:“ Въ Воскресен.: „Пріиде Неврюй и Котья и Олабуга храбрый на „землю Суздальскую со многыми вои на Вел. Кн. Андрея; бысть „же въ канунъ Борису дни, Татарове подъ Володимеромъ бро„дишася Клязму, и поидоша къ Переяславлю таящеся. На утріе „же срѣте ихъ Князь Великый Андрей со своими полкы и сра„зишася — и Христіане побѣждени быша, а Кн. Андрей едва „убѣже,“ и прочее, какъ мы говоримъ въ Исторіи. Въ Никонов. Лѣт. прибавлено, что Андрей, свѣдавъ о нашествіи Неврюя Царевича, сказалъ: „Господи! что се есть? Доколѣ намъ „межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ?“ —Кн. Щербатовъ догадывался, что Моголы опасались родственной Андреевой связи съ Даніиломъ Галицкимъ, будто бы непокорнымъ Хану; но Даніилъ, какъ мы видѣли, ѣздилъ въ Орду и даже воевалъ за Татаръ, какъ увидимъ послѣ. — По вымыслу же Татищева, Александръ донесъ Хану, что меньшій его братъ Андрей, присвоивъ себѣ Великое Княженіе, обманываетъ Моголовъ, даетъ имъ только часть дани и проч.

(89) „Убиша ту Воеводу Жидислава и Княгиню Ярославлю, „а дѣти Ярославли въ полонъ поведоша.“ О супругахъ Ярослава Ярославича см. ниже, примѣч. 118. Далѣе: „Оставивъ (Андрей) „ту Княгиню, а самъ отупи за море во Свейскую землю. „Мештеръ же Свейскій срѣте его и пріи съ честію.“ Кого Лѣтописецъ именуетъ Мейстеромъ, не льзя угадать. Князь же Щербатовъ, вопреки сему ясному сказанію, пишетъ, что Андрей уѣхалъ въ Ливонію (вмѣсто Швеціи). — Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ историческихъ прибавлено объ Андреѣ: „послѣди жь на ра„ти убіенъ бысть отъ Нѣмецъ.“ Сіе извѣстіе ложно: увидимъ, что Андрей возвратился въ Россію и скончался въ Суздалѣ. Татищевъ прибавляетъ, что Александръ хотѣлъ дать ему Удѣлъ Суздальскій, но, боясь Хана, не смѣлъ того сдѣлать.

(90) „Въ лѣто 6766 (1258) преставися Князь Олегъ Рязанскій „Страстныя недѣли въ Среду въ Черньцѣхъ и въ Скимѣ, и поло- „женъ бысть у Св. Спаса Марта въ 20." См. Т. III, примѣч. 357. Татищевъ пишетъ, что съ Олегомъ возвратился изъ Орды Невородичь, внукъ Игоревъ. — Одинъ изъ моихъ пріятелей отдалъ въ Архивъ Иностранной Коллегіи грамоту, будто бы писанную симъ Олегомъ въ 1257 году на имя Ханскаго свойственника, Ивана Шаи, который выѣхалъ къ нему изъ Орды и крестился, бывъ по смерти Михаила Черниговскаго Намѣстникомъ Батыевымъ въ Черниговѣ. Но сія грамота есть подложная: 1) писана на бумагѣ; 2) слогомъ новымъ (вмѣсто лѣта сказано въ ней года, также Ингваревичь вмѣсто Ингваричь, и проч.); 3) восковая печать прилѣплена, а не привѣшена, какъ обыкновено въ старину дѣлали.

(91) „Воеваша Литва волость Новгородскую, и поимаша съ „полономъ и угониша ихъ Новгородци съ Кн. Васильемъ у То- „ропча — и побѣдиша я. Придоша Нѣмци подъ Пльсковъ и пож- „гоша посадъ, но самѣхъ много ихъ Пльсковичи биша; и поидо- „ша Новгородци полкомъ къ нимъ изъ Новагорода, и они побѣго- „ша проче, и пришедше Новгородци въ Новгородъ, и покрутив- „шеся (приготовившись) идоша за Нарову, и створиша волость „ихъ пусту; и Корела такоже много зла створиша волости ихъ. „Того жь лѣта идоша съ Пльсковичи воевать ихъ — и побѣди- „ша я", и проч.

(92) Въ Новогород. Лѣт.: „на зиму (въ 1253 году) выбѣ- „же Князь Ярославъ Ярославичь изъ Низовской (Суздальской) „земли, и посадиша его въ Пльсковѣ." Въ Пушкин.: „на зиму (въ 1254 году) „по Крещеніи Ярославъ, Князь Тферскый, съ свои- „ми Бояры поѣха въ Ладогу, оставя свою отчину. Ладожане поч- „тиша его достойною честью.... Здумаша Новгородци (въ 1255 „году) послаша Далмата Епископа къ Великому Князю Алексан- „дру съ грамотами яко о миру: оному же умедлившю, и вставь „Дьяволъ вражду, и бысть крамола въ Новѣгородѣ, и выгнаша „Василья Князя. Пріѣха Василіи въ Торжокъ; ту и дожда отца „своего. Князь же Великый съ Дмитріемъ Святославичемъ и съ „Бояры поидоша Новугороду." Въ Новогород. Лѣт.: „Выведо- „ша Новгородци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша „его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ.... Идущу Олександру „съ многыми полкы и съ Новоторжьци, срѣте его Ратишка съ „перевѣтомъ: поступай, Княже; братъ твой Ярославъ побѣглъ. „И поставиша Новгородци полкъ за Рожествомъ Христовымъ „въ Конци, а что пѣшца, а ти сташа отъ Св. Ильи противу „Городища. И рекоша меншіи у Св. Николы на Вѣчи: братьеци!

„како речетъ Князь, выдайте мои вороги? И цѣловаша Св. Бо-„городицю меншіи, како стати всѣмъ любо животъ, любо „смерть за правду Новгородскую..... Побѣжа Михалко изъ города „къ Св. Георгію, како было ему оттуду своимъ полкомъ урази-„ти нашю сторону и измясти люди. Увѣдавъ Онанья, хотя ему „добра, посла по немъ втайнѣ Якуна; и увѣдавше черныи люди, „погнаша по немъ (по Михайлѣ), и хотѣша на дворъ его; и не „да Онанья... не вѣдяше бо, аже о немъ мысль свѣщаша" (то есть, Михалко съ своими единомышленниками). — Александръ посылалъ въ Новгородъ чиновника своего, Бориса. Далѣе: „И взя-„ша миръ на всей воли Новгородской, и пойде Князь въ городъ, „и срѣте и Архіепископъ Далматъ съ кресты у Прикуповичь „дворъ." Въ Пушкин.: „посади (Александръ) сына своего Новѣ-„городѣ, а самъ поѣха отъ нихъ съ честью, миръ давъ имъ."

(93) „Пріидоша Свеи и Емь и Сумь и Дидманъ съ своею „волостью." Дидманомъ называли Латыши Великаго Маги-стра Ливонскаго. Далѣе: „Не вѣдяху, кдѣ Князь идетъ; друзіи „творяху, яко на Чудь идетъ.... И бысть золъ путь, акы же не „видали ни дни, ни ночи, и многымъ шестникомъ бысть пагуба, „а Новгородцевъ Богъ сблюде." Никон. Лѣт. говоритъ, что Александръ ходилъ въ Шведскую землю и на Чудь, чрезъ такія мѣста, гдѣ вѣчная тма царствуетъ. Въ Воскресен. Лѣт.: „проидоша горы непроходимыя и воева поморіе все." — См. Да-лин. Gesch. des Schw. R. II, 167. Биргеръ Ярль построилъ тогда въ Финляндіи крѣпость Тавастгузъ.

(94) „Князь пойде въ Низъ, поима послы Новгородьскыи, „Елевферья и Михайла Пинищинича, а сына своего, Василья, „посади на столѣ." См. выше, примѣч. 84, также Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 341. Въ лѣтописяхъ: „Поѣхаша Князи „(въ 1256 году) на Городецъ, да въ Новгородъ (Нижній). Княжь же „Борисъ (Васильковичь Ростовскій) поѣха въ Татары; а Олек-„сандръ Князь послалъ дары. Борисъ же, бывъ у Улавчія, дары „давъ, и пріѣха въ свою отчиву съ честью. — Поѣхаша (въ 1257 „году) Князи въ Татары, Александръ, Андрей, Борисъ; чтивше „Улавчія, пріѣхаша въ свою отчину. Тое жь зимы пріѣха Глѣбъ „Васильковичь изъ Кановы земли отъ Царя и оженися въ Ордѣ."

(95) См. *Voyage de Rubruquis*, въ Бержерон. изд. стр. 80.

(96) Въ 1258 году: „Чтивше Улавчія и вся Воеводы (Моголь-„скіе), отпущени быша въ свою отчину... Тое же зимы прі ха-„ша численици въ Володимерь, и поидоша численици и Князи къ „Новугороду Великому: Александръ, Андрей, Борисъ." — По Но-вогород. Лѣт., Татарскіе Численники пріѣхали въ Новгородъ еще въ 1257 году; „и пріиде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ

„Татарове тамгы (пошлины) и десятины. И смятошася люди „чрезъ все лѣто, и къ Госпожину дни умре Ананья Посадникъ, „а на зиму убиша Михалка Посадника Новгородци. Аще бы кто „добро другу чинилъ, то добро бы было; а копая подъ другомъ „яму, самъ ся въ ню ввалитъ. Той же зимы пріѣхаша послы Та„тарскыи съ Александромъ.“ Татищевъ пишетъ, что Василій Александровичь обезчестилъ Могольскихъ Численниковъ въ Новѣгородѣ.

(97) Главный изъ виновныхъ Бояръ былъ какой-то Александръ. Лѣтописецъ прибавляетъ: „всякъ бо злый злѣ да погыб„нетъ!.. Той же зимы даша Посадничьство Михаилу Ѳедорови„чю, выведше изъ Ладогы, а Тысячьское Жироху даша.“

(98) „Той же зимы пріѣха Михайло Пинещиничь“ (см. выше, примѣч. 94) „изъ Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: „аще не имешеся по число“ (не согласитесь на перепись всѣхъ людей) „то уже полкы на Низовьской земли.“

(99) „Умыслиша свѣтъ золъ, како ударити на городъ на „ону сторону, а друзіи озеромъ на сю сторону, и взбрани имъ „видимо сила Христова, и убоявшеся,“ и проч..... „И бысть за„утра, съѣха Князь съ Городища, и Татарове съ нимъ.“ Далѣе о Боярахъ: „Творяху бо собѣ легко, а меншимъ зло.“ — Нигдѣ не упоминается о томъ, чтобы Ханъ держалъ Баскаковъ въ Новѣгородѣ.

(100) Въ Пушкин.: „Александра же удержаша Ноугород„ци и чтиша много. Пріѣха изъ Новагорода Александръ къ Св. „Богородицѣ въ Ростовъ въ Среду Страстныя недѣли, и цѣлова „крестъ честный, и кланяся Епископу Кирилу: отче святый! „твоею молитвою и тамо въ Новгородъ ѣхалъ есмь здоровъ, и „сѣмо пріѣхалъ есмь здоровъ,“ и проч.

(101) Въ Волынск. Лѣт.: „въ та жь лѣта“ (по Ипат. въ 1252) „присла Король Угорскый къ Данилу, прося его на по„мощь... и приде къ Пожгу. Бѣ бо Царь (Императоръ Нѣмецкій) „одержалъ одинъ землю Ракушьску и Штирску: Герцюкъ бо уже „убіенъ бысть. Пришли бо бяху послы Нѣмецкіе къ нему (Коро„лю); бѣ бо имена посломъ: Воевода Царевъ и Бискупъ Жалоть„Пурскій, рекомый Солскій, и Гарихъ Пурунскій и Ота Гарети„никъ Пѣтовскій. Възъѣха же Король съ ними противу Князю „Данилу. Данило же пріиде къ нему исполчивъ вся люди своя. „Нѣмци же дивящася оружію Татарскому; бѣша бо кони въ „личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ и людіе въ ярыцѣхъ, и бѣ „полковъ его свѣтлость велика; самъ же ѣха подлѣ Короля по „обычаю Рускому. Бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ и „сѣдло отъ злата жьжена, и стрѣлы и сабля златомъ украше-

„на и иными хитростьми; кожухъ же о л о в и р а Грецкого и „круживы златыми плоскыми ошиты, и сапози зеленого хьза, „шиты золотомъ. Нѣмцемъ же дивящимся, рече ему Король: не „взялъ быхъ тысячи сребра за то, иже еси пришелъ обычаемъ „Рускымъ отцевъ своихъ. И просися у него въ станъ, зане зной „бѣ великъ; онъ же ятъ его за руку и веде въ полату свою и „самъ съвлачаше его и вблачаше въ порты своя.“ Далѣе, по Ипатьев. въ 1254 году: „Король же Угорскый посла къ Данилови, рекый: „пошли ми сына Романа, да вѣдамъ зань с е с т р у Герцикову и „вдамъ ему землю Нѣмецкую. И ѣха въ Нѣмцы съ Романомъ, и „да сестру Герцикову за Романа, и сътвори обѣтъ, его же за „множество весь не писахомъ.“ Жена Романова была не с е с т р а, а д о ч ь Герцогова (см. Прая, Annal. Reg. Hung. кн. IV, стр. 285 и 288) или, по другимъ извѣстіямъ, племянница, Bruderstochter (см. Гебгарди Gesch. des R. Hung.). — Далѣе въ В о л ы н с к. Л ѣ т. (по Ипат. въ 1254 году): „Посла (Король Бела) къ Данилови, рекый: ужика ми и сватъ еси: помози мнѣ на Чехы. И убѣди его, „и пойде на Опаву (Троппау); самъ бо плѣняше землю Моравскую. „Данилъ же снемся съ Болеславомъ, мысляше, како пройти землю „Опавскую. Болеславу же яко не хотящю; жена же его помогаше „Данилови словесы: бѣ бо дъщи Короля Угорскаго, именемъ Кынь„ка. Данилови же хотящю ово Короля ради, ово же славы хотя; „не бѣ бо въ земли Рустѣй првѣе, иже бѣ воевалъ землю Чес„кую, ни Святославъ хоробрый, ни Вълодимеръ Св.... Поемъ же „Льва и помощь отъ брата Василька, Тысяцкого Гюргя, снем„шеся съ Болеславомъ, пойде съ Кракова; пріидоша на рѣку Одру „къ городу Козлій, и пріѣха Вълодиславъ, сынъ Казимеровъ Лѣс„коногого Межкы, и поемъ конникы и пѣшци, и пріидоша къ рѣцѣ „Псинѣ; и сътвори съвѣтъ Данило и Левъ съ Вълодиславомъ, куда „бы воевати; онъ же не исповѣда правды, и дасть вожъ (вождя) „на льсти. Посла же Князь Данило Льва и Тевтивила и Едиви„дая Дворского; самъ же оста въ малѣ съ старыми Бояры, съ „Гюргемъ Тысяцкымъ. Левъ же иде воева, и видѣ, яко лжутъ „вожеве, и не слуша ихъ, иде въ горы лѣсныя, и възя полонъ „великъ. Идущю же Данилу съ Болеславомъ къ Опавѣ, посла въ „сторожи Ляхы своя. Выѣхалъ же Андрей изъ Опавы съ Чехы, „и одолѣ Андрей: мало бо бѣ Ляховъ. И вниде велій страхъ въ „Ляхы. Пріѣхавъ же Данило, рече имъ: н е в ѣ с т е л и, яко „в о й н а б е з ъ п а д ш и х ъ н е б ы в а е т ъ? Н а м у ж и р а т н ы я „п р и ш л и е с т е, а н е н а ж е н ы... И н і и д о м а у м и р а ю т ъ „б е з ъ с л а в ы.... И пойде къ Опавѣ... Рече же Володиславу: мнѣ „еси учинилъ неправду, а себе погубилъ; аще бы Левъ и людіе „мои здѣ были, то уразъ велій быша земли сей учинили, и

„градъ пріяшъ бы былъ... Аще вы идеше прочь, азъ хощю ся „оспаши въ малѣ дружинѣ. Послышавъ же Болеславъ, и Ляхове „сташа ниже града на Опавѣ: не смѣша бо ся отлучиши опъ „него. Того же вечера пріиде Левъ съ вои имый плѣнъ великъ „съ собою, и сшворища съвѣшъ, да наушріе обойдушь и пож-„гушь вся внѣшняя храмы и ограды и гумна... Сътвориша шако. „Болеславъ же оспася на горахъ. Володиславъ же иде, и при-„шедъ къ врашомъ прьвымъ, пожгоша, и пріидоша на другая „врата, и выѣхаша Чехове, и нѣколико ихъ убиша, а другія „выгнаша. Бенешъ же стоящ предъ врашы съ хоругковью, и „около другыхъ врашъ пожгоша. Пришедщимъ же къ трешіимъ „врашомъ, каза Данило съсѣдаши и жечи окрестная... Нѣмци „же побѣгоша, и нѣколико ихъ убиша въ врашѣхъ, и врашь не „зашвориша. Данило бо очима напрасно бо боля, и не видѣ быв-„шаго въ врашѣхъ; видѣ бо люди своя шекуща, обнажи мечь и „въгна я, и шѣмъ не пріа града... Болѣстію же унуженъ и упру-„дився, рече сынови: пожжи вся окрестная; азъ же пойду въ „колымогъ свой, рекше въ станъ: бѣ бо всю войну боленъ, и „мнозіи нудяху его възрошишися; онъ же не створи шого. На-„ушріе же пойде вверхъ Опавы, и ста близъ города рекомаго „Насилья, слышавъ, яко Русь и Ляхове яшы сушь въ градѣ „шомъ... Веземъ градъ и спусши колодникы и посшави хоругвь „свою въ градѣ, и обличи побѣду, а самѣхъ помилова. Опъѣхавъ „же ста на веси Нѣмецкой. Слышавъ же, яко Бенешъ ѣхалъ „есшь въ Глубычичи, наушріе съ Болеславомъ поиде къ Глубо-„чичемъ. Пославъ же Вълодиславъ пожже вся окрестная веси... „Хошяху взяши градъ примешомъ; вѣтру же напрасно вѣющю „на градъ, а градъ же елиною сътворенъ бысть, и греблю „малу видяще, искаху вои древа и соломы, шшо бы прив ещи „къ граду, и не обрѣшоша: вся бо бѣ пожеглъ Вълодиславъ ближ-„няя веси; и шѣмъ не зажженъ бѣ градъ. Того же вечера ду-„маху, камо идемъ, или къ Особолозѣ, или на Герборша, или „възрашимся въ домы. Герборшъ же присла Данилови мечь и „покореніе свое. И сгадавше Данило и Болеславъ и Левъ, яко „всю землю поплѣнили есмы, наушріе же възврашився въ свояси, „и прейде рѣку Одру, и пройде землю Вълодиславлю... Тогда въ „Краковѣ бѣша послы Папины“ (см. выше, примѣч. 56...) „И „пройде землю Судомирскую, и пріиде въ Хълмъ съ чесшію и „славою.

О судьбѣ Романа Даніиловича въ Австріи сказано въ Волынск. Лѣт. шакъ: „Яко и преже рекохомъ, сътвори Король „великъ обѣтъ и не исправи его къ Романови. Оставилъ же въ „городѣ Инеперцѣ“ (Юденбургѣ, а не Инпрукѣ: см. Прая

Ann. Reg. Hung. кн. IV, 291) „и отъиде прочь; обѣщався ему и не „помогаше: лесть бо имяше, хотя городовъ его; бѣ бо клялся къ „Романови и къ Княгыни его, яко добывше ему земли Нѣмец-„кое, дати ему всю Романови. Княгыни же вѣдущи норовь его, „твердяшеть его крестомъ, и николи же не бысть на помощь „ему, приходящю нань Герцикови“ (Оттокару Богемскому). „Въ одно же время прiѣхавшю ему (Оттокару) съ великою си-„лою, и бившимся имъ, и ставъ предъ городомъ, и не може „взяти, и глаголаше ему ласканiемъ: остави Короля Угорскаго, „яко ужика ми еси и своякъ“ (Оттокаръ былъ супругомъ Мар-гариты, сестры Герцога Австрiйскаго, Фридерика). „Земля „Нѣмецкая раздѣлена будетъ съ тобою. Рикоъ (Rex) „ти Угорскiи, рекше Король, много обѣщеваеть, но „не исправитъ. Азъ же глаголю правду и поставлю „ти послуха отца си Папу и 12 Епископа. Оному же „(Роману) рекшю правдою: обѣщахся отцу, Королеви Угор-„скому; не могу послушати тебе; грѣхъ неиспол-„нити обѣта.... Король же не посла ему помощи... Обѣщева „же ему дати иныя городы въ земли Угорской. Княгиня же ра-„зумѣвши лесть его, рече, яко сына“ (отъ перваго ея мужа) „ми поима къ дщери, держитъ его въ тали, а нынѣ горо-„довъ нашихъ хощешь, а мы гладомъ измираемъ. Бѣ бо баба „ходяще и купяще крьмлю (пищу) потай въ градѣ Вѣднѣ и „приносяще; толикъ бо бѣ гладь, яко и конемъ хотящимъ имъ „ясти уже. Княгини же рекши: Княже! пойди къ отцу. Оному „же оступленому, не мощно бѣ ему выѣхати. Видя же доброту „его Веренгеръ, прирокомъ Просвѣлъ (бѣ бо съ нимъ былъ на „войнѣ) сжаливси о Романѣ, и прiѣхавъ съ силою, изведе Ро-„мана изъ града.“ См. Прая Ann. Reg. Hung. IV, 295.

(102) Въ Волынск. Лѣт.: „Посла“ (въ 1251 г. по Ипатьев.) „Данило и Василько къ Самовитови (Мазовскому), рекши „ему: изыди съ нами на Ятвязѣ; и у Болеслава помочь поята, „Суда Воеводу и Сигнава, и сняшась въ Дорогичинѣ, и прейдоша „болота на страну ихъ... И Ляхове зажгоша пръвую весь; тѣмъ „бо зло сотвориша и знаменiе имъ подаша... И воеваша до ве-„чера... И събрася вся земля Ятвязская, и прислаша къ Данилу „Неоста, рекуще: оставь намъ Ляхы, а самъ пойди миренъ... „И хотѣнiя не получиша... И нападоша нощiю на Ляхы... И „сулицами мечюще и головнями яко молнiя идяху, и каменiе „яко дождь съ небеси... Посла Самовитъ моляся: пришлета „намъ стрѣлци. Данилъ же държаше на нихъ гнѣвъ про заж-„женiе веси, и одва посла... И възразиша я“ (непрiятели) „отъ „острога“ (сдѣланнаго Поляками)... „На утрiе же зажгоша“

(Ятвяги) „колымагы своя, рекше станы. Даниловн же пошедшю „наперед съ Болеславли Ляхы, Лазареви же назади бывшю съ „Половци, нападоша нань, и хорутовь его отъяша. Прибѣгшю „же ему къ Васильковн и Самовитови, бысть брань люта... „Андрееви же Дворскому сердце крѣпко имущю, нездравіе же „тѣло его обдержаше и руци... Копіе упуста, и за мало не „убіенъ бысть. Посла жь Василько къ брату... Даниловн же на„въ, „ативишюся и гнаша я до лѣса... Ѳедоръ Дъмитріевичь, крѣпко „боря, раненъ бысть, и смерть прія на рѣцѣ Нарьвѣ.“ Тут, по совѣту Ящелъшову, Даніилъ велѣлъ отдохнуть воинамъ. Далѣе: „Прешедшимъ же имъ рѣку Олегъ, хотѣвшимъ стати въ „тѣсныхъ мѣстѣхъ, Князь же Данило рече: о мужи воинстіи! „не вѣсте ли, яко Христіаномъ пространство есть крѣпость, „поганымъ же тѣснота?... И пройде Жаку плѣняя и пріиде на „чиста мѣста... И многіи Князи Ятвязьціи избіени быша. На „утріе же въжемъ (вождямъ) невѣдущимъ, блудящимъ имъ, два „Варьва убіена быста, третіего жива яша, и приведенъ бысть „къ Данилови, и рече ему: изведи мя на путь правый, и животъ „пріимети... И изведе его; и перейдоша рѣку Лукъ. Наутріе „же пригнавшимъ къ нимъ Прусомъ и Бортомъ, и воемъ (Даниловымъ) „всѣмъ вооружившимся, щити ихъ яко заря, шеломи же яко солнцю въсходящу... Данилови же на кони сѣдящю „и воя рядящю, и рѣша друзи Ятвязѣмъ: можете ли древо подъ„дръжати сулицами, и на сію рать дръзнути? Они же възвратишась. Данилъ же пріиде къ Визнѣ и прейде рѣку Наровъ, и „многія Христіаны избависта, и пѣснь славну пояху има.“

„Въ то же лѣто“ (по Ипат. 1252) „изгна Миндогъ сыновца „своего, Тевтивила и Едивида, пославшю ему на войну ею съ „Выконотомъ на Русь воевати къ Смоленску, и рече: кто что „пріемлеть, собѣ одръжить“ (кто что завоюетъ, тѣмъ и будетъ владѣть)... „И посла нанѣ воя своя, хотя убити я. Онѣма „же увѣдавшима, и бѣжаста къ Князю Данилу въ Володимерь. „Миндогови же рекшю: не чини има милости... Сестра бѣ ею „за Даниломъ... Данило же посла Выкинта въ Ятвязѣ и въ „Жемоить и къ Нѣмцемъ въ Ригу, и Выкинтъ убѣди я сребромъ... Онѣмъ же (Ятвягамъ и Жмуди) отвѣщавшимъ Данилу, „яко тебе дѣля миръ створимъ съ Выкынтомъ, зане братію „нашю много погуби... Данилъ же и Василько поидоста къ „Новугороду (Новогродку)... Посла (Даніилъ) съ сыномъ брата „си на Волковыескъ, а сына на Слонимъ, а самъ иде къ Здитову, и поимаша грады многы... И посла Данило Тевтивила и „въ помощь съ нимъ Русь и Половци, и многое воеваніе бысть „межь ими. Оттуда же Тевтивилъ иде съ полономъ Даниловымъ

„въ Ригу, и пріяша его Рижане съ честію, и крещенъ бысть. „Уведавъ же се Миндогъ, яко хотять ему помогать Божіи „Дворяне и Бискупъ и вся воя Рижская, и убоявся, и посла „втайне къ Андрееви, Мастеру Рижскому, злато много и сре- „бра, и коне многы, рекый: аще убіеши или женеши Тевтивила, „еще болше сихъ пріимеши.“ По убежденію Андрееву Миндовгъ отправляетъ посольство къ Папе и крестится. Далее: „Креще- „ніе же его лестиво бысть; жря бо богомъ своимъ втайне: пръ- „вому Нонадееви, Телявели и Девериксзу, заечему богу, и Меде- „ину; егда выехаше на поле и выбежаше заець на поле въ лесъ- „рощенія (въ рощи), не вхожаше вну, и не сметяше ни розгы „уломити; и мертвыхъ телеса жьжигаше. Тевтивилу же испо- „веда Бискупъ и Перебощъ (Probst) Виржанъ (Рижанъ) съжалища „по немъ: ведяху бо, аще Тевтивилъ не бы изгнанъ (изъ Риги), „Литовская земля въ руку бе ихъ. Си же вся сътвори Андрей, „и изгнанъ бысть сану своего отъ братьи. Тевтивилъ же при- „беже въ Жемоить къ уеви своему, Викынтови, пойма Ятвязе, „Жемоить и помощь Данилову, и иде на Миндога. Миндогъ же „умысли не битися съ ними полкомъ, но вниде въ градъ, име- „немъ Ворута, и высла тюрина своего нощію, и розгнаша его „Русь и Ятвязе. Наутріе же выехаша Немци и съ самострелы „и ехаша нане Русь съ Половци и съ стрелами и Ятвязе съ су- „лицами, и гонишась на поли подобно игре. Оттуда жь врати- „шась въ Жемоить. И пріиде Миндовгъ на градъ Викинтовъ „Твириментъ; выеха же Тевтивилъ изъ града, Русь и Половци „Даниловы и Жемоить... И застрели Кочь Половчинъ Миндовга „въ стегно, и възратися Миндовгъ. Висимотъ подъ темъ гра- „домъ убіенъ бисть.... Тевтивилъ (въ 1253 г.) присла Ревбу, рече: „пойди къ Новугороду. Данило же пойде съ братомъ Василькомъ „и съ сыномъ Львомъ и съ Половци, съ сватомъ своимъ Тега- „комъ“ (тестемъ котораго нибудь изъ сыновей Даніиловыхъ). „Князи же Пинстіи имеяху лесть, и поя ихъ съ собою неволею „на войну. И послаша стороже Литва на озере Зяте, и гнаша „ихъ чрезъ болото до реки Щарьи... и воемъ не хотящимъ ити „воевати, Данилъ мудростію речь сътвори, яко срамоту имеемъ „отъ Литвы и отъ всехъ земле, аще вратимся...“ Наутріе же „пленища всю землю Новогородскую... и възвратишась. Ятвя- „земъ же ехавшимъ на помощь Данилу, не могоша доехати, за- „не снези велици быша... Потомъ же посла съ братомъ и сыномъ „Романомъ люди своя, и взясте Городенъ (Гродно), а сама въро- „тистася отъ Еелска... и потомъ пленища всю страну ихъ. „Миндогъ же посла сына си, и воева около Туриска. — Того же „лета присла Миндовгъ къ Данилу, прося мира и хотя любве о

„сташовствѣ. Тогда жь Тевтивилъ прибѣже къ Данилу изъ Же„моити и Ятвязей, рече, яко Миндовгъ убѣди я сребромъ мно„гымъ. Данилу же гнѣвъ имѣющю нань.

„Королеви же Данилу (въ 1255 г.) пришедшю на землю Ят„вязскую, Левъ же увѣдавъ, яко Стекынтъ въ лѣсѣ осѣклъся „есть, пріиде къ осѣку. Ятвязѣмъ же вытекшимъ, сущіи же съ „нимъ сънузници“ (союзники) „възбѣгоша“ (бѣжали). „Львови же „ступившю съ коня одиному и біющюся крѣпко, навратишась ма„ли на помоць ему. Львови же убодшему сулицю свою въ щитъ „его (Стекинтовъ), и не могущю ему шулитися“ (попятиться назадъ) „Левъ Сътекинта мечемъ уби, и брата его прободе ме„чемъ... Данилу же Королеви ставшю въ домѣ Стекынтовѣ, „принесе къ нему Левъ оружіе Стекынтово и брата его... Ко„манови же пріѣхавшю отъ Ятвязъ, обѣщевающимся имъ въ „работѣ (рабствѣ) быти. Ляхомъ же исполнившимся зависти, „начевшимъ пріяти“ (благопріятствовать) „поганымъ. Се увѣ„давъ Данило повелѣ воевати землю Ятвяжскую, и домъ Сти„кеншовъ весь погубленъ бысть, еже и донынѣ пустъ стоитъ. „Данилу же идущю по озеру, и видѣ при березѣ гору красну и „градъ бывшій на ней преже, именемъ Рай; оттуда же пріиде „въ домъ свой.

„Въ та жь лѣта, или преже, или потомъ, пріѣхаша „Татары къ Бакотѣ, и приложися Милей къ нимъ. Данилови жь „шедшю на Литву на Новгородокъ, бывшю роскалью“ (распутью) „посла сына Льва на Бакоту. Посла Левъ Дворского „предъ собою, и яша Милея и Баскака, и приведи Левъ Милея „отцу си, и бысть пакы Бакота Королева, отца его. Потомъ „же здумавъ съ сыномъ си, и отпусти (Милея), а поручникъ „бысть Левъ... И пакы пріѣхавшимъ Татаромъ, сътвори лесть „и предасть пакы Татаромъ Бакоту. Потомъ же Куремса при„де къ Кременцу; Андрееви же надвое будущю, овогда възываю„щюся: Королевъ есмь, овогда Татарскымъ, дръжащю неправду „въ сердци. Богъ предасть его въ руцѣ ихъ. Оному же рекшю: „Батыева грамота у мене есть; онѣмъ же болма взъярившимся „нань, и убіенъ бысть, и сердце его вырѣзаша, и не успѣвше „ничто у Кременца, воротишась въ станы своя. Изяславъ же „проси у нихъ помощи ити на Галичь.... Онъ же не послуша „ихъ“ (Изяславъ Татаръ) „иде въ Галичь... Данило же въ не„видѣніи“ (боленъ глазами) „бысть, и посла сына своего, Ро„мана; Льва бо преже отрядилъ бѣ къ Королеви, а самъ ѣха про„водити вои свои. Ѣдущю жь ему до Грубешева и убивъ вепревъ „6, самъ же уби ихъ рогатиною 3, а 3 Отроци ихъ, и въдасть „воемъ мяса на путь, и рече: аще сами будутъ Татарове, да не

„внидеть ужасть въ сердца ваша. Онѣмъ же рекшимъ: Богъ бу„деть помощникъ ни; сътворимъ повелѣнія твоя. Поемъ же „Романъ воя, и е день и ночь. и внезапу нападшимъ на ня" (на воиска Изяслава) „оному жь" (Изяславу) „не възмогшю, куда „утечи, взбѣже на комары церковныя, идѣ же беззаконные Угры „възбѣгли бяху. Стоящю же около его Князю Роману, жажею „водною измирающимъ имъ, въ четвертый день сниде" (Изяславъ). „Князь же приведе его отцу своему. Слышавъ же Левъ, „яко Ѳедоръ посланъ отъ него" (Изяслава) „къ солемъ" (въ то мѣсто, гдѣ соль вынимають) „гна по немъ; самъ же" (Ѳеодоръ) „утече, а люди его поима; поѣхалъ бѣ въ Угры.

„Потомъ же Воишелкъ сътвори миръ съ Даниломъ, и вда „дъщерь Миндовгову за Шварна, сестру свою, и пріиде въ Холмъ „къ Данилови, оставивъ Княженіе свое и въспріемь Мнишескій „чинъ, и вдасть Романови, сынови Королеву, Новгородокь отъ „Миндога и отъ себе, и Слонимъ, и Волковыескь и вcѣ городы; „и самъ просися ити въ Св. Гору, и найде ему Король путь у „Короля Угорского, и не може дойти Св. Горы, и вротися въ „Блъгарѣхъ" (изъ Болгаріи).

„Потомъ же Данило" (въ 1256 г. по Ипат.) „пойде на Ятвязѣ съ братомъ и со Львомъ и съ Шварномъ, младу сущю ему, „и посла по Романа въ Новгородокъ, и пріиде Романъ съ всѣми „Новогородци и съ цтемъ" (тестемъ) „своимъ Глѣбомъ" (слѣдственно Романъ, оставивъ первую супругу свою, Гертруду Австрійскую, женился на другой) „и со Изяславомъ съ Вислоче„скымъ, и съ сее стороны приде Самовитъ съ Мазовшаны и „помочь отъ Болеслава съ Судомирци и Краковляны, и бысть „рать велика, яко наполнити болота Ятвяжская.... Данилъ же „изрядивъ полкы, стрѣлци пусти напередъ, а другія обаполы „дороги; Дворскому же повелѣ за собою ходити; самъ же ѣха въ „малѣ Отрокъ оружныхъ"... (Къ Даніилу пріѣзжають Левъ и Романъ)... „Аикадь же вожь ему бѣ, и обѣща ему, да село его „не пожжено будеть... И пріѣха къ веси Волдикыща, посла Льва „съ братомъ. Левъ ж изсѣче всѣ, одиного же приведе: Король „въпроси его; оному же рекшю, яко въ веси Привеца събралися „суть Ятвязи"... (Описывается, какъ Даніилъ со Львомъ и малочисленною дружиною разбиваетъ тамъ непріятелей; Князь Ятвяжскій, сраженный однимъ воиномъ, умираетъ)... „Побѣди гордыя Ятвязѣ, и Злинци, и Крисменци, и Покенци... и „възвратися къ Василькови и Семовитови... Наутріе же зажгоша „Таисевичи и Буряля, и Раймочи, и Комата, и Дора, и грады „плѣниша, и паче домъ Стекынтовъ, и сташа на селѣ Корковичехъ." (Берутъ добычу; остальное жгутъ)... „Наутріе же

„пріѣха отъ Ятвязь Юньдилъ, рекщю ему сицѣ: Данило! добру „дружину дръжеши и велици полцы твои"... (Побѣдители идутъ далѣе; воины Даниловы изъявили страхъ)... „Тоеже нощи ста на „болотѣхъ въ островѣхъ. Наутріе же пріѣхаша Ятвязи, дающе „дань и миръ, молящеся, дабы не избилъ колодниковъ; потомъ „же пріиде въ землю свою съ славою. Хотящю же ему паки изы- „ти на ня, Ятвязи послаша послы и дѣти своя, и дань даша, „и обѣщевахусь въ работѣ быти ему и городы рубити въ земли „своей... И посла Кснятина Положишила, а побереть на нихъ „дань, и пріима на нихъ черныя куны и бѣло сребро, и „въдасть ему изъ дани даръ и Сигнѣву (Польскому) Воеводѣ „послушества ради, яко вѣсть вся земля Лядская, яко дань пла- „тили суть Ятвязи Данилу. По Великомъ бо Князѣ Романѣ ни- „кто же не бѣ воевалъ на нѣ въ Рускыхъ Князѣхъ, развѣ Данила.

„По рати же Кремянецкой Куремсинѣ Данилъ воздвиже „рать противу Татаромъ; згадавъ съ братомъ и съ сыномъ, „посла Дмитрія Павловича и взя Межибожье. Потомъ же воева- „хуть людіе Данилови и Васильковы Болоховъ" (отъ имени коего прозвались Князья Болоховскіе, имѣвшіе Удѣлъ на Бугѣ: см. выше) „Львови же Побожье и люди Татарская. Веснѣ же „бывшей, посла сына своего, Шварна, на Городокъ и на Семочь „и на всѣ городы, и взя Городокъ и Семочь и вся городы сѣдя- „щи за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева. Возвя- „гляне же солгаша Шварномъ" (Шварну): „поемше Тивуна, не „вдаша ему тивунити. Шварно же пріиде поимавъ городы вси, „и по немъ приидоша Болоберезци и Чернятинци и вси Боло- „ховци къ Данилу. Присла же Миндовгъ къ Данилу: пришлю кѣ „тебѣ Романа и Новьгородци, абы пошелъ къ Возвяглю, оттуда „же и къ Кыеву, и рече зрокъ въ Бузвягли" (уговорился сой- тися въ семъ городѣ.). „Данило же съ братомъ" (въ 1258 г.) „идоша къ Возвяглю въ силѣ тяжцѣ, жда вѣсти отъ Романа и „Литвы. и стоя на Корецку днину, и пойде къ Возвяглю. Пре- „же посла Шварна... Бѣ же съ нимъ воинъ 500. Гражане же, ви- „дѣвше ихъ мало, смѣяхуся, стояще на градѣ. Наутріе пріиде „Данилъ.... И гражане не стръпѣша и вдашась; и городъ зажь- „же, люди же изведе и вдасть я на подѣлъ... И поиде въ домъ. „Романови жь пришедшю и Литвѣ, видѣша токмо головнѣ; ти „псы, течюще по городищю, тужаху и плеваху, по свойскы ре- „куще: Янда! Возывающе богы своя, Аньдая и Дивирикса... По- „томъ Романъ ѣха по отци... Данило же и Василько бяше весе- „ляся... Литва же, гнѣвъ дръжаще, воеваша около Луческа. Слу- „жащіи же Князя Данила и людіе Васильковы, Гюргій, Олекса „Дворскій и инии ѣхаша на ня... Онѣмъ же (Литвѣ) пришедшимъ

„къ Струзѣ, снузникомъ же сразившимся, на бѣгъ обратишась „и вгнашася въ озеро"... (Человѣкъ по десяти садилось на одну лошадь, чтобы переѣхать на другую сторону)... „И тако „погрязаху... Се бо бѣша людіе Миндовгови; Воевода же ихъ „Хвалъ, иже велико убійство творяше землѣ Черніговской, и „Сиръвидъ Рушковичь. Сиръвидъ же утече, а Хвалъ убитъ.

„Потомъ же" (въ 1259 г.) „Куремса пойде на Данила безъ „вѣсти. Василько же собирашеся въ Володимери, а Данило въ „Холмѣ, и посласта ко Львови, дабы поѣхалъ къ нима. Куремсѣ „же не перешедъшю Стыра, посла люди къ Володимеру; въѣхав„шимъ же ратнымъ воемъ къ городу, изыдоша на ня гражане „пѣшци, и бившимся съ ними крѣпко, и выбѣгоша изъ града, и „повѣдаша Куремсѣ, яко гражане крѣпци борются съ нами. Да„нило же и Василько събирастася, хотяще битися съ Татары. „Прилучи же ся за грѣхы загорѣтися Холмови отъ окаянное „бабы... И вси иконы погорѣша въ церкви Св. Іоанна; одинъ „Михаилъ остася чюдный; и колоколы, и то все огнь попали... „И храми прекрасніи... И мѣдь отъ огня ползуща яко смола... „Сицю же пламени бывшю, яко изо Львова зрящи видѣти по по„лемъ Бельзскымъ, и людіе мняша, яко отъ Татаръ зажженъ „бѣ градъ, и вбѣжаша въ мѣста лѣсна, и тѣмъ не могоста" (Даніилъ и Василько) „събратися... И ѣхаста въ Володимерь, и съ„браша мало дружины... И посыласта сѣмо и овамо... И Василь„ковы людіе, обрѣтше Татары, биша я и колодникы имаша... „Куремсѣ стоящу у Луцка, сътвори Богъ чюдо. Луцескъ бѣ не „уряженъ, събѣгшимся вонь многымъ людемъ, и бѣ водѣ бывши „въ зимѣ велицѣ, и не могшю ему перейти, хотяше мостъ „пріяти. Гражанемъ же отсѣкшимъ мостъ; онъ же порокы по„стави, отгнати хотя... Вѣтру же тако бывшю, яко порокомъ „връгшимъ, вѣтръ обращаше камень на ня. Пакы же мечющимъ „крѣпко, изломися Божіею силою пракъ ихъ; и не успѣвше ни„что же, вратишась въ страны своя, рекше въ поле... Видѣвъ „же" (Даніилъ) „сице пагубу граду" (Холму) „вшедъ въ церковь, „съжалися велми, и паки обнови" (въ 1260 г.) „церковь и освяти „Епископомъ Іоанномъ, и създа твержьша и вышша; вежи же „такоя не възможе създати: бѣ бо грады иныя зиждяй про„тиву безбожнымъ Татаромъ... Созда же церковь превелику въ „градѣ Холмѣ въ имя Св. Богоматери... Принесе же чашу отъ „земли Угорскые мрамора багряна, и зміевы главы бѣша округъ „ею и постави предъ двермн церковными; сътвори же въ ней „крестелницю крестити воду на Св. Богоявленіе. Сътвори же „въ ней Епископъ Іоаннъ отъ древа красна точенъ" (купѣль) „и позлащенъ днѣ и внѣ.....

„Времени же минувшю, пріиде Бурондай злый въ силѣ тяжцѣ, и ста на мѣстѣхъ Куремсиныхъ. Данило же дръжаше рать „съ Куремсою, и николи же боязся Куремсы, доидеже пріиде Бурондай..... И ѣха Василько за брата и проводи его до Берестія, и посла съ нимъ люди своя, и помолися Богу, яже есть „икона, яже есть въ городѣ Мѣлници, въ церкви Св. Богородицы, и обѣщася Данило украсити ю... Воеваши ѣдя съ нимъ“ (Василько съ Бурондаемъ) „ищющю ему сыновца своего, Романа; и воеваша землю Литовскую и Нальщанску; Княгиню бо оставилъ у брата и сына Владиміра.... Потомъ же ѣха Данило и „взя Волковыескъ, и Глѣба Князя“ (тестя Романова,) „пославъ „я и дръжаше его въ чести, яко болма бо ѣха къ Волковыеску, „ловя яти ворога своего, Вышелка и Товтивила, и не удоси“ (не застигъ) „ею въ городѣ; искаше ею по станамъ, и не обрѣте: „бѣста бо велику лесть учинила: я Вышелкъ сына его, Романа. „И пакы посла“ (Даніилъ) „Михаила и воева по Зелвѣ, ища ею, „и не обрѣте. Потомъ же мысля ити на Городенъ, творя“ (считая) „ею тамъ... и прѣхаша въ городъ Мѣльникъ... и бысть „вѣсть изъ Ляховъ у Короля Данила, яко Татарове въ Ятвязѣхъ. „Лвови же рекшю, яко вои твое голодни суть и кони ихъ. Онъ „же отвѣща: пошлемъ сторожи къ Визнѣ. Вдасть же Данило „брашно воемъ до досытка; послалъ бо бысть преже а посла въ „Ятвязѣ увѣдати о братѣ. Татаромъ же прѣхавшимъ въ Ятвязѣ, яша быста посла та, и праташа я, гдѣ есть Данило. „Онѣмъ же отвѣщаста: въ Мѣлници. Онѣмъ же рекшимъ, яко нъ „есть мирникъ нашъ; братъ его воевалъ съ нами, туда идемъ. „Сторожемъ же изминувшимся съ ними, они же проидоша къ Дорогычину. Данило же посланіе Лва и Шварна вонъ и Володимера....

„Посемъ же минувшима двѣма лѣтома, бысть тишина по „всей земли. Въ тыя же дни“ (по Ипат. въ 1261 г.) „веселье „бысть у Василька въ Володимери, нача отдавати дъщерь свою „Олгу за Андрея Князя за Всеволодича къ Черньгову; бяше же „тогда Данило Король съ обѣма сынома своима, съ Львомъ и „Шварномъ“ (вѣроятно, что Романа уже не было въ живыхъ) „и инѣхъ Князей много... и приде вѣсть, иже Бурондай идеть...... „И срѣте“ (Василько) „его въ Шюмску и приде предъ онь съ дары. Бурондаю же велику опалу сътворившю на Василька и на „Лва. А Владыка стояше въ ужасѣ...... Левъ розмета Даниловъ „и Стожекъ; оттолѣ же посла Львовъ разметати; а Василько „Кремянецъ и Луцескъ... и посла изъ Шюмска Владыку Ивана „напередъ къ брату... Данило же убоявся побѣже въ Ляхы, а изъ „Ляховъ въ Угры... И поиде Бурондай къ Володимерю, а Василько съ нимъ же, и ста на Житани на ночь... Василько по-

,,велѣ зажечи Володимерь, зане не мощно бысть борзо розме-,,тати его величествомъ... Чрезъ ночь сгорѣ весь. Назаутріе же ,,пріѣха Буроидай въ Володимерь... и нача обѣдати у Василька ,,на дворѣ и пити... и леже на ночь въ 5 днехъ; назаутріе же ,,пріела Татарина Баимура и рече: велѣлъ ми городъ роскопа-,,ти... и нача роскопывати, назнаменуя образъ побѣды... И пой-,,де Буроидай къ Холмови........ Василько же нача молвити: Кос-,,тянтине холопе и ты, другый холопе, Лука Ивановичю! се го-,,родъ брата моего и мой: предайтеся.... И по-треичи меча ка-,,меніемъ доловь...... И по семъ пойде Буроидай къ Люблину и ,,къ Завихвосту... и найдоша бродъ въ Вислѣ и начаша воевати ,,землю Лядскую... и пріидоша къ Судомиру... и бишась по четы-,,ре дни; въ четвертый събиша заборола и начаша лѣствицы ,,приставливати и полѣзоша на городъ, и напередъ же възлѣзо-,,ста два Татарина съ хуруговью и пойдоста по городу сѣкучи ,,и бодучи, одинъ по одиной сторонѣ, а другій по другой. Нѣ-,,кто же отъ Ляховъ, не Бояринъ, но простый человѣкъ, ни въ ,,доспѣсѣ, за однимъ мятлемъ съ сулицею, защитився отчая-,,ніемъ акы твердымъ щитомъ, сътвори дѣло достойно памя-,,ти, потече противу Татарину и уби его, оли другый Тата-,,ринъ създади притекъ, подтя Ляха. Людіе же, видѣвши Тата-,,ры на городѣ, устремишась побѣгнути до дѣтинца и не можа-,,ша вмѣститися въ ворота... подавишась и падаху съ моста ,,въ рогъ... и бысть лзѣ ходити по трупью яко и по мосту. ,,Бяху же станове въ городѣ соломою чинени и загорѣшась. . Цер-,,ковь же бяше каменна предивна, създана бѣлымъ камнемъ те-,,санымъ, и та бысть полна людей: връхъ же у ней древомъ по-,,крытъ: зажжеся и та, и погорѣ въ ней множество людей; одва ,,и ратніи выбѣгоша изъ города. Заутра же Игумени и съ По-,,пы, отпѣвше обѣдню, начаша причащати, прьвое сами, и по-,,томъ Бояре, та жь вси отъ мала до велика начаша исповѣда-,,тися... Потомъ же пойдоша со кресты изъ города и съ свѣ-,,щами, Бояре и Боярыни изрядившися въ брачныя ризы; слугы ,,же Боярскыя несяху передъ ними дѣти ихъ; и бысть плачь ве-,,лій.... И посадиша я Татарове на болоньи възлѣ Вислы, и сѣ-,,доша 2 дни на болоньи... и почаша избивати я. . . Потомъ же ,,пойдоша къ Лысцю городу... городъ же бяше въ лѣсѣ. . . и цер-,,ковь въ немъ камена Св. Троици; городъ же не твердъ, и взя-,,ша... и възворотися Буроидай въ своя вежи.“ См. Длугош. Hist. Pol. о взятіи Сендомира кн. VII, стр. 757, 758.

,,Потомъ же“ (въ 1262 году по Ипат.) ,,идоша Литва на ,,Ляхы отъ Миндовга и Остафій Костянтиновичь съ ними оканн-,,ными: бѣ бо забѣглъ изъ Рѣзаня. Литва же на канонъ Рожества

„Св. Іоанна Сѣмовита Князя убиша, а сына его Кондрата яша. „Въспомяну же Миндовгъ, аже Василько Князь съ Богатырем̃ъ „(Бурондаемъ?) воевалъ землю Литовскую, и посла рать на Ва„силька, и воеваша около Камена. Василько же не ѣха по нихъ, „зане надѣящеся другой рати: посла по нихъ Желислава, Сте„пана Медушника, и гониша по нихъ олны до Ясолды.... Другая „же рать воева тое же недѣли Литовская около Мѣльницы, и съ „ними Воевота Тюдіяминовичь Ковдижатъ.... Князь же Василько „поѣха по нихъ съ сыномъ Володимеромъ и съ Бояры своими и „слугами... и угониша я у Небля города. Литва же бяше стала „при озерѣ... и сѣдоша въ три рады за щиты по своему норо„ву... И сразишась... Литва же устремишась на бѣгъ, и не бысть „лзѣ утечи: обытило бо бяше озеро... и тако начаша сѣщи я, а „друзіи истопоша... и не оста ни одинъ же. Се же услышавше „Князи Пинотіи, Ѳеодоръ и Демидъ и Юрій, и пріѣхаша къ Ва„сильковй съ питіемъ... Токмо одинъ убитъ бысть отъ полка „Василькова, Преиборъ сынъ Степановъ Родовичь... Посла же „Василько сайгатъ брату своему Королеви съ Борисомъ съ Изе„болкомъ. Король же бяше тогда поѣхалъ въ Угры и угони его „Борисъ у Подтелича."

Въ другихъ лѣтописяхъ сказано подъ г. 6766 (1258): „Придо„ша Литва съ Полочаны къ Смоленску и взяша Войщину" (нынѣ Боево) „на щитъ. Той же осени приходиша Литва къ Торж„ку, и высунушася Новоторжци, и подведоша Литва подсаду" (скрытое войско): „овыхъ избиша, а инѣхъ изымаша, и много „зла бысть въ Торжку."

(103) Дѣйствительныя историческія преданія народа Литовскаго начинаются около сего времени, и неясность ихъ еще болѣе затмилась отъ пустыхъ догадокъ Историка Стриковскаго. Онъ разсказываетъ, что во время нашествія Батыева господствовалъ въ Литвѣ Зивибунтъ, зять и наслѣдникъ Керна, внука Палемонова (см. нашей Исторіи Т. II, примѣч. 35), а въ Жмуди Монтвилъ, родный племянникъ Керновъ; что сынъ Монтвиловъ, Эрдивилъ, построилъ Гродно и завоевалъ Новогродокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Брестъ, разоренные Татарами, и побѣдилъ Могольскаго Воеводу Кайдана; что сынъ Эрдивиловъ, Мингайло, взялъ Полоцкъ, управляемый тогда тридцатью народными чиновниками; что сынъ Мингайловъ, Гинвилъ, крестился, былъ названъ Юріемъ, и женился на Маріи, дочери Князя Тверскаго, Бориса; что братъ Гинвиловъ, именемъ Скирмунтъ, господствовалъ въ Новогродкѣ и разбилъ Хана Балаклая; что сынъ Гинвиловъ, Борисъ, строилъ церкви, монастыри въ Полоцкѣ, возвратилъ гражданамъ древнія права ихъ и надъ рѣкою Бере-

зиною основалъ городъ Борисовъ; что Стриковскій видѣлъ близъ Полоцка, на Рижской дорогѣ, камень съ изображеніемъ креста и съ Русскою надписью: помилуй, Господи, раба Твоего Бориса; что сей Борисъ оставилъ сына Рехволда или Василія, который былъ отцемъ Князя Глѣба и Княжны Евпраксіи, умершей Инокинею; что Глѣбъ скончался бездѣтенъ, и что Полочане снова сдѣлались вольными; что Скирмунтъ, братъ Гинвиловъ, Князь Новогродскій, завоевавъ Туровъ, Мозырь, Стародубъ, Черниговъ, Карачевъ, роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ, Любарту, Писсумунту и Тройнату, отцу Алгимунта и дѣду Рингольта, отъ коего родился славный Король Литовскій Миндовгъ или Мендовгъ. Сіе родословіе содержитъ въ себѣ явную нелѣпость. Какъ? Монтивилъ жилъ въ нашествіе Батыево и праправнукъ его правнука, Миндовгъ, жилъ также при Батыѣ? Не говорю уже о томъ, что въ сіе время не бывало Тверскаго Князя, Бориса, и Дрогичинъ съ Брестомъ принадлежали не Литвѣ, а Даніилу Галицкому. Стриковскій смѣшалъ преданія и времена.

Россійскіе же Лѣтописцы говорятъ, что Литовцы, бывъ долгое время данниками Князей, отчасти Кіевскихъ и Черниговскихъ, отчасти Смоленскихъ и Кривскихъ, находились подъ управленіемъ собственныхъ Гетмановъ; что Вильняне, боясь Мстислава Великаго, завоевателя земли Кривской около 1128 году, поддалися Королю Венгерскому и призвали къ себѣ на княженіе изъ Царяграда двухъ сыновей бывшаго Полоцкаго Князя, Ростислава Рогволодовича, сосланнаго въ Грецію симъ Мстиславомъ (см. нашей Исторіи Т. II, стр. 166); что одинъ сынъ Ростиславовъ назывался Давилъ, а другой Мовкольдъ; что Давилъ сдѣлался первымъ Княземъ Виленскимъ, и былъ отцемъ Вита, прозваннаго Волкомъ, и Эрдена, а Миндовгъ родился отъ Мовкольда (см. Воскресенск. Лѣт. I, 48). Сказаніе также сомнительное: Мстиславъ Великій сослалъ въ Константинополь Владѣтелей Полоцкихъ еще въ 1129 году: вѣроятно ли, чтобы Миндовгъ былъ внукъ одного изъ сихъ Князей? вѣроятно ли, чтобы сыновья Князя Россійскаго назывались именами Литовскими и приняли Вѣру языческую? ибо Миндовгъ родился въ идолопоклонствѣ. Городъ же Вильна основанъ, по сказанію Литовскаго Историка, Княземъ Гедиминомъ въ XIV вѣкѣ (см. ниже, примѣч. 277).

(104) См. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 759, и Кельх. Chron. стр. 90. Письмо Папы Александра къ Королю Литовскому напечатано въ Райнальд. Annal. Eccl. Т. XIV, год. 1255, No 58. Папа, сердитый тогда на мнимаго отступника, Даніила Галицкаго, пишетъ къ Миндовгу, что Церковь дастъ ему полную

власть надъ всѣми землями, которыя сей новый Король отниметъ у Россіянъ.

Кѣмъ построенъ Новогродокъ, не знаемъ; вѣроятно Россіянами.

(105) „На враги своя двигшася, на Бесермены .. отвупахуть бо ти окаянніи дань Татарскую." См. о Бесерменахъ выше, примѣч. 51. Новѣйшіе Лѣтописцы и наши Историки думали, что Бесерменами названы здѣсь Татары же, и что Россіяне взбунтовались противъ своихъ господъ, Моголовъ. Еще приведемъ мѣсто изъ лѣтописей въ доказательство, что Бесермены и Татары были два, а не одинъ народъ: „бысть моръ силенъ на „Бесермены и на Татары и на Армены" (см. Воскр. Лѣтоп. II, 315). Далѣе: „Убиша и Зосима преступника - то бо „бѣ Мнихъ образомъ точію, Сотонѣ съсудъ (сосудъ): бѣ бо пьяница и студословець, празнословець и кощунникъ; конечное (наконецъ) отвержеся Христа и бысть Бесерменинъ, вступи въ „прелесть лжаго пророка Махмета; бѣ бо тогда пріѣхалъ на „Русь отъ Царя Татарьскаго, именемъ Кутлубій, и золъ сый „Бесерменинъ," и проч. Татары въ сіе время еще не были Магометанами.

(106) См. Лѣт. Арханг. стр. 59. и рукописн. Лѣт. о великомъ градѣ Устюгѣ. Сей Буга или Багу названъ именно Татариномъ. Въ крещеніи дали ему имя Іоанна. Въ сихъ двухъ новыхъ лѣтописяхъ сказано: „пріиде на Устюгъ грамота „отъ Вел. Князя Александра, что Татаръ бити," но по древнимъ лѣтописямъ дѣйствовалъ народъ самъ собою, и нѣтъ ни слова объ умерщвленіи гдѣ нибудь Могольскихъ чиновниковъ.

(107) Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: „бѣ же тогда „нужда велика отъ иноплеменникъ, и гоняхуть Христіанъ, веляще „съ собою воинствовати: Князь же Александръ пойде къ Цареви, „дабы отмолити люди отъ бѣды тоя." Тамъ же. „вся полкы „своя посла съ нимъ (Александръ съ Димитріемъ), и ближнихъ „своихъ домочадець, рекши къ нимъ: служите сынови моему, „акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ." О Дерптѣ: „Одинымъ приступленіемъ взять бысть и людіе града овы побиша, „а другы изымаша живы, а иніи огнемъ пожжени, и жены „ихъ и дѣти, и взяша товара безъ числа и полона, а мужа до„бра застрѣлиша съ города и Петра убиша Мясниковича." — О Констатинѣ, зятѣ Александровомъ, упоминается въ Родословн. Книгахъ; отъ него пошелъ родъ Даниловыхъ. Отецъ Константиновъ, Ростиславъ Мстиславичь, тамъ названъ Борисомъ.

Стриковскій пишетъ (кн. VIII, гл. I), что Миндовгъ по-

слалъ своихъ племянниковъ, Эрдвила, Викунта и Товтивила, воевать Россію; что Товтивилъ или Өеофилъ взялъ Полоцкъ, Эрдвилъ Смоленскъ и Друцкъ, а Викунтъ Витебскъ; что они, принявъ Вѣру Греческую, остались тамъ Князьями, и не хотѣли уже зависѣть отъ дяди; что разгнѣванный Миндовгъ послалъ на нихъ сильное войско, но что Товтивилъ отразилъ его съ помощію Даніила Галицкаго и Ливонскихъ Нѣмцевъ (см. выше примѣч. 102). Изъ повѣствованія нашихъ Лѣтописцевъ можно заключить, что Товтивилъ господствовалъ въ Полоцкѣ съ согласія тамошнихъ гражданъ: ибо они уже по кончинѣ его говорятъ: „тогда Литва посадиша свой Князь въ Полотьскѣ.“ Смоленскъ дѣйствительно могъ быть взятъ Литовцами въ 1239 году (см. выше, примѣч. 3); но Вел. Князь Ярославъ освободилъ его, и съ того времени онъ всегда принадлежалъ Россіи до самаго XV вѣка. — Подъ Юрьевымъ было съ Товтивиломъ 500 Полочанъ и Литвы. См. Новогород. Лѣт., стр. 148, и Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 766.

(108) „Въ лѣто 6769 постави Митрополитъ Епископа Митрофана въ Сараѣ.“ — Въ 1269 году Өеогностъ былъ поставленъ въ Епископы Переяславлю и Сараю (см. ниже).

(109) Въ монашествѣ дали ему имя Алексія, какъ сказано въ Степ. Книгѣ. — Въ описаніи Александровыхъ подвиговъ: „отца бо оставити человѣкъ можетъ, а добра господина немощно оставити. Аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ съ нимъ.“ Александръ женился въ 1239 году: ему не было конечно и пятидесяти лѣтъ. — О плачѣ народномъ см. описаніе Александр. подвиговъ и Степен. Кн. I, 372; о чудесахъ тамъ же, стр. 374. 375. Пишутъ, что въ княженіе Димитрія Донскаго однажды ночью загорѣлись свѣчи въ церкви, гдѣ лежало тѣло Александра, и два старца, вышедшіе изъ олтаря, приближились къ его гробу, говоря: „Александре! востани и спаси правнука твоего, „Димитрія, одолѣваемаго иноплеменными!“ Александръ всталъ изъ гроба и скрылся вмѣстѣ съ двумя старцами. Пономарь, видѣвъ сіе чудо, сказалъ о томъ церковнымъ начальникамъ; они же, выкопавъ нетлѣнныя мощи Невскаго, поставили ихъ въ ракѣ. Больные, прикасаясь къ онымъ съ вѣрою, получали исцѣленіе, и благочестивый Архимандритъ Ефросинъ видѣлъ, какъ свѣча у гроба Александрова сама собою загорѣлась отъ небеснаго огня, и проч. и проч. — Въ грамотѣ Новогородской, писанной въ 1263 году къ Ярославу Ярославичу, сказано: „а что, Княже, братъ твой Александръ дѣялъ насильѣ на Новѣгородѣ, а „того ся, Княже, отступи.“ — Въ описаніи Александр. подвиговъ: „положено же бысть тѣло его въ Рожествѣ Св. Богоро-

„дицы, въ Архимандритьи Велицѣй. Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть Св. тѣло „его въ раку, тогда Севастіянъ Икономъ и Кирилъ Митрополитъ хотя разъяти ему руку, да вложать ему грамоту ду„шевную: онъ же аки живъ сущи распростеръ руку свою и взять „грамоту отъ руки Митрополита, и пріятъ же я ужасть, и „одва (едва) отступиша отъ раки его. Се же бысть (явлено) „всѣмъ отъ Господина Митрополита и отъ Иконома его. Кто „не удивится о семъ, яко тѣлу бездушну сущю и везому отъ „далнихъ градъ въ зимнее время, и тако прослави Богъ угод„ника своего?“

(110) Тамъ стоятъ три гроба: первый (какъ означено въ надписяхъ) Великія Княгини Александры, супруги благовѣрнаго Князя Александра Невскаго; второй дщери его, Княжны Евдокіи; а третій (на лѣвой стороне) благовѣрныя Княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго.

(111) Изъ Германіи выѣхали Ратша и Гавріилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Отъ перваго ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменскіе и проч.; отъ втораго Кутузовы, Голенищевы, Клеопины, Щукины и проч.; отъ третьяго (коего сынъ Терентій отличился въ Невскомъ сраженіи) Морозовы, Шеины, Чеглоковы, Шестовы, Солтыковы, Тучковы, и проч.

(112) См. Исторію Пахимера, кн. III, гл. 5.

(113) См. Торф. Hist. Norveg. Ч. IV, гл. L, стр. 303.

Случаи Александрова княженія: Въ 1248 году Ростовскій Князь Борисъ Василькович женился на дочери Ярослава Муромскаго и вѣнчался въ Ростовѣ, въ храмѣ Богоматери. Въ 1249, на память Св. Первомученика Стефана, скончался въ Владимірѣ Князь Владиміръ Константиновичь: „Плакася надъ нимъ Александръ Князь и съ братьею много и проводи его честно изъ „Золотыхъ воротъ, и везоша въ Угличе Поле (въ Угличь). Епи„скопъ же Кирилъ и съ Игумены пѣвше пѣсни погребальцыя и „положиша его у Св. Спаса. Тое же зимы Василій Князь Все„володовичь (внукъ Вел. Кн. Георгія II) преставися въ Володи„мери на память Св. Ѳеодора, и повезоша его на Ярославль, и „Олександръ Князь проводи его, и Борисъ и Глѣбъ и мати ихъ. „Епископъ же Кирилъ съ Игумены и Попы пѣвше пѣсни погре„бальныя и положиша его честно у Св. Богородицы.“ — Въ 1253, Маія 2, Епископъ Кириллъ освятилъ въ Новѣгородѣ церковь Бориса и Глѣба при Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сент. 11 родился у Бориса Васильковича сынъ, Димитрій. — Въ 1254 г.,

Іюля 30, у Кн. Бориса Васильковича родился сынъ Константинъ. — „Въ лѣто 6763 (1255) по Велицѣ дни Порожьнеѣ (Празд-
„ныя) недѣли преставися Костянтинъ, сынъ Вел. Кн. Яросла-
„ва, и бысть плачь великъ. Спрятавше тѣло его и понесоша въ
„Володимерь, и яко услыша Олександръ Князь брата своего
„смерть, и срѣте его съ Митрополитомъ и съ Игумены и съ
„Попы, и положиша у Св. Богородицы. — Въ лѣто 6764 (1256)
„преставися Князь Данило Ярославичь" (см. Лѣтопис. Синодальн. Библіот. No 52, л. 49). — „Въ лѣто 6766 (1258) осенью
„пріѣхаша въ Ростовъ Борисъ (отъ Татаръ) и Глѣбъ со Кня-
„гинею, и кланяся Св. Богородицѣ и Епископу Кирилу и матери
„своей, Княгинѣ Великой, и бысть въ Ростовѣ радость велика о
„Глѣбовѣ пріѣздѣ. — Въ лѣто 6767 (1259) бысть знаменіе въ лунѣ,
„яко ни знаменія не бысть" (т. е. вся затмилась). — „Въ лѣто 6769
„(1261) родись Олександру сынъ и нарекоша имя ему Данилъ. Епис-
„копъ Ростовскый Кирилъ бѣ исполнь дній въ старости глубоцѣ
„и въ добродѣтельнѣй сѣдинѣ. Блаженный же Князь Олександръ,
„Борисъ и Глѣбъ, волею Божіею и поспѣхомъ Св. Богородицы,
„благословеніемъ Митрополита и Епископа Кирила взведоста
„Архимандрита Св. Богоявленья Игнатья, и бысть причетникъ
„Св. Богородицы въ Ростовѣ. Того же лѣта преставися Князь
„Андрей сынъ Володимерь (внукъ Константиновъ) на Угличѣ
„Полѣ, и положиша его въ Св. Спасѣ. Поби (обилъ) Владыка
„Новгородскій Далматъ Св. Софью всю свинцемъ. Мѣсяца Но-
„ября въ 8, на Сборъ Св. Михаила, сгорѣ въ Новѣгородѣ церковь
„Св. Василья, а дворовъ добрыхъ 30, а на заутрье на Славковѣ
„улицѣ сгорѣ церковь Св. Дмитрія, а дворовъ добрыхъ 50. — Въ
„лѣто 6770 (1262) преставися блаженный учительный Епископъ
„Кирилъ Ростовскый Маія 21. Се бысть истинный Пастырь,
„пася люди земли Ростовскыя съ кротостью, и положиша тѣло
„его въ церкви Св. Богородицы въ Ростовѣ, и въ его мѣсто по-
„ставленъ бысть Игнатій Сент. въ 19. Срубиша Новгородци
„городъ новъ, а съ Литвою миръ взяша. Сгорѣ отъ грома (въ
„Новѣгородѣ) церковь Бориса и Глѣба; гораздо бо бяше лѣпа. —
„Въ лѣто 6771 (1263) родися Глѣбу (Васильковичу) сынъ Демьянъ"
(а по Троицк. Василій).

(114) Въ Троицк.: „Въ лѣто 6772 (1264) преставися Князь „Андрей Суждальскый, сынъ Ярославль, внукъ Всеволожь." Татищевъ пишетъ, что Андрей спорилъ о престолѣ съ Ярославомъ; что они избрали Хана въ посредники, который, призвавъ къ себѣ Ярослава, объявилъ его Великимъ Княземъ, далъ ему доспѣхъ, и велѣлъ сѣсть на коня; что Владиміръ Рязанскій и Иванъ Стародубскій должны были вести его коня, и что Яро-

славъ въ Августѣ мѣсяцѣ возвратился въ Владимірь съ Могольскимъ посломъ Жанибекомъ и съ ярлыкомъ Хановымъ (или грамотою). — Далѣе: „Выгнаша Новгородци Князя Дмитрія, сдумавше съ Посадникомъ Михаиломъ, зане Князь еще малъ бяше, „а по Ярослава послаша во Тферь сынъ Посадничь и лучшіи „Бояры. Въ лѣто 6773 (1265) посадиша въ Новѣгородѣ на столѣ „Ярослава Генв. въ 27."

Древнѣйшая изъ Новогородскихъ подлинныхъ грамотъ находится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи подъ No 2. Вотъ списокъ ея отъ слова до слова:

„Благословеніе отъ Владыкы, поклананіе отъ Посадника „Михайла и отъ Тысяцьского Кондрата и отъ всего Новагорода и отъ всѣхъ старѣишихъ и отъ всѣхъ меньшихъ къ Князю „Ярославу. На семъ, Княже, цѣлуй хрестъ къ всему Новугороду, „на цѣмъ то цѣловали дѣди и отци и отець твой Ярославъ: „Новьгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ; что волостій всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостій, а безъ Посадника тебѣ волостій не роздовати; а кому роздаялъ волости братъ твой Александръ или „Дмитрій съ Новгородцы, тобѣ тѣхъ волостій безъ вины не лишати; а что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ Тивунь свой дьржати, на своей части дьржати, а Новьгородьць „на своей части дьржати; а въ Бѣжицахъ, Княже, тобѣ, ни „твоей Княгыни, ни твоимъ Бояромъ, ни твоимъ Дворяномъ селъ „не дьржати, ни купити, ни даромъ пріимати, и по всей волости Нов̃городьской; а се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ „съ всѣми волостьми, Тържькъ, Бѣжице, Городьцъ, Палиць (а то „есьма дали Иванкови), Потокь, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, „Заволоцье, Коло, Тръ" — (а въ другихъ грамотахъ: Терь) — „Перемь, Печера, Югра; а въ Русу ти, Княже, ѣздити осень, а „лѣтѣ не ѣздити: ѣздити на Озвадо звѣри гонити; а въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отця „своего, Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрій съ Новгородцы Бѣжичяномъ и Обонижаномъ на 3 лѣтѣ, судье не слати; а „изъ Бѣжиць, Княже, людій не выводити въ свою землю, ни изъ „иной волости Новгородьской, ни грамоть имъ даяти, ни закладниковъ примати, ни Княгыни твоеи, ни Бояромъ твоимъ, „ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцьни; а безъ вины „ти мужа волости не лишити; а грамотъ ти, Княже, не посуживати; а пожнѣ, Княже, что пошло тобѣ и твоимъ мужемъ, „то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожнѣ, „а то ти, Княже, не надобѣ; а что, Княже, братъ твой Алек-

,,сандръ дѣлалъ насильнѣ на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и Тивунимь погонь имати, како то ,,пошло. А на томъ ти, Княже, на всемь хресть цѣловати безъ ,,перевода при нашихъ послѣхъ; а мы ти ся, Господине Княже, ,,кланяемъ. А что, Княже, мытъ по твоей земли и по иной во- ,,лости, и по всей Суждальской земли, а то, Княже, имати по ,,двѣ векши отъ лодье и отъ воза, и отъ льну, и отъ хмѣльна ,,короба; а Дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не ,,имати, развѣ ратной вѣсти. Тако, Княже Господине, пошло ,,отъ дѣдь и отъ отець, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ ,,твоего отця Ярослава.'

(115) Въ сихъ двухъ мѣстахъ власть судебная принадлежала и Князю и Новугороду. — Кн. Щербатовъ думалъ, что Тіунъ есть таможня.

(116) Употребленное въ подлинникѣ слово погонъ имѣетъ смыслъ прогоновъ: ибо въ другой грамотѣ, данной Ярославомъ Новугороду въ 1270 году, сказано: ,,а Дворяномъ твоимъ погонъ ,,имати по пяти кунъ" (слѣдственно деньгами).

Сихъ грамотъ двѣ: на первой подписано. ,,Князя Ярослава;" а вторая безъ подписи, и должна быть черною. Она такого же содержанія, съ прибавленіемъ, что Ярославъ можетъ бить (дикихъ) свиней только за 60 верстъ отъ Новагорода, ловить звѣрей лѣтомъ на Озводѣ, въ Русу ѣздить чрезъ двѣ зимы въ третью, а въ Ладогу черезъ два лѣта въ третье; что судьямъ должно объѣзжать волости послѣ Петрова дня, и что въ Заволочьѣ будутъ правители Новогородскіе, а не Княжескіе.

(117) См. сей Исторіи Т. II стр. 39; также историч. и топографич. извѣстія о городѣ Вологдѣ, стр. 28 и 74. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Герасима, хранящемся тамъ въ церкви уничтоженнаго Троицкаго монастыря, имъ основаннаго, сказано, что онъ пришелъ въ Вологду изъ Кіева въ 1147 году, на мѣсто, гдѣ въ великомъ лѣсу были средній посадъ Воскресенія Христова, Лѣнивая площадь и малый торжекъ. Нынѣ на сей Лѣнивой площади (въ предмѣстіи города) стоитъ каменная церковь Воскресенія, а прежде стояла деревянная Соборная, въ коей погребали Вологодскихъ Епископовъ XVI вѣка. Св. Герасимъ имѣлъ ссору съ мѣщаниномъ Патышевымъ, не хотѣвшимъ дать ему земли подъ строеніе монастырское: и теперь Вологодскіе купцы Пятышевы живутъ въ приходѣ бывшаго монастыря Троицкаго, что на Касаровѣ ручьѣ (см. Словарь географ. Рос. Госуд. I, 978). Герасимъ скончался въ 1178 году, Марта 4, и гробъ его находится въ упомянутой древней церкви. — Говорятъ, что еще

прежде Вологды былъ городъ Кубенской, на берегу озера Кубенскаго (см. Лексик. Татищ.)

(118) См. ниже, примѣч. 178. О семъ бракѣ упомянуто въ Троицк., Воскресен. и другихъ лѣтописяхъ, кромѣ Новогород. Михаилъ Черниговскій имѣлъ сына Юрія, какъ сказано въ Родословныхъ Книгахъ; однакожь тесть Ярославовъ не названъ здѣсь Княземъ. Въ грамотѣ, выше приведенной (примѣч. 114), говорится о супругѣ Ярославовой по одному предположенію, что онъ будетъ имѣть ее: ибо его бракосочетаніе совершилось уже послѣ въ Новѣгородѣ. Первая супруга Ярославова убита Моголами (см. выше, примѣч. 89). Упомянемъ здѣсь о баснословномъ преданіи, включенномъ въ рукописное житіе благовѣрнаго Михаила Тверскаго, сына Ксеніина. Разсказываютъ, что „юный Ярославъ, ловя звѣрей на берегу Волги, долженъ былъ ночевать близъ села Едимонова, гдѣ жила Ксенія, добродѣтельная и прекрасная дочь одного церковнаго причетника, именемъ Аѳанасія, помолвленная тогда за Княжескаго Отрока и любимца, Григорія. Въ сію ночь Ярославъ и Ксенія видѣли во снѣ, что Богу угодно сочетать ихъ бракомъ. Первый еще не понялъ того и на другой день изъ любопытства захотѣлъ войти въ домъ къ Аѳанасію, желая узнать Григоріеву невѣсту. Тамъ уже все готовилось къ свадебному пиршеству; но Ксенія, вѣря сновидѣнію, говорила своимъ подругамъ: „любимецъ жениха моего здѣсь; скоро онъ будетъ и самъ.“ Подруги не разумѣли ея словъ: ибо Григорій сидѣлъ рядомъ съ невѣстою, и никто не думалъ объ иномъ женихѣ. Князь явился въ простой одеждѣ: красавица узнала его, и сказала окружающимъ: „воздайте честь нашему Государю!“ Хозяинъ и гости изумились. Ярославъ взглянулъ на Ксенію, вспомнилъ сонъ, и велѣвъ Григорію искать другой невѣсты, повелъ суженую въ церковь; обвѣнчался и далъ пиръ всѣмъ жителямъ села Едимонова. Одинъ бѣдный Григорій тосковалъ и плакалъ; возненавидѣлъ свѣтъ, постригся, и съ дозволенія Княжескаго основалъ въ Твери богатый монастырь, называемый Отрочь.“

(119) По Новогород. Лѣт. Миндовгъ убитъ въ 1263 году, а сынъ его опустошилъ Литву въ 1265. Длугошъ приписываетъ сіе злодѣйство племяннику Миндовгову Тройнату (кн. VII, стр. 772); а въ Воскресен. Лѣт. (I, 49) сказано, что Миндовга умертвилъ Князь Герденъ, Давиловъ сынъ. Въ Волынск. Лѣт. такъ: „По семъ же сонмѣ“ (съѣздѣ Князей Россійскихъ съ Болеславомъ въ Терновѣ: см. ниже) „минувшю лѣту одиному, „въ осень убитъ бысть Великыи Князь Миндовгъ, Самодержецъ „бывъ всей земли Литовской. Убійство жь его сице скажемъ.

,,Нача избивати братію свою и сыновци своя, а другія выгна...
,,и нача грьдѣти, възнесеся славою... Бяше же у него сынъ
,,Воишелкъ и дьчи; дъщерь же отда за Шварна за Даниловича.
,,Воишелкъ же нача княжити въ Новѣгородци, въ поганствѣ бу-
,,дя... убиваше бо на всякъ день по 3 и по 4; которого же дни
,,не убіаше, печаловаше тогда. По семъ же вниде страхъ Божій
,,въ сердце его... и крестися въ Новѣгородѣ... и по семъ иде до
,,Галича къ Даниловы, хотя пріяти Мнишескый чинъ... Иде въ
,,Полонину къ Григоріеви въ монастырь и постирижеся... и бысть
,,тамо 3 лѣта... и пойде въ Св. Гору, пріемь благословеніе отъ
,,Григорія. Григорій же бяше человѣкъ святъ, яко же не бысть
,,предъ нимъ и по немъ не будеть. Воишелкъ же не може дой-
,,ти до Св. Горы, зане мятежъ бысть въ тѣхъ земляхъ, и пріи-
,,де опять въ Новогородокъ, и учини себѣ монастырь на Нѣмнѣ,
,,межи Литвою и Новымгородкомъ, и ту живяше... Умре Княги-
,,ня Миндовговая, и поча карити" (плакать) ,,по ней. Бяшеть
,,бо сестра ей за Довмонтомъ за Нальщанскымъ Княземъ, и по-
,,сла Миндовгъ до Нальщанъ по свою свѣсть, тако река: поѣдь
,,карить по своей сестрѣ. Оной же пріѣхавшей, Миндовгъ нача
,,ей молвити: сестра твоя умираючи велѣла ми тебе пояти
,,за ся, ати" (чтобы) ,,иная дѣти не цвѣлить" (не огорчаетъ)
... ,,и поя ея за ся... Домонтъ же искаше, абы съ кымъ мочи
,,убити Миндовга. Тренята же бяше тогда въ Жемоити. Въ се
,,же время послалъ бяше Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на
,,Романа на Дебрянскаго" (Брянскаго) ,,Князя. Довмонтъ же бя-
,,ше съ ними же пошелъ... и воротися назадъ, тако река: кобь"
(гаданіе, волшебство) ,,ми не дасть съ вами пойти... и погна
,,вборзѣ, и изогна Миндовга, и уби его, и оба сына его съ нимъ
,,уби, Рукля же и Репьскея... Воишелкъ же убоявся и бѣжа до
,,Пинска; а Тренята нача княжити во всей землѣ Литовской и
,,въ Жемоити, и посла по брата своего, по Товтивила до По-
,,лоцка, река тако: роздѣлимъ собѣ землю. Оному жь пріѣхавшю,
,,поча думати, хотя убити Треняту; а Тренята собѣ думаше
,,на Товтивила пакы, и пронесе" (объявилъ) ,,думу Товтивило-
,,ву Бояринъ его Прокопій Полочанинъ; Тренята же попередивъ
,,и уби Товтивила... И почаша думати Конюшіи Миндовгови, 4
,,паробци... идущю (Тренятѣ) до мовници мыти (въ баню), и уби-
,,ша Треняту... Се слышавъ Воишелкъ, пойде съ Пинлны къ
,,Новьгородку, и поня съ собою Новьгородци, и пойде въ Литву
,,княжити. Литва же вся пріяша его съ радостію... Воишелкъ
,,поча ворогы своя избивати, и изби безчисленное множество, а
,,друзіи розбѣгошась, камо кто видя; и оного Остафія уби окаян-
,,ного" (Рязанца) ,,о немъ же напреди списахомъ." (Сія обстоя-

тельства были извѣстны Стриковскому. Длугоіпъ пишетъ, что самъ Воишелгъ убилъ Тройната, или Треняту.) Далѣе: „Въ томъ „же лѣтѣ Миндовгова убитія (въ 1263) бысть веселье у Романа „Князя Дебрянского: нача отдавати милую свою дъщерь Олгу „за Володимера Князя, сына Василькова... И въ то время рать „пріиде на Романа Литовская; онъ же бися, и побѣди я; самъ же „раненъ бысть, и не мало показа мужество свое, и пріѣха въ „Дебряческъ" (Брянскъ) „съ побѣдою, и не помня раны за радость, и отда дъщерь свою. Бяху бо у него иныя три, а се „четвертая; си же бяше ему всѣхъ милѣе; и посла съ нею сына „своего старѣйшаго, Михаила."

Въ Новогород. Лѣт.: „Того жь лѣта (1263) роспрѣвшеся „убійцы Миндовгови о товаръ его, убиша Князя Полотьскаго „Товтивила, а Бояры Полотьскыя исковаша, и просиша у Полочанъ сына Товтивилова убити же, и онъ вбѣжа въ Новгородъ „съ мужи своими. Тогда Литва посадиша свой Князь въ Полотьскѣ, а Полочанъ пустиша, которыхъ изымали съ Княземъ ихъ, „а миръ взяша."

(120) Такъ въ современномъ Лѣтописцѣ Новогородскомъ. Татищевъ называетъ Воишелга сыномъ Княжны Тверской. Далѣе: „всю землю (въ 1265 г.) оружіемъ поплѣни, а по Христьянской земли веселіе бысть всюда.... Крести я (Литовцевъ) „Князь Святославъ" (см. ниже, примѣч. 125) „съ Попы Пльсковскими," и проч.

(121) Современный Новогород. Лѣт. говоритъ только: „посадиша (въ 1266) Пльсковичи у себе Князя Довмонта Литовского;" а въ особенной повѣсти о благовѣрномъ Князѣ Довмонтѣ (см. въ Синодальн. библіот. рукопись подъ No 349, листъ 162) включенной въ лѣтопись Псковскую и другія, прибавлено: „сій же Князь первѣе имѣя къ идоломъ служеніе по „отчи преданію; егда же Богъ восхотѣ избрати собѣ люди новы, „и вдохну вонь благодать Св. Духа, и възбну яко отъ сна отъ „идольскаго служенія, и крещенъ бысть въ церкви Св. Троицы „и наречено бысть имя ему Тимоѳей, и бысть радость велика „въ Псковѣ, и посадиша его на Княженіи." Новѣйшіе Лѣтописцы несправедливо называютъ его меншимъ братомъ Воишелговымъ (см. Воскресен Лѣт. I, 49).

Въ Новогород. Лѣт.: „Князь же Герденъ совкупи силу „Литовскую, и погонися, и яко увѣдаша Пльсковичи погоню, отслаша полонъ, а сами сташа о сю сторону Двины. Литва же „нача бродитися. Тогда Пльсковичи сняшася съ ними... И множество много ихъ побиша," и проч. А въ сказаніи о Довмонтѣ „поимъ (Довмонтъ) съ собою Псковичь ратныхъ

„мужъ три девяноста, и отчьство свое повоева и Княгиню „Эрденевую полони, тешку свою Евпраксію" (слѣдственно Христіанку?) „и дѣти ея... И переБродившесь Двину, отъѣха „за 5 версть, и ста шатры на Бору Чисшѣ, а стражи поставя „на Двинѣ, Давида Якуновича съ Лувою Литвиномъ; двѣ жь девя-„ностѣ мужь отпусти съ полономъ, а въ единомъ девяностѣ „самъ ся оста, ждя по собѣ погони. Герденю жь съ своими Князми „дома не бывшю" — у Татищ. ходилъ войною на Поруси— „и пріѣхаша въ домы своя... и оплъчися Герденъ и Гоитортъ, и „Люмбій, и Любгайло и прочи Князи въ семи стахъ рати, и „погнаша въ слѣдъ Довмонта, хотяще его руками яти и лютой „смерти предати... Стражіе же пригнавше повѣдаша Довмонту, „что рать (Литовская) перебродилася Двину. Довмонтъ же ре-„че Давиду и Лувѣ: помози вамъ Богъ на стражи вашей; „и пакы рече: братья мужи Псковичи! кто старъ, тотъ „отецъ; а кто младъ, то ми братъ! Слышалъ есми „мужество ваше во всѣхъ странахъ: се же вамъ пред-„лежитъ животъ и смерть. Братіе моя! потягните „за домъ Святыя Троицы, и проч. Тогда же бѣ приспѣлъ „день Мученика Христова, Леонтія... И тако единѣмъ девяно-„стомъ 700 ратныхъ побѣди. Тогда убіенъ бысть Князь Вели-„кый Литовскый Гоиторть" (въ другихъ спискахъ: Гогортъ) „и инѣхъ Князей много... И Двина изверже 70 (Литвы) на ост-„ровъ Гоидовъ, а инѣхъ на прочая островы, а иніи внизъ от-„плыша. Тогда же убіенъ бысть единъ Псковитинъ Антоній „Лочковъ, братъ Смолиговъ." Если дѣйствительно непріятелей было 700, а нашихъ 90 человѣкъ, то подробности столь маловажнаго дѣла не должны быть внесены въ общую Исторію. Но выраженіе современнаго Лѣтописца Новогородскаго: „множьство „много," заставляетъ думать, что число Литвы и Псковитянъ было превосходнѣе означеннаго въ Сказаніи. Сочинитель сей повѣсти говоритъ, что Довмонтъ, извлекая мечь, призывалъ имя Св. Леонтія и Князя Всеволода-Гавріила Псковскаго: въ другихъ спискахъ нѣтъ Всеволодова имени. — Далѣе въ Новогород. Лѣт. сказано, что Довмонтъ въ тотъ же годъ, зимою, ходилъ опять на Литву.

(122) Ярославъ ѣздилъ изъ Новагорода въ Великое Княженіе. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что онъ, уѣхавъ опять изъ Новагорода, оставилъ тамъ Княз Димитрія Александровича: по извѣстію же Лѣт. Новогород. тамъ начальствовалъ, въ отсутствіе Великаго Князя, Юрій Андреевичь (см. ниже, примѣч. 123).

(123) „Загорѣся на Кузмодемьяни улици, передъ вечернею...

„и по водѣ хожаше огнь,“ и проч. Далѣе: „Того же лѣта (1267) „ходиша Новгородци съ Елевѳерьемъ Сбыславичемъ и съ Довмон-„томъ и съ Пльсковичи на Литву,“ и проч. Въ Никонов. прибавлено, что они убили Князя Литовскаго, Герденя, и что въ Новѣгородѣ былъ мятежъ. Далѣе: „Сдумаша Новгородци съ Кня-„земъ своимъ Юрьемъ, хотѣша ити на Литву, а иніи на Пол-„теск, а иніи за Нарову, и яко быша на Дубровнѣ, бысть ра-„спря, и вспятишась, и поидоша за Нарову къ Раковору — и города „не взяша. Застрѣлиша же съ города мужа добра, Ѳедора Сбы-„славича, и инѣхъ 6 человѣхъ.“ Эстонцы и теперь называютъ Везенбергъ Раковоромъ (Rackwerra).

(124) Въ Новогор. Лѣт. сказано: „и изыскаша масте ы „порочные, и начаша чинити порокы;“ а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ названъ здѣсь одинъ мастеръ Тогаломъ.

(125) „Сдумавше Новгородци съ Посадникомъ Михайломъ, „призваша К. Дмитрія изъ Переяславля съ полкы, а по Ярослава „послаша... И посла въ себе мѣсто Святъслава съ полкы.... И „совокупившеся Князи въ Новгородъ: Костянтинъ (зять Нев-„скаго), Ярополкъ (неизвѣстный) и инѣхъ Князій нѣколико.“ Святославъ, коего Великій Князь прислалъ вмѣсто себя, несправедливо названъ въ Воскресенск. Лѣт. Александровичемъ. Онъ былъ Михаиловъ братъ (см. Новогород. Лѣт. стр. 152), а Михаилъ сынъ Ярославовъ.

(126) „А тамо ѣздивъ Лазорь Моисіевичь, водилъ всѣхъ ихъ къ „кресту, Пискуповъ и Божіихъ Дворянъ—и пояша (Нѣмцы) на свои „руцѣ мужа добра изъ Новагорода, Семьюна, цѣловавше крестъ.“

(127) „Наѣхаша пещеру непроходну — и стояша три дни; „тогда мастеръ порочный хитростью пусти на ня воду.“ — Въ Эстоніи извѣстна не малая рѣка Кегль; но она гораздо далѣе Везенберга: здѣсь разумѣется та, на коей стоитъ сей городъ, или другая, не далеко отъ нее текущая; имена ихъ не означены на картахъ. Въ Никонов. и въ другихъ лѣтописяхъ, вмѣсто Кеголи, поставлена Кигора. — О битвѣ см. Руссов. Chr. л. 26, Кельх. Liefl. Gesch. стр. 96, и Арнт. Chron. 62. Они полагаютъ ее въ 1272 году; но лѣтосчисленіе ихъ явно несправедливо. Сіи Историки относятъ смерть Миндовга къ 1271 году: вмѣсто чего онъ убитъ въ 1263 году, какъ говорятъ согласно наши лѣтописцы, Польскіе и Стриковскій. Если Магистеръ Конрадъ фонъ - Меденъ, при коемъ случилось убіеніе Миндовга, начальствовалъ 3 года, то Отто фонъ - Роденштейнъ заступилъ его мѣсто и сражался съ Россіянами гораздо ранѣе 1272 года. Въ Новогород. Лѣт. сказано, что сраженіе было 18 Февр. въ Субботу Сыропустную: слѣдственно въ 1268 году по нынѣшнему

лѣтосчисленію съ Генваря. — Далѣе: „Плсковичи сташа по „правой руцѣ, а Дмитрій и Святославъ по праву же выше, Нов„городци же въ лице Желѣзному полку, противу Великой „свиньи“ — т. е. сей полкъ стоялъ острою колонною, чтобы тѣмъ удобнѣе врѣзаться въ ряды. — Далѣе: „Сотворися зло ве„лико; убиша Посадника Михайла и Твердислава Чермного Ни„кифора Радятинича, Твердислава Моисѣевича, Михайла Крив„цевича и Ивана, Бориса Илдятинича, брата его Лазоря Рат„шю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, „Поромона Подвойскаго, Полюда и много добрыхъ Бояръ, а иныхъ „черныхъ людій безъ числа. Не бысть Тысячьского Кондрата, „Ратислава Болдыжевича, Данила Мозотинича и иныхъ много; „Богъ ихъ вѣсть... А Юрьи Князь вда плечи, или перевѣтъ (из„мѣна) былъ въ немъ, то Богъ вѣсть... Бывшю бо великому „тому сятію и добрымъ мужемъ главами своими покывающе „за Св. Софью, Господь посла милость Свою... Пособи Князю Ди„митрію и Новгородцемъ — и гониша ихъ бьюче до города „въ 3 пути на семи верстъ, яко же не мочи ни коневи сту„пити трупіемъ; и тако вспятишася отъ города, и узрѣша „иный полчищъ Свинью великую, котора баше вразилася въ „возникы Новгородьскые, и хотѣша Новгородци на нихъ уда„рити,“ и проч. Маловажныя прибавленія Никон. Лѣт. недостойны замѣчанія. Напрасно Князь Щербатовъ думалъ, что Желѣзный полкъ Нѣмецкій принудилъ Новогородцевъ къ отступленію и ворвался въ ихъ обозы: Новогородцы также гнались съ Димитріемъ за непріятелемъ до Везенберга; а въ обозъ ихъ врѣзалось другое войско Нѣмецкое. — Въ Псков. Лѣт.: „И бысть сѣча зла (близъ Раковора), и Новгородцы со Псковичи „побѣдиша — и прошедъ горы непроходимыя и иде (Довмонтъ) „на Вируяны и плѣни землю ихъ до моря, а паки возвратися „съ полономъ.“ Вируянами назывались жители Вирромы или Вирландіи, то есть Везенбергской области.

(128) Арнт. Liefländ. Chron. и Кельх. Liefl. Gesch. Въ сказаніи о Довмонтѣ: „По нѣколицѣхъ днехъ „(послѣ Раковорской битвы)„ остатокъ събравшесь поганыя Латины и пришедше „тайно, взяша украйны нѣколико Псковскыхъ селъ и възврати„шась вскорѣ. Боголюбивый же Князь Довмонтъ выѣха въ по„гоню въ пяти насадѣхъ съ 60 мужь Псковичь и побѣди 800 Нѣ„мець на рѣцѣ на Миротовнѣ: овыхъ иссѣче, а иніи истопоша „въ водѣ, а двѣ насадѣ бѣжаша въ иныя острова. Довмонтъ же „повелѣ зажещи островъ, и егда начаша погани бѣгати, палимѣ „травѣ, въсподѣша огнемъ и власы на нихъ и порты, и тако „побѣди ихъ Апр. 23. Слышавъ Местеръ земли Ризьскыя муже-

„ство Довмонта, ополчився въ силѣ тяжцѣ безъ Бога и пріиде „ко Пскову, ови на конехъ, а иніи въ кораблехъ и въ лодіяхъ, и „съ пороки.“ Такъ и въ Ливонскихъ лѣтописяхъ (гдѣ означено число Нѣмецкаго войска). Далѣе: „Вниде (Довмонтъ) въ церковь „Св. Троицы, и положивъ мечь свой предъ олтаремъ Господнимъ, „падъ моляшеся много съ плачемъ... Игуменъ же Сидоръ и весь „Іерейскый чинъ вземше мечь и препоясавше благословиша и. „Довмонтъ же въ множествѣ ярости мужества своего, не дождавъ „полковъ Новгородскыхъ, съ малою дружиною, съ мужи Псковичи, выѣхавъ изби полкы ихъ, и самаго Местера рани по лицю. Они же трупія своя многы учаны накладше отвезоша въ „землю свою, а прочій остатокъ ихъ устремишась на бѣгъ м. „Іюня въ 18 день.“ Въ Новогород. Лѣт.: „Въ лѣто 6777 (1269) „придоша Нѣмцы въ силѣ велицѣ подъ Пльсковъ въ Недѣлю „всѣхъ Святыхъ, и приступиша къ городу, и не успѣша ни „чтоже, но большую рану въспріяша и стояша 10 дній. „Новгородци же съ Княземъ Юрьемъ погонишася по нихъ, иніи „на конехъ, а иніи въ насадѣхъ, и яко увѣдаша Нѣмци Новгородскый полкъ, побѣгоша за рѣку. Новгородци же пріѣхаша въ „Пльсковъ, и взяша миръ чрезъ рѣку на всей воли Новгородьской.“ Ливонскіе Лѣтописцы (см. Арнт. Chron. и Кельх. Gesch.) говорятъ, что Князь Россійскій Ierian (Юрій) способствовалъ заключенію мира.

Сказаніе о Довмонтѣ согласно съ лѣтописію Новогородскою въ главныхъ обстоятельствахъ; но какъ въ немъ время происшествій не означено, то Лѣтописецъ Псковскій, отъ слова до слова сообщая тѣже извѣстія, наугадъ ставитъ предъ описаніемъ маловажнаго дѣла, бывшаго на рѣкѣ Мироповнѣ, годъ 1271; осаду же Пскова относитъ къ 1272, въ противность Сказанію, гдѣ именно означено, что первое дѣло случилось черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Довмонта изъ Эстоніи. Другіе Лѣтописцы (а за ними и наши Историки) слѣдуя вмѣстѣ и Псковскому и Новогородскому, сдѣлали изъ одной осады двѣ, сказывая, что Магистеръ и въ 1269 и въ 1272 году приходилъ ко Пскову — то есть, впали въ ошибку еще грубѣйшую: ибо Псковскій Лѣтописецъ не говоритъ по крайней мѣрѣ о двухъ осадахъ. Я разумѣю здѣсь списокъ его находящійся въ Архивѣ Иностранной Коллегіи; въ другомъ же Синодальномъ (No 349, л. 169 на обор.) сказано, что сраженіе подъ Раковоромъ было въ 1267 году, и что Магистеръ въ то же лѣто приходилъ ко Пскову.

(129) „Пріѣха Ярославъ, и нача жалити (жаловаться): мужи мои и братья моя и ваша побита, а вы розра-

„тилися съ Нѣмци; дръжаше (Ярославъ) гнѣвъ на Жиро-„слава Давидовича, и на Михайла Мишинича, и на Юрья Сбы-„славича, хотя ихъ лишити волости.“ Ник. Лѣт. пишетъ: „въ Новѣградѣ бысть мятежъ (до пріѣзда Ярославова): овіи хо-„тѣша послати къ Вел. Князю, како бы ся съ Нѣмцы до конца „умирити, ови жь не хотѣша.“ — Архіепископъ ѣздилъ въ слѣдъ за Ярославомъ „съ вятшими мужи — и воротиша его съ Броньницы.“ — Избранный въ угодность Ярославу Тысячскій назывался Ратиборъ Клуксовичъ. — Ярославъ посылалъ, за Низовскими полками, сына своего, Святослава. — Ниже въ лѣтописяхъ говорится только о Нѣмцахъ; но Датчане безъ сомнѣнія участвовали въ семъ мирномъ посольствѣ: ибо Новогородцы хотѣли воевать съ ними: „Хотѣша ити къ Колываню, и Нѣмцы „прислаша съ молбою: кланяемся на всей воли вашей. „Норовы всей отступаемся; а крови не проливайте.“ Никон. Лѣт. прибавляетъ, что Нѣмцы, боясь имени Татарскаго, одарили Баскака Амрагана, зятя его Айдара и всѣхъ Татарскихъ Князей.

(130) „Убиша Иванка, и иніи вбѣгоша въ Св. Николу, а заутра побѣгоша къ Князю на Городище Тысячьскый Ратиборъ, „Гаврило Кыяниновъ и иніи пріятели его.“ — Упреки Новогородцевъ: „Чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловьци, а поле „заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Мортькинича? „чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи и на Романѣ Болдыжевичи и на Вареломеи?“ и проч. — Ярославъ посылалъ на Вѣче не Новогородскаго, а Княжескаго Тысячскаго, именемъ Андрея Воротиславича.

(131) Внукъ Мстислава Романовича Кіевскаго, убитаго на Калкѣ. — Василій именуетъ Новгородъ своею отчиною по тому, что отецъ его, Ярославъ Всеволодовичь, княжилъ въ ономъ.

(132) „Пригониша сторожи Ярославли мало не до Городища, „и выйдоша весь градъ въ оружіи, отъ мала и до велика, къ Городищю, и стояша два дни пѣши за Жилотугомъ, а коневни-„цы (конница) за Городищемъ.“ Никон. Лѣт. баснословитъ, что Новогородцы призвали тогда и Нѣмцевъ въ помощь. — Далѣе: „Идоша въ Голино, и стояша недѣлю на Бродѣ; а Ярославль „полкъ объ ону сторону, и присла Митрополитъ грамоту въ Нов-„городъ, река тако: мнѣ поручилъ Богъ Архіепископію въ Рускской земли; вамъ слушати Бога и мене. Кръви не проливай-„те,“ и проч. Никонов. Лѣт. украшаетъ сію грамоту по своему. Далѣе: „Аще будете и крестъ цѣловали, азъ за то пріиму опитемью:“ ибо Новогородцы часто, изгоняя Князей, давали клятву не мириться съ ними.

Договорная грамота Ярославова находится въ Архивѣ Иностран. Кол. подъ No 1. Выписываю изъ нее только нѣкоторыя мѣста: „Благословеніе отъ Владыкы, поклонъ отъ Посадника „Павше... А въ Русу ти, Княже, ѣздити на третію зиму, а лѣ„томъ, Княже, ѣздити на Озвадо звѣри гонить; а въ Ладогу, „Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отца своего „Ярослава; а ту грам ту, Княже, отъялъ еси; а та грамота, „Княже, дати ти назадъ; а въ Ладогу, Княже, ѣздити на тре„тіе лѣто... А что, Княже, грамоты посудилъ еси отца своего „и брата своего, а свое грамоты подаялъ еси на ты грамоты, „ты грамоты отъимати, а старые оправливати... А Дворяномъ „твоимъ како пошло погонъ имати отъ Князя по пяти кунъ, а „отъ Тивуна по двѣ кунѣ... А что еси, Княже, отъимъ у Кюри„ли Хотуниче, далъ еси Попу Св. Михаила, а городискымъ По„помъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погостѣ: вдай „опять; а холопъ или роба почнеть вадити на господу, тому ти „вѣры не яти; а на Низу, Княже, Новгородца не судити, ни да„ній ти раздавати; а что, Княже, тобѣ было гнѣва на Посад„ника и на вСь Новгородъ, то ти, Княже, все нелюбье отложи„ти, и отъ мала и отъ велика не мщати ти ни судомъ, ни„чимъже; а кто почнеть вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не „яти. А про послы, Княже, и про купче Новгородьскые, что въ „Костромѣ и по инымъ горедомъ, то исправивъ пусти въ Новъ„городъ съ товаромъ. А въ Нѣмецьскомъ дворѣ тобѣ торговати „нашею братіею, а двора ти не затворяти, а приставовъ ти „не приставливати. А про полонъ, кто кдѣ заточенъ, или чело„вѣкъ или конь Русьскый и Новгородскый, то исправи. А село „Св. Софіи исправи къ Св. Софіи; а до Владыкы, отча нашего, „гнѣва ти не держати... А гости нашему гостити по Суждаль„ской землѣ безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ; а судьѣ слати на „Петровъ день... А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, „или за тобою или за Княгынею, или за мужи твоими, кто ку„пець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнеть въ свой „погостъ. Тако пошло въ Новѣгородѣ.“

(133) Слѣдственно купцы раздѣлялись на Ста: всякое Сто имѣло свою управу. — Выраженіе въ подлинникѣ: „гостить безъ „рубежа,“ значило торговать свободно.

(134) И такъ грамота Хана или Царская была у насъ закономъ и въ торговлѣ.

(135) Не сына ли Товтивилова, ушедшаго по смерти отца въ Новгородъ? см. выше. Впрочемъ сіе имя не Русское; у насъ есть только женское Августа.

(136) „Того жь лѣта (1266) умре Царь Татарскый Берка, и

„бысть ослаба Руси отъ насилья Бесерменъ." См. Абульгази Hist. des Tatars, 453, Троиц. Лѣт., Никоновск., Степен. Книгу (I, 383) и Временникъ. Въ харатейной Троицкой прибавлено здѣсь слѣдующее разсужденіе: „о взлюбленіи Князи Русь„скыи! не прелщайтесь пустошною славою свѣта сего, еже ху„же паучины (паутины) и яко стѣнь мимо идеть; не принесо„сте бо на свѣтъ съ (сей) ничто же, ни отнести можете. Не „обидите меньшихъ сродникъ своихъ: Ангели бо ихъ видять ли„це Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ. Взлюбите чистоту, „да радости Святыхъ исполнитесь, яко сій блаженный Романъ „купи си (себѣ) страстію царство небесное, и вѣнецъ пріятъ „отъ руки Господня съ сродникомъ своимъ Михаиломъ."

(137) Въ Троицк.: „Поидоша (въ 1271) Князи въ Татары, „Ярославъ, Василій и Дмитрій... Тое же зимы" (а по Новогород. въ 1272) „преставись Вел. Князь Ярославъ, ида изъ Татаръ „— и везоша его на Тферь Епископъ Семенъ, Игумени и Попове „— и положиша въ церкви Св. Кузмы и Демьяна." — Въ то же время (см. лѣтописи Синодал. No 349 и 365, и Засѣцкаго) скончался и сынъ Ярославовъ Михаилъ; а супруга Великаго Князя, именемъ Ксенія, жила въ Твери до 1312 года, и скончалась Монахинею.

(138) См. выше, примѣч. 113, въ описаніи случаевъ Александрова княженія; см. также Степен. Книгу, I, 392 — Никонов. Лѣт. III, 62, и Родословн. Книги. Прежде Ѳеодора не упоминалось о Князьяхъ Можайска, Удѣла Смоленскаго. Въ Степен. Кн. I, 393: „Царица же, яко видѣ его (Ѳеодора) свя„толѣпное благородіе лица, яко же Египтянина Іосифа, и уяз„вися сердце ея, еже любити его... Царь же всегда повелѣ ему „предстояти у себе, и чашу отъ руки его пріимаше, и 3 лѣта „держаше его. Царица же мысляше дщерь свою вдати ему въ „жену," и проч. Далѣе: „Теща же его и Боляре не пріяша его „(Ѳеодора) и нелѣпая словеса глаголаша изъ града женскимъ „умышленіемъ: мы таковаго обычая не имамы, еже отъинуду „пришедша пріяти; довлѣетъ намъ отечеству наслѣдникъ Князь „нашъ, Михаилъ, сынъ твой..... Посла Царь (Татарскій) къ Пат„ріарху въ Царьградъ съ писаніемъ, еже бы отъ него получити „благословеніе дщери его. Патріархъ же посла благословеніе, вку„пѣ же и къ Царю писаніе, яко да повелитъ крестити дщерь „свою!!... Даруя ему (Ханъ Ѳеодору) грады многи, яко триде„сять и шесть: въ нихъ же Черниговъ, Болгары, Кумане, „Корсунь, Туру, Казань, Арескъ, Гормиръ, Балымата. Къ „симъ же вдаде на послуженіе Князей и Болярь Рускихъ; еще „же и полграда вдаде ему своего, идѣже царстіова, злата и

„жемчугу множество... Всегда противу себе сѣдыни повелѣваше „ему: Царскіи вѣнець свой по вся дни полагаше на главу его „и в свою драхму облачаше его; повелѣ же ему домъ устроити,“ и проч. — О Казани будемъ говорить послѣ.

(139) „И собою устрои Протопопа, Іереевъ и Діаконы, и „ины храмы воздвиже, и Св. икону Божія Матери украси; ча„сто же прихождаше въ монастырь Св. Спаса,“ и проч. — О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году.

(140) Отцы ихъ, какъ уже извѣстно Читателю, были сыновьями Великаго Князя, Всеволода III. О Димитріи: „Постригся въ Черньци и въ Скиму отъ Епископа Ростовскаго Игнатья, „ту сущю Глѣбу Князю (Васильковичу, Бѣлозерскому) и мати „его, сѣдящимъ имъ у него, оному же языкъ связася; и възрѣвъ „на Епископа, и рече: Господине Владыко! исполни Богъ твой „трудъ... Се мя еси покрушилъ (изготовилъ) на долгыи путь,“ и проч. Его погребли въ Юрьевскомъ монастырѣ Св. Михаила: (см. выше, примѣч. 63. Оставилъ ли Димитріи сыновей, не знаемъ (см. ниже, примѣч. 317).

(141) Волынск. Лѣт.: „Король бяше тогда впалъ въ бо„лѣсть велику, въ ней же и сконча животъ свой, и положиша „его въ церкви Св. Богородицы въ Холмѣ, юже бѣ самъ създалъ. „Сь же Король Данило, Князь добрый и хоробрыи и мудрый, „създа городы много... бяше бо братолюбіемъ свѣтяся съ бра„томъ Василькомъ, вторый по Соломонѣ.“ По списку Ипатьев. онъ скончался въ 1264 году, а по Длугошу въ 1266. Сказавъ о смерти Даніиловой, Лѣтописецъ Волынскій прибавляетъ: „Въ „та же лѣта явися звѣзда на Въстоцѣ хвостатая образомъ „страшнымъ, испущающи отъ себе луча великы; си же звѣзда „нарицашеся власатая; и страхъ объя человѣкы. Хитрецы „же рекоша, иже мятежь будетъ великъ въ земли, но не бысть „ничего же.“ Это говорится о Кометѣ 1265 года (см. Cométographie, I, 411). — Длугошъ пишетъ, что въ 1287 году, когда Ногай и Телеоуга громили Польшу, въ монастырѣ Сандецскомъ жила супруга Даніилова, Констанція, вмѣстѣ съ сестрою своею, Кингою, женою Болеслава Краковского (Hist Polon. кн. VII, 847). Сія Констанція, дочь Белы Венгерскаго (какъ сказываетъ намъ Лѣт. Волын.) была за Львомъ Даніиловичемъ, а не за отцемъ его. Ходыкевичь, согласно съ Зимоpовичемъ (см. ниже, примѣч. 202) говоритъ, что она, выпросивъ у Льва мѣсто сгорѣвшаго Лембергскаго дворца, основала тамъ монастырь Доминиканскій: quod eiusdem (Льва) diplomate firmatum fuit, прибавляетъ Авторъ, не сообщая сеи грамоты.

(142) Въ Волынск. Лѣт.: „Пойде Литва на Ляхы“ (по

Ипат. въ 1268 г.) „и идоша мимо Дорогичинъ; слугы же Швар-„нови идоша съ ними же и воеваша около Скаришева и около „Виздъже и Торжку. Тогда же Болеславу Князю больну сущю „вельми; потомъ же оздоровися, посла къ Шварнови, сущю ему „въ Новѣгородцѣ, тако река: про што мя еси воевалъ?.. Шварно „же запрелся, тако река: Литва тебе воевала. Посолъ же рече: „на Литву не жалую — не мирникъ мои — но на тя жалую... „И отселѣ заратишася, и почаша Ляхове воевати около Холма. „Воеводы же быша съ ними Сигнѣвъ, Вържъ, Сулко, Невступъ, „и не взяша ничего же; збѣгли бо ся въ городъ, зане вѣсть бяху „подали имъ Ляхове Украйняне... Шварно пріѣха вборзѣ, и Ва-„силько Князь и сынъ его Володимеръ пошли въ Ляхы воевати: „Шварно около Люблина; а Володимеръ около Бѣлое... И пои-„доша во свояси, Шварно къ Холмови, а Володимеръ къ Чръвну „(ту бо бяше отецъ его Василько); изъ Чръвна же пойде къ Во-„лодимерю. И посемъ Ляхове почаша воевати около Чръвна „тое же недѣли, и не вземше ничего... И Болеславъ присла къ „Василькови Григорія, Пробоща Люблинскаго... И норекоста „собѣ сънемъ въ Тернавѣ... И бывшю Васильку въ Грабовци, „пріиде вѣсть, аже Ляхове лесть учинили и ко соймови не шли... „но поидоша къ Бельзу воевати. Василько же пойде вборзѣ съ „Шварномъ и съ сыномъ Володимеромъ, и пріидоша къ Чръвну, „и видѣша, аже села горятъ. Василько же пусти на ня воротъ, „идѣ же бяху Ляхове, и убиша многыя... Ляхове же поидоша „назадъ. Василько же посла по нихъ Шварна и сына, тако ре-„ка: олны пойдутъ раздѣлившеся, то бійтеся съ ними... Швар-„но бяше впередѣ... Ляхове же бяху еще не вошли въ свою зем-„лю, но токмо ворота прошли; се же мѣсто бяше твердо, зане „не мощно бысть обойти его: тѣмъ же и нарицахусь ворота „тѣснотою своею. Ту же и угони я Шварно, и не дожда брата „своего и устремися на бой... И поломиша Ляхове полкъ Швар-„новъ... и убиша многы, отъ Бояръ и отъ простыхъ; убиша оба „сына Тысяцкого, Лаврентія и Андрея; не мало показаста му-„жество, и не побѣгоста братъ отъ брата... Посемъ же умири-„шась Ляхове съ Русью."

Романъ Даніиловичъ погребенъ въ Холмѣ. — Даніилъ заключилъ союзъ съ Болеславомъ за годъ до смерти Миндовга. Въ Волынск. Лѣт.: „Снимашась въ Тернавѣ Данило Князь съ „двѣма сынома своима" (слѣдственно Романа уже не было на свѣтѣ) „съ Львомъ и съ Шварномъ, а Василько съ своимъ сыномъ, „и положиша рядъ о землю Рускую и Лядскую."

Далѣе: „Княжащю Воишелкови въ Литвѣ, и поча ему по-„могати Шварно и Василько" (въ годъ Даніиловой кончины):

„нарекъ бо бяше Василька отца собѣ и господина... И видѣ „Воишелкъ помочь Шварнову и Василькову, и нача городы има-„ти въ Литвѣ и въ Налщанохъ, а ворогы своя избивъ..... По „семъ же Воишелкъ да Княженіе свое зятю своему, Шварнови, „а самъ опять въсхотѣ пріяти Мнишескый чинъ. Шварно же „моляше ему по велику, абы еще княжилъ съ нимъ въ Литвѣ; „но Воишелкъ не хотяше.. И иде до Угровска въ монастырь „Св. Данилія, и взя на себе Чернеческыя порты, тако река: се „ми здѣ близъ мене сынъ мои Шварно, а другый отецъ мой „Василько... Григорій же Полониньскый еще живъ бяше... Вои-„шелкъ же посла понъ, и пріиде.... И въ то время присла Левъ „къ Васильковн, тако рече: хотѣлъ быхъ сняпися съ тобою, „абы тутю и Воишелкъ былъ. Василько же посла по Воишелка „Страстное недѣли... Воишелкъ же боязя Льва, но поѣха на Ва-„силькову руку" (поруку)..... „Уби (Левъ) Воишелка завистію, „иже бяше далъ землю Литовскую Шварнови." Сіе случилось въ 1267 году, Дек. 9, по сказанію Длугоша.

(143) См. Хронику Стриковскаго. Въ Волынск. Лѣт.: „Княжащю по Воишелцѣ Шварнови въ Литвѣ, княживъ же не „много лѣтъ, и тако преставися, и положиша тѣло его близъ „гроба отня" (въ Холмѣ)... „Посемъ же нача княжити въ Лит-„вѣ окаянный, немилостивій Тройденъ, его же беззаконія не мо-„гохомъ списати срама ради... Такъ бо бяше беззаконникъ, яко „и Антіохъ Сурскій, и Иродъ Іерусалимскый, и Неронъ Рим-„скый."

(144) См. Раича Исторію Сербовъ, кн. VII, гл. IX, стр. 424. Онъ приводитъ слѣдующія слова древнѣйшаго Сербскаго Историка, Архіепископа Даніила, сочинившаго Родословъ въ началѣ XIV вѣка: „въ Рушкую бо землю многократно посылаше „(Краль Стефанъ) слы своя съ многочисленными дары къ Боже-„ственнымъ церквамъ, и елико милостины къ нищимъ. Въ той „бо земли Рущцѣй имѣ любовнаго пріятеля, Кнеза Василіа, „и тому должну честь вздаваше, глаголы сладкія возсилая ему." Раичь, худо зная нашу Исторію думалъ, что сей Князь Василій былъ сынъ Ярослава Всеволодовича. — Въ Волын. Лѣт.: „Преставися" (въ 1269 году: см. примѣч. 177.) „Князь Христолю-„бивый Великый Володимерскый Василько и положиша его въ „Епископьи Володимерскои." Супруга Василькова, Елена, скончалась въ 1265 году и погребена въ Владимірской церкви Богоматери. Въ томъ же году, по сказанію Волынск. Лѣт., былъ страшный мятежъ въ улусахъ Татарскихъ.

О монашествѣ Василія пишетъ Зиморовичь (см. ниже примѣч. 202) въ его Triplici Leopoli; а Ходыкевичь (см. Dissertati-

ones de Archiepiscopatu Kijoviensi et Haliciensi), повторяя сіе извѣстіе, говоритъ: Basilius vero Princeps, cruenti animi vir audax et bellicosus, post juventam in castris actam, post multa bellorum incommoda senio confectus, in Monachum Sancti Basilii sponte tonsus, specum rubetis hispidam infra montem S. Georgii inhabitabat, cruentam arcis Sandomiriensis devastationem (о чемъ мы уже говорили) ductu suo patratam, austeritate vitae expiare satagebat. Левъ, исполняя желаніе дяди, построилъ въ Лембергскомъ предмѣстіи монастырь Св. Георгія изъ буковаго дерева.

(145) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 344, и нашей Исторіи Т. III, стр. 201.

(146) Memor. Popul. III, 1118 и слѣд. — Уберт. Фоліет. Hist. Gen. въ Thesauro Italico стр. 405 — Райнальд. Annal. Eccl. г. 1333, No 37 — Іеронимъ де-Маринисъ Genua, стр. 1435 Т. I Thesauri Ital. въ Samml. Russ. Gesch. Т. II. стр. 14, 83. 85. Маринисъ писалъ въ 1665 году: Genuenses Tanam (Азовъ) urbem tenuerint, in qua ad nostram aetatem durant adhuc nobiles Genuensium familiae. Нашъ Вице-Адмиралъ Корнел. Круйсъ увѣрялъ, что и въ его время еще находились тамъ потомки фамиліи Спинола (Samml. Russ. Gesch. II, 85). — Одинъ посолъ Короля Польскаго, видѣвъ развалины Херсона въ исходѣ XVI вѣка, слышалъ, что сей городъ опустѣлъ уже за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ (Броневск. Tataria, стр. 271, въ Исторіи Тавриды Г. Сестренцевича I, 350). — Въ запискахъ Князя Армянскаго, Іосифа Долгорукаго Аргутинскаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары, завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отчасти въ Кафѣ, отчасти въ Старомъ Крымѣ и близъ Судака. Сей Іосифъ Долгорукій сообщилъ свои записки Князю Потемкину (см. Исторію Тавриды Сестренц. II, 177). — Имя Кафы было извѣстно еще Императору Константину Багрянородному: такъ называлось одно мѣсто близъ Херсона (см. Бандури Т. I, стр. 148).

(147) Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 343. Бибарсъ, Государь Египта, съ дозволенія Хана Капчакскаго построилъ въ Крымѣ сію великолѣпную мечеть, желая прославить тѣмъ свою отчизну: ибо онъ былъ родомъ изъ Тавриды.

Случаи Ярославова княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1266 году женился въ Костромѣ Князь Василій Ярославичь и былъ вѣнчанъ Ростовскимъ Епископомъ Игнатіемъ въ церкви Св. Θеодора. Въ туже зиму „явися звѣзда на Западѣ, и бѣ луча отъ нея долга яко хвостъ къ

„полуденой странѣ и пребысть нощи 3, и пакы невидима бысть.“ — Въ 1266 родился у Князя Бориса Васильковича сынъ Василій. Пріѣхалъ Князь Глѣбъ Васильковичь изъ Орды въ тяжкой болѣзни, но выздоровѣлъ. — „Лѣта 6777 (1269) Митрофанъ Епискупъ „Сарьскый отписась (отказался) Епискупіи Сарьской и пост, и- „жеся въ Скыму; въ его мѣсто постави Митрополитъ Епискупа „Ѳеогноста Русьскому Переяславлю и Сараю.“ — Въ 1270 преставился въ Новѣгородѣ Игуменъ Св. Георгія, называемый также и Архимандритомъ. — Въ 1271 скончался сынъ Невскаго, Василій Александровичь „Того же лѣта, пятыя недѣли поста, бысть „знаменіе (затмѣніе) въ солнцѣ, яко погибнути ему всему до обѣ- „да, и пакы наполнися. Тое же зимы преставися благовѣрная „Княгыня Василькова Дек. въ 9 день, а въ лѣто Индикта XIV, „яко Литургію поють по всему городу, ту сущю въ монастыри „у нее Борису Князю съ Княгынею и съ дѣтми, а Глѣбу тогда „сущю въ Татарѣхъ, и предасть душу тихо и нетрудно и без- „мятежно... вси людіе града Ростова стекошася въ монастырь „Св Спаса, Епискупъ Игнатій, Игумени и Попове и Клирици, и „погребоша ю у Св. Спаса въ своемъ монастыри съ многыми „слезами“ Въ Новѣгородѣ Ѳедоръ Хотовичь построилъ церковь Св. Саввы и Козмы и Даміана на Холопьей улицѣ.

(148) См. выше, стр. 99. Здѣсь въ харатейномъ Новогород. Лѣт. пропускъ отъ 6780 до 6807 года. По лѣтописи Попа Іоанна Димитріи пріѣхалъ въ Новгородъ уже въ 1273 году; но мы болѣе вѣримъ Троицкой и харатейной Новогородской. Татищевъ вымыслилъ, что Василій хотѣлъ отнять у Новгородцевъ грамоты Ярославовы, и что они съ досады прибѣгнули къ Димитрію. — Далѣе Въ Троицк.: „Увѣдавъ се“ (отъѣздъ Димитрія въ Новгородъ) „Вел. Князь Василій посла по немъ Воеводу „своего Семена, а самъ иде къ Переяславлю, а оттолѣ къ Торжь- „ку; миръ створивъ межю собою и разыдоша розно.“ Въ лѣтописи Попа Іоанна: „Василіи Князь пожже (въ Торжкѣ) хоромы „и посади Тіунъ свой“ (по лѣтоп. Засѣцкаго: Намѣстника) „и иде назадъ на Кострому.“ Никон. Лѣт. вымышляетъ, что Воевода Семенъ возвратился со многими плѣнниками, и что Василій вмѣстѣ съ Баскакомъ и Татарами воевалъ Новогородскія области. — Далѣе: „Къ Василью послаша (Новогородцы) „Смена Михайловичь, Лазаря Моисіевичь, Стефана Душиловичь: „что еси поималъ волости Новгородскіи, то въспяти, а съ нами „миръ взъми.... А въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ, а гостинниковъ „по Низовьской земли товаръ отъимаша.... И възмятошась лю- „ди, и въсхотѣша Василія.“ (Никон. Лѣт. прибавляетъ, что Новогородцы испугались и Вел. Князя и Тверскаго, и Баскака

Татарскаго)... „Отъяша Посадничьство у Павши, и бѣже съ Ро-„маномъ къ Дмитрею, и оттолѣ идоша къ Василію, и поклони-„шасѣ... И даша Посадничьство Михаилѣ Мишиничю, и послаша „по Василia и цѣловаша на Тръжку образъ Господень, яко всѣмъ „единакыми быти съ Посадникомъ Михаиломъ... Того жь лѣта „отъяша Посадничьство у Михаила и даша опять Павш..., съ „Костромы приведше." Павша умеръ въ 1274 году, и мѣсто его заступилъ опять Михаилъ Мишиничь.

Великій Князь былъ два раза въ Новѣгородѣ: ибо въ описа-ніи 1274 года сказано: „пріѣха Князь Василии въ Новгородъ" (у-навъ, кажется, о смерти Павши).

(149) Въ Волынск. Лѣт.: „Живаше (Тройденъ) съ Львомъ „въ велицѣ любви, шлючи многы дары межи собою; а съ Воло-„димеромъ не живяше въ любви, про то, иже бяше отецъ его, „Василько, убилъ на войнахъ 3 браты Троиденовы... и воеваше-„ся съ нимъ, но не великыми ратми лѣто цѣло... Тройденъ же, „забывъ любве Львовы, пославъ Городняны, велѣ взяти Дорогы-„чинъ, и Тридъ съ ними бяше. Съ (сеи) же вѣдаше о городѣ, ка-„ко мощно взяти... и взяша въ ночи на Великъ день" (по Ипат. въ 1274 году)..... Левъ посла къ Великому Цареви Менгутимере-„ви, прося помощи на Литву. Менгутимеръ же да ему рать, и „Ягурачна съ ними Воеводу, и Задньпрьскыя Князи всѣ, Романа „Дебрянского и съ сыномъ Олгомъ, и Глѣба Князя Смоленьского, „и инѣхъ Князей много. Тогда бо бяху вси Князи въ воли Татар-„ской. Зимѣ же приспѣвши, и начась приспроивати Князи Рус-„тіи, Левъ и Мьстиславъ и Володимеръ. Идоша же съ ними и „Князи Пинстіи; и бысть идущимъ имъ мимо Туровъ къ Слуцку, „и ту ся сняста съ Татары у Слуцка... и поидоша вборзѣ къ „Новугородку, и не дошедше рѣкы Сирьвячь, сташа на ночь... „Перешедше рѣку до свѣта, въсходящю солнцю, и начаша изря-„живати полкы... Татарове идяху по праву, а отъ нихъ Левъ „своимъ полкомъ идяше... а Володимеръ по лѣву. Татарове же „прислаша ко Львови, рекучи: дѣти наша видѣша, аже рать „стоить за горою; пара идеть изъ коней... Но пара идяше съ „истоковъ, текущихъ съ горъ: зане морози бяху велици.... И „пріидоша къ городу... Мьстиславъ же бяше не притяглъ, воюя „по Полѣсью; ни Романъ (Брянскій), ни Глѣбъ (Смоленскій), но „Олегъ, сынъ Романовъ, притяглъ... Татарове же ждаху Романа. „Левъ же лесть учини межи братьею: утаився Мьстислава и „Володимера, вся околній городъ съ Татары, а дѣтинець остася. „Заутра же приде Романъ и Глѣбъ, и гнѣвахуся вси Князи на Льва... „Здумали бо бяху тако, аже бы, веземши Новьгородокъ, поити „въ Литовскую землю; но не идоша гнѣвомъ про Льва и възвра-

„пишась въ свояси... Отъ Новагородка пріѣха Олегъ въ Володи-„мерь къ своей сестрѣ. Володимеръ бо зовяше къ собѣ тестя... „Романъ же отпряся, тако река: сыну Володимере! не могу отъ „рати своея отъѣхати; се хожю въ земли ратной: а кто ми до-„провадить рать мою домовъ?"

(150) Въ Троицк. Лѣт.: „Татарове же велико зло и мно-„гу пакость и досаду створиша Христіаномъ идуще на Литву, „и паки назадь идуще отъ Литвы того злѣе створиша, по во-„лостемъ, по селомъ дворы грабяще, кони и скоты и имѣнье „отъемлюще, и гдѣ кого стрѣтили, облупивше нагаго пустять; „а около Курьска и Костро" — нынѣ села Костернаго на рѣкѣ Реутѣ въ Курск. Губерніи — „Велняни (Волынцы?) и въ ру-„кахъ потерли (?) и всюды и вся дворы, кто чего отбѣжалъ" — кто что оставилъ — „то все пограбиша поганіи, творящеся „на помощь пришедше, обрѣтошася на пакость. . . . Се же напи-„сахъ памяти дѣля и пользы ради," и проч.

(151) Въ Волынск. Лѣт.: „Посемъ же пріидоша Пруси къ „Тройденеви" (по Ипатьев. въ 1276 году).... „Онъ же посади „часть ихъ въ Городнѣ, а часть въ Слонимѣ. Володимеръ же съ „Львомъ послаша рать къ Слониму и взяста я, абыша землѣ не „подсѣдали. Посемъ же Троиденъ пославъ брата своего Сирь-„путья и воева около Камена. Володимеръ же противу того „пославъ и взя у него Турійскъ на рѣцѣ на Нѣмнѣ и села око-„ло его поима; и посемъ умиристася и начаста быти въ вели-„ци любви.... Посемъ же на зиму (въ 1277 году) присла окаян-„ный Ногай послы своя съ грамотами, Тегичага, Котлубугу и „Ешимута ко Львови и Мьстиславу и Володимеру, тако река: „всегда ми жалуете на Литву; се же вамъ далъ есмь рать и „Воеводу съ ними Мамучея... Зимѣ же приспѣвшей, идоша на „Литву Мьстиславъ и Володимеръ; а Левъ не иде, но посла сы-„на Юрія. И тако пойдоша къ Новугородку, и пришедшимъ къ „Берестію, и вѣсть приде, иже уже Татарове попередили къ „Новугородку. Князи же начаша думати: иже пойдемъ къ Нову-„городку, а тамъ уже Татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ „цѣлому мѣсту... И пойдоша къ Городну, и минувшимъ имъ Вол-„ковыескъ, сташа на ночь. Ту Мьстиславъ и Юрій, утаивщеся „Володимера, послаcта лучшіи своя Бояры воевати съ Туймою. „Онъ же воевавше и легоша на ночь безъ сторожей, и доспѣхъ „съ себе сънимавше. Тогда же утече бѣглець отъ нихъ до горо-„да, и нача повѣдати, оже людіе лежать на селѣ безъ ряду. „Пруси же и Бортове выѣхавше удариша на нѣ на ночь и из-„биша, а другыя въ городъ въведоша, и Тюйма на санехъ уве-„зоша: бѣ бо раненъ велми. Заутра же полкомъ пришедшимъ къ

„городу, прибѣже къ рати Мстиславской натъ, и повѣда о бывшемъ... И печальни быша о семъ Мстиславъ и Юріи за свое „безуміе, а Володимерови не любо бысть на нею... и начаша „промышляти о взятіи города. Столпъ бо бѣ каменъ высокъ передъ вороты, и бяху въ немъ заперлися Пруси, и не бысть мимо онь пойти къ городу: побиваху бо изъ столпа того... и приступивше къ нему, взяша. Страхъ же великъ паде на бывшая „въ городѣ, яко мертви стояще на заборолѣхъ... И докончаша „съ горожаны тако: города имъ не имати, а своя Бояры вымати.. и тако възвратишась. — Тройдену же еще княжащю въ „Литвѣ" (въ 1278 году) „посла рать велику на Ляхы, и брата „своего Си путья; бяху бо и Ятвязи тогда воеваша около Люб„лина по 3 дни."

(152) „Тое же зимы преставися Князь Великый Василій, „мѣзиный (меньшій) сынъ Ярославль, внукъ Всеволода Великого. жилъ отъ роженья своего лѣтъ 40, и преставись на Костромѣ мѣсяца Генваря" (слѣдственно уже въ 1277) „и положиша „его въ церкви Св. Ѳеодора, и ту съѣздъ великъ бысть; съѣхашась Князи Борисъ и Глѣбъ, Князь Михайло Ивановичь (сынъ „Іоанна Стародубскаго) внукъ Всеволожь, Княжь Дмитрей Александровичь, Князь Ѳедоръ Ростиславичь (Ярославскій, братъ „Глѣба Смоленскаго), и множество Бояръ, и Епискупъ Игнатій, „Игумени, Попове, и множество народа, яко не слышати пѣнья „въ плачѣ мнозѣ." Никон. Лѣт. хвалитъ набожность и милость Василія.

Въ лѣтописи: „Бысть второе число изъ Орды отъ Царя" (въ 1273 году). Татищевъ говоритъ, что Великій Князь привезъ дань Хану по полугривнѣ съ сохи или съ двухъ работниковъ, и что Ханъ, не довольный сею данію, велѣлъ снова переписать всѣхъ людей въ Россіи

(153) Въ Троиц.: „Въ лѣто 6782 приде Митрополитъ Кириль изъ Кыева, приведе съ собою Архимандрита Печерьскаго „Серапіона, и постави его Епискупомъ Ростову, Володимерю и „Новугороду" (Нижнему). Но въ Ростовѣ былъ тогда особенный Епископъ Игнатій.

(154) Въ Софійскихъ Правилахъ или харатейной Кормчей Книгѣ подъ No 82 (см. сеи Исторіи Т. II, примѣч. 65), писанной въ Новѣгородѣ при Князѣ Димитріи Александровичѣ и Архіепископѣ Климентѣ, преемникѣ Далмата, бывшаго на семъ достопамятномъ Соборѣ, о коемъ не зналъ ни Сочинитель нашей Церковной Исторіи, ни Авторъ Гіерархіи. Вотъ надпись: Правила Кюрила Митрополита Русьскаго, съшьдъшихся Епискупъ Далмата Ноу-

городьского, Игнатья Ростовьского, Феогноста Переяславьского, Семеона Полоцьскаго, на поставленіе Епискупа Сарапіона Володимирскаго. — Въ началѣ такъ: „Преблагыи Богъ нашъ, Иже все промышленіе творитъ нашему спасенію, и по недовѣдомымъ судбамъ „Его и по всему устроенію и ухищренію пресвятаго Его и „пречистаго Духа все въ устроенную вещь вводя.“ и проч. Далѣе: „тѣмъ бо азъ Кюрилъ, смѣренный Митрополитъ всея Руси, много убо видѣніемъ и слышаніемъ неустроеніе (въ) церквахъ, ово сице дръжаща, ово инако, несъгласія много и грубости, или неустроеніемъ пастушьскымъ (пастырскимъ), или „обычаемь неразумія, или неприхоженіемъ Епискупъ, или отъ „неразумныхъ (непонятныхъ) правилъ церковныхъ: помрачена бо бѣаху прежь сего облакомъ мудрости „Еллиньскаго языка, нынѣ же облисташа, рекше (то есть) „истолькованы быша, и благостію Божіею ясно сіяютъ, невѣдѣнія тму отгоняще и все просвѣщающе свѣтъмь разумнымъ,“ и проч. Далѣе: „Кый убо прибытокъ наслѣдовахомъ оставльше „Божія правила? не расѣя ли ны Богъ по лицю всея земля? не „взяти ли быша гради наши? не падоша ли силніи наши Князи „остріемъ меча? не поведени ли быша въ плѣнъ чада наша? не „запустѣша ли святыя Божія церкви? не томими ли есмы на „всякъ день отъ безбожьныхъ и нечестивыхъ поганъ? Си вся „бываютъ намъ, зане не хранимъ правилъ святыхъ.“ Далѣе: „Епискупи же, егда хотять поставить Попа или Дьякона, да „истяжутъ (изслѣдуютъ) житье его... Аще чисто — изъбраще, „дѣвство съблюдъши, дѣвицю по закону приведъши и законьному бьятію (совокупленію) бывшю; аще грамоту добрѣ свѣдать.. аще будутъ не кощюньници, ни хыщници, ни пьяници, „не ротники, ни сварливи. Подобаеть испытати ихъ о вещахъ „грѣховныхъ, еда въ блудьствѣ содомьствѣмъ были будуть, ли „съ скотиною, ли въ руку съгрѣшеніе... ли въ лживѣ послушьствѣ бы.лъ будеть, или убійство створилъ волею или нужею, „или рѣзовникъ (мздоимецъ) или челяде друга (угнетая рабовъ) „голодомъ и наготою... или дани бѣгая, или чародѣець... Аще „кто явиться отъ святаго нашего Сбора (собора) или Игумена „свящая на мьздѣ, рекомое Посошное, или постризая мірьскаго Попа на мьздѣ въ Игуменьство, или Попа поставляеть,“ и проч. Далѣе: „Пакы же увѣдѣхомъ бѣсовская еще держаще „обычая треклятыхъ Елинъ“ (въ смыслѣ язычниковъ) „въ Божественьныя праздникы позоры нѣкакы бѣсовьскыя творити „съ свистаніемъ и съ кличемь и въплемь (воплемъ) съзывающе „нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дръколѣемь до самыя смер-

„ти, и възимающе отъ убиваемыхъ порты.... аще ли явятся „спиры (драку) творяще народы, не покорящеся сему прави„лу, прокляти да будуть.... Да не обливають никого же, но да „погружають; нѣсь нигдѣ же писано обливанье, въ погруженье „въ съсудѣ отлученѣ" (особенномъ). А выше: „увѣдѣхомъ о Бо„жественьнѣмь крещеньи, смутнѣ нѣкако и неразумнѣ смѣшающе „мюро Божественьное съ масломь, и тако мажють по вьсему тѣ„лу: оже всего злѣе есть... мюро бы особь, а масло особь.... По „крещеніи мюромь мажемъ (въ) чювъства токмо загражаю„ще первыя льсти входъ... да никако же насъ не подьвигнуть „чювъствы на зло: ушима на злослышанье, а очима на зло„видѣнье, и устьнама на зловкушенье, ноздрьма на зло„обоняніе... Всякаго же по крещеніи да сподобляють пречиста„го Божія тѣла и честныя крови, или въ градѣхъ, или въ селѣхъ."— Въ исчисленіи церковниковъ именуются Подьякъ и Пономарь.

Случаи Василіева княженія, о коихъ мы не упоминали въ нашей Исторіи, суть слѣдующіе: Въ 1272 году, по смерти Ярослава Ярославича, родился его сынъ, Михаилъ. Въ 1273 году, Дек. 20, умерла супруга Князя Глѣба Васильковича, названная въ крещеніи Ѳеодорою. Епископъ Игнатій погребъ ея тѣло въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери.—Въ 1274 „преставися Архіепис„копъ Далматъ Новгородьскый Окт. въ 20, въ Суб. въ 1 часъ но„щи, а заутра погребенъ бысть честно у Св. Софіи... Преже „преставленія Далматова Посадникъ Павша съ мужи старѣйши„ми биша челомъ отцю своему Далмату: Господине отче! кого „благословишь на свое мѣсьто намъ пастуха и учителя? Дал„матъ же нарече два Игумена, у Св. Георгія Іоанна и отца сво„его духовнаго Климента: кого излюбите, того благословлю. И „иде Посадникъ на Ивановъ дворъ, и създва Новгородци и ска„за имъ слово Далматово — и возлюбиша вси Климента, и бла„гослови его Далматъ своею рукою. Новгородци же послаша „Климента къ Митрополиту въ Кыевъ ставитися. — Въ лѣто „6783" (1275, Іюня 12) „огородись солнце яко кругы, а посреди „круговъ крестъ; дуги сини, зелены, желты, багряны и черны; „а дугы тѣ хрепьты бяхуть къ собѣ. Преставись Епискупъ Во„лодимерьскый Серапіонъ; бѣ учителенъ и силенъ въ Божест„венномъ Писаньи; и положиша тѣло его въ Володимерѣ въ „церкви Св. Богородицы... Бысть громъ страшенъ въ Володи„мерѣ, и заразилъ Діякона въ церкви Св. Богородицы на выходѣ „окщенію глаголюща, и вси людіе падоша на колѣнехъ отъ мно„гаго страха". (Въ Никон. Лѣт.: „убиша медвѣдя о трехъ „ногахъ.) — Въ лѣто 6784 (1276) поставленъ бысть Ѳеодоръ, „Игуменъ Св. Константина и Олены Епискупомъ Володимерю и

„Суждалю. Погорѣ весь городъ Тферь; толико осталася одина „церковь.“ Пріѣхалъ изъ Кіева въ Новгородъ Архіепископъ Климентъ, Авг. 2 въ Воскресенье; встрѣченный со крестами, совершилъ Литургію въ Св. Софіи. Зимою, въ Ноябрѣ, затмѣніе луны Князь Борисъ Васильковичь женилъ Димитрія, старшаго своего сына.

(155) См. выше. примѣч. 134, въ грамотѣ Новогородской.

(156) Такъ обыкновенно Лѣт. Новгород. называетъ области Великаго Княженія Владимірскаго. — Далѣе; "Новгород-„ци же послаша по Вел. Кн. Дмитрія.... Въ лѣто 6785 пріиде Дмит-„рій Переяславскый въ Новгородъ въ Недѣлю Всѣхъ Святыхъ.“ Здѣсь и въ лѣтописи Попа Іоанна есть пропускъ.

(157) Князь Щербатовъ самъ нѣсколько разъ писалъ о Ясахъ, но забылъ ихъ, и повѣривъ иностранному Историку Дегину, говоритъ, что наши Князья ходили на какой-то Польскій народъ, обитавшій близъ источниковъ Прута: Дегинъ думалъ, что Лѣтописцы Россійскіе подъ именемъ Ясовъ разумѣютъ жителей юго-западной Литвы, именуемыхъ Jazuingi въ Польской Исторіи; но сіи назывались у насъ Ятвягами (см. Т. II, примѣч. 35). Ясы, извѣстные еще со времени Святослава I, жили напротивъ того между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ; объ нихъ мы уже нѣсколько разъ говорили. Штриттеръ пишетъ, что Ясы обитали и въ Молдавіи, ибо тамъ есть городъ Ясы: положимъ; но Князья ходили тогда въ Дагестанъ, а не въ Молдавію и не за Днѣстръ, какъ прибавилъ Татищевъ. (Впрочемъ имя Молдавской столицы происходитъ не отъ народа Ясовъ, по сказанію Кантемира: см. его Описаніе Молдавіи. До временъ Государя Молдавскаго, Стефана V, тамъ существовала одна мельница, и хозяинъ ея назывался Яссій; Стефанъ же, построивъ на семъ мѣстѣ городъ, далъ ему имя добраго мельника). Въ Воскресенск. Лѣт. II, 291: „за рѣкою Теркомъ на рѣцѣ на „Севенцѣ, подъ городомъ подъ Тетяковымъ: минувше горы вы-„сокія, Яськія и Черкаскія, близъ Воротъ Желѣзныхъ“ (или Дербента). Россіяне взяли Дедяковъ или Тетяковъ (нынѣ Дивенъ или Дедухъ, какъ вѣроятно) 8 Февраля. Византійскіе Лѣтописцы сказываютъ, что многіе Алане или Ясы ушли отъ ига Татарскаго въ Греческія владѣнія, хотѣли послѣ возвратиться въ свою землю, и были истреблены на пути (Memor. popul. III, 1098: см. также Карпина, въ Бержерон. Voyages, 58, 64, и Рубрукв. 138).

(158) „Въ лѣто 6786 (1278) Кн. Глѣбъ Васильк. ожени сына „своего, Михаила, Ѳедоровною Ростиславича Ярославьскаго и „вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Богородицы въ Ярославлѣ Епис-„копомъ Игнатьемъ Іуля въ 31, ту сущю Глѣбу съ сыновцемъ

,,своимъ Константиномъ (Борисовичемъ) и Князю Давиду Кос-,,тянтиновичу" (внуку Ярослава Всеволодовича, зятю Өеодорову) ,,Галичьскому и Давиду Явидовичю... и посла Глѣбъ сына ,,своего, Михаила, въ Орду на войну съ сватомъ своимъ Окт. ,,11... Тое же зимы въ, Филипово говѣнье, преставися, живъ отъ ,,роженья своего лѣтъ 41." — О Лаханѣ см. въ Memor. popul. III, 1067 и слѣд.

(159) Въ Новогород. рукописной: ,,Кн. Дмитрей съ Нов-,,городци и съ всею Низовьскою землею казни Корелу," и проч. Ниже сказано: ,,Того жь лѣта Дмитрей Тешяковъ взялъ;" но Великій Князь не былъ въ Ясскомъ походѣ; а Дедяковъ и Тешяковъ есть одно, вопреки Арханг. Лѣтописцу, полагающему сей городъ въ землѣ Корельской. — Въ Троицк. сказано, что Вел. Князь, ходивъ на Корелу съ Новогородцами и Суздальцами, привелъ оттуда множество плѣнниковъ. — Въ Воскр. Лѣт.: ,,Въ лѣто 6787 (1279) В. К. Дмитреи сруби городъ Копорью." Въ Новогород. рукописной; ,,Въ лѣто 6788 Князь Дми-,,трей и съ Посадникомъ Михайломъ и съ болшіи мужи ѣхавше ,,обложиша градъ каменъ Копорью." — Что Димитрій поссорился съ Новогородцами за Копорье, ясно открывается въ послѣдствіи (см. ниже). — Въ Воскр. Лѣт.: ,,Князь же послушавъ ,,молбы его (Климентовой) и взя дары отъ него, и миръ сотво-,,ривъ възвратися."

(160) ,,Борисъ Васильковичь разболѣвся въ Ордѣ, тамо и ,,преставись (въ 1277 году) Сент. въ 16 день. Князь же Глѣбъ ,,плакася велми по братѣ. Княгиня же Марья, вземши тѣло Кня-,,зя своего, съ сыномь съ Дмитріемъ повезе на Русь въ Ростовъ, ,,и Епискупъ Игнатій со Игумены положиша его въ церкви Сбор-,,ной на лѣвой сторонѣ Ноября въ 13, и плакася по немъ весь ,,градъ." Никон. Лѣт. прибавляетъ, что Княгиня Марія не допустила супруга своего постричься передъ кончиною, въ надеждѣ на его выздоровленіе. — Далѣе: ,,Въ лѣто 6786 (1278) Князь ,,Глѣбъ Ростовскій пріѣха изъ Татаръ, бывъ на войнѣ съ сы-,,номъ своимъ и съ сыновцемъ Костянтиномъ, приведе съ со-,,бою полонъ многъ; пріѣха въ свой градъ Ростовъ во чести ве-,,лицѣ въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ, Іюля во 12." — Въ Троицк.: ,,сесь (Глѣбъ) отъ уности своея по нахоженьи поганыхъ Та-,,таръ нача служити имъ, и многи Хрестьяны обидимыя отъ ,,нихъ избави, и печальныя утѣшая, брашна своего и питья не-,,щадно требующимъ подавая... и многи церкви созда и украси ,,иконами и книгами.... Тихо и кротко испусти душю, поболѣвъ ,,7 дней, а въ 8 преставись, Дек. въ 13... Вси людье града Росто-,,ва стекошось на дворъ его, плачемъ великимъ плакаху... Епис-

„купъ же Игнатій со Игумены и съ Попы принесоша тѣло въ „Сборную церковь и положиша честно.“ — Въ лѣтописи такъ называемаго Каменнаго монастыря, нѣкогда славнаго, бывшаго на островѣ Кубенскаго озера, близъ Вологды, сочинитель, старецъ Паисей - Ярославъ, разсказываетъ, что Князь Глѣбъ Василькович, ѣхавъ однажды съ Бѣлаозера въ Устюгъ водою, едва не утонулъ на Кубенскомъ озерѣ во время сильной бури, и присталъ (Авг. 6) къ Каменному острову, гдѣ жили 23 пустынника, которые молились Богу въ часовнѣ, укрываясь отъ злобы язычниковъ, обитавшихъ тогда вокругъ сего озера; что Глѣбъ, основавъ тамъ монастырь и деревянную церковь Св. Преображенія, поручилъ оную старцу Θеодору. Далѣе сочинитель пишетъ: „Пойде оттуда Князь Глѣбъ по Кубенскому езе„ру къ великой рѣкѣ Сухонѣ, яже течетъ въ Студеное море Окі„јанъ, и пріиде ко острову ко Кривой Лукѣ, около два поприща, „а поперекъ яко верженіе каменю: Князь же перекопа, и потече „тѣмъ рвомъ великая рѣка Сухона, и крестъ поставилъ, и от„толѣ зовется Княже Глѣбова простъ; и оттолѣ пойде „къ Вологдѣ рѣкѣ, и тамо такожде перекопа и крестъ поста„вилъ, и оттолѣ зовется Княже Глѣбова простъ и до „сего дне.“ Первымъ Игуменомъ монастыря Каменнаго былъ Діонисій, пришедшій въ Москву къ Димитрію Донскому изъ Царяграда и жившій долго въ монастырѣ Богоявленскомъ. Сей Діонисій скончался Епископомъ въ Ростовѣ. — Въ обители Каменной постригся и кончилъ дни свои Св. Князь Іоасафъ Димитріевичъ Заозерскій, внукъ Василія Ярославскаго. Она давно уже переведена въ самый городъ Вологду.

Далѣе въ лѣтописяхъ: „Князь Димитрій Борисовичъ отъ„ималъ (въ 1279 году) волости у Князя Михаила Глѣбовича съ „грѣхомъ и съ неправдою, абы ему Богъ пробавилъ“ (простилъ).... „Нача наряжати ратныя полки въ Ростовѣ; блюдася братьи, „городъ весь замяте.“ Никон. Лѣт. прибавляетъ, что Епископъ Игнатій ѣздилъ къ Вел. Князю въ Владиміръ.

(161) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ названы Воеводы Ханскіе Кавадыемъ и Алчедаемъ. „И кресты честные... И пелены „пограбиша, и у всѣхъ церквей двери высѣкоша... По селомъ „скотъ и жита пограбиша.“ Никон. Лѣт. вымышляетъ, что Димитрій не хотѣлъ слушаться повелѣнія Ханскаго и думалъ обороняться. Въ Троицк.: „Князь же Вел. Димитрій выбѣжа изъ „Переяславля въ малѣ дружинѣ.“

(162) Въ житіи Довмонта сказано: „испроси за себе К. Дов„монтъ у В. К. Димитрія Александр. дщерь Княгиню Марью.“ Никон. Лѣт. говоритъ, что Димитрій бѣжалъ за море, а Та-

тищевъ прибавляетъ, что онъ нанялъ за моремъ войско. — К. Андрей пріѣхалъ въ Новгородъ въ Недѣлю Сыропустную.

(163) Въ Воскр. Лѣт.: „Князь Андрей поиде изъ Новаго-„рода въ Володимерь, поимя съ собою Новгородцевъ Семена Ми-„хайловича и иныхъ: бояше бо ся брата своего Князя Дмитрія „(бѣ бо въ то время въ Переяславли), и дошедъ Володимеря, от-„пусти Новгородцевъ назадъ, а самъ иде на Городецъ и въ Орду. „А Семенъ пріиде въ Торжекъ и сѣде въ немъ засадою.... Тогожъ „лѣта (1282) Святославъ Александровичь (Яросла-„вичь) со Тферичи и Князь Данило Александровичь съ Москви-„чи и Новгородци поидоша ратью на Дмитрія къ Переяславлю.“ и проч. Новгородскій же Лѣт. Попа Іоанна несправедливо относитъ сей походъ къ 1283 году: ибо Андрей тогда уже былъ въ мирѣ съ Димитріемъ, по харатейной Суздальской или Троицкой и всѣмъ другимъ лѣтописямъ. Въ Никонов. прибавлено, какъ Димитрій жаловался Богу на своихъ гонителей, и проч. Не только Никонов., но и Ростов. Лѣтописецъ называетъ здѣсь Святослава Ярославичемъ (См. выше, примѣч. 125). — Далѣе: „Того же лѣта бысть другая рать на Князя „Великаго: приде Князь Андрей изъ Татаръ, а съ нимъ рать „Татарская, Тура и Темерь Алыцъ, а съ ними Семенъ Тонит-„ліевичь въ Воеводахъ, и створи зло земли Суждальской тако „же, якожь и преже сказахомъ.“ По словамъ Никон. Лѣт. Андрей донесъ Хану, что Великій Князь не хочетъ платить дани Моголамъ. О Ногаѣ см. выше, въ описаніи 1263 году, стр. 87. Татищевъ прибавилъ, что Ногай обиталъ на Волгѣ.

(164) Братъ Мангу-Тимура: см. Дегина Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 346. Далѣе въ лѣтописи: „Два Боярина, Оитонъ и „Ѳофанъ (Ѳеофанъ), убиша Княжимъ повелѣньемъ на Костромѣ „Семена Тонигліева, коромольника (крамольника) льстиваго,“ и проч. Никон. Лѣт. украшаетъ все по своему. Онъ сказываетъ, что Андрей, узнавъ о смерти любимца своего, началъ снова злобиться на брата.

(165) „Въ лѣто 6792 (1284) пріиде Князь Андрей въ Торжекъ „и позва къ себѣ Семена Посадника съ всѣми старѣйшими, и „крестъ цѣлова, а Новгородци къ нему, како Андрею не сту-„питися Новагорода, а Новгородцемъ не искати иного Князя... „Самъ поиде на Низъ, и тамо ступися брату Дмитрію стола „Новагорода.“ — Миръ заключенъ былъ въ Димитріевомъ станѣ на Боричкѣ. О Волокѣ см. въ Новгородск. Лѣт. Попа Іоанна стр. 565.

(166) То есть, потомки Святослава-Ольговича Сѣверскаго, внука Святославова и правнука Ярослава Великаго. Въ описаніи

Калкской битвы упоминалось о Курскомъ Князѣ Олегѣ, а въ 1241 году Татары убили Рыльскаго Князя, Мстислава: см. выше, примѣч. 20. Въ рукописной книгѣ о градѣ Курскѣ сказано, что онъ былъ разоренъ Батыемъ: „и оттолѣ многія годы пребывая пустъ, окрестности же и весь уѣздъ онаго велiимъ „древесемъ поростоша, и многимъ звѣрямъ обиталища быша, и „отъ стоящихъ близъ того положенія града Курска, изъ Рыль„ска и изъ иныхъ градовъ, людiе хождаху туда прибытка ради „своего звѣрей ловити.“ — Воргол есть нынѣ село Орловской Губерніи, въ Елецкой Округѣ. — Вѣроятно, что древнiй Липецкъ былъ тамъ же, гдѣ и нынѣшній, основанный на какихъто старыхъ развалинахъ. Тамошняя гора (на коей во времена Петра Великаго стояла отмѣнно высокая липа) и теперь называется городищемъ. Имя Липецкаго лѣса и рѣчки Липецки есть древнее. Въ лѣтописи сказано, что Князь Липецкій ушелъ въ лѣса Воронежскіе: а городъ Липецъ, какъ извѣстно, находится на берегу Воронежа.

Ханъ Туданъ-Мангу добровольно уступилъ престолъ Телебугѣ или Тула-Бугѣ (см. Дегин. кн. XVIII, 347). — Слободы Ахматовы были разорены въ 1283 году. Никон. Лѣт., говоря о семъ Баскакѣ, прибавляетъ: „овогда сами Князи (Россійскіе) на „своихъ Княженiяхъ збираху дани и отвожаху въ Орду, овогда „же Ординскія гости своея ради корысти откупаху дани въ „Русскихъ Княженіяхъ.“

(167) „Суть ти въ его Княженьи ловища лебединыя, ать „(да) ловитъ съ твоими сокольники лебеди.“ — Далѣе въ Троицк.: „Половина рати Татарскiѣ погналися за Князьями, а дру„гiе изнимали Бояръ старѣйшихъ 13, и стояша денъ 20 воюючи „... Егда же придоша Татарове, гонявшесь по Олгѣ и по Святосла„вѣ и не обрѣтше ею (ихъ двухъ), наипрія выдаша Ахмату „Бояръ изниманныхъ и черныхъ людей, рекуще: кого убьешь, „кому животъ даси, ты вѣдай... Бяше бо привезено на „побоище то много людей, скованы по два въ Нѣмецьскихъ „желѣзѣхъ; бяху бо изымани паломници нѣціи гости: ег„да же изби Бояръ, и повелѣ паломници тѣ пустити, а пор„ты повелѣ давати паломникомъ избитыхъ Бояръ“ (то есть, порты избитыхъ Бояръ) „река имъ: вы есте гости-па„ломници; ходите по землямъ, тако молвите: кто иметь „держати споръ съ своимъ Баскакомъ, тако же „ему будешъ.“ Въ Воскр. Лѣт. Ч. II, стр. 266: „бѣ же тупе„реимани и переходници, иже ходятъ по землямъ ми„лостыни просяще.“ Никон. пишетъ: „гости Нѣмецкіе „и Цареградскiе!“ Паломниками назывались вообще стран-

ники. Такъ Игуменъ Даніилъ въ путешествіи своемъ именуетъ себя паломникомъ (см. сей Исторіи Т. II, примѣч. 211). Далѣе: „Трупья Бояръ тѣхъ избьеныхъ повелѣ (Ахматъ) по дереву извѣшати, отъимая у всякого голову, да правую руку; и начаша Бесермени вязати головы къ торокомъ Боярскіе, а руки въкладоша въ судно (сосудъ), и вставиша на сани, и поидоша отъ Воргола: пришедше въ села, и потомъ въ Туровъ" (не село ли Труды въ Елецк. Округѣ?) „пометаша головы и руки псомъ на изъѣдь." Далѣе: „Пойде Ахматъ въ Орду... И уставиша ясакъ, съ котораго стану человѣкъ, и потнуть и (зарѣжутъ), и бяше видѣти дѣло стыдко й велми страшно, и хлѣбъ въ уста не идеть отъ страха." Въ Воскр.: „идуще жь (Ахматъ) къ Ордѣ. изъ котораго стана пошедше, ту потинаху человѣка на всякомъ стану." Слѣдственно Ахматъ во всякомъ жительствѣ, гдѣ останавливался, убивалъ по человѣку? Далѣе. „Въ лѣто 6792 (1284) два Бесерменина изъ свободы въ другую идоста, а Руси съ нима болѣ 30 человѣкъ. Се же слышавъ Липовецьскій" (въ другомъ мѣстѣ: Липецьскій) „Князь Святославъ, здумавъ съ своими Бояры и съ дружиною безъ Олговы думы, достерегся на пути и розбой створи; самѣ два братаника та утекли, а Руси избилъ 25, да два Бесерменина.... Того же лѣта, по Велицѣ дни, въ Недѣлю Ѳомину, побѣгоста 2 братеника къ Курьску, и наутріи въ Понедѣльникъ разбѣжася вся свобода та, тако же и другая." — Болтинъ пишетъ (см. его Примѣчанія на Леклера, I, 344), что жители Ахматовыхъ слободъ были Черкасы и назывались Казаками; что они бѣжали къ Баскаку въ Каневъ и построили городокъ Черкаскъ, и проч. Можно ли такъ смѣло выдумывать? можно, какъ Татищевъ и Болтинъ думали. Далѣе: „посла (Олегъ) послы ко Святославу, глаголя: чему еси „затерялъ правду? възложилъ еси имя розбойниче и на мене и на себе. Зиму сь (зимою) еси ночи ударилъ разбоемъ на свободу, а нонѣ еси на пути розбилъ; а вѣси обычай Татарьской; да и въ насъ въ Руси лихо есть розбой учинити... А еще не идешь ни къ своему Царю, ни къ Ногаю на исправу. Пришедъ изъ Орды съ Татары, уби (Олегъ) Святослава по Цареву слову." Никон. Лѣт. сказываетъ, что Святославъ умертвилъ посла Ахматова. желавшаго примирить его съ Баскакомъ — Хотя Телебуга покровительствовалъ Олега и самъ велѣлъ ему убить Святослава, но Лѣтописцы не говорятъ, чтобы Александръ за вину брата и собственную былъ наказанъ Моголами. Никон. сказываетъ, что Ханъ велѣлъ Александру убить Олега, и проч. — Лѣтописецъ говоря, что Богъ наказывалъ Россію за неправду людей, приба-

вляешь „мню же, и Князей ради, понеже живяху въ которѣ (враждѣ); много имамъ писати, но то оставимъ." Очень скромно!

(168) Въ Воскресен.: „Въ лѣто 6793 (1285) Андрей при-„веде Царевича изъ Орды и много зла сотвори Христіяномъ; „братъ же его Димитрій, собрався съ братьею, Царевича прогна, „а Боярь Андреевыхъ изнима." (Сего извѣстія нѣтъ ни въ Пушкин. ни въ Троицк.)... „Умножишесь тогда Татаръ въ Ро-„стовѣ, и гражане створише Вѣче и изгнаша ихъ, и имѣніе ихъ „разбиша. Князь Константинъ Борисовичь иде въ Орду." Въ 1286 году Димитрій и Константинъ Борисовичи раздѣлились между собою: первыи взялъ себѣ Угличь, по смерти тамошнихъ Князей, Андрея и Романа Владиміровичей, внуковъ Константина; а второй область Ростовскую: но въ 1289 Димитрій опять переѣхалъ княжить въ Ростовъ передъ изгнаніемъ Татаръ. Въ Устюжскомъ Лѣтописцѣ сказано: „Князи Ростовскіе Димитрій и „Константинъ Борисовичи раздѣлили наслѣдіе свое, и по жре-„бію достался Димитрію Углечь Поле, да Бѣлоозеро, а Констан-„стантину Ростовъ да Устюгъ: овъ же тогда пріиде жити на „Устюгъ Великій." (Никон. Лѣт. говоритъ, что Димитрій Борисовичь и братъ его тогда же ѣздили въ Орду съ своими Княгинями, и что Ханъ отпустилъ ихъ съ честію.)... Далѣе въ лѣтописяхъ. „Оженися (въ 1286 году) Князь Иванъ Переяславскій, „сынъ Князя Великаго Дмитрія, у Князя у Дмитрія Борисовича „Ростовьского..... Заратись Царь Тохта съ Телебугою Царемъ „и со Алгуемъ, и побѣди Тохта Телебугу" (въ 1291 году). Въ Новогород. подъ тѣмъ же годомъ: „Бысть мятежь въ Тата-„рѣхъ: Царь Ногуй уби Телебугу Царя и Алгуя Царя." См. также Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348. Никон. Лѣт. говоритъ и прежде о бывшихъ возмущеніяхъ въ Ордѣ.

(169) Въ Воскресен.: „Въ лѣто 6800 преставися Алек-„сандръ, сынъ Великаго Князя Димитрія Александровича, въ Ор-„дѣ." О зятѣ Ногаевомъ см. выше, стр. 105. Никон. Лѣт. въ числѣ Князей, ходившихъ жаловаться на Димитрія, именуетъ Ростовскихъ, Михаила Глѣбовича и даже Епископа Тарасія. По Троицк. Димитрій ходилъ къ Твери въ 1287 году, а по Новогород. въ 1289. „Идоша Новгородци съ Посадникомъ Андреемъ, „и пожгоша волости, и взяша миръ." Обманутый хронологическимъ несогласіемъ Суздальскаго и Новогородскаго Лѣтописца, Никонов. говоритъ о двухъ войнахъ Великаго Князя съ Михаиломъ, и еще о третьей съ нимъ же Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго. Прежде княжилъ въ Твери старшій Михаиловъ братъ, Святославъ (см. выше, примѣч. 103), сынъ первой

супруги Ярослава; но видно, что онъ уступилъ престолъ меньшему брату: ибо въ 1294 году еще упоминается о Святославѣ (см. ниже примѣч. 172). — Во многихъ лѣтописяхъ сказано только; что Андрей жаловался на Димитрія Царю Татарскому, и что Царь далъ ему брата своего съ войскомъ; но въ другихъ наименованъ Ногай. На примѣръ, въ рукописной, хранящейся въ Синодальн. библіотекѣ подъ No 349: „бише челомъ Князь Андрей „на Князя Дмитріа Цареви Ногую."

(170) Въ Троицк.: „Услыша Тферичи своего Князя Миха„ила идуща изъ Орды, и взрадовашась; и пріѣха напередъ Князя „Бояринъ Гаврило Юрьевичь; на заутріе Князь.... И тако тоже „зло сдѣявша (Татары): Волокъ взяша, а люди изъ лѣсовъ из„ведоша; и поидоша паки къ Переяславлю и въ свояси.... И сѣде „на столѣ (Андрей въ Новѣгородѣ) въ Недѣлю Сыропустную."

(171) Глѣбъ Смоленскій умеръ въ 1277 году, братъ его Михаилъ въ 1279, а Θеодоръ Ростиславичь Черный сдѣлался Княземъ Смоленскимъ въ 1280; въ 1281 году онъ уже возвратился въ Ярославль: въ Родословныхъ Книгахъ несправедливо сказано, что Александръ Глѣбовичь выгналъ его изъ Смоленска въ 1294 году — О Романѣ: „въ лѣто 6793 (1285) Князь Романъ Бряньскій (а не „Пронскій) приходилъ ратью къ Смоленьску, и бился у города, „и пожже пригородье, и отъиде прочь въ свояси." Въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Романъ, сынъ Св. Михаила Всеволодовича, убитъ въ Ордѣ, и что отъ него пошли Князья Осовецкіе.

(172) „Князь Великій иде въ свою отчину мимо Торжекъ: „Князь же Андрей перея его на броду. Самъ же Князь Дмитрій „препровадился чрезъ рѣку, а казны и вьючнаго товара не успѣли „перепровадити." Въ Новогород. Попа Іоанна: „того жь лѣ„та и говѣнія Князь Андрей съ Посадникомъ Андреемъ и съ вятшими мужи иде въ Торжекъ Дмитрея переимать, а Дмитрей „бѣжа изъ Плескова въ Тферь, и присла въ Торжекъ Владыку „Тферьского и Святослава (см. выше, примѣч. 169) съ покло„номъ къ брату Андрею и къ Новогородцемъ; съсылающеся по„слы, взяша миръ, а Волокъ опять Новугороду."

Съ чего взялъ Князь Щербатовъ, что Андрей уступилъ Димитрію престолъ Великаго Княженія, снискавъ оный столь ужасными бѣдствіями для Россіи? Такое дѣло осталось бы неизъяснимою загадкою. Въ лѣтописяхъ сказано, что Димитрій билъ челомъ брату своему: слѣдственно уступилъ ему право Княжескаго старѣйшинства. Въ Новогород. Лѣт.: „Андрей „посла Посадника изъ Торжку въ Новгородъ, а самъ иде на Ни„зовскую землю" — то есть, въ Великое Княженіе, а не въ

Городецъ, какъ пишетъ Никон. Лѣт., прибавляя, что сынъ Димитріевъ, Іоаннъ, тогда же получилъ себѣ въ Удѣлъ Кострому.— Далѣе: „Преставися Князь Великій Димитрій въ Черньцѣхъ и въ „Скимѣ на пути близъ Волока — и везоша его въ Переяславль,“ по харатейнымъ въ 1295, а по всѣмъ другимъ въ 1294 году.

О знаменіяхъ и бѣдствіяхъ: „Тое же зимы (въ 1277 или „1278 году) бысть знаменье въ солнцѣ мѣсяца Февраля: огоро-„дилось бѣ дугами, а средѣ дугъ крестъ, а внѣ дугъ 4 солнца, „а наверхъ солнца дуга велика на Сѣверъ роги. — Тое же зимы „(въ 1278) мнози человѣци умираху различными недуги. — То-„го же лѣта (1280) быша громове страшни, и вѣтри мнози. и „вихри велици, и буря силна, и молонья многа, и много людій „громъ побилъ, и мнози молньями опалени быша; индѣ же ви-„хоръ силенъ весь дворъ изъ основанья возма и съ людми и со „всѣмъ, и прочь несе. Тое же зимы бысть знаменье на небеси, „облакъ бѣ огненъ на западныхъ странахъ, и на всю землю ис-„кры идаху, и поспоивъ мало, погибе. Въ лѣто 6798 (1290) бысть „знаменье въ лунѣ; бѣ бо кровава, и приложись во тму. — Осени „тоя (въ 1292) бысть знаменье страшно на небеси; стояше бо „на воздусѣ яко полкъ воинскыи на полуденьѣ и на полунощьѣ „тѣмъ же подобьемъ.“

(173) „Быша на него (Симеона Мих.) весь Новгородъ безъ „исправы (суда); поидоша изъ всѣхъ Концевъ яко силная рать, „въ якыи въ оружіи: бѣ бо жалостно видѣніе.... Лежавъ (Симеонъ) „нѣколико дній, преставися Іуля въ 16, въ Понедѣльникъ.... То-„гожь говѣнья“ (по нынѣшнему лѣтосчисленію въ 1291 году) „по Хвальной недѣли въ Вторникъ убиша Самоила Ратьшинича „на Владычнѣ Дворѣ у всхода у Рожества Христова по заут-„рени: Новгородци же съзвониша Вѣче у Св. Софьи и у Св. Ни-„колы, и снидошась въ доспѣсѣ, взяша улицу Прусскую и домы „ихъ разграбиша, пожгоша улицу всю, и церковь Св. Богородицы „сгорѣ.“ Никон. Лѣт. вздумалъ назвать убитаго Ратьшинича Посадникомъ.... „Того жь лѣта грабиша коромолници торгъ, и „заутра сътвориша Вѣче Новгородци, свергоша два коромол-„ника съ мосту.“ О дѣлахъ внѣшнихъ: „Внидоша Нѣмци (въ „1283 году) ратію Невою въ озеро Ладожьское, и избиша Новго-„родцевъ Обонѣжьскихъ купцевъ, и идоша Ладожане въ Неву, и „бишася съ ними.“ Сіи Нѣмцы могли быть и Шведы: ибо по-слѣдніе также называются иногда общимъ именемъ Нѣмцевъ. Въ описаніи приступа Новогородцевъ къ Финляндскому городку Ваваю (въ 1311 году) сказано: „Нѣмци взбѣгоша на дѣтинецъ:“ тутъ говорится именно о Шведахъ (см. Новогород. Лѣт. 167). Далѣе, въ 1284 году: „Новгородци же съ Посадникомъ Сме-

„номъ и съ Ладожаны спаша на усть Невы, и дождавше избиша ихъ, Сент. въ 9.... Ходиша молодци Новгородскіи съ Воеводами съ Княжими на Емьскую землю, и воевавше придоша вси здравіи. Въ то же лѣто (1292) приходиша Свѣя воевать въ 800: 400 иде на Корелу, а 400 на Ижеру, и избиша ихъ Ижера, а Корела изби своихъ, а иныхъ рукама изымаша.... Того жь говѣнія (въ Вел. постъ 1294 году) посла Князь Великій Андрей Князя Романа Глѣбовичь (Смоленскаго) и Юрья Мишиничa, Андреяна Тысяцскаго вмалѣ Новгородцевъ къ городу Свѣйскому, и пришибошась (приступили) въ Вторникъ на Похвальной недѣли крѣпко, и застрѣлиша съ города мужа добра Иванъ Клекачевичь; и мнози ранени быша. Тои же нощи по грѣхомъ нашимъ бысть оттепелѣ, росполися вода подъ городомъ, а конемъ не бысть корма, и отъидоша... А Іоаннъ Клекачевичь преставись съ тои раны." — Грамота Короля Биргера напечатана въ Дреерова. книгѣ specimen Iuris publici Lubecensis, стр. CLXXIV. О свирѣпости Корельскихъ разбойниковъ говоритъ онъ: Paganos Karelos qui multis retroactis temporibus latrocinia, spolia et infinita enormia, nulli parcentes sexui, statui vel etati, utpote vivos excoriando (у живыхъ вырѣзывали внутренность), captivos plurimos eviscerando, diversorum tormentorum genera nostris non tantum, sed et plerisque mare orientale visitantibus inferebant, ob unitatem fidei catholice dilatandam, miserorum miseriis condolentes, divina clementia convictos, ad fidem convertimus christianam (многіе изъ нихъ и прежде были Христіане: см. Т. III, стр. 240; но Король подъ именемъ Христіанской разумѣетъ только Латинскую Вѣру), et cum ingenti exercitu ac sumptibus laboriosis castrum Wiborg ereximus ad honorem Dei Virginisque, и проч.

(174) Въ Новогород.: „той же зимы (1285) Литва волость воеваша." Въ Троицк.: „Литва воевала Тферскаго Владыки волости, и Олешну и прочіи, и совокупившеся... биша Литву на лѣсѣ въ канунъ Спасову дни."

(175) Сообщаемъ здѣсь всѣ остальныя извѣстія Волынск. Лѣтописца, изъ коихъ мы внесли важнѣйшія въ Исторію.

„По томъ же лѣтѣ" (въ 1279 по Ипатьев.) „голодъ бысть и въ Руси и въ Ляхохъ и въ Ятвязѣхъ... и Ятвязи послаша къ Володимерови: не помори насъ; пошли къ намъ жито свое продавать, а мы купимъ; чего ли въсхочешь: воску ли, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, бѣли ль, сребра ли, мы ради дамы. Володимеръ же изъ Берестія посла къ нимъ жито въ лодьяхъ по Бугу... и възыдоша на Наровъ, и поидоша по Нарви... и прійдоша подъ Полтовескъ, и спаша на ночь, и тамо избиты быша; жито поимавше, а лодьи потопиша.. Володимеръ же къ Кондратови, брату своему, слаше, тако река: подъ твоимъ горо-

,,домъ избишы мои люди .. Кондрапъ же запрѣ: я не избивалъ, а ,,не вѣдаю, кто избилъ... Повѣдилъ Володимеру ни его (Кондрадовъ) на сыновца своего, тако река: безъ лѣла ти ся припь" (запирается) ,,а самъ ти избитъ и твоя люди... Болеславъ же ,,рече Володимерови: увѣдайся съ нимъ... Володимеръ же посла ,,рать, и воеваша по сей сторонѣ Віслы... Кондрапъ же при-,,сла къ Володимеру... и умирися съ нимъ.

,,Того жь лѣта преставися Болеславъ Краковскый, добрый ,,и тихый... и не бысть у него сына, и въсхотѣ собѣ Левъ ,,земли; но Бояре бяху силніи и не даша ему земли.... и поса-,,диша Лестка въ Краковѣ... Левъ въсхотѣ собѣ часпи на украйнѣ, ,,и ѣха къ Ногаеви... Онъ же да ему въ помочь Кончака и Козѣя ,,и Кубатана. Зимѣ же приспѣвшей, поидоша Левъ радъ съ Татары и съ сыномъ своимъ Юріемь, а Мьстиславъ и Володимеръ ,,и сынъ Мьстиславль, Данило, неволею къ Судомиру... и ,,перейдоша Віслу по ледови подъ самѣмъ городомъ, первѣе ,,Левъ съ своимъ полкомъ и съ сыномъ, и по немъ Мьстиславъ ,,и сынъ ему Данило; по нихъ Татарове... и сташа около города... И поиде Левъ къ Кракову. Володимеръ же бѣ назадѣ у го-,,рода, и начаша ему повѣдати осѣкъ въ лѣсѣ полнъ людей и по-,,вара... Володимеръ же отряди къ нему люди добрыя, и Кафи-,,лата, съ ними же и Селезенци" (Силезійцы).. ,,и бишась съ ,,ними крѣпко; одва могоша взяти ... Бысть же идущю ему ,,(Льву) полкы своими, начаша росходити воевать, и Богъ учи-,,ни надъ нимъ волею Своею. уиша Ляхове отъ полку его мно-,,го Бояръ и Татарь часть, и възвратися Левъ назадь съ безче-,,стіемъ. Противу же сему Лестко иде на Лва (въ 1281 году) и ,,взя у него городъ Переворескъ, и иасѣче весь, и городъ зажже ,,и поиде назадъ во свояси." Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи сказано, что Поляки взяли и Львовъ. О числѣ убитыхъ см. Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 820.

Начинается воина между Конрадомъ и Болеславомъ Мазовскими. За перваго вступается Владиміръ Васильковичъ и требуетъ содѣйствія отъ Юрія Львовича, который, поручивъ ему свою дружину, ѣдетъ жениться въ Суздальскую землю. Далѣе: ,,Володимеръ же поиде къ Берестію... и Холмяне придоша, и ,,Туйма Воевода, и поиде Володимеръ къ Мѣлнику, изъ Мѣлника ,,же отрядивъ Воеводу Василька, Князя Слонимского, и Жили-,,слава и Дуная... и пойдоша въ Ляхы. Володимеръ же послалъ ,,бяше посолъ напредъ къ Кондрапови: бяху бо у него Бояре не-,,вѣрніи, абы не дали вѣсти Болеславу. Посолъ же поча молвити ,,при всѣхъ: радъ быхъ ти помоглъ, но не лзи; замяли ,,нами Татарове... и емъ Князя за руку, и выйде съ нимъ, и

„поча повѣдати: лодї'я наряди... рать будетъ заутра"... (Соединяются и доходятъ до Сохачева)... „Кондратъ ведя его „къ Гостиному: то бо баше милое мѣсто Болеславле... и стаща „около города... и Кондратъ нача ѣздя молвити: братья моя ми-„лая Русь! потягните за одино сердце... и полѣза подъ заборола, „а друзіи полци стояху недвижимо стерегучи... Ляхове пуща-„ху каменіе... но стрѣлы ратныхъ не дадяша имъ ни выникну-„ти, и начася пободыватися копіи... и взяша городъ... и зажго-„ша... и възвратишась въ свояси... Василько Князь Слонимскій „посла предъ собою вѣсть Господину своему, Князю Володимеру... „и радъ бысть, аже дружина его вся цѣла; токмо два бѣста „убита въ изгонѣ: единъ Прусинъ, а другій Дворный слуга лю-„бимый, сынъ Боярскіи Михалевичь, именемъ Рахъ. Идущимъ „полкомъ мимо Сохачева, и ѣхаша на село человѣкъ съ 30, и „Блусъ съ ними же Юріевъ... и удари на нихъ Болеславъ... Дру-„жина же устремишась на бѣгъ съ Блусомъ; сіи же два не по-„бѣгоща. Прусинъ съѣхася съ Болеславомъ, и ту убіенъ бысть; „а Рахъ уби Болрина Болеславля, и самъ прія конецъ побѣд-„ный... Посемъ же Володимеръ поѣха изъ Берестія до Володи-„мера.

„Бысть по сихъ (въ 1282 году) идущю беззаконному Ногае-„ви и Телебузѣ на Угры... велѣша пойти съ собою и Рускымъ „Княземъ... Володимеръ же баше тогда хромъ: тѣмъ и не иде, „но посла рать съ Юрьемъ, сыновцемъ своимъ... Болеславъ же, „усмотрѣвъ время, пришедъ въ двѣ сту, воева около Щекарева, „и взя 10 селъ, творяше бо ся, акы всю Русь взялъ. Посемъ же „Левъ отпущенъ бысть, вшедъ въ Угорскую землю, пріѣха до-„мовь... и посла къ Володимеру, река: брате! възведи Литву на „Болеслава. Володимеръ же посла Дуная. Литва же обѣщася: „Володимеръ добры Княже! можемъ за тя головы „своя сложити... Левъ же и Володимеръ нарядиста рать... „и въ Берестіи ожидающимъ, Литва не присиѣ на рокъ... и „Левъ посла Воеводу Туйма и Василька Бельжанина и Рябця, а Во-„лодимеръ Василька Князя и Жилислава, и Олованца и Вишту... „и начаша воевати около Вышегорода... Посемъ пріидоша Лит-„ва къ Берестію... Князь же нача думати, абы куда ихъ пове-„сти: своя бо рать ушла баше уже далече на Болеслава, а уже „рѣкы ростекаются, и воспомяну, иже преже того Лестко по-„славъ Люблинець, и взялъ у него село на Вокрайници, именемъ „Воинъ... И посла нань Литву.... Въ прежреченна же лѣта, ко-„ли Лестко взя Переворескъ и Львовъ, Ляхове воеваша у Бере-„стія по Крьснѣ, и взяша селъ 10... Берестіяне же гнаша по „нихъ; баше бо Ляховъ 200, а Берестіянъ 70, и Воевода Титъ,

„еловый мужествомъ и на ратехъ и на ловѣхъ... И побѣдиша „Ляхы, и убиша ихъ 80.

„Идущю же Ногаеви и Телебузѣ воевати землю Угорскую, „Ногай пойде на Брашевъ, а Телебуга поперекъ горъ... и бысть „въ нихъ голодъ... Самовидци же рекоша, умръшихъ бысть „100,000...

„Болеславу же Князю, еще исполнившуся своего безумія, и „не престаяше злое творя... Володимеръ же възведе Литву. „Юрій съ ними же идяше на Болеслава, и яко быша въ Мѣлни-„ци, присла къ нему отецъ, река: не ходи съ Литвою; убилъ „я Князя ихъ Воишелка: любо въсхотятъ месть учинити. Юрій „же не иде, но посла рать свою... И взяша Сохачевъ.

„Хотящю по сихъ пойти Телебузѣ на Ляхы (въ 1283 г.)... „и пріиде къ Ногаеви; бяше же межи има нелюбовь. Телебуга „же посла къ Заднѣпрскимъ Княземъ и къ Волынскымъ, веля „имъ пойти съ собою на войну... Пришедшю же ему къ Горини, „встрѣте его Мьстиславъ съ питіемъ и дары, и пойде мимо „Кремянецъ къ Перемилю, и ту встрѣте его Вълодимеръ съ пи-„тіемъ и съ дары на Лепѣ; и посемъ угони его Левъ Князь къ „Бужковичемъ съ питіемъ и съ дары. Пришедшимъ же имъ на „Бужковское поле, и ту перезрѣша своя полкы... и пойдоша къ „Володимерю и сташа на Житани. Телебуга же ѣха обзирати „Володимеря, а друзіи молвять, аже бы и въ городѣ... И не взяша „города, но насиліе велико творяху, и пограбиша товара множе-„ство, и коней... И пойде Телебуга въ Ляхы. Осташа же Та-„тарове друзіи въ Володимери кормити любимые кони; си же „учиниша пусту землю Вълодимерскую, не даяху бо изъ города „ни вылѣзти въ зажитіе; аще ли кто выѣхаше, овы избиша, „другыя поимаша, а другыя лупяху и кони отнимаху, и въ го-„родѣ изомре множество... И пойдоша Татарове къ Завихвосту, „къ Вислѣ; рѣка же не стала, и пойдоша въ връхъ ея къ Судо-„миру, и перейдоша Сянъ рѣку по ледови; ту же Володимеръ „воротися отъ нихъ назадъ, а Вислу перейдоша по ледови же „выше Судомиря, и приступиша къ городу, но не успѣша ничто „же и почаша воевати землю, и стояша на ней по 10 дней. „Телебуга же хотѣ ити къ Кракову, и възротися въ Торжку: „вѣсть бо пріиде, иже Ногай попередилъ его, и про се бысть „межи има болшее нелюбіе; и тако не снимався съ Ногаемъ, и „пойде назадъ на Львову землю, на городокъ на Львовъ, и стояше „2 недѣли кормячи, не воюючи... Кто выѣхаше изъ города, овы „избиты, друзіи поимани, а иныя пущаху нагія: тыя отъ мраза „изомроша, зане бысть зима люта... Изомре въ городѣхъ въ ос-„тою множество; друзіи въ селѣхъ, вышедше изъ городовъ по

„отшествіи беззаконныхъ Агарянъ... Ногай же не иде съ Теле-„бугою одиною дорогою, но иде на Перемышль, и пришедшю къ „Кракову, и не успѣвъ ничто же... и пойдоша назадъ въ своя ве-„жи... Тое же зимы и въ Ляхохъ бысть моръ.“ Длугошъ относитъ впаденіе Моголовъ въ Польшу къ 1287 году, а бывшую въ Россіи язву къ 1288 (Hist. Polon. кн. VII, 849).

„Тое же зимы“ (по Ипат. въ 1284 году) „у Юрія Князя у „Львовича умре сынъ Михайло, младу сущю ему, и плакашась „по немъ вси людіе, и спрятавше тѣло его, положиша въ цер-„кви Св. Богор. въ Холмѣ. Тое же зимы не токмо въ одной Руси „бысть гнѣвъ Божій моромъ, но и въ Ляхохъ, и въ Татарѣхъ „изомре все, и кони и скоти и овци. Тое же зимы въ наставшее лѣто“ (по Ипат. въ 1285) „начаша повѣдати, аже въ Нѣм-„цѣхъ вышедъ море и потопило землю гнѣвомъ Божіимъ, болѣ „1000 душъ потопуло, а церквей каменыхъ 100 и 11, проче древяныхъ. Того же лѣта Лестко Казимиричь послалъ полкъ свой „и воева Кондраша. Князь же Кондрашъ гна по нихъ и побѣди „я, и Воеводу его убп Сиражскаго Матэея. Того же лѣта“ (по Ипат. въ 1286 г.) „ходиша Литва вся и Жемоить на Нѣмци „къ Ризѣ. Онѣмъ же вѣсть бысть, и збѣгошась въ городы. Они „же пришедше къ городу и не успѣвше ничто же, оттолѣ идо-„ша на Лотыголу, и доходивше города Медвѣжа Головы, и воз-„вратишась, добывше не мало полона. Се же услышавше То-„рунстіи Нѣмци, идоша на Жмоить, помогаючи своимъ Нѣм-„цемъ, и поимаша ихъ множество... Того же лѣта преставися „Лестко Казимиричь“ (по Длугошу въ 1289 году).

„Володимеръ же Князь, тъскнувъ немочью тѣла своего“ (по Ипат. въ 1287 году) „нача слати къ брату своему Мьсти-„славу, тако река: брате! не могу, а ни у мене дѣтей, а даю „тобѣ землю свою всю по своемъ животѣ; а се ти даю при Ца-„рехъ“ (Татарскихъ) „и при его Рядцахъ“ (Баскакахъ). Мьсти-„славъ же удари челомъ... Посла Володимеръ къ брату ко Льво-„ви и къ сыновцю къ Юрьеви съ тыми словы: далъ есми Мьсти-„славу землю свою. Левъ же рече: тако и гораздо; аже еси далъ, „мнѣ подъ нѣмъ не искати по твоемъ животѣ; а вси ходимъ „подъ Богомъ; абы ми Богъ далъ своимъ мочи изволодѣти въ „се время“... (Левъ не изъявилъ и брату Мьстиславу ни малѣйшаго неудовольствія, и казался на все согласнымъ)... „Пребывъ „мало дни въ Володимери, нача (Владиміръ) молвити Княгини „своей и Бояромъ. хотѣлъ быхъ доѣхати до Любомля, зане же „ми дѣла съ погаными нѣтъ, а человѣкъ есмь боленъ; ни я съ „ними могу повѣстити, а прояли ми уже и на печенехъ; а се „мене мѣсто Епископъ Марко. И поѣха до Любомля съ Княгы-

„нею и съ слугами Дворными. Изъ Любомля поѣха до Берестія;
„и пребывъ въ Берестіи 2 дни, и поѣха до Каменца; ту же и
„лежаше въ болѣсти своей, и рече Княгинѣ и слугамъ: олны жь
„минеть поганый (Телебуга) изъ землѣ, тожь поѣдемъ до Любом-
„ля... Пріѣхаша слугы его къ нему, иже были на войнѣ съ Та-
„тары. Володимеръ же нача выспрашивати о Телебузѣ уже ли
„пошелъ изъ землѣ Лядское. Онѣмъ же повѣдающимъ: пошелъ.
„А братъ ми Левъ и Мьстиславъ и сыновець въ здоровіи ли?
„Они же повѣдающе: здорови всѣ, и Бояре и слуги. Володимеръ
„же похвали Бога. А Мьстислава повѣдаша, аже пошелъ съ Те-
„лебугою на Львовъ. Тогда же повѣдаша: братъ ти даеть го-
„родъ Всеволожь Бояромъ, и села раздаваеть. Володимеру же
„нелюбіе бысть велико на брата, и нача молвити: се лежю въ
„болѣсти, а братъ ми придалъ еще болшее болѣсти; мнѣ еще
„живу сущю, а онъ роздаваеть городы моя и села; ольны моглъ
„по моемъ животѣ роздавати. И посла Володимеръ съ жалобою
„къ Мьстиславу, река: брате! ты мене ни на полку ялъ, ни ко-
„піемь ся еси мене добылъ... Иже тако чинити надо мною, ты
„ми братъ еси, а другыи ми братъ Левъ, а сыновець ми Юрій...
„Избралъ есмь тебе одиного за гордость брата своего и сынов-
„ца. Мьстиславъ же рече брату: Господине! рци: братія твоя,
„земля Божія и твоя, и городы твои, а я надъ ними не воленъ,
„но есмь въ твоей воли... абы ты, господине, здоровъ былъ.....
„Володимеру же люба бысть рѣчь та. Посемъ же поѣха изъ Ка-
„менца до Раю. Будущю же ему ту, нача молвити Княгини:
„хочю послати по Мьстислава, абыхъ съ нимъ рядъ учинилъ о
„землю и о городы, и о тобѣ, Княгини моя милая, Олго, и о
„семь дѣтяти о Изяславли, иже миловахъ яко свою дъщерь ро-
„димую: Богъ бо не далъ ми своихъ родити... взялъ бо есмь ю
„отъ матере въ пеленахъ... И посла къ брату Епископа Воло-
„димерского Евсегенія, и съ нимъ Борка и Оловянца... Мьсти-
„славъ же пріѣха къ нему въ Рай... ста на подворіи... Оному жь
„лежащю въ болѣсти, услышавъ братовъ пріѣздъ, въставъ и сѣ-
„де, и посла по брата. Онъ же пріиде и поклонися ему. Володи-
„меръ же нача въпрошати его о Телебузѣ... Мьстиславъ же пой-
„де на подворіе. Володимеръ же посла къ нему Епископа съ Бор-
„комъ и съ Оловянцемъ, тако река: брате! хочю грамоты по-
„писати... Мьстиславъ же рече Епископу: господине! я сего не
„хотѣлъ, оже бы мнѣ искати твоея землѣ по твоемъ животѣ...
„но рекъ ми еси въ Ляхохъ, коли есмы были съ Телебугою и съ
„Алгуемъ, а братъ ми Левъ тутожь, ты присылалъ къ мнѣ, та-
„ко река: даю ти землю свою... яко богу любо и тебѣ.... Воло-
„димеръ же повелѣ писцю своему Ходорцю писати грамоты:

,,Во имя Отца и Сына и Св. Духа, молитвами Прес.
,,Богородицы и Приснодѣвы Марiи и Св. Ангелъ. Се
,,азъ Князь Володимеръ, сынъ Васильковъ, внукъ Ро-
,,мановъ, даю землю свою всю и городы по своемъ жи-
,,вотѣ брату своему Мьстиславу, и стольный свой го-
,,родъ Володимерь. Другую жь грамоту написахъ брату сво-
,,ему такую же... Хочю и еще Княгини своей писать грамоту
,,тако же: Во имя Отца," и проч.... ,,Далъ есмь Княгини своей
,,по своемъ животѣ городъ свой Кобрынъ и съ людми и съ данью;
,,яко при мнѣ даяли, тако и по мнѣ имать даяти Княгини мо-
,,ей... Я же далъ есмь ей и село свое Городло и съ мытомъ, а
,,люди яко на мя тягли, тако и на Княгиню мою по моемъ жи-
,,вотѣ. Аже будеть Князю городъ рубити, и они къ городу, а по-
,,боромъ и Татарщиною" (данiю Ханскою) ,,къ Князю. А садовое
,,ей Сомино. Далъ есмь Княгини своей и манастырь свой Апо-
,,столы, иже създахъ своею силою; а село есмь купилъ Березо-
,,вичи у Юрьевича у Давыдовича у Ходорка; а далъ есмь на немъ
,,50 гривенъ кунъ, а пять локоть скорлату, да бронѣ дощатые;
,,а тое село далъ есмь къ Апостоломъ же. А Княгиня моя по
,,моемъ животѣ аще въсхощеть въ Черници пойти, пойдеть;
,,аще не въсхощеть ити, яко ей любо. Мнѣ не востави смот-
,,рѣти, што кто имать чинити по моемъ животѣ.....
,,Посемъ же посла Вълодимеръ къ брату, тако река: цѣлуй
,,крестъ, како ти не отняти ничего отъ Княгини моея... и
,,отъ сего дѣтяти, отъ Изяславы, а еже не отдати ея неволею
,,ни за кого же, но гдѣ будеть Княгини моей любо, то тутъ ю
,,дати. Мьстиславъ же рече: господине! не дай ми Богъ того,
,,аже бы мнѣ отняти что... но дай ми Богъ имѣти свою ято-
,,ровъ яко матерь собѣ; а про се дѣтя, абы ю Богъ того довелъ,
,,дай ми ю Богъ отдати яко свою дъщерь родимую.... Се же ся
,,дѣяше Ѳедоровы недѣли. Въземъ рядъ съ братомъ, поѣха до Во-
,,лодимера... и съзва Бояры Вълодимерскiя брата своего и мѣс-
,,тичи" (граждан) ,,Русь и Нѣмци, и повелѣ предъ всѣми чести
,,грамоту братню... Епископъ же Евсегенiй благослови Мьсти-
,,слава крестомъ Въздвизальнымъ на Княженiе Вълодимерское:
,,хотяше бо уже княжити въ Володимери, но братъ ему не да,
,,тако река: могъ олны по моемъ животѣ княжити. Мьстиславъ
,,же пребывъ нѣколико днiй въ Володимери и ѣха въ своя горо-
,,ды, въ Луцескъ и въ Дубенъ и въ иныя. Вълодимеръ же прiѣха
,,изъ Раю въ Любомль; тутъ же и лежаше всю зиму въ болѣсти
,,своей, россылая слугы своя на ловы, бяше бо и самъ ловецъ до-
,,борь и хороборь; николи же къ вепреви, ни къ медвѣдеви не
,,ждаше слугъ своихъ... но самъ убиваше... понеже далъ бяше ему

„Богъ васнь“ (удаль) „не токмо на ловѣхъ, но въ всемъ... На-
„ставшю лѣту, и присла Кондратъ къ Володимеру, тако река:
„господине брате! ты ми былъ въ отца мѣсто... слышалъ есмь,
„аже еси далъ землю свою Мьстиславу; а надѣюся на Бога и на
„тебе, абы ты, господинъ мой, послалъ къ брату, абы мя съ
„твоею милостію пріялъ подъ свою руку и стоялъ бы за мя...
„Вълодимеръ же посла къ Мьстиславу... Мьстиславъ же обѣща-
„ся... река ему; хотѣлъ ся быхъ сняти съ Кондратомъ, а я ся
„докладываю Бога и тебе. Вълодимеръ же рече: съимися съ
„нимъ... И поѣха Кондратъ къ Мьстиславу въ Берестій и по-
„семъ въ Любомль... Вълодимеръ же велѣ ему прійти къ собѣ.
„Кондратъ же въшедъ поклонися ему и плакася по велику, видя
„болѣсть его и уныніе тѣла его красного. Повѣстивъ же съ бра-
„томъ рѣчи многы, и иде на подворіе. Вълодимеръ же присла
„ему конь свой добрый. Обѣдавъ же и поѣха до Володимеря и къ
„Луцку, Мьстиславу жь не сущю ту, но близъ города не въ коемъ
„мѣстѣ, именемъ въ Гай; мѣсто же то бяше красно видѣніемъ
„и устроенно различными хоромы; церкви же бяше въ немъ пре-
„дивна... и поѣха Кондратъ изъ Луцка въ Гай... Мьстиславъ же
„срѣте его съ любовію... и начаша веселитися... Мьстиславъ же
„одари Кондрата коньми красными и въ сѣдлѣхъ дивныхъ и пор-
„ты дорогыми. По отъѣздѣ же Кондратовѣ изъ Любомля, при-
„гна Ярпакъ Ляхъ изъ Люблина... и не велѣше“ (Владиміръ)
„ему передъ ся, и рече Княгини своей: роспроси его... Онъ же
„(Ярпакъ) рече: Князь Лестько мертвъ. Вълодимеръ же роспла-
„кась... А прислали мя Люблинци: хотятъ Князя Кондрата кня-
„жити въ Краковъ... хочю найти его.... Вълодимеръ же велѣ
„дать ему конѣ... и погна вборзѣ и найде его въ Володимери....
„Кондратъ же възвеселися о Княженіи Краковскомъ... и прієха
„въ Любомль, хотяче бо повѣстити съ братомъ о томъ. Въло-
„димеръ же не велѣ ему къ собѣ прійти, но рече Княгини своей:
„иди, повѣсти съ нимъ, да отряди, ать поѣдеть прочь... Кня-
„гиня же повѣда рѣчь Кондратову: братъ ти, господине, мол-
„вить: пошли съ мною своего Дуная... и поѣха къ Люблину, и
„запроша Ляхове городъ, и ста Кондратъ на горѣ у Мниховъ, и
„посла къ горожаномъ, тако река: начто мя есте привели?..
„Горожане же рекоша: мы тебе ни привели, ни слали по тебе,
„но голова намъ Краковъ; тамо Воеводы наша и Бояре Велицыи:
„аже имешь княжити въ Краковѣ, то мы твои. Посемъ же по-
„вѣдаша Кондратови, аже рать идетъ къ городу; твораху бо
„рать Литовскую... и вбѣже Кондратъ въ стопль къ Мнихомъ
„съ Бояры своими и Дунай Вълодимеровъ съ ними... и познаша,
„аже Руская рать, Князь Юрій Львовичь: хотяше бо собѣ Любли-

„на... и пріѣха Юрій къ городу. Горожане же не подаша ему го-„рода... Юрій же позна лесть ихъ... Онѣмъ же молвящимъ: Кня-„же! рать съ тобою мала; пріѣдуть Ляхове мнози: соромъ" (срамъ) „будеть ти великъ. Юрій же роспусти дружину вое-„вать, и взяша полона много, а жита пожгоша и села... И та-„ко возвратишась въ свояси, и Кондрать возьмъ соромъ великъ; „лѣпше бы не живъ былъ. Посемъ же матежъ бысть великъ въ „земли Лядской. — Бысть же посемъ минувшимъ нѣколицемъ „днемъ" (по Ипат. въ 1288 году) „присла Юрій къ Князю Воло-„димеру, река: Богъ вѣдаеть и ты, како ти есмь служилъ... а „нынѣ, господине, отнимаеть (отецъ) у мене городы, что ми „былъ далъ, Белзъ и Червенъ и Холмъ; велить ми быти въ До-„рогичинѣ и въ Мѣльницѣ. Бію челомъ Богу и тобѣ, стрыеви „своему: дай ми Берестій, и то бы ми сполу было..... Посемъ же „посла Володимеръ слугу своего доброго, вѣрного, именемъ Рачь-„тю, къ Мьстиславу, тако река: сыновецъ мой Юрии просить „Берестія; азъ же не далъ; а ты не давай ничего же... И вземъ „соломы въ руку отъ постеля своея, рече: хотя быхъ ти топъ „вѣхоть соломы далъ, и того не давай по моемъ животѣ нико-„му же. Рачьта же найде Мьстислава въ Спожци... Мьстиславъ „же удари челомъ противу словомъ брата своего, рекъ: ты ми „отецъ мой, Данило Король; а что ми велишь, слушаю.... По-„томъ присла къ Володимеру Левъ Епископа своего Перемышль-„ского Мемнона... Володимеръ же бѣ уразумѣя древняя и задняя, „начто пріѣхалъ. Онъ же войде и поклонися до землѣ... И велѣ „ему сѣсти... и нача посольство правити: братъ ти, господине, „молвить: стрый твой, Данило Король, лежить въ Холмѣ и „братія наша, Романъ и Шварно... а нынѣ, брате, слышимъ „твою немочь... а ты, брате, не загасилъ свѣчи надъ гробомъ „стрыя своего... абы далъ Берестій, то бы была свѣча твоя. „Володимеръ же повѣтивъ съ Епископомъ много отъ книгъ, за-„не бысть Философъ, якого жъ не бысть въ всей земли, ни „по немъ не будеть... Просилъ еси" (отвѣтствуетъ Владиміръ Льву) „живыми, а уже пакъ мертвыми просишь.... Володимеръ „же одаривъ Владыку отпусти, зане бысть не бывалъ у него „николиже.

„Князю же Володимеру лежащу въ болѣсти полно 4 лѣта, „болѣзнь его сице скажемъ: нача ему гнити исподняя устна, пръ-„вого лѣта мало, на другое и на третіе болма... И еще ему не „велми болну сущю, ѣздяще на кони..... И стада роздa убо-„гымъ, у кого коня нѣтъ, и тѣмъ, иже то погубили въ Телебу-„жину рать... Исходящю же четвертому лѣту, и наставши „зимѣ, отпаде ему все мясо съ брады и зубы исподнія выгниша

„вси, и челюсть бродная перегни. Съ (сей) же бысть вторый „Іовъ, и вниде въ церковь Св. Георгія, хотя взяти причастие и „вниде въ олтарь малый, идѣ же Іереи съвлачаху ризы (ту бо „бяше ему обычай всегда ставати) и сѣде на столци, зане не „можаше стояти отъ немочи, и въздѣвъ руцѣ на небо, моля„шеся съ слъзами..... Пришедшю же ему отъ церкви, и леже, „и не выходи вонь, но болма нача изнемогати, и отпада ему „мясо все съ бороды, кость бородная перегнила бяше, и бысть „видѣти и гортань, и не вкуша по 7 недѣль ничтоже, развѣ „одиное воды, и тоеже по-скуду; и бысть въ Четвертокъ на „ночь, поча изнемогати, и яко бысть въ куры“ (время, когда пѣтухи поютъ) „и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу „души, и възрѣвъ на небо, и въздавъ хвалу Богу... предасть ду„шю свою въ руцѣ Божіи... Свитающю же Пятку... княживъ по „отци 20 лѣтъ... Преставленіе его бысть въ Любомли городѣ, „въ лѣто 6797, Дек. 10 день, на Св. отца Мины. Княгини же его „съ слугами Дворными, омывше его, и увиша его оксамитомъ „съ кружевомъ, яко же достоитъ Царемъ, и възложивше его на „сани, и повезоша до Вълодимеря. Горожане же отъ мала и до „велика съ плачемъ великымъ проводиша своего господина. При„везше же его въ Володимерь въ Епископью къ Св. Богородицы, „поставиша его на санехъ въ церкви, зане бысть поздно. Того „же вечера по всему городу увѣдана бысть смерть Княжа. На„утріе же по заутренѣ пріиде Княгини его и сестра ему Олга, „и Княгини Олена Черница съ плачемъ, и весь городъ снидеся, „и Бояре всѣ, старіи и молодіи, плакахусь надъ нимъ, и Епи„скопъ же Володимерскій Евсигеній... и Огапидъ Печерскій Игу„менъ... положиша тѣло его въ отнѣ гробѣ Дек. 11 день. Кня„гини же его безпрестани плакашеся, предстоящи у гроба, „сице втінище глаголаше: Царю мой благый!.. въ истину на„речено бысть тобѣ имя въ крещеніи Іоаннъ; всею добродѣтелію „подобенъ еси ему. Многыя досады пріемь отъ сродникъ, не ви„дѣхъ николи же противу ихъ злу никотораго же зла въздаю„ща... Наипаче плакахусь по немъ лѣпшіи мужи Володимерстія, „рекучи: добро бы намъ, господине, съ тобою умрети, сътвор„шему толику свободу, яко же и дѣдъ твой Романъ свободилъ „бяше отъ всѣхъ бѣдъ; ты же бяше сему поревновалъ и „наслѣдилъ путь дѣда своего... Солнце наше зайде намъ, „и въ обидѣ всѣ остахомъ.... И тако плакавшеся надъ нимъ „все множество Вълодимерцевъ съ Нѣмци и Сурожци и Нов„городци, и Жидове плакухусь аки во взятье Іерусалима, „... Съ благовѣрный Князь Володимеръ възрастомъ бѣ высокъ, „плечима великъ, лицемъ красенъ, волосы имѣя желты кудрявы,

„бороду спритый, рукы имѣ красны и ногы; рѣчь же бѣ въ немъ „щълста и уста исподняя дебела; глаголаше ясно отъ книгъ, „зане бысть Философъ великъ, и ловецъ хитръ, кротокъ, смиренъ, правдивъ, не мъздоемецъ, нелживъ, татбы ненавидя; питія же не пи отъ възраста своего... Въ крестномъ же цѣлованіи стояше... наче же милостынею бяше милостивъ"... Здѣсь Лѣтописецъ обращается къ духу Владиміра и говоритъ: „Добръ „послухъ благовѣрію твоему церковь Св. Богородица Марія, юже „създа прадѣдъ твой... добръ зѣло послухъ братъ твой Мьстиславъ, его же сътвори Богъ Намѣстникъ по тобѣ твоему владычьству, не рушаща твоихъ уставъ, но утвръжающа, неказано вчиняюща и иже нескончанная твоя учиняюща, яко Соломонъ Давида, иже домъ Божій великый святый Его мудрости „създа, на святость и очищеніе граду твоему, юже всякою красотою украси... яка же ина не обрящется въ всей полунощи „земли... и славный городъ твой Вълодимерь величествомъ яко „вѣнцемъ обложенъ... Радуйся, благовѣрный городе! Господь съ „тобою! Въстани отъ гроба, о честная главо! отряси сонъ: нѣси бо умрълъ, но спишь до объщего въстанія... възведи очи, „какоя ти чти Господь тамо сподобивъ, и на земли не безъ памяти тя оставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ; востани и „видь брата твоего красящаго столъ земли твоея. Къ сему же „вижъ и благовѣрн. свою Княгиню, како покловяется имени твоему... твое вѣрное въсѣяніе не изсушено бысть зноемъ невѣрія, „но дъждемъ Божія поспѣшенія распложено бысть многоплоднѣ. Ты правдою бѣ оболченъ, крѣпостью препоясанъ, и милостынею яко гривною, утварью златою, украсуяся; истинною „обвитъ, смысломъ вѣнчанъ.... Моли о земли брата своего, да „славитися въ ней правовѣрію, и да блюдеть Богъ отъ всякія „рати; наче же молися о братѣ своемъ Мьстиславѣ, безъ соблазна Богомъ данныя ему люди управити и стати съ тобою „непостыдно предъ престоломъ Вседръжителя и за труды паствы людій его пріяти вѣнецъ славы нетлѣнія...

„Сему же Князю Володимеру вложену въ гробъ, и лежа въ „гробѣ тѣло его незамазано отъ 11 Дек. до 6 Априля. Княгиня „же его... пришедши съ Епископомъ Евсегеніемъ и съ всѣмъ „Крилосомъ, открывши гробъ и видиша тѣло его цѣло и бѣло, „и благоуханіе отъ гроба бысть, и воня подобнаароматъ многоцѣнныхъ... И прославиша Бога и замазаша гробъ его Апр. въ „6 день, въ Среду Страстное недѣли... Князь же Володимеръ „многы городы сруби по отци своемъ; сруби Берестій, и за „Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемѣмъ „Льстнѣ, и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть каменна зе

„мля. Създа же въ немъ стопъ каменъ, высотою 17 саженей... „и церковь постави Благовѣщенія... и украси ю иконы златы„ми, и съсуды скова служебныя сребрены, и Евангеліе опракосъ „оковано сребромъ, Апостолъ опракосъ и парамья, и съборникъ „отца своего тоже жь положи, и крестъ въздвизальный. Тако „же и въ Бѣльску поустрои церковь иконами и книгами; въ Во„лодимери же списа Св. Дмитрея всего, и съсуды сребряные ско„ва... и завѣсы золотомъ шиты, а другіе оксамитные съ дроб„ницею... и Апостолъ самъ списавъ, и съборникъ отца свое„его тоже же положи... Въ Епископью Перемышльскую да Еван„геліе опракосъ, окованно сребромъ съ женчюгомъ: самъ же „списалъ бяше; а до Чернѣгова пославъ Евангеліе опракосъ „золотомъ писано, а окованно сребромъ съ женчюгомъ, и „среди его Спаса съ финиптомъ; въ Луцкую Епископью да крестъ „великъ сребрянъ позлотистъ съ Честнымъ древомъ; създа же и „церкви многы: въ Любомли постави каменну Св. Георгія, укра„си ю иконами коваными и съсуды сребряны и платци оксамит„ны шиты золотомъ вся, съ женчюгомъ... Евангеліе опракосъ „волоченое оловиромъ, и цяпу възложи на не съ финиптомъ.. „Прологи списа 12 мѣсяца... и Мѣнеи 12 списа, и Тріодь, и Ох„тай, и Ермолой; списа же и служебникъ Св. Георгію... молит„венникъ же купилъ въ Протопопиное, и да на немъ 50 гривенъ „кунъ... и двери солія мѣдяные; почалъ же бяше писати ю, но „не скончана: зайде бо его болѣсть; полія же и колоколы дивны „слышаніемъ, такыхъ же не бысть въ всей земли; въ Берестіи „же създа стлъпъ каменъ высотою яко и Каменецкый" и проч. Строеніе города Каменца описано выше такъ: „нача" (Владиміръ) „думати, абы гдѣ за Берестіемь поставити городъ, и взя „книгы Пророческыя, разгнувъ, и выняся ему Исаино пророче„ство: Духъ Господенъ на мнѣ... Въздвигнути городы „пусты," и проч. „Князь же Вълодимеръ нача искати мѣста „подобна... Сія же земля бяше опустѣла по 80 лѣтъ по Романѣ... „и посла Вълодимеръ" (въ 1276 году по Ипат.) „мужа хитра, „именемъ Олексу, иже бяше и при отци его многы городы ру„бя, и посла его съ тоземци въ челнохъ въ връхъ рѣкы Лсны... „Съ же нашедъ мѣсто тако, и пріѣха къ Князю... Князь же „самъ ѣха съ Бояры и слугами, и улюби мѣсто то надъ бере„гомъ рѣки Льсны, и отреби е, и сруби городъ и нарече ему „имя Каменець, зане бысть земля камена.

„Володимеру же вложену въ гробъ, братъ же его не при„тяже на схороненье тѣла, но пріѣха послѣ съ Бояры своими и „ѣха въ Епископью, идѣ же братъ его положенъ бысть, и пла„кася надъ гробомъ его, яко по отци своемъ по Короли. Утоливъ

„же отъ плача, и нача россылати засаду по всѣмъ городомъ.
„Хотинцю ему послати до Берестія и до Каменца и до Бѣлска,
„и пріиде ему вѣсть, аже уже засада Юріева тамо: Берестіяне
„бо вчинили коромолу, баху еще Володимеру болну сущю; они
„же ѣхавше къ Юріеви Князю, цѣловаша крестъ, рекучи: како
„не достанеть стрыя твоего, мы твои и городъ, а ты нашъ
„Князь. Володимеру же преставльшюся, Юрій услышавъ вѣсть,
„и ѣха въ Берестій, и нача княжити въ немъ по совѣту безум-
„ныхъ своихъ Бояръ молодыхъ и коромольниковъ Берестіянъ.
„Мьстиславу же рекоша Бояре его и братни: сыновець твой
„сърамоту възложилъ на тя... Займи городы его, Белзъ и Чер-
„вень, и пойдемъ къ Берестію. Князь же Мьстиславъ бяше лег-
„косрьдъ, и рече: не дай ми Богъ того учинити, аже бы мнѣ
„пролити кръвь неповинную; но я исправлю Богомъ и благосло-
„веніемъ брата своего Володимера... И посла къ сыновцю, тако
„река: ты самъ слышалъ гораздо, и отецъ твой, и вся рать,
„аже братъ мой Володимеръ далъ ми землю свою всю по своемъ
„животѣ при Царехъ и при его рядцахъ... Чему еси тогда съ
„мною не молвилъ при Царехъ? а повѣждь ми, самъ ли еси въ Бе-
„рестіи сѣлъ своею волею, ци ли велѣніемъ отца своего, абы ми
„вѣдомо было; не на менѣ жь та кровь будеть, но на виноватомъ
„...Я хочю правити Татары, а ты сѣди; аже не поѣдешь доб-
„ромъ, а зломъ накь поѣдешь. По семъ же посла къ брату свое-
„му, въ Львови, Епископа своего Володимерскаго, река ему: жа-
„лую Богу и тебѣ, зане ми еси братъ старѣйшій; повѣжь ми
„право, своею ли волею сѣдитъ сынъ твой въ Берестіи, ци ли
„твоимъ повелѣніемъ? Аще твоимъ, се же ти повѣдаю не тая,
„послалъ есмь възводить Татаръ, а самъ пристроиваюся... Левъ
„же убоявся велми, и еще бо тому не сышла оскомина Телебу-
„жины рати, и рече Епископу: сынъ мой не моимъ вѣданьемъ
„се вчинилъ... Шлю къ нему, атъ поѣдеть вонъ.... Мьстиславъ
„вборзѣ посла гонци по Юрія Князи Порусскомъ, веля его воро-
„тити назадъ: послалъ бо его бяше възводить Татаръ на сы-
„новца своего; тогда бо Юрій Порусскый служаше Мьстиславу,
„а прьвое Володимеру... Левъ посла Семена своего Дядковича къ
„сынови съ прочными рѣчма, река ему: поѣди вонъ; не погуби
„земли... Не поѣдешь ли, и я буду помочникъ брату Мьстисла-
„ву на тя... По моемъ животѣ даю землю свою всю брату, а
„тобѣ не дамъ, аже мене не слушаешь... Семенови же ѣдущю
„къ Юріеви, Мьстиславъ же посла съ нимъ Павла Денисіевича:
„тъ бо ѣздилъ бяше ко Львови и вѣдаетъ всѣ рѣчи; посла же съ
„нимъ и отца своего духовнаго.... И поѣха Юрій вонъ изъ горо-
„да съ великымъ сърамомъ, пограбивъ вся домы стрыя своего; и

„не остася ни камень на камени въ Берестіи и въ Каменци и „въ Бѣлску. Павелъ же Мьстиславу повѣда... Мьстиславъ же поѣ„ха до Берестія... и срѣтоша его горожане съ кресты и съ ра„достію великою. . Берестіане же, началници коромолѣ, бѣжа„ша по Юріи до Дорогичина: цѣловалъ бо къ нимъ крестъ на „томъ: не выдамъ васъ... Мьстиславъ же, пребывъ мало дний „въ Берестіи, и ѣха до Каменца и до Бѣлска, и ради быша ему „вси людіе; утверди люди и засаду посадивъ, и пріѣха въ Бере„стій, и рече Бояромъ: есть ли ловци здѣ? они же рекоша: нѣ„туть, господине, извѣка. Мьстиславъ же рече: я пакь устав„ляю ян нѣ ловци за ихъ коромолу, абы ми не зрѣти на ихъ „кровь... и повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ „Князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Рома„новъ, уставляю ловчіе на Берестіаны въ вѣкы за „ихъ коромолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по двѣ ов„ци, по пятнадесять десятковъ лну, а по сту хлѣ„ба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, „и по 20 куровъ; а по тольку съ вcякаго ста; а на го„рожанѣхъ 4 гривны кунъ; а кто мое слово порушитъ, „а станеть съ мною предъ Богомъ. А вписалъ есмь въ „лѣтописецъ коромолу ихъ.... И утвердивъ же засаду въ Бере„стіи и поѣха до Вълодимеря... и съѣхашась къ нему Бояре его „старіи и молодіи. Князь же Мьстиславъ сѣде на столѣ Воло„димера на самый Великъ день въ лѣто 6797, Апр. 10 день, и на„ча княжити, правдолюбіемъ свѣтясь... и бысть радость вели„ка людемъ: се Въскресеніе Господне, а се Княже сѣденіе, миръ „дръжа съ околными сторонами, съ Ляхи, съ Нѣмци и съ Лит„вою; одръжа землю свою величествомъ оллы по Татары, а сѣ„мо по Ляхы и по Литву. Тогда же Литовскый Князь Буди„кидъ и братъ его Буйвидъ даша Мьстиславу городъ свой „Волковыескъ, абы съ ними миръ дръжалъ.“ Вотъ самое достовѣрнѣйшее извѣстіе о наслѣдникахъ Тройдена. Выше сказано объ немъ: „Княживъ лѣтъ 12, преставися беззаконникъ. Бяше „же у него братія борза: Сирьпутій, Лѣсій, Свилкели; бяхуть „бо живуще въ Св. крещеніи, въ любви, въ смиреніи, презлиха „любяще нищая: си же вcѣ преставишась при животѣ Тройде„невѣ.“ Въ Родословной Князей Литовскихъ сказано (Воскр. Лѣт. I, 49): „По Вел. Князѣ Миньдовгѣ сѣде на Княженіи Да„виловъ сынъ Видъ, его же люди волькомъ звали, и тотъ при„бавилъ Деревьскіе“ (Древлянской или Волынской) „земли мно„го; и по немъ сѣде на Вел. Княженіи Видовъ сынъ, Тройденъ, „и тотъ прибавилъ Ятвягъ; и потомъ сѣде на Вел. Княж Трой„деневъ сынъ Витенъ, и тотъ прибавилъ земли Литовьскіе

„много и до Бугу." Вишенъ и Буйвидъ не одинъ ли человѣкъ? Стриковскій — Историкъ Поэтъ, ибо онъ писалъ отчасти стихами — разсказываетъ, что послѣ Войшелга, отъ 1264 до 1281 году, княжили въ Литвѣ старецъ Свинторогъ Утенуссовичь, сынъ его Гермонтъ, внукъ Гилигинъ съ братомъ Трабусомъ, сынъ Гилигиновъ Ромунтъ, сынъ Ромунтовъ Наримунтъ, братъ Наримунтовъ Тройденъ, а послѣ Воевода его Вишенъ, ибо сынъ Троиденовъ и Княжны Мазовской, Лавръ, въ санѣ Инока спасая душу свою въ одномъ Россійскомъ монастырѣ, отказался отъ власти. Въ Литвѣ было множество Князьковъ, жившихъ въ одно время: Стриковскій, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданій, объявилъ кого отцемъ, кого дѣдомъ и прадѣдомъ такогото Князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовѣрнымъ источникомъ Литовской Исторіи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Волынская и Новогородская, также Дузбургъ (Chronicon Prussiae) и Длугошъ.

Далѣе въ Волынск. Лѣт.: „Тогда же пріѣха Кондратъ „Сѣмовитовичь къ Мьстиславу, прося собѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на Княженіе Судомирское. Мьстиславъ же обѣща ему, „а Кондрата одари и Бояры его всѣ... Кондратъ же поѣха... „Мьстиславъ же съвокупи рать свою и посла ю, и наrекъ Чюдина Воеводу: и тако сѣде Кондратъ въ Судомирю Княземъ „Мьстиславомъ и его помочью. — По Лестьку же сѣде въ Краковѣ (въ 1290 г.) Болеславъ Сомовитовичь, братъ Кондратовъ, „и пришелъ Индрихъ Князь Вротиславскый, и выгнаше его, хотя самъ княжити. Болеславъ съвокупивъ братію свою, Кондрата и Локотка и поидоша на Индриха къ Кракову. Индрихъ „же не стерпѣвъ выѣха вонъ до Вѣротиславля, а засаду свою посади въ Краковѣ, Нѣмци, лучшіе свои мужи; обѣщался имъ дары великыми и волостьми, а самѣхъ води къ кресту, како бы „не передати городъ Болеславу. Индрихъ же кормъ имъ остави до изобилья. Болеславу же пришедшю съ братьею, и вѣѣха „въ мѣсто" (въ предмѣстіе) „а въ городъ не лзѣ бысть вѣѣхати, зане бороняхуся крѣпко изъ него... и стояша водаль города, „изъѣдаючи села, и бысть ѣха въ зажитіе единою воздаль" (далеко) „отъ города, мѣстичи же" (жители предмѣстія) „не „воевахусь по Болеславѣ съ горожаны, но рекоша: кто сядетъ „княжити въ Краковѣ, тотъ нашъ Князь; и стояша лѣто цѣло „біющеся у города, и не успѣвше ничто же. Того же лѣта" (по Ипат. въ 1291 г.) „Князь Левъ самъ иде въ помочь къ Болеславу. „Пришедшю же, радъ бысть ему Болеславъ и Кондратъ и Локотко яко отцу своему. зане бысть Левъ Князь мудрый и хороборъ... и нача Левъ ѣздити около города... горожаномъ грозу

„подавая... весь бо городъ бяше учиненъ отъ камене, и утвер-
„жение его не мало порокы и самострѣлы коловоротными По
„семъ же ѣха въ страны своя; наутріе взъшавъ, и въсходящю
„солнцу, и пойде къ Тынцю и бишася у него крѣпко, и одва го-
„рода не взяша: мнозіи горожане избиты быша... а свои вси цѣ-
„лы; и пріиде Левъ опять къ Кракову, хотя пойти къ городу,
„и Ляхомъ такоже повелѣ... и полѣзоша къ заборопомъ и біяху-
„ся крѣпко... и пріиде вѣсть Львови, аже рать идеть велика, и
„повелѣ перестати отъ боя... а сторожи посла на съглядание
„рати, и не бысть ничего же: Воеводы Лядьскые сами полошаху,
„абы не взяти города. Левъ же, усмотривъ лесть ихъ, думавъ
„много съ Бояры своими, посла рать свою къ Вротиславлю
„воевати, и взяша множество челяди и скота, зане не входи-
„ла бяше никакая рать толь глубоко въ землю его" (Генрикову)
„и придоша ко Львови съ честію. Львови же радость бысть ве-
„лика, аже свои всѣ здорови... Тогда же Левъ ѣха въ Чехы на
„снемъ къ Королеви, зане любовь держаше съ нимъ велику, и
„докончавъ съ нимъ миръ до своего живота. Король же одаривъ
„Льва... и пріѣха (Левъ) къ своему волку... и пойде въ свояси
„съ честію не малою. — Того же лѣта Мьстиславъ Князь създа
„гробницу каменну надъ гробомъ бабы своея Романовое въ монас-
„тыри у Святого, и свяща ю во имя Праведникъ Іоакыма и Анны,
„и службу въ ней створи. Того же лѣта въ Черторыйску въ
„городѣ заложи столпъ каменъ.

„Тое же зимы" (по Ипаш. въ 1292 году), „преставися Пинь-
„скыи Князь Юрій, сынъ Володимеровъ, кроткый и правдивый,
„и плакася по немъ Княгини его и сынове его и братъ ему Де-
„мидъ Князь и вси людіе. — Тое зимы преставися Степан-
„скый Князь Иванъ сынъ Глѣбовъ, и плакахусь по немъ... и нача
„княжити сынъ его Володимеръ." Городъ Степанъ (нынѣ мѣс-
течко на берегу Горыни) принадлежалъ, думаю, къ Пинскому
Княженію.

(176) Длугош. Hist. Polon. кн. VII, стр. 849.

(177) См. выше, примѣч. 175.

(178) См. выше, примѣч. 174. Тверскій Архимандритъ Мака-
рій въ Житіи Св. Князя Михаила Ярославича и Со-
чинитель Россійской Іерархіи называютъ сего перваго
Епископа бывшимъ Княземъ Полоцкимъ: Лѣтописцы говорятъ
только: „Преставись блаженный Епискупъ Симеонъ Тферскій.
„Бяше учителенъ и силенъ книгами, Князя не стыдашеся пря-
„ся, ни Вельможъ... нищая же и сироты жаловаше. И положи-
„ша тѣло его въ церкви Св. Спаса на правой странѣ Февр. въ
„3 день" (1289 году). Въ одной лѣтописи нашелъ я слѣдующее

мѣсто: „Князь Константинъ Полотскій въспроси Владыки Си-„меона Тфѣрьскаго, гдѣ быти Тіуномъ нашимъ на ономъ свѣтѣ? „И рече Владыка: гдѣ и Князь. Князь же о томъ не полюби на „Владыку, глаголя: Тіунъ неправо судитъ, мъзду емлетъ, зло „дѣетъ: азъ что дѣю? И рече ему Владыка: аще будетъ Князь „добръ, и жалуетъ люди, и того ради избираетъ властеля му-„жа добра, страха Божія полна, разумна и праведна: Князь бу-„детъ въ раи, а Тіунъ его съ нимъ. Аще ли будетъ Князь безъ „страха Божія, и Христіанъ не имать жаловати, и онъ поста-„вляетъ властелина зла, невѣдуща; толико бы ему кунъ добы-„валъ; напустилъ его аки гладна пса на стерво, люди губити; „и Князь его будетъ въ адѣ, а Тіунъ его съ нимъ. Но глаголю „вамъ, Царемъ и Княземъ и Намѣстникомъ: утѣшайте скорбя-„щихъ, избавляйте убогихъ отъ рукъ сильныхъ: сіи бо отъ бога-„тыхъ обидими суть и притекаютъ къ вамъ яко заступникомъ „благымъ; но вы, Цари и Князи и Намѣстници, подобни есте „тучи дождевнѣй, иже истечетъ надъ моремъ во время ведра, а „не надъ землею жаждущею воды: вы тѣмъ болѣ даете и помо-„гаете, у нихъ же много злата и сребра, а не тѣмъ, иже не „имутъ ни пѣнязя; бѣдныхъ порабощаете, а богатымъ даете.“ — Кодинъ въ числѣ Россійскихъ Епископовъ именуетъ и Тверскаго (Τυφερη): см. его Notit. Graec. Episc. стр. 399. — Въ нѣкоторыхъ историческихъ выпискахъ сказано (см. Воскр. Лѣт. I, 30), что Ярославъ Всеволодовичь, по нашествіи Батыя, основалъ Тверь; но сей городъ уже существовалъ прежде (см. нашей Исторіи Т. III. примѣч. 164.)

Въ житіи Довмонта: „Княгиню Эрденевую полони (Дов-„монтъ), тетку свою Евпраксію.“ Андрей, Игуменъ Общаго монастыря, былъ одобренъ вдовствующею Великою Княгинею Ксеніею, матерію Тверскаго Князя Михаила, всѣми Боярами, Игуменами и Попами.

(179) „Тое же зимы (1280) преставись Кирилъ Митрополитъ всея Руси на Суждальской землѣ въ Переяславли Дек. въ „7, ту сущю Вел. Князю Димитрію и Епискупу Новгородьскому „Клименту и Еп. Ростов. Игнатью и Еписк. Володимерьскому и „Суждальскому Θеодору, и провадиша его честно съ пѣньемъ, и „вложиша въ раку, и везоша въ Володимерь, а оттоль попро-„водиша къ Кіеву, и тамъ паки пѣвше надъ нимъ молебное „пѣнье, и погребоша въ Сборной церкви.“ См. выше Кирилловы Правила церковныя. Сей Митрополитъ мирилъ Ярослава Ярославича съ Новогородцами.

Князь Глѣбъ умеръ въ Вел. постъ 1279 года. Самъ Игнатій съ честію предалъ его тѣло землѣ, а черезъ 9 недѣль „изриву

„изъ Сборныя церкви въ полуноши и повелѣ погрести у Св. Спа-
„са въ Княгининѣ монастыри.“ не за то ли, что Глѣбъ ревностно служилъ мечемъ Татарамъ? впрочемъ съ добрымъ намѣреніемъ, какъ мы видѣли. Никонов. Лѣт. расплодилъ умную рѣчь Кириллову.

(180) См. Исторію Пахимера и Никиф. Григоры; см. также Камень Соблазна Иліи Миніати, который пишетъ, что Царь велѣлъ отрѣзать губы одному церковному сановнику, Михаилу Оловулѣ, за его противорѣчія. Сія книга, давно переведенная на Русской, весьма любопытна. Она стоитъ того, чтобы ее вновь перевести и напечатать.

(181) Одинъ Никон. Лѣт. говоритъ о томъ, сказывая, что Максимъ ѣздилъ къ Хану въ 1283 году, а призвалъ Епископовъ въ Кіевъ въ 1284; что Ѳеогностъ былъ три раза въ Греціи, ѣздивъ туда съ грамотами и съ поминками отъ Митрополита и Мангу-Тимура. Въ Троицк. и другихъ: „тое же зимы пріѣха
„Ѳеогностъ, Епископъ Сарайскій, изъ Грекъ, посыланъ Митро-
„политомъ къ Патріарху, и Царемъ Менгутемеремъ ко Царю
„Палеологу.“

(182) Въ Троицкой: „въ лѣто 6801 (1293) Царь Тохта сѣ-
„де на царствѣ въ Ордѣ, а Ногая побѣдилъ.“ См. Дегин. Hist. des Huns, кн. XVIII, стр. 348.

Въ Троицк. и Пушкин.: „тое же зимы (въ 1292 или
„1293) Царь Татарскій приде на Тферь: имя ему Токтомерь, и
„велику тягость учинилъ людемъ,“ и проч.

Разные случаи Димитріева Княженія: Въ 1276 году упала до основанія стѣна Софійской церкви въ Новѣгородѣ. Въ 1278 скончались Князь Андрей Угличьскій и жена его Іустина. Сей Андрей названъ Ярославичемъ въ Никон. Лѣт.: но онъ былъ сынъ Владиміра Константиновича Угличьскаго, брата Василькова (см. Родослов. Книги). — Въ 1278 п есставилась въ Угличѣ Княгиня Евдокія (мать Андреева, вдовствующая супруга Владимірова) а въ 1279 или 1280, Марта 1, Ярославская Княгиня Марина супруга давно умершаго Всеволода Константиновича Ярославскаго. Въ томъ же мѣсяцѣ умеръ Князь Юрій Андреевичъ Суздальскій, внукъ Ярослава Всеволодовича, и погребенъ въ Суздалѣ, въ храмѣ Богоматери. Никон. Лѣт. прибавляетъ, что наслѣдникомъ Андреевымъ былъ его братъ, Михаилъ. — Въ Апрѣлѣ 1280 года, въ Понедѣльникъ, скончался Кн. Давидъ Константиновичъ Галичьскій и Дмитровскій, также внукъ Ярослава Всеволодовича. Въ то же лѣто Ростов. Епископъ Игнатій покрылъ оловомъ церковь Богоматери, и вымостилъ оную краснымъ мраморомъ. — Въ 1282 погорѣла Тверь. — Въ 1285 заложена въ Тве-

ри Княземъ Михаиломъ, его машерью и Епископомъ Симеономъ каменная церковь Св. Спаса Преображенія на мѣстѣ старой Козьмы и Даміана. Пріѣзжалъ въ Новгородъ Митрополитъ Максимъ. Скончался Князь Романъ Владиміровичъ Угличьскій, внукъ Константиновъ, братъ Андреевъ: ни тотъ, ни другой не оставилъ дѣтей, и сіе Княженіе присоединилось къ Ростовскому (см. выше, примѣч. 168). — Въ 1286 у Князя Ростов. Димитрія Борисовича родился сынъ Александръ, а у брата его, Константина, Михаилъ. Преставился Ѳеодоръ Епископъ Владимірскій. Новогородцы смѣнили Посадника Симеона и выбрали Андрея Климовича, а чинъ Тысячскаго, отнявъ у Іоанна, дали Андрею Елферьевичу — Въ 1287 Епископъ Симеонъ святилъ въ Твери малымъ священіемъ каменную церковь Спаса, еще не отдѣланную. (По извѣстію Никон. Лѣт. Епископъ Игнатій заложилъ въ Ростовѣ церковь Бориса и Глѣба.) Въ 1288 поставленъ Владимірскій Епископъ Іаковъ и Ростовскій Тарасій, Игуменъ Іоанновской Обители, на мѣсто умершаго тогда Игнатія. (По извѣстію Никон. Лѣт. сгорѣла отъ грому церковь Ростовская Св. Михаила, 14 Іюня.) Въ 1290 Ноября 8, совершили въ Твери церковь Спаса: Епископъ Андрей освятилъ ее великимъ священіемъ. (Никон. Лѣт. говоритъ, что у Вел. Князя Димитрія родился тогда сынъ Іоаннъ.) Ростовскій Епископъ Тарасій освятилъ церковь Богоматери въ Устюгѣ (см. Воскр. Лѣт.). Въ Устюжскомъ рукописномъ Лѣтописцѣ сказано: „Князи Ростовскіе, Димитрій и Константинъ Борисовичи, послали „изъ Ростова на Устюгъ Великій Архіерея Тарасія ради освященія Соборныя церкве Успенія, а съ нимъ образъ пресвят. Богородицы Одигитріа, да колоколъ Тюрикъ.“ — Въ 1291, въ Великій постъ, Новогородцы смѣнили Посадника Андрея, и выбрали на его мѣсто Юрья Мишинича, а въ Ладогу отправили посадничать Матѳея Семеновича. Весною было въ Новѣгородѣ наводненіе, лѣтомъ конскій падежъ, и хлѣбъ пропалъ отъ сильнаго мороза. (По сказанію Никон. Лѣт. у Константина Васильковича родился сынъ Василій.) Въ 1292. Февр. 10, дочь Великаго Князя Ярослава Ярославича, живъ дѣвицею въ одномъ женскомъ монастырѣ, тамъ постриглась. Иконописцы расписали въ Твери каменную церковь Св. Спаса. Архіепископъ Климентъ заложилъ въ Новѣгородѣ каменную церковь Св. Николая на Липнѣ, и начали строить вновь храмъ Св. Ѳеодора, ибо ветхій уже разрушался. — Въ 1293 скончался Рязанскій Князь Ѳеодоръ Романовичь.

Никон. Лѣт. прибавляетъ, что въ 1278 году Татары воевали Рязань, въ 1288 и 1289 Литву; что въ 1285 Литовцы пре-

вожили Нѣмцевъ, а въ 1288 Князь Елорпей Ординскій, сынъ Темировъ, опустошилъ земли Рязанскую, Муромскую, Мордовскую.

(183) Въ Воскресен.: „Преставись (въ 1294 году) Князь „Дмитріи Ростовскій... того жъ лѣта женись Князь Андрей „Александровичь (вторымъ бракомъ), поня Княгиню Василису, „дщерь Дмитрееву Борисовича Ростовьскаго... Того же лѣта „женися Князь Михаило Ярославичь Тферскій, поня дщерь Княжь „Дмитрееву Борисовича." Въ Троицкой: „и вѣнча его Епи„скупъ Андрей на Тфери въ церкви Св. Спаса Ноября 8."

(184) „Въ лѣто 6804 (а не 6805) бысть нелюбіе межи Кня„зей Русскихъ," и проч. Въ другихъ: „бысть рать Татарская." Далѣе: „приде жь тогда посолъ изъ Орды отъ Царя Олекса Не„врюй," и проч.

(185) См. Воскр. Лѣт. Объ Исмаилѣ сказано въ другомъ мѣстѣ, что онъ былъ Епископомъ Сарайскимъ или Сарскимъ.

(186) Въ 1301 году. Въ Троицкой: „того жь лѣта бысть „съѣздъ всѣмъ Княземъ въ Дмитровѣ... И взяша миръ межю со„бою, а Князь Михайло Тферскій съ Иваномъ съ Переяславскимъ „не докончали межю собою." Сія лѣтопись въ описаніи многихъ происшествій Андреева княженія уходитъ годомъ передъ другими (что есть ошибка: см. ниже примѣч. 189). — Θеодоръ Черный, Князь Ярославскій, умеръ въ 1299 году, Сент. 19, Монахомъ и Схимникомъ. Никон. Лѣт. говоритъ, что на гробѣ его, въ Ярославской церкви Св. Спаса, были многія чудеса: недужные исцѣлялись, и проч. См. также Степен. Кн. I, 397. Мощи Θеодора и двухъ сыновей его, Давида и Константина, были переложены въ каменную раку, въ церкви Св. Спаса, при Князѣ Александрѣ Θеодоровичѣ Ярославскомъ въ 1463 году.

(187) См. Собраніе Государств. Грамотъ, I, 5. Подлинникъ хранится въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, и состоитъ изъ двухъ грамотъ: одна писана отъ Михаила къ Архіепископу Новогородскому, а другая отъ Новагорода къ Михаилу. Замѣтимъ въ первой выраженіе: „А кто будеть закладенъ позоровалъ ко „мнѣ," — что есть, кто чрезъ кабалу обратился ко мнѣ лицемъ, отдалъ мнѣ себя — „а жива въ Новгородьской волости, тѣхъ „всѣхъ отступился есмь Новугороду. А кто будеть давныхъ лю„дій въ Торжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфери при Алек„сандрѣ и при Ярославѣ" — т. е. кто изъ жителей Волока и Торжка издавна закабалилъ себя Тверскому Князю — „тѣмъ „тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ," и проч. Нѣтъ ни года, ни числа; видимъ только, что сей договоръ заключенъ еще при жизни Іоанна Димитріевича Переславскаго. Печать серебряная вызолоченная, съ изображеніемъ Арханг. Михаила

и Св. Николая, висит на шелковомъ зеленомъ снуркѣ; надпись ея стерлась. Обѣ грамоты писаны не на бумагѣ, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а на тонкомъ пергаментѣ.

(188) Въ Троицкой: „Преставися Князь Иванъ Дмитріе„вичь Переславскій, смѣреный, кроткій, тихій, Мая въ 15, и бѣ„яше чадъ не имѣя, и благослови въ свое мѣсто Князя Данила; „того бо любяше паче инѣхъ. И сѣде Данило на Переславли, а „Намѣстницы Князя Великаго Андрея сбѣжали. Тое же осени „Вел. Князь Андрей пойде въ Орду.“ Тѣло Іоанна Димитріевича лежитъ въ Переславской Соборной церкви Преображенія, построенной Георгіемъ Долгорукимъ изъ бѣлаго камня; тамъ стоятъ еще двѣ иныя гробницы Князей Переславскихъ, отца его и другаго Князя.

Переславль считался весьма крѣпкимъ городомъ. Земляной валъ его вышиною отъ 5 до 8, а въ окружности 1037 саженъ; съ одной стороны течетъ рѣка Трубежъ, а съ другой находится глубокой ровъ, называемый Граблею, который былъ наполненъ водою, а нынѣ заросъ травой и сдѣлался болотомъ. На немъ стояла деревянная крѣпость, всегда починиваемая на иждивеніи Князей Переславскихъ и Московскихъ; она срыта за ветхостію въ 1759 году, по Указу Сената. Въ трехъ башняхъ двойной стѣны были ворота: Спасскія, Никольскія и Рожественскія; былъ еще изъ города къ рѣкѣ Трубежу ходъ называемый Тайникъ, которого донынѣ видны нѣкоторые признаки.

Въ Троицкой: „тое же осени (1300) Князь Данило Мос„ковскій приходилъ ратью на Рязань и билися у города у Пере„славля (нынѣшней Рязани), и Данило измоглъ, и много Татары „избилъ, и Князя Костянтина Рязанскаго нѣкакою хитростью „ялъ, и приведе къ себѣ на Москву.“ Въ Никонов. прибавлено, что Даніилъ ласково угощалъ своего плѣнника и всегда хотѣлъ отпустить его въ отчизну. Авторъ Степен. Книги называетъ сію побѣду Даниилову побѣдою надъ Татарами.

(189) Въ Троицкой: „въ лѣто 6812“ (надобно читать въ 6811) „Марта въ 5 (а не въ 4), въ Великое говѣнье, на безъимян„ной (третьей) недѣли во Вторникъ“ (слѣдственно въ 1303 году) „преставись Князь“ (а не Великій Князь) „Данило Алек„сандровичь, въ Черницѣхъ и въ Скимѣ, и положенъ бысть въ „церкви Св. Михаила на Москвѣ.“ Такъ сказано и въ Никонов.; а Сочинитель Степ. Книги пишетъ, что Даніилъ, основавъ монастырь Даниловъ, велѣлъ тамъ и погребсти себя, не въ церкви, а въ оградѣ; что сія древняя обитель совершенно опустѣла; что во время Великаго Князя Іоанна Василіевича Св. Даніилъ явился у своего гроба, на берегу Москвы рѣки, одному

придворному юношѣ, тамъ ѣхавшему, и сказалъ ему: „рцы Великому Князю Ивану: се убо самъ всячески себе утѣшаеши, мене же забвенію предалъ еси;“ что Іоаннъ Василіевичъ съ того времени уставилъ пѣть соборныя панихиды о душахъ родственниковъ своихъ; что въ княженіе его сына, Василія Іоанновича, Бояринъ Иванъ Михайловичь Шуйскій, ѣдучи верхомъ за Государемъ, хотѣлъ съ надгробнаго камня Даніилова сѣсть на лошадь, но едва было не умеръ и вылечился молебнами, отпѣтыми на семь мѣстѣ; что при Царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ умирающій сынъ одного купца исцѣлился у гроба Даніилова, и что Царь, удивленный такими чудесами, возобновилъ древній монастырь Даниловъ, построилъ тамъ церковь каменную, и проч. — Въ семъ монастырѣ находится слѣдующая надпись: „Въ лѣто „6811, мѣсяца Марта въ 4 день, преставися благовѣрный Великій Князь Московскій Схимонахъ Даніилъ Александровичь; мощи „же его обрѣтены по откровенію въ лѣто 7160 мѣс. Авг. въ 30 „день, и повелѣніемъ Великаго Государя Царя и Вел. Князя Алек„сія Михайловича всея Великія и Малыя Россіи Самодержца пре„несены въ церковь, что во имя Седми Вселенскихъ Соборовъ.“

Деревянная церковь Св. Михаила, гдѣ, по сказанію Лѣтописца современнаго, былъ погребенъ Князь Московскій Даніилъ, стояла на томъ же мѣстѣ, на коемъ послѣ воздвигнутъ былъ нынѣшній каменный Соборъ Архангельскій.

Извѣстіемъ о кончинѣ Даніиловой заключается Пушкинская харатейная лѣтопись.

(190) Весною въ 1303 году. Съ того времени Можайскъ былъ уже Московскимъ городомъ (см. ниже въ завѣщаніи Вел. Князя Іоанна Калиты).

(191) Въ Троицкой: „того жь лѣта (1303) осенью Князь „Вел. Андрей выиделъ изъ Орды съ послы и съ пожалованьемъ „Царевымъ, и съѣхашась на съѣздъ въ Переяславль вси Князи и „Митрополитъ Максимъ, Князь Михаило Тферскій, Князь Юрій „Даниловичь съ братьею, и чтоли грамоты, Царевы ярлыки. ... „Князь Юрій прія любовь, и вза себѣ Переяславль.“ Сего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.

(192) См. выше, примѣч. 171. — Доселѣ еще не упоминалось о Князьяхъ Вяземскихъ, происходящихъ отъ Рюрика Ростиславича Кіевскаго. Сынъ Владиміра Рюриковича, Андрей Долгая Рука, женатый на дочери Мстислава Романовича, убитаго на Калкѣ въ 1224 году, былъ первымъ Княземъ въ Вязьмѣ, области Смоленской. Такъ показано въ Родословныхъ Книгахъ. — Число убитыхъ подъ Дорогобужемъ Смолянъ простиралось до 200.

(193) Въ житіи Довмонта сказано, что онъ, мстя Нѣмцамъ за ихъ грабежъ, не за долго до сей осады ходилъ въ Ливонію съ войскомъ и возвратился съ добычею. Далѣе: „Изгониша Нѣмци „безвѣстно ранью посадъ у Пскова Марта въ 4 день, и тогда „убиша Василія Игумена Св. Спаса, Іоасафа Игумена Снетныя „горы"... (Въ лѣтописи Псковской: Іосифа Презвитера и съ нимъ 17 Мниховъ)... „И Черноризецъ много избиша, и „женъ и дѣтей, а мужей Богъ ублюде. Въ утрій же день пога„ніи Нѣмци оступиша градъ. Князь же Довмонтъ не стерпѣ „дождати мужъ своихъ большія рати, выѣха съ малою дружи„ною, ополчися съ Иваномъ Дорогомиловичемъ... И побѣди я у „Св. Петра и Павла на брезѣ," и проч.

Въ житіи его: „мало поболѣвъ преставися Маія въ 20 день... „бысть же печаль и жалость велика тогда Псковичемъ... и та„ко святое его тѣло положиша въ церкви Св. Троицы съ по„хвалами." Въ Псковской лѣтописи: „бысть жалость велика и „женамъ и малымъ дѣтемъ по добромъ Князѣ."

(194) См. выше, примѣч. 121. Стриковск. Хроник. кн. IX, гл. 2, по Русскому переводу: „Довмонтъ разорившіяся стѣны „града починилъ, яко того его государства есть и будетъ, дон„деже Псковъ стоитъ, вѣчная память стѣнъ, отъ Довмонта „поставленныхъ, юже и нынѣ Москва зоветъ: Довмонтова „стѣна." Въ лѣтописи Псковской: „Въ лѣто 6902 поставлена „бысть церковь въ Довмонтовѣ стѣнѣ." Въ той же лѣто„писи: „Въ лѣто 6817 Борисъ Посадникъ и весь Псковъ заложиша „стѣну камену" (въ другихъ спискахъ: плитяну) „отъ Св. „Петра и Павла къ Великой рѣцѣ." — Стриковскій, не знавъ нашихъ лѣтописей, говоритъ, что Довмонтъ убитъ въ сраженіи племянникомъ, сыномъ Тройдена, Князя Литовскаго, Лавромъ, Монахомъ Русской обители, который, сложивъ съ себя клобукъ и мантію, подобно Воишелгу собралъ войско и побѣдилъ дядю. Сей Историкъ называетъ Довмонта Псковскимъ и Полоцкимъ Владѣтелемъ, предкомъ Князей Свирскихъ. Онъ же говоритъ (кн. X, гл. 5): „Есть нѣгдѣ въ старыхъ лѣтопис„цахъ Русскихъ, яко Литва въ лѣто 1307 Полоцкъ взя, а како, и „при чьей державѣ, не пишетъ." Нарушевичь относитъ къ сему случаю слѣдующую выписку изъ подлинныхъ бумагъ Коммиссіи, избранной Папою Климентомъ V для изслѣдованія дѣлъ Нѣмецкаго Ордена: quodque gravius est, iidem praeceptores et fratres, non solum a confinibus eorundem paganorum, in quibus contra illorum incursus debuissent se murum defensionis opponere, in detrimentum fidelium recesserunt, sed quoddam castrum ejusdem Rigensis Ecclesiae eisdem paganis (Литовцамъ) pro certa quantitate pecuniae venundantes, regnum

Polochense, quod quondam Rex Polochensis ad fidem Christi conversus, prolem non habens legitimam, eidem Ecclesiae Rigensi contulerat pro animae suae salute, dictis paganis non absque jactura multitudinis innumerae fidelium, dimiserunt, и проч. (См Нарушев. Hist. Nar. Polsk. V, 11 и 350; также Дотiел. Cod. dipl. Polon. подъ годомъ 1309, стр. 33). Далѣе сказано, что Литовцы разорили тогда въ Полоцкѣ двѣ Соборныя церкви и большую часть окрестностей его обратили въ пустыню.

(195) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 246. Онъ именуетъ его Sigge Lake, а нашъ Лѣтописецъ Воеводою Сигомъ. — Копорье возобновлено въ 1297 году. — Маршалъ Торкель приходилъ по нашей лѣтописи въ 1300 году, а по Шведскимъ въ 1298. Онъ названъ въ первой Намѣстникомъ Королевскимъ Маскалкою. Далѣе: „Приведоша мастеры изъ своей земли, изъ Великаго Рима отъ „Папы мастеръ приведоша нарочитъ, поставиши городъ... и въ „немъ пороки; похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ „земли," и проч.

(196) Далинъ пишетъ, что Россіянъ было 30,000 подъ начальствомъ самого Великаго Князя. Лѣт. Новогород. не умолчалъ бы о такой важной битвѣ, но могъ не сказать ни слова, если какой нибудь малочисленный отрядъ Россіянъ, видя превосходную силу Шведовъ, удалился отъ береговъ Невы.

(197) Далинъ пишетъ, что Шведовъ въ крѣпости находилось только 300, изнуренныхъ болѣзнями отъ сырости новыхъ зданій, и что витязь Карлъ Гакъ, надѣвъ во время приступа Русскую одежду, былъ изрубленъ своими, которые его не узнали.— Въ нашей лѣтописи: „Приступиша къ городу Маія 18, въ Пя„токъ, на память Св. Патрикія (слѣдственно 19), предъ Сше„ствіемъ Св. Духа... овыхъ избиша, а иныхъ извязавше поведо„ша, а градъ запалиша:" слѣдственно деревянный. — Въ Троицкой: „Князь же Михайло Тферскій не дошедъ Новаго„рода, слышавъ, оже Нѣмци (Шведы) побѣжени, взвратися." Здѣсь также сей Лѣтописецъ погрѣшаетъ въ означеніи времени, уходя годомъ впередъ.

(198) Владиміръ, сынъ Ярослава Великаго, въ 1044 году заложилъ крѣпость въ Новѣгородѣ; но она была конечно деревянная: ибо Лѣтописецъ прибавилъ бы: „городъ каменъ."

(199) „И положенъ бысть на Городцѣ въ церкви Св. Ми„хаила."

(200) См. Cométographie, I, 420. Въ нашихъ лѣтописяхъ: „тое „же осени бысть знаменье на небеси: явися звѣзда на Западѣ, „луча имущи яко хвосты вверхъ къ полуденью лицъ." — Въ 1297 или 1298 году былъ моръ на скотъ и такая засуха, что лѣса и

мшистыя болота горѣли; въ 1298, Маія 9, небесное знаменіе („огородилося бѣше солнце грозно“); въ 1299 моръ во Псковѣ, а въ другихъ мѣстахъ, весною, страшныя бури („въ Новѣгородѣ „туча на единомъ часу великъ ровъ учинила и хоромовъ снесла изъ основанья“); въ 1301, Іюля 5 въ Среду, сильная буря („хоромы порвало, а по полемъ дубье подрало“); въ 1303 голодъ въ Новогородской области („зима бысть тепла; не бысть снѣга „чрезъ всю зиму, и не добыша люди хлѣба, и бысть дороговь „велика, и туга, и печаль“); въ Ростовѣ бурею сорвало 4 церкви, а съ другихъ всѣхъ кровли. — „Въ лѣто 6806 (1298) на Св. „недѣли въ Суботу на ночь, освитающи Ѳоминѣ Недѣли, загорѣшась сѣни во Тфери подо Княземъ... Въ сѣнехъ людіе спяще „не очютиша огня, ни сторожеве, но самъ Князь огнь почютилъ и въ торопѣ выскочилъ вонъ только со Княгинею... По„горѣ казна вся и не мало имѣнья, злата и сребра, и порты, и „оружье.“ Въ 1296 году, передъ Троицынымъ днемъ, былъ также сильный пожаръ въ Твери, а въ 1300, Іюня 3 въ Пятницу, сгорѣлъ Торжекъ. „Мѣс. Апрѣля въ 18 день, въ Суботу Великую, „въ 1 часъ нощи загорѣся на Врежской улицѣ (въ Новѣгородѣ)... „Въздвижеся буря... и верзеся огнь изъ Нѣмечскаго Двора въ Неревскій Конецъ, и загорѣся на Холопьи улицы... а мостъ великій огнь заялъ... Но сице бо на свѣтѣ Богъ и добріе людіе узна; „а зли человѣци въ Св. Іоаннѣ надъ товаромъ сторожи убиша; „въ Св. Іаковѣ сторожь сгорѣ; на Торговомъ полу (Торговой „сторонѣ) церкви сгорѣ 12; а въ Христовѣ въ церкви нѣколико „иконъ сгорѣ, и 2 Попа сгорѣста; а въ Неревскомъ Концѣ сгорѣ „церкви 10, и мужь добръ сгорѣ Олферій Лазоревичь.“

(201) Апрѣля 18. „А Семену, Епископу Володимерьскому, „дасть Епископью Ростовскую... А самъ сѣде въ Володимірѣ.“ Бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій поссорился съ Княземъ своимъ, Константиномъ Борисовичемъ, и въ 1295 году уѣхалъ въ Устюгъ; Константинъ же поѣхалъ за нимъ и взялъ его подъ стражу со всѣми людьми Епископскими, какъ сказано въ Ростовской Архивской лѣтописи и въ Воскресенской, гдѣ надобно только читать: „иде Князь,“ вмѣсто: „сѣде Князь.“— О Князѣ Борисскомъ см. выше, примѣч. 175.

(202) Такъ пишетъ Львовскій или Лембергскій Бургомистръ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli, сочиненномъ въ 1672 году. Я имѣлъ вѣрный списокъ сей любопытной рукописи отъ Г. Профессора Лоди; а подлинникъ хранится во Львовѣ. Авторъ пользовался древними бумагами тамошнихъ архивовъ, и говоритъ: Leo, motor agno ante mortem, placide vitam consummavit anno 1301, и проч. — Одинъ Галицкій Поэтъ новѣйшихъ временъ (см. книгу

Окольскаго, Russia Florida) описалъ въ Латинскихъ стихахъ жизнь Даніила и Льва. О послѣднемъ говоритъ онъ:

Extincto Daniele, Leo tenet obvia sceptra
Urbem qui proprio primum de nomine condit.
Nutritus bellis princeps et magnus in armis,
Orbe, patris similis, patrem virtute ferabat.
Romanique nepos, animum spirabat avitum.

(203) Клименту Ходыкевичу, Монаху Доминиканскому, написавшему Dissertationes historico-criticae de Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi et Haliciensi, показывалъ первую грамоту Григорій Сушальскій, Деканъ Николаевской церкви во Львовѣ, а вторую Антоній Левинскій, Протопопъ тамошней Успенской Соборной церкви. Изъ Николаевской жалованной грамоты Ходыкевичь переводитъ только слѣдующія слова: Ecce ego Leo, Dux terrarum Russiae, filius Danielis Regis, consilio capto cum Senatumeo, etc. in praesentia Venerabilis Metropolitae Haliciensis Josephi de Krylos, Andreae Ducis Jaroslavisz, Ducis Waszko et aliorum plurimorum fide dignorum, circa praemissa existentium. Scriptae sunt hae literae Leopoli Feria Sexta, die octava Mensis Octobris, anno 6800 (1292). Въ 1292 году 8 Октября было не шестымъ, а четвертымъ днемъ недѣли. — Крылосъ, въ сей грамотѣ упоминаемый, есть мѣстечко верстахъ въ пяти отъ Галича, гдѣ, какъ сказываютъ, была въ старину каѳедра Галицкой Митрополіи и находился загородный дворецъ Княжескій (см. Ходык. Dissertationes). — Вторую мнимую Леонову грамоту сообщаетъ Ходыкевичь всю отъ слова до слова въ Русскомъ подлинникѣ. Вотъ она:

„А се Я Князь Левъ, сынъ Короля Даніила, згадавшися есмо зъ нашими Бояры, (якоже) прадѣдъ нашъ, Царь Великій „Владимеръ, и отецъ нашъ, и предалъ Митрополитомъ „и Епископомъ по всѣмъ землямъ Русскимъ, якожъ и мы Богу и пречистой Его матери ко церкви Св. Ея Успенія Крылоскимъ Попомъ Соборнымъ Митрополіи Галицкои, и всѣмъ Архіепископомъ и Епископомъ и монастыремъ православной Св. „Вѣры Греческой, дали есмо Право духовное, потомъ же, какъ „держитъ Кіевская церковь по Христіанскому и Святыхъ Отецъ „управленію, и подтвердили есмо придания церковние на вѣки „вѣчніе, села зъ людми и поля зъ лѣсы; и еще есмо дали на „тоты села грамоты особливіи межи нашихъ границъ „и Боярскихъ, и въ ихъ поляхъ и лѣсѣхъ, вызначаючи границы, якъ было издавна; и придали есмо десятины съ нашего и Князкія; и отъ превозовъ не возметъ десятину; и по „Боярскимъ селомъ приданніе и даны медовіе, выходы „и борты и рыбныя ловища и езера даемъ церкви Св. Богома-

„шери, Митрополитѣ“ (вмѣсто Митрополиту) „нашему Григорію, и по немъ будучимъ Архіепископомъ, кому „Богъ изволитъ и дастъ держати на вѣки, и поживати, и „церковь святую правити и рядити, а за наша предки и за „насъ милостиваго Бога просити. А къ тому еще придаемъ „куны въ рокъ съ Поповъ давати, и суди духовнія судити (судитъ) церковь сполечная отъ мірскихъ въ законѣ „отлучини (отлучно), распусты, свадебщини и беззаконнопоятія, всѣ духовние права судятъ Архіепископы; а сіи (се) „людіи опричніи церковніи: Игумены, Попове, и Діаконы, и „Священницы, причетницы церковнія, и Черноризцы, иконніи „писарове, Поповичове, и Дяци, проскурникове и богадѣльніи, „и странніи; и тіе людіе церковніе волны отъ насъ и отъ Бояръ нашихъ: обладаетъ и судитъ ихъ великая Церковь, опрочъ „міряиъ. А на мое слово не треба уступатися нѣкому, „ни отняти, ни дѣтемъ моимъ, ни тымъ, кому по насъ Богъ „дастъ на вѣки вѣчніе. А се управили есмо (по) Святыхъ Отецъ „и первыхъ Царей Христіанскихъ (правилу). А кто на мое слово уступитъ, судъ ми съ нимъ предъ Богомъ, и отлученъ „будетъ милости Божія въ день Страшнаго Божіого суда, и „да будетъ клятва Божая на немъ въ сеи вѣкъ и въ будущій. — „На то есмо грамоту нашу дали и печать свою привѣсили. А „притомъ были Митрополитъ Кіевскій Кипріанъ, Владыка Перемышскій Ларіонъ и Князь Андрей Ярославичъ, и „Панъ Васко, и иныхъ Бояръ много було при томъ. А писана и дана грамота въ Галичи въ Четвертокъ мѣсяца Марта „въ осмый день, лѣта 6809. А писецъ Захаріа Выхотъ.“ — 1) Всѣ разрѣженными буквами напечатанныя выше слова или не употреблялись въ древнемъ языкѣ Русскомъ или написаны не по Русскому выговору. 2) Въ 6809 (1301) году въ руцѣ лѣто было S, и 8 Марта не въ Четвертокъ, а въ Середу. 3) Въ 1301 году былъ Кіевскимъ и всея Россіи Митрополитомъ не Кипріанъ, а Максимъ. Ходыкевичь напрасно увѣряетъ, что Максимъ преставился въ 1296 году; что сей мнимый Кипріанъ пасъ нашу церковь отъ 1296 до 1308 года, и что Св. Петръ заступилъ его мѣсто, а не Максимово. 4) Чтобы въ Галичѣ была особенная Митрополія въ XIII или XIV вѣкѣ, на сіе нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Наслѣдники Леоновы думали учредить оную, однакожъ не могли исполнить своего намѣренія, и Патріархъ Константинопольскій поставилъ Митрополита Петра для всей Россіи (см. ниже, примѣч. 243). Въ 1331 году находился въ Галичѣ Епископъ, подвѣдомый нашему Кіевскому и Владимірскому Митрополиту (см. ниже, при-

мѣч. 290.) Ссылаются на Notitiae Graecorum Episcopatuum, à Leone Sapiente ad Andronicum Palaeologum, напечатанныя при сочиненіи Кодина, гдѣ упоминается о Галицкой Митрополіи; но извѣстія о Россійскихъ Епископствахъ должны быть въ оныхъ новѣйшимъ прибавленіемъ, ибо тамъ къ городамъ Литовскимъ причисленъ Смоленскъ (стр. 399), взятый Витовтомъ уже въ 1404 году. Далѣе сказано: posteris temporibus constituti sunt in Ungrovalachia duo Metropolitae; а ниже: factus est etiam nostra aetate Metropolitanus Galiszae: слѣдственно еще въ позднѣйшее время; а именно въ 1539 году, когда возобновленная Епископія Галицкая была названа Митрополіею, при Королѣ Польскомъ Сигизмундѣ. Его увѣрили, что она такъ издревле называлась: для чего, велѣвъ Митрополиту Кіево-Литовскому, Макарію, поставить Святителя Галичу, именемъ также Макарія (Тучапскаго), Сигизмундъ пишетъ въ данной ему грамотѣ: cui quidem Vladicae Macario sub potestatem illius damus Ecclesiam Halciensem Metropolitanam, in qua quondam Archiepiscopus, alias Metropolitanus eorum praesidebat (см. Ходык. Dissert.). Когда Митрополія Россійская въ XV вѣкѣ раздѣлилась на двѣ, тогда Митрополиты Кіево-Литовскіе именовались и Галицкими; но Галичь не имѣлъ своихъ частныхъ Митрополитовъ или Архіепископовъ, вопреки Сигизмунду и Кіево-Литовскому Митрополиту Макарію, который въ ставленой грамотѣ Епископа Галицкаго Макарія пишетъ: quoniam Archiepiscopatus Metropoliae Halaciensis ab aliquot annorum centenariis amissus et extinctus fuerat (см. Ходык. Dissert.)

Обратимся ко Львовой грамотѣ. Гедеонъ Балабанъ, Епископъ Львовскій и Галицкій, въ 1581 году представилъ оную въ самомъ ветхомъ видѣ Королю Польскому Стефану на утвержденіе: что Король и сдѣлалъ, съ оговоркою: „поколику ея содер„жаніе не противно настоящимъ законамъ" (quatenus Juris publici ratio permittit, approbamus, и проч.). Сію грамоту, тогда вновь переписанную, скрѣпили печатями Стефанъ и послѣ Сигизмундъ III (въ 1592 году), а въ городскомъ Правленіи Галицкомъ записали въ 1642 году (см. Ходык. Dissert. гл. II). Нужно ли изъяснять намѣреніе подлога? Читатель вспомнитъ нашъ мнимый церковный уставъ Владиміровъ или Ярославовъ, изобрѣтенный съ такимъ же намѣреніемъ: то есть, для мірской пользы Духовенства.

(294) Узнавъ, что въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятся подлинныя грамоты Галицкихъ Князей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена, я просилъ его Директора, Г. Геннига, доставить мнѣ вѣрный списокъ оныхъ. Онъ, какъ истинный

другъ учености, сдѣлалъ все по моему желанію. Отъ Юрія Львовича самого нѣтъ писемъ; но печать его находимъ приложенную къ грамотѣ Андрея и Льва, правнуковъ Даніила, писанной въ 1316 году (см. ниже). На одной сторонѣ изображенъ Юрій или Георгій на тронѣ, въ вѣнцѣ и съ скипстромъ въ правой рукѣ; кругомъ подпись: Domini Georgi Regis Russiae — на другой сторонѣ всадникъ въ латахъ; въ рукахъ щитъ и знамя; кругомъ подпись: Domini Georgi Principis Ladimeriae.

(205) См. Арнт. Liefländ. Chron. стр. 75.

(206) Драгоцѣнное собраніе древнихъ грамотъ Новогородскихъ и Двинскихъ получено мною отъ Графа А. И. Мусина-Пушкина. Вотъ Андреева грамота: „Отъ Великаго Князя отъ „Ондрѣя къ Посадникомъ, и къ сотникомъ, и къ старостамъ: „како есмь докончалъ съ Новымъгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на морѣ; а въ Атаманъ Ондрѣй Крипцкый, атъ „дають (да дають ему) съ погостовъ кормъ, и подводы по „пошлинѣ; а сынъ его Кузма какъ пойдеть съ моря съ потками „(птицами) съ данными по данначу пути, дадять ему корму и „подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ „отцѣ и при моемъ братѣ не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ, и нынѣ не ходять.“ — Терская сторона, или Терь, или Тре, заключала въ себѣ, какъ видно, нѣкоторую приморскую часть Архангельской Губерніи. Тамъ одни слуги Великаго Князя, называемые въ другихъ грамотахъ сокольниками (см. ниже), ловили птицъ.

Разныя происшествія Андреева княженія, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи, суть слѣдующія.

Въ 1294 году преставился Разанскій Епископъ Василій. Въ Новогородской области „Тить Мановичь постави Отіи городокъ на сей сторонѣ Наровы: Новогородцы же шедъ пожгоша „городокъ, и село его великое взяша и пожгоша. Того жъ лѣта „сверьшиша церковь Св. Θедора, и свяща ю Владыка Климентъ „Окт. 18.“ — Въ 1295 поставленъ Симеонъ, Епископъ Владимірскій. Въ 1296 Архіепископъ построилъ въ Новѣгородѣ церковь каменную Воскресенія на воротахъ, а въ 1297 Георгіевскій Архимандритъ Кириллъ церковь Преображенія на воротахъ отъ Людина Конца. Юрій Даніиловичь женился въ Ростовѣ. (Въ Твери, по Никон. Лѣт., построили церковь Св. Аθанасія.) Въ 1298 Князь Тверскій Михаилъ былъ опасно боленъ. Сент. 15 въ Понедѣльникъ, послѣ Вечерни, родился у него сынъ Димитрій. — Въ 1299, Маія 22, въ Пятницу въ 7 часу дни, скончался Новогород. Архіеп. Климентъ, и положенъ въ притворѣ Св. Софіи Архимандритомъ Кирилломъ, Посадникомъ Андреемъ и проч. „Новогоро-

„родци, много гадавше, възлюбиша Игумена Св. Благовѣщенія „Өеоктиста; и съзвонивше Вѣче у Св. Софіи, и Князь Борисъ Ан„дреевичь" (сынъ и Намѣстникъ Великаго Князя) „съ всѣми Но„вогородци посадиша его въ Владычнѣ Дворѣ, дондеже увѣдають, „гдѣ Митрополитъ." Окт. 11 родилась у Князя Михаила Тверскаго дочь Өеодора. — Въ 1300 „пріиде Митрополитъ Максимъ „въ Новгородъ и Епископъ Ростов. Симеонъ и Тферьскій Андрей, „поставиша Өеоктиста, знаменаша его въ церкви Бориса и Глѣ„ба Іюля 29, того жь мѣсяца и поставиша на память Свв. Апо„столъ Петра и Павла, въ Св. Софіи... Той же осени заложиша „церковь каменну у Св. Михаила на Михайловѣ улицѣ. Срубиша „4 церкви (въ Новѣгородѣ), Св. Богородицы въ монастыри въ „Звѣринцѣ и Св. Лазаря, и Св. Димитрія на Бояни улкѣ, и Св. „Бориса и Глѣба на Подолѣ." Окт. 7 въ Пятницу родился у Князя Михаила Тверскаго сынъ Александръ. — Въ 1301, Ноября 8, были постриги у Князя Михаила Тверскаго сыну его Димитрію. — Въ 1302 заложили въ Новѣгородѣ новую церковь Бориса и Глѣба, ибо старая начинала разрушаться; тамъ же совершили церковь Св. Михаила на Михайловѣ улицѣ. Въ 1303, Февр. 25, въ Понедѣльникъ, скончался въ Костромѣ сынъ Вел. Князя, Борисъ Андреевичь. „Отъяша (въ Новѣгородѣ) Посадничество у Смена „Климовича и даша брату его Андрѣю. Срубиша 4 церкви, Св. „Георгія въ Торгу, и Св. Ивана Ишкову, и Св. Козмы и Демьяна „на Холопьи улици, и Св. Георгія на Борьковѣ улици." Въ рукописн. Устюжскомъ лѣтописцѣ: „Въ лѣто отъ Р. Х. 1303, Іюля „8, преставися Св. Прокопій, Христа ради юродивый Устюжскій „Чудотворецъ, другъ преподобнаго отца Кипріана" (см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 186), „по концѣ моста предъ святыми „вороты того Архангельск. монастыря. Тѣло же его честное, „по его завѣщанію, погребено на берегу рѣки Сухоны, близъ Со„борныя церкви Успенія, и камень, на которомъ Св. Прокопій „обыклъ часто сидѣти, взирати на рѣку Сухону и молити Бо„га о плавающихъ, положенъ верхъ гроба по его завѣщанію; а „потомъ и церковь надъ гробомъ его во имя его создана; а на „мѣстѣ у Архангельск. монастыря, идѣ же преставися, поста„влена часовня, а въ ней образъ Успенія и Св. Прокопія, да „крестъ изъ бѣлаго камня, пренесенный послѣ въ церковь Вве„денія Богоматери, въ трапезу на правой сторонѣ; а часовни „на томъ мѣстѣ нынѣ уже нѣтъ, а только образъ Святаго „тамъ изображенъ на стѣнѣ." См. о чудесахъ Прокопія въ Прологѣ, Іюля 8. Тамъ сказано: „въ лѣвой руцѣ ношаше (Прокопій) „три кочерги. Глаголють же, яко егда кочерги оны ношаше „Святый простерты главами впрямь, тогда бываше изобиль-

„спво хлѣба; егда же непросперпы, по скудость являше." — Въ 1304 Іюня 23, во Вторникъ, въ полдень, ударилъ громъ въ маковицу Костромской церкви Св. Ѳеодора и зажегъ ее; къ вечеру она сгорѣла. Зима была теклая, безснѣжная, а годъ весьма плодородный. — Никон. Лѣт. говоритъ, что въ 1297 году срубленъ въ Тверской области городокъ Зубцовъ: развѣ тамошняя крѣпость? ибо о семъ городѣ уже нѣсколько разъ упоминалось въ лѣтописяхъ.

(207) „А рубежъ ти, Княже, межю Суждальскою землею и „Новгородьскою дати ти старый, како было при дѣдѣ твоемъ „и при отци твоемъ Ярославѣ." См. Новогород. грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No 6. Тамъ же: „а что, Княже, селъ „твоихъ и Владычьнихъ (Епископа Тверскаго), и проч. которое „село зашло безъ кунъ, то безъ кунъ пойдеть къ Новугороду; а „кто купилъ, а тый знаеть своего истьца или дѣти его: истьца ли не будеть, цѣловати ему хрестъ, како истьца не свѣдаеть, взяти ему куны, колико будешь далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду..... А ряду въ Новгородьской волости тобѣ и „твоимъ судіямъ не посужати, а самосуда не замышляти; а „Старостѣ ни холопа, ни робы безъ осподоря (господина) твоимъ судіямъ не судити; а за рубежъ изъ Новогородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не выводити" — то есть, Дворяне Княжескіе или судіи не могли для суда вызывать Новогородцевъ изъ области Новогородской въ другую. Далѣе: „а за Волокъ „ти слати своего мужа изъ Новагорода въ дву насаду по пошлинѣ (какъ обыкновенно), а опять ѣхать туды же на Новгородъ, „а съ Низу ти не слати."

Сихъ договорныхъ грамотъ Михаиловыхъ съ Новымгородомъ находится въ Архивѣ четыре, подъ No 6, 7, 9 и 10. Первая на пергаментѣ съ свинцовою печатью, на коей съ одной стороны вырѣзанъ образъ Богоматери, а на другой слова: „Ѳеопистъ Архіепископъ Новгѣродьскый." На печати вторыя грамоты изображены Іисусъ и Михаилъ Архангелъ. Первая грамота отъ Архіепископа и чиновниковъ Новогородскихъ дана Михаилу, вторая отъ Михаила Новугороду. Третія и четвертая такого же содержанія съ малыми отмѣнами. На примѣръ въ четвертой: „а что селъ Дмитріевыхъ, то дали есме былѣ „Андрею до живота Андреева въ хрестное цѣлованье, а потомъ „Новугороду то все... Въ Вълъгдѣ (Вологдѣ) ти Тіуна не держати... продаяти ти дань своя Новгородцю" (то есть, отдавать Княжескіе доходы на откупъ только жителямъ Новогородскимъ, а не другимъ)... „А холопа и половника" (наемника, работающаго изъ половины) „не судити твоимъ судіямъ безъ господа-

„ря; а холопъ или половникъ забѣжишь въ Тферьскую волость, „а шыхъ, Княже, выдавати.“ Сія грамота, за печатію Архіепископа Ѳеоктиста, писана не въ одно время съ первою — ибо въ ней наименованъ (кромѣ Посадника Георгія или Юрія) Тысячскій Андреянъ — однакожь прежде 1308 года: ибо въ семъ году Ѳеоктистъ уже отказался отъ своего сана. Третья грамота (также за печатію Ѳеоктиста) писана въ одно время со второю и такого же содержанія; только въ ней прибавлено слѣдующее: „за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Нов„городца; а тобѣ серебро емати.“ — Всѣ другія условія сихъ грамотъ извѣстны Читателю по договорамъ Ярослава Ярославича, выше приведеннымъ; для того не повторяемъ оныхъ.

(208) Въ Воскр. Лѣт. II, 281: „Егдажь ему (Юрію) бывшу „въ Володимери, блаженный Митрополитъ Максимъ со многою „молбою браняшеть (возбранялъ) ити въ Орду,“ и проч. Далѣе: „онъ же (Юрій) отвѣщавъ рекъ: иду, отче, въ Орду, но не хощу „Великаго Княженія..... Свадиша (Татарскіе Вельможи) братью, „ркуще Князю Юрью: оже ты даси выходъ (дань) болши Князя „Михаила, а мы тебѣ Княженіе Великое дадимъ. И тако пре„вратиша сердце его.“ Сей Лѣтописецъ хотѣлъ, кажется, извинить Юрія. — Далѣе: „Князя Юрья въ Суждалѣ переимали, да „не изнимали.. Онъ же съ своею братьею пройде въ Орду инѣмъ „путемъ...... Со Княземъ же съ Иваномъ со одиного Переяславь„ская рать, къ тому же приспѣ и Московская, и биташась крѣпко „— и уби Акинеа у Переяславля, и зяття его Давыда и множе„ство Тферичь... Дѣти же Акинеовы, Иванъ да Ѳедоръ, одва „убѣжали во Тферь.“ Ник. Лѣт. называетъ Акинеа бывшимъ Бояриномъ Вел. Князя Андрея Александровича, и говоритъ, что Іоаннъ Даніиловичь, по отъѣздѣ брата прибывъ изъ Москвы въ Переславль, сѣлъ тамъ на Великомъ Княженіи! Далѣе: „Вослаша въ Новгородъ Тферичи Намѣстникы Михаиловы си„лою (въ 1304 г.) и не пріяша ихъ.... Идоша Новгородци въ Тор„жекъ блюсть Торжку, и совкупиша всю землю проииву, и ссы„лаючеся послы разъѣхашася докончавше до пріѣзда Князей.“

(209) „Бысть Вѣче (въ 1304) на Костромѣ на Бояръ, на Да„выда Явидовича, да на Жеребца и на иныхъ; тогда же и Зер„на убили Александра.“ — Въ рукописной Синодальной подъ No 349, л. 53: „Князь Михайло Андреевичь (въ 1305 г.) оженися въ „Ордѣ.“ Сей Михайло былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, который не оставилъ дѣтей; потому его Бояре, не имѣя Государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому.

(210) Михаилъ возвратился въ 1305. Воскр. Лѣт. II, 281: „и посаженъ бысть на столѣ въ Володимерѣ блаженнымъ Мит-

„рополитомъ Максимомъ.... Ходи" (Михаилъ въ 1305 году) „на „Князя Юрья и на его братью, и взя съ ними миръ... Ходи (въ „1308) въ другіе къ Москвѣ, и бысть бой у Москвы на память „Св. Апостола Тита; а града не взя."

(211) См. выше, стр. 148. Въ Троицкой: „въ лѣто 6815 „(1307) Кнзь Юрій въѣха на Московь съ Рязани." Кажется, что Юрій ѣздилъ въ Рязань какъ повелитель, имѣя тамошняго Князя въ своихъ руках. Онъ умертвилъ Константина въ 1317 году. — Съ сего времени Коломна была уже Московскимъ городомъ. Іоаннъ Даніиловичь въ завѣщаніи своемъ (см. ниже, въ описаніи 1340 году) отказалъ ее старшему своему сыну. — Братья Георгіевы уѣхали въ Тверь зимою 1307 года.

(212) Хотя Михаилъ не былъ въ Новѣгородѣ до 1308 году, но господствовалъ тамъ чрезъ Намѣстниковъ съ самаго своего пріѣзда изъ Орды. Ѳеоктистъ въ 1305 году, Дек. 9, святилъ великимъ священіемъ Новогородскую церковь Бориса и Глѣба въ державу Христолюбиваго Князя Михаила, какъ сказано въ Лѣт. Новогород.

(213) См. Архивск. Новогородскую грамоту No 11. Она съ печатію Архіепископа Ѳеоктиста, слѣдственно писана еще въ 1307 или 1308 году. Въ ней сказано: „Князь Великый Андрей и „вьсь Новгородъ дали Ѳедору Михайловицю городъ стольный „Пльсковъ, и онъ ѣдъ хлѣбъ, а како пошла рать, и онъ отъѣхалъ, городъ поверга (оставивъ); а Новагорода и Пльскова по„клона не послушалъ." По Ливонскимъ Лѣтописямъ намъ извѣстно, что Рыцари въ 1307 году осаждали Псковъ и возвратились съ выгоднымъ для нихъ миромъ (см. Арнт. Chron. стр. 77, и Кельх. Liefländ. Gesch. стр. 107). Далѣе въ грамотѣ: „Пріѣхавъ „въ село, Новгородьскую волость (Намѣстникъ Ѳеодоръ) пусту „положилъ, братію нашу испродалъ" (обложилъ данію). „То„бѣ, Княже, не кърмити его Новгородьскымъ хлѣбомъ; кърмити „его у себе; а на селѣхъ (за его села) куны ему даемъ. А Бори„са Костянтиновица кърмилъ Новгородъ Корелою, и онъ Коре„лу всю истерялъ и за Нѣмцы загонилъ. Надъ тимь (сверхъ то„го) рубежъ учинилъ на Новѣгородѣ, чего не пошло:" то есть, захватилъ непринадлежащее ему. Нарубить значило нахватать: см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 468. Въ другой Михаиловой грамотѣ сказано: „а что Князь товаръ порубилъ" — т. е. захватилъ — „братьи нашей, а того товара намъ от„ступитися." Въ Псковской лѣтописи также встрѣчается выраженіе рубить, вмѣсто захватывать: см. ниже, примѣч. 355.

(214) „Въ лѣто 6816 (1308) сѣде Князь Великый Михайло

„Ярославичь въ Новѣгородѣ на столѣ въ Недѣлю на Сборъ Свв. „Отецъ 630, иже въ Халкидонѣ.... Ходиша (въ 1310 г.) Новго-„родци въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро (Ладожское), и идоша „въ рѣку Узьерву и срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхый „сметавше.“ Въ Большомъ Чертежѣ, стр. 260: „изъ Озера „(Ребона) вытекла рѣка Узерва и пала въ Корельское озеро, „а Корельское озеро пало въ Ладожское; а на устъ рѣки Узервы „на острову городъ Корела“ (или Кексгольмъ). Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею. Далѣе: „Въ лѣто „6811 ходиша Новгородци войною на Нѣмецькую (Шведскую) „землю за море на Емь съ Княземъ Димитріемъ Романо-„вичемъ, и переѣхавше море, взяша первое Купецьскую рѣку“ (можетъ быть, Кюмень) „села пожгоша и головы поимаша, а „скотъ исѣкоша, и ту убіенъ бысть Константинъ Ильинъ, сынъ „Станимировича, въ загонѣ. Потомъ взяша Черную рѣку (Кумо) „всю, и такъ по черной придоша къ городу Ванаю, и взяша го-„родъ и пожгоша, а Нѣмци взбѣгоша на дѣтинецъ“ (въ замокъ или въ крѣпость:) „бяше бо мѣсто велми силно твердо, на ка-„мени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуда же, и сослаша съ „поклономъ, просяще мира. Новгородци же мира не даша, и „стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче (разоряя), села вели-„кая пожгоша... И потомъ идуче (назадъ) взяша Кавгалу рѣку „и Перну рѣку“ (гдѣ нынѣ мѣстечко Перно) „и выидоша на „море и пріидоша здорови вси.“ Сей городъ Ванай есть ны-нѣшній Біерneборгъ: онъ стоялъ прежде гораздо выше на рѣкѣ Кумо, гдѣ нынѣ Ульфсби, и сіе мѣсто называлось Ванэкила (Wanhakyla: см. Бюшинг. Erdbeschr. I, 634). — Князь Щербатовъ искалъ Ваная въ Ливоніи и говоритъ тутъ о Рыцарѣ Конрадѣ, предводителѣ Ливонскихъ Нѣмцевъ. Но сей Витязь воевалъ съ Россіянами еще въ 1307 году, когда Мастеръ Иокке осаждалъ Псковъ (см. Арнт. Liefl. Chr. 77).

Князь Димитрій Романовичь, съ коимъ Новогородцы ходили въ Финляндію, могъ быть сыномъ или Романа Глѣбовича Смоленскаго или Романа Владиміровича Угличскаго; однакожь сей послѣдній, внукъ Константина Великаго Князя, названъ без-дѣтнымъ въ Родословныхъ Книгахъ.

(215) „Намѣстникы своя“ (Михаилъ изъ Новагорода) „вы-„веде... А Торжекъ зая и Бѣжичи и всю волость... Докончa (Архі-„епископъ) миръ, и Князь ворота отвори“ (пропустилъ хлѣбъ) „а „Намѣстникы своя присла въ Новгородъ.“

Въ 1311 году, Маія 19 „въ ночь загорѣся на Яневѣ улици, и „сгорѣ дворовъ безъ 3 сорокъ, а головъ сгорѣ 7. Іюня 28, въ ночь, „загорѣся на Розважи улици Глѣбовъ дворъ, и погорѣ Конецъ

„Неревьскый сѣмо до Гребли, а сѣмо и за Борькову улицю, и „сгорѣ церковь Свв. Козмы и Демьяна, и другая Св. Савы, и 40 „церквь огорѣ и домове добріи. О горе, братье! лютъ баше по-„жаръ съ вѣтромъ и вихромъ, а зліи человѣци пограбиша чю-„жая имѣнія. Потомъ Іюля 16, въ ночь, загорѣся на Ильинѣ ули-„ци, и такоже бысть лютъ пожаръ съ вихромъ наборзѣ и тре-„скомъ, и погорѣ торгъ и домове по Рогатицю, а церкви сго-„рѣ деревяныхъ 7, Св. Дмитрія, Св. Георгія, и Св. Бориса и Глѣба, „и Св. Ивана Ишкова, и Св. Катерины, и Св. Прокопья, и Хри-„стова; а каменныхъ 6 огорѣ, седьмая Варяжьская; а зліи человѣ-„ціи такожь пограбиша чюжая имѣнія."

(216) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 457, и Дегина, кн. XVIII, стр. 350. Наши Лѣтописцы говорятъ (см. Воскр. II, 281): „Озбякъ войде въ богомерьскую Вѣру Срачиньскую." и (см. Троицк.) „Царь Озбякъ обесерменился." Моголы начали принимать Вѣру Магометанскую еще со временъ Хана Берки (см. выше, стр. 103); но Узбекъ, совершенно искоренивъ идолопоклонство, вездѣ утвердилъ оную.

(217) См. Воскресенск. Лѣт. Михаилъ поѣхалъ къ Хану въ 1313 году, а возвратился осенью въ 1315.

(218) „Въ лѣто 6821 (1313) выѣха Посадникъ Ладожьскый съ „Ладожаны въ войну, и Нѣмци изъѣхаша Ладогу, и пожгоша... „Въ лѣто 6822 (1314) избиша Корѣла Городчанъ, кто былъ Руси „въ Корѣльскомъ городкѣ (Кексгольмѣ), и введоша къ собѣ Нѣ-„мецъ. Новгородци же съ Намѣстникомъ Ѳедоромъ идоша на „нихъ, и передашася Корѣла, и избиша Новгородци Нѣмецъ и „Корѣлу перевѣтниковъ." Родъ Князя Ѳеодора Ржевскаго неизвѣстенъ. Далѣе въ лѣтописи: „той же зимы предъ Великимъ „заговѣніемъ пріѣха Князь Юрьи въ Новгородъ на столъ съ бра-„томъ Аѳанасьемъ," и проч.

(219) Юрій изъ Новагорода поѣхалъ въ Ростовъ, а оттуда къ Хану Марта 15, въ Лазареву Субботу, съ послами Новогородскими, какъ прибавлено въ нѣкоторыхъ спискахъ.

(220) „Ведый съ собою окаяннаго Тайтемира и Махрожу и „Индыя: сіи же въ Ростовѣ быша и много зла подѣяша." — Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено, что Новогородцы, выступивъ противъ Михаила, не взяли съ собою черныхъ людей: „пребыша „ту (въ Торжкѣ) 6 недѣль, вѣсть переимаюче." О битвѣ: „Ту „убиша Андрея Климовича, Юрья Мишинича, Михаила Павшини-„ча (трехъ бывшихъ Посадниковъ) Силвана, Тимоѳея Андреянова, „сына Тысяцького, Онанью Мелуева, Ѳеонаса Романовича и ку-„пецъ добрыхъ много, а иныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ „Богъ вѣсть."

(221) Въ Собраніи Государ. Грамотъ I, 15: „Се до„кончалъ Великый Князь Михайло съ Владыкою Давыдомъ и съ „Посадникомъ и со всимъ Новымгородомъ, что ся учинило про„межи Князя и Новагорода розратье... За все за то взяти Князю „у Новагорода двѣнатчать тысячи серебра. Буди Андрѣевѣ дѣти, „буди М. шко съ дѣтьми, или Юрьи Калѣка и вси тальщыкы, и „что взялъ Ѳедоръ Юрьевичь и Елферій Жидьславичь у талщы„ковъ и у Машка съ дѣтьми, а то пойде въ туже двѣнадчать „тысячи серебра. А срокъ тремъ тысячамъ и двѣма стома взя„ти Князю на Зборъ въ Низовьскый вѣсъ; а какъ възметь Князь „три тысячи и двѣстѣ, тако ему пустити хлѣбъ и всякый „гость; а другый 3000 взяти Князю на Средокрестье въ Ни„зовьскый же вѣсъ; а третьи 3000 пояша Хопыли" (Ординскіе купцы, жители города Хопыля) „къ собѣ: дати имъ на Вербь„ницю безъ дву сту и безъ полутрьтіядчати серебра въ Ни„зовьскый же вѣсъ; а четвертыи 3000 взялъ Ѳедоръ и Елферій „у тальщыковъ. А что перейде черезъ срокъ 4 дни, а въ томъ „Князю измѣны не учинити; а како Князь серебро поемлеть, „тако ему вся таль пустити по цѣлованью; а нелюбье Князь „отложилъ отъ Новагорода и отъ Пьскова и отъ пригородовъ; „а Посаднику и Тысяцьскому и всему Новугороду, кто мои не„другы мнѣ выдалъ въ Торжьку, тѣмъ ся имъ не мьщати; а „Новугороду Княженье мое честно дьржати безъ обиды; а Кня„зю Великому дрьжати Новгородъ безъ обиды въ пошлинѣ (по „обыкновенію); а опять сѣлъ Князь Великый Михайло на Ѳеокти„стовѣ грамотѣ, что доконьчалъ съ Владыкою и съ послы Нов„городьскыми на Тфери. А на семъ на всемъ Князь Великый „Михайло крестъ цѣловалъ къ Новугороду, а Новгородъ къ Ве„ликому Князю крестъ цѣловалъ по симъ грамотамъ; а испла„тить Новгородъ то серебро двѣнатчать тысячи, то Великому „Князю грамота изрѣзати, что докончали на Городкѣ на Волзѣ, „и другая грамота Новоторзьская, что въ Торжьку доконьчали." У подлинной грамоты привязаны на шелковыхъ снуркахъ двѣ свинцовыя печати; на одной вырѣзанъ образъ Богоматери съ именемъ Давида Архіепископа, а на другой Михаила Арханг. и Св. Николая. — Доказательствомъ, что сія грамота дѣйствительно тогда писана, служитъ другая, данная отъ Михаила Георгію въ 1318 году (см. ниже, примѣч. 229), гдѣ сказано: „а „что грамота на Городкѣ писана, и что въ Торжьку писана „при Таитемери и Владыци серебреная, а тѣ Михайло „Князь порѣзалъ." Грамота же писанная въ Городкѣ на Волгѣ (нынѣ Городня близъ Твери) содержала въ себѣ, чаятельно, договоръ Архіепископа Давида, заключенный имъ съ Великимъ Кня-

земъ въ 1312 году: Новогородцы, можетъ быть, оставались по оной еще въ долгу у Михаила: ибо онъ скоро уѣхалъ къ Хану, а Георгій овладѣлъ престоломъ Новогородскимъ.

(222) Въ харат. Новгород. Лѣт., въ Ростов. и другихъ сказано, что Новогородцы обязались заплатить Михаилу пять темъ: одинъ Никонов. Лѣт, испуганный столь великимъ числомъ, поставилъ 500 гривенъ. Подлинная грамота свидѣтельствуетъ истину. — Новогородцы вторично избрали тогда въ Посадники Семена Климовича, а Никон. Лѣт. вымыслилъ, что Михаилъ самъ далъ имъ двухъ Посадниковъ.

(223) Въ Новогород. Лѣт.: „выидоша Намѣстници Ми„хаиловы изъ Новагорода" — (а въ другихъ: выслаша Намѣстниковъ Михайловыхъ) — „и пойде Князь Михайло „къ Новугороду со всею Низовскою землею, а Новгородци учи„ниша острогъ около города по обѣ сторонѣ, и сойдеся вся во„лость Новгородская, Пльсковичи, Ладожане, Рушане, Корѣла, „Ижера, Вожане. Князь же Михайло, не дошедъ города, ста въ „Устьянѣхъ, и такъ мира не возма, пойде проче, не успѣвъ ни„что же, но болшую рану вріимъ: взратившe бо ся вспять за„блудиша въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша мерети гладомъ: „ядяху же и конину; а снасть свою пожгоша, а иное пометаша, „и придоша пѣши яко же древле Іерусалимяне, внегда предасть „я Богъ въ руцѣ Царю Римскому Титу." Въ Троицк.: „Князь „Великій ходилъ на Ловоть, собравъ воя многи, и пойде ратью „къ Новугороду, и устремися по невѣдомымъ мѣстомъ и по не„знаемымъ путемъ, и заблудиша во злыхъ лѣсѣхъ и въ боло„тѣхъ, донде же придоша на Ловоть, и ту стояша, и бысть „въ нихъ гладъ, яко и кожи ядяху и голенище, и ременье жваху, „и мнози измроша; а друзіи и пѣши одва пріидоша." Въ Воскресен.: „ядоша кони, и кожи съ щитовъ содирающе ядяху, а „доспѣхи своя и оружья пожгоша." — Никон. Лѣт. вымыслилъ, что Михаилъ передъ симъ несчастнымъ походомъ еще разбилъ Новогородцевъ и Князя Аѳанасія Даниловича у Торжка.

Далѣе въ Новогород. Лѣт.: „Яша Игната Бѣска и биша „на Вѣчи и свергоша съ моста въ Волховъ: творяхуть бо его „перевѣть державша къ Михаилу; а Богъ то вѣсть. Тогда же и „Данилко Писцевъ убьенъ бысть на р ли" (на полѣ или пашнѣ): „обадилъ бо его холопъ свой къ Горожаномъ, тако река: посы„лалъ мя съ грамотами къ Михаилу."

(224) „Послаша Новогородци Вл. Давыда къ К. Михаилу съ „мольбою, просяще на окупъ братьи своей, и не послуша его „Князь," и проч.

(225) По Новогород. Лѣт. Князь Московскій возвратился

и воевалъ съ Михаиломъ въ 1318, а по другимъ въ 1317. — Юрій былъ давно женатъ; но видно, что первая жена его тогда скончалась. — Далѣе: „Приведе съ собою Татаръ, Кавгадыя и Астра„была, и пойде ко Твери.“ Никон. Лѣт. говоритъ, что Юрій, сошедшись съ Михаиломъ на Волгѣ у Костромы, уступилъ ему Великое Княженіе; что Михаилъ, возвратясь въ Тверь построилъ Кремль; что тамъ было небесное знаменіе Сент. мѣсяца въ Субботу, кругъ съ лучами; что осенью съѣхались къ Юрію въ Кострому всѣ Князья Суздальскіе; что зимою онъ пошелъ съ войскомъ къ Ростову, Переславлю, Дмитрову, Клину; что Новогородцы, помогая ему, воевали Тверскую область и 6 недѣль стояли въ Торжкѣ; что Юрій, бывъ уже въ 8 верстахъ отъ Твери, отступилъ за 40 верстъ, и проч. Ни въ лѣтописяхъ древнихъ, ни въ житіи Михаила (Воскр. II, 280) нѣтъ сихъ запутанныхъ обстоятельствъ.

(226) См. житіе Михаила въ Воскр. Лѣт. II, 282, 283. — Выходомъ называлась дань, которую Великіе Князья платили Ханамъ за свое достоинство. — Все слѣдующее взято изъ житія Михаилова, внесеннаго въ Воскр. Лѣт. и Степен. Кн.

(227) Никон. Лѣт. говоритъ, что Кавгадый ушелъ въ станъ, и на другой день помирился съ Михаиломъ. — Борисъ Даніиловичь, какъ видно, снова держалъ сторону брата, возвратясь къ нему изъ Твери. — Далѣе въ Новогород. Лѣт.: „Пріѣхав„ше (Новогородцы) въ Торжекъ и докончаша съ Княземъ Михаи„ломъ, како не вступатися ни по одиномъ, понеже не вѣдяху „Князь Юрья, гдѣ есть.“ Въ Ростов. и Воскресен.: „пойде „(Юрій) ко Твери, и приславъ Телебугу, зва Новгородци: а Нов„городци приходили напередъ того въ Торжекъ,“ и проч. Въ Троицкой: „а Князя Ивана Даниловича, брата своего, по„слалъ (Юрій) въ Новгородъ Великій по Новгородци.“ — Въ концѣ одного харатейнаго Апостола (въ Синод. библіот. подъ No 19) подписано слѣдующее: „Сіи же Апостолъ книгы вда Св. Пан„телеимону Изосимъ Игуменъ сего же монастыря. Сего же лѣ„та бысть бой на Руськой земли Михаилу съ Юрьемъ о Кня„женье Новгородьское. При сихъ Князехъ сѣяшется и рос„тяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Кня„зехъ, которыи вѣци сократишася человѣкомъ.“ Такія же точно выраженія находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ.

(228) „Приходиша (въ 1317) Нѣмци въ озеро Ладожское и „побиша много Олонижьскихъ купецъ... ходиша (въ 1318 г.) Нов„городци войною за море въ Полную рѣку (Aurajocki), взяша Лю„деревъ городъ Сумьского Князя и Пискупль.“ Шведскіе Лѣто-

писцы говорятъ, что Россіяне сожгли тогда Або, гдѣ обыкновенно жилъ Епископъ Финляндскій (см. Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314 и 418). Лербергъ замѣчаетъ, что тогдашній Префектъ Финляндскій былъ Лидеръ, и что отъ него произошло имя Людерева (см. его Untersuchungen, стр. 197).

(229) Въ Новогород.: „прибѣжа (Юрій) въ Новгородъ, и позва Новгородцевъ съ собою, и идоша съ нимъ весь Новгородъ и „Пльсковъ, поимше Владыку Давида, и пришедше на Волгу и докончаша съ Михаиломъ Княземъ миръ, како ити въ Орду обѣма, а брата Юрьева и Княгиню пустити." Въ Воскр. II, 284: „срѣте его (Юрья) Князь Михайло противу Синеевского, и „пакы не хотя видѣти другаго кровопролитія за толь мало „дній, умирившеся и крестъ целовавше." Въ рукописной Новогородской: „и Новогородцевъ отпусти Михайло съ Тфери, „что въ изниманьи были." — Договорная грамота, тогда написанная, хранится въ Архивѣ подъ No 14. Она столь ветха, что не можно разобрать и половины словъ. Въ началѣ сказано: „Се „доконча Князь Великый Гюрги съ братомъ своимъ съ „Михаиломъ, и съ Посадникомъ (Новогородскимъ) и съ Ты.... „Волости отворити, а хлѣбъ пустити (въ Новгородъ)... Гостя „въ Тфери не перейматu... Дворянъ и приставовъ не всылати" (Тверскихъ въ Новогородскую область) „а обидному на рубежѣ „судъ; а посламъ Новгородскымъ ѣздити сквозѣ Михайлову во„лость безъ пакости." Далѣе сказано, что Михаилъ уже изрѣзалъ или уничтожилъ двѣ прежнія Новогородскія грамоты, писанныя въ Городцѣ на Волгѣ и въ Торжкѣ при Ханскомъ Воеводѣ Тайтемерѣ и при Архіепископѣ (см. выше, примѣч. 221). Упоминается еще о кречетахъ, ловимыхъ въ Двинской землѣ, и проч.

О смерти Георгіевой жены въ Новогородской: „тамо смерти предаша." Въ Троицкой: „тамо зельемъ умо„рена бысть." Кн. Щербатовъ благоразумно замѣчаетъ, что Михаилъ не могъ ожидать никакой пользы отъ такого злодѣйства, и что оно совсѣмъ невѣроятно. — Ректоръ Тверской Семинаріи, Архимандритъ Макарій, сочинилъ въ 1765 году Житіе Св. Михаила Ярославича, украсивъ оное многими изобрѣтеніями. Онъ пишетъ, что Княгиня Юрьева, Кончакъ, пріѣхала въ Тверь уже больная; что Михаилъ посылалъ къ ней лекарей, склонилъ ее принять Вѣру Спасителеву, и проч. Но сія Княгиня была уже Христіанка, по сказанію Лѣтописцевъ: и могъ ли Юрій жениться на идолопоклонницѣ или Магометанкѣ? — Никон. Лѣт. изобрѣлъ, что Юрій, передъ отъѣздомъ къ Хану, убилъ въ Москвѣ Боярина Михаилова, Александра Марковича, и что

Кавгадый посылалъ изъ Орды, на встрѣчу къ Великому Князю, многихъ Татаръ, чтобы на дорогѣ убить его.

(230) „Аще Христіяне сколько почіютъ.“ Сей Духовникъ былъ Игуменъ Іоаннъ.

(231) „Аще ли послѣ того умрети же ми есть, то луче ми „есть нынѣ положити душю свою за многыя души.“

(232) См. сей Исторіи Т. I, примѣч. 41. Никон. Лѣт. сказываетъ, что Михаилъ выѣхалъ изъ Твери въ Орду Авг. 5. — Лѣтописецъ приводитъ ниже изъ Псалма: „умякнуша из„прѣва словеса ихъ паче елеа, и то бо быша стрѣлы.“ — Второе засѣданіе суда было черезъ недѣлю послѣ перваго, въ Субботу. По вымыслу Никон. Лѣтописца, судіи обвиняли Михаила въ томъ, что онъ хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ и послалъ свою казну въ Римъ къ Папѣ. Далѣе: „Приставиша 7 сто„рожевъ отъ семи Князей и иныхъ не мало, и покладаху предъ „блаженнымъ многыя ужа желѣзная, хотяще отягчити нозѣ „его... Въ ту нощь мало отъ узъ желѣзныхъ отпустиша ему, „но связанъ тако пребысть всю нощь... Отгнаша отъ него вся „Бояре, и отца его духовнаго, Игумена Александра“ (Никон. Лѣт. называетъ его Маркомъ)... „наутріе же, въ Недѣлю, възло„жиша колоду велику отъ тяжка древа на выю Святаго.“

(233) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 337, 338.

(234) „Безпрестани вся нощи не дадяше сна очима своима, „славяше Бога съ многыми слезами... Въ день же бяше всегда „видѣти свѣтлымъ лицемъ и весела взоромъ, и словесы сладкы„ми тѣшаше Бояръ и слугъ своихъ, и глаголаше. сели вы еди„но любо было, дружино моя, егда преже сего яко въ зерцало „зряще мене и спотѣшастеся?.. Помяните, како пріяхомъ бла„гая въ житіи нашемъ: то сихъ ли не хощемъ претерпѣти?.. „Не печалуйте про древо се: по малѣ бо узрите е прочее выя „моея.“ — Далѣе: „Беззаконніи стражіе они въ нощи завиваху „(не забиваху) въ той же кладѣ руцѣ его..... Минувшимъ же „днемъ двадцати и четыремъ, Кавгадый повелѣ его привести „въ торгъ, созъва вся заимодавци“ (купцевъ? откупщиковъ?) и проч. Далѣе: „И рече сторожемъ: почто не облегчите ему „древа сего?.. Единъ отъ предстоящихъ подъимъ держаше „древо.... Рече (Михаилъ) слугамъ своимъ: дайте ми стулецъ, „да почію ногами своими.... Рече же отъ своихъ единъ. Госпо„дине Княже! видиши ли се, колико народа множество стоящихъ, „видяще тя во таковой укоризнѣ, а прежь тя слышаща цар„ствующе во своеи земли?..... Егда бо вожаху блаженнаго въ ло„вѣхъ со Царемъ, и глаголаху къ нему слугы его: се, господине „Княже, проводници и кони готовы: уклонися на горы, да жи-

,,вошъ получиши. Онъ же рече: не дай же ми Богъ сего створи-
,,ти! во дни своя николи же сего створилъ. Аще бо азъ единъ
,,уклонахся, а люди своя оставивъ въ бѣдѣ, то кою хвалу пріоб-
,,ращу? Воля Господня да будетъ!.... Бывшю же блаженному въ
,,шатопѣ дній 25, за рѣкою Теркомъ, на рѣцѣ на Севенцѣ, подъ
,,городомъ подъ Тешяковымъ, минувше вси горы высокыя, Ясьскіе
,,и Черкаскіе, близъ Воротъ Желѣзныхъ (въ Никонов. у болва-
,,на мѣдянаго у златые главы, у Темиревы богатыревы моги-
,,лы) въ Среду рано повелѣ отпѣти Заутреню и Часы, и посемъ
,,правило Причащенію, и рече Поповичу да быхъ азъ самъ мол-
,,вилъ Псалмы. Онъ же вда ему книгу, и нача молвити тихо со
,,умиленіемъ, истачающе слезы яко рѣку."

(235) ,,Въ той бо часъ окаяньный Кавгадый вхожаше ко
,,Царю и исхожаше со отвѣты на убіеніе блаженнаго." — Псалом., читанный Михаиломъ, есть 54.

(236) ,,Онъ же наборзѣ воставъ и воздохнувъ рече: вѣдаю.....
,,и бѣ страшно въ той часъ, братье, видѣти отъ многыхъ
,,странъ множество женущихъ къ вежѣ.... Кавгадый же и Князь
,,Юрьи сѣдше съ коній, близъ бо бяше торгъ, яко каменемъ ве-
,,речи (бросить).... Убійцы же, разъгнавше вси людіе, похвати-
,,ша Святаго за древо, еже бѣ на выи его, и удариша имъ силь-
,,но, и возломиша его на стѣну, и проломися вежа; онъ же вскочи,
,,чи, и мнози поврьгоша его на землю... Романецъ извлекъ ве-
,,ликыи ножъ, удари въ ребра Святаго въ деснуюо страну, и об-
,,ращая ножь сѣмо и овамо, отрѣза сердце честное его; и тако
,,предастъ душю въ руцѣ Господни Ноября 22, въ Среду, 7 часа
,,дни, и причтесь съ лики Святыхъ со сродникома своима Бори-
,,сомъ и Глѣбомъ и съ Михаиломъ Чрьниговскымъ. Вежу же бла-
,,женнаго разграбиша Русь и Татарове..... сами же Князи и
,,Боаре въ одиной вежи піаху вино, повѣствующе, кто какову
,,вину изрече на Святаго!" Никон. Лѣт. прибавляетъ, что
Михаилъ, пославъ сына къ Царицѣ, еще надѣялся ея заступле-
ніемъ спастись отъ казни; что у него были въ услуженіи мно-
гіе Татары; что убійца, именемъ Иванецъ, зарѣзавъ Князя,
сказалъ: здѣцилъ еси чашу добру; что Кавгадый ве-
лѣлъ Юрію отправить тѣло Михаилово въ Россію, и проч. и
проч.

(237) ,,Своею котыгою, юже ношаше" (котыга то же,
что коцъ, или верхняя одежда)... ,,и положиша его на велицѣй
,,досцѣ на телегу, и увиша ужи, и превезоша за рѣку рекомую
,,Аджь, еже зовется Горесть" (нынѣ Горькая, впадающая въ Кас-
пійское море): ,,горесть бо се нынѣ, братье, и есть."

(238) ,,Посла тѣло блаженнаго въ Моджъчары съ сво-

„ими Бояры.“ См. сей Исторiи Т. I, стр. 127, и примѣч. 302. Рубруквисъ, путешественникъ XIII вѣка, видѣлъ еще тамъ Венгровъ (Voyage de Rubruquis, стр. 24). Бездежь есть нынѣ, думаю, селенiе Везедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ Волги. Ясы или Алане исповѣдывали отчасти Вѣру Христiанскую; многiе изъ нихъ говорили по-Гречески (Voyage de Rubruquis, стр. 24). Здѣсь въ житiи Михаила разсказываются многiя чудеса: какъ тѣло его ночью освободилось отъ узъ и перешло съ телеги на землю („лежаще раною къ землѣ; десная же рука бѣ подъ лицемъ, и порты единако одѣяно“); какъ свѣтлыя облака являлись надъ онымъ, въ Маджарахъ столпъ огненный или дуга, а въ Бездежѣ множество всадниковъ воздушныхъ съ свѣчами и съ фонарями; какъ одинъ стражъ, дерзнувъ лечь на тѣло, былъ сверженъ невидимою силою и сказалъ о томъ Бездежскому Iерею, а сей Iерей самому Лѣтописцу, и проч.

(239) Лѣтописецъ называетъ Михаила такимъ же отечестволюбцемъ, каковъ былъ Св. Димитрiй Солунскiй. — Никон. Лѣт. говоритъ о Михаилѣ: „бѣ тѣломъ велакъ зѣло и „взоромъ страшенъ, и пiянства не любяше,“ и проч.

(240) „Въ лѣто 6820 (1312) преставися Княгиня Ярославляя „Ярославича, именемъ Оксинья, въ Черницахъ и въ Скимѣ, и положена бысть на Твери.“

(241.) „Въ лѣто 6815 (1307) преставись Князь Константинъ „Борисовичь Ростовскiи въ Ордѣ.... Въ лѣто 6824 (1316) прiиде „изъ Орды Василiй Константиновичь Ростовскiй, а съ нимъ послы Татарскiе, Сабанчiй и Казначiи, и много зла створиша „Ростову... Въ лѣто 6826 (1318) прiиде на Русь посолъ лютъ, „именемъ Кочка, и уби отъ Костромы 120 человѣкъ, и оттолѣ „шедъ пограби Ростовъ, и церковь Св. Богородицю разграбивъ, „и монастыри пожже и села, и люди плѣни.“ Подъ годомъ 1307 сказано еще: „на осень бысть Таирова рать:“ вѣроятно, также разбой, а не дѣйствительная война.

(242) Въ Никон.: „Князь Святославъ Глѣбовичъ (въ 1309 „г.) выгна братанича своего, Василiя, изъ Брянска. Того же „лѣта К. Василей иде въ Орду жаловатися на дядю своего, Святослава Глѣбовича.“ Въ Волынск. Лѣт. упоминается о двухъ сыновьяхъ Романа Брянскаго, Олегѣ и Михаилѣ: Василiй могъ быть сыномъ того или другаго; а Святославъ, его дядя, меньшимъ сыномъ Романовымъ, вопреки Никонов. Лѣтописцу, который не отличилъ Святослава Глѣбовича Можайскаго, плѣненнаго Георгiемъ Московскимъ, отъ Святослава Брянскаго.— Далѣе въ лѣтописяхъ: „Князь Святославъ за полдни изыде противу рати Татарскiе, и тоткнуша межу себе копьи: Бранци

„же выдали Князя, коромольницы суще; стяги своя повергоша, „а сами побѣгоша. Князь же Святославъ токмо съ своимъ Дво- „ромъ много бився, послѣди убьенъ бысть на полку Апрѣля въ „2 день.“

(243) „Тое жь зимы (1305) преставись Митрополитъ Мак- „симъ всея Русіи, Дек. 6, и положенъ бысть въ Володимери въ „Соборной церкви Св. Богородицы, во храмѣ Св. Мученика Пан- „телеймона.“ — Св. Петръ Митрополитъ, посвященный въ Царѣ- градѣ, пріѣхалъ въ Кіевъ въ 1308 году, а въ Владиміръ въ 1309.

Житіе Св. Митрополита Петра, напечатанное въ Сте- пенной Книгѣ (I, 410), сочинено Митрополитомъ Кипріаномъ, въ княженіе Димитрія Донскаго или Василія Димитріевича. Ки- пріанъ сказываетъ, что Петръ, сынъ Өеодоровъ, родился въ Во- лыніи, и постриженный на тринадцатомъ году въ одномъ пу- стынномъ монастырѣ, выучился тамъ иконной живописи. Да- лѣе: „По времени же благословеніемъ Игумена исходитъ отъ „обители, обходитъ округлая мѣста пустынная и обрѣтаетъ „мѣсто безмолвно на рѣцѣ Ратѣ“ — (въ Волыніи, а не близъ Курска) — „и ту жилище себѣ водружаетъ... И собрася къ нему „не мало число братій... И Князю въ слухъ пріиде добродѣтель- „ное его житіе и всей странѣ: тогда бо бяше въ своей чести „и времени земля Волынская, всякимъ обильствомъ и славою „преимуща, аще нынѣ по многихъ ратехъ и не такова... Тогда „убо прилучися и Святителю (Митрополиту) Максиму прохо- „дити землю ону: пріиде же и Божій человѣкъ Петръ благо- „словеніе отъ Святителя пріяти и образъ Пречистыя Бого- „родицы, иже бѣ самъ написалъ, принесе ему. Святитель „же образъ съ великою радостію пріемъ, и златомъ и „каменіемъ украсивъ, у себе держаше... И житія убо се- „го конецъ премѣни Архіепископъ Максимъ... Геронтій же нѣ- „кто, Игуменъ сый, дерзну восхитити санъ Святительства... „никому же возбраняющу ему отъ таковаго безсловесія... прі- „емлетъ Святительскую одежду и утварь, еще же и ту самую „икону, юже бѣ Петръ написалъ, и жезлъ Пастырскій и санов- „ники церковныя, и пойде къ Константинуграду. Се же слы- „шано бысть по всей Руской земли, и мнози негодоваху. Князь „же Волынскія земли совѣщаетъ совѣтъ не благъ: восхотѣ „Галичскую Епископію въ Митрополію претворити, „и нападаетъ на Петра словесы, подгнѣщая его ко Царюграду... „Святый же преклоняется... Князь же, втай Петра, написуетъ „къ Св. Патріарху, прося того самаго Петра на Святитель- „скомъ престолѣ видѣти, и посла посылаетъ.“ Слѣдуетъ опи- саніе чуда, бури, явленія и проч. Далѣе о клеветѣ: „человѣчес-

„кому роду врагъ и ратникъ (діаволъ) спону Святому сотвори, „и нѣкіимъ подгнѣти не хотѣти того (Петрова) пришествія; „по времени же себѣ зазрѣша, и съ смиреніемъ Святителю покоришася. По времени же паки врагъ завистію подходитъ Андрея, Епископа Тферскаго, легка убо суща умомъ, легчайша же „и разумомъ... И сплетаетъ ложная словеса и посылаетъ ко Святѣйшему Патріарху. Онъ же удивився и посылаетъ единаго „отъ Клирикъ съ писаніемъ, глаголюще сице: Всесвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, о „Святѣмъ Дусѣ возлюбленный брате и сослужителъ нашего смиренія Петръ!... пріидоша отъ „вашего языка и твоего предѣла словеса тяжка на „тя, еже слухи моя исполниша и помыслъ мои смутиша: потщися убо сіе очистити и исправити. Таковое убо писаніе отъ Патріарха Клирикъ пріемъ, Русскія земли достизаетъ; но убо шептанія Андреева не утаишася Св. „Петру, и на Бога всю надежду возложивъ, глаголаше: аще „Богъ по насъ, кто на ны? И яко Клирикъ пріиде на Русь, „и Соборъ собирается во градѣ Переяславли; приходитъ Боголюбивый Епископъ Ростовскій Симеонъ и Преподобный Игумень Прохоръ. Князю бо Михаилу тогда во Ордѣ сущу, но „сынове его пріидоша, Дмитрій и Александръ, и иныхъ Князей „довольно, и Вельможъ, аще же и лучшія отъ Игуменовъ и „Чернецъ и Священниковъ," и проч.

(244) „Того же лѣта (1312) Петръ Митрополитъ сня санъ „со Владыки Сарьскаго Измаила, и постави въ него мѣсто Варсонофья Епископомъ Сараю.... Въ то же время и Сеитъ еретикъ явися, чуждая Церкве Христовы и православныя Вѣры „мудрствуя; его же Святый препрѣ, и непокаряющагося проклятию предастъ, иже и погибе." Степен. Книги, I, 418. Имя сего еретика не Русское; но видно, что онъ былъ Христіанинъ. Татищевъ называетъ его Новогородскимъ Протопопомъ, сказывая, что онъ ругалъ Монаховъ, и что нѣкоторые иноки, вѣря ему, уходили изъ монастырей и женились. — Далѣе въ лѣтописяхъ: „Петръ же Митрополитъ рече Князю Святославу: подѣлися, сыну, съ Васильемъ Княженіемъ или отступися ему, а самъ отъѣди прочь и не бейся. Князь же, надѣяся „на свою силу и мужество, и вознесеся умомъ и многою силою „Брянскою, отвѣщавъ рече: Господине! Брянци мя не пустять; „хотять за мя головы своя сложити.... Въ лѣто 6819 (1311) „Князь Дмитрей Михайловичь Тферскій, собравъ вои многи и „хотѣ ити ратью къ Новугороду на Князя Юрья, и не благослови его Митрополитъ столомъ въ Володимери;

„онъ же, стоявъ 3 недѣли, възвратися въ землю свою.“ Сіе извѣстіе относится къ позднѣйшему времени и безъ сомнѣнія ошибкою написано подъ 1311 годомъ: Димитрій Михайловичь имѣлъ тогда не болѣе двѣнадцати лѣтъ отъ роду, и не могъ при отцѣ искать Великокняжескаго достоинства. Во многихъ спискахъ сказано здѣсь: „къ Новугороду Нижнему;“ но въ харатейномъ Троицкомъ нѣтъ сего прибавленія. Юрій, возвратясь изъ Орды, жилъ въ Великомъ Новѣгородѣ, а не въ Нижнемъ, гдѣ властвовалъ Михаилъ Андреевичь.

(245) Выписываю сей ярлыкъ изъ Ростовской Архивской Лѣтописи.

„Лѣта 6821 (1313) пойде въ Орду Петръ Митрополитъ вку-„пѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, обидъ ради „церковныхъ отъ лукавыхъ человѣкъ, и судовъ, и пошлинъ, да „и того ради, чтобы напередъ (прежде) быти у Царя „Нѣмецкихъ пословъ и Пискупа Матѳіа Папы „Римскаго“ — (кто былъ сей Епископъ Папы, не знаю)— „да и того ради, понеже тогда въ Ордѣ Тохта Царь умре, а „новой Царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ, и вся обновишася; отъ „многихъ странъ вси прихождаху во Орду къ Царю, и ярлыки „имаху кождо на свое имя. Но милостію Божіею Петръ Ми-„трополитъ во Ордѣ у Царя былъ въ чести велицѣй и отпу-„щенъ бысть вскорѣ съ управою и съ ярлыки и съ Дефтери „— и вси ради быша. И се ярлыкъ Азбяка Царя.

„Вышняго и безсмертнаго Бога волею, и силою, и величе-„ствомъ, и милостію Его многою. Азбяково слово, всѣмъ на-„шимъ Княземъ великимъ и среднимъ, и нижнимъ, и сильнымъ „Воеводамъ, и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и „Дорогамъ славнымъ, и полчнымъ Княземъ высокимъ и ниж-„нимъ, книжникомъ, и уставодержательникомъ, и учитель-„нымъ и людскимъ повѣстникомъ, и збирателемъ, и Баска-„комъ и посломъ нашимъ, и гонцомъ, и данщикомъ, и писцомъ „нашимъ, и мимоѣздящимъ посломъ, и ловцомъ нашимъ, „и сокольникомъ, и пардусникомъ, и всѣмъ людемъ высокимъ, и „нижнимъ, и малымъ, и великимъ нашего Царства, по всѣмъ „нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ Улусамъ, гдѣ Бога без-„смертнаго силою наша власть держитъ и слово наше вла-„дѣетъ: да никтоже обидитъ (на Руси) соборную церковь Пет-„ра Митрополита, и его людей и церковныхъ его; да никтоже „вэзимаютъ стяжаній, ни имѣніемъ, ни людемъ; а знаетъ Мит-„рополитъ Петръ въ правду и право судитъ, и управляетъ лю-„ди своя въ правду: и въ чемъ ни буди — въ разбои, и въ полич-„номъ, и въ татбѣ, и во всякихъ дѣлахъ — вѣдаетъ Петръ

,,Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ; да вся покорятся ,,и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты по ,,первымъ изъ начала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ ,,нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ; да ,,не вступаются въ церковное Митрополичіе никтоже, занеже ,,то Божіе есть все; а кто вступаются, а нашъ ярлыкъ и наше ,,слова преступитъ, той Богу есть повиненъ, и гнѣвъ на себя ,,отъ Него пріиметъ, а отъ насъ ему казнь будетъ смертная. А ,,Митрополитъ правымъ путемъ пребываетъ, и тѣшится, да ,,правымъ сердцемъ, и правою мыслію своя вся церковная устро- ,,яетъ, и судитъ, и вѣдаетъ, или кому повелитъ таковая вѣ- ,,дати и управляти. А намъ въ то не вступатися ни вочто же, ,,и дѣтемъ нашимъ, ни всѣмъ Князѣмъ нашимъ нашего Царства, ,,и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ Улусовъ; да не всту- ,,паются ни кто ни чѣмъ въ церковная и въ Митрополича, ни ,,въ грады ихъ, ни въ волости, ни въ села ихъ, ни во всякіе ло- ,,вли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ луга ихъ, ,,ни въ лѣсы ихъ, ни во грады ихъ, ни въ волостныя мѣста ихъ, ,,ни въ винограды ихъ, ни въ мельницы ихъ, ни въ зимовища ,,ихъ, ни въ стада ихъ во конскіе, ни во всякіе скотьскіе ста- ,,да ихъ, ни въ вся стяжанія и имѣнія церковная. И люди и вся ,,причты ихъ, и вси законы ихъ уложеныя старыя отъ начала ,,ихъ, то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому да прикажетъ; ,,да не будетъ ничтоже перечинено, или порушено, или кѣмъ ,,изобижено. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и крот- ,,комъ житіи, безъ всякіе голки, да правымъ сердцемъ и правою ,,мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши дѣти, и за наше пле- ,,мя. Мы бо такоже управляемъ и жалуемъ, якоже прежніе Ца- ,,ри ярлыки имъ давали, и жаловали ихъ; а мы по тому же пу- ,,ти и тѣми же ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ. ,,А мы Божія брежемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взи- ,,маетъ Божіе, и тотъ будетъ повиненъ, а гнѣвъ Божій на него ,,же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнію, да ,,то видя иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши Баскаки, та- ,,можники, даньщики, поборщики и писцы, по симъ нашимъ гра- ,,мотамъ, какъ наше слово молвило, да будутъ вѣ Соборные ,,церкви цѣлы Митрополичи, ни кѣмъ ни отъ кого не изобиже- ,,ны вся его люди, и вся его стяжанія, какъ ярлыкъ имѣетъ, и ,,Архимандриты, и Игумены, и Попы, и вся его причты цер- ,,ковныя, ничѣмъ никто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на ,,насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужное ли, ,,ямъ ли, мызъ ли, мостовщина ли, ловитва ли кая ни буди на- ,,ша, или егда на службу нашу съ нашихъ Улусовъ повелимъ

„рать збирати, гдѣ восхотимъ воевати: а отъ Соборные церкви „Петра Митрополита никтоже не взимаетъ, и отъ всихъ лю„дей, и отъ всего его причта; тѣ бо за насъ Бога молятъ, и „насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Кто бо того и „преже насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею „живутъ вси, и воюютъ? то всѣ вѣдаютъ; и мы, Богу моляся, „по первыхъ Царей грамотамъ грамоты имъ давали жалова„ные, а не изыначиваемъ ни въ чемъ: какъ то было преже насъ, „тако моляя, и наше слово уставило по первому пути, которая „дань по первому пути наша будетъ, или запросы наши наки„немъ, или поплужное, или послы наши будутъ, или кормы на„ши, или коней нашихъ, или подводы, или кормъ пословъ на„шихъ, или нашихъ дѣтей, или Царицъ, и кто ни есть, и кто „ни буди, и да не возмутъ, и да не просятъ ничтоже; и что „возмутъ, и они назадъ дадутъ третицею; и аще будетъ „взялъ за нужду великую, а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а „наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церков„ные люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменныя здате„ли или древодѣлные, или иные мастеры каковы ни буди, или „ловцы, какова лова ни буди, или соколницы, а въ то наши да „не вступаются никто, и на наше дѣло не емлютъ ихъ, и пар„дусники наши, и ловцы наши, и соколницы наши, и побереж„ницы наши да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ ихъ, „ни у нихъ дѣлныхъ ихъ орудій. А что законы ихъ, и въ зако„нѣ ихъ церкви, и монастыри ихъ, и часовни ихъ, да не вре„дитъ ихъ, ни хулятъ ихъ; а кто учнетъ Вѣру осуждати ихъ „и хулити, тотъ человѣкъ не извинится ничѣмъже, и умретъ „злою смертію. А что Попы и Діаконы, единъ хлѣбъ ядуще, и „во единомъ дому живуще, у кого братъ, или сынъ, и тѣмъ по„тому же пути наше пожалованіе. Еже кто будетъ отъ нихъ „не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ себѣ „тотъ именемъ Поповскимъ, да не отнимается, но даетъ дань; „а Попы, и Діаконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ „по первой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу „правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ неправымъ „сердцемъ о насъ молитися Богу, то грѣхъ на немъ будетъ. А „кто будетъ Попъ, или Діаконъ, или причетникъ, или церков„ные иные люди кто ни буди, откуды ни есть, Митрополиту „похотятъ служити, и о насъ Богу молитися, что будетъ о „нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. „Такъ наше слово учинило, и дали есмы Петру Митрополиту „грамоту сію для крѣпости ему, да сію грамоту видяще и слы„шаще вси людіе, и вси церкви, и монастыри, и вси причты

,,церковные да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ,,ему будутъ по закону ихъ, и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, и ,,безъ печали, и безъ скорби всякія, Бога моля о насъ и о нашемъ Царствіи. А кто вступится въ церковное и Митрополичіе, и на того будетъ гнѣвъ Божій, а по нашему великому наказанію и истязанію не извинится ничимъ же, и умретъ злою ,,смертною казнію. Такъ ярлыкъ нашъ, такъ молвя слово наше ,,учинило, таковою данною крѣпостію утвердило. Заячьего лѣ,,та, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго ветха на поляхъ ,,писана и дана." — Нѣсколько сихъ ярлыковъ (истинныхъ или подложныхъ) напечатано въ Рос. Вивліоѳикѣ, Т. VI. Древнѣйшій изъ нихъ есть пятый, или Мангу-Тимуровъ. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ, и большею частію несправедливо.

Кругъ лѣтосчисленія у Моголовъ — такъ же, какъ у Восточныхъ Турковъ — состоялъ изъ 12 лѣтъ: первый годъ назывался мышью, второй быкомъ, третій рысью и барсомъ, четвертый зайцемъ, пятый крокодиломъ, шестый зміемъ, седьмый конемъ, осьмый бараномъ, девятый обезьяною, десятый курицею, одиннадцатый псомъ, двѣнадцатый свиньею (см. Эрбелот. Bibl. Orient. подъ словомъ Giagh). Мѣсяцъ раздѣлялся у нихъ на дни старые и новые, какъ свидѣтельствуютъ сіи ярлыки Царскіе. Здѣсь сказано: ,,четвертаго ветха;" а въ другомъ: ,,десятаго нова."

(246) Въ Никон. Лѣт. подъ годомъ 1321: ,,Пріиде изъ Орды ,,въ Кашинъ Таянчаръ Татаринъ съ Жидовиномъ должни,,комъ" (или откупщикомъ Царской дани) ,,и многу тягость ,,учиниша Кашину."

(247) ,,Въ лѣто 6817 бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла ,,рожь, и овесъ и пшеницу, и всякое жито, и того дѣля бысть ,,дороговь велика и меженина (недостатокъ) зла, и гладъ крѣ,,покъ по земли Руськой... Бысть другая казнь отъ Бога: моръ ,,на люди и на кони и на всякій скотъ. — Тое же зимы (въ ,,1318 году) бысть моръ во ТФери на люди." — Въ Новогород. Лѣт.: ,,Той же зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новѣгородѣ, а въ ,,Пльсковѣ почали бяху грабити недобріи людіе села, и дворы ,,въ городѣ, и клѣти, и избиша ихъ Пльсковичи съ 50 человѣкъ, ,,и бысть тихо." Въ лѣтописи Псковской: ,,изби мразъ всяко ,,жито, и бысть драгость люта, по 5 гривенъ зобница. Бяше ,,же та драгость на много время." Зобница не осьмина ли?

Разныя происшествія Михаилова княженія: Въ 1304 году преставился бывшій Ростовскій Епископъ Тарасій. ,,Избишась

„въ Ростовѣ два колокола великая въ Великій Пятокъ.“ — Въ 1305, въ Новѣгородѣ, Семенъ Климовичь поставилъ церковь каменную на воротахъ въ Прусской улицѣ. Сдѣлали новый мостъ черезъ Волховъ. (По Никон. Лѣт. были небесное знаменіе и сильные громы.) — Въ 1306 родился у Вел. Кн. Михаила сынъ Константинъ. — Въ лѣтописи Псковской: „въ лѣто 6815 (1307) „бысть Псковичемъ немирье со Владыкою Өеоктистомъ и съ „Новогородцы.“ — Въ 1308 осенью скончался Князь Александръ Даніиловичь, братъ Юріевъ. „На зиму выйде Архіепископъ Өеоктистъ изъ Владычня двора своего дѣля нездоровія, благословивъ Новгородъ, и иде въ монастырь къ Благовѣщенію, изволивъ молчанное житіе. Новогородци же вси взлюбиша отца его „духовнаго Давида и съ честію посадиша въ Владычни дворѣ, „а Өеоктистъ благослови его, и послаша къ Митрополиту... „Якимовая Столбовича постави церковь кам. на Княжи дворѣ „Свв. Отецъ 318, иже въ Никіи.“ (По Никонов. Лѣт. Князь Василій Константиновичь Рязанскій убитъ въ Ордѣ.) Въ Псковской лѣтописи: „Борисъ Посадникъ замысли помостить торговище, и помостиша, и бысть всѣмъ людемъ добро.“ — Въ 1309, Іюня 5, Петръ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Архіепископомъ Давида, который возвратился Іюня 20, и былъ встрѣченъ со крестами, Новогородцы отдали Посадничество Михайлу Павшиничу. (По Никон. Лѣт. скончался Князь Суздальскій Василій Михайловичь). — Въ 1310, въ Новѣгородѣ, Архимандритъ Кириллъ поставилъ на Коломцахъ церковь Успенія, а на Дубенкѣ церковь Покрова, обѣ каменныя, на деньги Монаха Олонія Шкила. „На зиму грабиша села около Новагорода;“ а кто, не сказано. Преставился, Дек. 23, Архіеп. Өеоктистъ и положенъ въ церкви Благовѣщенія. (По Никон. Лѣт. Князь Василій Брянскій съ Татарами убилъ Карачевскаго Князя, Святослава Мстиславича). — Въ 1311 Симеонъ Ростов. оставилъ Епископію и на его мѣсто поставленъ Ярославскій Игуменъ Св. Спаса, Прохоръ. „Новогородскій Владыка Давыдъ постави церковь камену на воротѣхъ отъ Неревского Конца въ имя благовѣрнаго Князя Владиміра, крестившаго землю Рускую, а въ крещеніи Василій.“ (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о храмѣ посвященномъ Св. Владиміру). Новогородцы, смѣнивъ Посадника Михайла, выбрали Семена Климовича. Въ Псковской лѣтописи: „совершена кам. церковь Св. Богородицы на Снетной при „Игуменѣ Іевѣ.“ — Въ 1312 Митрополитъ, на мѣсто Сарскаго Епископа Исмаила, поставилъ Варсонофія. Новогород. Архіеп. Давидъ заложилъ каменную церковь Св. Николая въ Неревскомъ Концѣ. (По Никон. Лѣт. сгорѣлъ Нижній Новгородъ). — Въ

1313 Архіеп. Давидъ освятилъ церковь Св. Николая, уставилъ въ ней вседневную службу и собралъ тамъ многихъ Черцевъ. (По Никон. Лѣт. преставился Смоленскій Князь Александръ Глѣбовичь, оставивъ двухъ сыновей, Василія и Іоанна). — Въ 1314 преставился Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, и Симеонъ, бывшій Епископъ Владимірскій и Ростовскій, въ Суздалѣ. — (По Никон. Лѣт. было сильное наводненіе весною, и скончался Василій Александровичь Брянскій). — Въ 1315 скончался Князь Иванъ Михайловичь (а по нѣкоторымъ спискамъ Михаилъ Ивановичь) Стародубскій, внукъ Іоанновъ. Андрей, Епископъ Тверскій, оставилъ свой санъ, и на его мѣсто поставленъ Варсонофій. — Въ 1316 (по Никон. Лѣт.) сгорѣло въ Твери болѣе 20 домовъ и было затмѣніе лунное, передъ утреннею зарею. — Въ 1317 у Князя Іоанна Даніиловича, брата Юріева, Сент. 7 родился сынъ Симеонъ. — Въ 1318 (по Никон. Лѣт.) въ Сент. сгорѣла въ Твери большая часть города съ 6 церквами.

(248) См. выше, стр. 169. Тѣло Юріевой супруги отвезли въ Ростовъ. — Никон. Лѣт. прибавляетъ, что Ростовскій Епископъ пріѣзжалъ звать Князя Александра Михайловича къ Георгію въ Владиміръ, чтобы съ нимъ примириться. О тѣлѣ Михаила: „Изъ толь далечіе земли везоша его на телезѣ и въ санехъ, „и лежа на Москвѣ лѣто все, и обрѣтоша цѣло... И положиша „въ церкви Св. Спаса на десной странѣ, юже бѣ самъ создалъ, „по сторонѣ Епископа Симеона." Архимандритъ Макарій, сочинитель Михаилова (рукописнаго) житія, пишетъ, что тѣло его было привезено въ деревянномъ гробѣ, а погребено въ новомъ каменномъ; что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича зодчій Іоаннъ на казенныя деньги перестроилъ сію церковь Спаса; что Архіепископъ Тверскій, Евфимій, по указанію одного стараго Священника, именемъ Ѳеодора, нашелъ гробницу Князя у церковной стѣны въ землѣ, писалъ о томъ къ Царю и поставилъ ее въ придѣлѣ Св. Михаила; что въ 1655 году, во время язвы, Тверскій Архіепископъ Лаврентій преложилъ мощи изъ ветхой раки въ новую деревянную, обвивъ ихъ въ бѣлую камку; что Стольникъ Царя Алексѣя Михайловича, Романъ Бобарыкинъ, прислалъ шитую, богатую плащаницу для сей гробницы; что въ 1682 году Тверскій Архіерей Сергій, видя опять ветхость Преображенскаго Собора, построилъ собственнымъ иждивеніемъ новый; что между тѣмъ рака Св. Михаила стояла въ храмѣ Воздвиженія; что Сергій, возвративъ оную на свое мѣсто, оставилъ древній каменный гробъ въ церкви Воздвиженской; что въ XVIII вѣкѣ Епископъ Варлаамъ перенесъ мощи подъ изваянную сѣнь, за Архіерейское мѣсто, между столпами, а придѣлъ Св.

Михаила обратилъ въ ризницу; что Епископъ Митрофанъ, въ 1747 году, обложилъ серебромъ деревянную раку Святаго и поставилъ оную въ стѣнѣ, на правой сторонѣ, у самаго иконостаса. Княгиня Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ; жила послѣ у сына своего, Василія, въ Кашинѣ: преставилась черезъ 19 лѣтъ по кончинѣ супруга и погребена тамъ въ Успенскомъ Соборѣ. Святыя мощи ея были обрѣтены въ царствованіе Алексія Михайловича.

(249) См. Новогородск. Лѣт. 174.

(250) Сіи древніе рубли описаны Герберштейномъ и Гваньини. Первый говоритъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42): Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Initio cum argentum in provinciam inferebatur, fundebantur portiunculae oblongae argenteae, sine imagine et scriptura, aestimatione unius Rubli, quarum nulla nunc (въ началѣ XVI вѣка) apparet. Гваньини пишетъ то же отъ слова до слова (Moschov. Descript. стр. 158). Десять, или болѣе, подобныхъ кусковъ серебра были найдены въ землѣ крестьянами Князя Павла Михайловича Волконскаго, верстахъ въ 30 отъ Москвы. Образъ и длина ихъ такая [ ]; вѣсомъ же каждый отъ 22 до 24 золотниковъ. Въ Кабинетѣ у Графа А. И. Мусина-Пушкина есть подобный же рубль съ изображеніемъ словъ: Волод... то есть, имени Владиміра, можетъ быть Калитина внука или Владиміра Рязанскаго, жившихъ въ XIV вѣкѣ. Въ лѣтописяхъ XVI вѣка, г. 1535, сказано, что пять старыхъ рублей съ двумя гривнами вѣсили фунтъ. Такъ означено и въ нашихъ старинныхъ рукописныхъ Ариѳметикахъ. Но въ исходѣ XIV вѣка рубли Московскіе состояли уже изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ (см. сей Исторіи Т. V, примѣч. 135) и вѣсъ ихъ, какъ видно, нѣсколько уменшился въ отношеніи къ древнимъ рублямъ или кускамъ серебра, ходившимъ въ то время, когда предки наши еще довольствовались, вмѣсто денегъ, лоскутками кожаными или кунами (см. сей Исторіи Т. I, примѣч. 524). При Великомъ Князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ, т. е. въ концѣ XV вѣка, фунтъ золота стоилъ около 55 серебряныхъ рублей. Въ Отпускѣ Великой Княжны Елены, дочери его, сказано: „Послано къ „зятю, къ Б. К. Олександру, на свадьбу къ вѣнчанью крестъ зо„лотъ... а вѣсу въ ономъ полгривенки безъ дву золотниковъ „(т. е. 22 золотника), полтринадцать рублевъ“ (см. Древ. Рос. Вивліое. XIV, 2).

Никон. Лѣт. говоритъ, что Георгій долженъ былъ отдать взятую у Димитрія сумму Ханскому послу, но вмѣсто

шого уѣхалъ съ оною въ Новгородъ; что не Варсонофій, а бывшій Тверскій Епископъ Андрей способствовалъ заключенію мира; что Георгій размолвился и примирился съ Новогородцами; что онъ разбилъ Нѣмцевъ, и проч.

(251) См. Далин. Gesch. des R. Schw. II, 326, и Новогород. Лѣт.

(252) „Постригся (К. Аѳанасій) въ Черньци, и положиша „его у Св. Спаса на Городищи“ (а по Воскр. Лѣт. въ Нередичахъ).—Іоаннъ, братъ Георгіевъ, поѣхалъ въ Орду въ 1320 году.— О Димитріи: „Ходи въ Орду и подъя Великое Княженіе.“ Татищевъ же пишетъ, что Димитрій доказалъ Хану неправду Георгіеву, и что Узбекъ велѣлъ мучить Кавгадыя.

(253) См. выше, стр. 29. — Князь Александръ отнялъ Георгіеву казну на Урдомѣ.

(254) Въ Лѣт. Псков.: „Тоя же осени избиша Нѣмци Псковичь гостей въ озерѣ и ловцевъ на Норовѣ, и въ берегѣ Черe„местъ взяша, а на миру, и послаша Псковичи къ Давыду Князю „въ Литву и пріѣха въ Четвергъ Сыропустной недѣли, а Князь „Юрьи еще бяше во Псковѣ. И тако Князь Давыдъ ѣхаша со „Псковичи за Норову и плѣниша ихъ землю до Колываня.“ Лѣтописецъ Прусскаго Ордена, П. Дузбургъ, говоритъ о семъ нашествіи (Chron. Prussiae стр. 394) Давида Литовскаго, называя его Castellanus de Gartha, и сказывая, что онъ убилъ и плѣнилъ болѣе 5000 Христіанъ: Ecclesias, vestes sacras et vasa altaris inhumaniter polluit et concremavit. Однакожь Дузбургъ не зналъ, что большая часть Давидова войска состояла изъ Россіянъ. Татищевъ назвалъ Давида сыномъ Довмонта. — Далѣе въ Лѣт. Псков.: Марта въ „13 пріидоша Нѣмци ратью ко Пскову, и стоявше у города 3 „дни и отъидоша съ срамомъ. Тоя же весны, Маія въ 11, паки „пріидоша, ови на конехъ, иніи въ кораблехъ и въ лодіахъ, съ „порокы и съ городы и со инѣми замысленіи. Тогда же убиша „Посадника Селила Олексеничь, и стояша у города 18 дній, по„рокы біюще, городы своя двигающе, за лѣсами лѣзуще, и лѣст„вица исчиниша, хотяще черезъ стѣну лѣзти... Стояху около „всего Пскова, ови на Запсковьи, а друзіи на Полонищи, а иніи „на Завеличьи, и что гдѣ полонивше, то все провадяху за Ве„ликую рѣку.“ — Родъ Псковскаго Князя Евстафія неизвѣстенъ. О мирѣ: „И пріѣхаша силніи послове отъ всея земли Нѣмецкыя „во Псковъ, и докончаша миръ по всей Псковской воли.“ Эстонія все еще зависѣла тогда отъ Короля Датскаго; но въ 1346 году Вальдемаръ III продалъ оную Нѣмецкому Ордену за 18,000 марокъ.

(255) „Докончаша миръ вѣчный съ Княземъ и съ Новымго-

„родомъ по старой пошлинѣ" (на прежнихъ условіяхъ). См. также Ядро Рос. Исторіи. Новогородцы уступили Шведамъ часть западной Кореліи, нынѣшняго Выборгскаго и Яскисскаго Округа, такъ, что граница шла отъ устья Сестры черезъ юго-западную часть Кексгольмской области въ Каянебургской. Тогдашній договоръ уцѣлѣлъ въ Шведскомъ Государственномъ Архивѣ и напечатанъ Портаномъ въ его Syllog. Monumentorum (см. Лерберг. Untersuchungen, стр. 232). — Шведы назвали крѣпость Орѣховъ, Орѣховецъ или Орѣшекъ, Нетеборгомъ, то есть, перевели сіе имя на свой языкъ.

(256) См. выше, примѣч. 201, и Т. III, примѣч. 186. Кн. Щербатовъ думалъ, что Устюгъ принадлежалъ Новугороду. Никон. Лѣт. прибавилъ отъ себя: „докончаша миръ по старинѣ „и выходъ (дань) давати по старинѣ въ Орду."

(257) См. Троицк. Лѣт. Въ Новогород.: „Погребоша „его Митр. Петръ и Архіеп. Моисей (Новогородскій), и Твер. „Еписк. Варсонофій, и Ростовск. Прохоръ, и Рязан. Еписк. Григорій въ Суб. 1 поста" (т. е. Великаго).

(258) Никон. Лѣт. несправедливо говоритъ, что Іоаннъ по убіеніи Георгія ѣздилъ въ Орду. Онъ и въ 1325 и въ 1326 году находился въ Москвѣ (см. Троицк. и Воскр. Лѣт.). Іоаннъ Даніиловичь дѣйствовалъ тогда въ Ордѣ единственно чрезъ своихъ друзей. — Далѣе: „Приде изъ Орды Князь Олександръ, и Та„тарове съ нимъ должници, и много бысть тяготы на Ни„зовской земли:" см. выше, примѣч. 246. Далѣе: „Мѣс. Сент. 15 „убиша въ Ордѣ два Князя, Дмитрея Мих. Тферьского, да Князя „Александра Новосильскаго одиного дни, на одиномъ мѣ„стѣ, на рѣцѣ Кодраклѣ." Я не знаю сей рѣки. Городъ Новосиль, какъ мы уже сказали, былъ Удѣломъ Черниговскихъ Владѣтелей, въ землѣ Вятичей; а Родоначальникомъ Князей Новосильскихъ и Бѣлевскихъ сынъ Михаила Черниговскаго, Семенъ Глуховскій.

(259) О семъ прозваніи Димитріевомъ сказано единственно въ Родословныхъ Книгахъ. — Димитрій женился на Гедиминовой дочери въ 1320 году. Епископъ Варсонофій вѣнчалъ его въ церкви Св. Спаса (см. Никон. Лѣт.).

(260) Никон. Лѣт. говоритъ, что Димитрій убилъ Георгія въ надеждѣ на отмѣнную милость Узбекову; что Ханъ, казнивъ Димитрія, гнѣвался на всѣхъ Князей Тверскихъ, называя ихъ своими врагами и крамольниками, однакожь, не смотря на то, посадилъ Александра Михайловича на Великое Княженіе. Узбекъ безъ сомнѣнія не поступилъ бы такъ, если бы считалъ Александра врагомъ своимъ. — Въ Новогород. Лѣт.:

„Въ лѣто 6835 бысть мятежъ въ Новѣгородѣ; и пограбиша „дворѣ Остафьевъ Дворянийцевъ и пожгоша весь." — См. договорную грамоту Александрову въ Архивѣ Иностр. Кол. No 15. Тамъ сказано: „А кто будетъ купилъ села въ всей волости Новго-„родьской при дѣдѣ моемъ Ярославѣ и при Васильи (Яросла-„вичѣ), при Димитрій, при Андреи (Александровичахъ) и при „отци моемъ при Михайлѣ и при Князи при Юрьи (Даниловичѣ), „при Дмитріи (Михайловичѣ), кто будетъ даромъ отъ-„ялъ или сильно, а то пойдетъ бесъ кунъ къ Новугороду." Слѣдственно Новогородцы по отъѣздѣ Георгія въ Орду признавали Димитрія Михайловича своимъ Княземъ? — Далѣе: „што „продано Княжихъ волостій до Велика дни (Пасхи), а што „будетъ не продано по Велицѣ дни, то по цѣлованію повѣдати." Здѣсь видимъ, что грамота писана уже въ 1327 году передъ Пасхою: ибо Димитрій убитъ въ Сент. 1326. — Далѣе: „а свиньи „ти, Княже, гонити за 60 верстъ около города; а въ той „шестидесять Новгородцю гонити докладая Князя, а далѣ куды „кому годно:" то есть, вокругъ города на 60 верстъ быть кабановъ одному Князю, а Новогородцамъ безъ его позволенія тамъ не ловить; далѣе же всякому вольно ѣздить на охоту. — На свинцовой печати изображенъ Спаситель и Св. Александръ, держащій въ одной рукѣ копье, а въ другой щитъ.

(261) Такъ имя его написано въ харатейныхъ Новогород. и Троиц.; а не Щелканъ.

(262) Пріѣхавшихъ туда изъ города Хопыля, котораго не знаемъ. — Никон. Лѣт. сказываетъ, что Твериmяне однихъ убили, другихъ сожгли.

(263) Андрей Ярославичь Суздальскій, братъ Александра Невскаго, имѣлъ трехъ сыновей: Юрья (бездѣтнаго), Михайла (княжившаго въ Новѣгородѣ Нижнемъ) и Василія. — Далѣе: „Присла „Князь Олександръ послы къ Новгородцемъ, хотя бѣчи въ Нов-„городъ; и не пріяша его. Того же лѣта присла Князь Иванъ „Даниловичь Намѣстники своя въ Новгородъ, а самъ иде въ Ор-„ду." — Далѣе: „Новгородъ ублюде Богъ и Св. Софья.... присла-„ша послы Татарове, и даша имъ Новгородци 2000 (рублей?) се-„ребра, и свои послы послаша," и проч.

(264) Въ Троицк. и Новогород. сказано, что Моголы тогда же убили сего Князя; а въ Воскресен. и другихъ прибавлено: „въ Ордѣ." Никон. Лѣт. говоритъ еще объ убіеніи Князя Василія Рязанскаго.

(265) Длугошъ, Hist. Pol. кн. X, стр. 117: Inter septemtrionales populos obscurissimi (Литовцы), Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videatur ad tantam eos felicitatem, sive per fini-

timorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere. Сей Историкъ справедливо удивляется, какимъ образомъ бѣднѣйшій изъ народовъ сѣверныхъ, едва извѣстный, и долговременнымъ рабствомъ униженный, могъ такъ возвеличиться, что покорилъ Россіянъ, которые будто бы господствовали надъ ними около тысячи лѣтъ.

(266) См. выше, примѣч. 176. Вопреки Стриковскому, называющему Витена Вельможею Тройдена, современный Историкъ Нѣмецкаго Прусскаго Ордена, Петръ Дузбургъ, сказываетъ, что Витенъ былъ сынъ и наслѣдникъ Литовскаго Князя Лутевера, владѣвшаго еще въ 1291 году: Lutuwerus Rex Lethoviae hoc anno filium suum *Vithenum* cum exercitu misit (см. его Chron. стр. 323). Стриковскій называетъ Гедимина сыномъ Витеновымъ: такъ сказано и въ нѣкоторыхъ Русскихъ лѣтописяхъ (см. Воскресенск. Лѣт. I, 49). Но Длугошъ, современникъ правнука Гедиминова, пишетъ, что сей Великій Князь Литовскій, бывъ Конюшимъ у своего Государя, умертвилъ его и похитилъ власть: Erant Gedimino, qui in Litvanos longo tempore dominatione rapta, et justo Principe, apud quem Stabulatus officio fungebatur, occiso, imperium exercuerat, septem filii, и проч. (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Могъ ли Длугошъ, человѣкъ извѣстный, выдумать басню, столь оскорбительную для чести Королевскаго рода? Другіе наши Лѣтописцы говорятъ согласно съ Польскимъ Историкомъ, что Гедиминъ былъ Конюшимъ Витеновымъ, прибавляя слѣдующее: „Во плѣненіе безбожнаго Царя Батыя избѣжалъ отъ плѣна его нѣкій Князецъ, „именемъ Витянецъ (Витенъ), рода Полоцкихъ Князей, и вселися въ Жомотѣ (Самогитіи или Жмуди) у нѣкоего бортника „(пчельника), и поятъ у него дщерь въ жену себѣ и пребылъ съ „нею 30 лѣтъ бездѣтенъ, и убіенъ бысть громомъ; и по„слѣ Князя Витянца поятъ жену его рабъ его Конюшецъ, име„немъ Гедименикъ, и роди отъ нея 7 сыновъ“ (см. Родословную Велико-Россійскаго Государства, писанную въ Ярославлѣ въ 1668 году, въ Синодал. Библ. подъ No 461, и Ростовск. Архивск. лѣтопись въ концѣ о Князьяхъ Литовскихъ).

(267) Длугошъ Hist. Polon. кн. X, стр. 60, и Хрон. Стриков. кн. XI, гл. 3, и кн. XII, гл. 3 и 7. По старинному Русскому переводу: „Ольгердъ же аще еще при житіи отца окрестился ради „жены, но свѣжій черепъ смраднаго тука напився, древнимъ „злосмрадіемъ смердяше.“ Въ нашихъ Родословныхъ сказано, что Явнутъ или Евнутій Гедиминовичь женился на Княжнѣ Витеоской, Ольгердъ же на Полоцкой. — Стриковскій именуетъ

Князя Владимірскаго, отца Любартовой супруги, Агапіи (или Бучи по Родословнымъ Яблоновскаго), Владиміромъ: въ нашихъ письменныхъ Родословныхъ Книгахъ (Синодальн. библіот. № 461, л. 104) сказано только: „а Любарта принялъ Волынскій „Князь во всю землю Волынскую, и женился у него, и достался „ему Володиміръ и Луцкъ."

(263) Харатейный подлинникъ сей грамоты, писанной къ В. Магистру Карлу Бефферту, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ подъ No 462. Вотъ она (безъ всякихъ поправокъ въ буквахъ и знакахъ препинанія):

Magnifico Domino — и проч. — Magistro. Generali. ceterisque. fratribus. eiusdem. professionis. in Prussia. Andreas. et Leo. Dei gracia Duces. totius terre. Russie. Galicie et Lademirie. salutem. et post. huius. vite. militiam. in celestibus. triumphare. cum inter honorabiles. viros. vestros. predecessores. Magistrum. acque, fratres, Pruscie. ex una parte. nostrosque, serenissimos. progenitores. ex altera. dileccionis. insignia, ac mutue promocionis beneficia. viguerunt. delectat. et nos. vobiscum. eodem caritatis vinclo. uniri. ac sincera amicicia federari. maxime. cum honorabilis. Religiosus. vir. frater Sygehardus. de Swarzburch. consanguineus noster. dilectus. antiquam antiquorum. amiciciam. nobiscum duxerit innovandam. prout. in instrumentis et paccionibus. super hoc confectis. plenius est expressum. nos volentes. utique exemplo. progenitorum. nostrorum. vobis adesse. sincera amicicia. et favore. et de amiciciis. federacionibus. et pace. inter nos. conceptis. a diebus diutinis. nichil. omnino. diminuere. sed pocius. volente Domino. habundancius ad augere. ceterum. terras vestras. fideliter premunire. curabimus. pre Tataris. dummodo nobis. constiterit. et ab hostili. quolibet. invasore. insuper. vobis. ac omni vestro populo. ad omnem. dileccionem et ad cuncta. beneplacida. promocionis et favoris. existimus debitores. Jn cuius. rei testimonium presentes. scribi iussimus. nostrorum sigillorum munimine solidatas. Actum et datum in Lademiria. anno Verbi Incarnati M. CCC. XVI. in vigilia S. Laurencii (1316 года, Авг. 10). Привѣшены двѣ большія вощаныя печати: одна Георгіева или Юріева (см. выше, примѣч. 204), а другая съ изображеніемъ воина, держащаго копіе; вокругъ звѣзды, луна и крестъ; на оборотѣ левъ.

— Содержаніе сего письма есть то, что Андрей и Левъ, Божіею милостію Князья всей земли Русской, Галиціи и Лодомиріи (земли Владимірской), слѣдуя системѣ предковъ, заключаютъ миръ съ Орденомъ, по содѣйствію Зиггарда Шварцбургскаго, ихъ родственника, и даютъ слово предохранять владѣнія Прусскія отъ Татаръ. Зиггардъ былъ Коммандоромъ въ Бирглау; а по чему названъ родственникомъ Андрея и Льва, не знаемъ.

(269) Стриковскій пишетъ, что Князь Владиміръ — между тѣмъ, какъ граждане отражали Литву отъ стѣнъ — привелъ Татаръ.

(270) Романъ Михайловичь Брянскій намъ извѣстенъ; но здѣсь или говорится о другомъ или явный анахронисмъ: ибо сей Романъ умеръ еще въ XIII вѣкѣ. Послѣ него княжили въ Брянскѣ Святославъ и Василій, умершій въ 1314.

(271) Стриковскій говоритъ, что Станиславъ именовался Самодержцемъ; что въ Житомирѣ находилось много Дворянъ Кіевскихъ, и проч. Далѣе пишетъ, что Князь Рязанскій, не имѣвъ дѣтей, кромѣ дочери Ольги, уступилъ ея мужу, Станиславу, все свое Княженіе. Но въ Рязани княжилъ тогда или Ярославъ, сынъ убитаго Георгіемъ Константина, или Іоаннъ Ярославичь, убитый Татарами въ 1327 году, отецъ Іоанна Коротопола.

(272) Стриковскій упоминаетъ здѣсь о Митрополитѣ Кіевскомъ. — Вѣроятно, что Литовцы взяли Черниговъ въ одно время съ Кіевомъ, или не за-долго до того. Стриковскій прибавляетъ, что Миндовъ Голшанскій властвовалъ въ Кіевѣ до Ольгердова сына, Владиміра.

(273) Въ нашихъ Родословныхъ находятся только слѣдующія обстоятельства: „Въ лѣто 6825 (1317) Князь Великій Юрій „(или Георгій) Даниловичь Московскій пріиде изъ Орды и сѣде „на Великое Княженіе, и видѣ многіе грады запустѣвшая и людей въ нихъ мало и печалію одержимъ бѣ: по убіеніи бо Князя Михаила Всеволодича Кіевскаго и Черниговскаго разсыпашася Измаильтяне (Татары) по всей Руской земли, яко птицы „полеташа, и Христіанскій родъ овѣхъ мечи закалающе, другихъ же въ плѣнъ отвожаху, а оставшая люди гладъ и смерть „погуляша. Великій же Князь Юрьи Даниловичь разсылаше по „градомъ и мѣстомъ, веляще собрати оставшая люди; посла убо „и сего Гедименика на Волынскую землю и на Кіевскую, и объ „сю страну Менска наполнити плѣненныя грады и веси, а у „оставшихъ имати дани; и съ нимъ посла нѣкоего мужа славна, именемъ Борейка, и иныхъ множайшихъ Сей же Геди-

„меникъ бѣ мужъ храбръ зѣло и велика разума; начашъ „дани брати на людехъ и сокровища изыскивати, и обогатися „зѣло, и собра къ себѣ множество людей, и дая имъ нескудная „потребная, и начашъ владѣти многими землями, и назвася „отъ нихъ Великій Князь Гедиминъ Литовскій первый, несо-„гласіемъ Великихъ Князей, Руских Государей, и межусобными „браньми" См. Ярославскую Родословную въ Синод. библ. No 461 и въ концѣ Ростовск. Архив. Лѣт. о Князьяхъ Литовскихъ. Сіи извѣстія, писанныя въ новѣйшія времена, не имѣютъ исторической достовѣрности. Обстоятельство, что Гедиминъ былъ отправленъ послѣ 1317 года Княземъ Георгіемъ Даніиловичемъ для учрежденія порядка и для собранія даней въ Кіевской и Волынской области, есть басня. По современной лѣтописи мы знаемъ, что Гедиминъ въ семъ году уже правительствовалъ въ Литвѣ и воевалъ съ Нѣмцами (см. Дузбур. Chronicon, стр. 387); знаемъ также, что Волынія и Кіевъ не зависѣли отъ Юрія или Георгія Даніиловича Московскаго.

(274) См. ниже, и въ Новог. Лѣт. Попа Іоанна, стр. 593. При Донскомъ Гедиминовъ внукъ, сынъ Ольгердовъ, уже властвовалъ надъ областію Кіевскою.

(275) Райнальдъ. Annal. Eccles. въ добавленіи XV Т., подъ годомъ 1324: Hinc est, quod Sanctitati Vestrae insinuatione praesentium cum dolore reverentius intimamus, quod duo ultimi Principes Ruthenorum de gente schismatica, quos immediatos pro scuto inexpugnabili contra crudelem gentem Tartarorum habebamus, decesserunt ex hac luce: ex quorum interitu nobis et terris nostris ex vicinitate Tartarorum, quos decerto credimus terram Ruthenorum, nostris metis contiguam, occupare, perturbatio indicibilis imminebit. Далѣе Король требуетъ помощи отъ Іоанна, и проч.

(276) Въ Архивѣ Кенигсбергскомъ сохранились четыре грамоты Георгіевы, подъ No 684, 228, 645 и 131. Первая, 1325 года, писана къ Великому Магистру Вернеру Арсельнскому.... Nos Georgius Dei gratiae Dux Russiae promittimus ac spondemus honorabilibus Dominis, Domino Wernhero Magistro Generali in Thorun singulisque fratribus eiusdem Ordini Beate Marie deputatis, quod quemadmodum nostri progenitores felicis recordacionis Rex Daniel, seu Leo, noster atavus (собственно онъ былъ ему прадѣдъ), aut Georgius

(Юрій Львовичъ) noster avus carissimus, pacem et omnimodam caritatem cum Ordine prenominato tenere consveverunt, ita et nos non minuentes sed pocius augentes temporibus vite nostre nostra fide data in eadem concordia cupimus permanere. in cuius rei testimonium presentes fieri iussimus nostri maioris sigilli munimine roboratas. Datum et actum anno Domini MCCCXXV. Содержаніе то, что Георгій, согласно съ системою предковъ, возобновляетъ съ Орденомъ дружескую связь. — Вторая грамота писана къ Великому же Магистру Вернеру въ 1327 году изъ столицы Владимірской, in Ladimiria nostra civitate capitali: она есть повтореніе грамоты Андрея и Льва, выше нами сообщенной. Третья писана къ Вел. Магистру Лудеру, Герцогу Брауншвейгскому, изъ города Львова, въ 1334 году: Georgius ex dono Dei natus Dux et Dominus Russie salutem... Nostri Predecessores carissimi, scilicet Romanus, Daniel, Leo, Georgius et Andreas... Слѣдуютъ обыкновенныя увѣренія дружескія; но достойно примѣчанія, что Князь обязывается хранить миръ отъ имени своего и Вельможъ Галицкихъ, также и Епископа Ѳеодора: quam unionem... cum nostris Baronibus nec non commilitaribus (Дружины), videlicet Chodore Episcopo Galicensi, Temetrio Detcone, Chotkone Judice nostre Curie (Тіуна Дворскаго) Georgio Calvo, Mychahele Yelezarowicz, Alexandro Moldaowicz, Boriscone Cracula. Къ грамотѣ привѣшены 8 восковыхъ печатей, Княжеская, нами описанная, и семь именованныхъ въ грамотѣ чиновниковъ. Образъ Богоматери изображенъ на Епископовой; на другой птица, и вокругъ Русская надпись: печать Борисова; прочія истерлись.—Грамоту четвертую списываемъ здѣсь слово въ слово:

In nomine Domini amen. Quoniam omnium conditoris inconprehensibilis prouidencie altitudo non solum ob id dominos prefici voluit, vt subditis dominando predessent, sed eciam vt pacis et justicie copiam eis ministrando prodessent: eapropter nos Georgius, Dei gratia natus Dux tocius Russie mynoris, volentes litium dispendia equitatis et unionis conpendio coartare, ut per hoc zyzanie scrupulus euitari pacisque et concordie tranquillitas possit eo feruencius augmentari amicicie, pacis, concordie et federa amicabilis vnionis, cum olym cum reuerendis ac serenissimis, sacre professionis viris, ac Dominis generalibus Magistris Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theutonicorum Jerus. Terre Prussie, quibuscunque

nominibus censeantur. usque ad tempora venusti reuerendique Domini Theodorici de Aldenburk, moderni summi et generalis Magistri Ordinis Hospitalis sancte Marie domus Theut. per nostros felicis recordacionis predecessores, Reges et Principes, videlicet Romanum, Danyelem, Leonem, Georgium et Andream, inita contracta atque habita ac inuiolabili effectu prosequente seruata, nos vna cum dilectis et fidelibus nostris Baronibus militibusque, scilicet Demętrio Detkone nostro, Mychalo Yelezarowicz Pallatino Belzensi, Wascone Kudrynowicz Iudice curie nostre, Hryczkone Kossaczowicz Pallatino Premysslensi, Boriscone Cracula Pallatino Lemburgensi, Chodore Otek Pallatino de Lutzel, Chotkone filio Yeroniiri, innowamus (sic), approbamus, ratificamus et presentis scripto ammyniculo patrocinioque confirmamus, promittentes bona fide semoto omni dolo, studio, ingenio et subtilitate aliquali malis penitus pretermissis, vna cum prefatis nostris Baronibus, militibus, nobilibus terris nostrisque et hominibus, eandem fauorabilem vnionem et concordiam cum prelibato reuerendo mire professionis Dno. Theodorico de Aldenburk, moderno Magistro generali Ordinis Hospitalis supra dicti, suisque cum Conpreceptoribus, Commendatoribus, fratribus, nobilibus terrisque ipsorum et hominibus perpetuis temporibus firmiter et irrefragabiliter obseruare nec contra facere aliqualiter antvenire, et vt hec maneant inconwulsa et semper integra, roburque obtineant perpetue firmitatis ac nowitatis wultum assumant, presentes scribi fecimus et nostro ac predictorum nostrorum Baronum sigillis communiri. Datum et actum in Wlademiria, anno Incarnacionis Domini millesimo trecentesimo trecesimo quinto, tredecimo Kalendas Nowenbris, in vigilia undecim milium sanctarum virginum. То есть: „Во имя Божіе... Аминь. Зная, „что непостижимое Провидѣніе Творца всяческихъ поставило „Государей не только для властвованія надъ людьми, но и для „того, чтобы они были орудіями мира и правды, мы Георгій „Божіею милостію природный Князь всей Малой Россіи, „желая посредствомъ истины и согласія отвратить раздоры, „искоренить плевелы зла, утвердить тишину мира и друже-

„ства, совокупно съ нашими любезными и вѣрными Боярами, а „именно съ Димитріемъ, нашимъ дядькою, Михаиломъ Елеазаровичемъ, Воеводою Бельзскимъ Василькомъ Кудриновичемъ, Тіуномъ Двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ, Воеводою Перемышльскимъ — Борисомъ Кракулою, Воеводою Львовскимъ — Ходоромъ (Ѳеодоромъ) Отекомъ, Воеводою Луцкимъ, и Хотькомъ Еромировичемъ, возобновляемъ, „одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты всѣ ненарушимые договоры, заключенные нашими предшественниками, блаженныя памяти Государями и Князьями Романомъ, Даніиломъ, Львомъ, Георгіемъ (Юріемъ), Андреемъ, съ „почтенными, свѣтлѣйшими Господами, Великими Магистрами „Ордена Нѣмецкаго Святыя Маріи въ землѣ Прусской (какого „бы имени они ни были) до времени почтеннаго Господина „Дитриха Алтенбургскаго, нынѣшняго Великаго Магистра, „обѣщаясь, вмѣстѣ съ упомянутыми Боярами и людьми земли „нашея, хранить вѣчно и ненарушимо, безъ всякаго обмана, „коварства и хитрости, союзъ дружбы съ Г. Дитрихомъ Алтенбургскимъ, Великимъ Магистромъ, съ его собратіями и „Коммандорами: въ удостовѣреніе чего велѣли мы написать „сію грамоту, и приложили къ оной нашу и выше-упомянутыхъ „Бояръ печати. Дано въ Владимірѣ, въ 1335 году отъ воплощенія Христова, 13 Календъ Ноября (по нашему Окт. 20) на „память 11,000 Святыхъ Дѣвъ." Къ хартіи привѣшена Княжеская и шесть другихъ восковыхъ истертыхъ печатей.

(277) Папа Іоаннъ XXII въ письмѣ своемъ къ Французскому Королю, писанному въ 1323 году, говоритъ: Gedimen, qui se Regem Lethoviae et Ruthenorum intitulat. См. Райнальд. Ann. Eccl. T. XV, годъ 1323, No 19. Въ нашихъ лѣтописяхъ называется онъ первымъ Великимъ Княземъ Литовскимъ. Тамъ же сказано, что Вильна была уже во XII вѣкѣ (см. выше, примѣч. 103). Длугошъ называетъ ее древнимъ городомъ, основаннымъ еще предками Литовскаго народа, которые будто бы вышли изъ Италіи, и названнымъ такъ по имени ихъ вождя: Ibi primum oppidum Vilno, quod et in hanc diem caput genti est, ex nomine Vili Ducis, quo authore et Italiam deserverant, et regiones illas ingressi fuerant, condidere (Hist. Pol. кн. X, 118). Стриковскій повѣствуетъ слѣдующее: „Гедиминъ, завоевавъ Россійскія Княжества, „жилъ въ Керновѣ; но построивъ городъ Троки, названный „такъ отъ множества звѣрей убитыхъ и второченныхъ „на семъ мѣстѣ Гедиминовыми охотниками, перенесъ туда „свой престолъ. Въ другой разъ, забавляяся ловлею на берегахъ „Вили, покрытыхъ тогда густыми лѣсами, онъ со всѣмъ Дво-

„ромъ пріѣхалъ къ устью Вилни, гдѣ предки его издревле сожи-„гали тѣла мертвыхъ, и гдѣ курились жертвы идоламъ за ду-„ши усопшихъ. Тамъ Гедиминъ собственною рукою убилъ тура, „на горѣ, которая и донынѣ зовется Туровою. Рога сего звѣря, „обложенные золотомъ, долго хранились въ Княжеской сокро-„вищницѣ. Витольдъ обыкновенно пилъ изъ нихъ на пирахъ и „подарилъ одинъ въ 1429 году Королю Венгерскому, Сигизмунту, „во время славнаго съѣзда Государей и Князей въ Луцкѣ. Уснувъ „на Туровой горѣ, Гедиминъ видѣлъ во снѣ огромнаго волка въ „желѣзныхъ латахъ, ревущаго такъ сильно, что голосъ его „повсюду раздавался, какъ сто волчьихъ голосовъ или болѣе. „Главнымъ жрецомъ Литовскимъ былъ тогда Лиздейко, найде-„нышъ Витеновъ, оставленный родителями въ гнѣздѣ орли-„номъ, или, какъ другіе сказываютъ, въ богатой колыбели среди „густаго лѣса: онъ растолковалъ Князю, что сонъ его пред-„знаменуетъ славу города, коему надлежало быть на семъ мѣ-„стѣ. Гедиминъ послушался жреца и немедленно построилъ на „горѣ крѣпость, а внизу, на кривой долинѣ, городъ дере-„вянный съ башнями; назвалъ его Вильною отъ рѣки Вильни, „переѣхалъ туда жить въ 1322 году со всѣми Боярами и скоро „украсилъ великолѣпно." Обстоятельства баснословны; но глав-ное, что Вильна основана Гедиминомъ, можетъ быть справед-ливо. По достовѣрнымъ историческимъ памятникамъ намъ из-вѣстно, что сей городъ въ 1323 году былъ уже его столицею: грамота Гедиминова, данная Нѣмцамъ для свободной торговли въ Литвѣ (см. ниже, примѣч. 279), писана въ Вильнѣ: Datum Vilna, anno Domini 1323.

(278) См. Райнальд. Annal. Eccles. XV, 1324, No 48. *Повторяя слова Гедиминовы*, Іоаннъ въ отвѣтѣ своемъ пишетъ къ нему: Subnectens, quod tu nequaquam Christianos impugnas tanquam fidem velis destruere Christianam, sed defendis te ab inimicis tuis, ut faciunt Reges et Principes alii Christiani; et quod Praedicatorum et Minorum Ordinum fratres tecum habes, quibus commisisti et licentiam dedisti liberam, ut baptizent, praedicent et informent Christianum populum et etiam infideles, ut ad omnipotentem Deum et Dominum convertantur.... Paratus es nobis in omnibus, sicut caeteri Reges catholici, obedire.... Asseris, unum esse Deum Patrem, et Filium et Spiritum Sanctum.... Tu et alii Principes omnes et Barones regni tui perseverantes laudabiliter in

praemissis, и проч. Далѣе говорится объ условіи, чтобы Папа доставилъ ему миръ съ Орденомъ. Рыцари, прекративъ войну съ Литовцами въ 1323 (Райнальд. Annal. Eccles. No 20), въ слѣдующемъ году опять начали ее (см. Дузбург. стр. 399 и 400). Раздраженный Гедиминъ сказалъ посламъ Римскимъ: Papam vestrum nec novi, nec nosse cupio; fidem ac religionem, quam paterna traditione accepi, in ea permanebo, certans pro illa a sanguine usquo ad mortem (см Кранца Wandal. кн. VIII, гл. 9, и Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1324, No 52).

(279) См. Дреер. Specim. juris publici Lubec. стр. 183, и Коцеб. Gesch. Preuss. II, 354. Подлинникъ упомянутой грамоты, писанной въ 1323 году, находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Нѣмецкіе Ученые — зная, что Гедиминъ умеръ язычникомъ — торжественно объявили ее подложною: ибо сей Князь говоритъ въ ней языкомъ Христіанина; на примѣръ: omnia regna subiacent coelesti regi Jesu Christo — anno Domini — ipso die Corporis Christi — и на печати его изображены Ангелы. Но сіи Господа не заглянули въ Церковную Исторію Райнальдову (см. выше, примѣч. 278), которая объяснила бы имъ сію загадку и доказала бы истину грамоты. Гедиминъ велъ переписку на Латинскомъ языкѣ съ Папою, исповѣдывалъ Троицу, признавалъ Духовную власть выше мірской, и казался совершеннымъ Христіаниномъ. Іоаннъ XXII полагалъ, что сей хитрый лицемѣръ могъ быть уже и крещенымъ: baptismi, qui nondum illo forsan renati estis, purificari, и проч. (см. письмо Іоанна въ Райнальд. г. 1324, No 49). Въ Гедиминовой грамотѣ сказано, что онъ писалъ къ Папѣ, требовалъ отъ него крещенія и Легатовъ, ожидаетъ ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ, покровительствуетъ Монаховъ Францисканскихъ и Доминиканскихъ: quorum vita laudabilis et probata est; alium nolumus accessum, qui de cenobiis faciunt latronum refugium et elemosinam vendunt in detrimentum animarum. Все согласно съ его письмами, извѣстными намъ по Іоаннову отвѣту (см. выше). — Въ началѣ грамоты Князь пишетъ, что предки его издревле дозволяли Любекскимъ и другимъ купцамъ ѣздить свободно черезъ Литву въ Новгородъ и Псковъ, но что сіи купцы не думали изъявить за то благодарности: nullus vestrorum veniens, aut canis ex parte eorum referens grates de perceptis! „Впрочемъ" (говоритъ онъ) „не бойтесь: что обѣщаю, то исполню, и еще болѣе сдѣлаю." Далѣе: Ex regali dono damus Iam in presenti carta nostram terram liberam esse sine theoloneo et exactione angariarum et parangariarum omnibus mercatoribus, militibus, vasallis, quos dotabo redditibus unicuique suam secundum

dignitatem, fabris, sutoribus, carpentariis, lapicidis, in arte salis peritis, pistoribus, argentariis, balistariis, piscatoribus cujusque conditionis veniant cum liberis, uxoribus et jumentis intrent et exeant secundum placitum... Agricolis, nostrum regnum intrandi commorandique volentibus, damus et concedimus ad decem annos colere libere absque censu, et medio tempore ab omni opere regio sint exempti, termino praedicto expirato etiam secundum terrae fertilitatem dabunt decimam (*десятину* по тогдашнему обыкновенію), prout in aliis regnis vel propriis dare consueverunt, ita tamen quod nobiscum plus exuberabit granum, quam in aliis regnis est consuetum. Iure civili utantur Rigensis civitatis et omnibus privilegiis... Ut igitur securieres vos reddamus, duas ecclesiae Fratrum Minorum, unam in civitate nostra regia Vilna dicta, et aliam in Novgardis habemus erectas, et tertiam Fratrum Praedicatorum, и проч. Писано къ городамъ Любеку, Ростоку, Штральзунду, Грипсвальду, Штетину, и къ Готландцамъ. Сего-то Князя называли въ Европѣ quovis ethnico peius, monstrum biceps, ludibrium naturae abominabile, violatorem iuris gentium et legum naturalium, antichristi praecursorem! См. Руссет. Supplement au Corps diplomatique T. I. Ч. II, стр. 100, и въ Дреер. Specim. J. P. Lubec. стр. 309. — На печати Гедиминовой, кромѣ Ангеловъ, изображенъ человѣкъ сидящій на престолѣ и держащій въ правой рукѣ корону, а въ лѣвой скипетръ, съ подписью: Sigillum Ged: Dei grac. Lethwinor. et Ruthenor. Reg.

(280) Въ Новог. Лѣт.: „пріѣхаша послы изъ Литвы, братъ „Гедиминовъ, Воинъ, и Полотскый Князь Василій и Миньскый „Князь Ѳедоръ Святъславичь, и докончаша миръ съ Новгородци „и съ Нѣмци“ (Ливонскими). О Россійскихъ частныхъ Князьяхъ въ тогдашней Волыніи см. Длугош. кн. IX, стр. 1088.

Случаи сего времени, о коихъ мы не упоминали въ Исторіи: Въ 1319 году, Дек. 11, родился у Князя Ивана Даніиловича сынъ Данило. — Въ 1320, Маія 30, скончались Князья Борисъ Даніиловичь (погребенный въ Владимірѣ, въ церкви Богоматери) и Ростовскій Юрій Александровичь. Жители выгнали изъ Ростова нѣкоторыхъ злыхъ Татаръ. Женились (по Никон. Лѣт.) Князь

Александръ Михайловичь и Константинъ Михайловичь Тверскіе; вторый въ Костромѣ, и былъ вѣнчанъ въ церкви Св. Ѳеодора. Приходилъ (по Никон. Лѣт.) изъ Орды въ Владиміръ Узбековъ посолъ Байдера и сдѣлалъ много зла. — Въ 1321, Іюня 26, въ 3 часу дня, было затмѣніе солнца: „и бысть яко молодъ мѣсяць „двою день, и по единомъ часѣ паки наполнися.“ Зимою преставился Ярославскій Князь Давидъ, сынъ Ѳеодора Чернаго. Александру Михайловичу Тверскому (по Никон. Лѣт.) родился сынъ Левъ. — Въ 1323 умерла Царица Узбекова Баялынь. Апрѣля 21 убили въ землѣ Болгарской (или Казанской) за Вѣру Спасителеву какого-то Христіанина Ѳеодора (названнаго въ Никон. Лѣт. Іерусалимскимъ гостемъ и Философомъ). Преставился (по Никон. Лѣт.) бывшій Тверскій Епископъ Андрей въ своемъ монастырѣ на Шеши у Св. Богородицы, а на другой день Епископъ Варсонофій отпѣлъ его въ храмѣ Спаса и положилъ въ малой церкви Введенія. Совершена въ Твери каменная церковь Св. Ѳеодора, созданная и богато украшенная какимъ-то Цареградскимъ Игуменомъ Іоанномъ. — Въ 1324 достроена Новогородская кам. церковь Христова и освящена Архіеп. Давидомъ. Ханъ Узбекъ (по Никон. Лѣт.) посылалъ Князей воевать Литву; они возвратились съ плѣномъ. — Въ 1325, Февр. 5, преставился Новогород. Архіеп. Давидъ и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи, подлѣ Климента. На его мѣсто избрали Новогородцы бывшаго Юрьевскаго Архимандрита Моисея, жившаго тогда въ обители Св. Богоматери на Коломнѣ. „Взведоша его „на сѣни“ (т. е. въ домъ Архіепископскій)... „и поѣха къ Митрополиту ставиться на Москву, и привезоша при немъ Князя „Великаго Юрья изъ Орды.“ Была (по Никон. Лѣт.) великая засуха. — Въ 1326, Марта 30, Князю Іоанну Даніиловичу родился сынъ Іоаннъ. Во Вторникъ на Вербной недѣлѣ возвратился въ Новгородъ Архіепископъ Моисей. „Авг. 28 (въ Новѣгородѣ) загорѣся на Бояни улкѣ и погорѣ до половины Роганиици, а Славкова улица отъ Дмитрія Св. и до поля, и церкві (церковь) Св. „Климента сгорѣ.“ Постриглась (по Никон. Лѣт.) Великая Княгиня Марія: не супруга ли Димитрія Михайловича? — Въ 1327, Іюля 4, родился у Князя Іоанна Даніиловича сынъ Андрей. Архіепископъ Новогород. Моисей построилъ церковь Рождества Богоматери въ Десятинѣ.

(281) См. Троицк. и Никон. Лѣт. — О состояніи Орды см. Абульгази Hist. des Tatars.

(282) См. ниже, примѣч. 302. Никон. Лѣт. говоритъ, что Ханъ далъ Іоанну, кромѣ Великаго, еще многія иныя Княженія: какія же?

(283) См. Степен. Кн. I, 419, и Никон. Лѣт. Св. Петръ началъ жить въ Москвѣ или съ 1326 года или еще ранѣе. Онъ скончался Декабря 20. Его погребалъ Ѳеодосій Епископъ Лучскій. — Прохоръ, Епископъ Ростовскій, освятилъ церковь Успенія въ 1327 году, Авг. 14. — Ѳеогностъ пріѣхалъ изъ Царяграда въ 1328 году. Въ Никон. Лѣт.: „иде изъ Кіева въ Володимерь и въ „славный градъ Москву къ Чудотворцеву гробу Петрову, и въ „его дворцѣ нача жити."

(284) „Новогородци послаша отъ себе Ѳеодора Колесницу „къ Царю."

(285) См. Синод. Лѣтоп. подъ No 349, л. 60, и Никон. Лѣт. — Въ Новог. Лѣт. Попа Іоанна: „посла Князь Иванъ (въ 1328 „году) свои послы, а Новогородци отъ себе Владыку Моисея," и проч. Тамъ говорится только объ одномъ посольствѣ къ Александру. Іоанновъ посолъ въ другихъ лѣтописяхъ названъ Бояриномъ Лукою Протасьевымъ.

(286) Въ Псков. Лѣт.: „того же лѣта, еще при Князѣ „Александрѣ, Шолога Посадникъ съ Псковичи и съ Изборяны „поставиша градъ Изборескъ на горѣ на Жоравьи;" а въ другихъ лѣтописяхъ (Синодал. библ. No 349, л. 60): „поставиша „Изборескъ каменъ городокъ на Жеравѣ горѣ."

(287) Въ Псков. Лѣт.: „а хоженія его (Іоаннова) отъ Новагорода до Опоки три недѣли, не хотя разгнѣвати Псковичь." Нынѣшній городъ Опочка совсѣмъ не на пути отъ Новагорода ко Пскову: здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ. — Далѣе: „Александръ отъиде въ Литву (не въ Ливонію), а Княгиню „свою ту оставивъ. Тогда бяше въ Псковѣ туга и печаль... За- „не бяше Александръ добротою и любовію по сердцу Пськовичемъ."

(288) Въ лѣтописяхъ: „вложи окаянный врагъ Діаволъ злую „мысль Княземъ Рускымъ взыскати Князя Александра," и проч.

(289) „Того же лѣта (1329) убиша въ Юрьевѣ Новогородско- „го посла, Ивана Сыпа.... Той же зимы Князи Устюжскіе изби- „ша Новогородцевъ, кои быша пошли на Югру."

(290) См. Псков. Лѣт. Въ Новогород.: „Плесковичи из- „мѣнили крестное цѣлованіе къ Новугороду, посадили себѣ Кня- „зя Александра изъ Литовскія рукы.... Въ то же время (въ „1331 году) пріидоша послове изъ Плескова отъ Князя Алексан- „дра и отъ Гедимина послове, и отъ всѣхъ Князей Литовскыхъ „къ Митрополиту, и приведоша Арсенія, хотяще его постави- „ти.... Пострижеся въ Скиму Архіеп. Моисей (въ 1330 году) по „своей волѣ, и много молиша его Новгородци, дабы сѣлъ пакы „на своемъ столѣ, и не послуша, нъ благослови весь Новгородъ,

,,сице рекъ: изберите мужа достойна... Новгородци же пребыша ,,безъ Владыки 8 мѣсяць, и взлюбиша Григорія Калѣку, Іерея ,,бывша Свв. Козмы и Даміана на Холопіи улици, и повелѣша ,,ему пріяти Ангельскій образъ, мѣсяца Генваря, и нареченъ ,,бысть Василій.... Пріидоша (въ 1331 году) послове отъ Митро- ,,полита изъ Волынской земли, Θедоръ и Семенъ, на Страстной ,,недѣли, зовуще Василія къ Митрополиту на поставленіе... ,,Мѣсяца Іюня, на память Рожества Іоанна, пойде къ Митропо- ,,литу, а съ нимъ Бояре Кузьма Твердиславль, Варѳоломей Ос- ,,тафьевъ, Тысячкого сынъ, и пакы пришедшимъ имъ въ Воло- ,,димерь Волынскій, и створиша праздникъ свѣтелъ, и поставиша ,,его на память Св. Апост. Тита. Тогда явись на небеси звѣзда ,,свѣтла надъ церковію... Постави его Θеогностъ; а Владыкъ ,,тогда бѣ Григорій Полотьскій, Аѳанасій Володимерскій, Θедоръ ,,Галицкій, Марко Перемышлевскый, Іоаннъ Холмовскый..... Ар- ,,сеній съ Плесковичи посрамленъ бысть, и прочь пойде на Кіевъ ,,на память Симеона Столпника. А Василій въ тоже время пой- ,,де съ своими Бояры. Яко пришедшу ему къ Черьнѣгову, и ту ,,пригнася Князь Θедоръ Кыевскы съ Баскакомъ Татар- ,,скимъ въ 50 человѣкъ разбоемъ, и Новогородци остерегошась, ,,и стаща доспѣвъ противу: мало ся зло не учини промежу ими; ,,а Князь въспріемъ срамъ, побѣже прочь; а отъ Бога казни не ,,убѣжа: помроша бо у него кони. А Владыка пойде на Брянескъ, ,,и пріиде въ Торжокъ на память Св. Акепсимы, и ради быша ,,Новоторжци; а въ Новѣгородѣ печальни быша, зане же вѣсти ,,не бяше, нъ вѣсть бяше сица: яко Владыку Литва изымали, а ,,дѣти его избиша... Приде Владыка въ Новгородъ мѣс. Дек. на ,,память Св. Потапія, въ день Недѣльный, при Князѣ Иванѣ, при ,,Посадницѣ Варѳоломеи, при Тысячскомъ Остафіи." — Въ Вос- кресен. Лѣт.: ,,Владыка Василій пойде отъ Митрополита ,,на Кіевъ вборзѣ, бояся Литвы. Митрополитъ же посла за Вла- ,,дыкою съ грамотою слугу своего, река: отпустилъ на васъ ,,Князь (Гедиминъ) 300 Литвы, а велѣлъ поимати васъ. Они жь ,,убѣжаша, и пріидоша подъ Черниговъ, и ту пригна Князь Θео- ,,доръ Кіевскій... Даша Новгородци окупъ съ себе; а Ратслава, ,,Протодіакона Митрополича, изымавъ въ Кіевъ повели, а чрезъ ,,цѣлованье" (т. е. въ противность данной клятвѣ). — Никон. Лѣт. вымыслилъ, что съ Архіепископомъ было 600 человѣкъ; что Митрополитъ осыпалъ Князя Θеодора укоризнами за его разбой, и проч.

(291) Іоаннъ ѣздилъ къ Хану въ годахъ 1328, 1331 (вмѣстѣ съ Константиномъ Михайловичемъ Тверскимъ), 1333, 1336 и 1339. Оставляемъ Князю Щербатову угадывать особенную причину

каждаго путешествія. — Въ Новогород. Лѣт.: „Вел. Князь „Иванъ пріиде изъ Орды (въ 1332 г.) и възверже гнѣвъ на Нов„городъ, прося у нихъ серебра за-Камскаго." О серебрѣ Сибирскомъ см. сей Исторіи Т. III, примѣч. 88. — Далѣе: „Пріи„де Князь Иванъ въ Торжекъ съ всѣми Князи Низовскими и съ „Рязанскими, и присла въ Новгородъ, и сведе Намѣстникы, а „самъ сѣде въ Торжку отъ Крещеніа и до Сбора" (второй недѣли Вел. поста) „тереня волости Новгородскія. И послаша Нов„городци послы... Архимандрита Лаврентіа, Θедора Твердислав„ля и Луку Валфромеева... и онъ не послушалъ, и пакы прочь „пойде... Того же лѣта послаша Владыку Василіа къ Князю Ве„ликому съ мольбою, и пришедъ къ нему въ Переяславль съ Те„рентіемъ Даниловичемъ и съ Даниломъ Машкиничемъ, и дава„ша ему 500 рублей," и проч. Никон. Лѣт. говоритъ, что Ханъ прислалъ тогда посла Саранчюка, съ коимъ Іоаннъ отправился въ Орду.

(292) „Тое же зимы (въ 1333) приведена бысть Князю Семе„ну Ивановичу Княжна изъ Литвы, именемъ Литовскимъ Айгу„ста, и крестиша ю, и наречена бысть Настасіа; и бысть бракъ „великъ на Москвѣ," и проч. Щербатовъ думалъ, что Анастасія была дочь Кестутія Гедиминовича; но Стриковскій пишетъ, что Кестутій имѣлъ двухъ дочерей, выданныхъ имъ за Князей Мазовецкихъ. Въ Польскомъ Титуларникѣ названа Симеонова супруга дочерью Гедимина (см. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи Миллерово собраніе рукописей, бумажникъ подъ заглавіемъ Polonica).

(293) Въ Воскресен. Лѣт.: „Гедиминъ изыма ихъ на ми„ру, и въ такой тяготѣ слово право дали сыну его Нариманту „пригороды Новогородскіе въ вотчину и дѣдину." Въ Новогород. Лѣт. нѣтъ о томъ ни слова.

(294) „Въ семъ же лѣтѣ (1333) вложи Богъ въ сердце К. „Наримонту, въ крещеніи Глѣбу, и присла въ Новгородъ," и проч. Далѣе: „и послаша Новогородци по него Григоріа и Алек„сандра... и пріиде въ Новгородъ м. Октября," и проч. Въ прибавленіи къ нашимъ Родословнымъ Книгамъ находится слѣдующее: „Преставися К. В. Гедиминъ, и по немъ сѣде на В. „Княженіи сынъ его другій, Наримантъ, и бысть тому „брань со иноплеменники, и впаде въ руцѣ ихъ; и въ то время „бывшу Вел. Князю Ивану Даниловичу въ Ордѣ, и выкупилъ К. „В. Нариманта у Татаръ, и отпустилъ его на В. Княженіе въ „Литву. Онъ же, не дошедъ своя отчины, крестися по своему „обѣщанію, и нареченъ бысть Глѣбъ. И того ради братія его и „вся земля Литовская не даша ему В. Княженіе, но сяде на

„оном братъ его Ольгердъ. Князь же Наримантъ отъиде въ „Великій Новгородъ; взяша бо его Новгородцы на пригороды." Сія повѣсть есть басня: Наримантъ никогда не бывалъ Великимъ Княземъ Литовскимъ, и еще при жизни отца господствовалъ въ Удѣлѣ Новогородскомъ. Ни Стриковскій, ни современные наши лѣтописцы не говорятъ также, чтобы Наримантъ былъ плѣненъ Татарами и выкупленъ Іоанномъ.

(295) См. Новог. Лѣт. — Умалчиваю о догадкахъ Кн. Щербатова.

(296) „Въ лѣто 6840 (1332) въсташа коромолници въ Новѣ„городѣ и отъяша Посадничество у Ѳеодора у Ахмыла, и даша „Захаріи Михайловичю, и пограбиша дворъ Семена Судокова, а „брата его Селифонта села пограбиша..... (въ 1335) Богъ не „далъ кровопролитіа промежи братіею," и проч.—Далѣе: „ста„ша прочаа чадь (въ 1337) на Архимандрита Есипа, и сътвориша „Вѣче, запроша Есипа въ церкви Св. Николы, и сѣдоша около „церкви нощь и день кромольници стрегуще его: да аще кто „подъ другомъ яму копаетъ, самъ впадется вню."

(297) Въ Новогород. Лѣт.: „Той же зимы В. К. посла„ратъ на Двину за Волокъ, не помлнувъ крестнаго цѣлованіа; и „тамо посрамлени быша," и проч. — Ниже упоминается о судебной десятинѣ: мы знаемъ, что во XII вѣкѣ Новогородскіе Епископы получали за нее 100 гривенъ изъ казны Княжеской (см. Т. II, примѣч. 267).

(298) „Пріиму смерть здѣ, что убо ми будетъ и дѣтямъ „моимъ?.. Лишени будутъ Княженія своего."

(299) Въ Троицк. Лѣт.: „Александръ пойде въ Орду, а не „укончавъ со Княземъ съ Великимъ." По Новогород. и Воскресен. онъ поѣхалъ къ Хану въ 1337, а не 1338 году. — Въ Никон. Лѣт.: „а съ нимъ (съ Ѳеодоромъ изъ Орды) посолъ Ав„дулъ." Въ Воскресен. означенъ 1336 годъ. Въ первой лѣтописи сказано, что Александръ, по возвращеніи сына, ѣздилъ съ нимъ въ Тверь и пріѣхалъ назадъ во Псковъ: сего нѣтъ въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ.

(300) „Господине вольный Царю! аще много зла сотво„рихъ ти, но пріидохъ къ тебѣ или смерть или животъ отъ „тебе пріяти, како тебѣ Богъ извѣститъ: на все есмь готовъ. „Аще по своему Царскому величеству даси ми милость, благо„дарю Бога и твою милость. Аще ли смерти предаси ми, дос„тоинъ есмь смерти, и се глава моя предъ тобою есть," и проч. — Далѣе: „Князь Александръ пріиде изъ Орды во Тферь, „а съ нимъ послы (по Троицкой) Киндыкъ и Авдуля."

(301) Александръ говоритъ о Константинѣ: „се есть при

„кончинѣ нашей наставникъ и собратель отчинѣ нашей, о „немъ же утвердишася люди" (см. Никон. Лѣт. IV, 167). Бывшее горестное состояніе Твери описано такъ: „Костянтинъ „Мих. и Василій Мих. съ матерію ихъ и съ Бояры пріидоша во „Тферь преночивше отъ великія печали, и сѣдоша во Тфери въ „велицѣ нищетѣ и убожествѣ, понеже вся земля пуста, и быша „пустыни насилія ради Татарского; и начаша по малу збирати „люди и утѣшати, и во св. церквахъ пакы начинатесь пѣніе."

(302) Онъ былъ внукъ Андрея, большаго брата Александру Невскому. См. въ Синодальн. библіот. лѣтопись XV вѣка въ листъ подъ No 349, л. 226, гдѣ сказано даже, что Царь Узбекъ раздѣлилъ Великое Княжѣніе между Іоанномъ и Александромъ Васильевичемъ, утвердивъ Владиміръ за послѣднимъ. „Царь Озбякъ подѣлилъ имъ Княженіе: Князю Ивану Даниловичю Новгородъ и Кострому, а Суздальскому Князю А. В. Володимерь и „Поволожье; и княжилъ полтретья года. Сій Князь Александръ „изъ Володимера Вѣчьный колоколъ Св. Богородици возилъ въ „Суждаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ въ Володимерѣ; и видѣ Александръ, яко съгрубилъ Св. Богородици, и „повелѣ его пакы везьти въ Володимерь; и поставиша его въ „свое мѣсто, и пакы бысть гласъ, яко же и преже богоугоденъ. „И по смерти сего Александра пойде въ Орду К. В. Иванъ къ „Царю Албугу (Узбеку же). онъ же его пожаловалъ, и вдасть „ему Княженіе Великое надо всею Рускою землею, яко же и „праотець его Великій Всеволодъ Дмитрій Юрьевичь."

(303) См. Повѣсть о Св. Сергіи въ Никон. Лѣт. IV, 204: „Наста насилованіе много, сирѣчь Княженіе Великое Московское достизлось Ивану Даниловичю, купно же и Ростовское „къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и Княземъ „ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь, и слава; „и потягнуша къ Москвѣ, и изыде повелѣніе В. К. Ивана Даниловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ аки нѣкій „Воевода, единъ отъ Вельможъ, именемъ Василіи, прозвище Кочева, и съ нимъ Миней. Егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ „немъ, и не мало отъ Ростовецъ Москвичемъ имѣнія своя съ „нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ „со укоризною взимающе... Толико дерзновенія надъ Ростовомъ „содѣяша, яко и Епарха градскаго, старѣйшаго Боярина, именемъ Аверкія, стремглав обѣсиша и возложиша на ня руцѣ „свои, и оставиша поругана, точію жива." — — Василій Давидовичь, внукъ Ѳеодора Чернаго, названъ зятемъ Іоанновымъ въ Новогород. Лѣт. Попа Іоанна, стр. 603. Въ Родословныхъ

Книгахъ: „У В. К. Василія (Ростовскаго) дѣти Князь Ѳеодоръ, „да Князь Константинъ, а женился К. Константинъ у В. К. „Ивана Даниловича Московскаго (въ 1328 году); а оттолѣ Ростов„скихъ Князей родъ пошелъ надвое: Князю Ѳеодору досталася „Стрѣтенская сторона, а Константину Борисоглѣбская сторо„на." Ѳеодоръ Васильевичъ скончался въ 1331 году, Марта 28.

(304) Сія свобода Бояръ доказывается слѣдующими мѣстами, находящимися въ духовной Іоанна Даніиловича и договорной грамотѣ его внука, Димитрія Ивановича, съ братомъ (см. ниже, или въ Древн. Рос. Вивліоѳ. I. 56 и 77): „1) далъ есмь Борису Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити село „будеть за нимъ; не иметъ ли служити, село отоимуть. — 2) „А который Бояринъ поѣдеть изъ кормленья отъ тобе ли ко „мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому да„ти кормленье по исправѣ." — Въ Родословныхъ Книгахъ, въ описаніи рода Левашовыхъ: „Пріѣхалъ изъ Нѣмецъ во Псковъ „Нѣмчинъ Доль, а отчина его была городъ Вдовъ (Винду), и съ „нѣмъ и во Псковъ пришелъ, да и крестился во Псковѣ, а во „крещеніи имя ему Василей, да поставилъ во Псковѣ церковь „Василей Святый у Трупорѣховскихъ воротъ, а изо Пскова пріѣ„халъ во Тверь къ Князю Александру Михайловичю, и былъ во „Твери у Александра знатный Бояринъ."

(305) Въ Новогород. Лѣт.: „ходи К. В. Иванъ въ Орду, „его же думою приславше Татарове позваша Александра, Ва„силія Давидовичь Ярославскаго и всѣхъ Князей въ Орду." Въ Никон. Лѣт.: „Царю Азбяку много клеветаша нѣцыи на „Князя Александра, и уши Царевы наполниша многіе горести. „Царь же Азбякъ, призвавъ единаго отъ слугъ своихъ, именемъ „Истрочея, и глагола: иди въ Русь, и призови ми Князя Але„сандра," и проч. А Татищевъ пишетъ, что Александръ, будучи въ Литвѣ и въ Нѣмецкой землѣ, многимъ тамошнимъ Вельможамъ обѣщалъ дары и не сдержалъ слова; что они поѣхали къ Хану и старались оклеветать сего Князя.

(306) Въ Новогород. Лѣт.: „Александръ послалъ бѣ „прежде себе въ Орду сына своего Ѳедора, ча(я) оттолѣ вѣсти; и „присла по него Царь, и пойде въ Орду." Никон. Лѣт. говоритъ, что Ѳеодоръ извѣстилъ отца о гнѣвѣ Ханскомъ, но что Александръ на все рѣшился. Тамъ же: „мати же его и Бояре, и „гости, и Житейскіе мужи унимаша его много." Имя Житейскіе означало то же, что люди Житьи или прежде Огнищане въ Новѣгородѣ (см. Т. I, примѣч. 36 и 146). Далѣе: „братъ его, Князь Василей Михайловичь, съ Бояры и слугами „проводиша его до Святославля поля," и проч.

(307) „Князь Романчукъ Бѣлозерскій." Князь Щербатовъ думалъ, что это не имя, а прозваніе или отчество; но Романчукъ есть уменьшительное Романа, такъ же, какъ Василько Василія, и проч. „у Романа Михайловича, пишетъ Щербатовъ, было по Родословнымъ два сына, Ѳеодоръ и „Василій:" итпъ, въ Родословныхъ сказано, что Романъ умеръ бездѣтенъ, а Ѳеодоръ и Василій были сыновья брата его, Ѳеодора Михайловича. Отецъ Романовъ въ 1277 году женился на дочкѣ Василія Давыдовича Ярославскаго, дочери Ѳеодора Чернаго.

(308) Въ Троицк.: „и розоймани быша по суставомъ." — Никон. Лѣт. расплодилъ описаніе послѣднихъ минутъ Александровыхъ, сообразуясь съ повѣстію о кончинѣ отца его; именуетъ двухъ убійцъ сего Князя Берканомъ и Черкасомъ, и проч.

Сыновья Іоанновы Симеонъ, Иванъ, Андрей, пріѣхали къ Хану въ началѣ осени, а Князь Тверскій былъ казненъ въ исходѣ Октября. — Въ Никон. Лѣт.: „Бояре и слуги, вземше тѣлеса ихъ, повезоша на Русь; и срѣтше ихъ въ Володимерѣ Митрополитъ, и пѣвше надъ ними надгробное пѣніе, отпустиша „ихъ. Братія же Князь Костянтинъ и Василей срѣтоша ихъ въ „Переславлѣ, тожъ и Гаврилъ Епископъ Ростовскій и Ѳедоръ „Епископъ Тверскій, и тамо надгробное пѣніе совершиша, и отпустиша во Тверь; и тамо у Св. Михаила срѣтиша ихъ гражданъ, и вземше ихъ на главы своя, понесоша во градъ, и внесоша въ церковь Св. Спаса. Мати же его, и братія, и Княгиня „его съ дѣтьми, и весь градъ плакашася горько. И тако Тверское Княженіе доконца оскудѣ," и проч. Гробы сихъ Князей уже неизвѣстны. — Въ Никон. Лѣт. К. Стародубскій Ѳеодоръ названъ Іоанновичемъ, а въ Родослов. Книгахъ Михайловичемъ: „у Князя Ивана Всеволодича" (дяди Александра Невскаго) „сынъ „Иванъ Калисигапъ, а Княжъ Ивановъ сынъ Князь Михаило, а „у Князя Михайла сынъ Князь Ѳедоръ, прозвище ему Благовѣрной, убитъ въ Ордѣ отъ Царя."

(309) См. Никон. Лѣт.

(310) Далин. Gesch. des Schw. R. II, 314, 326, и Райнальд. Annal. Eccl. г. 1336, No 10. Пишутъ, что Новогородцы въ тотъ же походъ отняли стадо лосей у Шведскихъ Лапландцевъ, которые собралися близъ Каппивара (Käppivare) на горѣ, обливъ ее водою въ жестокіе морозы; пустили оттуда множество бревенъ на Россіянъ и побили великое число людей. — Папа Іоаннъ пишетъ къ своимъ Легатамъ: Infideles pagani, Carelli videlicet et Rutheni, regnis Norvegiae, Sueciae ac Gociae propinqui, adeo regna ipsa, praesertim Norvegiae praedictum sibi vicinius, et degentes Christocolas in eodem per rapinas, incendia, strages varias, captiones, incarcerationes, depopulationes,

et tam locorum sacrorum, quam aliorum dirutiones, et alios, incursus hostiles multiplices hactenus, и проч.

(311) Сей трактатъ выписанъ Бишингомъ изъ Датскаго Архива и напечатанъ въ Histor. Magaz. III, 177. Отъ имени Новагорода цѣловали крестъ Архіепископъ Моисей, Посадникъ Варѳоломей и Тысячскій Евстафій (Borgravius Olphormoy и Dux Asophius), о коихъ упоминается и въ нашихъ лѣтописахъ сего времени (см. Новогород. Лѣт. стр. 178 и 179). Слѣдующія мѣста достойны замѣчанія: „Въ возстановленіи древнихъ границъ полагаемся (мы Новогородцы) на Бога и на совѣсть Короля Магнуса... Гости или купцы Норвежскіе могутъ свободно ѣздить въ Новгородъ и Санлокъ (Sanlocke), которого жители участвуютъ въ семъ мирѣ.... Переводчикомъ трактата былъ Верникинъ... Писано въ Новѣгородѣ 1326 года, Іюня 3.“ — Въ Новогород. Лѣт.: „Той же зимы (1337) Корела, подведши Нѣмець, побиша Русь, Новогородцевъ много и Ладожанъ гостей, и кто жилъ Христіанъ въ Корелѣ; а сами побѣжали въ Нѣмецькый городокъ, и потомъ много посѣкоша Христіанъ изъ Нѣмецскаго города. — Той же весны (1338) ходиша Новогородци съ Посадникомъ Ѳеодоромъ въ Неву, и стояша подъ Орѣховымъ съсылающеся послы съ Воеводою Нѣмедскимъ съ Стенемъ, и не бысть миру, но такъ възвратишась Новогородци въ Новгородъ. Воеваша Нѣмци съ Корелою много по Обонѣжію; послѣди же и Ладогу пожгоша, пригонивше посадъ; нъ города не взяша. Потомъ ходиша молодци Новогородстіи съ Воеводами и воеваша Городецкую (Выборгскую) Корелу Нѣмецкую, и много попустошиша земли ихъ, и пріидоша вси здравіи. Того жь лѣта приходиша Нѣмци изъ городка воевати на Толдогу (близъ Ладоги), отполѣ идяху на Вотскую землю“ (гдѣ нынѣ Ораніенбаумъ) „и не взяша ничто же: остерегли бо ся бяху, и пакы вышедъше Копорьяне съ Ѳеодоромъ Васильевичемъ, и биша я, и убиша ту Михаила Копорьянина, мужа добра, а подъ Ѳеодоромъ конь раниша; а они вышли бахуть вмалѣ... Той же зимы присласла послы изъ Нѣмедска городка изъ Выбору о миру въ Новгородъ отъ Петрика Воеводы, рекуще, яко Князь Свѣйскій того не вѣдаетъ, что учинися розмиріе съ Новымгородомъ, нъ то подѣялъ Стенъ Воевода о своемъ умѣ. Новогородци же посласла Козму Твердиславичь и Олександра Борисовичь посольствомъ, и привезоша миръ, по тому, что докончали съ Вел. Кн. Юрьемъ въ Невѣ; а про Коболитьскую Корелу послати къ Свѣйскому Князю. — Послаша Новогородци (въ 1339 году) Кузму Твердиславля и Олександра Борисовичь съ другы, а отъ Владыкы сестричича его Матвѣа за море къ Свѣйскому Князю

„посольствомъ, и наѣхаша его въ Мурьманской земли въ городѣ „въ Людвли (см. Далин. Gesch. Schw. II, 350), и докончаша миръ „по старымъ грамотомъ," и проч.

(312) Ряска есть нынѣ село между Могилевымъ и Мстиславлемъ. Осѣчену надлежало быть тамъ же. Въ описаніи древней Россіи имена сихъ двухъ городовъ стоятъ рядомъ (см. Воскр. Лѣт. I, 22).

(313) „Мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ „Божіимъ."

(314) „Ко Князю же Ивану послаша Сильвестра Волошевичь и Ѳеодора Аврамова съ выходомъ (Ханскою данію). Князь „же присла послы свои, прося другова выхода: а еще дайте „ми запросъ Царевъ, чего у мене Царь запрошалъ."

(315) „Того же лѣта приде ратью съ Татары Князь Дмитрей Брянскій къ Смоленску на Князя Ивана Александровича, „и бишася много, и взяша миръ." — Щербатовъ признаетъ сего Димитрія братомъ Іоанна, т. е. Александровичемъ, ссылаясь на Родословныя Книги; но это сомнительно. Лѣтописи упоминаютъ только о двухъ сыновьяхъ Александра Глѣбовича, Василіи и Іоаннѣ (см. Никон. Лѣт. III, 105). Въ печатной Родословной Книгѣ (II, 43) сказано: „Пришелъ изъ Смоленска Князь Александръ - Всеволодъ Глѣбовичь; у него 3 сына: Дмитрей, Володимеръ, Иванъ. Дмитрей да Володимеръ были Воеводы „у Великаго Князя Дмитрея на Дону." Сіи Александровичи, вышедшіе въ Москву съ отцемъ около временъ Мамаевыхъ, не могли быть сыновьями владѣтельнаго Смоленскаго Князя Александра Глѣбовича, умершаго еще въ 1313 году (см. Никон. Лѣт.).

(316) Увидимъ, что любимый сынъ Гедиминовъ, по смерти отца изгнанный братьями, искалъ убѣжища въ Смоленскѣ.

(317) О Князьяхъ Ѳоминскихъ сказано въ Родословныхъ Книгахъ, что они происходятъ отъ Константина Юрьевича, коего отецъ, Князь Юрій Святославичь Смоленскій, въ 1404 году былъ изгнанъ изъ своего владѣнія Гедиминовымъ внукомъ, Витовтомъ, и что сынъ Константиновъ, Ѳеодоръ, женился на второй супругѣ Симеона Іоанновича, сына Калитина, по разводѣ ея съ Великимъ Княземъ. Это явная нелѣпость: могъ ли Ѳеодоръ Константиновичь жениться около 1350 года, когда дѣдъ его въ XV вѣкѣ княжилъ въ Смоленскѣ? Что Ѳоминскіе выѣхали изъ Смоленска, тому вѣрю; но не сынъ Юрія Святославича былъ ихъ родоначальникомъ, когда о сихъ Князьяхъ упоминается еще въ 1340 году. — Князья Друцкіе должны быть потомками древнихъ Владѣтелей Кривскихъ или Полоцкихъ. — Иванъ Ярославичь

Юрьевскій безъ сомнѣнія происходилъ отъ Всеволода III, хотя и не знаемъ, отъ чьего колѣна. Святославъ Всеволодовичь и сынъ его Димитрій княжили въ Юрьевѣ около половины XIII вѣка; наслѣдники Димитріевы неизвѣстны.

Въ лѣтописяхъ: „Князь Великій послалъ же свою рать съ „Товлубьемъ къ Смоленску по Цареву повелѣнью, а отпустилъ“ — слѣдуютъ имена Князей — „а съ ними Воеводу Александра „Ивановича и Ѳеодора Акинѳовича; и стоявши рать у Смоле- „ска не много дней, и отступивъ пойде прочь; милостію же „Божіею соблюдена бысть вся рать Руская, и ничимъ же невре- „жена.“ Только въ Никон. Лѣт. сказано, что соединенные Князья Россійскіе, Мордовскіе и Татары выжгли посады Смоленскіе, разграбили села, и проч.

(318) Іоаннъ скончался въ 1340, а не въ 1341 (см. Лѣт. Новогород. и Троицк.). Лѣта сего В. Князя знаемъ единственно по тому, что отецъ его родился въ 1261, а старшій сынъ, Симеонъ, былъ въ 1333 году семнадцати лѣтъ.

(319) Въ Степенной Книгѣ I, 406: „Злодѣйственныхъ „разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ „земли своея.“ — Въ словѣ о житіи Димитрія Донскаго, въ его время сочиненномъ, сказано: „Бысть внукъ православнаго Князя „Ивана Даниловича, събрателя Русской земли.“

(320) „Того жь лѣта (1339) убьенъ бысть Князь Козельскій „Андрей Мстиславичь отъ своего братанича, отъ Пантелеева „сына, отъ оканнаго Василья, мѣс. Іюля въ 23.“ (По Родословн. Книгамъ у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, а у Мстислава Андрей, или Андреянъ; первымъ же Козельскимъ Княземъ названъ Іоаннъ Титовичь, внукъ Мстислава Карачевскаго. О Пантелеймонѣ не упоминается.)

„Царь послалъ (Товлубія) ратью къ Смоленску, а съ нимъ „Князь Иванъ Коротополъ Рязанскій; и пріидоша въ Переяславль „въ Рязанскій, а Князь Александръ Михайловичь Пронскій „пошелъ былъ въ Орду ко Царю съ выходомъ, и стрѣтивъ его „Коротополъ, има его, да пограбилъ, а самаго привелъ въ Переяславль, и ту убьенъ бысть Кн. Александръ отъ своего брата.“ (Князь Щербатовъ назвалъ Александра Михайловича сыномъ Кира Михаила Пронскаго, современника Всеволода III; въ такомъ случаѣ Александръ имѣлъ бы около ста-тридцати лѣтъ!).... „Тое же зимы злые коромольницы Бряньцы, сшедшеся Вѣчемъ, убиша Князя Глѣба Святославича Дек. въ 6 день; „бѣ же въ то время въ Дебрянскѣ и Митрополитъ Ѳеогностъ, „и не возможе унятии ихъ.“ Сей Глѣбъ Святославичь долженъ быть сыномъ Святослава Глѣбовича (забытаго здѣсь

Щербатовымъ) и двоюроднымъ братомъ Іоанна Александровича Смоленскаго. Въ Брянскѣ княжилъ Димитрій (см. выше, примѣч. 315): увидимъ его и послѣ тамошнимъ Княземъ.

(321) См. Ядро Рос. Исторіи. Я нашелъ современное свидѣтельство сего Іоаннова прозвища. Въ Синодальной библіотекѣ подъ No 551, въ четв. листа, есть харатейный Требникъ съ слѣдующею подписью Ѳеогноста Митрополита: „Книга „рекомая Потребникъ переведена съ моей келейной книги Гре„ческой, зовомыя Эвхологіонъ, на Руской языкъ, по прошенію „моему грѣшному, по повелѣнію же Великаго Князя Іоанна Да„ниловича, по реклу Калиты; и азъ грѣшный Ѳеогностъ сію „книгу сводилъ съ своею, съ нея же велѣлъ переводити, и она „во всемъ добра и право переведена: того дѣля и рукою моею „грѣшною на сей книгѣ написалъ есми въ лѣто отъ створенія „міра 6837, а отъ по плоти Рождества Христова 1329, Мѣсяца „Августа въ 27 день." Признаюсь однакожь, что сія подпись кажется мнѣ сомнительною, то есть, новѣйшею временъ Ѳеогностовыхъ.

(322) „Въ лѣто 6841 (1333) Князь Великій созда церковь ка„мену на Москвѣ Св. Архангела Михаила, одиного лѣта и почата „и кончана, а священа бысть Ѳеогностомъ Митроп. священьемъ „великимъ Сент. въ 20 день." Отецъ и братъ Іоанновъ, Георгій, по сказанію Лѣтописцевъ, были погребены также въ храмѣ Св. Михаила, но въ деревянномъ. Далѣе: „Въ лѣто 6837 (1329) „Маія 21 основана бысть на Москвѣ церковь камена во имя Св. „Ивана Лѣствичника (въ Никон.: еже есть подъ колоколы); „того жь лѣта и свершена и священа бысть Сент. въ 1 день." На мѣстѣ ея находится славная колокольня Ивана Великаго. — „Того жь лѣта создана бысть церковь во имя Св. Апостола Пе„тра поклоненью честныхъ его веригъ на память отца Макси„ма. — Въ лѣто 6838 (1330) Мая въ 10 день Князь Великій зало„жи церковь камену во имя Св. Спаса Преображенья близъ сущу „своего двора, и нарече быти ту монастырю.... И приведе пер„ваго Архимандрита, именемъ Ивана, мужа сановита суща, ра„зумна же и словесна сказателя книгамъ, иже за его добродѣ„тель поставленъ бысть Епископомъ Ростову... Глаголютъ же „нѣцыи отъ древнихъ старецъ, яко перьве бѣ Князь Данило Алек„сандровичь сію Архимандритію имѣаше у Св. Даніила за рѣ„кою" и проч. Въ Степен. Книгѣ прибавлено слѣдующее: „Древній же монастырь Даниловскій и погостъ и села и все на„слѣдіе вручи Вел. Князь Архимандриту Св. Спаса, да вкупѣ оба „монастыря подъ единымъ началомъ устрояются. Многимъ лѣ„тамъ минувшимъ, старый монастырь Даниловскій оскудѣ не-

„радѣніемъ Архимандритовъ Спасскихъ, яко ни слѣду Монасты-„ря познаватися; токмо едина церковь оста, и прозвася мѣсто „то сельцо Даниловское. Монастырь же Св. Спаса пре-„бысть на Царскомъ Дворѣ до лѣтъ Вел. Князя Ивана Василье-„вича. Сей Самодержецъ паки изъ града Москвы преведе той „монастырь и постави на новомъ мѣстѣ надъ Москвою рѣкою, „на горѣ Крутицѣ обонъполъ, отъ древняго яко зрѣимо едино, „иже нынѣ зовома есть великая обитель Спасъ на Новомъ; „во градѣ же на Дворѣ Царскомъ у церкви Христова Преобра-„женія устроенъ бысть Соборъ мірскихъ Іереевъ и Протопоп-„ство.“ См. выше, примѣч. 189. Въ Степен. Книгѣ, I, 408: „во едину отъ нощій почивающу ему (Іоанну) на ложѣ своемъ, „внезапу потоpжеся цѣпь у двери ложницы его, и глаголъ слы-„шася: се старецъ пріиде! а не видѣ никого же глаголю-„щаго, и уразумѣ Вел. Князь, яко сбытся ему прорѣченіе Чудо-„творца Петра, и скоро воставъ, оставляетъ вся, и въ мона-„стырь отходитъ Преображенія, въ немъ же и Мнишескаго об-„раза сподобися воспріяти, и съ миромъ къ Богу отыде.“

Въ лѣтописяхъ: „На туже зиму, Ноября 25 (г. 1339), зало-„женъ градъ Москва дубовый, а кончаша на весну въ Великое „говѣнье.“ — Въ Троицк.: „погорѣ (въ 1331 году) Мая въ 3 „день городъ Кремникъ на Москвѣ.“ И такъ названіе Крем-ля не есть Татарское, а происходитъ отъ кремня; Дѣтин-цемъ же называли внутреннюю крѣпость или замокъ отъ имени Дѣтскихъ (см. Т. I, примѣч. 510) или Отроковъ, ко-имъ поручалась ея защита. — Второй пожаръ былъ въ 1337 году, Іюня 13; церквей сгорѣло 18. О голодѣ сказано въ Троицкой: „въ лѣто 6840 (1332) бысть меженина велика въ землѣ Русьской, „дороговь и гладъ хлѣбный и скудота всякаго жита; сію же „дороговь нѣціи глаголютъ рослую рожы“ не для того ли, что сжатая рожь проросла въ копнахъ отъ дождей?

(323) Такъ говоритъ Діаконъ Тимоѳей Каменевичъ-Рвовскій въ сочиненіи о древностяхъ Россійскихъ, писанномъ его соб-ственною рукою и хранящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No 529, кн. I, Т. 2, л. 517. Вотъ точныя слова его: „На устіи „славныя Мологи рѣки древле были торги великіе, даже и до „дній грознаго Господаря Василія Васильевича Темнаго, усми-„рившаго Русскую землю всю отъ разбоевъ правдою скипетро-„державства своего, и во время его, прежде Шемякина суда, „бывшаго на него Государя (см. сей Исторіи Т. V, примѣч. „338), сребро съ торговъ тѣхъ въ пошлинахъ сбирали и вѣсили. „Пріѣзжали торговать купцы многихъ государствъ Нѣмецкихъ „и Польскихъ, и Литовскихъ, и Грецкихъ, и Римскихъ — гла-

„голюнъ же и Персидскихъ и иныхъ земель. И тогда во пре-
„многихъ ямахъ Холопскихъ (городка Холопьяго и Моложскихъ
„товары своя драгія тѣ иностранные купцы и гости клали, и
„питія преузорочная и красная виноградная и прочая сокровища
„вся содержали и надъ ними торговали. Нынѣ же то наше ку-
„печество Моложское раздѣлися по инымъ торгамъ, къ славно-
„му городу Архангельскому, тажъ и на Свинскую предбывшую
„славную ярманку, потомъ и Желтоводскую (Макарьевскую), и
„въ весь Ехонскую, и на Тихвину Новгородскую и по инымъ;
„той же Моложской превеликой и первой старой торгъ разно
„развідеся. Рѣка же та великая Молога полна судовъ бѣла въ
„пристани своей на устіи широкомъ, яко по судамъ тогда безъ
„перевозовъ преходили людіе рѣку ту Мологу и Волгу на лугъ
„Моложскій, великій и прекрасный, иже иматъ во округъ свой
„7 верстъ. Сребра же того пошлиннаго пудоваго по 180 пудовъ
„или по 70,000 (рублей?) и болши собираху въ казну Вел. Князя,
„яко же бывшіи тогда въ памятъ свою намъ о семъ повѣдаша,
„яже отъ отецъ своихъ слышаша. Тогда же на Мологѣ 70
„кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали же безъ
„розъѣздовъ по четыре мѣсяцы всѣ купцы и гости." — Каменевичь писалъ въ 1699 году, слѣдуя древнему преданію. Онъ былъ родомъ Москвитининъ, а жилъ въ Угличѣ. Герберштейнъ (Rer. Moscov. Comment. стр. 42 и 57) еще упоминаетъ о славной ярмонкѣ Холопьяго городка (см. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 458).

(324) Въ родословной Годуновыхъ сказано, что Захарія выѣхалъ при Митрополитѣ Ѳеогностѣ, а крестилъ его Петръ Митрополитъ: но Петра уже не было на свѣтѣ, когда пріѣхалъ Ѳеогностъ въ Россію. — Въ Родословныхъ Книгахъ: „Ѳедоръ Бяконтъ
„пришелъ изъ Чернигова къ Вел Князю Ивану Даниловичу, да
„былъ у него Бояринъ, и Москва за нимъ была; а у него 5 сы-
„новъ: большой Алексѣй Чудотворецъ," и проч. Нѣтъ: сей Вельможа былъ въ Москвѣ еще при отцѣ Іоанновомъ (см ниже, примѣч. 367).

Въ Архив. Ростов. Лѣт. л. 310 и 312: „Того же лѣта
„(1332) по званію Великаго Князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто
„отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ Вельможъ служити, Родіонъ
„Несторовичь, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же Кня-
„жата и Дѣти Боярскія и двора его до тысящи и до семи
„сотъ. Князь же Великій пріятъ его съ радостію, и даде ему
„Болярство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство,
„и даде ему въ вотчину пол-Волока Ламскаго, а другая быстъ
„половина Новогородская. По лѣтѣ же единомъ Родіонъ сосла
„Посадника Новогородскаго Микулу и приведе весь (Волокъ) къ

„Великому Князю. Великій же Князь даде ему село въ об-
„ласть кругъ рѣки Восходни на 15 верстахъ. Въ тѣ же поры
„бысть на Москвѣ Болярипъ Акинеѳъ Гаврилович, и не восхотѣ
„быти подъ Родіономъ въ меньшихъ, и отбѣжа во Тферь, и съ
„нимъ дѣти и внуцы его, а меньшаго своего внука остави во
„дворѣ своемъ, и найдоша его въ челядкѣ: бѣ бо 3 дни какъ ро-
„дился; того ради прозваша его Михайло Челядня... Того же
„лѣта (1333) Князь Тферскій отъя у Великаго Князя волость
„Вѣюлки отъ Переяславскаго города, понеже наученъ бысть
„Акинеомъ.... Того же лѣта (1337) подведе рать многу Акинеѳъ
„на Вел. Князя подъ Переяславль и осади его во градѣ: бѣ бо
„тогда Іоаннъ со Княгинею въ Переяславлѣ, а граду малу су-
„щу и не тверду. Акинеѳъ же стоя 3 дни, и не возможно бяше
„Вел. Князю собрати войска. Въ четвертый же день приспѣ
„Родіонъ съ войскомъ, и посла къ В. Князю отъ своихъ домоча-
„децъ вѣрныхъ Свербея и Сарачю, и идоша нощію во градъ скво-
„зѣ полки Тферскія, и сказаша, яко Родіонъ приспѣ и ста отъ
„града за 5 верстъ, а съ нимъ его Дворъ и иніи вои, мало чи-
„сло... Іоаннъ же тое же нощи отосла къ Родіону Сарачю, а
„Свербея у себя остави, и повелѣ заутра ополчася пріити со-
„зади на Тферичь, а самъ заутра же высла весь свой Дворъ... и
„соступишася, а Родіонъ приспѣ созади на Тферичь; и бысть
„сѣча зла, и поможе Богъ Великому Князю... а самаго Акинеа Ро-
„діонъ рукама своима уби, и главу его, взоткнувъ на копіе, при-
„везе къ Іоанну, и рекъ: се, Господине, твоего измѣнни-
„ка, а моего местника глава. Вел. Князь Боярина своего
„одаривъ и почтивъ, рече, яко подобаетъ ти и всегда у мене
„начальникомъ быти.“ Сія повѣсть есть новѣйшая вставка въ
Ростовскую лѣтопись. Сраженіе съ Акинеомъ подъ городомъ Пе-
реславлемъ было не въ 1337, а въ 1304 (см. выше, стр. 159).
Тогда Іоаннъ не былъ еще Великимъ Княземъ. Въ 1337 году и
супруги его уже не было на свѣтѣ (см. ниже). Но главное про-
исшествіе вѣроятно, и Квашнины, потомки Родіоновы, описы-
ваютъ оное въ своей челобитной, поданной ими въ 1576 году
Царю Іоанну Васильевичу, говоря, что Акинеѳъ бѣжалъ отъ Ка-
литы къ Князю Михаилу Ярославичу Тверскому (убіенному
въ 1319 году). Сія челобитная находится въ Архивѣ Иностран-
ной Коллегіи, въ Миллеровомъ собраніи рукописей, въ бумажни-
кѣ подъ заглавіемъ: древнѣйшія дипломатическія из-
вѣстія, No 13.

(325) „На туже зиму (лѣта 6839), Марта 1, преставися
„Княгиня Великая Ивнова, именемъ Елена, въ Черницѣхъ и въ
„Схимѣ, и положена бысть въ церкви Св. Спаса.“ Сія грамота

(напечатанная въ Собраніи Госуд. Грамотъ, I, 31) писана въ 1328 или 1331 году (см. выше, примѣч. 291, и Воскр. Лѣт. II, 302 и 306), то есть, прежде Елениной кончины, но уже во время Іоаннова Великокняженія: ибо на приложенной къ ней серебряной, вызолоченной печати (съ изображеніемъ Іоанна Предтечи и Спасителя) вырѣзаны слова: „печать Великаго Князя „Ивана." Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: „А изъ городскихъ „волостей даю своей Княгинѣ осмничее, А тамгою и иными „волостьми" — т. е. иными доходами городскихъ или Московскихъ волостей — „подѣлятся сынове мои. Тако же и „мыты, которыя въ которомъ уѣздѣ, тѣ тому; а оброкомъ медовымъ городскимъ Васильцева вѣданья подѣлятся сынове мои." О сборѣ осмничемъ упоминается нѣсколько разъ въ завѣщаніяхъ Княжескихъ; напримѣръ, въ духовной Димитрія Донскаго (см. Т. V). „Тамга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей по„ловина, а сыномъ моимъ половина; а осмничее мои два жеребья „Княгинѣ моей". Въ чемъ состоялъ сей доходъ, не знаемъ: потому и назвалъ его общимъ именемъ оброка. Далѣе: „А числь„ныя люди, а тѣ вѣдають сынове мои собча... а что мои люди „купленыя въ великомъ свертцѣ" — т. е. описанные въ большомъ свиткѣ — „а тыми ся подѣлять сынове мои." Въ договорной грамотѣ Димитрія Донскаго съ братомъ его Владиміромъ сказано: „а численыхъ людій блюсти ны съ одиного, а зе„мель ихъ не купити." Симъ именемъ означались люди свободные и владѣльцы. — Далѣе: „Два чума золота:" отъ сего стариннаго имени ковша остались теперь слова чумакъ, чумичъ, чумичка. — „Поясъ съ капторгами:" родъ застежекъ. — „Блюдо ѣздниньское, два блюдца меньшія.... Коць великій съ бармами:" не коверъ, какъ думалъ Кн. Щербатовъ, а мантію Княжескую (см. выше, примѣч. 43). — „Бу„гай соболій съ наплечки.... Два кожуха съ аламы съ жемчу„гомъ." Аламами назывались наплечья съ застежками. — Въ имени Марьи стерлись нѣкоторыя буквы; видно только М — Р — Ѳ. — Здѣсь въ первый разъ употреблено имя Дьяка въ смыслѣ Секретаря. У Грековъ названіе Diakonos, у Скандинавовъ Diekne, означало слугу, школьника.

(326) Свинцовая маленькая печать привѣшена къ Княжеской: на ней изображены два треугольника съ звѣздочками, а на другой сторонѣ, кажется, буквы Татарскія. Она могла быть чиновника Ханскаго или Баскакова. — И Переславль Залѣсскій считался городомъ Великокняжескимъ, а не Московскимъ: потому взялъ его Димитрій Константиновичь Суздальскій, сдѣлавшись въ 1360 году Великимъ Княземъ. — Іоаннъ, сверхъ Коломны

и Можайска, отдалъ Симеону волости Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Иваны деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ (можетъ быть, на Севѣ Рѣкѣ) въ Похрявскомъ Уѣздѣ, Константиновское, Оринииское, Островское, Копотенское, Микульское, Малаховское, Напрудское у города (Москвы) — сыну Ивану Кремичну, Ѳоминское, Суходолъ, Великую свободу (слободу), Замошьскую, Угожъ, Ростовци, Окатьеву свободку, Скирминовское, Троспну, Нѣгучу, село Рюховское, Каменичьское, Рузьское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской свободѣ, Семцинское — сыну Андрею Наруникжское, Нивну, Темну, Голичичи, Щаповъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ, село Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарьское, Перемышльское, Битяговское, Труфоновское, Ясеновское, Коломнинское, Ногатинское — а Великой Княгинѣ Сурожикъ, Мушкину гору, Радонежское, Бѣли, Ворю, Черноголовль, на Ворѣ свободку Софроньевскую, Вохну, Дѣйково, Раменье, Данилищову свободку, Машевъ, Сѣлню, Гуслицу, село Михайловское, Луцинское, Радонежское, Дейгунинское, Тыловское, Рогожь, Протасьевское, Аристовское, Михайловское на Яузѣ, два села Коломенскія. Многія изъ сихъ деревень или селъ извѣстны и нынѣ подъ тѣми же именами. — Далѣе: „А опрочь Московскихъ селъ даю сыну своему Семену села своя купленая: село Аваковское въ Новѣгородѣ на Улалѣ, другое въ Володимири Борисовское; а что есмь купилъ село Петровское и Олексиньское, Всѣдобричь и Павловьское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ... а селця на Масѣ, что есмь купилъ у Афинея, то даю сыну своему Ивану; а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловьское у Юрьева, что есмь смѣнилъ на Матвѣищовьское село, то даю сыну своему Андрею; а что село Павловское, бабы нашее купля, и новое селце, что есмь купилъ, и Олександръ святый" (такъ называемое селеніе) „что есмь купилъ на Костромѣ, то даю Княгини своей; а что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Ворьхову... А что есмь прикупилъ селце на Кержачи у Прокофья у Игумна, другое Леонтіевское, третье Шараповское, а то даю Св. Олександру (монастырю) собѣ въ поминанье." Не только Новогородцы, но и Князья Удѣльные не хотѣли, чтобы другіе покупали села въ ихъ областяхъ. Такъ въ договорной грамотѣ Донскаго съ братомъ сказано: „а селъ ти не купити въ моемъ Удѣлѣ" (см. Рос. Вивліоѳ. I, 98). Сихъ духовныхъ грамотъ Іоанновыхъ двѣ; въ одной прибавле-

но о купленныхъ селахъ; впрочемъ все тоже, отъ слова до слова.

(327) Донскій въ завѣщаніи своемъ говоритъ: „а сына своего „Юрья благословляю куплею своего дѣда, Галичемъ — а сына „Андрея куплею же дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ — а сына Петра „куплею же своего дѣда, Углечемъ Полемъ“ (см. Рос. Виѳл. I, 103). — Константинъ Галицкій былъ родный братъ Александра Невскаго. — Въ 1339 году вмѣстѣ съ Александромъ Тверскимъ ѣздилъ въ Орду еще независимый Князь Романъ Михайловичь Бѣлозерскій.

У меня есть такъ называемый Лѣтописецъ Воскресенскаго монастыря, что у Соли, въ коемъ находятся слѣдующія обстоятельства: „Въ 1332 году выѣхали изъ Орды всѣ Князья Русскіе, и К. Семену Ивановичу досталась въ удѣлъ Кострома съ Галичемъ. К. Семенъ черезъ годъ умеръ: сынъ его Ѳеодоръ взялъ Галичь, а другой сынъ Андрей Кострому. Послѣдній женился на дочери Ветлужскаго Князя, Никиты Ивановича Байбороды. Братья, ссорясь между собою, ѣздили мириться къ В. Князю Кіевскому, также и къ Московскому, который любилъ К. Ѳеодора. Въ то время Печерскій Игуменъ Даніилъ возвратился изъ Іерусалима и далъ своего ученика, Аѳанасія, Князю Ѳеодору. Среди глубокихъ лѣсовъ, близъ Чудскаго озера на рѣкѣ Костромѣ, гдѣ жилъ пустынникомъ знатный Тверитянинъ Гавріилъ, они построили великолѣпную церковь и монастырь Воскресенія. Тамъ К. Ѳеодоръ скончался Инокомъ, оставивъ сына, именемъ Андрея, съ коими воевали дядя его, К. Андрей Семеновичь, и Ветлужскій Никита Ивановичь, нанимая Луговую Черемису, Ногаевъ, Казанцевъ; имъ помогали также Суздальскіе Воеводы, племянники Ветлужскаго или Хлыновскаго. Они въ 1375 году разорили монастырь Воскресенскій, умертвивъ Иноковъ,“ и проч. Это новая сказка. Князьями Галича были, послѣ Константина Ярославича, сынъ его Давидъ, внукъ Иванъ, правнукъ Димитрій, изгнанный оттуда Димитріемъ Донскимъ: ни Семена, ни Ѳеодора, ни Андрея, ни Ветлужскихъ, ни Хлыновскихъ Князей не бывало, и Владѣтели Галицкіе не могли тогда судиться въ Кіевѣ.

(328) Сія грамота не была нигдѣ напечатана: для того включаю оную здѣсь.

„Се азъ Князь Василей Давыдовичь Ярославскій докончалъ „есмь съ Архимандритомъ съ Пиминомъ про домъ Св. Спаса по „дѣда своего грамотѣ, пожаловалъ есмь что людей Св. Спаса въ „городѣ и въ селѣхъ, уреклъ есмь имъ на годъ два рубля давати, а не надобѣ имъ никотораяа дань, ни ямъ, ни подвода, „ни тамга, ни восмничее, ни бобровое, ни стану не чинятъ въ

„селѣхъ Спаскихъ, ни дворскаго не емлютъ, ни иного ничего не „емлютъ, ни становщикъ не въѣздитъ ни о чемъ же, ни Бе„геули мои" (пристаны: слово Татарское) „не имаютъ людей „Спаскихъ въ сторожу, ни въ корму; а судьи мои вси, Намѣст„ницы и Тіуни не шлютъ Дворянъ своихъ по люди Св. Спаса, „но шлютъ ко Игумену, а Игуменъ шлетъ по нихъ своихъ лю„дей. А что будетъ судъ Спаскимъ людемъ съ моими людми, „пріѣхавъ моему судьи въ монастырь, судити ему со Игуменомъ „въ правъдѣ по цѣлованію; а вина, посуль и пересудъ на полы, „до моего ли дойдетъ, до Спаскаго ли; а что учинится между „Спаскими людми бой, или татьба, или душегубство, или са„мосудъ, то все судитъ Игуменъ, и вину емлетъ въ домъ Св. „Спаса; а нашимъ судьямъ не надобѣ, ни Дворяномъ; а кого „перезоветъ Игуменъ изъ иные волости, то люди Св. Спаса, а „мнѣ ся въ нихъ не вступати; а кто будетъ людей моихъ Св. „Спаса въ половницы (въ работникахъ), ать потягнутъ ко мнѣ „дайью и виною, до кого что дойдетъ, а Игумену ся не вступ„пати; а что торговане на домъ Св. Спаса, крылошаномъ и „Чернцомъ, тамга, ни восмничее не надобѣ; а перевозъ и рѣки „бобровые, а то по давной пошлинѣ; а дому Св. Спаса блюсти „ми, самому не обидѣти и въ обиду не давати. А далъ есмь домъ „Св. Спаса на руцѣ отцу своему, примыслитъ ли, умыслитъ ли; „а черезъ сю грамоту кто посягнетъ на домъ Св. Спаса, и ми„лости Св. Спаса не буди на немъ." Подлинная грамота скрѣ-плена черною восковою печатью.

Въ рукописномъ собраніи Двинскихъ грамотъ (см. выше, примѣч. 206) есть двѣ Калитины: въ одной сказано: „Се язъ „К. В. пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ „на Печеру, Жилу съ други: не надобѣ имъ никоторая дань, ни „ко старостѣ имъ не тянути; и что у нихъ трепщики и най„миты; кто стражетъ на готовыхъ конехъ, а въ кунахъ" — кто работаетъ на готовыхъ конях, но за деньги — „и тѣмъ „не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути, „ни биричь ихъ не поторгываетъ" — не вызываетъ ихъ чрезъ бирючей — „не надобѣ ни кормъ, ни подвода." Въ другой: „Отъ „В. К. отъ Ивана, отъ Посадника Данила, отъ Тысяцкого Ав„рама, и отъ всего Новагорода къ Двинскому Посаднику на Кол„могоры и къ Бояромъ къ Двинскимъ. Приказалъ есмь Печер„скую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ двадцати чело„вѣкъ. А вы, Бояре Двинскіе, не вступайтеся въ гнѣздные топ„ки, ни въ мѣста; а погостъ Кергольскій и Болокъ вѣдаетъ „Михайло по пошлинѣ, како то было при моихъ дядьяхъ, и при „моемъ братѣ при старѣйшемъ", и проч.

Разные случаи Іоаннова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе: Въ 1328 году, Сент. 7, преставился Ростовскій Епископъ Прохоръ; на его мѣсто поставленъ Антоній. Юрьевъ Нѣмецкій обратился въ пепелъ; каменныя палаты разрушились, и въ домахъ сгорѣло Нѣмцевъ 2530, а Россіянъ 4 человѣка. (По Никон. Лѣт. умеръ Тверскій Епископъ Варсонофій, и было въ Новѣгородѣ землетрясеніе). — Въ 1329 „безъ „Князя и безъ Новогородцевъ загорѣся Ондрешковъ дворъ въ „Плотническомъ Концѣ и погорѣ до Св. Ѳеодора; и на той же „недѣли погорѣ Иліина улица мало не вся, и Лубяница, и церкви Св. Спаса и Св. Луки". (По Никон. Лѣт. въ 1330 году умеръ сынъ Узбековъ Темиръ, который убилъ Загорскаго Царя; отецъ весьма объ немъ печалился. Царь Узбекъ далъ милостивую грамоту Сараискому Епископу. Убитъ Великій Князь Ординскій Асанъ. Была засуха. Василій Михайловичь Тверскій женился въ Брянскѣ. Митрополитъ въ Владимірѣ Волынскомъ поставилъ Тверскаго Епископа Ѳеодора). — Въ 1331 Новогород. Архіеп. Василій заложилъ кам. стѣну отъ церкви Св. Владиміра до церкви Богоматери и Бориса и Глѣба. (По сказанію Никон. Лѣт. было затмѣніе солнца.) — Въ 1332 Новогородцы смѣнили Посадника Захарію и выбрали на его мѣсто Матвея Коску. — Въ 1333 Новогород. Архіеп. Василій „Св. Софею стороону свинцемъ поби, и великый крестъ обнови на Св. Софіи и „сволокы сня сторону, и городъ (ограду) каменны постави." Митрополитъ Ѳеогностъ возвратился въ Россію изъ Константинополя и изъ Орды. — Въ 1334 Архіеп. Василій покрылъ сдѣланную имъ ограду Софійскую. Руссовъ въ своей Ливонской Хроникѣ пишетъ, что около сего времени Магистеръ Ордена, Эбергардъ, нападалъ на землю Россійскаго Князя Сатата (Satates), друга Гедиминова, и воевалъ со Псковитянами, въ такую холодную зиму, что одинъ изъ его Рыцарей сказалъ: „если бы я „былъ Римскимъ Королемъ, то отдалъ бы половину моего Королевства за теплую горницу." Князя Сатата не знаемъ. Вѣроятно, что сія война Псковитянъ съ Орденомъ есть та самая, о коей въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается въ 1342 году.— Въ 1335 Владыка Василій заложилъ церковь Богоматери въ Звѣринцѣ, а бывшій Новогородскій Архіепископъ Моисей кам. церковь Св. Воскресенія на Деревяницѣ, основавъ при оной монастырь. Архіеп. Василій съ Посадникомъ Ѳеодоромъ Даниловичемъ, Тысячкимъ Евстафіемъ и со всѣми Новогородцами заложилъ кам. стѣну на другой сторонѣ Волхова отъ церкви Св. Илiи до Св. Павла. Сгорѣла Вологда, Витебскъ и Дерптъ. Архіеп. Василій и предмѣстникъ его довершили церкви Богома-

тери въ Звѣринцѣ и Св. Воскресенія. „Той же осени внесе ледъ „и снѣгъ въ Волховъ, и вышибе 15 городенъ (свай) великаго „мосту.“ — Въ 1336 скончался Ростов. Епископъ Антоній, а на его мѣсто поставленъ Гавріилъ. Архіеп. Новог. Василій заложилъ, Іюня 25, кам. церковь Входъ въ Іерусалимъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ прежде теремецъ. Достроили новый мостъ черезъ Волховъ. Архіеп. Василій вновь отынилъ Софійскую церковь и сдѣлалъ въ ней мѣдныя вызолоченныя двери. Сгорѣли во Псковѣ всѣ дворы и церкви за городскою стѣною.— Въ 1337, Апрѣля 12, у сына Калитина, Симеона Іоанновича, родился сынъ Василій. Сгорѣлъ Торопецъ. Новогород. церковь Входъ въ Іерусалимъ, сооруженная въ 9 недѣль, была освящена 21 Сентября Архіеп. Василіемъ. Въ Псков. Лѣт.: „придѣлаша „перси“ (часть внѣшняго укрѣпленія) „у дѣтинца, и путь „просторроннѣйшій створиша ко Св. Троици на городъ. Преставися Шолога Посадникъ Сент. 7.“ — Въ 1338 „бысть вода „велика въ Волховѣ, якожь не бысть была такова николи же, „по Велицѣ дни на третьей недѣли въ Среду, и снесе великаго „мосту 10 городенъ; тогда же и Жилотужскій мостъ снесе, и „сътворися зло много. Повелѣ Владыка Василій писати церковь Входъ Іерусалима Исакію Гречину съ другы, Маіа въ 4. „Дѣлаша мостъ новъ, что было вышибло, повелѣніемъ Владыки; „самъ бо Владыка присталъ тому, и почалъ, и кончалъ своими „людми, и много добра сътвори Христіаномъ. Преставись Архимандритъ Лаврентій Св. Георгія, и посадница Іосифа.“ (По Никон. Лѣт. Татары воевали Литву.) — Въ 1339 „бысть знаменіе въ Новѣгородѣ Авг. 13 у Св. Лазаря отъ иконы Св. Богородицы на вечерни: изъ обѣю очію яко слеза течаху, и подставиша двѣ вощаници; наутріе же увѣдавше городъ весь, „Игумени и Попове съ причетникы въ ризахъ съ кресты хо„диша видѣти... Кончаша церковь Владычню пишующе. Окт. „5 погорѣ околотокъ отъ Св. Владиміра. (По Никон. Лѣт. было небесное знаменіе.) Въ Псков. Лѣт.: „заложена бысть „церковь кам. Св. Архангела Михаила и Гавріила въ Го„родцѣ.“

(329) См. въ Эккарт. Corp. Hist. medii aevi T. I, Хронику Іоанна Витодурана, стр. 1862, или въ Наруш. Hist. Narod. Polsk. V, 411: Causam adventus horum paganorum (Татаръ на Польшу въ 1341 году) aliqui aliter assignant, dicentes, quod Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora reges satis idoneos Ruthenis praefecerit, quibus successive ab eis per venenum extinctis, procuravit eis christianum Latinum (т. е. Болеслава Мазовецкаго...) qui dum regni gubernacula per plura annorum curricula strenue gessisset, tandem cum numerum et ritum Latinorum

ill'e multiplicasset, et hoc Ruthenis displicuisset, illum intoxicabant per venenum tam fortem, quod dissiliit in plures partes.

Стриковскій называетъ матъ Болеславову дочерью Льва Даніиловича, а Зиморовичь сестрою; второе совсѣмъ невѣроятно: ибо отецъ Болеславовъ, Тройденъ, родился послѣ 1279 года, а Даніилъ умеръ въ 1266 (см. Наруш. Hist. N. P. V, стр. XLII). Несравненно достовѣрнѣйшій Архидіаконъ Гнѣзненскій (см. его лѣтопись въ Зоммерсберг. Scriptoribus T. II, стр. 97), Писатель современный, говоритъ: Post (coronationem Casimiri an. 1333) non multo tempore mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio, totius regni Russiae Duce, Troidem Dux Masoviae (надобно читать: Boleslaus, Troydeni filius) qui avunculo suo in Ducato Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat. Слѣдственно Болеславъ родился отъ сестры Георгія, и, какъ вѣроятно, дочери Андреевой; Георгій же, сверхъ Христіанскаго имени, могъ называться Славянскимъ Казимира. Зиморовичь называетъ и жену Любартову Даніиловною; а Длугошъ удивительнымъ образомъ путаетъ, говоря о супругѣ Тройдена, Болеславѣ и Любартѣ: въ одномъ мѣстѣ пишетъ (кн. IX, стр. 1057), что первая была и Россіянка и дочь Гедиминова; что Болеславъ, умершій въ 1339 году, наслѣдовалъ Галицію уже по смерти дяди своего, Любарта, который однакожъ въ 1349 году еще княжилъ въ Владимірѣ и Луцкѣ (Длугош. кн. IX, стр. 1087).

Объ условіяхъ, на коихъ граждане Львовскіе поддалися Болеславу, пишетъ Зиморовичь въ своемъ Triplici Leopoli (см. выше, примѣч. 202): Sola Leopolis a commilitonibus Leonis, Tartaris, Saracenis (Аравитянъ?), Armenis, caeterisque stipatoribus Principis mascule defensa, peregrinis dominis (Мазовшанамъ) portas clausit, nec nisi pactis initis patefecit, ut nimirum Boleslaus, titulo Ducis Russiae in se sumpto, urbanam multitudinem indemnem ac immunem suis legibus et ritibus vivere permitter, à cimeliarcho Ducali, velut re sacra, manus cohiberet, nihilque in publicum sine comitiis centurialis ageret. Hujusmodi sponsionibus vinctus, Boleslaus Leopolim recepit.

О насиліяхъ Болеславовыхъ въ Галиціи см. Длугош. Hist. Polon. кн. IX, стр. 1058. Папа Іоаннъ, свѣдавъ о намѣреніи сего Князя принять Латинскую Вѣру, писалъ еще въ 1327 году къ его родственнику, Королю Польскому, чтобы онъ своими отеческими наставленіями утвердилъ Болеслава въ такомъ душеспасительномъ желаніи: „да отрасль „твоего племени (говоритъ Іоаннъ) не будетъ от„дѣленною отъ корня!“ Въ Райнальд. Annal Eccles.

T. XV, г. 1327, No 49: Cum itaque, sicut exultatione praegrandi nuper audivimus, nobilis vir *Boleslaus, Dux Russiae,* pronepos tuus, qui ex ritus imitatione Graecorum ab universalis S. Romanae matris Ecclesiae unione dividitur, spiritum, Domino aspirante, conceperit ad unitatem ipsius Ecclesiae redeundi, nec bene conveniat, ut ex tuae, quod absit, degeneratione prosapiae arbor discrepet a radice, rogamus excellenciam regiam, quantum affectuose possumus, et hortamur, te nihilominus in remissionem peccaminum obsecrantes, quatenus praefatum Ducem, cui super hoc per alias nostras literas scribimus, quod relicto huiusmodi ritu erroneo redeat seu veniat in suae salutis praemium ad ipsius Ecclesiae unitatem, paternis et salubribus inducere monitis non omittas. Папа называетъ Болеслава Княземъ *Россійскимъ:* видно, что онъ при дядѣ своемъ, Георгіи, имѣлъ какой нибудь Удѣлъ въ Галиціи или въ Волыніи.

О завоеваніи Галиціи Казимиромъ, зятемъ Гедиминовымъ, въ 1339 году, пишетъ Длугошъ кн. IX, стр. 1058: Rex castris et civitate Leopoliensi potitus, plura antiquorum Russiae Principum, magni valoris in auro, argento, gemmis, lapidibusque clenodia et deposita illic reperiens, inter quae duas cruces aureas, notabili portione ligni Dominici insignes, duoque diademata, lapides et graves censu uniones habentia, tunica et sella auro et gemmis superba, monstabantur, in suum redegit aerarium.

О договорѣ Короля Польскаго съ Литовскими Князьями см. Кромера кн. XII, стр. 204. Они съ обѣихъ сторонъ условились тогда въ случаѣ распри прибѣгать къ посредничеству Короля Венгерскаго. Кромеръ видѣлъ сей договоръ въ Архивѣ Королевскомъ.

(330) Въ Ростов. Лѣт.: „и вси Князи Русскіе подъ руцѣ „его даны.“ Татищевъ пишетъ, что Ханъ училъ сыновей Калитиныхъ жить мирно, обѣщалъ имъ не принимать никакихъ доносовъ, и далъ ярлыкъ на Великое Княженіе, съ клятвою, что оно будетъ всегда достояніемъ ихъ рода.

(331) „И сѣде Князь Великій на столѣ въ Володимірѣ въ велицѣй Сборной церкви Св. Богородици на Великомъ Княженьи „всея Руси.“ — Договорная грамота сыновей Калитиныхъ хра-

нишся въ Архивѣ подъ No 3, но шакъ исшлѣла, что не льзя разобрашь многихъ словъ, особенно въ срединѣ (Собраніе Госуд. Грамошъ I, 35). Въ ней сказано: „Цѣловали есмы межи собе кресшъ у ошня гроба бышн ны за-одинъ до живоша, а браша своего сшарѣйшаго имѣши ны въ ошцево мѣсшо.... А чшо „есмы сшупилися шобѣ на сшарѣйшинсшво, шобѣ полшамги... а „молодшимъ двумъ полшамги; да шобѣ соколничій пушь, и „садовници, да конюшій пушь.... и ловчій пушь шо „же" (здѣсь пушь употребленъ въ смыслѣ дохода или сбора). Далѣе сказано, чшо если кшо изъ брашьевъ умрешъ, шо жена и дѣши наслѣдуюшъ его имѣніе; чшо сами Князья вообще судяшъ Бояръ или слугъ Московскихъ, а въ другихъ городахъ Намѣсшники; чшо Бояре Симеоновы не должны покупашь селъ въ Удѣлахъ брашьевъ его, ни Бояре сихъ Князей въ Удѣлѣ Симеоновомъ. Далѣе: „а гдѣ ми (Симеону) будешъ всѣсши на конь, всѣ„сши вы со мною; а гдѣ ми будешъ самому не всѣсши, а будешъ „ми васъ послаши, всѣсши вы на конь безъ ослушанья.... Боя„ромъ и слугамъ вольнымъ воля. Кшо поѣдешъ ошъ насъ къ шо„бѣ, къ Великому Князю, или ошъ шобе къ намъ, нелюбья ны не „держаши. А чшо Олексѣй Пешровичь вшелъ въ коромолу къ „Великому Князю, намъ (Князю Ивану и Князю Андрею) къ собѣ „его не пріимаши, ни его дѣшій... воленъ въ немъ Князь Вели„кій, въ его женѣ и въ его дѣшехъ. А шобѣ, Господине Князь Ве„ликій, къ собѣ его не пріимаши же въ Бояре. А мнѣ Князь Ива„ну, чшо далъ Князь Великій изъ Олексѣева живоша, шого ми „Олексѣю не даваши, ни его женѣ, ни его дѣшемъ, ни инымъ ни„чимъ не подмогаши ихъ. На семъ на всемъ цѣловали есмы „кресшъ межи собе у ошня гроба по любви въ правду. А шуто „были... Пешръ Архимандришъ Московскій, Филимонъ Архиман„дришъ Переяславскій, Василій.... Тысяцькій, Михайло Олек„сандровичь.... Васильевичь, Василій Окашьевичь, Онанья Околь„ничь..... Иванъ Ми...."

Сія грамоша есшь древнѣйшая изъ писанныхъ на бумагѣ. Здѣсь въ первый разъ упоминаешся о чинѣ Окольничихъ (см. нашей Исшоріи Т. V, примѣч. 47).

(332) Въ Новогород. Лѣш.: „Князь Семеонъ насла на „Тържекъ дани браши, и почаша сильно дѣяши. Новошръжци „же прислаша съ поклономъ въ Новгородъ, и послаша Машеея „Варѳоломеевичь и Тереншеа Даниловича съ брашомъ и Варѳо„ломеа, посаднича сына Осшафьина, и Ѳедора Аврамова съ пол„кы, и шедше изымаша Намѣсшниковъ Князя, Михаила Давы„довичь, Ивана Рыбкина сына, и борцей" (сборщиковъ дани) „Бориса Семенова сына, и жены ихъ и дѣши исковаша, и съдѣ-

„ша мѣсяць въ Торжку, городъ утвердивше; а ко Князю посла-„ша прежде того Кузму Твердиславля изъ Новагорода съ жало-„бою," и проч. Далѣе: „видѣвше Новоторжци, оже нейдеть изъ „Новагорода рать, въсташа чернь на Бояръ, и пакы ркуще: по-„что есте Новогородцевъ призвали, и они Княжи" (людей Кня-зя) „изымали? а намъ въ томъ погыбнути — и скрутившесь въ „броня, вымаша у Воеводъ Намѣстникы Княжи, и борци и же-„ны ихъ, и Новогородцевъ выпроводиша; а Бояре Новоторжскія „прибѣгоша въ Новгородъ только душею, кто успѣлъ, а домы „ихъ разграбиша и хоромы развозиша; а Семена Внучька убиша „на Вѣчѣ, и села ихъ пуста положиша." Въ Троицк.: „Тое „же зимы быстъ великъ съѣздъ на Москвѣ всѣмъ Княземъ Рус-„кимъ, и пойде ратью къ Торжку, и взя на нихъ черный „боръ Князь Великій Семенъ, а съ нимъ братъ его Князь Иванъ, „Костянтинъ Суждальскій, Костянтинъ Ростовскій, Василей „Ярославскій и вси Князи, и Ѳеогностъ Митрополитъ съ ними „же." Татищевъ вымыслилъ рѣчь, будто бы произнесенную Си-меономъ въ собраніи Князей, о необходимости повиноваться Ве-ликому Князю, и проч. Въ Новогород. Лѣт.: „Къ Князю „посласша Владыку и Аврама Тысяцкаго и съ ними Бояры, и „докончаша миръ по старымъ грамотамъ, на всей воли Ново-„городской, и крестъ цѣловаша, а Князю даша боръ по во-„лости и 1000 рублевъ, на Новотръжцѣхъ. И присла Князь „Намѣстникъ въ городъ." Въ Ростов. Лѣт.: „даша Вел. Кня-„зю черный боръ по всѣмъ волостямъ Новогород-„скимъ, да 1000 рублей на Новоторжцѣхъ:" нѣтъ, все-го 1000 рублей, какъ дань собираемую въ области Торжка съ черни, и для того названную черною. Грамота Василья Ва-сильевича Темнаго объяснитъ намъ сію дань.

(333) Въ Троицк.: „Тое же осени, Окт. 1, пришедше самъ „Олгердъ ратью къ Можайску... Тогды Руготу убили." Мо-жайскъ былъ прежде городъ Смоленскій, какъ извѣстно. — Въ Никон. Лѣт. сказано, что Литовцы взяли Тишиновъ. — См. Новогородск. Лѣт. подъ годомъ 6849. Стриковскій, не имѣвъ вѣрныхъ источниковъ, уморилъ Гедимина еще въ 1329 году, сказывая, что онъ убитъ изъ ружья подъ городомъ Фридбургомъ. Длугошъ пишетъ, что Гедиминъ отдалъ Монтови-ду или Монтвилу Керновъ и Слонимъ, Наримантту Пинскъ, Оль-герду Кревъ (сверхъ Витебска, наслѣдія жены его), Евнутію Вильну или столицу съ достоинствомъ Великаго Князя, Кестy-тію Троки, Корьяду Новогродокъ, а Любартъ остался Госуда-ремъ Волыніи, наслѣдственнаго достоянія его супруги (Hist. Pol. кн. X, стр. 60). Въ нашихъ лѣтописяхъ: „во всей бо братіи своей

„Олгердъ превзыде властію и саномъ, понеже меду и вина, и „пива, и кваса кислого не піяше; велико воздержаніе имѣяше, и „отъ того великоумство пріобрѣте и крѣпку думу, и многъ „промыслъ припяжавъ, и таковымъ коварствомъ многи страны „и земли повоева — и удержа себѣ власть велику; сице же ни „единъ отъ братій его просл̃ы, ни отецъ его, ни дѣдъ его."

(334) Райнальд. Annales Eccl. годъ 1338, No 74, 75, и г. 1340, No 75. Князья Аланскіе или Ясскіе пишутъ къ Папѣ: Hoc autem Sanctitati vestrae sit notum, quod longo tempore fuimus informati in fide Catholica, et salubriter gubernati et consolati plurimum per legatum vestrum, fratrem Ionnem Valentem; qui tamen mortuus est ante octo annos, in quibus fuimus sine gubernatore et sine spirituali consolatione. Папа Бенедиктъ въ письмѣ своемъ къ Хану (Magnifico Principi Usbech, Imperatori Tartarorum) говоритъ: Laetanter et benigne recepimus dilectos filios, nobiles viros, Petranum de Lorto, olim Dominum de Capha, et Albertum, ejus socium, fidei Catholicae proffessores, magnificentiae tuae nuncios, una cum dilecto filio Helym de Ungaria, Ordinis fratrum Minorum nuncio viri egregii Ducis Thynibec, primogeniti tui, ad nostram praesentiam destinatos..... De encaeniis pro parte tua et ejusdem inclyti primogeniti, ac illustris Imperatricis, consortis tuae, nobis per memoratos nuncios praesentatis, et a nobis gratanter mittentium consideratione receptis, excellentiae tuae referimus gratiarum uberes actiones, и проч. — Въ Троиц.: „той же осени (въ 1341) умре Царь Озбякъ, а Чанибекъ бысть Царь и убилъ брата своего меньшего Хидырбека... Въ лѣто 6850 (1342) Царь Чанибекъ убилъ брата своего „большего Тиньбека, а самъ сѣде на царствіи." Въ Никон. Лѣт. сказано, что Тиньбекъ наслѣдовалъ престолъ Ханскій, а Чанибекъ убилъ его послѣ. — Въ Орду ѣздили тогда, кромѣ Симеона, Константинъ Суздальскій, Ростовскій и Василій Ярославскій. — Въ Ростов. Лѣт.: „Тое же зимы въ Великій постъ, „на Средокрестной недѣли, Θеогностъ Митрополитъ пріиде изъ „Орды къ Москвѣ, много же и пострадавъ во Ордѣ: обадиша бо „его къ Царю, и емше мучиша его, глаголюще: давай дань по„лѣтнюю. Онъ же въ то не вдася, и положи посула 600 рублевъ." Въ Никонов. Лѣт.: „Оклеветаша Θеогноста нѣцыи Русстіи „человѣцыи, яко много имать дохода, и злата и сребра."

Тогда, какъ вѣроятно, Ѳеогностъ получилъ отъ жены Ханской, Тайдулы, слѣдующій ярлыкъ (см. Рос. Вивліоѳ. VI, 19): „По „Чанибекову ярлыку Тайдулино слово Ординскимъ и Улуснымъ „Княземъ... Отъ давныхъ добрыхъ временъ, что зовутся богомольцы и весь Поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины... Такъ молвя, Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ со алою тамгою (клеймомъ) ярлыкъ далъ; и мы, первыхъ ярлыковъ не изынача, такожь молвя, Ѳеогносту съ мишенемъ (печатью) грамоту дали есмя (и проч.)... Заячья „лѣта, Арама мѣсяца въ 8 Нова, въ Сараи Орда кочевала; а жалобу положилъ Таобо-Чаякъ, Хоча Мухтаръ; а Учугуй Корабчи „писалъ.“ Слѣдственно и Чанибекъ далъ въ сіе время ярлыкъ Митрополиту.

(335) Въ Троицк.: „Тогожъ лѣта (1342) вышелъ на Русь, „отпущенъ Царемъ изъ Орды, на Рязанское Княженье Князь „Ярославъ Пронскій, а съ нимъ посолъ Киндякъ, и пріидоша къ „Переяславлю, и Князь Иванъ Коротополъ бился весь день съ города, а на ночь побѣжалъ вонъ; и Киндякъ, войда въ городъ, „многихъ Христіанъ полонилъ, а иныхъ избилъ, а Князь Ярославъ сѣлъ въ Ростиславлѣ... Того жь лѣта (1343) убіенъ бысть „Князь Иванъ Коротополъ.“ — Ярославъ Александровичъ умеръ въ 1344 году, а братъ его Василій въ 1350.

(336) Въ Псков. Лѣт.: „Въ лѣто 6849 (1341) убиша Нѣмцы „въ Лотыголѣ на селѣ на Опочнѣ Псковскихъ пословъ 5 мужъ, „Михайла Любиновича, Еваня Михалковича, Семена Леонтьевича, „Власія Колотиловича, Анфима Полутарановича на миру, и „Псковичи ѣхавше, повоеваша Лотыголу о Князѣ Александрѣ о „Всеволодичѣ Дек. 21: тогда бяшеть ему во Псковѣ на Княженьи; и Князь Александръ, учинивъ разратье съ Нѣмцы, разгнѣвася на Псковичь, и побѣже; и Псковичи ѣхавше по немъ „съ поклономъ до Св. Пантелеймона и послаша съ поклономъ „и до Новагорода, и отречеся; и Псковичи начаша кланятися „Новугороду, чтобы дали имъ Намѣстника и помочь — и не „даша. А Нѣмцы поставиша новый городокъ на рѣкѣ на Пивжѣ „на Псковской землѣ; и Псковичи въ то же время ѣхавше въ „малѣ дружинѣ за Нарову, взяша посадъ у Ругодива — и послаша къ Олгерду.“ — О выше-упомянутомъ Князѣ Александрѣ сказано въ сей лѣтописи, что онъ названъ въ крещеніи Юріемъ и былъ сынъ Лазаревъ. — О Нейгаузенѣ, нынѣ простомъ селеніи, см. Гадебуша Liefländ. Jahrbüch. Ч. I, стр. 520.— О Нарвѣ см. Кельх. Liefl. Gesch. стр. 66. Вездѣ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ Нарва именуется Ругодивъ. — Въ Новогород. Лѣт.: „Прислаша Плесковичи съ поклономъ: „идеть на

„насъ рать Нѣметьскаа до-нолна; кланяемся вамъ, „господѣ своей: обороните насъ. Новгородци же не умед„ляще пойдоша вборзѣ въ Великую Пятницу (въ 1342 году), а „иные въ Субботу, а опчины" (общее имѣніе) „вси попечашавъ, „и яко быша на Мелетовѣ, присылаша Плесковичи: вамъ кла„няемся; рати къ намъ нѣту," и проч. — Въ Архив. Псков. Лѣт.: „Тое весны Псковичи поѣхаша въ лодьяхъ воевать о Ильѣ „Посадникѣ въ рѣку Омоджу, и повоеваша села Нѣмецкая по обѣ „стороны до городка до Могилева Маія во 2 день, и потомъ „Филипъ Львовичь и Олферей Селковичь съ Порѣчаны. Того жь „лѣта послаша ко Островичемъ" (жителямъ города Острова): „хотѣли воевати Лотыголу; и ятася Островичи, и срокъ „сорокоша, гдѣ снматися, на Княжи селѣ на Изгояхъ. И выѣха„ша Филипъ и Олферей, и съ ними охочихъ 60 мужъ. А Нѣмцы „и Лотыгола такожь поѣхали воевати волости Псковскія, и „срѣтошася на Княжи селѣ на Изгояхъ, Іюля въ 5 день, и бяше „Нѣмецкія рати 200 и болѣ, а Островичи не приспѣша. Убиша „на первомъ сступѣ Левовича, и бишася какъ солнце восходитъ „и до полудни, и убиша Олферья, а съ нимъ 7 мужъ Псковичь... „И отступиша, а Нѣмци и Лотыгола начаша провадитися за „Великую рѣку съ трупьемъ" (тѣлами убитыхъ) „и при„спѣша Островичи о Василья Онисимовичь (тогды опять бысть „ему Посадничество во Островѣ), и удариша, и абіе Нѣмцы и „Лотыгола не успѣша ничтоже: овыхъ избиша, а иніи въ рѣцѣ „истопоша; а кто переѣхалъ съ трупіемъ, а ти побѣгоша „прочь, и трупія повергше. Того жь мѣсяца Псковичи пѣшцы „молодые люди пойдоша воевать Занаровье 50 мужъ о Калекѣ, „о Карпѣ о Даниловичѣ, а въ то время Нѣмцы переѣхаша На„рову и повоеваша села Псковская по берегу, и Карпъ со дру„жиною срѣтошася съ Нѣмцы съ Наровцы на Кушели у села на „болотѣ, и сташа битися на память Рождества Іоанна Кре„стителя, и убиша Нѣмець на припорѣ 20 мужъ, и побѣгоша „повергше полонъ и весь добытокъ... Такожь и Володіша Стро„иловичь со Псковичи поѣхаша селъ Нѣмецкихъ воевати зимѣ „по озеру по леду, и услыша, аже Нѣмцы воюютъ село Псков„ское Ремду, и Володша со дружиною удари на нихъ: овыхъ из„биша, а иніи убѣгоша, а иныхъ во Псковъ приведоша и изсѣ„коша. — Князь же Олигердъ послуша Псковскихъ пословъ, „Якова и Іосифа, послаша во Псковъ Воеводу своего, Князя „Юрія Витовтовича, а самъ, подъимя брата своего, Кестуйта, „и мужъ Литовскихъ и Видьблянъ" (жителей Витебска) „и „пріѣха во Плесковъ, и приведе съ собою сына своего, Андрея: „тако бо бяше ему имя молитвенное, а еще бѣ некрещенъ...

„И Олигердъ посланіе Юргя Витовтовича къ Новому городку „Нѣмецкому языка добывать; и Юрги подъимя Псковичь и Изборянъ, и поѣхаша на сумежье Авг. во 2 день, и срѣтошася съ „великою ратью Нѣмецкою на Мекужитцкомъ поли у Мекужицѣ „рѣчкѣ, и убиша о Юрги Князи Изборянъ и Псковичь 60 мужъ; „самъ Юрги прибѣже въ малѣ дружинѣ въ Изборескъ. Назавтріе „Нѣмцы пріидоша ко Изборску съ пороки и съ городы и со многимъ замышленіемъ... А Олигердъ и Кестуйтъ повелѣ Литовникомъ и Видъпляномъ и Псковичемъ бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи того — и сташа на Камнѣ; а Олигердъ „посла своихъ людей въ сторожу, и они языкъ яша за Халалхановъ, и исповѣда силу Нѣмецкую; и Олигердъ повелѣ своимъ „перебродитися за Великую рѣку во Псковъ; и Псковичи перебродишася, блюдучи своихъ домовъ и женъ и дѣтей отъ „Литвы; а самъ Олигердъ и братъ его остаціася взади въ „малѣ дружинѣ, и ѣхавше въ Грамское болото и нача перепытывати Нѣмецкія рати; а Любко Князь, сынъ Воиневъ, Полоцкаго „Князя“ (брата Гедиминова) „самъ-другъ отъѣхаше, и въѣхавше „въ стороженый полкъ въ Нѣмецкій не вѣдающе... И тако его „убиша... Притужно бяше вельми Изборску, и посланіа Изборяне „гонца во Псковъ... И стояша Нѣмцы 5 дней, и воду отъяша „отъ Изборянъ... И отъидоша посрамлени, пожегше пороки и „весь запасъ свой; и потерпѣ Князь Гюрги, и Илья Борисовичь, „и Володша Строиловичь, и Борисъ Попъ“ (не самъ ли Лѣтописецъ?) „и иныхъ много за Св. Николу... И Псковичи „много истомиша съ Олигердомъ, крестити его хотяще... И „крестиша сына его Андрея у Св. Троицы въ Соборной церкви, „и посадиша на Княженье, надѣючися помочи отъ Олигерда. „Олигердъ же поѣха прочь съ Литовники своими; потроша „хлѣбъ около Св. Троицы, и тоя зимы у Псковичь много скота „и коней падоша, а помочи Псковичемъ никоея же не учиниша; „и видѣвше то, и положше упованіе на Св. Троицу и на Всеволодову молитву и на Тимоѳееву (Довмонтову) и смиришася „съ Новымгородомъ.“

(337) Первый сильный пожаръ въ Новѣгородѣ былъ въ 1340 году, Іюня 7. „Во Вторникъ на Троецкой недѣли загорѣся на „Розважѣ улицѣ въ полѣ за Св. Ѳеодоромъ, погорѣ Неревьскій „конецъ до Св. Іакова, а сѣмо до Чюдницевѣ улицѣ; и отполѣ „връжеся въ городъ, и погорѣ Дворъ Владычень и Св. Софіа, „и Людинъ Конецъ и до Св. Алексѣа; а сѣмо и до Прусской „улици. Тако бо бяше лютъ пожаръ съ бурею и съ вихромъ, яко „мнѣти уже ковчина; по водѣ огнь горя хождаше, и много людій истопи въ Волховѣ. И переврьжеся огнь чрезъ Волховъ, и

,,до Вечерни погорѣ вся сторона отъ Ѳеодорова ручья въ Слав-
,,ной до поля. Кто что вынеслъ или на поле, или на огороды,
,,или въ греблю, или въ лодьи, или въ учаны, то все поломянемъ
,,взялося; а иное зліи человѣци разграбиша; а иныхъ надъ сво-
,,имъ товаромъ побиша, и въ святыхъ церквахъ, идѣ же бы
,,всякому Христіанину, хотя бы и свой домъ повръга, а церкви
,,постеречи... Церковь Святыхъ 40 Мученикъ, яже бѣ украшена
,,иконами, и тканіемъ, и кованіемъ, и к р у т о в : " (окладами);
,,то все разграбиша, а иконъ и книгъ не даша носити: все по-
,,ломянемъ взяся; и сторожа 2 убиша. А у Св. Богородици въ
,,торгу Попъ сгорѣ; а иніи глаголютъ, убиша его надъ това-
,,ромъ, понеже церковь вся погорѣ, и иконы, и книгы, сего же
,,ни власѣ огнь прикоснуся... А въ Св. Пятницѣ сторожъ сгорѣ
,,съ сыномъ; а церковь та падеся, и другая Св. Мученику Бориса
,,и Глѣба на Подолѣ. Много людій погорѣ; а великій мостъ сгорѣ
,,весь по воду; а изъ Св. Софіи не успѣша иконъ всѣхъ выно-
,,сити. — Того же лѣта и Смоленескъ погорѣ весь въ ночь на
,,Спасовъ день. Того же лѣта дѣлаша опять мостъ новъ чрезъ
,,Волховъ. — Того же лѣта (1342) загорѣся въ Новѣгородѣ на
,,Даньславѣ улицѣ, и погорѣ по берегу и до гребли; а въ городу
,,до Свв. 40 и до Козмы и Даміана; а церкви 3 сгорѣша: Св. Ни-
,,колы и Іакова каменаа; ту и сторожъ сгорѣ, мужъ добръ Есипъ
,,Давыдовичь; и третья Св. Георгія. Людіе же боящеся не смѣяху
,,въ городѣ жити... Погорѣ Славно (въ 1347) отъ Семенова двора
,,отъ Иѣскова до Бушной улици.... Въ нощи (въ 1348) загорѣся
,,на Волосовѣ улицѣ на Преставленіе Ивана Богослова, и погорѣ
,,улица Волосова не вся, Добрынина улица не вся же, а Прусква
,,добрѣ горѣ и церковь Св. Богородицы сгорѣ; Чюдницева улица
,,и до поля и Люгоща; церкви деревяныхъ сгорѣ 4; а первѣе
,,того той же осени загорѣся Ф л а р е в ъ (Св. Флора?) на Лю-
,,гощѣ улицѣ, и сгорѣ церковь едина въ обѣдъ годъ" (во время
обѣда). — Далѣе: ,,Изъ Новагорода тогда" (въ 1340) ,,ходиша
,,молодци воевати Устюжню, и пожгоша; нъ угонивше отъима-
,,ша у лодейниковъ полонъ и товаръ. Потомъ и Бѣлозерскую
,,волость воеваша." Здѣсь въ первый разъ упоминается объ
У с т ю ж н ѣ; она принадлежала Князьямъ Бѣлозерскимъ, тогда
зависѣвшимъ отъ Великаго Князя. — О крѣпости построенной
Бояриномъ на границѣ Эстоніи см. выше, примѣч. 206. — Далѣе:
,,Преставися (въ 1342 году) Варѳоломей Посадникъ, сынъ Юрья
,,Мишинича, на память Св. Маркіана и Мартиріа, и положиша
,,его въ отнѣ гробѣ у Свв. 40 Владыка Василій: а Лука Варѳоло-
,,меевъ, не послушавъ Новагорода и Митрополича благослове-
,,ніа, скопивъ съ собою холоповъ збоевъ, и пойде за Волокъ на

,,Двину, и постави городокъ Орлецъ, и скопивъ Емьчанъ" (не Ямь или Емь, а людей живущихъ на берегахъ рѣки Емцы) ,,и ,,взя по Двинѣ всѣ погосты на щипъ; а сынъ его Онцифоръ от- ,,ходилъ на Вагу" (не Волгу). ,,Лука жь въ дву сту выѣха вое- ,,вать, и убиша его Заволочане. И пріиде вѣсть въ Новгородъ— ,,и всташа чръныи люди на Ондрешка, на Ѳедора на Посадника ,,на Данилова — и пограбиша ихъ домы и села; а Ѳедоръ и Он- ,,дрешка побѣгоша въ Копорью городокъ, и сѣдѣша зиму всю и ,,до Великаго говѣнія. Пріиде Онциферъ и би челомъ Новуго- ,,роду на Ѳедора и на Ондрешка: тѣ заслаша моего отца ,,убити. И Владыка и Новгородъ послаша Архимандрита ,,Есипа съ Бояры въ Копорью по Ѳедора и по Ондрешка, и пріѣхаша, и рекоша: не думали есмы на брата своего на Луку, ,,чтобъ его убити. И Онцифоръ съ Матѳеемъ възвони Вѣче у ,,Св. Софіи, а Ѳедоръ и Ондрешка другое на Ярославлѣ Дворѣ; и ,,посла Онцифоръ съ Матѳеемъ Владыку на Вѣче, и не дождав- ,,ше Владыци, удариша на Ярославль Дворъ, и яша Матѳеа, Коз- ,,му и сына его Игнатa всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже ,,съ своими пособники. Тожь бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша ,,весь градъ: ся сторона себѣ, а она себѣ, и Владыка съ Намѣст- ,,никомъ Борисомъ докончаша миръ."

(338) О семъ Князѣ Евстафіи см. выше, въ описаніи 1323 года. — О войнѣ см. Руссова, Кельха и Арнта около 1345 года. Въ Архив. Псков. Лѣт.: ,,Въ лѣто 6851 (1343) Маія въ 26, Псковичи со Изборяны подъяша всю область и поѣхаша воевать ,,земли Нѣмецкія о Князѣ Иванѣ и о Изборскомъ Князѣ Остафьи ,,и о Посадникѣ Володшѣ, и воеваша 5 дней и 5 ночей не слазя- ,,чи съ коней гдѣ не бывали отцы и дѣды — а Нѣмцы погнаша ,,во слѣдъ, и нагониша за 2 поприща не доѣхавше Нового город- ,,ка Нѣмецкаго на маломъ борку, и спаша Псковичи, помолив- ,,шеся Св. Троицѣ и Всеволожи молитвѣ и Тимоѳеевѣ, и взяша ,,прощеніе промежи себя, и рекоша: братья мужи Псковичи! не посрамимъ отецъ своихъ и дѣдовъ! Кто ,,старъ, то отецъ, а кто молодъ, то братъ! потяг- ,,немъ за Св. Троицу и за свое отчество! И бысть сѣча ,,велика Іюня 1, въ самый Троицынъ день; и на первомъ сступѣ ,,убиша Кира Костянтиновича и Кормана Постника" (въ дру- гихъ спискахъ Посадника) ,,и Оптона, сына Посаднича Ильи- ,,на; и Богъ поможе Псковичемъ — и спаша на костяхъ. И уби- ,,ша Псковичь на томъ бою 17 человѣкъ; а иніи безсоніемъ оду- ,,рѣли, и тако блудячи по лѣсу, много ихъ погибло, а иные по- ,,слѣ дати вышли... А въ то время Рудь Попъ Борисоглѣбской, ,,Лошоковъ внукъ, пригнавъ въ Изборескъ, исповѣда лихую вѣсть;

„такожь и во Псковѣ — и Псковичи отрядиша гонцемъ въ Нов-„городъ Ѳому Попа, Старосту Поповского: Псковичи вѣ по-„биты, а вы Новогородцы братья, загоните вборзѣ „Псковъ про Нѣмецъ. Не отпускаючи (еще) Попа въ Нов-„городъ, послаша въ Изборескъ навѣдывать Якова Домашинича, „Андрея Степановича, Жидила Шестьковичь, и пріѣхаша въ „Изборескъ аже Псковичи подъ Изборскомъ въ станахъ стоятъ, „опочиваючи." Въ другихъ спискахъ сказано, что Посадникъ Данило также ушелъ изъ сраженія, обрѣзавъ на себѣ брони. Руссовъ въ своей Ливон. Хроникѣ пишетъ, что Россіяне хотѣли дымомъ и смрадомъ задушить Нѣмцевъ въ Маріенбургѣ, и потеряли 1000 человѣкъ въ битвѣ съ Рыцарями. Въ Новогородск. Лѣт.: „Плесковичи Нѣмецъ угонивше подъ ихъ город-„комъ подъ Новымъ на рубежи, и биша ихъ съ 300." Въ Ростов. Лѣт.: „пойдоша Псковичи въ войну со Княземъ Евста-„фіемъ въ 5000 мужей къ городу къ Медвѣжьей Головѣ и воева-„ша 8 дній и ночей, и на езерѣ на Остречиѣ нагониша Нѣмцы „— и бысть побоище и убиша Князя ихъ (Нѣмцевъ) Велневича" (Феллинскаго).

(339) Кельх. Liefl. Gesch. стр. 115.

Въ нашихъ лѣтописяхъ: „Въ лѣто 6852 (1344) бысть мя-„тежь въ Нѣмцѣхъ великъ: избиша Чюдь своихъ Бояръ зем-„скыхъ, и въ Колыванськой земли и въ Ругодивьской земли 300 „ихъ; и потомъ сташа на нихъ Велневичи" (Феллинцы) „и „Юрьевьци, и избиша Чюдь" (Чуди) „14,000, а избытокъ ихъ убѣ-„жа въ Островьскую землю" (Эзельскую); „и тамо по нихъ хо-„диша Велневичи и ихъ не взяша, не сами биты отъидоша." — Продажа Эстоніи совершилась въ 1347 году.

(340) См. Новог. Лѣт. Попа Іоанна г. 1345. Тамъ сказано: „Евнутий переверржеся чрезъ стѣну" (въ Вильнѣ); а Стриковскій пишетъ, что сей Князь ушелъ ночью босой, и въ бѣгствѣ ознобилъ ноги; что его догнали, привели въ Вильну и содержали нѣсколько времени подъ стражею; что братья дали ему послѣ Заславъ въ Минской области, и такъ далѣе. Стриковскій прибавляетъ, что есть и другой Заславъ въ Волыніи, и что тамошніе Князья, т. е. Заславскіе, ведутъ родъ свой отъ Князя Давида Юрьевича и потомковъ Св. Владиміра. — Вмѣстѣ съ Евнутіемъ крестилась въ Москвѣ и Литовская его дружина (см. Троицк. Лѣт.) Сент. 23. Въ Новогород. Лѣт.: „Пріѣха „Князь Великій Литовьскій Олгердъ съ своею братіею и съ всею „Литовскою землею, и ста въ Шелонѣ на устъ Пшаги, а позы-„ваа Новогородцевъ: хощу съ вами видитися" (въ другихъ спискахъ: битися): „лаялъ ми Посадникъ вашъ Остафей Дворяни-

„нецъ, назвалъ мя псомъ. И взя Шолону и Лугу на щипъ, а съ „Порховскаго городка и со Опокы взя окупъ“ (въ другихъ спискахъ: „взя Шелону и до Голинъ, и Лугу до Сабля, а съ Порховьского городка взя окупъ 300 рублевъ).“ Далѣе: „Убиша (Новогородцы) Дворяница Посадника на Вѣчѣ, а ркуча, яко въ шебѣ „волосши наша взяша.“

(341) Въ Ростов. Лѣт.: „Того же (1347) лѣта Новгородцы „взяша миръ съ Литвою“ Слѣдственно уже черезъ годъ; по крайней мѣрѣ Олгердъ — довольный, кажется, убіеніемъ Посадника — вышелъ немедленно изъ Новогородской области, можетъ быть и для того, что Нѣмцы объявили ему войну около сего времени. См. Длугоша и Мѣхов. Chron. подъ г. 1346. Арндтъ относитъ побѣду Рыцарей къ 1347 году, согласно съ нашими Лѣтописцами, которые говорятъ, что Ольгердъ на рѣкѣ Страве, 2 Февраля, потерялъ 40,000 человѣкъ; а Длугошъ уменьшаетъ сіе число до 22,000. Въ Ник. Лѣт. сказано, что въ сраженіи убитъ Нариманшъ Гедиминовичь. — Длугошъ пишетъ, что Князь Смоленскій, предводительствуя Литвою и Россіянами, въ 1348 году былъ побѣжденъ Нѣмецкими Рыцарями, и съ большею частію своихъ воиновъ утонулъ въ рѣкѣ.

(342) См. Далина Gesch. des R. Schw. T. II, стр. 376 и слѣд. Отецъ Биргитты сражался съ Александромъ Невскимъ. Въ Новогород. Лѣт.: „Пошлите на съѣздъ свой Философъ, азъ послю свой, дажь поговорить про Вѣру; азъ то хощу слышать, „коа будетъ Вѣра лучши: иже ваша, ино азъ иду въ вашу; или „паки аще наша Вѣра лучши, и вы пойдете въ нашу, и будемъ „вси за единъ человѣкъ... Владыка же Василій и Посадникъ Ѳе„доръ Даниловичь и Тысяцкой Аврамъ и вси Новогородци погадавше отвѣщаша,“ и проч Далѣе: „И послаша Новогородци къ „Магнушу Аврама Тысяцскаго, Кузму Твердиславля и иныхъ „Бояръ. Аврамъ же пріиде въ Орѣховецъ и хотѣ пойти къ Магнушу: Орѣховци жь биша челомъ Авраму, чтобы не ходилъ „отъ нихъ изъ городка, и пойде къ Магнушу Кузма съ другы..... „Слышавши Новогородци, якоже Король рать отпустилъ на „Ижеру, послаша противу ихъ Онцифора Лукиничь, Якова Хотова, Михайлу Фефилатова съ малою дружиною — и Богъ пособи Онцифору: избиша Нѣмцевъ 500 (на Жабчѣ полѣ) и иныхъ „изымаша, а перевѣтниковъ казниша, и пріидоша въ Новгородъ „здрави: развѣ 3 человѣкы убиша Новогородцевъ. Посадникъ же „Ѳедоръ и Намѣстницы Князя Великого, и вси Новогородци, и „Плесковичь не много, и Новоторжци, и вся волость Новогородская пойдоша въ Ладогу, а къ Князю Семену послаша, а ркучи „тако: пойди, Княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко

,,идешь на насъ Король на крестное цѣлованіе" (вопреки миру). ,,Великій же Князь отвѣщалъ: радъ иду къ вамъ. Медливъ же ,,долго, пойде; отшедши же отъ Тръжку до Ситна, и възвра- ,,тись на Москву" (въ Троицкой: ,,и дойде Ситчина и постиго- ,,гоша его гонци Киличеи изъ Орды; онъ же взвратися слыша- ,,ши слова Царева и жалованья; а въ Новгородъ Великій посла... ,,да Ивана Акинѳовича, да съ ними Воеводы)... Магнушъ взя Орѣ- ,,ховець на Спасовъ день, Аврама же и Кузму и иныхъ Бояръ 8 ,,взялъ къ себѣ, а иныхъ всѣхъ пустилъ изъ городка". Въ Ростов. Лѣт.: ,,лестію докончавъ окупъ взяши, а Аврама пойма- ,,ша въ закладъ, а съ нимъ 10 человѣкъ добрыхъ, а Намѣстника ,,Нариманта и всѣхъ городчанъ отпусти, а самъ пойде прочь, а ,,въ Орѣховцѣ оставивъ рать." Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что Король едва могъ уйти съ флотомъ отъ Россіянъ, велѣвъ прорыть каналъ изъ рѣки въ море (hi enim magno labore et non minore industria vicini fluminis meatum effodientes), и потерявъ множество судовъ (см. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1348, No 24, и Далин. II, 380); что Новогородцы, обольстивъ Магнуса дарами, призвали Татаръ и Литву, и проч.

(343) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 379.

(344) ,,Въ лѣто 6854 поѣха Владыка на Москву звати Князя ,,Великаго въ Новгородъ, и тамо Митрополитъ Ѳеогностъ бла- ,,гослови Архіепископа, и да ему ризы хресцаты" (или Полиставрію). ,,Той же зимы пріиде Князь Симеонъ въ Новгородъ ,,на столъ на Ѳедоровѣ недѣли" (уже въ 1347 году) ,,на Сборъ, ,,правнукъ храбраго Александра — и пойде на Низъ о Царевѣ ,,орудіи" (по Ханскимъ дѣламъ). — Никон. Лѣт. говоритъ, что Василій отдалъ тогда Митрополиту своего Діакона Кирилла, имѣвшаго отмѣнно чистый и звонкій голосъ.

(345) Въ Ростов. Лѣт. и въ другихъ: ,,даша жалованье ,,граду Пскову, Посадникомъ Новогородскимъ во Псковѣ не сѣдѣ- ,,ти, ни судити, а отъ Владыки судити ихъ брату Псковити- ,,ну, а изъ Новагорода не позывати ихъ ни Дворяны, ни Подвой- ,,скими, ни Софіяны" (такъ назывались причетники Св. Софіи) ,,ни извѣтники, ни биричи; но звати Псковъ братъ Новуго- ,,роду молодшій." Сія милость была объявлена Псковитянамъ на Болотовѣ. — Въ Псков. Лѣт.: ,,Въ лѣто 6856, Іюня въ 24, ,,поѣхаша Псковичи къ Орѣшку городу Новогородцемъ въ помочь ,,о Посадникѣ Ильѣ: а въ то время Нѣмцы прислаша во Псковъ, ,,развергоша миръ. Переѣхавше Нѣмцы Нарову, повоеваша села ,,около Пскова — и того же лѣта села около Острова, и пой- ,,доша ко Пскову подлѣ Великую рѣку, воюючи села, и пожгоша ,,хоромы на Завеличьѣ и пойдоша ко Изборску."

(346) См. лѣтопись въ листъ Синодальн. библ. No 349, л. 69, и Ников. Лѣт.

(347) „Приступиша съ пригпетомъ въ Понедѣльникъ на Ѳе„доровѣ недѣли (уже въ 1349) и, спитающю Вторнику, взяша „градъ на память Обрѣтенія главы Іоанна, а Нѣмцевъ изсѣко„ша, а иныхъ изымаша, а братію свою Новогородцевъ посадиша „Якова Хотова и Александра Борисовичь въ Орѣховомъ." Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано (Синод. библ. No 349), что Шведовъ было тамъ 800 человѣкъ, а Новогородцевъ убито на приступѣ только 9; что Новогородцы изъ-подъ Орѣхова посылали въ Корелію 1000 человѣкъ, которые, разбивъ Шведовъ у Кексгольма, умертвили непріятельскаго Воеводу Людьку. — О храмѣ Бориса и Глѣба См. Ростов. и Троицк. Лѣт. Въ первой: „того же лѣта (1349) ходиша Новогородцы и Двиняне на Мур„маны." — Въ Новогород. Лѣт.: „Ходиша Новогородци на „Нѣметьскую волость съ Борисовымъ сыномъ съ Намѣстничимъ, „съ Тысяцкымъ съ Иваномъ съ Ѳеодоровичемъ, съ Воеводами „съ Михайломъ съ Даниловичемъ, съ Юрьемъ съ Ивановичемъ, съ „Яковомъ съ Хотовичемъ, и пріидоша къ Выбору въ Понедѣль„никъ Марта въ 27" (1350 года) и пожгоша посадъ. На другый „же день выидоша Нѣмци, и удариша на нихъ Новогородци и „убиша нѣколико Нѣмецъ, и волости пожгоша; а Нѣмецъ изсѣ„коша много, и женъ и дѣтей, а иныхъ изымаша."

(348) См. Новогор. Лѣт., гдѣ сказано, что Новогородцы, обмѣнявъ въ Юрьевѣ Шведовъ на Авраама, Кузму, Александра, Андрея и другихъ, бывшихъ за морѣмъ у Шведскаго Короля, возвратились въ Новгородъ Іюня 9, 1350 года. Далинъ (Gesch. des R. Schw. II, 380), читавъ тогдашній мирный договоръ, сказываетъ, что оный подписанъ Князьями Юріемъ и Авраамомъ; но Авраамъ былъ Тысячкій, а Юрій Посадникъ. О первомъ мы упоминали, а втораго знаемъ по слѣдующему извѣстію Ростов. Лѣт.: „въ лѣто 6858 (1350) поставиша церковь каменну „Кузмы и Даміана на Холопьи улицѣ" (въ Новѣгородѣ) „а другую „заложи Юрья Посадникъ во имя Іоанна Златоустаго." — Далѣе См. Райнальд. Annal. Eccl. годъ 1351, No 34. Папа Климентъ VI писалъ къ Архіепископу Упсальскому, что Ижерцы и Корела, обращенные въ Вѣру истинную Магнусомъ, жалуются ему на Россіянъ, которые убиваютъ ихъ, вѣшаютъ, травятъ собаками и стараются вновь обратить въ Законъ свой; что Швеція опустошена язвою, и что Король требуетъ вспоможенія; что Архіепископъ долженъ ободрить какъ Шведовъ, такъ и другихъ сосѣдственныхъ островитянъ, знаменіемъ креста, дабы унять Новогородцевъ, враговъ Церкви, и проч. Во

многихъ нашихъ лѣтописяхъ находится такъ называемое рукописаніе Магнуса, или духовная, въ коей онъ дѣтямъ и братьямъ своимъ запрещаетъ вѣроломно нападать на Россіянъ во время мира, сказывая, что Князь Белгеръ (Биргеръ), едва могъ уйти отъ Александра Невскаго; что Андрей Александровичь взялъ крѣпость, построенную братомъ Магнуса, Маскалкою, на Охтѣ, и Шведы 40 лѣтъ воевали съ Россіею; что Князь Георгій Даніиловичь заключилъ съ ними вѣчный миръ, опредѣливъ границы на водѣ и землѣ; что Магнусъ чрезъ 30 лѣтъ нарушилъ оный, и взявъ Орѣховъ, ушелъ за море; что въ слѣдующій годъ онъ вторично приходилъ къ сему городу, но свѣдавъ о многочисленности стоявшаго тамъ войска Россійскаго, обратился къ Копорью; что Новогородцы, ставъ на Вуксѣ, принудили его бѣжать; что сильная буря истребила большую часть Шведскаго флота близъ устья Наровы; что Богъ наказалъ Швецію голодомъ, потопомъ, язвою и междоусобіемъ; что самъ Магнусъ лишился ума и цѣлый годъ сидѣлъ прикованный къ стѣнѣ (и задѣлаша мя въ полатѣ); что сынъ Королевскій, Исакунъ, освободилъ отца; что Магнусъ отправился въ Норвегію, и едва не утонулъ на морѣ; что вѣтромъ принесло его на доскѣ къ Полной рѣкѣ, гдѣ Иноки Спасской обители спасли ему жизнь; что онъ постригся въ ихъ монастырѣ, и кается въ грѣхахъ своего высокоумія. Сія басня изобрѣтена, какъ вѣроятно, современникомъ, который слышалъ о несчастіяхъ Магнуса. Король не сходилъ съ ума, но дѣйствительно сверженный съ престола, и сыномъ Гаканомъ освобожденный, утонулъ въ Готландіи, у Бломместольма.

(349) Въ Троицк.: „Олгердъ (въ 1348 году) послалъ въ „Орду ко Царю Чанибеку брата своего Корьяда и просилъ рати „у Царя себѣ въ помочь; и то слышавъ Князь Великій Семенъ, „погадавъ съ своею братьею и съ Бояры, и посла въ Орду Ѳедора „Глѣбовича, да Аминя, да Ѳедора Шубачеева ко Царю жаловатися „на Олгерда, и слышавъ Царь жалобу, оже Олгердъ съ своею „братіею Царевъ улусъ, а Князя Великаго отчину испустошилъ, и выдалъ Царь Корьяда, Михайла и Семена Свислочьскаго и Аиншъ Киличеемъ (посламъ) Князя Великаго, и далъ „посла своего Тотуя, и посолъ Тотуй выдалъ Корьяда и его „дружину Князю Великому.... Олгердъ“ (въ 1349 году) „прислалъ „послы ко Князю Великому за своего брата и за его дружину „со многими дары, просяще мира и живота всей братіи и много „серебро отложилъ.“ — Въ Ростов. и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Ольгердъ требовалъ отъ Хана рати, желая воевать съ Великимъ Княземъ; но въ Троицкой

нѣтъ сего прибавленія. Гораздо вѣроятнѣе, что Ольгердъ хотѣлъ употребить силу Моголовъ противъ Нѣмцевъ.

(350) См. выше, примѣч. 329, и Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 218. Длугош. кн. IX, стр. 1088: Nonnullorum autem Ducum Russiae (plures enim ea tempestate extabant) precibus placatus, eos in gratiam et feudum suscipit.

(351) Въ Новогород. Лѣт.: „въ лѣто 6857 (1349) пріиде „Король Краковьскій съ многою силою, и взяша лестію землю „Волынскую, и много зла Христіаномъ створиша, а церкви свя-„тыя претвориша на Латынское богумерское служеніе." Ненависть Россіянъ къ Полякамъ была столь велика, что Князь Даніилъ Острожскій (одинъ изъ потомковъ Св. Владиміра) и Старостa Перемышля, именемъ Дашко, въ 1341 году звали Хана освободить ихъ отъ ига Казимирова, желая лучше повиноваться Моголамъ, нежели сему Королю Христіанскому: ибо Моголы не вмѣшивались въ Вѣру. Ханъ посылалъ войско до самыхъ береговъ Вислы; но Поляки разбили его (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 108 — 113). — Въ Троицк.: „Прислалъ (въ 1349 году) „Князь Любортъ изъ Велыня своихъ Бояръ къ В. К. Семену „бить челомъ о любви и испросити сестричну его за себе у „Князя Костянтина Ростовскаго, и Князь Великій пріялъ въ „любовь его челобитье, пожаловалъ и выдалъ свою сестричну „въ Велынь." Первою женою Любарта была, какъ извѣстно, дочь Князя Волынскаго. — Далѣе: „Того жъ лѣта К. В. Олгердъ „прислалъ послы бить челомъ К. В. Семену, просити за себе „свѣсти Княжи Семеновы, Княжны Ульяны, Княжи дчери Алек-„сандровы Михайловича Тферскаго, и К. В. Семенъ, доложа „Ѳеогноста Митрополита, и выдалъ свою свѣсть за Ол-„герда." Далѣе см. Стриковскаго.

(352) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1349, No 24, гдѣ напечатано письмо Климента къ Кестутію. — Казимиръ остался Государемъ одной Галицкой области; но въ 1351 году, съ помощію Венгровъ разбивъ Литовцевъ, снова завладѣлъ частію Волыніи и плѣнилъ Кестутія, который однакожь ушелъ изъ неволи (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. VI, 228).

(353) Матвей Виллани, кн. II, гл. 72. Онъ называетъ Брацлавскую область Прокланіею, сказывая, что тамошній невѣрный (infidelis) Князь, подчиненный Королю Венгерскому Людовику, требовалъ отъ него вспоможенія; что Людовикъ послалъ ему 40.000 всадниковъ, которые, имѣвъ кровопролитную битву съ непріятелемъ, должены иковали отступить; что Моголы также удалились, испуганные вѣстію о новыхъ вооруженіяхъ Князя Брацлавскаго и Людовика; что въ 1354 году

Короли Польскій и Венгерскій съ 200,000 всадниковъ перешли за Бугъ (in Tatariam ultra Bogum); что ихъ встрѣтилъ юный Царь Могольскій, и спрашивалъ, куда и зачѣмъ они идутъ; что Короли принудили его окреститься и взяли съ собою. Нарушевичь считалъ сего Князя Брацлавскаго Өеодоромъ Коріядовичемъ, внукомъ Гедиминовымъ; но вѣроятнѣе, что онъ былъ Князь Россійскій Владимірова племени. Коріядовичи господствовали тамъ уже послѣ, какъ увидимъ во времена Димитрія Донскаго. — Длугошъ, въ описаніи 1352 года, называетъ Подолію областію Казимировою, сказывая, что Татары, призванные Ольгердомъ, разорили оную (Hist. Pol. кн. IX, стр. 1096); а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Казимиръ отнялъ сію землю, богатую медомъ и скотомъ, у Татаръ (кн. X, стр. 150). Сыновья Коріядовы безъ сомнѣнія тамъ господствовали, но зависѣли отъ Венгріи и Польши.

(354) См. сей Исторіи Т. V, примѣч. 12. Людовикъ, будучи вмѣстѣ Государемъ Венгріи и Польши, думалъ присоединить Галицію къ первому Королевству; но въ 1390 году Поляки выгнали оттуда Венгровъ, и владѣли оною до 1772 года.

(355) Въ Псков. Лѣт.: „на другое лѣто" (въ 1349 г.) „Апрѣля въ 13, въ Понедѣльникъ Св. недѣли, Князь Юрьи Витовтовичь, возмя Поповъ Св. Троицы и Діякона, поѣха во Изборескъ священи церкви Св. Спаса Преображенія у Св. Николы на полатахъ, и священа бысть церковь въ Среду. Внезапу пригнавше Нѣмцы ко Изборску ратію, и выѣха Князь Юрьи противъ ихъ, и Псковичи и Изборяне, и на первомъ ступѣ убиша Князя Юрья и другаго Юрья Мачкина брата, и иныхъ..... Поставиша (въ 1349) Нѣмцы городокъ надъ Наровою, противъ „исада Псковскаго" (пристани) „и Псковичи, подъемше всю свою область, поѣхаша въ лодьяхъ о Иванѣ Посадникѣ, иніи на конехъ — и зажгоша приметомъ, а Нѣмцы да Чюдь въ городкѣ сгорѣша, а иніи метахуся съ города: Псковичи же посѣкоша ихъ мечи. Того жь лѣта Княгиня Юрьева съ дѣтми своими поѣха изо Пскова въ Литву. Потомъ же отрекошася Псковичи Князя Андрея..... Андрей и отецъ его разгнѣвавшеся на Псковичь, а и преже того Олигердъ нача нелюбье держати до Пскова, какъ воевалъ Новгородскую волость и Лугу, идѣ паки по Псковской волости во свою землю, и жалящесь на Псковичь, глаголя: много моихъ людей и коней погибли въ вашей волости. Посемъ же гостей Псковскыхъ порубил" (захватилъ) „и товаръ отня, а на самыхъ окупъ иманъ, отпусти. Въ лѣто 6858 (1350) Князь Андрей Олгердовичь съ Полочаны отъ своея Украйны пригнавше безъ вѣсти и повоеваша нѣколико Вороначьскоя волости, и се первое нача войну."

(356) Въ Троицк.: „Князь Великій пойде ратью къ „Смоленску въ силѣ тяжцѣ и велицѣ, а съ нимъ братья его „и вси Князи, и дошедше Вышегорода“ (на рѣкѣ Протвѣ, выше Боровска) „ту срѣтоша его послове отъ Князя Литовскаго отъ „Олгерда со многими дары о миру. Князь же Великій, не оставя Олгердова слова, миръ взялъ, а самъ подвижеся еще „къ Угрѣ... и ту пріѣхаша къ нему послове Смоленскіе. Князь „стоялъ на Угрѣ недѣлю, и оттоль послы посылавъ въ Смоленескъ,“ и проч. Симеонъ шелъ воевать не съ Ольгердомъ, а съ Княземъ Смоленскимъ.

(357) Въ Троицк.: „бысть казнь отъ Бога на люди подъ „восточною страною, въ Ордѣ, и въ Орначѣ“ (при устьѣ Дона) „и въ Сараѣ, и въ Бездежѣ“ (см. выше, примѣч. 238) „и въ Жидѣхъ, и въ прочихъ странахъ, и бысть моръ великъ на люди „на Бесермены“ (Хивинцы) „и на Татары, и на Ормены“ (Армяны) „и на Обезы“ (Абазинцы) „и на Жиды и на Фрязы“ (Генуэзцы и Венеціяне въ Тавридѣ и въ Азовѣ) „и на Черкасы, „толь же силенъ бысть моръ, яко не бѣ мощно живымъ мертвыхъ погребати.“ О сей язвѣ см. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, T. III, стр. 266 — Далин. II, 383, и Гадебуш. Liefl. Jahrb. I, 441. Въ Псков. Лѣт.: „Въ лѣто 6860 бысть моръ золъ... „Бяше тогда знаменіе смертное сицево: аще кто отхракнетъ „кровію, то на вторый или на третій день умираше... Мнози „идяху въ монастыри... Друзіи же въ мірѣ въ домѣхъ своихъ „такожь готовляхуся... Ови отъ богатества села даваху монастыремъ, друзіи же во езерѣ ловища и исады“ (пристани, а не сады)... „Попове не можаху проводити по единому изъ „дворовъ, но веляху комуждо своя мертвыя на церковныя дворы „провадити.... и всѣмъ единъ проводъ отпѣваху, надгробную „пѣснь; токмо душевную молитву разрѣшальную комуждо особѣ „измолвяху, тако полагаху по трое или по пяти головъ во „единъ гробъ.... Тогда бяше многъ плачь и лютое кричаніе въ „людехъ.... Своихъ сродниковъ отвращахуся; а иніи неледушніи, „страхъ смертный отъ сердецъ своихъ отринувше, безъ сумнѣнія чюжая мертвецы или сироты, тѣхъ спрятывающе, износя погребаху и память по нихъ творяще просвирою.... Той „моръ былъ во Псковѣ чрезъ все лѣто (началося изъ весны на „Цвѣтной недѣли), и до самыя осени; уже предъ зимою преста. „Нѣціи глаголютъ, топъ моръ пошелъ изъ Индѣйскыя страны отъ Солнца града... Того жь лѣта Псковичи поставиша „церковь Св. Богородицы, честному Ея Покрову, за стѣною, „въ странѣ Св. Димитрія. Тогда же Архіеп. Василій пріѣха во „Псковъ,“ и проч. Сіи подробности и другія, нами описанныя въ

Исторіи, находятся также въ Ростовской и въ другой Синодальной лѣтописи No 349, л. 73. Въ Псков. Лѣт. еще подъ 1342 годомъ упоминается о язвѣ, отъ коей умерло множество людей въ семъ городѣ и въ Изборскѣ; но сіе извѣстіе есть только сокращеніе вышеприведеннаго и внесено тутъ отъ недоразумѣнія переписчикова.

(358) Въ Новогород. Лѣт. сказано, что въ семъ году Архіеп. Василій ѣздилъ въ Орѣховъ: „добиша челомъ Новогородци, Бояре и черныи люди, Архіепископу, чтобы еси, господине, „ѣхалъ, нарядилъ костры во Орѣховѣ; и онъ, ѣхавъ, костры „нарядилъ." Кострами назывались стрѣльницы. Такъ сказано въ Ростов. Лѣт. подъ годомъ 6894: „Новогородцы послаша Василія Кузмина городъ Орѣшикъ починивати и костровъ; а въ Лѣт. Псков. подъ годомъ 6895: „поставиша 3 „костры камены у новыя стѣны, на приступѣ." См. далѣе Архив. Псковск. Лѣт. Въ Новгород.: „Пріѣхаша послове изо „Пскова, биша челомъ Владыцѣ, ркуче такъ: Богови тако из„волшу и Святой Троицѣ, дѣтемъ твоимъ Пьсковицемъ Богъ „реклъ жити дотолѣ, чтобы еси, господине, былъ у Св. Троици „и дѣтій своихъ благословилъ. И онъ не умедли, поѣха, поимя „съ собою Архимандрита Микифора, Игумены, Попове.... По„ѣха изъ города (Пскова), доѣха до Прощеника въ день Недѣль„ный; обвечеривщися за Прощеникомъ съ едину версту, на рѣцѣ „на Чересѣ сташа, и разболѣся ту, привезоша его въ мона„стырь ко Св. Михаилу устъ Узы рѣки на Шелонѣ и преста„вися ту Іюля въ 3 (въ 9 часу дня); превезоша его въ Новго„родъ Іюля въ 5; проводи его Архіепископъ Новгородскій Мои„сей и весь Новгородѣ и положиша у Св. Софьи въ притворѣ." Симъ извѣстіемъ заключается харатейная Новогородская лѣтопись, напечатанная въ Москвѣ столь исправно, что я не замѣтилъ въ ней почти никакихъ ошибокъ. — Въ Новгород. Попа Іоанна: „Того жь лѣта пакы съ молбою введоша" (изъ монастыря съ Коломцы) „Моисея Архіепископа на свой ему столъ „къ Св. Софьи."

(359) См. выше, примѣч. 328 и ниже. Въ Новогород.: „Михаилъ Княжичь Александровичь" (въ 1341 году) „пріѣха съ „Твери въ Новгородъ къ Владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ „учитися." Письмо Василіево напечатано въ Степен. Кн. I, 480. Василій утверждаетъ бытіе рая на землѣ слѣдующими доказательствами: 1) въ священныхъ книгахъ сказано, что Тигръ, Нилъ, Евфратъ текутъ изъ рая; 2) Енохъ, Илія переселены въ рай, отъ коего Св. Макарій жилъ за 20 поприщъ, и въ коемъ Св. Евфросинъ сорвалъ яблоко; оттуда же Ангелъ принесъ вѣтвь

Богоматери, видѣнную Апостолами и многими Жидами; 3) Іоаннъ Златоустъ именно говоритъ, что рай на Востокѣ, Адъ же на Западѣ. „Много тому видоковъ (пишетъ Василій) дѣтей моихъ „Новоградцевъ: на Дышущемъ морѣ червь неусыпающій и скрежетъ зубный и рѣка смоляная Мотръ... А мѣсто св. рая находилъ Моиславъ Новоградецъ и сынъ его Іаковъ, и всѣхъ было „ихъ три юмы (лодки), и едина, много блудивъ, погибла; а двѣ „принесло къ высокимъ горамъ, и видѣша на горѣ той Деисусъ написанъ лазуремъ чуднымъ... и свѣтъ бысть самосіяненъ, „и пребыша долго на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша, но „свѣтъ бысть паче солнца; и на горахъ тѣхъ ликованія слышахъ; и повелѣша единому другу своему взъити по шеглѣ на „гору, и абіе восплеснувъ руками, засмѣяся, и побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они же другаго послаша... и той „такоже сотвори... И послаша третьяго на гору, привязавъ „ужищемъ за ногу его. И той такоже хотя сотворити; они „же сдернуша его, и обрѣтеся мертвъ. Они же побѣгоша вспять: „не дано бо имъ долѣ видѣти свѣтлости тоя и слышати тамо „ликованія. А тѣхъ мужей и нынѣ чада и внучата добрѣ здравы.“ Новогородцы, подобно всѣмъ древнимъ путешественникамъ, любили, какъ видно, удивлять своихъ пріятелей чудесными разсказами, побывавъ на Бѣломъ морѣ, въ окрестностяхъ Лапландіи. Высокія горы, гдѣ Моиславъ нашелъ рай, именуются нынѣ Шемеханскими. Герберштейнъ пишетъ, что въ его время Норвежцы полагали тамъ, вмѣсто рая, Чистилище (см. Rer. Moscov. Com. стр. 60). Архіепископъ Василій самъ путешествовалъ и былъ въ Іерусалимѣ, ибо пишетъ къ Ѳеодору: „егда постися Христосъ надъ Іорданомъ, своима очима видѣлъ „есми постницу его,“ и проч.

(360) О семъ бѣломъ клобукѣ есть особенная сказка, напечатанная раскольниками (около 1736 года) въ ихъ Супральской типографіи и сообщенная толмачемъ Димитріемъ въ письмѣ къ Геннадію, Архіепископу Новогородскому, въ государствованіе Великаго Князя Іоанна Василіевича. Авторъ говоритъ, что Константинъ Великій далъ бѣлый клобукъ Епископу Сильвестру; что Римляне, оставивъ православіе Греческой Церкви, забыли и важность клобука, долгое время сохраняннаго въ церкви; что одинъ Папа, устрашенный разными чудесными явленіями, отослалъ его въ Царьградъ къ Патріарху Филоѳею, а Патріархъ къ Новогородскому Епископу Василію: ибо Апостолы Петръ и Павелъ открыли ему во сновидѣніи, что Константинополь будетъ скоро взятъ Турками, а Россія заступитъ мѣсто Греціи. Сія повѣсть справедливо объявлена баснословною

Московскимъ Соборомъ 1667 года и въ Духовномъ Регламентѣ. Въ дѣяніяхъ перваго, въ главѣ 2, сказано въ одномъ мѣстѣ: „Повелѣваемъ еще и писаніе, еже писано есть изъ Рима ко Генадію Новгородскому Архіепископу отъ Димитрія толмача о бѣломъ клобукѣ и о прочихъ, да никто сему писанію вѣру иметъ, зане лживо и неправо есть, якоже яснѣйше возобличатся прочая его блядословія во иномъ писаніи; обаче мы благословихомъ всѣхъ Митрополитовъ Велико-Россійскаго Государства, да носятъ бѣлыя клобуки по Греческому образу ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмача, еже писа отъ вѣтра главы своея.“ А въ другомъ: „Чего ради иконописцы пишутъ Святаго Петра, Алексія, Іону Московскихъ Чудотворцовъ въ бѣлыхъ клобукахъ неправедно, зане они клобуки бѣлыя не носиша, и ниже бысть еще въ Россійскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ни же Кипріанъ и Фотій Митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во Архіерейство, носиша бѣлыя клобуки, зане яко писано есть въ писаніи, еже отъ Димитрія толмача ко Генадію Новгородскому Епископу о бѣломъ клобукѣ, яко посланъ той бѣлыи клобукъ ко Василію Епископу Новгородскому отъ Филоѳея Патріарха Константинопольскаго... и отъ того времене началъ Новгородскій Архіепископъ точію единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія Архіепископа, а послѣ Генадія пріяша и начаша и Московстіи Митрополити и прочіи носити бѣлыя клобуки, якоже видится въ томъ же Димитріевѣ писаніи, яко еще предъ Генадіемъ Архіепископомъ Новгородскимъ никто изъ Архіерей нигдѣ носи бѣлый клобукъ, точію единъ Новгородскій Архіепископъ, иже бѣ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Василіевичѣ“ (см. Полный списокъ правилъ сего Московскаго Собора, хранящійся въ Синодальной библіотекѣ). Въ противность тому Никон. Лѣт. подъ годомъ 1392, въ житіи Св. Сергія говоритъ: „клобуки бѣлые изначала вси ношаху на Руси и Митрополиты „и Епископы.“ Константинопольскіе Патріархи также носили оные, но единственно избранные въ сей верховный санъ изъ Бѣлыхъ Священниковъ. Предложимъ доказательство. Императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ своей Исторіи Іоанна Палеолога, кн. III, гл. 36, статья 3, пишетъ, что Патріархъ Іоаннъ XIV, короновавъ сего Императора, въ знакъ отличія сталъ подписывать свое имя зелеными чернилами и надѣлъ клобукъ сдѣланный изъ золотой парчи, вмѣсто бѣлаго, обыкновенно носимаго Патріархами не-Монашескаго сана (по Французскому переводу Г. Кузеня: au lieu que les autres Patriarches qui n'étoient pas Moines, n'avoient accoutumé de porter qu'un bonnet blanc). Патріархъ могъ дать сей

клобукъ Василію для того, что онъ былъ избранъ въ Архіепископы изъ Приходскихъ Бѣлыхъ Священниковъ. Греки, отмѣнивъ обычай ставить въ Святители не-Монаховъ, оставили и бѣлый клобукъ. Симъ замѣчаніемъ обязанъ я Сочинителю Историческихъ разговоровъ о древностяхъ Новагорода (стр. 39 — 40). Въ прибавленіе къ тому скажемъ, что Св. Леонтій, первый Епископъ Ростовскій, и Св. Епископъ Исаія обыкновенно пишутся на иконахъ въ бѣлыхъ клобукахъ. Знаемъ еще, что Антоній, Святитель Туровскій въ 1405 году, носилъ бѣлый клобукъ (см. харат. Троицк. Лѣт. подъ симъ годомъ). Въ IX Томѣ сей Исторіи мы сообщимъ (неизвѣстное доселѣ) постановленіе Московскаго Собора въ 1563 году о бѣломъ клобукѣ. — О крещатыхъ ризахъ см. ниже въ примѣч. 382.

(361) Далин. Gesch. des R. Schw. II, 384. Монфоконъ пишетъ (Monum. de la Monar. Franc. T. II, стр. 282), что двойни и тройни родились тогда весьма часто, но не имѣли болѣе двадцати или двадцати-двухъ зубовъ. — О Глуховѣ и Бѣлозерскѣ см. Никон. Лѣт.

(362) Ѳеогностъ скончался Марта 11 въ 1353 году; сыновья Великаго Князя, Іоаннъ и Симеонъ, преставились на той же недѣлѣ; Великій Князь 26 Апрѣля, а братъ его, Андрей Іоанновичь, Іюня 6. Правда, что Ѳеогностъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, давно уже былъ слабъ здоровьемъ. Его погребли Владимірскій Епископъ Алексій, Волынскій Аѳанасій и Коломенскій того же имени въ церкви Богоматери, недалеко отъ могилы Петра Митрополита. Здѣсь въ первый разъ упоминается о Коломенской Епископіи. Симеонъ и Андрей лежатъ въ Архангельскомъ Соборѣ. — Въ Синодал. библ., въ книгѣ подъ No 228, нашелъ я слѣдующее письмо Ѳеогноста Митрополита: „Благословенье Ѳеогноста Митрополита всея Руси къ дѣтемъ моимъ къ „Баскакомъ и къ Сотникомъ, и къ Игуменомъ, и къ Попомъ, и „ко всѣмъ Крестьяномъ Чермного Яру и ко всѣмъ городомъ по „великую Ворону. Молюся Богови, да будете душею и тѣломъ „добри здорови. Вѣдайте, дѣти, занеже многожды рѣчи и мятежь „былъ промежи двѣма Владыками, Рязанскимъ и Сарайскимъ, „про передѣлъ тъ, и послалъ былъ язъ къ вамъ Игумена своего, „да расмотритъ по правдѣ, чій передѣлъ будетъ; и по того же „Игумена послушьству далъ есмь былъ грамоту Владыцѣ Сарайскому Афонасью: нынѣ же пріѣхалъ къ мнѣ Владыка Рязанскій съ крылошаны своими и привезлъ ко мнѣ грамоту брата „моего, Максима Митрополита, а другую грамоту брата моего, „Петра Митрополита, и управливаютъ Владыку Рязанскаго, и „велятъ ему держати всего передѣла того по великую Ворону;

„и явилъ ми и трешью грамоту Владыки Сарайскаго Софонья,
„какъ шъ ся отступилъ шого передѣла, что ся ему не вступа-
„шися: занеже не Сарайскій передѣлъ, но Рязанскій. И си вся
„язъ нынѣ видѣвъ, расудилъ есмь по шѣмъ грамотамъ брашьи
„моей Мишрополишовъ, что держали Владыцѣ Рязанскому пе-
„редѣла шого всего по великую Ворону. И оже быхъ переже
„сихъ грамошъ видѣлъ, ни Игумена быхъ не посылалъ изведы-
„вашь, ни грамоты быхъ Сарайскому Владыцѣ не далъ. И нынѣ
„есмь шу грамошу отложилъ, а грамошъ брашьи своей Мишро-
„полишовъ не могу порушиши. И шого дѣля нынѣ пишу къ вамъ
„и явно створяю, какъ по шѣмъ грамошамъ брашьи моей Мишт-
„рополишовъ управливаю Владыку Рязанскаго, ашь вѣдаешь пере-
„дѣлъ шъ весь, и далъ есмь Владыцѣ Рязаньскому Кирилу гра-
„моту правую, какъ и брашья моя дали Мишрополишы, и вы
„имѣйше къ нему любовь и всяко послушанье и покоренье, и ис-
„полнивайше все, елико глаголешь вамъ душеполезная и спаси-
„шелная: а что будешь церковная пошлина, а шо ему давайше,
„по давному обычаю. А милость божья и святой Богородицы и
„мое благословенье да будешь съ вами." — Θеогносшъ подпи-
салъ внизу имя свое по-Гречески.

(363) Герберштеинъ, повѣствуя о концѣ Георгія Даніиловича и Димитрія Тверскаго, пишешъ (Rer. Mosc. Comment. стр. 6) что Симеонъ, получивъ отъ Чанибека власть и надъ Тверскимъ Княженіемъ, упросилъ его не брашь съ онаго ежегодной дани: въ чемъ способствовали сему Князю ВельможиТашарскіе, имъ подкупленные. Гербершт. слышалъ о шомъ въ Москвѣ. — О печати см. ниже. Татищевъ прибавляешъ, что Симеонъ пилъ вино и медъ, но никогда не упивался; не любилъ войны, но держалъ войско въ готовности и въ чести; былъ любимъ брашьями, и проч.

(364) См. печашн. Родослов. Книгу II, 207: „и какъ Кн.
„Вел. Симеонъ Ивановичь Гордой женился у Кн. Θедора Свято-
„славича, и Князь Великій перезвалъ его къ себѣ, а далъ ему вош-
„чину Волокъ совсѣмъ, и Великую Княгиню на свадьбѣ испортили:
„ляжешъ съ Великимъ Княземъ, и она ему покажется мертвецъ,
„и Князь Великій Великую Княгиню отослалъ къ отцу ея на Волокъ,
„а велѣлъ ее даши за-мужъ, и Князь Θедоръ Свяшославичь далъ
„дочь свою за Князя Θедора за Краснаго за большаго Θоминскаго."
По другимъ лѣтописямъ (см. Русск. Временникъ, I, 173) Симеонъ развелся съ нею для того, что она не родила дѣшей; но отъ Князя Θоминскаго было у нее 4 сына: „преступи законъ „Божій (Симеонъ), женися у Князя Тверскаго, и отъ шоя не „бысть ему чадъ:" нѣтъ, были дѣти, но умерли во младенче-

ствѣ. Отецъ Евраксіи, Князь Смоленскій, могъ быть сыномъ Святослава, плѣненнаго въ Можайскѣ Георгіемъ Даніиловичемъ. Великій Князь въ своемъ духовномъ завѣщаніи (см. ниже) отказалъ Можайскъ супругѣ своей: слѣдственно, вопреки Родословной Книгѣ, Ѳеодоръ Святославичь господствовалъ тамъ временно, какъ Намѣстникъ, а не вотчинникъ. — Первая супруга Симеонова, Анастасія Литовская, скончалась 11 Марта, въ Черницахъ и въ Схимѣ, и положена въ Кремленской церкви Преображенія.

(365) „Тое же весны" (въ 1347) „оженися Князь Великій: „приведоша ему со Тфери Княжну Марію, дчерь Александрову „Михайловича, Тферскаго Князя; а ѣздили по нее Андрей Кобыла" (родоначальникъ Захарьиныхъ и Романовыхъ) „да Олексѣй Босоволковъ.... Тое же зимы Князю Великому родися сынъ Данило Дек. 15... Септ. 7" (въ 1349 г.) „Великому „Князю родись сынъ, и крести его Митрополитъ, и нарече имя „ему Михаилъ.... Тое же зимы" (въ 1350 г.) „Князю Великому „родись сынъ Иванъ.... Февр. 3 родись ему сынъ Семенъ." Одинъ изъ сыновей, Даніилъ или Михаилъ, былъ еще живъ, когда Симеонъ писалъ свое завѣщаніе, гдѣ сказано: „приказываю свою „Княгиню и своего"... конечно сына; но имя стерлось. Сія духовная, писанная на бумагѣ, напечатана въ Собраніи Госуд. Грамотъ I, 37. „Се язъ худый грѣшный рабъ Божій „Созонтъ.... даю рядъ своей Княгинѣ: велѣлъ есмь у нее быти „своему (ея) дядѣ Василью (Михайловичу Тверскому); а по Бозѣ „приказываю своей братьѣ, К. Ивану и К. Андрею, свою Княгиню...... А чимъ мя благословилъ отецъ мой, Коломна... Можаескъ, Заячковъ, что мя благословила тетка моя, Княгиня „Анна, и Гордошевичи.... а въ городѣ на Москвѣ жеребей мой „тамги; а села на Москвѣ....... Или буди чего забылъ написати „своее купли и участка; тако же и про золото.... а изъ стадъ „изъ моихъ Княгинѣ стадо Коломенское, другое стадо Дѣтино „Ивашково... то все далъ, атъ (да) молитъ Бога, а душу мою „поминаетъ до своего живота... А сю грамоту писалъ есмь передъ своими отци, передъ Владыкою Володимерскимъ передъ „Олексѣемъ... Переяславскимъ Ѳеонасьемъ, Коломенскимъ Ѳеонасьемъ... передъ Архимандритомъ Петромъ... Филимономъ, „передъ своимъ отцемъ душевнымъ Попомъ Евсевьемъ... Слушали бы есте (вы братья) Владыки Олексѣя, тако же старыхъ „Бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ. А пишу вамъ „се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителій нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла." Къ грамотѣ привѣшены 3 печати: одна серебряная вызолоченная съ изображеніемъ Св. Си-

меона и съ надписью: печать Князя Великого Семенова всея Руси; а двѣ восковыя измятыя.

(366) Ибо еще по Ярославовымъ законамъ лишался свободы всякой человѣкъ, который женился на рабѣ безъ особеннаго условія съ ея господиномъ.

(367) См. выше примѣч. 324 и Кн. Степен. I, 444. Житіе Св. Алексія было вкратцѣ описано Епископомъ Пермскимъ Пиширимомъ, въ 1455 году убитымъ Вогуличами; а въ Степен. Кн. оно предложено гораздо обстоятельнѣе. О родителяхъ Алексіевыхъ Сочинитель говоритъ: „Нѣкто отъ славныхъ Боляръ „Черниговскихъ, именемъ Ѳеодоръ, съ женою своею Маріею пре„селишася въ градъ Москву, идѣже тогда скиптродержавствуя „В. Князь Даніилъ Александровичь." Алексій постригся девятнадцати лѣтъ, будучи семнадцатью годами старѣе В. Князя Симеона, и жилъ 20 лѣтъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ игуменствовалъ тогда Стефанъ, братъ Св. Сергія Чудотворца, бывшій Духовникомъ Симеоновымъ и другомъ Инока Геронтія, знаменитаго мудростію. (Замѣтимъ, что въ лѣтописяхъ не упоминается о началѣ Богоявленскаго монастыря). — Въ Новогород. Лѣт.: „Пріиде (въ 1333 году) Митрополитъ „Ѳеогностъ въ Русь, бывъ въ Царѣградѣ и въ Ордѣ.... Той же зи„мы" — въ 1341 году, когда Симеонъ примирился съ Новогородцами — , пріѣха Митрополитъ Ѳеогностъ Гречинъ въ Новгородъ „съ многыми людми: тяжко же бысть Владыцѣ и монастыремъ „кормомъ и дары." — Алексій поставленъ въ Епископы въ 1352 году, Дек. 6. Въ лѣтописи: „А по своемъ животѣ благослови „(Митрополитъ) его въ свое мѣсто на Митрополіи, и погадавъ „съ сыномъ своимъ, со Княземъ съ Великимъ, и съ его братьею „и съ Бояры и съ Вельможи, и послаша послы во Царьгородъ," и проч. Сіе посольство было второе. Въ описаніи 1347 года сказано: „Князь Великій Семенъ и Митрополитъ послаша во Царь„городъ о благословеньи." Татищевъ же прибавилъ отъ себя слѣдующее: „Ѳеогностъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко ис„правленію монастырскаго служенія и уставиша начало года „отъ Сент. 1 числа, и посла Князь Великій со Архимандритомъ „Рождественскимъ въ Царьградъ къ Патріарху, о благословени „прося." Сей вымыселъ былъ многими принятъ за истину, и Кн. Щербатовъ соглашается, что Лѣтописцы Симеонова времени дѣйствительно начинаютъ годъ съ Сентября: нѣтъ, вездѣ съ Марта, какъ и прежде (кромѣ Никоновскаго). На примѣръ, въ Троиц. подъ годомъ 6857 сказано, что лѣтомъ были въ Москвѣ послы Литовскіе, а 7 Сент. родился сынъ у Симеона; тамъ же подъ годомъ 6875, что въ Великій постъ, Марта 20,

скончался Тверскій Епископъ Θеодоръ, а осенью тогоже лѣта, Октября 27, Князь Тверскій Михаилъ возвратился изъ Литвы. По Новогородской въ 1419 году, Маія 1, сгорѣлъ Славянскій Конецъ, а послѣ въ томъ же году Князь Константинъ Димитріевичь пріѣхалъ въ Новгородъ Февраля 25. Далѣе увидимъ, когда лѣтосчисленіе перемѣнилось (см. Т. V, примѣч 246). — Въ Степен. Кн. сказано, что умирающій Θеогностъ писалъ грамоту къ Патріаху Филоѳею: развѣ къ Каллисту? ибо Филоѳей сдѣлался Патріархомъ уже въ 1354 году.

(368) Въ Степен. Кн. I, 451: „и въ та времена отъ нѣ-„коего самочиненія предвари поставленъ быти въ Митрополи-„ты отъ Терновскаго (въ Болгаріи) Патріарха нѣкто Инокъ, „именемъ Θеодоритъ, еще живу сущу Митрополиту Θеогносту, „и пріиде въ Кіевъ, и ничтожь получи.“ Съ котораго времени Болгары имѣли своего Патріарха, не знаемъ.

(369) См. Никонов. Лѣт. Константинъ Тверскій началъ ссориться съ Княгинею Анастасіею и съ ея сыномъ въ 1346 году; въ томъ же году и скончался въ Ордѣ, а Василій Михайловичь былъ ограбленъ племянникомъ. Епископъ Тверскій Θеодоръ примирилъ ихъ въ 1349 году (сей Епископъ заступилъ мѣсто другаго Θеодора, умершаго въ 1345). Въ лѣтописи: „и „укрѣпишась межи собою крестнымъ цѣлованіемъ, и Василій „нача жити съ братаничемъ своимъ тихо и мирно, и пойдоша „людіе отвсюду въ землю Тверскую и умножишась... Въ лѣто „6860 (1352) пріиде изъ Орды посолъ Ахматъ и привезе Кн. Ва-„силію Михайловичу ярлыкъ на его имя, и нача Князь Василій „негодованіе имѣти на братанича своего, поминая Бездежскій „грабежъ его, и обидити, и Бояръ и слугъ его тягостію дан-„ною оскорбляти.“ Михаилъ Васильевичь Кашинскій женился на дочери Симеоновой въ 1350 году.

(370) „Тое же весны (въ 1351 году) Князь Муромскій Юрій Яро-„славичь обнови градъ свой отчину Муромъ, запустѣвшій здавна „отъ первыхъ Князей, и постави дворъ свой въ городѣ, тако „же и Бояре его и Вельможи, и купци и черные люди ставиша „дворы своя и церкви обновиша и украсиша иконами и книгами.“

(371) См. выше, примѣч. 303 и Повѣсть о Св. Сергіи въ Никон. Лѣт. IV, 203. Тамъ сказано, что отецъ Сергіевъ лишился богатства отъ частыхъ путешествій съ Княземъ въ Орду, отъ грабительства Татаръ, отъ неурожаевъ хлѣбныхъ, и проч. — Намѣстникъ Радонежскій назывался Терентіемъ Ртищею. Радонежъ есть нынѣ село Городокъ, въ 10 верстахъ отъ Лавры. — Братья Сергіевы, Стефанъ и Петръ, женились: первый сдѣлался инокомъ уже по кончинѣ супруги; а родители

ихъ также скончались въ монашествѣ. Выписываемъ нѣкоторыя мѣста: „Призвавъ (Св. Сергій) брата своего меньшаго, Петра, „оставляетъ ему отчее наслѣдіе... Стефанъ же убо преже по„стрижеся въ монастыри Покрова на Хотьковѣ: къ нему пріиде „меншій братъ, и моляше его, дабы съ нимъ шелъ на взыскание „пустыннаго мѣста... и идоша въ пустыню, въ великій лѣсъ; „избраша мѣсто и взяша благословеніе у Өеогноста Митропо„лита основати церковь; также и антимизъ взяша и Священ„ника, и освятиша церковь во имя Троицы при Вел. Кн. Си„меонѣ Ивановичѣ, въ началѣ княженія его... Стефанъ же оста„вляетъ пустыню и брата своего, и пріиде близъ града Москвы, „и вниде въ монастырь Св. Богоявленія... Братъ же Стефановъ „призва къ себѣ въ пустыню нѣкоего Игумена Митрофана... „Митрофанъ же постриже его мѣсяца Окт. въ 7 день... „Бѣ же тогда Святый возрастомъ 23 лѣта... По отшествіи Ми„трофана единъ живяше въ пустыни той... Прихожаху къ нему „звѣри мнози; единъ же медвѣдь часто не злобы ради приходитъ, „но снѣди ради. Святый же изнесе хлѣбъ изъ келіи своея и по„лагаше на кладѣ и на пни; медвѣдь же ядяше тихо, и весело „зряше на Святаго. Святый же благодаря Бога, яко лютый „звѣрь посланъ на утѣшеніе ему, и яко овца водворяшеся съ „нимъ въ пустыни... И тако пребывшу лѣта два или три еди„ному въ молчаніи, и по семъ окрестъ живущіи Мниси прихо„хожаху къ нему, глаголюще: отче! пріими насъ... Отвѣ„щавъ же Святый: радостнѣ пріемлю; токмо потщи„теся создати себѣ кождо свою келью.... По лѣтѣ же „единомъ Митрофанъ Игуменъ паки пріиде ко блаженному Сер„гію... разболѣся и преставись ко Господу. Тогда братья со„бравшесь глаголаша Преподобному: да будеши намъ Игу„менъ... Онъ же отрицашеся... Братія же восхотѣша разъи„тися. Онъ же рече: воля Господня да будетъ! Идемъ „во градъ Переславль къ Епископу. Бѣ бо тогда „Митрополитъ Алексѣй во Царѣградѣ, въ Переславлѣ же повелѣ „быти во свое мѣсто Епископу Аөанасію Волынскому... Аөана„сій же постави его въ Черицы, и въ Подъяконы, и въ Дьяко„ны; наутріе же соверши его Іерейскимъ саномъ; въ третій же „Св. Сергій со Архіереемъ соверши Божественную литургію... „Сице сподобися Священства и Игуменства... Бѣ же числомъ „Иноковъ тогда 12, кромѣ Игумена, и сице по два или по три „лѣта бываше; и аще единъ убудетъ, другаго на мѣсто его „пріимаше... Пріиде же ко Святому Симонъ, Архимандритъ „старѣйшій Смоленскій... и вниде въ монастырь его со многимъ „имѣніемъ, и даде ему вся на строеніе монастыря... и въ спа-

„росши преставися. По семъ же пріиде брашъ Сергіевъ, Стефанъ, оставя монастырь свой, въ немъ же Игуменомъ бяше, и „Великому Князю духовный отецъ, и Тысяцкому Василію и старѣйшимъ Болромъ. Приведе же съ собою сына своего меньшаго, „именемъ Ивана, двѣнадцати лѣтъ суща, и повелѣ его Игумену „Сергію постричи: Игуменъ же постриже его, и нарече ему „иноческое имя Θеодоръ... и научися отъ дяди своего добр. дѣтелямъ.., Мнози же отъ различныхъ странъ прихожаху къ нему: „Преподобный же всѣхъ пріимаше съ радостію, и постризаше... „Прежде же повелѣваше облещися имъ въ свиту долгу отъ сукна черна, и въ ней ходити съ братіями время довольно, дондеже извыкнутъ весь уставъ монастырскій; по сихъ же облачаше ихъ во иноческую одежду... Егда же будетъ кто совершенъ, „таковаго сподобляетъ пріяти и святую Схиму.... Пріидоша „Греки отъ Константинаграда ко Святому въ монастырь, и даша ему благословеніе отъ Патріарха Филоθея, крестъ и Парамандъ" (Paramandy, родъ мантіи: см. Дю-Канж. Glossar. подъ словомъ Mandyas) „и Схиму и грамоту... и Святый тѣхъ пойде „ко Алексѣю Митрополиту въ Москву (николи же и до великія „старости на кони ѣздяше) и вдаде ему поминки и грамоту „Патріаршу... Вѣ же написано сице: Божіею милостію Киръ „Филоθей, Константина-града Патріархъ вселенскій о Св. Дусѣ „сослужебнику нашего смиренія Сергію благодать и миръ и благословеніе. Слышахомъ житіе твое, и прославихомъ Бога.... „Но еще ти едина главизна недостаточствуетъ, яко не общее „житіе стяжалъ еси, его же самъ Пророкъ Давидъ, иже вся „обсязавый разумомъ, ничто же ино возможе похвалити, токмо „сице: се нынѣ что добро или что красно, но еже жити братіямъ вкупѣ," и проч...., Вопроси же Преподобный Митрополита, „како повелитъ чему быти: Алексѣй же Митрополитъ отвѣща: „яко же Патріархъ повелѣваетъ... И тако разрядиша братію „по службамъ, ового Келаря, ового Подкеларника, ового Казначея, ового Уставщика, овѣхъ трапезниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ, иныхъ же больнымъ служити, и все богатство „монастырское обще створиша." —Далѣе описывается, какъ Стефанъ грубымъ словомъ заставилъ брата искать другой пустыни; какъ Сергій основалъ монастырь на Киржачѣ, но долженъ былъ возвратиться въ Лавру Троицкую, и проч.

(372) „Въ Троицк.: „Початы быша (въ 1344 году) подписывати на Москвѣ двѣ церкви камены, Св. Богородица, да Св. Михаилъ; Св. же Богородицы подписывали Греци, Митрополичи писцы Θеогностовы, да котораго лѣта почали, того же лѣта и кончали; а Св. Михаила подписывали Руськія писцы Князя Великаго

,,Семеновы Ивановича, въ нихъ же бѣ старѣйшины и начальници ,,иконописцемъ Захарія, Іосифъ, Николай и прочая дружина ихъ, ,,но ни половины церкви не могли того лѣта подписати вели- ,,чества ради церкви тоя... Тое же весны (въ 1345 г.) почали ,,подписывати церковь (в. Спаса казною и велѣніемъ Великія ,,Княгини (умершей Анастасіи) ,,а мастеръ старѣйшина иконь- ,,никомъ Гоитанъ." Въ Никон. Лѣт.: ,,начальницы быша Рус- ,,тіи родомъ, а Гречестіи ученицы: Гойтанъ и Семенъ и Иванъ." Тамъ же: ,,Мастеръ Бориско слилъ" (въ 1346 г.) ,,три колоколы ,,великіе, а два малые." Въ Новогород.: ,,Владыка Василій ,,(въ 1342 г.) повелѣ сліяти колоколъ великъ къ Св. Софіи, и при- ,,веде мастеры съ Москвы, человѣка добра, именемъ Бориса." Никонов. Лѣт. называетъ сего Бориса Римляниномъ.

(373) Сіи двѣ грамоты принадлежатъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ бумажныхъ рукописей, донынѣ извѣстныхъ въ Европѣ. Въ Италіи и въ Испаніи не нашлось ничего писаннаго на тряпичной или ветошной бумагѣ ранѣе 1367, въ Англіи 1342, во Франціи 1311, въ Германіи 1308 годовъ (см. Essai sur l'origine de la gravure, T. I. стр. 332, и Wehrs vom Papier, T. I, стр. 173—320). Мы не знаемъ подлинно, гдѣ и когда изобрѣтена оная, въ Италіи, въ Германіи, или въ другой землѣ, знаемъ только, что не ранѣе XIII вѣка. Въ Россіи до сего времени и даже до XV столѣтія писали обыкновенно на пергаменѣ. Употреблялась ли у насъ писчая бумага, дѣлаемая изъ хлопчатой? Вѣроятно, когда Славяне Россійскіе, вмѣстѣ съ Иллирическими, и ветошную назвали ея именемъ. Сіи двѣ бумаги не легко различать. Нѣкоторыя Архивскія грамоты и даже Лѣтописцы (на примѣръ, Академическій Ипатьевскій) писаны, кажется, на бумагѣ сдѣланной изъ хлопчатой.

Случаи Симеонова княженія, о коихъ мы не упоминали: Въ 1341 году у Великаго Князя родился сынъ Константинъ, въ тотъ же день умершій. Зимою женился братъ Симеоновъ, Іоаннъ, на дочери Димитрія Брянскаго. Въ Новѣгородѣ хлѣбъ былъ дешевъ, а рогатый скотъ померъ. Архіепископъ Василій покрылъ свинцемъ обгорѣвшую церковь Софіи, украсивъ иконами и кивотомъ; сдѣлалъ также большій теремъ. — Въ 1342 скончались Евдоксія Іоанновна, супруга Василія Давидовича Ярославскаго, осенью Ѳеодоръ Тверскій Епископъ, зимою Княгиня Іоанна Іоанновича, Ѳеодосія Димитріевна. Въ Новѣгородѣ Архіеп. Василій, исполняя приказаніе Симеоново, Маія 27 заложилъ вновь на Городищѣ церковь Благовѣщенія, которая прежде тамъ существовала; а въ Октябрѣ умеръ Посадникъ Варѳоломей, схороненный Архіепископомъ въ церкви 40 Мучениковъ, въ могилѣ

его отца. — Въ 1343, Маія 31, сгорѣло въ Москвѣ 28 церквей. Архіеп. Василій освятилъ на Городищѣ церковь Благовѣщенія Авг. 24. — Въ 1344 поѣхали въ Орду Симеонъ, его братья и всѣ Князья, и возвратились Окт. 26, пожалованные Богомъ и Царемъ. (По Никон. Лѣт. Тверскій Епископъ Θеодоръ сдѣлалъ въ Соборной церкви мѣдныя двери). — Въ 1345, лѣтомъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ женились его братья, Іоаннъ и Андрей. Въ Новѣгородѣ Іакивъ Жабинъ заложилъ церковь Спаса на Ковалевѣ. Скончался Ярославскій Князь Василій Давидовичь, также Муромскій Василій Ярославичь Схимникомъ, и положенъ въ Муромской церкви Бориса и Глѣба (по Никон. Лѣт. въ монастырѣ на Ушинѣ). Въ Новѣгородѣ „поновлена бысть церкви „Св. Георгіи, покровенъ новымъ свинцемъ, замышленіемъ Архи„мандрита Іосифа. Совершена бысть церкви Св. Пятница на „память Симеона Столпника, и Кузма и Даміанъ на память „Кузмы и Даміана“ (первую строилъ Андрей, сынъ Тысячскаго, и Павелъ Петровичь, а вторую Іоаннъ Куритьскій). „Того же „лѣта весна Угъ вѣтръ, и внесе ледъ въ Волхово, и выдра 7 „городень, на память Архистратига Михаила о обѣдни, и толь„ко успѣлъ Посадникъ перейти съ всѣмъ Вѣчемъ на Трьговую „сторону. Отъяша посадничество отъ Остафія Дворянинца и „даша Матѳею Валѳромеевичь, и Божіею благостію не бысть „лиха межю има.“ — Въ 1346 живописцы кончили свою работу въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, въ церкви Преображенія и Іоанна Лѣствичника. Поставленъ Іоаннъ Епископомъ Ростову, бывъ Спасскимъ Архимандритомъ въ Москвѣ. — Въ 1347 находился въ Москвѣ Татарскій посолъ Кога и было весною необыкновенное наводненіе. Поставленъ Суздальскій Епископъ Наѳанаилъ. Отправился въ Орду Великій Князь. Въ 1348 онъ возвратился съ братомъ Андреемъ. „Бысть чудо во градѣ Москвѣ „мая въ 26 день: бысть прощенье въ церкви у гроба Петрова; „дѣвица нѣкая приде имуща руцѣ прикорченѣ, и исцѣленье по„лучи“ (по Ник. Лѣт. человѣкъ именемъ Иванъ, у котораго болѣлъ глазъ).. „Архіеп. Новогород. Василій повелѣ подписати „церковь Св. Въскресенія на Деревяници, и кончаша на зачатіе „Іоанна Крестителя.“ (По Ник. Лѣт. Князь Могольскій Темиръ опустошилъ Алексинъ, городъ Св. Петра Митрополита, и былъ умерщвленъ въ Ордѣ слугами. Тверскій Епископъ росписалъ олтарь въ Соборной церкви. Скончалась Марія, супруга убіеннаго въ Ордѣ Князя Димитрія Михайловича Тверскаго. Былъ моръ въ Полоцкѣ). — Въ 1350, Іюня 16, Новогородцы смѣнили Посадника Θеодора Даниловича, выбравъ Онцифора (Онисифора) Лукина. Архіеп. Василій сдѣлалъ каменную полатку у себя на

дворѣ подлѣ церкви Рождества. Новогородцы выгнали бывшаго Посадника Ѳеодора съ братьями Михаиломъ, Юріемъ и Андреяномъ, разграбивъ ихъ домы и Прусскую улицу; изгнанники ушли во Псковъ, оттуда же въ Копорье. Въ Духовъ день свирѣпствовала буря. Въ Новѣгородѣ перестроили церковь Флора и Лавра. „Рать Нѣмецкая истопе въ морѣ." Преставился Князь Василій Александровичь Рязанскій. Весною поѣхалъ Вел. Князь въ Орду съ братьями, а лѣтомъ возвратился. „Кончанъ бысть притворъ, „придѣлъ каменъ у церкви Св. Спаса на Москвѣ." Окт. 12 родился Іоанну Іоанновичу сынъ Димитрій. Занемогъ осенью Митрополитъ Ѳеогностъ. (По Ник. Лѣт. Константинъ Суздальскій заложилъ кам. церковь въ Нижнемъ и ѣздилъ въ Орду). — Въ 1351 „бысть чудо въ Москвѣ у гроба Св. Петра Митрополи-„та: жена нѣкая два года лежала безъ ногъ, и бысть проще-„на здрава. Ѳеогностъ Митрополитъ благословилъ Данила Вла-„дыку Епископомъ на Суждаль, и пріимъ древній свой санъ, и „служи обѣдню... (Татищевъ пишетъ, что сей Епископъ желая имѣть болѣе селъ, и недовольный Княземъ Александромъ Суздальскимъ, отлучилъ отъ церкви Бояръ его: чѣмъ и заслужилъ справедливый гнѣвъ Митрополита). „Поновиша (въ Новѣгородѣ) „церковь каменну Св. Бориса и Глѣба Орѣховскимъ серебромъ въ „Колошкѣ."

(374) Объ немъ сказано въ лѣтописяхъ: „княжилъ честно „и грозно; боронилъ отчину свою отъ сильныхъ Князей и отъ „Татаръ."

(375) См. выше стр. 160. Въ Троицк.: „того жъ лѣта „(1353) въ Петрово говѣнье, Іюня въ 22 день, взяша Рязанци „Лопасну. Князь Олегъ тогда еще младъ былъ... Намѣстника „изнимаша Михайла Александровича." Въ сей лѣтописи несправедливо означено преставленіе Симеона уже подъ годомъ 1354, вмѣсто 1353.

(376) Княживъ 15 лѣтъ, онъ преставился въ 1355 году, Ноября 21, въ Черницахъ и въ Схимѣ, и положенъ въ Нижегородской Соборной церкви Св. Спаса, имъ созданной, гдѣ и нынѣ показываютъ его гробъ. Тамъ погребена и супруга Константинова, Анна Грековна (думаю, Гречанка). Въ Никонов. прибавлено, что Константинъ не за долго до кончины помирился съ Іоанномъ. — О Новогородцахъ: „Пребыша безъ мира „съ Великымъ Княземъ полтора году, но промежи того не бысть „злаго." — Андрей ѣздилъ тогда къ Хану и возвратился отъ него въ 1356 году. — Димитрій Ѳеодоровичь Стародубскій, праправнукъ Іоанна Всеволодовича, умеръ въ 1355 году и погребенъ въ Стародубѣ; а братъ его сѣлъ на Княженіе зимою въ 1356.

(377) Олгердъ выдалъ дочь за Бориса Суздальскаго въ 1354 году, а племянника женилъ на Московской Княжнѣ въ 1356. — „Тое же осени (1356) Олгердъ воевалъ Бряноскъ и Смоленскъ, и „у Князя Василья (Александровича) полонилъ сына. Пріиде изъ „Орды Князь Василей съ пожалованьемъ и сяде на Княжении во „Брянскѣ, и преставися. И бысть въ Брянскѣ мятежъ отъ ли- „хихъ людей, и замятня велія и запустѣніе града: и потомъ „нача обладати Брянскимъ Князь Великій Литовскій" (см. Никон. Лѣт.) Василій сдѣлался Брянскимъ Княземъ по кон- чинѣ Димитрія, отца первой супруги Великаго Князя Іоанна Іоанновича (см. о Брянскихъ Князьяхъ выше примѣч. 315 и 320). — Въ Никонов.: „Того жъ лѣта (1356) Сижскаго сынъ Иванъ „сѣде съ Литвою во Ржевѣ." Войско Можайское и Тверское вы- гнало оттуда Литовцевъ въ 1358 году. Старый Ржевъ былъ подлѣ Новоржева (см. сей Исторіи Т. VIII, примѣч. 49). — Въ Псков. Лѣт.: „Въ лѣто 6866 (1358) Псковичи съ Княземъ Ос- „тафьемъ ходиша къ городу Полоцьску, и повоеваша волости „ихъ." Въ Архивскомъ спискѣ прибавлено, что въ 1357 году прі- ѣхалъ на Княженіе во Псковъ Князь Василій Будволна.

(378) См. выше, примѣч. 370. Сей Ѳеодоръ Глѣбовичь былъ конечно отъ племени Муромскихъ Князей, хотя онъ и не пока- занъ въ Родословныхъ. О неволѣ и смерти Юріевой сказано въ Ник. Лѣт.

(379) Въ Никонов.: „и тамо пріиде къ нему" (въ Влади- мірѣ къ Митрополиту) „съ жалобами Всеволодъ на дядю своего—и „Князь Василій Михайловичь Тверскій посла къ Велик. Князю „на Москву по Митрополичью слову и сотвори миръ и любовь „велію съ В. К., и пойде съ Ѳеодоромъ Епископомъ своимъ ко „Алексѣю Митроп. въ Володимерь, и много быша глаголанія, „но миръ не сотворися..... Того же лѣта (1357) Князь Василей „Михаиловичь Тверскій со Княземъ Всеволодомъ въ размолвѣ и „въ раздорѣ быша, и не вмѣстѣ поидоша (въ Орду): Всеволодъ „убо пойде на Переславль, и тамо Намѣстницы В. Князя не „даша ему пути, и онъ пойде въ Литву... Того же лѣта (1358) „Кн. Василей пріиде изъ Орды во Тверь... Того же лѣта Князь „Ѳеодоръ (Всеволодъ) Александровичь пойде въ Орду изъ Литвы... „Князь Василей Тверскій послалъ Григорчюка да Корея въ Орду „жаловатися на братанича своего, на Всеволода; и тако Царь „(Бердибекъ) и Царица выдали Князя Всеволода дядѣ его Князю „Василью... и бысть Всеволоду отъ Князя Василья томленіе „велие, такожe и Бояромъ его и слугамъ, и продажа и грабленіе „веліе на нихъ, и чернымъ людемъ данная продажа велія... Не- „строенія ради Князей Тверскихъ не восхотѣ Ѳеодоръ Влади-

„чества въ Твери. Алексѣй же Митрополитъ поучи его тер„пѣти... и тако съ Коломцы отпусти его во Тверь ко Св. „Спасу."

(380) „Той же весны (въ 1359 г.) бысть мятежъ силенъ въ „Новѣгородѣ: отъяша Посадничьство у Андреяна Захаріинича, „не весь градъ, токмо Славеньскій Конецъ, и даша Селивестру „Лентеевичь, и сътворися тпорж не мала на Ярославли Дворѣ; „и сѣча бысть: понеже Славляне въ доспѣсѣ подсѣли оляху, и „розгониша Зарѣчанъ... и Бояръ многыхъ били и полупили, а „Ивана, сына Борисова, до смерти убили. И доспѣша тогда обѣ „сторонѣ противу себе: Софійскаа хотя мьстити безчестіе „братіи своей, а Славеньскаа отъ живота и отъ головъ" — (то есть, за имѣніе и за жизнь). — „и стояша 3 дни; уже бо „Славляне и мостъ переметаша." — См. выше, примѣч. 358. Моисей былъ Владыкою Новогородскимъ еще прежде Василія. „Того жъ лѣта (1359) Архіепископъ Моисей съиде съ Владычьства „немоіци дѣля на память Св. Моисіа, и много молиша его весь „Новгородъ, и не послуша ихъ, нъ тако рекъ: изберите себѣ „мужа; и много гадавше, и не изволиша себѣ отъ человѣкъ из„бранія створити, нъ отъ Бога: И избраша три мужи: Алек„сѣа Черньца, Ключника Дому Св. Софіи, и Саву Игумена Ан„тонова монастыря, и Ивана Попа Св. Варвары; и положиша 3 „жребіи на престолѣ въ Св. Софіи.... И избра Богъ и Св. Софіа „Святителемъ мужа добра, разумна о всемъ и расмотрѣлива, „Алексѣя, его же жребій остави Богъ на престолѣ Св. Софіи; „и абіе възведоша его на сѣни Сент. въ 15; и посадиша, сице „глаголя: дондеже позоветъ его Митрополитъ на поставленіе; „бѣаше бо тогда Митрополитъ въ Кіевѣ. И послаша къ нему „послове; и пакы тоя же зимы поставленъ бысть Алексѣй Чер„нець шестникъ" (пришлецъ? ибо чужеземные, Княжескіе воины въ Новѣгородѣ и Псковѣ назывались шестниками) „въ „Діаконы и въ Попы отъ Тферского Епископа Ѳеодора... Пойде „Алексѣй (въ 1360 г.) на поставленіе въ Володимерь, а съ нимъ „Бояръ бѣ Александръ Посадникъ, Юрьи Ивановъ... и поставленъ „бысть Алексѣй Архіепископомъ въ преименитѣй церкви въ „Св. Богородицѣ въ Володимерской Митрополитомъ Олексѣемъ „Іуля въ 12 день, и пріиде въ Новгородъ, и срѣтоша его съ кре„сты у Св. Иліи, и възрадовашась зѣло." — На мѣсто Сильвестра избрали Никиту Матвѣевича въ Посадники.

(381) Въ Троицк.: „Тое же зимы Февр. въ 3 день (1357 г.) „егда заутренню благовѣстять, убьенъ бысть Алексій Петро„вичь Тысяцьскій; убьенье же его дивно нѣкако и не знаемо, „киа ни отъ кого же, ни кимъ же: токмо обрѣтеся лежай на

„площади. Нѣціи же рекоша, яко втаю свѣтъ (совѣтъ) сотво-
„риша и ковъ коваша нанъ, и тако всѣхъ общею думою, да яко
„же Андрей Боголюбивый отъ Кучковичь, тако и сій
„отъ своея дружины пострада." Въ Никонов.: „и бысть мя-
„тежъ велій на Москвѣ того ради убійства — и по послѣднемъ
„пути большіи Бояре Московстіи отъѣхаша на Рязань съ же-
„нами и съ дѣтми.... К. В. (въ 1358 г.) пріиде изъ Орды и пере-
„зва къ себѣ паки дву Бояриковъ своихъ, иже отъѣхали были
„отъ него на Рязань, Михайло и зять его Василей Василье-
„вичь."

(382) См. выше, примѣч. 367. — Въ Новогород.: „послаше
„Архіепископъ послы своя къ Царю и къ Патріарху, прося отъ
„нихъ благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, при-
„ходящихъ съ насиліемъ отъ Митрополита." Татищевъ при-
бавляетъ, что Новогородцы хотѣли отложиться отъ Россій-
ской Митрополіи и власти Великихъ Князей. — Въ лѣтописи
сказано только, что послы возвратились съ Великимъ пожа-
лованіемъ отъ Царя и Патріарха. — См. изображеніе креща-
тыхъ ризъ въ Дю-Канж. Constant. Christ. кн. IV, стр. 120.

(383) Алексій поѣхалъ къ Патріарху въ 1353, а посвященъ и
возвратился осенью въ 1354 (по Троицк. въ 1355) году. Въ Сте-
пен.: „во время поставленія Алексіева содѣяся мятежъ во Свя-
„тительствѣ, его же не бысть преже сего въ Руси: человѣче-
„скаго ради сребролюбія поставленъ бысть тогда другій Ми-
„трополитъ на Русь, именемъ Романъ, и бысть ему со блажен-
„нымъ Алексіемъ кромола велія; и тогда отъ обоихъ изъ Царя-
„града пріидоша послы въ Тферь къ Θеодору Владыцѣ Тфер-
„скому, и бысть въ церковникѣхъ не мало смятеніе и тщета
„имѣнію." — Алексій вторично отправился къ Патріарху въ
1356 году: „тое же осени и море перешелъ, и на Русь приде."
Въ Никонов.: „пріиде Алексѣй Митрополитъ отъ Патріарха
„со благословеніемъ на всю Рускую землю... такожь и Романъ
„пріиде на Литовскую землю и на Волынскую." Въ Степен.
Книгѣ описывается чудо, какимъ образомъ Св. Алексій моли-
твою укротилъ сильное морское волненіе, давъ обѣтъ построить
церковь во имя Іисуса Христа: что онъ и сдѣлалъ, основавъ
монастырь Андрониковъ на берегу Яузы. Св. Сергій далъ ему
ученика своего, Андроника, бывшаго тамъ первымъ Игуменомъ.
„Пріиде жь Св. Сергій въ монастырь той, и похвали мѣсто и
„благослови... И тако поставлена бысть церковь зѣло прекра-
„сна во имя Спаса нашего, и честную икону образа Христова,
„юже имаше принесену съ собою отъ Цараграда, чудне златомъ
„украшену, въ ней (Митрополитъ) постави." — Далѣе въ Ни-

конов.: „Того же лѣта (1359) К. Всеволодъ Холмскій пріиде въ „Литву... Романъ (въ 1360) пріиде во Тверь напрасньствомъ и „безстудствомъ, не обослався съ Алексѣемъ Митрополитомъ, и „не бысть ему ничто же по его воли... Онъ же мало время пре„бывъ, потребное пріемля отъ Князей Тверскихъ и отъ Бояръ... „Того же лѣта К. Всеволодъ пріиде изъ Литвы, и взя миръ и „любовь съ братьею; а К. Василей Михайловичь, дядя ихъ, „третъ ихъ отчины отступился, и раздѣлишася волостьми. „Князь же Всеволодъ многу сотвори честь и дары даде Роману, „и повелѣ его проводити въ Литву съ честію." — К. Щербатовъ говоритъ здѣсь о посредничествѣ Ольгерда, и проч.

(384) См. Степен. Книгу, I, 455. Въ Троицк: „Въ лѣто „6865 (1357) приде изъ Орды посолъ отъ Царицы Тайдулы „къ Алексію Митрополиту звать его, и пойде въ Орду Авг. 18. „Того же дни зажьглася свѣча сама о себѣ въ церкви Св. Богородицы на Москвѣ. Митрополитъ же, пѣвъ мольбенъ, и свѣчу „ту раздробивъ, и раздасть народу... Вборзѣ же изъ Орды от„пущенъ бысть, зане же замятня ся доспѣла въ Ордѣ." Въ Степенной: „Царица видѣ во снѣ того Митрополита, пришедша „въ одеждѣ Архіерейстѣй, и сотвори по тому образу ризы Свя„тительскія... и абіе Царь срѣтаетъ его съ великою честію „и дароношеніемъ; и бяше видѣти реченное древле: левъ и „агнецъ вкупѣ почіютъ. И сотвори Архіерей свѣщу изъ „воска онаго, иже сама возжеся, и возже, и покропивъ Царицу „священною водою, и прозрѣ Царица" (она была слѣпа). — Въ Ростов.: „тое же осени (г. 1357) пріиде изъ Орды посолъ си„ленъ, именемъ Кошакъ, и велика бысть истома Княземъ Рус„кимъ." — О Таврисѣ См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 459. Въ нашихъ лѣтописяхъ: „въ лѣто 6865 (1357) взя Царь Чанибекъ „Тиверіажьское Царство." — Въ Троицк: „тогожъ лѣта Бер„дибекъ Царь въ Ордѣ сѣде, отца убилъ и братью." Въ Ростов.: „тое же зимы умре добрый Чанибекъ, и сѣде на Цар„ствѣ сынъ его Бердебекъ, и бысть въ Ордѣ замятня велика, „и убивъ братовъ своихъ 12, съ окаяннымъ предстателемъ сво„имъ Товлубіемъ." Абульгази пишетъ, что Чанибекъ, оставивъ Бердибека въ Таврисской области, возвратился въ Орду, занемогъ опасно и послалъ за сыномъ, но скоро умеръ въ Сараѣ, куда Бердибекъ пріѣхалъ уже черезъ два года по кончинѣ отца. Извѣстіе нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ достовѣрнѣе. Въ Никон. Лѣт. прибавлены слѣдующія обстоятельства: „Бысть „тогда Темникъ въ Ордѣ мудръ и силенъ, окаянный Тавлубій, „и восхотѣ всѣми землями владѣти, и нача шептати Бердибе„ку, хваля его и глаголя, яко время ти сѣдѣти на Царствѣ...

„И многихъ Князей Ординскихъ привлекоша къ себѣ въ совѣтъ...
„и Царевичь Бердибекъ пріиде съ думцы и удави отца. Бѣ же
„Чанибекъ добръ зѣло ко Христіянству и многу льготу сотво-
„ри землѣ Руской; но судъ ему сотворился, яко же онъ изби
„братію, тако и самъ тую чашу испи.“ — Въ Троицк.: „Тогожъ
„лѣта приде изъ Орды посолъ, именемъ Иткара, по запросъ ко
„всѣмъ Княземъ Русскимъ.“ См. также Степен. Кн. I, 456.
Митрополитъ Алексій получилъ тогда отъ Бердибека ярлыкъ
напечатанный въ Древней Рос. Вивліое. VI, 23. Въ немъ
сказано: „Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали
„церковныхъ людей, кои за нихъ молилися,“ и проч. Далѣе то
же, что и въ ярлыкѣ Ѳеогностовомъ, уже извѣстномъ Чита-
телю. Бердибекъ, подобно его предкамъ, освободилъ наше Духо-
венство отъ дани. — Вмѣстѣ съ ярлыкомъ Ханскимъ напеча-
танъ въ Вивліоѳикѣ и Тайдулинъ, данный сею Царицею
Алексію Митрополиту еще гораздо прежде, на случай его пу-
тешествія въ Константинополь: „Сей Алексѣй Митрополитъ ко-
„ли пойдетъ ко Царюграду, и здѣ кто ни будетъ, чтобъ его не
„замали, ни силы бы надъ нимъ не учинили никакіе; или гдѣ ему
„лучится постояти, чтобъ его никто не двигнулъ, ни коней
„его не имали, зане же за Чанибека Царя и за дѣтей его и за
„насъ молитву творитъ,“ и проч. — О словахъ юнаго Димитрія
см. Степен. Книгу, I, 457. — Далѣе въ лѣтописи: „Тое же
„зимы (въ 1358 г.) по Крещеніи Преосвящ. Алексѣй Митрополитъ
„поѣхалъ въ Кіевъ... Пріѣха (въ 1360 г.) изъ Кіева на Москву
„Алексѣй Митрополитъ.“

(385) „Наборзѣ отъ Царя въ Орду позванъ бысть Маматъ-
„Хожа (въ 1358 г.), зане же ко Царю въ коромолу вниде, и въ
„Ордѣ Царева любовника убилъ, и самъ побѣжалъ къ Орначю,
(къ городу при устьѣ Дона) „и гонци постигоша его, и тамо
„убьенъ бысть повелѣньемъ Царевымъ.“

(386) См. Собраніе Госуд. Грамотъ I, 41. Въ ней
сказано: „Даю сыну Димитрію икону Св. Олександръ, чепь золо-
„ту великую врану съ крестомъ золотымъ, чепь золоту колча-
„ту, икона золотомъ кована Парамшина дѣла, шапка золо-
„та, бармы, поясъ великій золотъ съ каменьемъ съ женчуги,
„что мя благословилъ отецъ мой, поясъ золотъ съ крюкомъ,
„обязь золота, сабля золота и серга съ женчугомъ, чечакъ (ши-
„шакъ) золотъ съ каменьемъ съ женчуги, два овкача золота, ковшъ
„великій золотъ гладкій, коропка золотомъ кована сердонична,
„бадья серебрена съ наливкою серебреною... опашень (епанча)
„скорлатенъ саженъ... Князю Ивану чепь великую золоту съ кре-
„стомъ, чепь золоту врану, а другую огнивчату съ кресты, икону

„Благовѣщенье и сергу съ женчугомъ, поясъ золотъ съ каменьемъ „съ женчуги, что ми далъ братъ мой Князь В. Семенъ; поясъ „золотъ сточный (тканый), аламъ (см. выше примѣч. 325) „женчужный, наплечки золоты съ круги, съ каменьемъ съ жен- „чуги, аламъ малый съ женчуги, что ми дала Княг. Марья, „ковшь великій золотъ гладькіи, овкачикъ золотъ, чашка золо- „та, да стоканъ Царьгородскій золотомъ кованъ, чечакъ золотъ „съ каменьемъ съ женчуги, сабля золота, обязь золота. А кого „ми дасть Богъ зятью, по чепи имъ золотѣ, да по поясу по зо- „лоту. А что за Княгинью за Марьею, то до ее живота; а по „ее животѣ моей Княгинѣ. А что волостій за Княг. за Ульяною, „изъ тыхъ волостій по ее животѣ дѣти мои и Князь Володи- „меръ дадутъ дочери ее... А изъ моихъ судовъ (сосудовъ) „изъ серебреныхъ дадутъ блюдо великое съ кольци къ „Пречи. Богородицы въ Володимерь; а иными дѣти мои съ „своею матерью подѣлятся на трое.... А село Павловьское далъ „есмь Св. Александру въ прокъ, собѣ въ память. А что моихъ „стадъ коневыхъ, а то сыну моему К. Дмитрію и Кн. Ивану на- „полы. А изъ тамгы изъ Коломеньское далъ есмь четвертую „часть къ С. Богородици на Крутицю собѣ въ память; а кост- „ки (путевые пошлины) Московскіи далъ есмь на Москвѣ къ Св. „Богородицѣ и къ Св. Михаилу въ память по своемъ отцѣ и по „своей братіи и по собѣ: то имъ руга“ (слово Греческое Ruga). „А хто будетъ моихъ Казначеевъ, и Тивуновъ, и Посельскихъ, „или хто будетъ моихъ Дьяковъ“ — слѣдственно симъ име- немъ назывались и рабы — „что будетъ отъ мене вѣдали, „прибытокъ ли который, или у тыхъ хто будетъ женился, „тѣ люди не надобны моимъ дѣтемъ, ни моей Княгинѣ; далъ „есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій купленныхъ, „грамотныхъ, полныхъ“ — т. е. совершенныхъ холопей или рабовъ — „далъ есмь имъ свободу, куды имъ любо... А на сію „грамоту послухъ отецъ мой Владыка Ростовьскій Игнатій, от- „ци мои душевные Игуменъ Иванъ, Попъ Акинѳъ, Попъ Патре- „кей... Грамоту писалъ Нестерко.“ Къ ней привѣшена серебря- ная вызолоченная печать, у коей на одной сторонѣ изображенъ Св. Іоаннъ съ надписью Греческою, а на другой вырѣзаны слова: Печать Князя Великого Ивана Ивановича, безъ прибавленія: Всея Руси. Сія грамота писана на пергаментѣ.

Въ Пушкинскомъ собраніи грамотъ Двинскихъ находится Іоаннова: „Отъ В. К. отъ Ивана, отъ Посадника Данила, отъ „Тысяцкаго Аврама, и отъ всего Новагорода къ Двинскому По- „саднику на Колмогоры, и къ Бояромъ къ Двинскимъ. Прика- „залъ есмь Печерскую сторону Михайлу, а ходитъ на море въ

„двадцати человѣкъ. А вы не вступайтеся въ гнѣздные пото„ки, ни въ мѣста; а погостъ Кергольскій и Волокъ вѣдаетъ „Михайло по пошлинѣ... А Микифору не надобѣ вступатись ни „во чтожь; а тотъ ходитъ Микифоръ въ Михайловѣ ватазѣ."

(387) См. нашей Исторіи Т. I, примѣч. 65 и 70, и въ началѣ Воскресен. Лѣтописца описаніе древнихъ нашихъ городовъ, которое начинается такъ: „Се имена градомъ всѣмъ „Рускымъ, далнимъ и ближнимъ. На Дунаи Видицовъ (Видинъ) о седми стѣнъ каменныхъ — Мединъ (въ Валахіи), а объ „ону страну Дуная Терновъ: ту лежитъ Св. Пятница. А по Ду„наю Дрествинъ (Силистрія), Дичинъ, Килія на устьѣ Дуная, но„вое Село (Новоселъ), Аколятря (Акело?) на морѣ, Курнака, Вар„на; а на сей странѣ Дуная, на усть Днѣстра, надъ моремъ „Бѣлгородъ, Чернавскій Торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ „на Молдовѣ, Нѣмечь въ горахъ, Корочюновъ Камень, Сочава, Се„ретъ, Баня, Нечюнъ, Коломья городокъ на Черемошѣ, на Днѣ„стрѣ Хотѣнъ, а то Болгарьской и Волоськой городокъ." Князья Галицкіе могли владѣть и частію Воложской земли; но сомнѣваюся, чтобы они господствовали до Терновы. Сей Географъ именуетъ, кажется, Болгарскіе города Россійскими единственно для того, что они были завоеваны Великимъ Княземъ Святославомъ въ X вѣкѣ.

(388) Князь Кантемиръ въ Описаніи Молдавіи согласно съ преданіемъ говоритъ, что Волохи, обитавшіе нѣсколько вѣковъ въ горахъ, съ сыномъ Князя своего, Богдана, съ Драгошемъ, ловивъ звѣрей, нечаянно зашли въ нынѣшнюю Молдавію, убили тамъ буйвола въ рѣкѣ, и назвали ее Молдавою, отъ имени Драгошевой любимой собаки Молды, которая въ ней утонула; что сей Князь, видя въ окрестностяхъ тучные луга и поля, города и крѣпости, оставленныя жителями, переселился въ оныя со многими изъ единоземцевъ, былъ первымъ Владѣтелемъ Молдавскимъ, основалъ мѣстечко Романъ и велѣлъ изобразить голову буйвола въ гербѣ своего новаго Княжества. А въ нашихъ лѣтописяхъ есть о томъ слѣдующая повѣсть: „Два брата, Ро„манъ и Влахита, избѣгая гоненія, бывшаго на Христіанъ „отъ еретиковъ, ушли изъ Венеціи въ мѣсто называемое Ста„рымъ Римомъ и построили городъ Романъ, въ коемъ и „жили спокойно до отступленія Папы Формоза отъ правосла„вія (въ концѣ IX вѣка). Тогда Латинскіе еретики основали Но„вый Римъ, и начали воевать съ Старыми Римлянами; „что и продолжалось до самыхъ временъ Владислава, Коро„ля Венгерскаго, тайно окрещеннаго Святымъ Саввою Сербскимъ, „его дядею, по обрядамъ Греческой Церкви. Въ сіе время Тата-

„ры, предводимые Княземъ Неймештомъ, вышли изъ кочевищъ своихъ отъ рѣкъ Молдавы и Прута, желая завоевать страну Эрдель или Венгрію, и расположились станомъ на берегахъ Мароша. Съ Владиславомъ соединились Старые и Новые „Римляне, которые, ненавидя первыхъ, написали къ нему такую грамоту:" Великому Королю Владиславу Злашый Замокъ или Венгерскому. Старые Римляне не хотятъ быть съ нами въ единой Вѣрѣ, и нынѣ идутъ всѣ къ тебѣ на помощь, оставивъ только женъ и дѣтей въ своей отчизнѣ. Мы съ тобою братья единовѣрные: наши враги суть и твои. Вели же Старымъ Римлянамъ итти впередъ противъ Неймана, чтобы они всѣ легли на мѣстѣ и не возвратились къ намъ; а мы возмемъ и силою обратимъ ихъ семейства въ Законъ Латинскій. „Король побѣдилъ Моголовъ на рѣкѣ Тисѣ, и довольный мужествомъ, оказаннымъ Старыми Римлянами въ битвѣ, показалъ имъ „грамоту Новыхъ Римлянъ, которые уже дѣйствительно плѣнили ихъ женъ и дѣтей, разоривъ до основанія городъ Романъ. „Тогда Старые Римляне, желая соблюсти Вѣру отцевъ своихъ, „выпросили у Владислава землю въ Мараморосѣ, между рѣками „Марошемъ и Тисою; взяли за себя женъ Венгерскихъ и склонили ихъ принять Вѣру Греческую. Одинъ изъ сихъ людей, знаменитый умомъ и мужествомъ, именемъ Драгошъ, ловя звѣрей, „въ слѣдъ за туромъ прошелъ съ товарищами чрезъ высокія „планины или горы, увидѣлъ тура лежащаго подъ вербою, и „застрѣлилъ его на берегу рѣки. Мѣсто имъ полюбилось: возвратясь домой, они хвалили друзьямъ красоту онаго, луга, чистыя рѣки и криницы или ключи. Многіе захотѣли тамъ „жить, выпросили дозволеніе у Короля Владислава, и со всѣми „ближними переселились за горы, на мѣсто, гдѣ Драгошъ убилъ „тура, и назвали сего мужа своимъ Государемъ или Воеводою. „Такимъ образомъ въ 1359 году началося Княжество Молдавское, „въ странѣ, гдѣ прежде кочевали Татары. Драгошъ основалъ „первый городъ на Молдавѣ, а вторый Бани" (см. Воскресен. Лѣт. стр. 53 — 56). Далѣе сказано, что „Драгошъ былъ на Воеводствѣ два года, сынъ его Сасъ четыре, Богданъ Мушатъ шесть лѣтъ, Петръ (сынъ Мушатинъ) 16, Романъ (братъ Петровъ) 3 года, Стефанъ (также его братъ) 7 лѣтъ, Юга 2 года, Александръ 32 и 8 мѣсяцевъ, сынъ Ильяшъ одинъ 2 года и 9 мѣсяцевъ, да вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ 7 лѣтъ. Стефанъ, ослѣпивъ Ильяша, господствовалъ еще 7 лѣтъ; сынъ Ильяшевъ, Романъ, отрубилъ ему голову и правительствовалъ 1 годъ; сынъ Александровъ, Петръ, 1 годъ (отдавъ Килію Венграмъ); Чюберъ 2 мѣсяца; сынъ Ильяшевъ, Александрелъ, 4 года; Богданъ 2 года;

Петръ-Ааронъ отсѣкъ ему голову и начальствовалъ 2 года (въ его время Турки возложили дань на Молдавію). Стефанъ, сынъ Богдановъ, казнивъ Петра, отнялъ Килію у Венгровъ. Въ 1484 году Султанъ Баязетъ взялъ у Стефана Килію и Бѣлградъ. Въ 1499 году Король Польскій Альбертъ воевалъ съ Стефаномъ, и разбитъ имъ на Буковинѣ. Стефанъ умеръ въ 1511 году (нѣтъ, въ 1504) въ Іюлѣ мѣсяцѣ, оставивъ четырехъ сыновей: Петра, Александра и двухъ Богдановъ, изъ коихъ одинъ заступилъ мѣсто отца." Здѣсь конецъ повѣсти, ибо Авторъ, какъ вѣроятно, жилъ въ началѣ XVI вѣка. Она въ главныхъ обстоятельствахъ согласна съ Молдавскими извѣстіями и преданіями (см. Кантемир. Описаніе Молдавіи). Сказаніе о Старомъ и Новомъ Римѣ надобно такъ разумѣть, что Волохи, издревле наши единовѣрцы, были утѣсняемы въ Венгріи отъ Папистовъ; но если они поселились въ Молдавіи въ 1359 году, то сему надлежало случиться въ царствованіе Людовика Венгерскаго, а не Владислава: къ утвержденію чего служитъ и слѣдующее мѣсто Туроцовой Хроники: Hujus etiam tempore (во время Людовиково) Bogdan, Wayvoda Olachorum de Maramarosio, coadunatis sibi Olachis ejusdem districtus, in terram Moldaviae, coronae regni Hungariae subjectam, sed à multo tempore propter vicinitatem Tartarorum habitatoribus destitutam, clandestine recessit, et quamvis per exercitum ipsius Regis (Людовика) saepius impugnatus extitisset, tamen crescente magna numerositate Olachorum inhabitantium illam terram, in regnum est dilatata: Wayvodae vero, qui per Olachos ipsius regni eliguntur, se esse vasallos Regis Hungariae profitentur, ad Hungariam obligantur censum solvere tempore consueto. То есть: „Въ правленіе Людовика Богданъ, Воевода Марамаросскихъ Волоховъ, собравъ ихъ, тайно ушелъ въ Молдавію, подвластную Венгерскому Королевству, и давно опустѣвшую отъ сосѣдства Татаръ. Хотя Людовикъ нѣсколько разъ посылалъ туда войско, но число Волоховъ столь умножилось въ сей землѣ, что она сдѣлалась особеннымъ Княжествомъ; Воеводы же, избираемые ими, признавали себя данниками Венгріи." Кантемиръ, называя Богдана отцемъ Драгошевымъ, пишетъ, что онъ былъ сыномъ Іоанна; что по тому самому всѣ Господари Молдавскіе именовались въ своемъ титулѣ Іоаннами; и что Сасъ имѣлъ сына, именемъ Ласка, отца Мушатина. По современнымъ извѣстіямъ, сей Ласко дѣйствительно господствовалъ въ Молдавіи около 1370 года, переписывался съ Папою Урбаномъ V, и желалъ учредить Латинское Епископство въ своемъ городѣ Серетѣ, принадлежавшемъ къ Епархіи Галицкой (см. Райнальд. Annal. Eccles. г. 1370, No 7); воевалъ также съ Людовикомъ Венгерскимъ (см. Туроц. Chron. Hung. Ч. III, гл.

XXXVII). Въ противность тому Длугошъ пишетъ, что Стефанъ, по Кантемирову сказанію седьмый Воевода Молдавскій, умеръ около 1359 года (Hist. Polon. кн. IX, стр. 1122).

(389) Важное извѣстіе о переселеніи Волоховъ въ Молдавію находится въ Длугошѣ, который самъ жилъ въ XV вѣкѣ, и говоритъ (Hist. Pol. кн. IX, стр. 1122): Stephano, Moldaviae Voievodae, apud Valachos mortuo, quorum maiores et aboriginarii, de Italiae Regno pulsi — genus et natio Volscorum esse fuisseque creduntur — veteribus dominis et colonis Ruthenis, primum subdole, deinde abundante in dies multitudine, per violentiam expulsis, illam occuparunt, in Ruthenorumque ritus et mores, quo facilior provenairet occupatio, a propriis degenerantes, transmigrarunt. То есть: „Предки Волоховъ, Италіянскіе выходцы, (будто бы Волски), нашли въ Молдавіи Россіянъ, господствовавшихъ тамъ издавна; сперва должны были принять ихъ обычаи и нравы, чтобы сею хитростію утвердиться между ими; а послѣ, размножившись, силою вытѣснили оныхъ древнихъ жителей Молдавскихъ."

Родственникъ мой, Сергѣй Сергѣевичь Кушниковъ, бывъ начальникомъ въ Молдавіи и Волохіи, сообщилъ мнѣ нѣсколько подлинныхъ грамотъ Воеводъ или Господарей Стефана, Петра и другихъ; онѣ всѣ писаны Русскимъ старинн͏ымъ языкомъ. Харатейная Стефанова начинается такъ: „Милостію Божію мы „Стефанъ Воевода, Господарь земли Молдавской, знаменито чи„нимъ (даемъ знать) сѣмъ нашимъ листомъ всѣмъ, кто нань „узритъ или его услышитъ чтучи (въ чтеніи), оже пріидоша „предъ нами и предъ нашими Болѣри, слугами нашими." и проч. Сія грамота есть купчая на рабовъ; свидѣтелями въ ней наименованы братъ Стефановъ, Воевода Петръ, и сынъ Богдавладъ, также многіе Паны или Боляре Молдавскіе. Въ означеніи года можно только разобрать шесть тысячь, девять сотъ... Привѣщена большая восковая печать съ надписью: Стефана Воеводы и проч. Мнѣ доставлены и 3 Воложскія грамоты Воеводъ Петра и Александра, писанныя Болгарскимъ языкомъ и въ XVI вѣкѣ. Чиновники именуются въ нихъ Жупанами, а земля Угро-Влахіею. — Библія и другія церковныя книги переведены на Воложскій языкъ уже въ XVIII вѣкѣ. Волохи приняли Вѣру Христіанскую или отъ Болгаровъ, или отъ Россіянъ.

(390) См. Тунман. über die Gesch der Wlachen, стр. 363 — Прая Dissert. 133 — и Бишинг. Walachey, 772.

Разные случаи княженія Іоанна Іоанновича: Въ 1353 году, Іюля 15, Княгиня умершаго Андрея Іоанновича родила сына Вла-

диміра. Въ Новѣгородѣ построили церковь Симеона. (По Никон. Лѣт. Епископъ Тверскій Феодоръ поставилъ вызолоченный крестъ на церкви Спаса, Св. Димитрія и Введенія.) — Въ 1354 (или въ 1355 по Троицк.) сгорѣлъ весь Кремль въ Москвѣ и 13 церквей. Въ Новѣгородѣ Онцифоръ добровольно отказался отъ Посадничества; на мѣсто его избрали Александра, Дворяницева брата; поставили кам. церковь Св. Димитрія на Лубяницѣ; упалъ храмъ 40 Мучениковъ, отъ пожаровъ и ветхости; жители руками ловили рыбу у берега. — Въ 1355 въ Новѣгородѣ построена кам. церковь Знаменія на Ильинѣ улицѣ, а другая Св. Михаила Архіепископомъ Моисеемъ на Скворошкѣ. — Въ 1356 скончался Ростов. Епископъ Іоаннъ, бывшій прежде Архимандритомъ въ Московск. монастырѣ Преображенія: на его мѣсто поставленъ Игнатій, а Василій Епископомъ въ Рязань (и въ Муромъ по Ник. Лѣт.) Ѳеофилактъ въ Смоленскъ, Іоаннъ въ Сарай. Въ Новѣгородѣ поставлены кам. церковь Св. Георгія на Лубяницѣ (гдѣ прежде находилась деревянная), и 40 Мучениковъ; также три деревянныя, Св. Николая на Яковлевской улицѣ, Св. Саввы на Кузмодемьянской, и Св. Николая на Ляткѣ. Было осенью наводненіе. (По Ник. Лѣт. пріѣзжалъ въ Москву Ирынчей и съ нимъ купцы Сурожане, т. е. Азовскіе.) — Въ 1357 Архіепископъ Моисей построилъ кам. церковь Св. Духа и при ней обитель, а другую Успенія въ Радоковичахъ. Новогородецъ Самсонъ Ковановъ убитъ съ дружиною въ Югорской землѣ. Сильнымъ громомъ убило Новогородскаго Игумена въ церкви Св. Николая на Ляткѣ, а на Рогатицѣ другаго человѣка; многіе были оглушены. (Въ Псковской: „купци Псковскіи поставиша церковь древянную въ имя Св. Софіи, и вторый сборъ Священники „учинивше, начаша держати вседенную службу.“) — Въ 1358 скончался Князь Іоаннъ Андреевичь. (По Никон. Лѣт. у Князя Михаила Александровича Тверскаго родился сынъ Иванъ и преставился другой сынъ Александръ въ монастырѣ Софійскомъ у бабушки его, Княгини Софіи. Епископъ Тверскій Ѳеодоръ сдѣлалъ у церкви Св. Спаса мѣдныя двери отъ своего двора. Новогородцы дали клятву оставить всѣ игры Діавольскія и не бить бочекъ, или какъ въ другихъ спискахъ, не пить изъ бочекъ). Въ Новѣгородѣ построена дер. церковь Свв. Апостоловъ. — Въ 1359 Архіеп. Моисей поставилъ кам церковь Св. Прокопія на Княжескомъ Дворѣ, а Лазута Св. Іоанна у Нѣмецкаго двора.

(391) Абульгази пишетъ, что съ жизнію Бердибека пресѣкся родъ Мангу-Тимура, и на тронѣ Капчакскомъ сѣли другіе потомки Чингисханова сына Туши. — О сыновьяхъ Кульпы см.

Троицк. Лѣт. — О смерти Кульпы См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 461.

(392) См. Ник. Лѣт., гдѣ именно сказано, что Царь Наврусъ (а не Хидырь) отдалъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому: съ чѣмъ согласенъ и Троиц. Лѣт. говоря: „Тое же „(1360 г.) весны выйде изъ Орды на Вел. Княженье Димитрій „Констянтиновичь и въѣхавъ въ Володимерь за недѣлю до Петрова дни. Тое же весны приде на Царство Вольжское нѣкій „Царь съ Востока" — въ другихъ: Заяицкій — „именемъ Хи„дырь, и бысть лесть во Князехъ Ординскихъ, и убьенъ бысть „Царь Наврусъ отъ Хидыря." Сей послѣдній только что появился, когда уже Димитрій Константиновичь сѣлъ на престолѣ Владимірскомъ. — О Великокняженіи Димитрія Суздальскаго въ Троицк.: „не по отчинѣ, ни по дѣдинѣ." Онъ былъ праправнукъ Ярослава Всеволодовича, а Димитрій Московскій сынъ его праправнука.

(393) Митрополитъ поставилъ тогда въ Владимірѣ Архіепископа Новогородскаго.

(394) „Присла Князь Великій свои Намѣстники, и посадиша „ихъ Новогородци, и судъ даша, домолвяся съ Княземъ." — Въ Ростов.: „того же лѣта (1361) въ Новѣгородѣ поновиша городъ „каменный, вземше серебро изъ казенныя полаты Св. Софіи, „Архіепископа Моисея собраніе."

(395) Князь Іоаннъ Александровичь Смоленскій преставился въ 1359 году: тогда же Ольгердъ подступилъ къ Смоленску и взялъ Мстиславль, а сынъ его, Андрей, Ржевъ, въ обоихъ городахъ оставивъ своихъ Намѣстниковъ. Бѣлый уже принадлежалъ Литовцамъ: ибо войско Смоленское въ семъ году осаждало его. Ольгердъ въ 1360 г. пріѣзжалъ самъ осмотрѣть городъ Ржевъ. Въ 1361 Литовцы воевали Тверскую область.

(396) См. выше, примѣч. 392. Въ Никонов. сказано, что Хидырь убилъ всѣхъ друзей Наврусовыхъ, съ сыномъ его Тимиремъ и со всѣми людьми какого-то Муалбузы. — О Галичѣ см. выше, примѣч. 327. Въ Ник. Лѣт. ошибкою названъ Димитрій Галицкій Борисовичемъ: онъ былъ сынъ Ивана Давидовича, правнука Ярослава II. — Князья выѣхали изъ Орды въ 1360 году.— Въ Троицк.: „тое же зимы (въ 1360) взведоша „изъ Орды посла Жукотницы о разбойницѣхъ, и бысть всѣмъ „Княземъ съѣздъ на Костромѣ: Князь Великій Димитрій Костян„тиновичь и братъ его старѣйшій Андрей Нижняго Новагорода, „Кн. Костянтинъ Ростовскій, и выдаша разбойниковъ, а посла „отпустиша въ Орду." Въ Никонов.: „того жъ лѣта (1360.) „изъ Велик. Новагорода разбойницы пріидоша въ Жукотинъ

„и множество Татаръ побиша, и богатство ихъ взяша, и за то „Христіане пограблени быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ... И „Князи Жукотинстіи биша челомъ Царю, дабы Царь оборонилъ „себя и ихъ. Царь же Хидырь посла трехъ пословъ: Уруса, Ка„ирмека, Алтынцыбѣя ко Княземъ Рускимъ, чтобъ разбойни„ковъ поимали." Болгарскій городъ Жукотинъ существовалъ близъ устья Камы, въ Лаишевской Округѣ, гдѣ еще видны остатки древнихъ укрѣпленій. — Въ Троицк. сказано, что Хидырь убитъ братомъ Мурутомъ (въ 1361 году); но во всѣхъ другихъ убійцею названъ сынъ Хидыревъ: „и сѣде на Царство въ „четвертый день, а на седмый день Темникъ его Мамай за„мяте всѣмъ Царствомъ... а Темирьхожа побѣже за Волгу, и „тамо убьенъ бысть... А Князь Мамай прейде за Волгу на гор„нюю сторону, и Орда вся съ нимъ, и Царь бѣ съ нимъ, име„немъ Авдуля.... Тагай, иже отъ Бездежа, и той Наручать„ту страну отнявъ себѣ." — Никон. Лѣт. называетъ Хидыря добрымъ, сказывая, что Темирхожа умертвилъ и меньшаго брата своего, Кутлуя; что Мамай (въ 1361 году) воевалъ съ Мурутомъ или Амуратомъ, истребивъ многихъ старыхъ Ординскихъ Князей; что (въ 1362 г.) было между ими сраженіе за Волгу, и Мурутъ въ одномъ нечаянномъ нападеніи убилъ великое число Татаръ Мамаевыхъ. — Въ Орду ѣздили Князья Димитрій и Андрей Константиновичи, Константинъ Ростовскій съ ближними и Михаилъ Ярославскій, братъ умершаго Василія Давидовича, прозваннаго Грозные Очи (см. Родослов. Книгу)... „Князь „Андрей Костянтиновичь пойде изъ Орды въ Русь, и на пути „удари на него Князь Рашпковъ, и поможе Богъ Князю Андрею, „и пріиде здравъ... Тогда же ограбиша въ Ордѣ Князей Ростов„скихъ."

(397) Двоюроднаго брата Димитріева, который родился уже по смерти отца въ 1353 году. Сей походъ былъ зимою. Димитрій Константиновичь ушелъ изъ Переславля въ Владиміръ и въ Суздаль. Димитрій Іоанновичь, сѣвъ на престолѣ Владимірскомъ, жилъ тамъ 3 недѣли. — Татищевъ пишетъ, что Князья Тверскіе и Ростовскіе, упрошенные Боярами Московскими, ходатайствовали въ Ордѣ за Димитрія Іоанновича; что Ханъ, желая судить безпристрастно, не взялъ даровъ ни отъ Суздальскаго, ни отъ Московскаго Князя, и проч.

Маловажные случаи княженія Димитрія Константиновича: Въ 1360 году, въ постъ Рождества Христова, мѣсяцъ на чистомъ небѣ имѣлъ цвѣтъ багровый, а въ Великій постъ кровавыя облака неслися отъ Востока къ Западу. Осенью сгорѣлъ Корельскій городокъ или Кексгольмъ, а въ Новѣгородѣ (еще лѣтомъ,

шакъ называемый Подолъ и Конецъ Гончарскій съ семью церквами. (Во Ник. Лѣт. Тверскій Епископъ Ѳеодоръ расписалъ малую церковь Введенія; оставилъ Епископію и заключился въ Отрочѣ монастырѣ.) — Въ 1361 совершили въ Новѣгородѣ церковь Св. Ѳеодора на Ѳедоровѣ улицѣ. Алексій Митрополитъ (по Ник. Лѣт. поставилъ въ Твери Спасскаго Игумена Василія на мѣсто Епископа Ѳеодора.

Конецъ Примѣчаній IV Тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ IV ТОМА.

ГЛАВА I.

Великій Князь Ярославъ II Всеволодовичь.

стр.

ГЛАВА II.

Великіе Князья Святославъ Всеволодовичь, Андрей Ярославичь и Александръ Невскій,

---

ГЛАВА VII.

Великій Князь Михаилъ Ярославичь.

ГЛАВА VIII.

Великіе Князья Георгій Даніиловичь, Димитрій и Александръ Михайловичи.

ГЛАВА IX.

Великій Князь Іоаннъ Даніиловичь, прозваніемъ Калита.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ

ВЪ IV ТОМѢ.

Напеч.	*Чит.*	*Стран.*	*Стр.*
насъ	меня	59	16
участіе	участіе,	65	13
обрадованные	обрадованныя	67	1
оставишь	оставить	71	33
(о3)	(103)	77	16
, не	; цѣлуй не	90	8
Менгу	Мангу	102	26
1309	1319	158	3
Даніиловичь	Львовичь	193	17
кою	которую	199	6
Бѣлороссія	Бѣлорусія	—	22
умеренности	умѣренности	—	24
столь же	столько же	208	8
и для	для	214	31
Бердебекъ	Бердибекъ	272	21
распологать	располагать	279	16
несправделиво	несправедливо	284	38
Ghr.	Chr.	294	20
Данилови	Данилови и Василькови	299	9
Red.	Reg.	303	20
бо боля	бѣ боля	317	14
приведи	приведе	321	26
войска	войско	322	4
а	да	323	9
Кельх. Chron.	Кельх.	328	40
вся	взя	350	40
стекошось	стекошась	356	43
Воярскіе	Боярскіе	360	5
etati	aetati	364	19
начася	начаша	366	8
мера	меря	366	20
лодимера	лодимеря	370	32

Напеч.	Чит.	Стран.	Стр.
плакухусь	плакахусь	373	41
рѣчма	рѣчми	376	36
Тнферни	*Тиферни*	380	22
Senatumeo	Senatu meo	389	15
впріимъ	вспріимъ	400	19
слова	слово	409	7
вредишъ	вредятъ	410	26
gratiæ	gratia	421	36
securieres	securiores	427	15
ми	мя	432	39
село	, село	434	11
338,	338)	440	41
село	села	442	1
же	но	459	27
киа	аки	481	43
Воложской	Волошской	486	18
Волож-	Волош-	489	33
			37
престанился	преставился	490	32
церкокь	церковь		37
ксій	скій	492	43
лѣшомъ,	лѣшомъ)		—

NB. Въ Лапинскихъ грамошахъ соблюдено правописаніе подлинниковъ: на примѣръ, е вмѣсто æ, w вмѣсто v, с вмѣсто t, и проч.